ИЗЪ

НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ

ФИНЛЯНДІИ.

М. БОРОДКИНЪ.

ИЗЪ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ ФИНЛЯНДІИ.

ВРЕМЯ УПРАВЛЕНІЯ Н. И. БОБРИКОВА.

Съ портретами и иллюстраціями.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ.
1905.

ПАМЯТИ

Николая Ивановича

БОБРИКОВА

посвящаетъ трудъ свой

М. БОРОДКИНЪ.

Лучше надо, чем
Вами свое имя на посмешище. Въ прозвищахъ
и соотвѣтственныхъ своихъ мыслей и
произношу отъ души до земли. Вамъ
меня рукою теперь, но, можетъ быть,
вернемся после смерти.

....Исторія

Сверхъ свои чудовищное слово: имя ей и
теперь могу не произнести свой отрицательной, отрицающій ея достоинство Исторіи,
такъ и была самой крупной?

я
на Вашъ судъ исторіи и до вѣчную признательную мою память
этимъ отвѣтомъ готовлю.

Изъ писемъ Н. И. Бобрикова

отъ 16 октября 1899 г. 28 марта и 10 декабря 1902 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

стр.

Финляндскій вопросъ. . . . . . 3— 62

Ходъ его развитія. Конституція и самоуправленіе. Политическая солидарность.

ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЯ МѢРОПРІЯТІЯ.

I. Назначеніе Н. И. Бобрикова генералъ-губернаторомъ. 63— 76

Его программа и первыя дѣйствія въ краѣ.

II. Воинская повинность. . . . . . 77— 97

Пересмотръ устава. Записка Н. И. Бобрикова. Особое совѣщаніе 1901 г. Упраздненіе финскихъ войскъ.

III. Манифестъ 3-го февраля 1899 г. . . . . . 98—104

Особыя совѣщанія Н. Х. Бунге и Великаго Князя Михаила Николаевича. Перечень предметовъ общегосударственнаго законодательства.

IV. Улучшеніе быта русскихъ. . . . . . 105—118

Школы. Коробейники. Церковь. Русская газета.

V. Русскій языкъ. . . . . . 119—133

Новые законы о немъ. Государственные языки на Западѣ. Русскій языкъ въ дѣлопроизводствѣ сената.

VI. Учебныя заведенія. . . . . . 134—149

Учебники и пособія. Русскій языкъ въ школѣ. Университетъ.

VII. Преобразованія. . . . . . 150—195

Сенатъ. Инструкція генералъ-губернатору. Желѣзныя дороги. Монета. Таможня. Мореходство. Судъ. Безземельные. Избирательное право.

VIII. Выборгская губернія. . . . . . 196—214

Проектъ статсъ-секретаря Ребиндера. Планы В. К. Плеве и Н. И. Бобрикова. Г. М. Армфельтъ. Вигель. Сердобольская семинарія. Православіе.

стр.

IX. Министръ статсъ-секретарь В. К. Плеве. . . . . . 215—236

Его воззрѣнія по финляндскому вопросу. Канцлеръ университета. Отношенія къ Н. И. Бобрикову. Записка В. К. Плеве и Н. И. Бобрикова.

ПАССИВНОЕ СОПРОТИВЛЕНІЕ.

X. Смута. . . . . . 239—304

Политическія партіи. Тайный патріотическій союзъ. Массовые адресы. Демонстраціи. Противодѣйствіе призыву по воинской повинности. Эмиграція. Движеніе рабочихъ. Японская война. Дѣло сенатора В. Шаумана. Переходъ отъ пассивнаго сопротивленія къ активному.

XI. Финляндскіе ходатаи. . . . . . 305—326

Разсылка брошюръ. Адресъ ученыхъ Запада. Петербургскія сферы.

XII. Печать. . . . . . 327—370

„За родину". „Можжевельникъ" I. Ахо. Мнѣніе сейма. Особенность финляндскихъ газетъ. Финляндцы въ редакціяхъ Запада. Финляндскіе отголоски и самостоятельные голоса. Народный катехизисъ. Швеція.

XIII. Особыя полномочія. . . . . . 371—387

Необходимость усиленія власти. Февральское Совѣщаніе. Высочайшій рескриптъ. Удаленіе изъ края.

XIV. Признаки замиренія. . . . . . 388—418

Клика. Трезвые голоса. Ослабленіе агитаціи.

XV. Убійство генералъ-губернатора Н. И. Бобрикова. . . . 419—454

Характеристика Н. И. Бобрикова, какъ генералъ-губернатора Финляндіи. Убійца. Положительные и отрицательные отзывы печати о дѣятельности Н. И. Бобрикова. Похороны.

ПРИМѢЧАНІЯ И УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ. . . . 456—481

ИЛЛЮСТРАЦІИ.

стр.

1. Портретъ Н. И. Бобрикова 1
2. Кабинетъ Н. И. Бобрикова въ Гельсингфорсѣ 76
3. Парадъ въ Свеаборгѣ 97
4. Церковь въ Тюсьбю 112
5. Часовня въ Николайштатѣ и церковь въ Тавастгусѣ 118
6. Н. И. Бобриковъ у Гангеудскаго памятника 195
7. Портретъ В. К. Плеве 214
8. Портретъ Н. И. Бобрикова 237
9. Виды Ульяновки 305
10. Виды Ульяновки 327
11. Финляндскій сенатъ 387
12. Перевезеніе тѣла Н. И. Бобрикова въ Гельсингфорсѣ 419
13. Перевезеніе тѣла Н. И. Бобрикова въ Петербургѣ 433
14. Погребеніе 453
15. Временный крестъ надъ могилою 453
16. Врученіе знамени 454

Описываемый періодъ обнимаетъ неполныхъ шесть лѣтъ (1898—1904), но онъ рѣзко очерчивается и опредѣленно выдѣляется, какъ отъ предъидущаго, такъ и послѣдующаго времени. По признанію старофинской гельсингфорской газеты, онъ является „одной изъ самыхъ важныхъ эпохъ въ жизни финляндскаго народа". Едва-ли ранѣе объединительныя мѣропріятія правительства осуществлялись съ такой энергіей и послѣдовательностію, какъ въ эти годы; едвали прежде финляндцы выражали столь опредѣленно свое отрицательное отношеніе къ нимъ, какъ въ это время. Противоположныя стремленія столкнулись съ рѣдкой силой и возбудили всеобщій интересъ. Россія и Европа высказались по дѣлу. Весь разсматриваемый періодъ особенно наглядно характеризуетъ собою то, что принято называть „финляндскимъ вопросомъ", и чтобы нашъ трудъ представилъ по возможности полную картину его, оставалось, во введеніи, разсказать лишь ходъ развитія сего вопроса за прежнее время. „Финляндскій вопросъ" вошелъ въ новый и очень яркій фазисъ своего развитія.

Кромѣ того, въ короткій разсматриваемый періодъ свѣтлыя и темныя стороны финляндцевъ обозначились особенно выпукло и ощутительно. Наиболѣе же печальнымъ обстоятельствомъ послѣднихъ лѣтъ явились, конечно, дѣйствія, заявленія и надежды партіи крайнихъ и непримиримыхъ.

Можно согласиться, что писать исторію послѣднихъ пяти-шести лѣтъ Финляндской окраины еще рано, но не рано собирать для этого нужный матеріалъ. Въ финляндской и заграничной литературѣ имѣется уже не мало изданій, посвященныхъ описанію разныхъ эпизодовъ недавняго періода; въ русской печати подобныхъ изданій нѣтъ. А между тѣмъ выясненіе дѣла съ русской точки зрѣнія также не-

обходимо. Финляндцами и иностранцами она совершенно отстраняется и замалчивается. Поставивъ себѣ задачею обозрѣть и оцѣнить событія съ русской государственной точки зрѣнія, мы не закрывали глаза на особенности финляндской жизни, природы и психологіи; но желая представить логику событій и выяснить причины, вызвавшія то или иное явленіе, выдвигали на первый планъ суверенныя права Россіи, жизненныя условія ея политическаго существованія и мотивы дѣйствій нашего правительства. Въ этихъ условіяхъ—вся сущность дѣла, такъ какъ принципъ государственнаго единства Россіи, который являлся руководящимъ началомъ русской политики на финляндской окраинѣ, есть своего рода „категорическій императивъ". При оцѣнкѣ „финляндскаго вопроса", на историческіе вѣсы необходимо положить, вмѣстѣ съ финляндскими правами и стремленіями, также политическое самоопредѣленіе русской народности и основы его государственнаго устройства, а не отстранять русскій народъ, какъ quantité negligeable... Финляндцы, какъ народность, не участвовавшая въ созиданіи того царства, которому принадлежатъ, мало озабочены его настоящимъ и будущимъ, какъ единаго и сплоченнаго политическаго организма. Они творятъ исключительно для себя. Россія для нихъ преимущественно сосѣдка. Ихъ патріотизмъ совершенно исключительный, едва-ли способный перейти въ патріотизмъ общеимперскій.

Чтобы представляемый нами матеріалъ имѣлъ научную цѣнность, мы старались извлечь его, прежде всего, изъ первоисточниковъ. Благодаря любезности семьи бывшаго финляндскаго генералъ-губернатора Н. И. Бобрикова, довѣрившей намъ просмотръ всѣхъ, оставшихся послѣ него, документовъ, мы получили доступъ къ его дневнику, письмамъ, всеподданнѣйшимъ отчетамъ и запискамъ. Изъ нихъ мы извлекли многое, что впервые появляется въ печати. Излишне прибавлять, что близость къ намъ описываемаго времени и самое свойство названныхъ документовъ лишили насъ возможности предать гласности все ихъ содержаніе. Имя Н. И. Бобрикова такого размѣра и созданный имъ періодъ такого значенія, что историкамъ не разъ еще прійдется возвращаться къ ихъ разъясненію.

Кромѣ оффиціальныхъ документовъ и архива Н. И. Бобрикова, нашимъ источникомъ служило печатное слово, во всѣхъ его видахъ, начиная съ ежедневныхъ газетъ до спеціальныхъ изданій и листковъ періода смуты. „Листокъ современной газеты такъ же дорогъ для историка, какъ хартія лѣтописей", сказалъ Грановскій. Финляндія охвачена была борьбой. Въ такое время, когда газета вошла во всеобщій обиходъ, когда политическая борьба ведется при посредствѣ ихъ редакцій, когда каждая вліятельная партія заводитъ свой органъ печати, съ газетой неизбѣжно приходится считаться. Газета, кромѣ того, колоссальное зеркало, въ которомъ отражаются всѣ стороны общественной жизни. Конечно, оно должно быть критически изслѣдовано, какъ всякій источникъ, которымъ пользуется историкъ.

Зная, что намъ приходится писать о вопросѣ остромъ и спорномъ, изъ-за котораго ломались копья и пролито уже не мало русской крови, мы, гдѣ только возможно было, дословно цитировали документы и заставляли говорить свидѣтелей, преимущественно изъ финляндцевъ, давая имъ и первое, и послѣднее слово, изъ желанія, чтобы ихъ собственными словами и заявленіями было освѣщено то поле, которое предстояло обозрѣть.

Въ центрѣ крупнѣйшихъ событій финляндской окраины послѣднихъ лѣтъ почти неизмѣнно стоялъ ея генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Николай Ивановичъ Бобриковъ. Настоящій трудъ является поэтому описаніемъ времени его управленія краемъ. Вокругъ него велась скрытая и явная борьба, волновались страсти, кипѣли думы. Самъ онъ проявилъ черты рѣдкаго характера и изумительную дѣятельность. Его имя окружено рѣзко противоположными и пылкими отзывами.

Онъ принадлежитъ уже исторіи. Его дѣятельности можно подводить итоги. „Меня совѣсть ни въ чемъ не упрекаетъ и историкъ безпристрастный долженъ сказать свое правдивое слово", писалъ онъ 8 февраля 1904 года.

Намъ приходится быть первымъ русскимъ историкомъ времени Бобрикова въ Финляндіи. Обстоятельства побудили насъ оживить это недавнее и бурное прошлое въ связномъ историческомъ описаніи. Отъ насъ требуютъ „прав-

диваго сказанья“ о минувшемъ. Задача не легкая... Мы должны, подобно пушкинскому лѣтописцу, взглянуть спокойно „..... на правыхъ и виновныхъ, добру и злу внимая равнодушно, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва“... Мы сдѣлали все, чтобы послѣдовать этому завѣту, все, чтобы наше описаніе было правдивымъ, спокойнымъ и чтобы изъ-подъ массы разнообразныхъ событій и субъективныхъ наслоеній извлечены были зерна истины.

Мы закладываемъ лишь первые камни для будущаго историческаго изслѣдованія. Для того, чтобы разсмотрѣть событіе, необходимо, какъ говорятъ, отойти отъ него „на историческій выстрѣлъ“, а такъ какъ описываемое время отъ насъ „рукой подать“, то мы воздерживались отъ выводовъ и обобщеній. Это—задача будущаго. Представленный же нами матеріалъ такого качества, что не можетъ и не долженъ быть обойденъ тѣми, которые добиваются правды о Финляндіи.

Создавая общую картину Финляндіи за послѣдніе годы, мы воспроизводили иногда нѣкоторые отрывки нашихъ статей, появлявшихся въ повременныхъ изданіяхъ, и затѣмъ, въ виду того, что наша рѣчь, посвященная „Памяти Н. И. Бобрикова“, почти уже разошлась, позволили себѣ перенести часть высказанныхъ въ ней положеній въ настоящій трудъ.

М. Б.

Юрьевский генерал-губернатор,

генерал-адъютант Н. И. Бобриков

ВВЕДЕНІЕ.

ФИНЛЯНДСКІЙ ВОПРОСЪ.

Финляндскій вопросъ.

Въ Имперіи 66 проц. русскихъ, а все остальное населеніе состоитъ изъ инородцевъ.—Инородческіе элементы охватываютъ Россію по ея государственнымъ границамъ, причемъ одна западная инородческая полоса занимаетъ 19½ тысячъ кв. миль и имѣетъ 36 милліоновъ населенія. Уже изъ этого ясно, что вопросъ объ окраинахъ имѣетъ громадную важность.

Россія всегда болѣла окраинами и до сихъ поръ наша государственность чувствуетъ на себѣ слѣды прежнихъ страданій. Намъ пророчатъ, что «Россія будетъ съѣдена окраинами».

Сепаратизмъ свилъ себѣ гнѣзда у всѣхъ границъ и эта внутренняя язва, какъ предостерегалъ еще М. Н. Катковъ, можетъ сдѣлаться неизлечимымъ недугомъ. Финляндія борется противъ государственно-объединительныхъ реформъ; въ Прибалтійскихъ губерніяхъ подрывается правительственная школа; и многіе нѣмцы продолжаютъ видѣть въ Курляндской губерніи свой Kuhrland, а въ Германіи—свое отечество. Польша пытается «получить въ свои руки судъ, школу и администрацію» и въ тоже время не отказывается отъ «скромныхъ требованій» въ западно-русскихъ областяхъ. Нѣмцы продолжаютъ свое мирное завоеваніе на югѣ, превращая Волынскую губернію и другія части Россіи въ подобія своего Vaterland'a. На Кавказѣ дѣло зашло такъ далеко, что составлена уже карта будущаго армянскаго киликійскаго царства, охватывающаго часть Крымскаго полуострова. Лондонская армянская газета «Дрошакъ» (или «Знамя») предлагала всѣмъ окраинамъ соединиться для совмѣстнаго дѣйствія противъ объединяющаго центра. Эта мысль электрической искрой не разъ уже пробѣгала по нашимъ окраинамъ.

Финляндская газета «Fria Ord» («Свободное Слово»), издающаяся въ Стокгольмѣ, указывала уже своимъ соотечественникамъ на пользу союза съ революціонными элементами Россіи. Въ октябрѣ 1904 г. въ Парижѣ состоялся съѣздъ русскихъ революціонеровъ, созванный по

почину финляндскихъ агитаторовъ. Въ немъ приняли участіе представители безпокойныхъ элементовъ разныхъ нашихъ окраинъ. Послѣдствіемъ съѣзда явились прокламаціи, призывавшія къ ниспроверженію существующаго государственнаго строя Россіи. Отовсюду идутъ, слѣдовательно, серьезныя указанія.

Ими нельзя пренебрегать. Окраинскій вопросъ для Россіи—вопросъ ея существованія. «Если бы когда-нибудь русское общество повернулось спиною къ Прибалтійскому краю, махнуло рукою на Польшу, забыло про Кавказъ и Финляндію, отучилось вообще интересоваться своими окраинами, это бы значило,—писалъ еще въ 1868 г. Юр. Өед. Самаринъ,—что оно разлюбило Россію, какъ цѣлое. Тотъ день былъ бы началомъ ея разложенія».

Въ послѣдніе годы съ особой силой сталъ развиваться финляндскій окраинскій вопросъ. Такъ какъ характеръ развитія каждаго историческаго вопроса въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ условія его возникновенія, то попытаемся дать очеркъ нарожденія и развитія финляндскихъ недоразумѣній.

Своеобразное отношеніе русскихъ къ Финляндіи началось съ того момента, когда надлежало окончательно рѣшить участь этой страны и продолжается вплоть до нашихъ дней, когда на очередь поставленъ вопросъ о ея тѣснѣйшемъ единеніи съ остальной Имперіей. Финляндская война 1808 г. не встрѣтила сочувствія въ современникахъ; они почему-то считали вступленіе русскихъ войскъ въ Финляндію политическимъ насиліемъ и видѣли въ ней только угожденіе Наполеону. [1])

Сергѣй Григорьевичъ Волконскій (впослѣдствіи извѣстный декабристъ) не пожелалъ быть адъютантомъ главнокомандующаго Буксгевдена вслѣдствіе того, что считалъ эту войну несправедливою. Миръ, заключенный 6 (18) сентября 1809 г. въ Фридрихсгамѣ и возвѣщенный пушечными выстрѣлами жителямъ Петербурга, не былъ встрѣченъ изъявленіями общественной радости. «Неужели бо́льшая часть Финляндіи отходитъ къ Россіи?.. О Боже мой! О бѣдная Швеція, о бѣдные шведы»!... Вотъ что было слышно со всѣхъ сторонъ, по заявленію современника Ф. Ф. Вигеля. Новое завоеваніе будто унизило Россію. Въ новомъ пріобрѣтеніи почему-то съ негодованіемъ видѣли подачку Наполеона. Вплоть до 1812 г. русскіе политики считали даже возможнымъ обратную уступку Финляндіи [2]). Только немногіе русскіе, знакомые съ исторіей, сознавали всю важность мира и приближенія Россіи къ Балтійскому морю.

Причину такого печальнаго явленія надо искать въ духѣ того времени, въ слабомъ пониманіи коренныхъ русскихъ интересовъ, въ маломъ развитіи національнаго самосознанія. Петръ Великій и Екатерина II знали, чего хотѣли и къ чему шли своей политикой. Для могуще-

ства Россіи первый жертвовалъ всѣмъ. Въ присоединеніи Выборга онъ видѣлъ преграду шведамъ и «полную Петрову граду безопасіе». Сообщая царственной супругѣ своей о побѣдѣ, онъ прибавилъ, что Выборгъ сдѣлался «крѣпкою подушкою Санктъ-Петербургу».—Петръ

«Не презиралъ земли родной,
Онъ зналъ ея предназначенье».

Черезъ головы своихъ близорукихъ предшественниковъ Екатерина II часто оглядывалась на Петра Великаго, когда предстояло рѣшеніе серьезныхъ государственныхъ вопросовъ. Интересовъ Россіи она также никогда не теряла изъ вида. «Надѣяться могутъ вспоможенія во всемъ—отвѣтила она представителямъ аньяльской конфедераціи,—согласно съ пользой нашей Имперіи». [3]) «Малая Россія, Лифляндія и Финляндія, писала она,—суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями.... однакожъ, и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ-же основаніи есть больше нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностію глупость. Сіи провинціи, также и Смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобы онѣ перестали глядѣть, какъ волки къ лѣсу». [4]) Общеизвѣстенъ также другой ея отвѣтъ: «Я не Курляндская герцогиня, а Всероссійская Императрица».

Но затѣмъ, когда на престолъ взошелъ Императоръ Александръ I, началось время потемнѣнія русскихъ историческихъ идеаловъ. Русскій Царь, воспитанный республиканцемъ Лагарпомъ, въ сотовариществѣ съ юнымъ польскимъ патріотомъ Адамомъ Чарторыйскимъ, не былъ ознакомленъ съ историческими преданіями своего народа, тогда какъ «важнѣйшая наука для царей—знать свойства своего народа и выгоды земли своей». Гуманный космополитъ, поклонникъ европеизма и отвлеченнаго либерализма перенесъ всѣ свои симпатіи на Западъ. Началась печальная эпоха «политики презрѣнія собственной страны во всемъ, кромѣ ея стихійныхъ силъ». [5]) Мы сбились тогда съ своего историческаго пути. Нашъ руководящій классъ отучился мыслить, чувствовать и даже говорить по-русски, усвоивъ себѣ какой-то особый высокомѣрный взглядъ на Россію. Важнѣйшіе интересы Россіи довѣрены были дипломатамъ, у которыхъ не было «ни капли русской крови, ни единаго русскаго чувства». «Пусть бы Александръ окружилъ себя русскими, я ничего не возражалъ бы,—сказалъ Наполеонъ. Нѣтъ развѣ у него русскихъ дворянъ, которые были бы ему болѣе преданы, чѣмъ эти корыстолюбцы (Армфельтъ, Штейнъ и др.). Неужели Александръ воображаетъ, что они поклонятся ему». [6])

Въ Александровскій періодъ мы потеряли способность понимать наши собственныя нужды и впали въ національное равнодушіе. Наше

сознаніе не было тогда русскимъ. Насъ заѣла мысль о превосходствѣ западныхъ началъ. Принципъ самодержавія представлялся отсталымъ (Гильфердингъ). Въ характерѣ Александра I преобладали двойственность и колебанія, а по государственному строенію Россіи онъ проявилъ крайне своеобразное пониманіе, которое вело къ тому, что онъ готовъ былъ раздать достояніе русскаго народа первопопавшимся авантюристамъ. Судьба дарила Россію одной окраиной за другой, но правительство ничего не сдѣлало, чтобы сплотить и объединить ихъ. Долго пришлось уговаривать Императора согласиться на принятіе Грузіи. Въ 1801 г. онъ подписалъ остзейскія привилегіи, въ 1802 г. основалъ въ Дерптѣ (Юрьевѣ) германскій университетъ. Изъ Бессарабіи, по ходатайству Стурдзы, желалъ создать отдѣльное конституціонное самоуправленіе, но этому помѣшалъ намѣстникъ Новой Россіи гр. Воронцовъ. Изъ западныхъ губерній Государь соглашался создать Литовское герцогство для графа Огинскаго. Другія части западной Россіи проектировалось (въ 1819 г.) присоединить къ Польшѣ, но тогда раздался мужественный голосъ Н. М. Карамзина, напомнившій, что государи клялись «блюсти цѣлость своихъ державъ». Польша, несмотря на противодѣйствіе союзниковъ въ Вѣнѣ и возраженія ближайшихъ совѣтниковъ—Поццо-ди-Борго, Нессельроде и Штейна—получила конституцію, которую генералъ Заіончковскій считалъ «организованной анархіей», а Меттернихъ говорилъ, что благодаря ей Польша сдѣлалась «пороховымъ складомъ».

Финляндіи не только даровано было внутреннее самоуправленіе, но отъ Россіи отторгнули завоеваніе Петра Великаго—Выборгскую губ.—и присоединили къ ней. Это «возсоединеніе» гр. Г. М. Армфельтъ ставилъ себѣ въ величайшую заслугу, сказавъ: «послѣ труднѣйшей борьбы я одержалъ славную и для человѣчества, и для Финляндіи крайне полезную побѣду» [7]). При неизмѣримомъ пространствѣ русскихъ земель и при общемъ маломъ политическомъ развитіи, большинство въ Имперіи посмотрѣло на эти уступки съ полнымъ равнодушіемъ и только нѣкоторые патріоты, подобно Ф. Вигелю, негодовали, не находя въ исторіи другого «примѣра столь несправедливаго дѣйствія». Вигель назвалъ даже эти дѣянія «измѣной Россіи» [8]).

Нѣсколько другихъ трезвыхъ мыслей было высказано главой заговора декабристовъ, П. И. Пестелемъ. «Россія,—говорилъ онъ,—есть государство единое и нераздѣльное, въ смыслѣ единства верховной власти, образа правленія и законовъ для всѣхъ частей государства... Всѣ племена должны быть слиты въ одинъ народъ». Пестель находилъ даже, что слѣдуетъ стремиться «къ совершенному обрусѣнію» всѣхъ племенъ, населяющихъ Россію, не исключая и финляндцевъ. По мнѣнію Пестеля, «Финляндія не только должна быть лишена

привилегированнаго положенія status in statu, дарованнаго ей Императоромъ Александромъ I, но и должна быть слита съ Россіей обрусительными мѣропріятіями». Благо государства требуетъ тѣснаго объединенія, полнаго сліянія всѣхъ частей, всѣхъ подчиненныхъ народностей. Въ политической исповѣди, которую этотъ декабристъ представилъ слѣдственному комитету, имѣется замѣчательное признаніе о томъ, что «внутренній ропотъ» противъ правительства возбуждали въ немъ крѣпостное право, военныя поселенія, «подкупливость» судовъ, а также, «преимущества разныхъ присоединенныхъ областей, т. е. Финляндіи и Польши, которыя, какъ извѣстно, съ одной стороны возбуждали чувство обиды въ русскихъ людяхъ, съ другой стороны заставляли ихъ ожидать политической свободы и для Россіи» [9]).

Приведенныя слова въ устахъ декабриста, несомнѣнно, чрезвычайно характерны. Но мысли Пестеля возникли позже, а въ періодъ присоединенія Финляндіи о Россіи и ея нуждахъ точно забыли.

Во главѣ Финляндіи поставленъ былъ крайне сомнительной нравственности авантюристъ Г. М. Спренгтпортенъ, а руководителями и докладчиками дѣлъ этой новой окраины вскорѣ явились въ Петербургѣ гр. Густавъ Армфельтъ и К. Ребиндеръ.

На присоединенный отъ Швеціи край, какъ изъ рога изобилія, посыпались всякія милости и преимущества, коими далеко не обладали жители коренной Россіи, создавшіе великую Имперію съ затратой многовѣкового труда. Финляндцы сохранили весь прежній укладъ своей жизни и политическія особенности. Въ администраціи, судѣ и школѣ оставленъ былъ шведскій языкъ. Тягость воинской повинности на короткій срокъ была совершенно снята, а на остальное время облегчена до неслыханныхъ размѣровъ. Финляндія сдѣлалась какимъ-то исключительнымъ баловнемъ, которая получала только преимущества и ничѣмъ не обязывалась при этомъ передъ Россіей. Ее оградили двойнымъ законодательствомъ—мѣстнымъ и имперскимъ—отъ всякаго соприкосновенія съ Россіей и всякаго русскаго контроля. Она получила свой сенатъ и даже ея главнѣйшія дѣла, тѣсно соприкасавшіяся съ остальной Россіей, крайне рѣдко подвергались въ учрежденіяхъ Имперіи обсужденію съ точки зрѣнія общегосударственныхъ интересовъ. Все учебное дѣло Финляндіи осталось внѣ малѣйшаго надзора русской власти, а гельсингфорскій университетъ получилъ особое положеніе даже среди автономной окраины. Русскихъ людей не допустили ни въ одно мѣстное учрежденіе; даже служба въ финскихъ войскахъ была имъ воспрещена.

Императоръ Александръ I предвидѣлъ, что союзъ съ Наполеономъ не могъ быть проченъ и скоро ему предстояло ополчиться противъ мірового завоевателя [10]), поэтому онъ, видимо, желалъ умиротворе-

нія покоренной Финляндіи и въ этихъ видахъ одарилъ край всякими льготами. Кромѣ того Державный Покоритель финляндской окраины хотѣлъ, чтобы жители «благословляли Провидѣніе, создавшее новый порядокъ». Въ этомъ причина дарованія имъ такого внутренняго устройства, которое представляло «несравненно болѣе выгодъ», «нежели сколько они имѣли, бывъ подъ обладаніемъ Швеціи» [11]). Всѣми этими мѣрами Государь, очевидно, разсчитывалъ расположить финляндцевъ къ Россіи и создать изъ нихъ новыхъ вѣрныхъ подданныхъ.

Но каждое дѣло имѣетъ свою оборотную сторону. Прежде всего, едва ли исторія дала достаточное число доказательствъ, позволяющихъ сдѣлать выводъ о существованіи политической благодарности народовъ. Политическая признательность если и существуетъ, то въ весьма ограниченныхъ дозахъ и какъ рѣдкое исключеніе, а потому строить единственно на ней государственное объединеніе вновь завоеванной окраины съ центромъ Имперіи едва-ли было правильно. Для прочности государственной и политической связи нужны еще другія скрѣпы и средства. Прежде всего—общегосударственныя учрежденія, подобныя тѣмъ, кои объединяли Швецію и Финляндію въ одно политическое цѣлое, а затѣмъ — установленіе общегосударственнаго языка, школы, работающей въ интересахъ метрополіи, печати, расположенной къ новому соединенію и т. п. Но обо всемъ этомъ своевременно не позаботились и не взяли въ свои руки ни школы, ни печати, ни части администраціи, потому что все устраивали тогда въ краѣ крайне теоретично и съ забвеніемъ первѣйшихъ интересовъ Россіи. Создалось такое положеніе, что нигдѣ въ краѣ не было ни русскаго глаза, ни нашего контроля. Въ эту совершенно неизвѣстную намъ среду введено было одно только русское лицо — генералъ-губернаторъ. Но что онъ могъ знать о степени расположенія къ русскому правительству мѣстнаго населенія, и что ему могло быть извѣстно о томъ направленіи, въ которомъ работали школа, печать, судъ и администрація? Почти ничего, потому что начальникъ края «шагу не могъ ступить безъ переводчика», какъ заявилъ въ двадцатыхъ годахъ гр. А. А. Закревскій. Во всемъ и вся финляндцы сами оцѣнивали себя и рекомендовались нашему правительству. На все въ этой окраинѣ мы вынуждены были смотрѣть черезъ финляндскіе очки, такъ какъ Государю дѣла докладывалъ министръ статсъ-секретарь изъ финляндскихъ уроженцевъ, генералъ-губернатору — финляндецъ, стоявшій во главѣ его канцеляріи, а военному министру (впослѣдствіи)—генералъ, избранный также изъ финляндцевъ и т. д. Мало того; въ шестидесятыхъ годахъ, т. е. именно въ то время, когда финляндцы особенно добивались свободы печати, ихъ представители выхлопотали установленіе правила, въ силу котораго цензуру русскихъ статей о Фин-

ляндіи, предназначенныхъ для русскихъ изданій, держали въ финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ!

Имѣя передъ собой эту совершенно невѣроятную картину, русскій человѣкъ долженъ остановиться передъ ней въ серьезномъ раздумьи. Создалось такое, напримѣръ, положеніе, что во время неудачной для насъ войны, непріятелю, ворвавшемуся въ Финляндію, достаточно было бы только смѣстить генералъ-губернатора, чтобы вся область представила изъ себя совершенно независимую отъ Россіи часть, такъ какъ все остальное управленіе въ Великомъ Княжествѣ находилось въ рукахъ финляндцевъ и край рѣшительно ничѣмъ не былъ бы связанъ съ Россіей. Финляндцы духовно продолжали тяготѣть къ Швеціи, куда влекла ихъ школа, печать, церковь и администрація... Для духовнаго воздѣйствія на населеніе и для распространенія русскихъ правительственныхъ воззрѣній на Финляндской окраинѣ не было заведено русскаго органа печати и не имѣлось сколько-нибудь вліятельныхъ лицъ, не говоря уже о правительственной партіи, которая могла бы поддерживать русское дѣло.

Такимъ образомъ очевидно, что въ нашихъ отношеніяхъ къ Финляндіи были сдѣланы значительныя упущенія. Нельзя было предоставить новую окраину исключительно самой себѣ, не связавъ ее прочными духовными и матеріальными, политическими и административными узами съ Россіей. Только люди, увлекавшіеся красивыми фразами, могли находить, что «наитѣснѣйшимъ образомъ Финляндія сблизится съ Россіей, когда окраина возможно прочнѣе установитъ у себя конституціонную монархію, не имѣющую ничего общаго съ Имперіей, кромѣ Великаго Князя».

Мы вполнѣ согласны признать, что «въ дарованіи Финляндіи внутренняго самоуправленія было много предусмотрительнаго, ибо нѣтъ надобности ломать вѣкового строя и безполезно и даже невозможно подводить въ управленіи все подъ одинъ шаблонъ». Противъ сохраненія бытовыхъ, этнографическихъ и культурныхъ особенностей финновъ мы голоса никогда не возвышали и не подымемъ. Въ русской серьезной печати никто нивелировки или ассимиляціи не требовалъ и благосостоянія Финляндіи въ жертву имъ не приносилъ. Внутреннее самоуправленіе нами признается полезнымъ и желательнымъ. Кромѣ того, по нашимъ понятіямъ, Финляндія имѣетъ право на сохраненіе своей національно-духовной самобытности, которая однако не должна создавать препятствія къ государственному объединенію ея съ Россіей [12]). «Но въ предоставленіи льготъ надлежало соблюдать извѣстную мѣру... Кромѣ того, предоставленіе правъ и преимуществъ необходимо было сопроводить извѣстными обязательствами и государственными требованіями, дабы естественная связь

окраины съ центромъ не прерывалась и власть не выпускалась изъ рукъ покорителей».

«Финляндцамъ были предоставлены даже такія преимущества, коими не пользовалось коренное населеніе Имперіи... Ставить покоренпаго инородца въ Россіи въ болѣе привилегированное положеніе, чѣмъ русскихъ людей, конечно, ошибка, которая неизбѣжно вызываетъ у первыхъ высокомѣрное и пренебрежительное отношеніе ко вторымъ»...

Недостатки обнаружены. Ихъ замѣчали давно, но русское правительство поставило себя въ такое положеніе, что лишено возможности ихъ исправить. Императоръ Александръ I приказалъ докладывать дѣла Финляндіи непосредственно Себѣ, помимо всѣхъ центральныхъ учрежденій и министровъ Россіи. Кромѣ того, какъ извѣстно, у насъ за послѣднее столѣтіе не имѣлось какого-либо общаго правленія, соединеннаго министерства или кабинета, а каждый министръ докладывалъ особо дѣла Государю и добивался его рѣшенія.

Все это способствовало наслоенію неурядицы въ отношеніяхъ Россіи къ Финляндіи. Министръ статсъ-секретарь Великаго Княжества Финляндскаго не былъ обязанъ считаться съ мнѣніями русскихъ министровъ и только недавно состоялось повелѣніе о томъ, чтобы—предварительно доклада финляндскихъ дѣлъ, затрагивавшихъ ту или иную область русскаго управленія,—онъ запрашивалъ мнѣнія соотвѣтствовавшаго министра и представлялъ его Государю. Польза такого постановленія очевидна. Мѣстное финляндское законодательство всегда проникнуто было упорнымъ стремленіемъ къ обособленію Финляндіи отъ Россіи. Гдѣ возможно, оно или урѣзывало права русскихъ, или вовсе обдѣляло ихъ. Этотъ недочетъ легко могъ быть исправленъ, при внимательномъ отношеніи къ краю соотвѣтствующихъ русскихъ властей и учрежденій. Но, къ сожалѣнію, сего правила не существовало и помимо того всюду наблюдалось необъяснимое нерадѣніе ко всему, что касалось этой окраины, и Финляндія обносилась китайской стѣной, при попустительствѣ русскихъ представителей въ краѣ и центральныхъ властей въ Имперіи. Въ 1811 году, по почину русскаго финансоваго управленія, проведена таможенная черта; въ 1835 г., по винѣ того-же управленія, уничтожена была торговая взаимность; въ 1851 г., по иниціативѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, право пріобрѣтенія недвижимой собственности въ Финляндіи предоставлено было, но къ сожалѣнію, только русскимъ дворянамъ, тогда какъ въ Россіи каждый финляндецъ можетъ пріобрѣтать что ему угодно; въ 1877 г., министерство финансовъ высказалось за введеніе золотой валюты въ Финляндіи. И т. д. «Я калифъ на часъ», отвѣтилъ Княжевичъ генералъ-губернатору Рокасовскому, по поводу упрека о неумѣстной уступчивости. Другіе

русскіе дали себя обойти или уговорить, третьи не считали финляндскихъ дѣлъ входящими въ кругъ своихъ обязанностей и т. п. Финляндцы-же дружно и упорно, какъ всегда, добивались своихъ выгодъ. «On a escamoté mon consentement»—сказалъ Императоръ Александръ II, узнавъ о послѣдствіяхъ финансовой реформы 1877 г. [13]).

Рядомъ съ нерадѣніемъ приходится поставить незнаніе. Незнаніе является уже взаимнымъ и отразилось обоюдными неудобствами и невыгодами.

Изученіемъ Россіи, т. е. той державы, въ составъ которой входятъ финляндцы, они озабочены были крайне мало, исключительно для исполненія извѣстной формальности, по требованіямъ русскаго правительства. «Русское образованіе,—писалъ когда-то Фабіанъ Колланъ,—для финновъ имѣетъ теперь большое значеніе и мы должны съ нимъ освоиться, ибо благодаря русскому національному языку, его литературѣ и всей русской духовной жизни, мы въ состояніи будемъ вѣрно понять нашихъ восточныхъ сосѣдей и ознакомить ихъ съ нами, такъ какъ это познаніе и во внѣшнихъ проявленіяхъ жизни представляется для насъ крайне необходимымъ» [14]). Извѣстный педагогъ и преобразователь учебнаго дѣла въ Финляндіи Сигнеусъ замѣтилъ однажды: «Изученіе русскаго языка имѣетъ для насъ финновъ громадное значеніе и мы должны себя посвятить ему. Лишь знакомясь съ русскимъ національнымъ языкомъ, русской литературой и всей духовной и умственной жизнью русскаго народа, мы поймемъ вѣрно нашихъ восточныхъ сосѣдей», Профессоръ гельсингфорскаго университета Пальменъ лѣтъ десять назадъ писалъ: «Самая большая наша ошибка въ томъ, что мы въ теченіе долгаго времени не познакомились достаточно съ Россіей, съ ея народомъ и языкомъ, хотя событія 1808—1809 гг. дали нашему отечеству совершенно новое положеніе» [15]).

Приведенныя заявленія представляются совершенными исключеніями изъ общепринятаго среди финляндцевъ игнорированія Россіи. Къ «духовному единенію» съ русскими они не стремятся. Наука и литература—могучія орудія для духовнаго сплоченія народовъ, но финляндская школа и печать никогда еще этой великой задачѣ серьезно не служили и въ нихъ пока не видно даже проблесковъ будущаго ихъ содѣйствія такому важному дѣлу. А тѣ разрозненные и слабые голоса, которые раздавались въ ней кое-когда призывомъ къ единенію, легко перечесть по пальцамъ.

Слѣдовательно, почва для взаимнаго сближенія совершенно еще не воздѣлана. Недостатокъ свѣдѣній чувствуется, какъ въ русскомъ обществѣ о Финляндіи, такъ и среди финляндцевъ о Россіи [16]). А между тѣмъ возможный и единственно разумный путь къ сближенію [17]) несомнѣнно—всестороннее познаніе другъ друга. Въ пренебреженіи и

обходѣ сего пути повинны, какъ сказано, обѣ стороны. Но бо́льшая вина падаетъ всетаки на финляндцевъ. Они присоединены и это обстоятельство обязывало ихъ болѣе примѣняться къ новому своему положенію, чѣмъ русскихъ къ Финляндіи. И тѣмъ не менѣе въ Россіи сдѣлано несравненно болѣе для изученія Великаго Княжества, чѣмъ въ Финляндіи для познанія новой ея метрополіи [18]). Въ Финляндіи о Россіи знаютъ менѣе, чѣмъ объ Африкѣ и Азіи. Русскій языкъ въ финляндскихъ школахъ изучался менѣе греческаго; учебники исторіи, по возбуждаемому интересу, поставили Россію рядомъ съ Турціей, Персіей и другими второстепенными царствами. Среди финляндцевъ не распространены даже самыя элементарныя познанія о ея метрополіи.

При всемъ томъ до шестидесятыхъ годовъ наблюдается больше нитей, связывавшихъ Финляндію съ Россіей, чѣмъ послѣ возобновленія сеймовъ. Въ центральныхъ управленіяхъ Россіи какъ будто жива была идея о Финляндіи, какъ неразрывной части Имперіи; послѣ же шестидесятыхъ годовъ общее либеральное направленіе, охватившее Россію, болѣе склонно было видѣть въ Финляндіи особое и почти независимое Великое Княжество.

Императоръ Александръ I, создатель нынѣшняго политическаго положенія Финляндіи, потребовалъ, чтобы всѣ дѣла производились на шведскомъ языкѣ лишь «доколѣ войдетъ въ употребленіе россійскій». Въ 1812 г. онъ повелѣлъ, чтобы, по прошествіи пяти лѣтъ, всѣ молодые люди, намѣревавшіеся вступить въ государственную службу, доказали свои познанія въ русскомъ языкѣ [19]). Первымъ докладчикомъ финляндскихъ дѣлъ былъ М. М. Сперанскій. Монета оставалась общею. Финскія войска, вмѣстѣ съ русскими, въ служебномъ отношеніи, т. е. по части инспекторской и строевой, подчинялись командующему войсками округа и черезъ него военному министру, а дѣлопроизводство сихъ войскъ сосредоточивалось въ штабѣ финляндскаго военнаго округа, въ особомъ финскомъ его отдѣленіи [20]). Въ 30—40 годахъ до 750 финляндцевъ служило одновременно въ русскихъ войскахъ.

Фридрихсгамскій кадетскій корпусъ состоялъ въ одно время (съ 1816 по 1836 г.) въ вѣдѣніи главнаго штаба. Финскій морской экипажъ по командным и строевымъ дѣламъ состоялъ «подъ начальствомъ, находившагося въ Финляндіи главнаго начальника россійскаго флота [21]), а при формированіи этого экипажа, командиръ его и почти всѣ офицеры были избраны изъ офицеровъ флота Имперіи [22]).

Говоря о финскихъ войскахъ необходимо отмѣтить слѣдующій чрезвычайно поучительный эпизодъ. Дивизіонный командиръ финскихъ войскъ, генералъ-маіоръ Густавъ Эрнротъ, 25 февраля 1822 г. всеподданнѣйше ходатайствовалъ передъ Государемъ Императоромъ о томъ, чтобы финскимъ войскамъ предоставлено было «право раздѣлить съ остальными

войсками Его Величества честь защиты Имперіи». Такое ходатайство вызвано было существованіемъ рескрипта отъ 6 сентября 1812 г., которымъ постановлялось, что финскія войска не будутъ употребляемы иначе, какъ на защиту Финляндіи или тѣхъ владѣній Россійской Имперіи, которыя расположены по берегу Балтійскаго моря Финляндцы находили въ 1822 г., что подобное постановленіе «можетъ опозорить ихъ чувства въ глазахъ ихъ новыхъ соотечественниковъ», а потому они просили, какъ милости, разрѣшить имъ «сражаться вездѣ, гдѣ прикажетъ имъ ихъ Монархъ». Императоръ оцѣнилъ «благородное рвеніе» и исполнилъ ихъ желаніе... «Я принимаю ихъ просьбу съ настоящимъ удовольствіемъ. Исполненные блогороднаго рвенія къ защитѣ общаго отечества и достойные такимъ образомъ присоединиться къ русскимъ войскамъ, они получатъ возможность сражаться повсюду, гдѣ представится возможность заслужить славу. Статья (2-ая) постановленія 6-го сентября 1812 г. будетъ измѣнена»...

Въ 1827 г. Императоръ Николай I, «сообразно съ обязанностями Державнаго своего сана», предоставилъ лицамъ греко-россійскаго исповѣданія право поступленія въ гражданскую и военную службу края.

Тогда же для Финляндіи составлены были университетскій уставъ и уставъ цензурный (1829 г.); оба они были русскаго происхожденія. Университетскій уставъ 1828 г. разсматривался въ Петербургѣ, при министерствѣ народнаго просвѣщенія, подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія, свѣтлѣйшаго князя К. Ливена. Членъ этой комиссіи, статсъ-секретарь Финляндіи Ребиндеръ, находилъ, что изученіе русскаго языка «со дня на день становилось болѣе необходимымъ для финляндскаго юношества» и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признавалъ, что Финляндія сохранила свое прежнее законодательство, но «вступила во многія совершенно отличныя отъ прежнихъ отношенія». Потому онъ старался «сблизить» учрежденіе Финляндскаго университета съ уставами Россійскаго университета. И кн. Ливенъ съ своей стороны свидѣтельствовалъ, что у Ребиндера была «совершенная готовность примѣняться со всѣмъ, гдѣ было можно, къ законамъ Россійской Имперіи» [23]).

Александровскому университету указано было тогда, что онъ обязанъ «образовать финляндское юношество для службы Государю и Отечеству», причемъ подъ этими словами, конечно, не Финляндія подразумѣвалась, а Имперія.

Въ 1832 г. университетъ посѣтилъ Императоръ Николай I. Консисторія и студенты поднесли Его Величеству адресы, составленные на русскомъ языкѣ.

Въ 1835 г. былъ поднятъ вопросъ о систематизаціи Финляндскихъ законовъ. Учрежденная для этого комиссія находилась въ из-

вѣстномъ подчиненіи у Начальника II Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи гр. Блудова. При работахъ комиссія должна была взять за образецъ Сводъ Законовъ Россійской Имперіи [24]). Въ тѣ времена финляндскія постановленія вообще чаще проходили черезъ русскія учрежденія и сеймовое законодательство совершенно отсутствовало.

Въ 1842 г. появился «Альманахъ въ память 200-лѣтія юбилея Императорскаго Александровскаго университета», составленный изъ статей русскихъ и финляндскихъ писателей. Этотъ своеобразный литературный памятникъ свидѣтельствуетъ о дружескихъ отношеніяхъ ученыхъ двухъ народностей. Характеризуя эти взаимныя отношенія, можно повторить слова составителя сборника Я. К. Грота:

«Сыны племенъ когда-то враждовавшихъ,
Мы встрѣтились, какъ старые друзья».

Въ 1844 г. основана была юнкерская школа главнымъ образомъ для обученія русскому языку.

Было время, когда русскій гимнъ исполнялся въ прекрасномъ шведскомъ переводѣ; его пѣли студенты, вызывая восторгъ слушателей. Прежде въ Финляндіи на частномъ празднествѣ пили «за здоровье Государя и благоденствіе Россіи» [25]). Въ 30-хъ годахъ въ г. Або выходило два повременныхъ изданія: «Абоская Газета» и «Абоскія Извѣстія» и оба, вмѣсто заглавной виньетки, были украшены большими двуглавыми орлами [26]).

Прежде русскій языкъ, хотя и недолго (съ 1814 по 1840 г.), пользовался въ Финляндіи даже нѣкоторымъ почетомъ: въ университетѣ произносились на немъ торжественныя рѣчи.

Въ университетѣ имѣлись каѳедры русской исторіи и статистики и русскаго языка и литературы.

Нѣкоторую заботу о распространеніи русскаго языка выказали вліятельные финляндцы, вродѣ гр. А. Армфельта, сенатора Гартмана, губернатора Котена, генерала Мандерштерна, полковника Вендта и др. Но по нашей малоспособности къ систематическому и аккуратному веденію дѣла, вслѣдствіе нерадиваго отношенія къ собственнымъ интересамъ, мы не сумѣли въ извѣстныхъ случаяхъ поддержать хорошихъ начинаній и они исчезли, какъ буквы на пескѣ.

Въ Финляндіи происходили разныя движенія, а мы, по замѣчанію Я. К. Грота, смотрѣли на нихъ «равнодушно и праздно», не овладѣли ими и «не дали имъ направленія по своимъ видамъ». Финноманія крѣпла, а о «руссоманіи» или «россіанствѣ», какъ выразился П. А. Плетневъ, ничего не было слышно, точно Финляндія не составляла части русскаго царства. Одна изъ причинъ нашихъ неуспѣховъ, по

замѣчанію сенатора Гартмана, заключалась въ томъ, что «въ Финляндіи почти нѣтъ ни одного русскаго, который бы достойно представлялъ своихъ соотечественниковъ и игралъ какую-нибудь роль въ обществѣ, отчего финляндцы болѣе и болѣе отдаляются отъ русскихъ. Напротивъ въ первыя времена присоединенія жили въ главномъ городѣ русскіе, которые дѣятельнымъ участіемъ въ общественной жизни, гостепріимствомъ и т. п. умѣли привязать къ себѣ финляндцевъ, производили нѣкоторый восторгъ къ Россіи и способствовали вожделѣнной амальгамѣ обоихъ народовъ. Тогда русскому языку учились по охотѣ, изъ честолюбія, чтобы не быть совсѣмъ нѣмымъ въ лучшихъ домахъ»...[27])

Въ такомъ положеніи рисуется дѣло въ Финляндіи до шестидесятыхъ годовъ. Разъединительная тенденція со стороны офиціальной Россіи не поддерживалась и работа обособленниковъ, если и производилась, то скрыто и вяло.

Но картина рѣзко мѣняется послѣ возобновленія сеймовъ. Начиная съ шестидесятыхъ годовъ, Финляндія на полныхъ парахъ пошла къ обособленію во всѣхъ проявленіяхъ жизни и стала созидать въ теоріи и на практикѣ отдѣльную свою государственность. Даже финляндцевъ, служившихъ въ Россіи, она не пожелала видѣть среди своихъ сеймовыхъ депутатовъ. На сеймѣ подняли вопросъ объ отдѣльномъ торговомъ флагѣ; въ печати разсматривалось положеніе о нейтралитетѣ Великаго Княжества; общество ставило памятники финскихъ побѣдъ надъ русскими войсками, а студенческая корпорація еще раньше начала пропагандировать новый гимнъ. Дирекція новаго шведскаго театра распорядилась, взамѣнъ предложеннаго въ проектѣ финляндскаго герба, выставить надъ царской ложей русскаго двуглаваго орла. Финляндцы рѣшили не переступать порога театра, пока орелъ не будетъ снятъ[28]). Орла замѣнили буквой «А».

Финляндское законодательство послѣднихъ десятилѣтій XIX в. систематически устраняло русское и русскихъ изъ общественной жизни края. Если подвести маленькій итогъ законодательству, то въ результатѣ получится, что постановленіемъ 1889 г. (№ 16) имъ воспрещено строить желѣзныя дороги въ краѣ; положеніемъ 1890 г. (№ 8) практика русскаго врача ограничена; закономъ того-же года (№ 18) русскимъ шкиперамъ и машинистамъ не разрѣшено служить на финляндскихъ пароходахъ и судахъ; распоряженіемъ 1879 г. русская акушерка вовсе не допускается къ практикѣ; основнымъ закономъ края лицамъ православнаго исповѣданія воспрещено преподаваніе исторіи (1889 г. № 33); прибавимъ, что уставъ о воинской повинности 1878 г. (№ 25) закрылъ ряды финскихъ войскъ для службы русскихъ офицеровъ. Русскіе, хотя-бы и обладали большою недвижимостію, не имѣютъ права голоса ни въ городскихъ, ни сельскихъ общинныхъ собраніяхъ, не-

смотря на то, что законъ облагаетъ его подоходнымъ налогомъ на пользу общины. Русскій, не состоящій въ финляндскомъ гражданствѣ, по праву торговли приравненъ къ иностранцамъ. И такъ далѣе и т. д.

Съ 9 февраля 1863 г. учебныя заведенія были «эмансипированы отъ насильственнаго изученія» русскаго языка: его замѣнили нѣмецкимъ и латинскимъ. Русскій языкъ, какъ выразилась газета Швеціи [29]), избавили отъ «тяжелаго бремени презрѣнія и нерасположенія».

Въ 1819 г. профессоръ абоскаго университета Мюрéнъ напечаталъ въ мѣстной газетѣ статьи о тѣхъ выгодахъ, которыя доставило Финляндіи соединеніе ея съ Россійскою державою; въ пятидесятыхъ годахъ на ту же тему произнесъ рѣчь ректоръ Рейнъ. А уже въ 1875 г. проф. Альквистъ, на праздникѣ 400-лѣтія Олофсборга, холодно и отчасти даже враждебно говорилъ о Россіи, отрицая по отношенію къ ней всякій долгъ благодарности со стороны Финляндіи [30]).

Чтобы лучше понять стремленія финляндцевъ, особенно полезно выслушать ихъ сеймовыхъ ораторовъ, высказавшихся по поводу введенія въ Финляндіи всеобщей воинской повинности.

«Престолъ (Имперіи) можетъ быть въ опасности, какъ въ горахъ Кавказа, такъ и на равнинахъ Польши и у береговъ Финляндіи, но выводить (финской) арміи изъ Финляндіи ни подъ какимъ условіемъ нельзя» (Эклундъ). «Для финской военной организаціи не можетъ быть другой цѣли, кромѣ защиты собственной страны» (Шауманъ). «Когда меня спрашиваютъ, желаю ли я принять воинскую повинность для защиты государства» (Россійскаго), для того, чтобы отстаивать родину другого народа (т. е. русскаго) и политическіе интересы другихъ странъ (не финляндскихъ),—я долженъ открыто заявить: нѣтъ. Мы можемъ защищать свой край и хотимъ остаться дома и не оставлять родины» (говорилъ Р. Гартманъ). «Всеобщая воинская повинность можетъ быть вмѣнена въ обязанность только для защиты отечества (Финляндіи); «собственная защита—въ этомъ все»; подъ словомъ «тронъ» можно подразумѣвать только законное правительство Финляндіи; когда говорится, что защищающее Финляндію финское войско содѣйствуетъ защитѣ Имперіи, то тѣмъ самымъ сказано, что никакимъ инымъ образомъ финское войско не обязано защищать Имперію» (Л. Мехелинъ). «Войско, которое здѣсь (на сеймѣ) предполагается, не можетъ быть выводимо изъ края» (Антель). «Мы, сыны Финляндіи, отстраняемъ отъ себя возможность быть употребленными на любомъ театрѣ войны» (Снельманъ). «Въ средѣ дворянскаго сословія края говорятъ о чужихъ интересахъ,—укорялъ своихъ соотечественниковъ гр. Кронгельмъ,—когда дѣло касается войны за Россію. Здѣсь господа объявляютъ себя свободными отъ всякой солидарности съ тѣмъ государствомъ (Россіей), которое болѣе полустолѣтія охраняло насъ отъ всякихъ чужеземныхъ нападеній. Мать согрѣла и воспитала

ребенка, а онъ послѣ сего отворачивается, не желая дѣлить ея участи». Въ томъ же смыслѣ высказался депутатъ Годенгельмъ. По мнѣнію Монтгомери, одинъ изъ депутатовъ (Сильверсванъ), предлагая свою особую систему организаціи финскаго войска, «желалъ въ самой организаціи найти непреодолимое препятствіе къ тому, чтобы финская армія не могла быть употреблена на что-либо другое, какъ только на защиту собственнаго края» [31]).

Такъ говорили представители финскаго народа на сеймѣ 1877—1878 г. Высказались они вполнѣ ясно и опредѣленно и коментировать ихъ заявленій надобности не представляется.

Тѣ же мысли высказывала и печать Финляндіи. «Россія можетъ оказаться вынужденною вооруженною силою разрѣшать разнообразныя столкновенія, не имѣющія ничего общаго съ интересами Финляндіи», и въ такихъ случаяхъ,—писали тогда финляндцы,—не справедливо посылать ихъ умирать въ далекую Арменію или Хиву. Финляндія,—продолжали они,—не обязана къ безграничной солидарности съ Россіей, не обязана принимать активнаго участія во всѣхъ войнахъ Имперіи; «прискорбно созывать молодежь сражаться для безъизвѣстныхъ ей цѣлей и противъ враговъ, враждебность которыхъ ей неизвѣстна». Иначе говоря, всѣ въ Финляндіи стояли за полную обособленность своихъ войскъ и своихъ политическихъ интересовъ [32]).

Для всѣхъ очевидно, что собственными своими войсками финляндцы не въ состояніи защитить Великаго Княжества. Вмѣстѣ съ русскими въ походы они идти не желали. Для чего-же, въ такомъ случаѣ, Финляндія заводила въ 1878 г. свои войска? Для того, чтобы опредѣленнѣе размежеваться съ Россіей. Свои войска нужны были этой окраинѣ, какъ извѣстный атрибутъ ея «государственности». Сеймовые депутаты не разъ указывали на это обстоятельство, какъ на мотивъ, побуждающій ихъ принять уставъ о воинской повинности. «Съ введеніемъ этого закона (т. е. устава), говорилъ, напр., Монтгомери, «молодое финское государство вступило бы въ новый фазисъ своего развитія». «Въ число націй мы приведены силою оружія и сохранить это положеніе безъ вооруженной силы—немыслимо. Національная защита дала бы намъ также нравственную поддержку» (Линделевъ). «Одинъ финскій гвардейскій баталіонъ не могъ вселить въ націю необходимаго для ея политическаго существованія довѣрія къ собственной силѣ. Такъ какъ наша страна образуетъ особое государство, имѣетъ особую конституцію и собственные законы, то мы обязаны «поставить и впредь содержать особую армію» (Гадолинъ). «Чтобы имѣть возможность отстаивать свое положеніе, какъ государства, Финляндія неизбѣжно должна имѣть свои средства защиты» (Антель). «Что мы прежде всего должны сдѣлать, такъ это заложить прочный краеугольный камень нашего государственнаго устрой-

ства... создавъ возможно сильное и пригодное средство защиты» (Лагерборгъ и Н. Норденшельдъ). «Я съ удовольствіемъ прочелъ предложеніе сейму разсмотрѣть проектъ (устава), усматривая въ немъ большой шагъ въ политической жизни Финляндіи отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному» (Б. Шауманъ). «Безоружность — заслоняющая тѣнь вокругъ правъ финскаго государства...» «Отсутствіе національной защиты есть явный недостатокъ нашихъ учрежденій». «Я не думаю, чтобы къ тому, котораго, хотя бы только по недоброжелательству, можно назвать безоружнымъ и покровительствуемымъ, будутъ относиться съ такимъ же уваженіемъ, какъ если бы онъ былъ вооруженнымъ союзникомъ». (Л. Мехелинъ). «Теперь, съ передачей устава о воинской повинности (говорилъ депутатъ Ятиненъ), намъ предлагается случай къ основанію нашего національнаго существованія». «Предоставляя странѣ возможность получить свою хорошую военную силу, тѣмъ самымъ признаютъ, что подчиненное политическое положеніе, въ какомъ страна до сихъ поръ находилась, представляется возможнымъ прекратить» (генералъ-лейтенантъ Альфтанъ) [33]).

Итакъ, на сеймѣ 1877—1878 гг., да и вообще за все время, начиная съ шестидесятыхъ годовъ, финляндцы заботились «заложить прочный краеугольный камень» новаго своего государства. Они сами, слѣдовательно, сознавали, что фундаментъ ихъ государственной постройки не достаточно проченъ. И дѣйствительно, вся ихъ новая государственная затѣя нуждалась въ серьезныхъ подпоркахъ и скрѣпахъ. . . .

Весь «финляндскій вопросъ» и вся смута послѣднихъ лѣтъ, кончившаяся убійствомъ финляндскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Н. И. Бобрикова, исходятъ изъ разности воззрѣній русскихъ и финляндцевъ на политическое положеніе Великаго Княжества въ составѣ Россійской Имперіи.

Русскіе (не всѣ, конечно) признаютъ Финляндію за провинцію или окраину съ широкой автономіей, дарованной великодушнымъ соизволеніемъ Всероссійскаго Монарха; финляндцы, напротивъ, видятъ въ ней «государство», состоящее въ уніи съ Россіей.

«Съ русской стороны не хотятъ признавать финляндской конституціи, писалъ Н. К. Фредериксенъ. Въ одномъ этомъ, по его мнѣнію, заключается крайняя помѣха для добрыхъ отношеній ко всему населенію Финляндіи и свободомыслящей Европѣ» [34]).

Все это въ извѣстной мѣрѣ справедливо.

Не смотря на всю важность этого вопроса, мы здѣсь во всемъ объемѣ разсматривать его не будемъ. Мы имѣли случай высказаться по дѣлу въ книгѣ «Справка о конституціи Финляндіи» (Спб. 1900 г.),

которая вышла затѣмъ подъ заглавіемъ «Юридическое положеніе Финляндіи» (С. К. Михайлова); она была переведена также на французскій языкъ и напечатана въ Парижѣ въ 1902 г., подъ названіемъ «Condition juridique de la Finlande». Для освѣщенія разсматриваемаго финляндскаго вопроса, считаемъ достаточнымъпредставить лишь нѣсколько общихъ положеній изъ исторіи развитія мѣстнаго политическаго правосознанія, которыя раскроютъ причины противоположныхъ воззрѣній на финляндскую «конституцію» и финляндскую «государственность».

Единственный актъ, который имѣетъ международное значеніе и которымъ установлено нынѣшнее политическое положеніе Великаго Княжества, т. е. Фридрихсгамскій мирный трактатъ (5/17 сент. 1809 г.), въ главной своей части гласитъ, что «губерніи сіи. . . будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской». . . (статья IV). Далѣе въ томъ же трактатѣ говорится, что Императоръ Всероссійскій, по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія, обезпечилъ жителямъ пріобрѣтенныхъ областей свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и ихъ преимущества (ст. VI). Такова основа «конституціи» Финляндіи.

Финляндцы видятъ основу «конституціи», а, слѣдовательно, и «государственнаго» положенія Великаго Княжества, въ Высочайшей грамотѣ 15 Марта 1809 г., въ которой сказано: «Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности, и всѣ поданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимой ихъ силѣ и дѣйствіи; въ удостовѣреніе чего сію грамоту собственноручнымъ подписаніемъ Нашимъ утвердить благоволили [35]).

Въ этомъ документѣ, который финляндцы считаютъ своимъ Magna charta,—если въ немъ искать основы для Финляндскаго «государства»,—все неясно и потому спорно. Слова «коренные законы» не составляютъ никакого юридическаго термина, почему имъ можно придавать лишь обыденный житейскій смыслъ. Императоръ не опредѣлилъ ни содержанія, ни названія тѣхъ законовъ Швеціи, которые онъ подразумѣвалъ подъ «коренными». А между тѣмъ, если онъ имѣлъ въ виду Форму Правленія 1772 г. и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 г., то долженъ былъ точно указать, въ какихъ частяхъ они сохраняли свою силу, ибо болѣе половины ихъ не могла быть совершенно примѣнена къ новому положенію Финляндіи. Граница физически и политически непримѣнимаго въ сихъ законахъ остается до сихъ поръ не установленной Верховною Властью. Понятіе объ «основныхъ за-

конахъ» края ни однимъ постановленіемъ не опредѣлено. Слѣдовать же за произвольными толкованіями ихъ финляндскими юристами и публицистами мы отказываемся. Они утверждаютъ, что Финляндія государство и имѣетъ конституцію, а сами до сихъ поръ не столковались ни о юридической природѣ «союза» Финляндіи съ Россіей, ни о томъ, что именно слѣдуетъ разумѣть подъ понятіемъ «основной законъ». «Удостовѣреніе» (försäkran), объявленное Императоромъ Александромъ I въ Борго и подписанное всѣми его державными Преемниками, не есть присяга шведскихъ королей, какъ желаютъ видѣть финляндцы, безъ малѣйшаго къ тому основанія, а актъ равнозначущій жалованной грамотѣ, универсалу, рескрипту, указу и т. п., которые изстари давались нашими государями населенію вновь завоеванныхъ и присоединенныхъ къ Россіи областей и даже жителямъ отдѣльныхъ городовъ. «Конституція» Финляндіи не есть извѣстное парламентское устройство, а лишь законное основаніе правъ и преимуществъ вообще [36]).

Въ нашихъ основныхъ законахъ для Финляндіи никакихъ изъятій не сдѣлано и свойства самодержавной власти русскихъ Монарховъ не измѣнены по отношенію къ Финляндіи, точно также какъ для нея не произведено никакихъ измѣненій въ началахъ нашего общегосударственнаго строя. Все политическое положеніе Финляндіи мы въ правѣ, поэтому, разсматривать «подъ угломъ зрѣнія общеимперскаго строя русской автократіи» и въ привилегіяхъ сего края видѣть ничто иное, какъ внутреннее государственное дѣло Россіи. Какъ объектъ государственной власти, Финляндія есть часть Россіи. Императоръ Александръ I говорилъ Р. Ребиндеру, что финны могутъ упрочить свое положеніе и работать «на пользу державы, часть которой ихъ край составляетъ отнынѣ». Тоже самое было повторено Императоромъ Александромъ II въ рѣчи 12 (24) марта 1856 г., произнесенной въ финляндскомъ сенатѣ:... «вы составляете часть великой семьи, глава которой Императоръ Россіи» [37]).

Императоръ Александръ I, говоря о сохраненіи краю правъ и привилегій, очевидно, понималъ подъ ними «вѣками сложившійся въ этомъ краѣ порядокъ», особый укладъ жизни финскаго народа, всю совокупность особенностей Финляндіи, коими она рѣзко отличалась отъ Россіи и т. п. Все это Государь желалъ сохранить покоренному населенію, вмѣстѣ съ тѣми кореннымъ законами, на которыхъ основывался этотъ порядокъ, т. е. съ законами, «кои странѣ сей свойственны», какъ говорилось въ указѣ Комиссіи Финляндскихъ дѣлъ отъ 18 окт. 1809 г. Законы оставлялись краю «въ томъ видѣ, какъ они существуютъ и дѣйствуютъ». На финляндской же территоріи шведскіе государственные законы послѣ 1809 г. не могли, конечно, дѣйствовать и примѣняться въ полномъ ихъ объемѣ, ибо Финляндія не представляла изъ

себя нѣчто цѣлое, или самостоятельное, она даже во время шведскаго владычества была только частью шведскаго государства. Финляндія никогда не имѣла не только государственной, но даже провинціальной автономіи. Все, что ей дано и что за нею признается есть своего рода homerule, земская автономія.

Либеральное отношеніе Россіи къ внутреннему самоуправленію финляндцевъ представляетъ единственное въ своемъ родѣ явленіе въ исторіи великихъ державъ,—если не считать незначительныхъ Нормандскихъ острововъ,—и финляндцы должны были бы это цѣнить. Финляндіи дано было настолько широкое внутреннее управленіе, что съ теченіемъ времени руководители мѣстной политики впали въ соблазнъ истолковать его, какъ новое государственное положеніе Великаго Княжества. Для этого въ ихъ распоряженіи оказались нѣкоторыя подходящія данныя, которыми они незамедлили воспользоваться. Но вся совокупность историческихъ условій и юридическихъ нормъ не позволяютъ намъ признать Финляндію за новое государство.

Императоръ Александръ I хотѣлъ осчастливить «конституціей» не только маленькую Финляндію, но и великую Россію. Но желать и имѣть намѣреніе не значитъ еще дать, или осуществить. Онъ говорилъ о «loi fondamental», о «votre constitution», объ «existence politique» и т. п. Но во всемъ этомъ приходится видѣть не болѣе, какъ слѣды мечтаній молодости, первые порывы неискушеннаго еще опытомъ жизни воспитанника Лагарпа. Кромѣ того, надо помнить, что Императоръ Александръ I понималъ конституцію весьма своеобразно. Въ г. Борго онъ далъ сейму лишь совѣщательный голосъ, а польская конституція нарушалась, какъ только она показалась стѣснительной для авторитета его власти [38]). Онъ увлекался конституціею и даже республиканскимъ режимомъ, но когда отъ словъ нужно было перейти къ дѣлу и ограничить свою властъ, въ немъ пробуждался самодержецъ, который крайне не одобрительно относился ко всѣмъ, кто протягивалъ свои руки къ его правамъ. Императоръ Александръ I началъ конституціонными мечтаніями, но кончилъ тѣмъ, что «въ законѣ и жизни» остался вѣрнымъ историческому принципу безусловнаго самодержавія. Всѣ извѣстныя броженія и колебанія Александра I привели одного нашего профессора недавно къ такому выводу: «Давъ конституцію финляндцамъ только въ принципѣ, Императоръ Александръ I и сохранилъ ее за ними только въ принципѣ» [39]). Обѣщанія были высказаны въ общихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ и финляндцамъ потребовалось не мало труда, чтобы сложить изъ нихъ что-либо похожее на конституцію и комментировать ихъ въ пользу задуманной ими «государственности», такъ какъ историческихъ свидѣтельствъ, разрушающихъ ихъ политическую легенду немало.

Членъ боргоскаго сейма, баронъ Маннергеймъ, призналъ, что въ Борго «полнаго сеймоваго рѣшенія, требуемаго конституціонными формами не было подписано... Существенною стороною сейма было торжественное обѣщаніе Государя сохранить законы страны, права и привилегіи, а также учрежденіе собственнаго управленія, совершенно обособленнаго отъ русскаго. . . Оставалась надежда, что на будущихъ сеймахъ удастся организовать и укрѣпить конституцію Финляндіи». Гр. Г. М. Армфельтъ и Ребиндеръ, стоявшіе въ Петербургѣ на стражѣ финляндскихъ интересовъ, пользовались подходящими случаями, но предложить земскимъ чинамъ конституцію все-же не удавалось. Въ 1819 г. Ребиндеръ, составивъ проектъ «государственной организаціи и управленія» Финляндіи, не добился, однако, его утвержденія. Поэтому финляндскимъ ученымъ оставалось признать фактъ, что Императоръ «утвердилъ религію, права собственности и привилегіи, но это нѣчто совершенно иное, чѣмъ признаніе Финляндіи особымъ государствомъ». Такъ они и дѣлали вначалѣ [40]).

Первымъ о государственныхъ правахъ Финляндіи заговорилъ (въ 1838 г.) докторъ медицины Израэль Вассеръ. Противъ него сейчасъ же поднялся доцентъ абоскаго университета А. І. Арвидсонъ, доказывая, что 5 (17) іюня 1808 г. Финляндія была объявлена русской провинціей. Извѣстный шведскій историкъ Эрикъ Гейеръ также возразилъ Вассеру, признавъ Финляндію только русской провинціей. Въ сороковыхъ-же годахъ финляндецъ Карлъ фонъ-Бюргаузъ доказывалъ, что всякія заявленія шведа Вассера о Финляндіи, какъ государствѣ, необходимо причислить къ разряду политическихъ nonsens» Профессоръ гельсингфорскаго университета Пальменъ въ своемъ «Юридическомъ учебникѣ» [41]), который являлся единственнымъ и наиболѣе распространеннымъ въ Финляндіи пособіемъ, признавалъ Финляндію провинціей, присоединенной къ Россіи по Фридрихсгамскому миру.

Императоръ Николай Павловичъ не одобрялъ окраинной политики своего брата и, со свойственной ему рыцарской прямотой, высказалъ это въ рѣчи (1835 г.), обращенной къ полякамъ. Императоръ Александръ, сказалъ онъ, сдѣлалъ «для васъ болѣе, чѣмъ слѣдовало сдѣлать русскому императору (Я говорю это, потому что такъ думаю), онъ осыпалъ васъ благодѣяніями, онъ былъ расположенъ къ вамъ болѣе, чѣмъ къ собственнымъ подданнымъ, и сдѣлалъ васъ цвѣтущимъ и счастливѣйшимъ народомъ, а вы заплатили самой черной неблагодарностью...» [42]). Зная воззрѣніе Государя, финляндскія учрежденія не подымали при немъ никакихъ конституціонныхъ вопросовъ, а впослѣдствіи одинъ изъ ораторовъ сейма, характеризуя его царствованіе, уподобилъ его времени рабства евреевъ въ Египтѣ.

«При вступленіи на престолъ Императора Александра II, гр. А.

Армфельтъ представилъ къ подписанію грамоту или такъ называемое «удостовѣреніе» о сохраненіи Финляндіи религіи, коренныхъ законовъ и привилегій, буквально списанную съ грамоты Императора Николая. Но Императоръ Александръ, усмотрѣвъ въ русскомъ изложеніи выраженіе «коими доселѣ по конституціямъ ихъ пользовались», не подписалъ этой грамоты и вычеркнулъ слово «по конституціямъ», замѣнивъ его «по постановленіямъ». Присутствовавшій гр. Армфельтъ предупредительно сказалъ: «Sir, si Vous ne voulez pas être un monarque constitutionnel, ne signez pas».

Для Россіи и Финляндіи началась новая эра. Повѣяло либерализмомъ...

Во время коронаціонныхъ торжествъ, профессоръ гельсингфорскаго университета Ф. Л. Шауманъ произнесъ политическую рѣчь, въ которой требовалъ возстановленія сейма. Государь уже раньше склонялся къ созыву земскихъ чиновъ, но обстоятельства не благопріятствовали осуществленію его плановъ: въ Россіи просили конституціи, Польша бунтовала. Однако приготовительныя работы къ сейму начались и тутъ вновь обнаружилось большое разногласіе во мнѣніяхъ относительно силы дѣйствія въ Финляндіи прежнихъ основныхъ государственныхъ законовъ Швеціи. Сенаторъ фонъ-Гартманъ ополчился противъ проф. Ф. Л. Шаумана, находя его рѣчь почти подстрекательствомъ къ возстанію и доказывая, что тѣ опредѣленія основныхъ законовъ, на коихъ, по мнѣнію профессора, основывается право земскихъ чиновъ контролировать финансовое управленіе края, «давно уже отмѣнены и лишены значенія юридическихъ нормъ еще во времена шведскаго владычества». Воззрѣніе Гартмана раздѣляли Армфельтъ, Шернваль-Валленъ и другіе высокопоставленные финляндцы, стоявшіе у власти. [43]). Проф. Нервандеръ находилъ, что «Финляндія не самостоятельна и не имѣетъ исторіи и не будетъ никогда самостоятельной»; «финны не составляютъ націи, ибо не имѣютъ исторіи. До 1809 г. Финляндія была лишь частью Швеціи, а послѣ 1809 г. стала частью Россіи. Собственныхъ формъ законодательства и управленія Финляндія не выработала». Профессоръ гельсингфорскаго университета І. В. Росенборгъ (въ 1857 г.), характеризуя Форму Правленія и Актъ Безопасности, заявилъ: «такъ называемые основные законы Финляндіи темны и двусмысленны въ своихъ выраженіяхъ и отчасти не заключаютъ въ себѣ того, что въ нихъ ищутъ; права сословій также двусмысленны и могутъ подавать поводы къ спорамъ и недоразумѣніямъ; во всякомъ случаѣ эти права далеко не таковы, какими они должны быть, дабы возможно было поставить Финляндію на ряду съ конституціонными государствами». Слѣдовательно, въ нѣдрахъ финляндской учености и правящихъ классовъ существовало

сильное теченіе, неблагопріятствовавшее тѣмъ теоріямъ, которыя возобладали въ Великомъ Княжествѣ впослѣдствіи. Большинство финляндцевъ, какъ удостовѣряетъ Снельманъ, наканунѣ созыва сейма 1863 г. имѣли крайне смутныя понятія о сущности основныхъ законовъ. Всѣ они, кажется, понимали однако, что Актъ Соединенія и Безопасности 1789 г. сдѣлалъ короля самодержавнымъ [44]).

Идея, брошенная Вассеромъ, родила заманчивую мечту. Въ хаосѣ организаціонной работы періода присоединенія Финляндіи и въ либеральныхъ словахъ, которыми воспитанникъ Лагарпа искалъ популярности среди чужихъ народовъ, отыскивался подходящій матеріалъ для осуществленія этой мечты, и финляндцы рѣшили, что обнаруженные недочеты въ государственномъ положеніи Финляндіи нужно было восполнить; недостававшее надо было пріобрѣсти. Они дружно принялись за работу и пользовались всякимъ подходящимъ для нихъ случаемъ. Сенаторъ Снельманъ привлеченъ былъ къ составленію проекта рѣчи для открытія сейма и вотъ, если не объясненіе, то догадка, почему въ ней появились строки о томъ, что оставляется «неприкосновеннымъ принципъ конституціонной монархіи, вошедшій въ нравы финляндскаго народа и запечатлѣвшій всѣ законы и учрежденія» края... Министръ статсъ-секретарь гр. А. Армфельтъ, пользуясь заявленіемъ Государя о томъ, что многія постановленія коренныхъ законовъ оказались несовмѣстимыми съ новымъ положеніемъ Финляндіи, исходатайствовалъ въ 1864 г., за спиной генералъ-губернатора, разрѣшеніе учредить комиссію Норденстама, для составленія «Уложенія Великаго Княжества», которое должно было въ сущности явиться полной финляндской конституціей.—Для руководства этой комиссіи дана была особая программа, выработанная также исключительно при статсъ-секретаріатѣ, которая рекомендовала имѣть въ виду шведскіе государственные законы, т. е. Форму Правленія 1772 г. и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 г. Финляндцы упорно шли къ намѣченной цѣли и потому гр. А. Армфельтъ не остановился, въ своей ссылкѣ на законы 1772 и 1789 гг., передъ хорошо извѣстнымъ ему фактомъ, что не далѣе, какъ 1862 г. Императоръ Александръ II собственноручно на поляхъ доклада Финляндскаго Комитета начерталъ: «Съ этимъ заключеніемъ я не могу согласиться, ибо постановленіе 21 августа 1772 г. отмѣнено позднѣйшимъ актомъ отъ 21 февраля и 3-го апрѣля 1789 г. Слѣдовательно, сей послѣдній законъ одинъ теперь обязателенъ и долженъ служить руководствомъ и впредь» [45]).

Комиссія Норденстама выработала законченную конституцію, въ которой опредѣленно говорилось, что «ни Государь Императоръ не можетъ безъ согласія земскихъ чиновъ, ни земскіе чины не могутъ безъ согласія Государя Императора постановить какіе-либо основные

законы или отмѣнять прежніе».—«Уложеніе» комиссіи Норденстама не удостоилось Высочайшаго утвержденія, очевидно, потому что вовсе не соотвѣтствовало истиннымъ воззрѣніямъ Государя, который не былъ склоненъ къ конституціи, ограничивающей его власть. Противъ конституціи Государь высказался не по капризу, а по глубокому сознанію. Вотъ къ тому маленькая иллюстрація [46]).

«Чего вы хотите? спросилъ (въ сентябрѣ 1865 г.) Императоръ Александръ II звенигородскаго уѣзднаго предводителя дворянства Голохвастова. Конституціоннаго образа правленія?» Выслушавъ утвердительный отвѣтъ Голохвастова, Государь продолжалъ: «И теперъ вы, конечно, увѣрены, что я изъ мелочнаго тщеславія не хочу поступиться своими правами! Я даю тебѣ слово, что сейчасъ, на этомъ столѣ, я готовъ былъ бы подписать какую угодно конституцію, если бы былъ убѣжденъ, что это полезно для Россіи. Но я знаю, что сдѣлай я это сегодня и завтра Россія распадется на куски». . . .

Одновременно съ «Уложеніемъ», которое являлось ничѣмъ инымъ, какъ новой Формой Правленія для Великаго Княжества, Государю представили проектъ Сеймового Устава. Извѣстно, что Императоръ Александръ II собственноручно вычеркнулъ въ первомъ проектѣ сего Устава всѣ ссылки на прежнюю шведскую Форму Правленія 1772 г. [47]).

Всѣ подобныя резолюціи финляндцевъ не смущали и не останавливали. Статсъ-секретаріатъ отправилъ ихъ въ свой архивъ, откуда стали извлекаться только въ послѣдніе годы, при допускѣ туда русскихъ изслѣдователей.

Насталъ 1877 г.—Сейму надлежало разобраться въ вопросѣ о новой всеобщей воинской повинности. Вліятельная газета того времени «Helsingfors Dagblad» (№ 1) распространилась о томъ, что въ отношеніяхъ Финляндіи къ Россіи много неопредѣленнаго, что постановленія о правѣ финскаго народа участвовать въ установленіи налоговъ неясны, что статьи Формы Правленія часто сомнительныя и колеблющіяся и т. п., почему газета совѣтовала воспользоваться предстоящимъ разсмотрѣніемъ устава о воинской повинности для закрѣпленія нѣкоторыхъ сомнительныхъ правъ. Земскіе чины вняли совѣту. Часть устава о воинской повинности они превратили въ конституціонный законъ и внесли въ него такія положенія, которымъ вовсе не надлежало быть среди его параграфовъ. Но особенно сеймъ позаботился о томъ, чтобы удержать за собой средства, необходимыя на военные расходы. Съ конституціонной точки зрѣнія было, конечно, желательно, чтобы вся потребная,—сверхъ милиціонныхъ наличныхъ денегъ,—сумма покрывалась изъ средствъ, которыя будутъ назначены для этой цѣли земскими чинами. Въ виду этого, по совѣту одного оратора, земскіе чины не установили постоянной подати, а рѣшили опредѣлять

налоги отъ сейма до сейма, дабы не выпустить изъ своихъ рукъ власти надъ военной силой края. Сеймъ не ограничился этимъ, а устанавливая, кто долженъ указывать потребныя для войска средства, разсмотрѣлъ предварительно вопросъ о томъ, кто, сеймъ или сенатъ, обладаетъ бо́льшею силою противодѣйствія русскому правительству, въ случаѣ если со стороны этого правительства возникнутъ безмѣрныя требованія. Одни депутаты держались того мнѣнія, что сенатъ обладаетъ особой возможностью противодѣйствія; другіе—высказались за сеймъ. Третьи стояли на томъ, что впослѣдствіи русское правительство можетъ найти способъ поставить себя внѣ всякой зависимости отъ чрезвычайныхъ податей, налагаемыхъ сеймомъ, и тогда даже право сейма опредѣлять чрезвычайныя подати отъ одного сейма до другого не гарантируетъ того, что земскіе чины будутъ въ состояніи держать въ своихъ рукахъ воинскую повинность [48]).

Въ этомъ духѣ и направленіи сеймъ работалъ долго и упорно.

Финляндцы особенно желали подчинить все финансовое хозяйство края контролю сейма. Къ этому наиболѣе стремилась либеральная партія. Къ намѣченной цѣли сеймъ пробирался разными путями. Чтобы расширить свои финансовыя прерогативы, онъ увеличивалъ, напримѣръ, количество тѣхъ податей, которыя признавались чрезвычайными, такъ какъ вотировать ихъ онъ считалъ своимъ неотъемлемымъ правомъ, и въ то же время сокращалъ бюджетные періоды. Затѣмъ была сдѣлана попытка поставить дѣло такъ, чтобы весь бюджетъ, въ полномъ его объемѣ, устанавливался земскими чинами, но предсѣдатели сословій не рѣшились сперва допустить даже дебатовъ по этому предложенію. Исторію сеймовыхъ захватовъ того времени можно пополнить еще указаніемъ на неправильное присвоеніе земскими чинами себѣ права распоряжаться вакантною податью, которая до 1878 г. всецѣло находилась въ рукахъ правительства. Въ 1878 г. гербовый сборъ также перешелъ въ категорію чрезвычайныхъ податей, вотируемыхъ сеймомъ. Пользуясь затруднительнымъ положеніемъ нашего денежнаго рынка въ періодъ войны 1877—1878 г.г., финляндцы добились полнаго обособленія своей денежной системы отъ имперской. Неоднократно земскіе чины навлекали на себя неудовольствіе Государя Императора Александра II, но это обстоятельство не измѣнило ихъ стремленій [49]).

Въ 1882 г. сенатъ сдѣлалъ попытку передать сейму таможенное дѣло, но не встрѣтилъ поддержки въ тогдашнемъ генералъ-губернаторѣ. Вопросъ о мѣстныхъ языкахъ всегда былъ предметомъ административнаго законодательства и тѣмъ не менѣе на сеймѣ 1897 г. шведоманы, не желая уступить новымъ требованіямъ финномановъ, пользовавшихся правительственной поддержкой, пытались законъ о языкѣ внести на разсмотрѣніе сейма. Въ 1905 г. шведоманы, вмѣстѣ уже съ

финноманами, стали добиваться сеймового закона объ обязательности финскаго языка въ рядахъ мѣстныхъ войскъ.

Указанными путями финляндцы усердно восполняли недостающее, т. е. раздвигали рамки своего мѣстнаго самоуправленія до границъ особой государственности. Они испрашивали себѣ новыя льготы, добивались новыхъ документовъ и т. п. Прежнія мечтанія о конституціи и абстракціи о государственности исподволь облекались такимъ образомъ въ плоть и кровь. Права сейма путемъ практики росли и ширились; а при генералъ-губернаторѣ гр. Ѳ. Л. Гейденѣ земскіе чины получили даже право моціи. Сеймъ не упускалъ случая къ расширенію своей власти и разными пріемами предметы, прежде не подлежавшіе его вѣдѣнію, очутились въ спискѣ его законодательства. Финляндцамъ, конечно, естественно было стремиться къ расширенію своихъ политическихъ правъ; нашимъ же представителямъ въ краѣ надлежало наблюсти за тѣмъ, чтобы государственные интересы Россіи не терпѣли ущерба. «Если бы, въ теченіе истекшихъ пятидесяти лѣтъ, права русскаго Самодержца въ Финляндіи поддерживались практикой съ тою же настойчивостью, какъ вели свое дѣло финляндцы, намъ не пришлось бы присутствовать при столь тягостныхъ для русскаго самолюбія событіяхъ, какъ тѣ, коими ознаменовалась общественная жизнь въ Финляндіи, начиная съ 1899 г.»[50]). Съ расширеніемъ правъ сейма, выступали новые мѣстные коментаторы, которые приспособляли и толковали наличные факты такъ, чтобы не оставалось сомнѣнія въ финляндской государственности. Въ тѣ періоды, когда финляндцы убѣждались, что за ихъ политическими стремленіями въ правящихъ сферахъ надзоръ ослабѣвалъ, они шли смѣлѣе къ желательной цѣли. А мы нашимъ незнаніемъ и нерадѣніемъ продолжали помогать имъ въ дѣлѣ возведенія ихъ государственнаго созданія.

Въ 1885 г. учреждена была комиссія А. фонъ-Вейсенберга для кодификаціи мѣстныхъ основныхъ законовъ. Финляндцы сдѣлали новую попытку обосновать свою «конституцію» и свою «государственность». Домогательства ихъ возросли до того, что они придумали вмѣнить своей «арміи» въ обязанность присягать Великому Князю «и странѣ». Мало того, они пожелали поставить Великаго Князя Финляндскаго подъ контроль министра статсъ-секретаря и потому сочинили положеніе о томъ, что «всякій актъ, содержащій рѣшеніе Императора и Великаго Князя, считается недѣйствительнымъ, если онъ не контрасигнированъ или не подписанъ статсъ-секретаремъ». Далѣе идти, конечно, нельзя было. . .[51]).

На Всероссійскомъ Престолѣ находился въ то время незабвенный Монархъ—Императоръ Александръ III—явившійся дивнымъ олицетвореніемъ той Самодержавной Власти, которой только и можетъ

жить многомилліонная и разноплеменная Россія. Государь не только отказался утвердить новые проекты, но усмотрѣлъ, что финляндскія политическія домогательства зашли слишкомъ далеко, вовсе не согласуясь съ государственными интересами Имперіи, а потому призналъ необходимымъ, рескриптомъ отъ 28 февраля 1891 г., указать, что ихъ заблужденія проистекаютъ изъ невѣрнаго толкованія тѣхъ началъ, на которыхъ зиждутся отношенія Великаго Княжества «къ Имперіи и Верховной Власти». Императоръ пояснилъ поэтому, что «Финляндскій край (а не государство) состоитъ въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской» и сохранилъ только «особый порядокъ внутренняго управленія». Его Державный Сынъ, нынѣ царствующій Государь Императоръ, въ манифестѣ 3 февраля 1899 г., вновь объявилъ, что «Великое Княжество Финляндское, войдя съ начала XIX ст. въ составъ Россійской Имперіи, пользуется, по великодушному соизволенію блаженныя памяти Императора Александра Благословеннаго и Его Державныхъ Преемниковъ, особыми въ отношеніи внутренняго управленія законодательства учрежденіями, кои соотвѣтствуютъ бытовымъ условіямъ страны».

Всероссійскіе Самодержцы, которые подписали «удостовѣреніе» привилегій Великаго Княжества и отъ которыхъ единственно зависитъ политическое положеніе Финляндіи, разъяснили, какъ надлежитъ понимать начала истиннаго отношенія ея къ Имперіи, и тѣмъ не менѣе финляндцы продолжаютъ настаивать на своей «государственности» и даже протестуютъ противъ послѣднихъ актовъ, въ которыхъ осуждены ихъ домогательства. Упорно желая настоять на своемъ, они, собравшись на чрезвычайный сеймъ 1899 г., составили протестъ противъ того направленія, въ которомъ наше правительство рѣшило вести финляндскую политику, доказывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, вопреки приведеннымъ актамъ, что Финляндія «государство». Заключеніе сейма было переведено на всѣ иностранные языки и обильно распространено по Европѣ.

Видимо не довольствуясь подобной пропагандой, нѣкоторые финляндцы взялись за перья и составили для ученыхъ Запада отдѣльныя справочныя книжки.

Одному помѣщику пришла мысль составить такой сборникъ актовъ и документовъ, изъ чтенія которыхъ иностранцы обязательно приходили бы къ выводу о наличности у Финляндіи всѣхъ прерогативъ «государства». Собравъ нужные для этой цѣли документы, онъ, прежде печатанія ихъ, рѣшился посовѣтоваться съ друзьями, также занимавшимися пропагандой этой идеи. Одинъ изъ нихъ, профессоръ, отвѣтилъ указаніемъ, что между актами есть такіе, которые «во всей полнотѣ для финляндцевъ не одинаково выгодны». Такъ именно

обстоитъ дѣло съ манифестомъ 5 іюля 1808 года и рескриптомъ 28 февраля 1891 г.; въ такихъ случаяхъ лучше всего пропускать весь актъ. Въ остальныхъ же случаяхъ, когда актъ не содержитъ чего-нибудь для цѣли менѣе благопріятнаго, было бы лучше, можетъ быть, привести актъ полностію съ курсивировкой тѣхъ мѣстъ, которыя имѣютъ для насъ особое значеніе». Другой совѣтникъ, бывшій сенаторъ, отвѣтилъ составителю, что такъ какъ, касаясь рескрипта 28 февраля 1891 г., приходится имѣть дѣло со щекотливымъ вопросомъ, то необходимо курсивировать или выдѣлить благопріятную часть; по вопросу же о манифестѣ 5 іюня 1808 года, бывшій администраторъ повторивъ приблизительно мысли профессора, прибавилъ, что лучше было бы «такой актъ, быть можетъ, выпустить».

Собравъ совѣты друзей, помѣщикъ, отличающійся рѣзкимъ и упорнымъ характеромъ, не послѣдовалъ ихъ указаніямъ, а составилъ свой сборникъ актовъ исключительно изъ извлеченій, могущихъ привести читателя къ выводу о существованіи какого-то Финляндскаго «государства». Въ предисловіи же онъ, вопреки истинѣ, написалъ, что «для достиженія краткости и наглядности, тѣмъ болѣе необходимыхъ, что признано неудобнымъ подчеркивать отдѣльныя выраженія въ текстѣ, несущественныя для цѣли части грамотъ исключены, но что эти части не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что могло бы по существу умалить значеніе положительной части извлеченій, въ томъ каждый можетъ убѣдиться изъ собранія нашихъ основныхъ законовъ и другихъ оффиціальныхъ источниковъ». Такъ появился сборникъ основныхъ законовъ, по которому учатся и наводятъ справки ученые Запада. Подъ предисловіемъ иныхъ сборниковъ (напр. «La constitution du Grand-Duché de Finlande, Paris 1900), вѣроятно съ цѣлью повышенія ихъ значенія, появлялись отмѣтки: «La comité de rédaction». Когда же затѣмъ ученые Европы составляли свои компиляціи, основанныя на подобномъ сборникѣ, то финляндцы спѣшили подхватить ихъ и заявить, что даже авторитеты Запада, самостоятельно изучивъ вопросъ по «подлиннымъ» документамъ, пришли къ убѣжденію о дарованіи Финляндіи Русскими Государями правъ особаго «государства». Такимъ пріемомъ финляндцы, очевидно, обманывали и своихъ, и чужихъ, а потомъ писали о несправедливомъ лишеніи ихъ будто бы закрѣпленныхъ за ними Царскимъ словомъ преимуществъ [52]).

Чтобы покончить съ эпизодами изъ исторіи политическихъ стремленій финляндцевъ, скажемъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ газета «Uusi Suometar», лейбъ-органъ финномановъ, проявляя большую предусмотрительность, выступила со статьей, въ которой жаловалась на малое распространеніе въ средѣ финскаго чиновничества иностранныхъ языковъ и на неумѣнье мѣстныхъ администраторовъ вращаться

въ высшихъ сферахъ, т. е. сферахъ правительственныхъ и политическихъ. Чтобы восполнить эти недостатки, газета предлагала опредѣлять молодыхъ даровитыхъ финновъ на службу, или прикомандировывать въ русскія посольства и наши иностранныя консульства, чтобы такимъ образомъ подготовить для Великаго Княжества будущихъ дипломатовъ.

Описанные эпизоды показываютъ съ достаточной наглядностію, какъ производилась работа превращенія Финляндіи провинціи въ Финляндію государство. Въ первые тридцать лѣтъ, по присоединеніи края, никто,—по свидѣтельству доцента Арвидсона,—не говорилъ въ Финляндіи о ея государственномъ положеніи, о ея представительномъ образѣ правленія. Въ первыя десятилѣтія «къ созданному яко бы въ Борго финскому государству, едва-ли осмѣливались относиться серьезно и едва-ли вѣрили въ его прочность», писалъ біографъ сенатора Снельмана проф. Т. Рейнъ. Арвидсонъ считалъ «обмѣнъ увѣреній на сеймѣ въ Борго простымъ политическимъ парадомъ». Даже еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ о какихъ-либо политическихъ и конституціонныхъ стремленіяхъ не могло быть и рѣчи, какъ удостовѣряетъ писатель края, В. Васеніусъ, въ сборникѣ «Финляндія въ XIX ст. (стр. 359). А теперь всѣ учебники и всѣ газеты полны утвержденій, что Финляндія—конституціонно-монархическое государство и насъ хотятъ увѣрить въ томъ, что таковымъ всегда и неизмѣнно было правосознаніе всего финскаго народа.

Работа созиданія финскаго государства продолжается. Многое остается еще сдѣлать финляндцамъ для «увѣнчанія зданія». По ихъ собственному признанію, вся «конституція» края пока сводится къ праву сейма участвовать въ законодательствѣ и въ самообложеніи. А потому въ будущемъ имъ надлежитъ сократить, если не совсѣмъ уничтожить, періоды между сеймами, добиться права вотировать бюджетъ, изъять дѣло обороны изъ вѣдѣнія русскаго военнаго вѣдомства, создать отвѣтственныхъ министровъ и контроль всей администраціи, получить своихъ консуловъ, свой дипломатическій корпусъ, свой флагъ и пр. и, быть можетъ, какъ иронизировалъ Снельманъ, своего періодически избираемаго президента. Часть перечисленныхъ вопросовъ была выдвинута избирателями города Улеоборга уже въ 1863 г. [53]). Въ настоящее время, вслѣдствіе изданія манифеста 3 февраля 1899 г., желаютъ размежеваться въ области общегосударственнаго законодательства и ведутъ кампанію съ такой энергіей, что русскіе готовы распространить права финляндскихъ земскихъ собраній на территорію Имперіи и ограничить власть Всероссійскаго Монарха по изданію общегосударственныхъ законовъ.

Разсказанная исторія финскаго правосознанія поучительна и казалось бы должна послужить урокомъ для будущихъ русскихъ дѣя-

телей, которые видятъ мощь Россіи въ крѣпкой сплоченности ея частей.

Пусть ошибки и нерадѣніе были въ прошломъ. Въ будущемъ ихъ повторять нельзя, иначе у воротъ столицы выростетъ Финляндская республика «съ президентомъ, избираемымъ на три года». Датскій журналистъ фонъ Іессенъ сообщилъ уже слухъ о томъ, что бывшій редакторъ гельсингфорской газеты «Nya Pressen», Аксель Лилле, готовитъ «для европейской печати» статью, въ которой «выставляетъ требованіе, чтобы, одновременно съ разрѣшеніемъ скандинавскаго кризиса, державы согласились объявить Финляндію нейтральнымъ государствомъ, играющимъ роль буфера между Россіей и Скандинавіей» [54]). Ѳ. П. Еленевъ въ одной изъ своихъ брошюръ по финляндскому вопросу писалъ: «Народная финская партія желаетъ создать изъ своей страны нейтральное государство, котораго независимость и нейтралитетъ были бы поставлены подъ гарантію Европы. Конечно, эти планы,— пока еще Россія не подверглась внутреннему разложенію и неурядицамъ, — скорѣе можно отнести къ области мечтаній, чѣмъ возможной дѣйствительности; однако въ критическую минуту... эти заманчивыя мечты способны придать финляндцамъ удвоенную энергію. Поэтому и на нихъ не слѣдуетъ смотрѣть съ улыбкой пренебреженія, а лучше позаботиться о томъ, чтобы и самыя такія мечтанія сдѣлались невозможными» [55]).

Русская власть всегда единолично встрѣчалась съ дружно дѣйствовавшими финляндцами и потому не могла избѣжать ихъ воздѣйствія. Еще Сперанскій совѣтовалъ власти «искать усилить себя подробностями управленія» въ Финляндіи. Но въ этомъ направленіи ничего почти не было сдѣлано. Не было у насъ даже продуманной системы дѣйствія на этой инородческой окраинѣ. Все дѣлалось случайно; центральныя учрежденія Имперіи дѣйствовали.вразбродъ. На каждомъ шагу видны колебанія и непослѣдовательность: то слово «конституція» вычеркивается, то вновь вписывается; то Форма Правленія 1772 г. отвергается, то признается. На постановку памятниковъ финскимъ побѣдамъ надъ русскими, на измѣненіе мѣръ и вѣсовъ сперва не было дано разрѣшенія, а по прошествіи нѣкотораго времени памятники воздвигнуты и мѣры и вѣсы измѣнены. При такихъ порядкахъ трудно ожидать какихъ-либо русскихъ успѣховъ на финляндской окраинѣ.

Въ два послѣднія царствованія въ правительственной программѣ неизмѣнно стояло указаніе на необходимость вести Финляндію къ тѣснѣйшему единенію съ Россіей. Для той же цѣли изданъ былъ манифестъ 3 февраля 1899 г. о порядкѣ составленія общегосударственныхъ законовъ. Но вслѣдствіе нашей непослѣдовательности и безхарактерности, работы по разъясненію и усовершенствованію манифеста

приняли уже такое направленіе въ административныхъ инстанціяхъ, что грозятъ содѣйствовать не къ единенію, а къ окончательному разъединенію Финляндіи съ Россіей.

Такой-же печальный результатъ можно ожидать отъ крупнѣйшей реформы нашихъ дней—созданія Государственной Думы. Финляндцы принялись уже доказывать въ печати, что имъ присутствовать въ Думѣ не слѣдуетъ. Монархъ можетъ, конечно,—говорятъ они,—предписать составить проекты совмѣстныхъ законовъ, касающихся, какъ Финляндіи, такъ и Россіи, но принятіе и утвержденіе такихъ законоположеній должно состояться въ порядкѣ, дѣйствующемъ въ каждой изъ этихъ странъ. Другими словами, финляндцы отрицаютъ всякое значеніе манифеста 3 февраля и не желаютъ, чтобы дѣйствіе Государственной Думы Имперіи распространялось на нихъ. У насъ,—продолжаютъ они,—имѣется уже та конституція, которая подготовляется для Россіи. Насъ поэтому нѣтъ надобности дѣлать участниками того, что хотятъ ввести въ Россіи. «Надѣемся, что конституціонная Россія будетъ уважать финляндскую конституцію», которая соотвѣтствуетъ условіямъ края [56]).

Какъ только подобныя воззрѣнія будутъ восприняты нашими современными реформаторами и Финляндія окажется внѣ дѣйствія постановленій Государственной Думы, можно считать отдѣленіе Великаго Княжества обезпеченнымъ и ея «государственное» положеніе въ будущемъ закрѣпленнымъ.

Прежде, когда въ Имперіи не существовало общегосударственнаго учрежденія, Финляндія, ссылаясь на то, что голосъ ея не принимается во вниманіе при рѣшеніи, напр., вопросовъ о войнѣ и мирѣ, претендовала на меньшую тягость по оборонѣ государства. Теперь создается для нея возможность принятія участія въ вопросахъ общеимперскаго характера и она спѣшитъ отречься отъ всякой претензіи высказываться по нимъ, съ единственной и очевидной цѣлью не имѣть политическихъ узъ, объединяющихъ ее съ Россіей, такъ какъ прямо заявляетъ, что ее не интересуетъ даже участіе въ составленіи основныхъ законовъ въ Имперіи по престолонаслѣдію. Короче, въ спискѣ частей Россійской державы, обязанныхъ посылать своихъ представителей въ Государственную Думу, Финляндія не желаетъ видѣть своего имени.

Финляндіи, какъ государства, мы не признаемъ. Мы считаемъ домогательства финляндскихъ политиковъ, направленныя къ возведенію ихъ края въ рангъ государства, настолько серьезными и вредными, что они побуждаютъ насъ согласиться съ изслѣдователемъ, который заявилъ: «Если бы Финляндія тѣмъ или инымъ путемъ присвоила бы

себѣ государственную отдѣленность, то немедленно должны были бы быть приняты самыя рѣшительныя мѣры къ уничтоженію такого положенія вещей [57]).

Финляндская «государственность» можетъ повести къ дурнымъ послѣдствіямъ для Россіи. Проф. Францъ Деспанье [58]) разсуждаетъ уже такъ, разсматривая финляндскій вопросъ съ международной точки зрѣнія: Финляндія вовсе не по милости русскаго Монарха получила свои права и сдѣлалась государствомъ; она вступила въ договоръ съ представителемъ Россіи и выговорила себѣ извѣстное положеніе. Она не присоединена, а вступила въ союзъ съ Имперіей. Правда, прибавляетъ французскій профессоръ, союзъ Финляндіи и Россіи не подходитъ подъ существующіе виды союзовъ, но въ этомъ повинно отсутствіе «пластичности» у доктрины, опредѣляющей характеръ различныхъ союзовъ. Исходнымъ пунктомъ политическаго положенія Финляндіи тѣмъ не менѣе является соглашеніе. Царь далъ обѣщаніе, а финляндцы приняли его. Кто же были договаривающіяся стороны? Съ одной стороны Императоръ Александръ I, а съ другой... сеймъ, хотя онъ и не представляетъ «державнаго правительства». Конечно, спохватывается Ф. Деспанье, договариваться съ Россіей долженъ былъ король Швеціи. «Но то, что этотъ король долженъ былъ сдѣлать сначала и самъ, онъ сдѣлалъ потомъ, ратификовавъ въ Фридрихсгамскомъ договорѣ 17 сентября 1809 г. шагъ, неправильно сдѣланный его подданными». «Такимъ образомъ, хотя и косвенно, но, тѣмъ не менѣе, очень ясно, Швеція поставила условіемъ,—уже принятымъ Царемъ для уступки Финляндіи,—неприкосновенность политической конституціи и основныхъ законовъ въ присоединенной странѣ». Слѣдовательно, Швеція, въ силу Фридрихсгамскаго трактата,—говоритъ Деспанье,—имѣетъ право требовать уваженія къ этой статьѣ договора. Мы напомнимъ еще разъ, что въ этой (VI) статьѣ опредѣленно сказано, что Императоръ обезпечилъ права Финляндіи «по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія»... Но этого французскій ученый не желаетъ видѣть, понимая огромную разницу между пожалованіемъ и договоромъ. Ему надо перенести финляндскую государственность изъ разряда внутреннихъ дѣлъ Россіи въ область международную и тогда иностранныя державы будутъ совершенно иначе разговаривать съ Русскимъ Дворомъ по «финляндскому вопросу» [59]). Если Финляндія получила свои права государства указаннымъ Ф. Деспанье порядкомъ, то возникшій конфликтъ можно передать на судъ третейскаго суда или международнаго ареопага.

Эту заботу проявилъ уже фонъ Баръ, ходатайствовавшій о передачѣ вопроса по русспфикаціи Финляндіи на судъ международнаго ареопага [60]). О подобномъ-же международномъ судилищѣ для разсмотрѣ-

нія спеціально финляндскаго дѣла хлопоталъ финляндецъ, принявшій шведское подданство, Эмиль фонъ-Квантенъ. Идеи Бара и Квантена, конечно, пришлись по сердцу финляндскимъ политикамъ-обособленникамъ, которые постоянно подавали апелляціи Европѣ, прося сочувствія и заступничества западныхъ парламентовъ, печати и ученыхъ.

Положить въ основу своихъ отношеній къ Россіи договоръ финляндцамъ разумѣется очень желательно. Достигнувъ этого, они заговорятъ съ Россіей въ иномъ тонѣ, какъ равноправные, и требованія ихъ естественно возрастутъ. Нѣкоторыя отношенія начинаютъ принимать уже характеръ договора. Напримѣръ, вся исторія съ манифестомъ 3 февраля 1899 г. и особенно выработка къ нему перечня предметовъ общегосударственнаго законодательства клонится къ тому, что впредь вопросы этой категоріи будутъ рѣшаться на началахъ, съ оттѣнкомъ договора. Не малымъ соблазномъ для коментарій явится присутствіе профессора международнаго права въ комиссіи,занятой составленіемъ сего перечня. Въ область международныхъ отношеній финляндцы рвутся давно; особенно опредѣленно они обнаружили свои желанія при составленіи для себя новаго Уголовнаго Уложенія.

Признаніе Финляндіи государствомъ неизбѣжно поведетъ затѣмъ къ мечтаніямъ о федераціи. Уже не разъ слышались голоса: создайте федерацію и пусть каждая народность живетъ своей свободной, независимой жизнью. Въ теоріи это, можетъ быть, и красиво и складно, но на практикѣ въ Россіи оно привело бы только къ хаосу. Не слѣдуетъ забывать, что федерація тамъ, главнымъ образомъ, возможна, гдѣ въ основаніи ея лежитъ національное единство. Тамъ же, гдѣ на лицо конгломератъ разныхъ національностей, какъ у насъ, федеративное начало неизбѣжно поведетъ къ раздору. Разные племенные элементы неизбѣжно будутъ стремиться къ разъединенію и обособленію. Это вполнѣ естественно. «Мы, — скажутъ поляки, — поддержимъ русское правительство, если оно будетъ польскимъ» [61]). «Мы,—заявятъ финны,—пойдемъ за правительствомъ, когда оно будетъ по духу финляндскимъ» и т. д. Получается картина безсмертнаго Крылова: «лебедь рвется въ облака, ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду». Ясно, что Россія, какъ могущественное народное государство, какъ великая держава, не можетъ желать федераціи. Значеніе имперіи росло исключительно въ тѣ періоды, когда она слѣдовала своей истинно-національной политикѣ, опираясь на честь и достоинство своего народа и служа «принципу истинныхъ выгодъ Россіи», какъ выразился императоръ Николай I.

Невозможна федерація. Но иное дѣло внутреннее самоуправленіе составныхъ частей Имперіи съ Самодержавнымъ Царемъ во главѣ, который все направляетъ, все уравновѣшиваетъ, все объединяетъ.

Начало самоуправленія, — говоритъ профессоръ Б. Чичеринъ, [62]) не противорѣчитъ неограниченной монархіи, а напротивъ, составляетъ необходимое ея восполненіе. Только допуская широкую систему самоуправленія, монархія удовлетворяетъ мѣстнымъ потребностямъ, только относясь къ ней съ полнымъ довѣріемъ, она вступаетъ въ живое общеніе съ народною жизнію, не оффиціальными путями, чрезъ посредство правящей бюрократіи, а лицомъ къ лицу.

Организующей силой Россіи должно остаться нравственное начало, воплощенное въ самодержавіи Какія бы ни создавались самоуправляющія единицы въ Россіи, ихъ должна связывать во-едино самодержавная власть [63]).

У Россіи имѣются свои жизненныя условія, которыми она поступиться не можетъ. Она могуча и славна своимъ самодержавіемъ. Подрывать ея политическаго идеала нельзя. Ея самобытные источники, основы ея жизни должны сохраняться неприкосновенными. «Монархическое начало лежитъ въ основаніи всѣхъ великихъ явленій русской исторіи; оно есть корень, изъ котораго выросли наша государственная жизнь, наше политическое значеніе въ Европѣ»,—говорилъ профессоръ Грановскій.

Со всѣмъ этимъ финляндцы должны считаться. Если Россія откажется отъ монархическаго начала, она перестанетъ существовать: «явятся царства Конотопское, Кишиневское» и другія, но могучей Россіи уже не будетъ.

Финляндцевъ смущаетъ власть «неограниченная» и имъ представляется, что истинная свобода, истинный прогрессъ и надлежащая законность совмѣстимы только съ ограниченной верховной властью. Они, очевидно, не усвоили себѣ истиннаго духа русскаго самодержавія и смѣшиваютъ его съ абсолютизмомъ и деспотіей. Юридически самодержавіе неограничено, но оно находитъ предѣлъ себѣ въ законахъ, имъ же санкціонированныхъ. Оно управляетъ по закону и ничто безъ закона не дѣлается. «Неограниченное самодержавіе пишетъ самому себѣ непреложный законъ, заимствованный изъ вѣчной правды» (В. А. Жуковскій). Воля государя создаетъ законы, но управленіе подчинено законамъ. Государь-Самодержецъ можетъ измѣнить законъ, но онъ не имѣетъ власти поступать въ управленіи противъ закона, пока онъ не измѣненъ. Иначе говоря: въ законахъ—воля государя, но власть управленія связана законами. Когда нѣтъ грани между волей законодательной и властью управленія, тогда самодержавіе превращается въ деспотизмъ.

Назначеніе самодержавія направлять всѣ сословія, всѣ группы, всѣ учрежденія, всѣ части Имперіи такъ, чтобы ими ни въ чемъ не нарушалась правда. Самодержавіе въ Россіи — это ея душа, ея воля, ея

разумъ, олицетворенные въ одномъ человѣкѣ. Съ русскимъ самодержавіемъ вполнѣ совмѣстима «та святая законность, безъ которой не можетъ существовать успѣшно человѣческое общество, та личная свобода, безъ которой нельзя жить по-человѣчески, наконецъ, та доля общественной свободы, которая есть не что иное, какъ, самое лучшее выраженіе и самое лучшее доказательство прочности порядка въ странѣ и незыблемости Верховной Власти» [64]).

По отношенію къ своимъ разнообразнымъ окраинамъ и разноплеменнымъ составнымъ частямъ Россія тѣмъ болѣе не можетъ отказаться отъ принципа самодержавія, что въ противномъ случаѣ у нея не останется единаго государственнаго связующаго начала. Окраины нашей Имперіи безпрепятственно могутъ пользоваться своими этнографическими, культурными, вѣроисповѣдными и иными особенностями. но обязаны признавать надъ собой общегосударственную Верховную власть, подчиняться ея немногимъ въ сущности велѣніямъ и довѣрять ея отеческимъ заботамъ. Безъ этого условія Россія окажется неспаянной, несогласованной, неуравновѣшенной, а, слѣдовательно, слабой. У Финляндіи, какъ и у другихъ окраинъ, не имѣется никакого основанія не довѣрять заботамъ и справедливости неограниченной власти Вѣнчаннаго Главы Россіи.

Финляндская автономія извлекала одну только пользу изъ неограниченной власти русскихъ государей. Монархъ, олицетворяя въ себѣ идею государства и народнаго блага, первый заступникъ обездоленныхъ. Отъ него поэтому лишенные земельной собственности могутъ ожидать улучшенія своего быта. Самодержавіе—символъ освобожденія народной трудящейся массы, залогъ равноправности и гармоническаго развитія, ибо монархъ стоитъ внѣ и выше всякихъ партій, сословій и независимъ также въ силу наслѣдственности своей власти.

Финская народность съ самаго покоренія Финляндіи послѣдовательно вызывалась къ жизни самодержавной властью, путемъ освобожденія этой народности изъ-подъ шведской опеки. Въ самодержавіи финская національность имѣла постоянную нравственную и матеріальную опору. Финскій языкъ получилъ права гражданства. Финноманы укрѣпились въ сенатѣ. Финскія начала расширены въ университетскомъ преподаваніи. Финскія школы умножены. На все это Верховная власть Имперіи выражала свое согласіе; и все это, слѣдовательно, не противорѣчитъ общимъ интересамъ Имперіи. Напрасно поэтому финляндцы вообще ссылаются на самодержавіе. До 1863 г. самодержавіе было въ Финляндіи безусловно и безспорно во всѣхъ областяхъ управленія. Нынѣ оно безспорно въ области экономическаго и административнаго законодательства, если даже признать конституціонное толкованіе Сеймового устава. Всѣ успѣхи, коими гордятся

въ Финляндіи, достигнуты при самодержавіи. Подобное обстоятельство должно бы побудить финляндцевъ менѣе критически относиться къ принципу самодержавія, и это тѣмъ болѣе, что они недостаточно искренни въ своихъ протестахъ. Какой бы образъ правленія ни существовалъ въ Россіи, они все равно протестовали бы и добивались своего. Ихъ программа ни съ чѣмъ русскимъ мириться не склонна, ибо конечная цѣль финляндцевъ полная независимость отъ управленія Россіи. Ни въ составъ Государственной Думы или Земскаго Собора они войти, какъ мы видѣли, не пожелаютъ. Протестующимъ финляндцамъ, особенно въ наши дни, полезно было бы вспомнить слова родоначальника финномановъ Снельмана. Онъ писалъ: «Новое царствованіе возбудило въ краѣ надежды на различнаго рода «свободу». Что касается меня, то я былъ опечаленъ извѣстіемъ о смерти Императора Николая I. Для меня было ясно, что только сильная царская рука могла насъ охранять, и что съ появленіемъ свободныхъ установленій въ Имперіи для насъ опасность должна была усилиться. Мы бы получили достаточно свободы, но то была бы свобода отправить нашихъ депутатовъ въ какое-нибудь національное собраніе въ Москву»... [65])

Общеимперская самодержавная власть опредѣляетъ направленіе всякой государственной работы, направленіе жизни политической, указываетъ, что отвѣчаетъ благу всей Имперіи, какъ въ коренныхъ ея частяхъ, такъ и на ея окраинахъ. Органы финляндскаго самоуправленія, а въ томъ числѣ и сеймъ, обязаны поэтому осуществлять эту волю и согласоваться съ нею. Вотъ почему, между прочимъ, въ общеимперскихъ вопросахъ заключенія сейма должны сводиться, главнымъ образомъ, къ указаніямъ путей для наилучшаго осуществленія Монаршей воли въ предѣлахъ Великаго Княжества и при наличныхъ въ немъ условіяхъ; одна только общеимперская власть можетъ и должна давать общегосударственному закону окончательную форму и санкцію [66]).

Давая разныя преимущества краю, русская власть въ правѣ требовать сознательнаго участія Финляндіи въ общегосударственной жизни, то есть тѣснѣйшаго единенія Финляндіи съ Имперіей. Но этой-то справедливой и естественной взаимности со стороны Финляндіи нельзя, къ сожалѣнію, ни въ чемъ усмотрѣть.

Финляндія всегда противопоставляется Россіи. Финляндія не только обособляется отъ Россіи, но выдвигается, какъ нѣчто конкурирующее, противодѣйствующее Россіи, и потому въ ней хотятъ усмотрѣть крайній оплотъ западной цивилизаціи противъ варварской Россіи; ее втягивали даже въ сферу «скандинавизма». Газета Wiborgsbladet сама признала, что съ 1 сентября 1882 г. она приняла на себя роль часового Финляндіи противъ Востока, съ цѣлью охраны родной культуры.

Въ послѣднія десятилѣтія Финляндія особенно упорно стала выдвигать свое государственное положеніе въ составѣ Россійской Державы. Сеймъ 1899 г. впервые открыто выступилъ съ формулировкою «государственныхъ» правъ Финляндіи и описаніемъ ея «конституціи». Европейскій міръ встрѣтилъ вновь народившееся сѣверное царство благосклонно, очевидно, въ разсчетѣ, при случаѣ, извлечь какую-нибудь пользу изъ новаго государства-буфера. Финляндцами Европа, кромѣ того, хочетъ воспользоваться, какъ передовымъ своимъ постомъ и оплотомъ противъ азіатскаго деспотизма [67]).

Со всѣми подобными обстоятельствами необходимо считаться тѣмъ болѣе, что «если стать на точку зрѣнія финляндцевъ, невозможно указать ни на одинъ принципъ, служащій звеномъ между коренной Россіей и Финляндіей, ни на одну отрасль государственной жизни, гдѣ оказывалась-бы солидарность воззрѣній и цѣлей, необходимая для общеимперской жизни составныхъ частей единаго государственнаго организма».

Финляндцы замкнулись въ свои интересы и, руководимые ложною теоріею о своемъ «государственномъ» положеніи, не выяснили себѣ и не сознали своихъ обязательствъ относительно Имперіи, даже не хотятъ признать, что въ области общеимперской самодержавная воля—законъ. [68]).

Признать это тѣмъ болѣе было легко для нихъ, что «требованіе русской власти ограничивается въ настоящее время лишь тѣмъ, чтобы въ правовомъ сознаніи руководящихъ классовъ Финляндіи и въ ея общественной жизни не совершалась работа надъ политическимъ разъединеніемъ и духовнымъ отчужденіемъ края отъ коренной Россіи [69]).

У финновъ имѣются хорошія качества. Россія, дорожа сими качествами, желаетъ призвать финновъ къ совмѣстной жизни, къ тѣснѣйшему единенію, къ осуществленію общегосударственныхъ задачъ. Такова главная задача русскаго правительства [70]).

«...Ни законодательнаго, ни административнаго самоуправленія уничтожить не предполагается и денаціонализаціи въ виду не имѣется, писалъ 8 сентября 1899 г. Вячеславъ Константиновичъ Плеве одному изъ своихъ сотрудниковъ. Желательно лишь, чтобы автономія не исключала начала нашего государственнаго права, согласно коему Финляндія есть область государства, управляемаго властью самодержавной. Что-же касается культуры, то конечно желательно ея дальнѣйшее развитіе, лишь бы она не поддерживала антагонизма по отношенію къ намъ Финляндіи. Съ высшей этической точки зрѣнія, задачи этой культуры должны бы заключаться въ отысканіи точекъ соприкосновенія между Западомъ и Востокомъ (разумѣя Востокъ не китайскій, а нашь славянскій) для дружной общей работы, для стремленія къ

осуществленію общаго идеала. Намъ необходимо согласовать принципъ самодержавія съ самоуправленіемъ. Для этого надо поработать прежде всего надъ раскрытіемъ духовной стороны русскаго самодержавія, намѣченной въ трудахъ первыхъ славянофиловъ, ради очищенія автократическаго принципа и отъ восточныхъ понятій, и отъ ереси просвѣщеннаго абсолютизма, подставляющаго подъ понятіе государства понятіе о личности самодержца и затемняющаго служебную роль автократическаго режима на благо народа» [71]).

Въ отвѣтъ на заботы правительства привлечь Финляндію къ общегосударственной жизни, представители этой окраины указываютъ на невозможность исполненія подобнаго плана, въ виду особой финляндской культуры и особой національности.

Изыскивая основанія для того, чтобы, стоя по возможности вдали отъ Россіи, дѣйствовать и развиваться самостоятельно, финляндцы,—а еще пожалуй чаще ихъ русскіе сторонники и единомышленники,—особенно подчеркиваютъ культурное превосходство Финляндіи передъ Россіей. Общій смыслъ дѣлаемыхъ по этому поводу заявленій, если ихъ выразить въ нѣсколько рѣзкой формѣ, таковъ: какое имѣете вы право, люди «татарской закваски,» распоряжаться въ европейски-культурной Финляндіи, гдѣ дѣйствуетъ высшее усовершенствованное «конституціонное» управленіе, тогда какъ у васъ господствуетъ всѣми оставленный принципъ самодержавія, т. е. совершенно чуждыя имъ этическія начала; не забывайте, что финляндцы культурнѣе васъ; подымитесь сперва до ихъ уровня и тогда они сами тѣснѣе примкнутъ къ вамъ, а теперь естественно, что они недовольны, состоя въ подчиненіи у «восточныхъ» варваровъ. Принесите съ собой нѣчто высшее на окраину и тогда распоряжайтесь въ ней. Русская гражданственность подходитъ для вогуловъ и юкагировъ, но не для финляндцевъ [72]).

Мы признаемъ, что дѣло культуры хорошо поставлено въ Финляндіи и что финскій народъ имѣетъ нѣкоторыя почтенныя достоинства и заслуживаетъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ полнаго уваженія. Несомнѣнно, что Финляндія оставляетъ «впечатлѣніе страны благоустроенной и пользующейся матеріальнымъ благосостояніемъ». На нашъ взглядъ, финны—народъ трудолюбивый, довольно гостепріимный, весьма заботливо относящійся къ чистотѣ и радѣющій о порядкѣ, гуманный къ женщинѣ и бережливый. О трудолюбіи и бережливости финна въ достаточной мѣрѣ говоритъ уже его внѣшній видъ. Лаптей давно уже «не видать даже въ полевой работѣ у поденщиковъ». Лошадка финна вообще сытая, сбруя исправная, таратайка часто на рессорахъ.

Высоко мы цѣнимъ любовь финна къ его родинѣ. Эта любовь прямо трогательна. Финны,

— „какъ ель родной земли
Къ сугробамъ сѣвера взросли".

Въ искренность ихъ словъ вполнѣ можно вѣритъ, когда они говорятъ или поютъ про свой край:

«Здѣсь все, чѣмъ въ жизни дорожимъ,
Здѣсь все, что любимъ, все, что чтимъ;
И нѣтъ нигдѣ земли другой
Намъ также милой, дорогой»...

О нравственности финна его собственная статистика говоритъ менѣе восторженно, чѣмъ туристы.

Грамотность финновъ едва-ли не болѣе другихъ вопросовъ края привлекала вниманіе русской печати. Статей, посвященныхъ финляндскимъ школамъ, теперь не легко уже перечесть. И дѣйствительно, эта сторона финляндской жизни заслуживаетъ полнаго одобренія. Число учебныхъ заведеній растетъ замѣчательно быстро.

Все, что касается сельскаго хозяйства, включая сюда лѣсоводство, рыболовство и кустарное производство, поставлено въ Финляндіи прекрасно. Финляндія—страна мелкой поземельной собственности, и мѣстная администрація, и мѣстныя частныя общества сдѣлали много полезнаго для мелкаго хозяйства. Земли размежеваны, почва изслѣдована, заведены всевозможныя сельскохозяйственныя учебныя заведенія: молочныя, садоводства, школы для ковки лошадей и т. п. По странѣ обязательно разъѣзжаютъ правительственные сельскохозяйственные инженеры, губернскіе агрономы, лѣсные и плужные инструкторы, садовники, наставницы молочнаго хозяйства. Прибавьте къ этому сберегательныя кассы для рабочихъ, сохранные банки, разнаго рода дѣятельныя общества и пр.—и предъ вами развернется весьма отрадная картина [73]).

Финансовое положеніе Финляндіи прочно, ея кредитъ хорошъ. Она въ правѣ гордиться также своими путями сообщенія и торговымъ флотомъ.

Итакъ, «среди огромныхъ территорій, охваченныхъ могучими крылами русскаго двуглаваго орла», Финляндія устроилась хорошо и живетъ счастливо. Народное благосостояніе поставлено удовлетворительно; просвѣщеніе массы поднято на значительный уровень, свобода гармонически сочеталась съ порядкомъ [74]). Ея внѣшняя культура давно привлекла вниманіе русскихъ, которые въ многочисленныхъ статьяхъ указывали на нее своимъ соотечественникамъ, рекомендуя многое, какъ достойное подражанія.

Финляндцы всѣ свои культурные успѣхи края приписываютъ исключительно «конституціи». Одинъ изъ ихъ публицистовъ, работающій въ русской повременной печати, писалъ: въ пятидесятыхъ годахъ экономическое положеніе финновъ напоминало остяковъ (?) «Ясно какъ день,—продолжаетъ онъ,—что поразительный подъемъ культурнаго и экономическаго состоянія Финляндіи всецѣло связанъ съ возстановленіемъ въ ней народнаго представительства при Александрѣ II» [75]). Такого мнѣнія держатся и многіе въ Россіи.

Значительную односторонность и предвзятость приведеннаго ходячаго взгляда не трудно раскрыть. Начало благосостоянію Финляндіи положила простая случайность. Переломъ въ жизни деревни и всей Финляндіи относится къ пятидесятымъ годамъ, когда стали пріѣзжать въ деревню «городскіе господа» скупать лѣсъ, строить у водопадовъ лѣсопильни и т. п. Лѣса Скандинавскіе значительно истощились и Европа сразу предъявила къ Финляндіи громадный спросъ на лѣсной матеріалъ. Лѣсу оказалось много. Финляндія вошла такимъ образомъ сразу и безъ особаго труда въ непосредственное сношеніе съ всемірнымъ рынкомъ и въ ней появились деньги. Вотъ моментъ огромной важности въ исторіи культурнаго развитія Финляндіи, почему рядомъ съ «конституціей» на первый разъ слѣдовало бы поставить вывозъ лѣсныхъ матеріаловъ. Эта одна сторона дѣла. А другая, также требующая разъясненія, заключается въ вопросѣ: сколько въ созиданіи хорошихъ путей сообщенія, школъ, торговаго флота, сельскохозяйственнаго порядка и пр. надо отнести на долю дѣятельности сеймовъ, на долю таланта, трудолюбія, разумной бережливости и другихъ качествъ финна, и сколько на долю счастливой его судьбы и главное—на щедроты самодержавной Россіи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Отнюдь не отрицая пользы финляндскаго внутренняго самоуправленія и воздавая должное значеніе распространенію грамотности въ Финляндіи, мы, тѣмъ не менѣе, по вопросу о причинахъ культурныхъ успѣховъ этого края, остаемся при особомъ мнѣніи и считаемъ что финляндцы за свое благоденствіе въ значительной мѣрѣ обязаны, прежде всего, Россіи, которая ихъ облагодѣтельствовала и поставила въ безпримѣрно счастливыя условія. Но, къ сожалѣнію, это постоянно забывается, или умышленно игнорируется и замалчивается, какъ самими финляндцами, такъ и русскими цѣнителями ихъ культуры.

Финляндцы обыкновенно жалуются, что ихъ край дурно одѣленъ природой. «Почва Финляндіи скудная, а климатъ суровый», говорятъ они.

Большія пространства Финляндіи покрыты скалами и болотами; часть ея расположена за сѣвернымъ полярнымъ кругомъ; но при всемъ томъ у нея есть кое-какія преимущества. Финляндія, какъ мы указали,

обладаетъ огромными лѣсами, которые легко превращаются въ богатство страны, благодаря безчисленнымъ озерамъ, рѣкамъ и окружающимъ морямъ. Она расположена между двумя столицами — Петербургомъ и Стокгольмомъ. Она обладаетъ колоссальной даровой двигательной силой, заключающейся въ ея водопадахъ и стремнинахъ и равняющейся по крайней мѣрѣ тремъ милліонамъ лошадиныхъ силъ. Около 200 лѣсопиленъ и 1500 мельницъ пользуются въ настоящее время сими даровыми двигателями, не говоря уже о заводахъ и фабрикахъ. Въ одномъ Таммерфорсѣ фабрики пользуются болѣе чѣмъ 4 тыс. даровыхъ лошадиныхъ силъ. Конечно, финляндцамъ дѣлаетъ честь, что всѣмъ этимъ они сумѣли воспользоваться.

Заявленіе о суровомъ климатѣ Финляндіи также слѣдуетъ принять съ нѣкоторой оговоркой. Въ климатическомъ отношеніи Финляндія поставлена не только лучше Вологодской, Олонецкой, Архангельской и др. губерній, находящихся на одной съ ней широтѣ, но и лучше многихъ другихъ губерній и областей, лежащихъ южнѣе ея. Средняя годовая температура для Финляндіи, напримѣръ, та же, что и для Москвы, Самары и Оренбурга, а средняя температура зимы одинакова для Улеаборга, Гельсингфорса, Астрахани и Таганрога.

Одною изъ главныхъ причинъ развитія финляндской культуры является незначительность той тягости воинской повинности, которую несло до сего времени финское населеніе. Она составляется изъ тягости личной и денежной и обѣ онѣ для Финляндіи всегда были изумительно облегчены. При шведскомъ владычествѣ къ краѣ, когда населеніе Финляндіи не достигало и полумилліона, финны обязаны были выставлять болѣе 13 тысячъ человѣкъ въ ряды войска, т. е. около 3 проц. всего населенія отдавать въ распоряженіе шведскаго правительства, ведшаго нескончаемыя войны со своими сосѣдями. Въ 1808—1809 г. Финляндія содержала около 22 тысячъ подъ ружьемъ, воюя съ нами. Едва она перешла въ русское подданство, какъ была до 1812 г. совершенно освобождена отъ обязательства держать войско, а затѣмъ, хотя и содержала егерскіе полки, стрѣлковые и поселенные баталіоны, но въ самомъ ограниченномъ количествѣ; напримѣръ, съ 1830 по 1846 г.—всего 2 тысячи человѣкъ, а съ 1868 по 1881 годъ только одинъ гвардейскій баталіонъ! Въ Россіи ко всеобщей воинской повинности перешли въ 1874 г., а въ Финляндіи только въ 1881 г. Россія выставляла 36 человѣкъ съ тысячи, а Финляндія только 9 человѣкъ (и то лишь съ 1889 г., а раньше выставляла еще меньше).

Но это пока только часть военнаго дѣла. Въ послѣднія десятилѣтія Россія должна была расходовать на военное дѣло отъ 24 до 28 проц. изъ общаго своего бюджета, а счастливая Финляндія отсчитывала на то же дѣло только около 16 проц., а съ 1862 по 1870

не болѣе 6½ проц. За пятилѣтіе съ 1894 по 1898 г. на военныя надобности въ Россіи на душу населенія падало расходовъ на 2 р. 83 к., а въ Финляндіи только 1 р. 35 к.

Было-бъ интересно подсчитать тѣ милліоны, которые финны сберегли при указанныхъ условіяхъ. Призывая въ ряды войска въ четыре раза меньше людей, чѣмъ въ Россіи, они имѣли возможность сохранить для своей земли многія сотни тысячъ рабочихъ рукъ и сберечь въ своей общественной кассѣ многіе милліоны рублей. Вслѣдствіе того, что на каждаго финляндца приходилось почти на полтора рубля меньше военныхъ расходовъ, чѣмъ на душу кореннаго населенія Россіи, финляндская казна сберегла за четверть вѣка по крайней мѣрѣ 50—60 милл. рубл. При маленькомъ бюджетѣ Финляндіи все это—колоссальныя суммы!

Говоря о военныхъ расходахъ, нельзя обойти молчаніемъ вопроса о постоѣ русскихъ войскъ въ Финляндіи, приносящемъ населенію немалые барыши. По исчисленію профессора Яснопольскаго, «чистый расходъ русскаго государственнаго казначейства въ Финляндіи» опредѣляется ежегодно почти въ 3½ мил. р. Чтобы понять значеніе этой цифры, допустимъ, что изъ указаннаго количества (3½ милл.) на постой войска причитается 2½ милл., а остальное расходуется на русскія школы и другія надобности, то и въ такомъ случаѣ эти 2½ мил. ліона замѣняютъ для Финляндіи богатѣйшіе золотые пріиски. Дѣйствительно, приливъ золота въ годъ на 2½ милл. р. составляетъ примѣрно по 1 р. 15 к. на каждаго жителя Финляндіи, тогда какъ Россія добывала золота въ годъ на 27 милл. руб., что на каждаго жителя составляло только 33 к. Итакъ, Финляндія, благодаря только постою въ ней русскихъ войскъ, получала изъ Россіи золота, относительно населенія, почти въ 3½ раза больше, чѣмъ Россія со всѣхъ своихъ золотыхъ пріисковъ.

Не имѣя возможности здѣсь подробно разбирать всѣ тѣ причины, которыя благотворно вліяли на развитіе финляндской культуры, приходится ограничиться въ дальнѣйшемъ однимъ лишь ихъ краткимъ перечнемъ.

Въ 1865 г. Финляндія получила свою монету. Сперва ея марка равнялась 25 коп., но съ теченіемъ времени финляндцы низвели нашъ рубль до 60 к. Ясно, что игра на курсѣ не обошлась безъ выгодъ для края. Русскіе серебрянные рубли въ то время покупались за 60 к., а сдавались въ русское казначейство въ Гельсингфорсѣ за 100 к. Послѣ же 1893 г. финляндская казна стала получать за каждыя 4 финскихъ марки 1½ русскихъ рубля. При такомъ условіи стоило, напр., финляндской казнѣ купить въ Петербургѣ русскихъ серебрянныхъ рублей на 8 милл. марокъ и затѣмъ перечеканить ихъ на сво-

емъ гельсингфорскомъ монетномъ дворѣ, чтобы положить въ подвалы финскаго банка 12 милл. мар.!

Въ 1867 г. финляндцамъ нужно было провести желѣзную дорогу до Петербурга. Денегъ у нихъ не было. Чтобы облегчить имъ дорогую постройку, девять поселенныхъ батальоновъ было упразднено, а сбереженіями отъ нихъ разрѣшено было погашать желѣзнодорожный заемъ.

Въ пажескомъ, морскомъ и военныхъ корпусахъ, а также въ Смольномъ институтѣ имѣются спеціальныя вакансіи для финляндскихъ уроженцевъ и «подданныхъ», и кромѣ того на Фридрихсгамскій корпусъ отпускалась ежегодно сумма для оплаты 20 стипендій.

Суда русскаго флота зарегистровываются въ Финляндіи въ число судовъ иностраннаго флота и потому имъ приходится платить большія портовыя пошлины, чѣмъ финляндскимъ, несмотря на то, что они плаваютъ подъ однимъ русскимъ флагомъ [76]).

Генералъ-губернаторъ Н. И. Бобриковъ хотѣлъ ввести на финляндскихъ желѣзныхъ дорогахъ пятикопѣечный сборъ въ пользу Краснаго Креста; финляндцы отказались, а Красный Крестъ не поддержалъ начальника края.

За заграничные паспорты финляндцы платятъ также меньше, чѣмъ русскіе, всего 3 р. (или 8 мар.) за пятилѣтній паспортъ, а мы—10 р. за полугодовой. [77]).

Обращаясь къ прошлому напомнимъ слѣдующіе факты.

Въ 1810 г. для финляндскаго банка отпущенъ былъ 1 милл. рублей заимообразно, но безъ всякихъ процентовъ.

Въ 1811 г. Финляндія получила цѣлую Выборгскую губ.—и съ тѣхъ поръ доходы съ этой губерніи поступаютъ не въ русскую, а въ финляндскую казну.

Финляндіи разрѣшили устроить по Петербургской губерніи, отъ Бѣлоострова до столицы, желѣзнодорожный участокъ, который является самымъ доходнымъ изъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ края, благодаря преимущественно наплыву дачниковъ въ лѣтнее время.

Въ 30 верстахъ отъ столицы Имперіи находится финляндская таможенная линія. Таможенный доходъ является главной статьей поступленія въ росписи Великаго Княжества. Сумма дохода достигаетъ уже 30 милл. марокъ и вся она отдается на нужды края; тогда какъ справедливость указываетъ, что она, по примѣру другихъ государствъ, могла бы быть относима къ общегосударственному достоянію. Чтобы не распространяться о значеніи таможни, укажемъ только на тотъ фактъ, что статсъ-секретаріатъ въ семидесятыхъ годахъ призналъ необходимымъ не показывать въ отчетѣ управленія Финляндіи цифровыхъ данныхъ въ общихъ и таможенныхъ доходахъ края, дабы эти

данныя не послужили поводомъ русскому правительству вмѣшиваться въ дѣла Великаго Княжества. Когда позднѣе въ мѣстной печати зашла рѣчь о той же таможнѣ, то финляндцы заявили, что никогда не откажутся отъ таможенныхъ доходовъ страны.

А сколько милостей даровано затѣмъ гельсингфорскому университету!

Страна безпримѣрныхъ льготъ и привилегій не участвуетъ въ уплатѣ государственнаго долга Имперіи, вызваннаго преимущественно надобностями охраны границъ; она не расходуетъ ничего на министерство иностранныхъ дѣлъ, оберегающее интересы Финляндіи; она не знаетъ расходовъ по министерству Двора и по морскому министерству,—что вмѣстѣ составляетъ ежегодно около $6^1/_2$ милл. рубл.— Давно-ли, напримѣръ, Россія единовременно отпустила на постройку флота 90 милл. руб., и въ этомъ расходѣ Финляндія не приняла участія ни единой полушкой.

Финляндія, какъ уже указали, столь счастливо поставлена, что получаетъ отъ русской казны ежегодно болѣе 3 милл. рублей, расходуемыхъ нами на содержаніе войска, русскую администрацію, учительскій составъ и пр. При разсмотрѣніи вопроса о распредѣленіи казенныхъ сборовъ и расходовъ выяснилось, что «Финляндія уплачиваетъ въ русскую казну всего 14 коп. съ души, при полученіи за счетъ русской казны по 1 р. 36 коп. на каждаго своего жителя».

Указаннаго, надѣемся, достаточно, чтобы видѣть, какими соками она питается и какъ легко ей вести борьбу за существованіе. «Я видѣлъ Польшу»,—сказалъ 25 лѣтъ тому назадъ депутатъ народной партіи Швеціи,—«и хорошо знаю Финляндію. Маленькій финскій левъ, попавъ на широкую грудь русскаго орла, такъ окрѣпъ и выросъ, что мы, оставившіе его вамъ въ видѣ хилаго львенка, не узнаемъ нашего бывшаго вассала».

Въ общемъ выводѣ мы утверждаемъ, что если бы любой нашей губерніи были предоставлены такія невѣроятныя преимущества въ теченіе почти столѣтія, какими была осыпана Финляндія, то эта русская губернія несомнѣнно бы процвѣла, завела бы свой университетъ, покрылась бы сѣтью желѣзныхъ дорогъ, открыла бы сотни школъ и проч. и проч.

Повторяемъ, что мы не отказываемъ финнамъ въ трудолюбіи, въ извѣстной долѣ предпріимчивости и отнюдь не желаемъ отрицать вліянія народнаго представительства въ развитіи края, но совершенно не согласны съ тѣмъ, что финны всѣми культурными успѣхами обязаны исключительно самимъ себѣ и своимъ сеймамъ. Если бы самодержавные Монархи Россіи не простерли своей милостивой руки финнамъ и край не воспользовался бы столь обильными щедротами, Фин-

ляндія не достигла бы той высоты культуры, на которой теперь находится.

Развитіе культуры облегчалось въ извѣстной мѣрѣ для финляндцевъ еще тѣмъ, что они имѣли передъ собой всегда и для всего готовые образцы, въ чудно развившейся Швеціи. Они и копировали ее, избавленные такимъ образомъ отъ дорого стоющихъ опытовъ и самостоятельныхъ разработокъ.

Какова бы ни была финляндская культура и каковъ бы ни былъ уровень нашего духовнаго и матеріальнаго развитія, но то политическое и государственное объединеніе окраины съ центромъ, которымъ озабочено правительство и которому противодѣйствуютъ въ краѣ, ничѣмъ рѣшительно не мѣшаетъ матеріальному и нравственному росту Финляндіи. Своей «отсталостью» Россія никакого препятствія культурнымъ окраинамъ не причиняла. Напротивъ, Финляндія, Польша и Прибалтійскій край только тогда и стали вполнѣ развивать свою культуру, когда сдѣлались частями Россійской имперіи; національная жизнь финновъ и расцвѣтъ ихъ литературы всецѣло приходится на время послѣ ихъ присоединенія къ государству русскаго народа. Имперія никогда не навязывала финляндцамъ своей «гражданственности», не изгоняла ихъ языка, ихъ порядковъ. Швеція поступала иначе: въ своихъ предѣлахъ она запретила все финское, исключая Евангелія. Финляндія и Польша разбогатѣли подъ русскимъ «угнетеніемъ». Россія своей матеріальной силой и политическимъ положеніемъ создала для Финляндіи совершенно исключительное положеніе и такую обстановку, которыя особенно благопріятствовали ея развитію. Россія не только не стѣсняла свободы культурной работы Финляндіи, но постоянно содѣйствовала ей, хотя бы тѣмъ, что утверждала просимыя законоположенія, была неизмѣнно доброжелательна къ финнамъ и предоставляла развиваться дѣятельности общественнаго ихъ самоуправленія. Россія дала Финляндіи охрану, облегчила ея военное дѣло, несетъ за нее многія государственныя тягости и пр. При такихъ условіяхъ Финляндія вся могла отдаться своей культурѣ и ей легко было начать даже мечтать о «государственномъ» положеніи, о полной національной независимости и т. п.

Этими указаніями дается достаточный отвѣтъ на запросъ о томъ, «что сдѣлано Россіей для своихъ окраинъ и по какому праву она настаиваетъ на ихъ «тѣснѣйшемъ единеніи» съ центромъ государства»

Финляндцы должны сознать, что ни раньше, ни теперь съ нашей стороны не совершено противъ нихъ никакого историческаго преступленія; мы только слѣдовали исторической логикѣ и справедливости [78]) Съ финляндскимъ вопросомъ Россіи нечего бояться открыто предстать передъ любымъ всемірнымъ ареопагомъ.

Не къ Россіи должны быть обращены вопросы о томъ, что́ она сдѣлала для Финляндіи, а самой Россіи своевременно спросить, не пора ли ей прекратить выдачу всякихъ субсидій Финляндской окраинѣ? Кажется русскій народъ достаточно внесъ на поддержаніе финляндской культуры и достаточно простоялъ на стражѣ финляндской безопасности.

Наши западныя окраины особенно настаиваютъ на своемъ правѣ развивать свою національность. Въ этихъ своихъ разсужденіяхъ финляндцы исходятъ нынѣ изъ «высшаго мірового порядка». Впервые этотъ новый основной мотивъ русско-финскихъ отношеній выраженъ былъ въ 1892 г. въ книгѣ проф. Р. Германсона «Государственно-правовое положеніе Финляндіи», гдѣ онъ ставился въ связь съ заявленіями земскихъ чиновъ 1877—1878 гг., по поводу устава о воинской повинности. Затѣмъ тотъ-же мотивъ былъ воспроизведенъ и принятъ чрезвычайнымъ сеймомъ 1899 г. въ слѣдующей формулировкѣ: «земскіе чины считаютъ своимъ долгомъ, основанномъ на высшемъ міровомъ порядкѣ, придерживаться законовъ и права, сохраненіе коихъ въ ненарушимости въ 1809 г. было торжественно удостовѣрено финскому народу[79]). Послѣ того проф. Германсонъ развилъ свои мысли и изложилъ ихъ сейму 1904 года въ рѣчи, произнесенной 24 декабря (н. ст.)[80]).

Финляндскія толкованія этой точки зрѣнія не приближаютъ, а удаляютъ Финляндію отъ Россіи, такъ какъ затушевываютъ самое завоеваніе края. Съ русской точки зрѣнія «высшій міровой порядокъ» сказался въ фактѣ присоединенія Великаго Княжества къ Россійской Имперіи[81]).

Едва касаясь этого факта, финляндскіе ученые и публицисты разсуждаютъ такъ: Финскій народъ сталъ «націею», онъ имѣетъ собственное политическое существованіе, собственную «конституцію». Финскій народъ является другимъ, чѣмъ русскій; всякій народъ съ собственною національностію, занявшій мѣсто въ исторіи, въ силу высшихъ законовъ, имѣетъ назначеніемъ развиваться и развивать свою національность. Поэтому и финскому народу необходимо развиваться и развивать свою національную жизнь всесторонне и свободно, безъ наложенія на него неестественныхъ тормозящихъ узъ. Условіемъ для сего является правовой порядокъ, зависящій отъ быта народа и его міровоззрѣнія. Внѣшнюю политику вѣдаетъ Россія, но внутреннія дѣла Финляндіи «должны разрѣшаться сообразно особымъ задачамъ финскаго народа». «Къ задачамъ Россійскаго государства не относится, — прибавляютъ они безъ всякаго къ тому повода,—лишеніе финскаго народа условій свободнаго и всесторонняго развитія». Финляндія имѣетъ обязанности

по отношенію къ Россіи,—признаютъ финляндцы,– но «въ число этихъ обязанностей не можетъ входить требованіе, чтобы Финляндія принесла въ жертву свои наиболѣе драгоцѣнныя политическія права» [82]).

Въ этихъ разсужденіяхъ финляндцевъ затемняется существенная сторона вопроса. Надо различать національность этнографическую отъ національности политической.

Идея государственнаго объединенія, въ смыслѣ стиранія племенныхъ и культурныхъ особенностей настойчиво проводится нѣмцами, французами, англичанами, шведами въ тѣхъ округахъ, гдѣ сохранились еще финны, мадьярами, въ славянскихъ и румынскихъ провинціяхъ Венгріи, но не Россіей. Казанскіе татары покорены въ 1552 г. и до сихъ поръ остаются татарами и магометанами. Нѣмецкіе колонисты остаются въ Саратовской губ. нѣмцами со временъ Екатерины II. Польская народность наилучше развилась въ экономическомъ и культурномъ отношеніи подъ государственнымъ стягомъ Россіи. Инородцы наши «сожители». Въ свѣтѣ едва ли можно найти народность болѣе уживчивую и товарищески благожелательную къ инородцамъ, чѣмъ русская [83]). Русскій народъ смотритъ на себя, какъ на старшаго брата, призваннаго руководить, опекать, а не угнетать и обезличивать. Русскій объединяетъ въ братскомъ товариществѣ [84]). Россія—не Пруссія и не Австрія. Для нея не можетъ быть никакихъ разсчетовъ обижать входящія въ ея составъ народности, она можетъ совершенно обойтись безъ политическаго фокусничества.

Причина тому простая. Конституціонный образъ правленія западныхъ государствъ требуетъ возможнаго единообразія въ составѣ населенія и въ культурномъ ея уровнѣ. Самодержавная Россія крѣпка иными началами и разнообразіе этнографическихъ національностей ей не мѣшаетъ.

Финляндцы утверждаютъ, что Россія имѣетъ въ виду уничтожить финскую національность, желаетъ денаціонализировать населеніе и, покончивъ «со старой культурой края», вернуть его къ варварству. Эти мысли они успѣли внушить всѣмъ на Западѣ (см. напр. статьи Leroy-Beaulieu). Наши либеральные органы печати также охотно подхватили ихъ. Но при всей распространенности подобныхъ мыслей, онѣ невѣрны.

Имъ не вѣрятъ прежде всего сами финляндцы. Повторяютъ-же финляндцы ихъ, съ цѣлью пріобрѣсти расположеніе къ «гонимымъ» и состраданіе къ «пострадавшимъ». Датскій писатель, разслѣдовавъ вопросъ на мѣстѣ, писалъ въ концѣ 1903 года: «Конечно справедливо, когда русскіе заявляютъ, что не имѣется въ виду обрусить страну. Не можетъ быть и рѣчи объ этомъ въ странѣ, гдѣ только 2% населенія русскихъ и эти два процента къ тому же почти все только сол-

даты и прочія лица, которыя, состоя на общественной службѣ, обыкновенно лишь непродолжительное время остаются въ краѣ (и мало приходятъ въ соприкосновеніе съ населеніемъ). Одинъ изъ моихъ финскихъ друзей однажды совершенно справедливо замѣтилъ, что русскимъ трудно было бы обрусить населеніе, которое шведы, не смотря на ихъ либеральное правленіе, въ продолженіе 700 лѣтъ не могли сдѣлать шведскимъ» [85]).

Иное дѣло національность политическая. Ее Россія допускать не должна въ своихъ предѣлахъ. А финляндцы, говоря о національности, имѣютъ въ виду національность политическую, хотя прямо не договариваютъ свою мысль и тѣмъ производятъ путаницу въ понятіяхъ. Что они подразумѣваютъ подъ національностію политическое понятіе это видно изъ того, что условіемъ развитія этой національности ставятъ сохраненіе своего «правового порядка». Иначе говоря, слово національность они употребляютъ вмѣсто «государственность».

Но такой замѣны понятій мы допускать не должны. Императоръ Александръ I, манифестомъ отъ 15 іюня 1808 г., поставилъ финновъ въ чредѣ народовъ, скипетру Россійскому подвластныхъ и единую Имперію составляющихъ, т. е. въ государственномъ смыслѣ финляндцы не были отдѣлены имъ отъ остального населенія Россіи.

Выполняя свои задачи финляндцы обязаны считаться съ фактическимъ политическимъ положеніемъ Великаго Княжества и задачами Россіи. Имъ необходимо помнить, что нельзя вездѣ и всегда на первый планъ выдвигать интересы финской національности, что есть случаи, когда впереди и выше всего надлежитъ ставить требованія и задачи всего государства, міровые интересы Всероссійской Имперіи, частью которой является Финляндія.

Въ сихъ случаяхъ Финляндія не «жертву приноситъ» Россіи, а исполняетъ свой долгъ; отъ Финляндіи не милости и уступокъ желаютъ, а выполненія естественной и неизбѣжной обязанности. Финляндія въ подобныхъ обстоятельствахъ должна смотрѣть на Россію, не какъ на чужую державу, иностранное государство или «восточную сосѣдку». Содѣйствуютъ и жертвуютъ чужому дѣлу, а не своему. Финляндія страна подчиненная и потому въ извѣстныхъ дѣлахъ она обязана прислушиваться къ голосу Императора Всероссійскаго. Если Финляндія составляетъ часть Имперіи, то она должна согласовать свои стремленія съ міровыми задачами Имперіи. Россія и Финляндія составляютъ единый политическій организмъ и потому міровыя задачи у нихъ должны быть общія. Въ стремленіяхъ къ единой цѣли имъ надлежитъ проявлять духовную солидарность. Въ Финляндіи этимъ однако вовсе не озабочены. Молчитъ по этому поводу ихъ ученая литература, молчитъ и повременная печать. А между тѣмъ, въ видахъ государственнаго сбли-

женія, необходимо озаботиться достиженіемъ указанной гармоніи. Финляндіи необходимо принять участіе въ общегосударственной жизни, вести къ установленію политической солидарности, озаботиться отысканіемъ общей почвы для совмѣстной работы. Она обязана приладиться къ Россіи. «Финляндіи должна принадлежать доля участія въ общемъ ходѣ историческаго развитія Россійскаго государства» [86]). Финляндцамъ подобаетъ пріобщиться къ русской государственности въ томъ смыслѣ, чтобы въ русскомъ горѣ видѣть свое горе, въ русской славѣ—свою славу и, наконецъ, чтобы искать своего блага не въ русской слабости, а въ русской мощи [87]). Короче, отъ нихъ мы въ правѣ желать искренней благожелательности къ русской государственности.

Россія стремится къ обрусѣнію не этнографическихъ національностей, а къ обрусѣнію политическому, государственному, т. е. она желаетъ, чтобы ея инородцы были вѣрными русскими подданными, русскими по своимъ государственнымъ воззрѣніямъ и стремленіямъ, а не превращали своего партикуляризма въ сепаратизмъ, не создавали у себя своихъ особыхъ троновъ, своего провинціальнаго патріотизма, не проповѣдывали условной преданности Царю, отказываясь знать Россію и т. п. Что же касается вѣры, языка, обычаевъ, уклада жизни и т. п. разныхъ нашихъ народностей, то все это можетъ сохраниться неприкосновеннымъ.

«Художественнымъ перомъ лучшаго польскаго поэта создана слѣдующая картина: передъ колоссальнымъ изваяніемъ Петра В. на дождѣ стояли юноши подъ однимъ плащемъ (Мицкевичъ и Пушкинъ), взявшись за руку. Вотъ въ какомъ, примѣрно, аллегорическомъ видѣ представляется намъ наше единеніе съ инородцами. Общій политическій плащъ, и подъ нимъ рука объ руку, въ добромъ братскомъ согласіи, стремленіе къ общей государственной созидательной работѣ, къ совмѣстному культурному труду» [88]).

На рапортѣ объ открытіи новаго зданія университета въ Гельсингфорсѣ (іюнь 1832 г.) Государь Императоръ Николай I написалъ: . . . «желаю, чтобы новая эпоха Александровскаго университета была обильна произведеніемъ мужей, достойныхъ носить имя вѣрныхъ финляндцевъ, усердныхъ слугъ престола и отечества». . . . «Прошу васъ помнить,—сказалъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ 1851 г. студентамъ,—что, будучи хорошими финляндцами, вы въ то же время подданные Всероссійскаго Императора».

Вотъ сочетаніе Финляндіи съ Россіей. Но подобнымъ словамъ финляндцы, увлеченные политикой и своей государственностію, болѣе не внемлютъ. Эти слова—забытая страница ихъ исторіи. Мы рѣшительно затрудняемся указать какую-либо сферу дѣятельности, въ которой они желали бы идти рука объ руку съ русскими.

Въ настоящее время проповѣдуется въ Великомъ Княжествѣ, въ газетахъ и публичныхъ рѣчахъ, идея «сохраненія и расширенія участія Финляндіи въ общей культурной работѣ человѣчества». Сама по себѣ идея прекрасная, но она, къ сожалѣнію, выставляется опять какъ оправданіе отчужденія отъ Россіи. Это «участіе въ культурной работѣ» финляндцы желаютъ осуществить не въ совмѣстномъ съ Россіей трудѣ надъ общими задачами, а отдѣльно и самостоятельно [89]). Исторія между тѣмъ показываетъ, что «развитіе финляндской самобытности оказалось возможнымъ только въ тѣсномъ политическомъ единеніи съ Россіею». Снельманъ понималъ, что финскую національность можно было возродить только съ помощью Россіи. «Это для насъ счастье въ несчастіи, — писалъ онъ, — что національное сознаніе финскаго народа угнетается главнымъ образомъ другой, второстепенной по значенію, силой (шведомановъ), а не той (русской), которая ограничиваетъ его политическую самостоятельность» [90]).

Финляндія, въ качествѣ автономной въ законодательномъ и административномъ отношеніи области, могла возникнуть и существовать только, какъ составная часть Имперіи. Великому Княжеству необходимо и впредь считаться съ этимъ историческимъ фактомъ и съ его современнымъ развитіемъ, обусловившимъ требованіе о предоставленіи интересамъ Имперіи подобающаго имъ мѣста [91]).

Если же финляндцы станутъ относиться къ дѣлу иначе, то у Россіи долженъ возникнуть вопросъ: да нужно ли ей содѣйствовать финляндцамъ въ ихъ національныхъ стремленіяхъ, коп проникнуты политической тенденціей? Не помогаетъ ли она, по добротѣ своей, въ такомъ случаѣ, враждебному ей элементу?

Но помимо указаннаго, имѣются еще очень серьезныя обстоятельства, далеко отодвигающія финляндцевъ отъ Россіи. Они усвоили себѣ представленіе о томъ, что на Финляндію возложена судьбой особая миссія, не имѣющая ничего общаго съ исторической задачею Россіи. Отсюда у финляндцевъ зародилось стремленіе къ самостоятельной роли на міровой аренѣ и, какъ прямое послѣдствіе его, сказывается уже мечта объединить всѣхъ финновъ подъ однимъ скипетромъ. На эти немаловажныя стороны финляндской жизни въ Россіи не обращалось до сихъ поръ никакого вниманія.

Представитель каѳедры государственнаго права, проф. Р. Германсонъ, разсуждаетъ такъ: «По общему правилу, Россія можетъ требовать отъ Финляндіи, чтобы она, какъ часть Россійскаго государства, принимала извѣстное участіе въ дѣлѣ поддержанія могущества этого государства, по отношенію къ иностраннымъ державамъ. Но нельзя

признать Финляндію обязанною участвовать въ этомъ тѣмъ-же способомъ и въ той-же мѣрѣ, какъ любая другая часть Россійскаго государства. Даже въ несложныхъ государствахъ къ болѣе слабымъ частямъ предъявляются менѣе тяжелыя требованія, чѣмъ къ отстальнымъ. Существеннымъ въ данномъ случаѣ все-же представляется то обстоятельство, что финскій народъ въ національномъ и культурномъ отношеніи отличается отъ русскаго и въ теченіе вѣковъ сложился въ особую единицу, которая—такъ мы должны смотрѣть на дѣло—имѣетъ свои особыя свыше предначертанныя задачи, и это проявилось осязательнымъ образомъ въ признаніи финскаго народа, возведеннымъ въ число націй» [92]).

Представители финскаго народа на сеймѣ 1877—1878 г. г., когда они разсматривали уставъ о воинской повинности, высказались пожалуй еще опредѣленнѣе. Если бы Финляндія была обязана въ безграничной солидарности принимать активное участіе во всѣхъ войнахъ, вызываемыхъ историческою миссіею Россіи, то это могло бы повести къ истощенію Финляндіи безъ всякой пользы. Ибо при наличныхъ условіяхъ слава побѣдъ и добыча боя достались бы императорскимъ знаменамъ. Всякая трата силъ для болѣе обширныхъ цѣлей Россіи несовмѣстима съ задачею финскаго народа, которая заключается въ томъ, чтобы въ борьбѣ съ суровымъ климатомъ и скудною природою, въ сосѣдствѣ съ сѣвернымъ полюсомъ, шагъ за шагомъ добиваться культурнаго совершенствованія.... [93]).

Итакъ, финляндцы признаютъ, что ихъ родина составляетъ часть Россіи, что Финляндія фактически соединена съ Имперіей, но въ то же время категорически заявляютъ,—устами своихъ ученыхъ и земскихъ чиновъ,—что Финляндія въ національномъ отношеніи и культурномъ особая единица, исполняющая «свои особыя свыше предначертанныя задачи». Внѣшняя политика у Россіи и Финляндіи одна, говорятъ они, но тѣмъ не менѣе защита Имперіи и ея разнообразныя столкновенія могутъ не имѣть «ничего общаго съ интересами Финляндіи». Императорскія знамена, слава русскихъ и ихъ побѣды строго отдѣляются отъ финскихъ знаменъ и отъ финской славы... Возможно-ли признать подобныя заявленія и выводы правильными и истекающими изъ фактическаго положенія Финляндіи?

Финляндія такъ избаловалась своимъ обезпеченнымъ и привилегированнымъ политическимъ положеніемъ, что забыла свое отношеніе и свои обязанности по отношенію къ Россіи. Съ университетской каѳедры и сеймовой депутатской скамьи она громко заявляетъ, что не желаетъ воевать съ Россіей, для развитія ея исторической миссіи, такъ какъ у нея имѣется своя особая миссія, по насажденію культуры на сѣверѣ. Иначе говоря, она отрицаетъ всякую свою политическую со-

лидарность съ Россіей. Что же, въ такомъ случаѣ, означаютъ слова: Финляндія есть часть Россіи? Неужели подъ ними надо понимать только территоріальныя отношенія Финляндіи къ Россіи? Неужели за сто лѣтъ совмѣстной политической жизни дѣло сближенія Финляндіи съ Россіей ни на вершокъ не двинулось впередъ? Неужели все остается въ томъ положеніи, въ какомъ оно было описано извѣстнымъ Калоніусомъ? Профессоръ абоскаго университета Калоніусъ (въ іюнѣ 1808 г.) сказалъ «. . . Въ каждомъ благоустроенномъ государствѣ существуетъ связь между правителемъ и подданными, связь нѣжная, сотканная изъ безчисленныхъ тонкихъ нитей. Эта связь объединяетъ правителя и народъ взаимною любовью и обязанностями. . . . Пускай угодно будетъ военному счастью,что наше тѣло передано въ руки враговъ и что мы тѣлесно будемъ принуждены идти туда, куда насъ зоветъ приказаніе власти, все-таки же душа, менѣе зависимая отъ счастья и внѣшнихъ событій, остается тѣмъ же, чѣмъ она была—преданной законному королю незыблемою вѣрностью и непоколебимымъ послушаніемъ...»

Передъ нами вопросъ чрезвычайной важности. Россія дала обширныя привилегіи финскому народу. Онъ развился, благодаря имъ, и окрѣпнувъ заявляетъ, что онъ политически не солидаренъ съ Россіей, что историческая миссія Россіи его не обязываетъ посылать своихъ сыновъ въ далекую Хиву или Арменію, что у него свои особыя культурныя задачи, свои знамена... Во времена Швеціи финляндцы разсуждали иначе. Они не отдѣляли своихъ политическихъ интересовъ отъ интересовъ Шведскаго государства. Они тогда не пользовались никакими льготами и привилегіями и потому гордились славой Густава Адольфа и Карла XII. Они не говорили тогда, что войны за историческую миссію Швеціи истощили Финляндію «безъ всякой для нея пользы». А теперь они находятъ, что совмѣстные походы съ Россіей для нихъ безполезны и могутъ истощить безъ надобности Финляндію, доставивъ «славу побѣдъ и добычу боя только императорскимъ знаменамъ».

Сепаратизмъ ли это, или нѣтъ? Полезенъ ли для Россіи, при наличныхъ воззрѣніяхъ, финляндскій патріотизмъ? Желательно ли для Имперіи, при указанныхъ условіяхъ, дальнѣйшее развитіе финляндскихъ политическихъ стремленій? Все это, конечно, вопросы, заслуживающіе большого вниманія русскаго общества. Надо помнить при этомъ, что приведенныя положенія проф. Германсона и сейма 1877—1878 гг. широко распространены среди финляндцевъ и питаютъ ихъ мечты о великомъ и независимомъ будущемъ ихъ родины.

Уже на школьной скамьѣ подростку финну внушается, что финскій народъ еще «подкидышъ въ Европѣ, запеленованный въ шелкъ и брошенный въ пустырь. Когда этотъ ребенокъ выростетъ и сможетъ

доказать свое происхожденіе, то онъ признанъ будетъ за королевское дитя... Онъ богатъ скромными прелестями... Богъ опредѣлилъ финскому народу быть образцомъ и учителемъ многихъ бѣдныхъ родственныхъ ему племенъ, которыя разсѣяны по землѣ. Великое призваніе выпало на долю финскаго народа... По природѣ, онъ дитя Востока, азіатъ; но послѣ того, какъ онъ позаимствовалъ все лучшее, что Европа могла ему дать: религію и общественность, свободу и утонченную цивилизацію, онъ сталъ вмѣстѣ съ тѣмъ и азіатомъ, и западноевропейцемъ...

«. . . Вѣдь цѣль Бога въ этомъ отношеніи очень ясна: именно финскій народъ долженъ стать учителемъ и примѣромъ для многихъ разсѣянныхъ родственныхъ племенъ; вмѣстѣ съ этимъ самъ онъ принесетъ свои особые дары человѣчеству. А когда число населенія, число финновъ достигнетъ 12 милліоновъ».... Составитель учебника не договорилъ своей мысли, но она ясна. Когда въ Финляндіи будетъ 12 милліоновъ, она объединитъ всѣ финскія племена, живущія теперь въ Россіи, и будетъ она тогда могущественнымъ государствомъ, братски-дружественнымъ, конечно, Швеціи, такъ какъ Россія должна будетъ уступить свое мѣсто своей нынѣшней окраинѣ.

Этотъ выводъ не произвольный. Его подсказываютъ болѣе чѣмъ опредѣленно финляндскіе писатели, напримѣръ, Іогани Ахо и Лейно, которые широко раздвигаютъ горизонты будущей великой Финской державы. Это не случайная мысль о панфиннизмѣ. Это ученіе имѣетъ уже свою литературу и своихъ послѣдователей.

Іогани Ахо [94]) писалъ:... «Финляндія то же, чѣмъ нѣкогда была Греція, и финскій народъ есть второй эллинскій народъ.. Развѣ мы не такъ-же побѣдоносно боролись съ насиліемъ, какъ и греки? У насъ были свои Ѳермопилы и Саламинъ и мы также спасали западную цивилизацію... У грековъ былъ Гомеръ,—у насъ есть Калевала!... Мы создадимъ финскую цивилизацію, новую свѣжую культуру... Мы понесемъ свои идеи далеко на западъ... наше міросозерцаніе одержитъ побѣду надъ всѣми другими... Мы, финны, отыщемъ новыя формы и вдохнемъ въ нихъ новую жизнь... Наша страна сдѣлается мѣстомъ встрѣчи между востокомъ и западомъ... Посредствомъ силы слова мы еще когда-нибудь овладѣемъ міромъ! Финскій языкъ, подобно греческому, и силенъ, и выразителенъ, и благозвученъ! Пользуясь такимъ языкомъ, мы создадимъ литературу, которая устранитъ съ дороги всѣ другія, мы создадимъ финскую образованность,—совершенно новую культуру,—которая превзойдетъ существующія старыя и уже минувшія!... Въ нашей странѣ городъ будетъ подыматься возлѣ города, на вершинахъ горъ воздвигнутся дворцы, на мысахъ будутъ поставлены памятники народнымъ героямъ. . . И кто знаетъ, можетъ быть,

когда-нибудь выйдетъ изъ нашей среды новый Александръ Великій, который объединитъ всѣ финскія племена, низвергнетъ Персію (?Россію?), явится основателемъ великой финской всемірной державы и понесетъ нашу цивилизацію далеко въ глубь темной Азіи...

Эти «Сны молодости» были написаны лѣтъ десятъ тому назадъ, но въ послѣднее время Ахо призналъ своевременнымъ вновь воспроизвести ихъ въ сборникѣ «Можжевельникъ», всѣ разсказы котораго рѣзко окрашены политической тенденціей.

Недавно Э. Лейно подновилъ и расширилъ планы Ахо. «Необходимо создать въ Европѣ новую культуру. Кто можетъ быть призванъ для этой важной роли? Конечно не Франція, Германія, Англія или Италія. Ихъ народы сгнили, ихъ культура устарѣла, ихъ идеалы запылились. Это всѣмъ извѣстно. Откуда ждать новыхъ вѣяній? Только съ Сѣвера. Никогда еще общее вниманіе не было такъ обращено на Сѣверъ (т. е. на Финляндію), какъ теперь. Конецъ вѣка принадлежитъ безспорно сѣверянамъ (читай: финнамъ). Кому должно принадлежать начало будущаго вѣка? Естественно финнамъ. Идея времени сокрыта въ Финляндіи. Финновъ губила ихъ излишняя скромность и... нѣкоторая недогадливость. Они до сихъ поръ мало говорили о себѣ, мало превозносили свои удивительныя качества. По опрометчивости они все толковали о культурѣ Запада и тѣмъ унижали себя. Чтобы исправить оплошность прошлаго, г. Лейно предлагаетъ своимъ соотечественникамъ говорить исключительно о финской культурѣ. У кого есть глаза и уши—должны были замѣтить, что эта культура не звукъ пустой. Она выражается въ финскихъ звукахъ, которымъ изумлялись иностранцы, въ финскихъ краскахъ, которыми восхищались на выставкахъ Запада, въ мирной войнѣ, которая ведется съ суровой природой, въ новомъ оружіи, которымъ защищается въ Финляндіи свобода духа. Идеи, которыя отыскиваются на Западѣ или едва проявляются, давно уже живутъ въ груди финскаго народа. У финновъ есть все: и сила слова, и сила духа, и вѣчная сила знанія, сила мира, сила работы. Финны не сдѣлались бы народомъ, если бы эти идеи не были идеями прежнихъ его временъ. Итакъ, Финляндія обязана явить міру то, что она имѣетъ. Удобный моментъ насталъ! Надо проявить себя въ наукѣ, искусствѣ, литературѣ. Молодые люди, разбросанные по финляндскимъ пустырямъ, выходите! Наступилъ вашъ чередъ. Пора финскому медвѣдю проснуться. Вопросъ не въ богатствѣ, рѣчь идетъ не объ экзаменахъ и дипломахъ, нужна только вѣра въ себя, въ родину, въ Бога! Духъ времени въ насъ»!

Мы привели почти дословно мысли Лейно [95]).

Прибавимъ кстати, что одинъ изъ шведскихъ писателей, видимо ознакомившись съ духомъ нѣкоторыхъ литературныхъ произведеній

Финляндіи, вложилъ въ уста финскаго студента слѣдующія слова: «Мы помнимъ, что на ледяномъ побережьѣ у Колы, въ суровыхъ окрестностяхъ Архангельска, въ снѣжныхъ тундрахъ Сибири и въ пустынной землѣ «чудп» обитаетъ безмолвная толпа финскихъ братьевъ, ожидающая избавленія отъ мрака и мученій. Мы ждемъ своего Александра, своего завоевателя, который пойдетъ, предшествуемый финляндскимъ знаменемъ и сопровождаемый финской культурой. Съ его появленіемъ настанетъ нашъ день и тогда мы выступимъ гордые и свободные. Тогда могучіе борцы Сѣвера внесутъ благо цивилизаціи въ полярныя страны, тогда Швеція вновь войдетъ въ свои границы отъ Зунда до рѣки Торнео, а юная и великая Финляндія объединитъ свое царство отъ Балтики до Берингова пролива, охватывая Ледовитый океанъ. Будемъ ждать; эта надежда поддержитъ насъ вплоть до новой, отрадной великой борьбы»... [96]).

Другіе финляндскіе писатели и ученые довольствовались болѣе скромной будущностью для своей родины. По представленіямъ однихъ судьба опредѣлила Финляндіи быть тѣмъ великимъ мостомъ, чрезъ который культура Запада войдетъ въ Россію [97]). О высокой роли, предопредѣленной Финляндіи, говорили ей премущественно шведскіе друзья и почитатели, напримѣръ Израэль Вассеръ. Финляндецъ Эмиль фонъ-Квантенъ призывалъ своихъ соотечественниковъ отдѣлиться отъ Россіи и образовать Сѣверо-Европейскіе Штаты изъ Швеціи, Норвегіи, Даніи и Финляндіи [98]). Этому плану, повидимому, сочувствовалъ и «кандидатъ» К. Г. Эстландеръ, въ послѣдствіи профессоръ Гельсингфорскаго университета, когда онъ, на студенческомъ праздникѣ, устроенномъ въ честь І. В. Снельмана въ 1856 г., обращая рѣчь свою къ скандинавской молодежи, сказалъ, что у нихъ, такъ же какъ и у насъ (финляндцевъ), жива большая и многозначущая идея о сѣверномъ культурномъ единеніи, какъ основѣ для соціальнаго и, можетъ-быть, также политическаго союза сѣверныхъ народовъ» [99]). Полковникъ Бекверъ, во французской брошюрѣ «Независимая и нейтральная Финляндія» (1880 г.), совѣтовалъ Австріи, Англіи и Германіи создать изъ Финляндіи государство, на подобіе Швейцаріи и Бельгіи [100]). Графъ Г. М. Армфельтъ составилъ проектъ о «самостоятельной» Финляндіи подъ гарантіей Англіи (въ 1811 г.) [101]). Слѣдовательно, финляндцы довольно часто фантазировали на тему о будущей независимой и самостоятельной Финляндіи.

Къ мечтамъ о будущей «великой Финляндіи» надо присоединить еще поѣздки, совершаемыя по Россіи нѣкоторыми финляндцами, съ цѣлью изучить финскія племена, такъ какъ въ ихъ описаніяхъ проскальзываютъ иногда и политическіе мысли и планы.

Въ 1879 г. по русской Карелiи путешествовалъ нѣкто Эрвастъ.

Его сердце усиленно билось, когда въ Олонецкой и Архангельской губерніи онъ слышалъ финскую рѣчь и заявленіе мѣстныхъ обывателей: «здѣсь не Россія, а Карелія!» Онъ отмѣтилъ въ своей книжкѣ [102]) («Изъ путешествія по русской Кареліи лѣтомъ 1879 г.» Эрвастъ. Улеоборгъ, 1880 г.), что финское правительство называли въ Олонецкой сторонѣ финскимъ княземъ. «Конечно,—прибавляетъ авторъ,—по мнѣнію олончанъ, русскій царь и финскій князь—различныя лица. Олончанамъ Финляндія рисовалась какимъ-то Эльдорадо и они, вздыхая говорили: «Эхъ, если бы у насъ было такъ же, какъ у васъ; если-бъ да у насъ были финскіе законы»! «Это постоянная безнадежная мечта»! И она въ карелѣ старательно поддерживается и раздувается господами финляндцами, преслѣдующими очень опредѣленную цѣль. «Намъ, финнамъ, нужно особенно имѣть въ виду существованіе Соловецкаго монастыря. Его заслуга или вина—можно выразиться, какъ угодно—заключается главнымъ образомъ въ томъ, что въ прошлыя времена соединеніе Карелiи съ прочею Финляндіею не состоялось, - и если еще въ будущемъ настанетъ время, когда финны по ту и другую сторону Маансельки поймутъ, что они одинъ народъ и будутъ стремиться къ соединенію, то наибольшія препятствія для этого встрѣтятся со стороны этого монастыря»...

«Обрусѣніе сдѣлало большіе успѣхи въ Карелiи... Поэтому кареламъ нужно оказать помощь извнѣ, если хотятъ сохранить ихъ самобытность, и эта помощь, при надвигающейся опасности, не должна очень медлить, чтобы не явиться слишкомъ поздно»...

Въ разговорахъ съ карелами Эрвастъ старался убѣдить ихъ не презирать своего языка и не отдавать предпочтенія передъ нимъ русскому. Попутно онъ ратовалъ противъ русскихъ школъ и русскихъ фамилій карелъ. Иначе говоря, онъ пропагандировалъ идею «финнофильства» и противодѣйствія государственному сплоченію русской земли. Свое «скромное повѣствованіе» онъ заканчиваетъ горячей надеждой, что его «сограждане въ Великомъ Княжествѣ понемногу откроютъ глаза на карельскій вопросъ и подумаютъ о томъ, чего онъ требуетъ отъ нихъ. Подавленный, полный тоски стонъ слышится изъ Карелiи; можемъ-ли мы, въ правѣ-ли мы быть глухими къ нему?... Надо помнить, что работая надъ ихъ сохраненіемъ, мы тѣмъ самымъ работаемъ надъ собственнымъ сохраненіемъ. Если мы окажемъ имъ ту помощь, которую должны оказать, то съ полнымъ основаніемъ можемъ надѣяться, что побѣда въ концѣ концовъ будетъ за ними, а вмѣстѣ съ тѣмъ и за нами, и прекрасная Карелія не будетъ осквернена иноземщиной. А затѣмъ засіяетъ снова тотъ день, когда у финской родины будутъ тѣ самыя обширныя границы, которыя были у нея въ прошломъ до раздѣла ея на двѣ части шведами съ запада,

русскими съ востока. Голосъ крови не будетъ тогда говорить непонятнымъ языкомъ, а біенію сердца съ западной стороны Маансельки отвѣтитъ такое-же біеніе съ другой стороны... единая Финляндія будетъ заключать въ своихъ нѣдрахъ тѣхъ и другихъ» [103]).

Въ финской газетѣ «Эхо» тотъ-же Эрвастъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ доказывалъ, что присоединеніе Кемскаго уѣзда (Архангельской губ.) къ Финляндіи является «требованіемъ и условіемъ ихъ культурнаго развитія» [104]).

И надо признать, что Карелія не забыта въ программѣ финновъ. Уже въ семидесятыхъ годахъ они озаботились скупкою такъ-называемыхъ донаціонныхъ земель, бывшихъ въ рукахъ русскихъ помѣщиковъ; устроили въ Сердоболѣ семинарію, для противодѣйствія вліяніямъ православныхъ монастырей, и разными иными способами старались приблизить карелъ. На сердобольскомъ праздникѣ «музыки и пѣнія», въ большомъ ходу были изображенія гербовъ Финляндіи и Карелiи и напоминанія изъ печальной исторіи послѣдней. «Когда въ области, считавшейся спорной между сѣверными государствами, побѣдила Россія,—говорилъ одинъ изъ ораторовъ (Hällström),—то для Карелiи настали времена тяжкихъ страданій, народъ обратили «почти въ рабовъ». Эти страданія окончились лишь въ 1811 г., когда южная Карелія «подпала подъ покровительство законовъ остальной Финляндіи.... Въ груди карелъ,—увѣрялъ ораторъ,—тлѣетъ теплое чувство къ общей родинѣ—Финляндіи и всякая радость и горе этой родины найдетъ откликъ въ сердцѣ нашихъ пограничныхъ стражей» [105]).

Мѣстные газеты [106]) внушали, что для карелъ «отечествомъ» должна быть одна только Финляндія, а русскій языкъ—чужимъ.

Можно еще добавить, что въ русской литературѣ мелькали указанія на установленіе нѣкоторой общности между финнами и эстами. Первые переплывали уже Финскій заливъ съ тѣмъ, чтобы принять участіе въ праздникахъ «музыки и пѣнія» на землѣ эстовъ.

Итакъ, теорія и практика панфиннизма на-лицо и при томъ въ довольно опредѣленныхъ очертаніяхъ. На пользу сближенія съ Россіей такое ученіе, конечно, служить не можетъ.

Къ финноманскому движенію Императоръ Николай I отнесся въ свое время вообще милостиво, такъ какъ, по его мнѣнію, оно вело къ ослабленію духовныхъ узъ со Швеціей. Тогда правительство болѣе озабочено было идеей скандинавизма. Однако, финляндскіе дѣятели шведоманскаго лагеря успѣли внушить генералъ-губернатору, кн. Меншикову, что стремленіе къ развитію финскаго языка направлено въ дѣйствительности на осуществленіе политическихъ революціонныхъ цѣлей. Было дано понять, что сторонники финскаго языка задавались намѣреніями вести свою національную пропаганду среди финскихъ пле-

менъ Россіи, разбросанныхъ по ея сѣверной окраинѣ. Когда же ректоръ университета сказалъ кн. Меншикову, что идея о будущемъ финскомъ государствѣ принадлежитъ двумъ-тремъ экзальтированнымъ и сумасшедшимъ субъектамъ, то князь заявилъ: «Ma foi, le monde est plein de fous» [107]). Обвиненія получили, тѣмъ не менѣе, откликъ въ нѣмецкомъ журналѣ «Ausland» и въ преніяхъ сената (1847 г.), когда обсуждался вопросъ объ учрежденіи финской каѳедры. На «финскія цѣли» нѣкоторые сенаторы взглянули съ политической точки зрѣнія.

Въ жизни молодого народа фантазія—сильный двигатель и потому къ ней нельзя отнестись совершенно безразлично, хотя въ то же время отнюдь не желательно и ея преувеличенія.

Лондонскій журналъ «Finland» характеризуетъ финновъ, какъ людей способныхъ достигнуть всякаго успѣха. Они вѣрятъ въ себя и въ свою міровую миссію, ради которой подготовляются и воспитываются цѣлыми столѣтіями [108]).

Представленіе о царственномъ отрокѣ-подкидышѣ взято изъ простого повѣствованія; многое въ приведенныхъ произведеніяхъ Іогани Ахо и Э. Лейно надо отнести на счетъ поэтической фантазіи ихъ авторовъ; но тѣмъ не менѣе все указанное свидѣтельствуетъ, что финны намѣрены идти своей тропой, и что историческая миссія Россіи совершенно чужда и нежелательна для нихъ. Родственныхъ чувствъ къ Россіи въ нихъ наблюсти нельзя. Заботъ и печалей Россіи они къ сердцу не принимаютъ. Величіе и ласка Россіи ихъ не трогаютъ. Въ исторической работѣ они ей не помощники и сотрудники. Духовными и нравственными узами финляндская окраина съ центромъ, слѣдовательно, не связана. У жителей единой и нераздѣльной Россіи нѣтъ общаго политическаго отечества; языкъ ихъ не единитъ, школа и печать дѣлу духовнаго сближенія не служатъ.

Въ виду того, что Финляндія присоединена къ Россіи, а финны вошли въ составъ населенія, составляющаго Имперію, и присягали Всероссійскому Монарху на вѣрное ему служеніе (а все это ими исполнено), то, по естественному порядку вещей, Россія сдѣлалась для нихъ политическимъ отечествомъ и они обязаны, вмѣстѣ съ остальными русскими, считаться подданными нашего Царя. Всѣ финляндцы, безъ различія партій, признаютъ, что ихъ край составляетъ нераздѣльную часть Россійской Имперіи. А если такъ, то Финляндія должна принимать участіе въ общеимперской жизни. У финновъ долженъ быть общій съ нами патріотизмъ, одни и тѣ же міровыя задачи. Они обязаны въ дѣлахъ государственныхъ и политическихъ быть солидарны съ нами. Финны составляли расу совершенно отличную отъ шведовъ, однако, это не мѣшало росту политической солидарности и объединенію обоихъ частей королевства [109]).

Но, къ сожалѣнію, у финляндцевъ нѣтъ съ русскими общаго гражданства, нѣтъ сознанія принадлежности къ единому общественно-государственному тѣлу.

Финны пользуются правами русскаго гражданства. Но съ правами должны быть сопряжены обязанности. Ихъ финляндцы избѣгаютъ. Они не проявляютъ даже желанія отвѣчать Россіи простою взаимностію.

Что-же имѣется у нихъ общаго съ нами?

Личность Монарха. Связь въ лицѣ Монарха финляндцы признаютъ; но одною подобною зависимостію довольствоваться невозможно. Куда она ведетъ—достаточно наглядно показываетъ исторія Австро-Венгріи и Швеціи съ Норвегіей. Венгрія съ Австріей тѣснѣе соединены чѣмъ Финляндія съ Россіей, такъ какъ у первыхъ имѣется нѣсколько общихъ министерствъ, а у послѣднихъ нѣтъ ни одного обще-государственнаго учрежденія.

Связь въ лицѣ одного Монарха особенно недостаточна, потому что финляндцы отдѣляютъ Царя отъ Россіи. «Можно-ли и достаточно-ли быть вѣрнымъ подданнымъ Государя, не питая никакого сочувствія къ Россіи?—спрашивалъ когда-то Ю. Самаринъ остзейцевъ. Тотъ-же вопросъ можно обратить къ финляндцамъ.

На сеймѣ 1891 г. баронъ Э. Хисингеръ сказалъ: «Мы любимъ Монарха на основаніи Его торжественныхъ обѣщаній и увѣреній идти по столь драгоцѣннымъ для насъ стопамъ Его Августѣйшаго родителя, а также на основаніи Его собственныхъ первыхъ правительственныхъ дѣйствій». Вотъ формула финляндской вѣрности. Баронъ Хисингеръ повторилъ на сеймѣ то, что сотни разъ воспроизводилось въ печати края. Помимо Хисингера, о характерѣ преданности финляндцевъ говорилъ на сеймѣ ландмаршалъ Гартманъ. Онъ сказалъ: «Поскольку Монархъ принимаетъ участіе въ судьбахъ народа, поскольку онъ поддерживаетъ то положеніе, какое требуетъ просвѣщеніе и правовое чувство народа, онъ найдетъ награду въ сердцахъ народа» [110]). Ясно, слѣдовательно, что преданность финляндцевъ условная. Хороша-ли и надежна-ли подобная преданность—предоставляемъ рѣшенію каждаго, а съ своей стороны напомнимъ, для иллюстраціи, слѣдующій фактъ.

Финляндскія власти въ октябрѣ 1894 г., какъ заявили тогда мѣстныя газеты, рѣшили не приводить населеніе къ присягѣ на вѣрноподданство новому Монарху, пока не будетъ изданъ манифестъ, удостовѣряющій сохраненіе финляндскаго внутренняго самоуправленія. Присяга не можетъ быть принесена,—говорили, напримѣръ, таммерфорскія газеты,—ибо неизвѣстно, какъ присягалъ Монархъ. Какъ рѣшили, такъ и сдѣлали. Только 30 октября финляндскіе дѣятели допустили народъ къ присягѣ, когда министръ статсъ-секретарь Денъ сообщилъ изъ Ливадіи, что «удостовѣреніе» подписано [111]).

Въ настоящее время притязаніе финляндцевъ зашли такъ далеко, что они выставляютъ бо́льшія требованія, чѣмъ въ состояніи предъявлять, напр., самостоятельныя государства, образовавшія Германскую имперію.— Германія союзное государство. Имперія имѣетъ тамъ свою самостоятельную волю, независимую отъ воли составныхъ частей. Эта воля проявляется въ видѣ имперскихъ законовъ, которыя являются обязательными для всѣхъ государствъ и не нуждаются въ ихъ одобреніи. «Въ случаѣ столкновенія мѣстныхъ законовъ государства съ законами имперскими первые не имѣютъ никакой силы. Для установленія своей воли имперія имѣетъ собственные органы. Законъ, принятый рейхстагомъ, не нуждается въ одобреніи ландтаговъ отдѣльныхъ государствъ... Даже для измѣненія конституціи требуется имперскій законъ, а не согласіе отдѣльныхъ государствъ и этотъ законъ дѣйствителенъ даже вопреки ихъ волѣ» [112]). Финляндцы идутъ далѣе всего этого и заявляютъ, что общеимперскій законъ не обязателенъ для Финляндіи, если онъ не одобренъ ихъ земскими чинами. Они желаютъ своими требованіями совершенно парализовать по отношенію къ себѣ имперскую власть. Въ случаѣ столкновенія мѣстнаго финляндскаго закона съ общегосударственнымъ они не склонны поступаться силою перваго. Справедливость требуетъ добавить, что подобныя ихъ домогательства находятъ поддержку со стороны нѣкоторыхъ русскихъ государственныхъ дѣятелей и ученыхъ.

Въ Германской имперіи совершенно изъяты изъ круга вѣдѣнія отдѣльныхъ государствъ морское дѣло, высшее управленіе почтъ и телеграфовъ, отчасти судопроизводство и финансовое управленіе, консульства и пр. [113]). Финляндцы протествовали и до сихъ поръ считаютъ неправильнымъ объединеніе почты, возражаютъ противъ намѣренія объединить монету, таможню и т. п.

Объединеніе военнаго законодательства и управленія явилось первой насущной потребностію Германской имперіи. Военныя дѣла почти совершенно изъяты изъ сферы автономіи членовъ Союза. Имперіи принадлежитъ исключительное право военнаго законодательства, право опредѣленія численности арміи, право распредѣленія контингентовъ по мѣстностямъ и пр. Финляндія отказалась объединить свои войска съ арміей Имперіи и желаетъ сохранить за собою права опредѣленія численности своихъ войскъ, права ихъ расквартированія и т. п. А недавно одинъ русскій профессоръ финансоваго права составилъ проектъ учрежденія въ Финляндіи особаго флота.

Въ выводѣ получается положеніе, что Финляндія, желая стоять возможно дальше отъ Россіи, силится обосновать свои національныя стремленія на законахъ «высшаго мірового порядка»; по вопросамъ культуры она апеллируетъ въ Европу, а свои дѣла государственнаго

характера старается перенести въ область международнаго права.

Такимъ образомъ, никакихъ прочныхъ узъ, связывающихъ Финляндію съ Россіей, мы открыть не могли, а между тѣмъ окраина эта необходима Имперіи. Россія, какъ великая держава, вливаясь въ свои естественныя границы, должна была присоединить Финляндію, иначе она не исполнила бы своего историческаго предназначенія. «La Finlande était nécéssaire à la Russie; c'était le projet de Pierre I; qui sans cela n'aurait pas placé la capitale la, où elle est», отвѣтилъ графъ Шуваловъ Наполеону I. «Не суетное любостяжаніе внушило Намъ искать расширенія предѣловъ нашихъ», сказано въ манифестѣ (1815 г.) Императора Александра I. «Единое достоинство, единая честь и человѣчество налагали на Насъ священный долгъ» присоединенія окраины.

Если Финляндія нужна Россіи, то во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ потребны коренныя улучшенія. Правительство рѣшило въ виду сего вести эту окраину «къ тѣснѣйшему единенію» съ остальными частями Имперіи. Если правительство и наше общество не найдутъ въ себѣ силъ и средствъ осуществить намѣченное единеніе, то Финляндія будетъ для Россіи потеряна...

ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЯ МѢРОПРІЯТІЯ

I. Назначеніе Н. И. Бобрикова генералъ-губернаторомъ.

Вторично я имѣю предложить Вамъ
занять непріятныя спорящія, но я
хочу и на время самыя трудныя.

Изъ письма Н. И. Бобрикова отъ 22 сент. 1901 г.

Государь Императоръ, избравъ Николая Ивановича Бобрикова кандидатомъ на постъ финляндскаго генералъ-губернатора, поручилъ ему ознакомиться съ дѣломъ и представить программу предстоящаго управленія краемъ. Выборъ Монарха остановился на немъ въ 1897 г.— 29 мая 1898 г. генералъ-отъ-инфантеріи Бобриковъ удостоился продолжительной аудіенціи, во время которой Государю Императору благоугодно было напомнить о Своемъ желаніи, «выраженномъ болѣе года тому назадъ», по назначенію Николая Ивановича въ Финляндію. Назначеніе было отложено въ виду того, что у Николая Ивановича, какъ начальника штаба войскъ гвардіи и петербургскаго округа, на рукахъ имѣлось много большихъ и сложныхъ дѣлъ, кои ему необходимо было предварительно закончить и сдать [114]). «Безконечно счастливъ служить тамъ, гдѣ Вашему Величеству благоугодно будетъ указать мнѣ»,—отвѣтилъ Николай Ивановичъ,—«но беру смѣлость всеподданнѣйше доложить, что я не сознаю въ себѣ достаточныхъ силъ и способностей для занятія подобнаго, государственной важности, поста, въ особенности при современной въ краѣ неурядицѣ по всѣмъ частямъ» [115]).

Въ теченіи 1898 г. Николай Ивановичъ продолжалъ знакомиться съ финляндскимъ вопросомъ, по всѣмъ доступнымъ для него источникамъ. По подлинному дѣлопроизводству онъ изучилъ работы Особаго

Совѣщанія Х. Н. Бунге и послѣдніе проекты, восходившіе въ Государственный Совѣтъ. Занятія производились, видимо, чрезвычайно серьезно, о чемъ свидѣтельствуютъ выписки и замѣтки въ тетрадяхъ и на отдѣльныхъ листахъ, сохранившихся въ семейномъ архивѣ. Прочитанныя имъ по финляндскому вопросу книги испещрены помѣтками. Все это въ его возрастѣ и положеніи—явленіе рѣдкое и характеризуетъ особенно добросовѣстное отношеніе Н. И. Бобрикова къ порученному ему дѣлу. При его рѣдкихъ способностяхъ, Финляндія была изучена настолько всесторонне, что впослѣдствіи получилъ возможность провѣрять даже самихъ финляндцевъ. «Большая часть сенаторовъ и прокуроровъ, утверждалъ онъ, твердо не знаютъ исторію Финляндіи и нерѣдко въ бесѣдахъ со мной обнаруживаютъ непростительное незнаніе» [116]).

Вторая аудіенція состоялась въ Москвѣ, въ Большомъ Кремлевскомъ дворцѣ, 18 августа 1898 г. Здѣсь Его Величество милостиво соизволилъ одобрить, намѣченныя Николаемъ Ивановичемъ мѣропріятія, утвердить проектъ его вступительной рѣчи и разрѣшить присутствовать при докладахъ министра статсъ-секретаря. Записка, всеподданнѣйше прочтенная Государю Императору и въ существѣ одобренная Его Величествомъ, заслуживаетъ особаго вниманія. Она явилась политической программой Бобрикова и въ теченіи всего своего управленія краемъ онъ не только строго держался ея духа и общаго направленія, но успѣлъ выполнить значительную часть намѣченныхъ въ ней реформъ.

Вотъ главнѣйшее содержаніе этой записки, занесенной имъ въ небольшой дневникъ, въ которомъ отмѣчены важнѣйшія событія изъ времени его пребыванія въ Финляндіи.

«Покоренная русскимъ оружіемъ Финляндія «вошла въ составъ Россіи по праву завоеванія и по жребію битвъ» и, начиная съ 1809 г., она «состоитъ въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней на всегда присоединена». Ея граждане безспорно граждане Россіи и подданные Россійскаго Царя.

«Завоеваніе Финляндіи вызывалось необходимостію отдалить отъ Петербурга нашу сѣверную границу. Несмотря однакоже на девяностолѣтнюю совмѣстную жизнь, цѣль такого завоеванія понынѣ совершенно недостигнута. Вмѣсто иностраннаго государства вблизи русской столицы создалась окраина, до сихъ поръ чуждающаяся облагодѣтельствовавшей ее Россіи и открыто стремящаяся къ закрѣпленію за собою правъ независимаго конституціоннаго государства, соединеннаго съ Россіей лишь единствомъ Верховной власти...

«Представитель русской власти въ Финляндіи былъ поставленъ въ такое неестественное положеніе, что лишенъ былъ возможности

воздѣйствовать на ходъ финляндскихъ дѣлъ и направлять ихъ согласно интересамъ Имперіи...

«Полное отсутствіе русскихъ людей въ сенатѣ, статсъ-секретаріатѣ, канцеляріи генералъ-губернатора, университетѣ, кадетскомъ корпусѣ и въ составѣ земскихъ чиновъ сейма дало весьма неблагопріятные результаты: финляндская окраина остается на столько же чуждой намъ въ настоящее время, на сколько была во дни ея завоеванія. Отсутствіе русскихъ людей сказалось на всемъ мѣстномъ законодательствѣ, въ результатахъ дѣятельности статсъ-секретаріата и сеймовыхъ преніяхъ. Дѣйствуя безконтрольно, земскіе чины во время одного изъ сеймовъ, въ 1894 году, собирались на особыя тайныя совѣщанія и составили неустановленное закономъ ходатайство на Высочайшее имя, а ораторы сейма, особенно дворянскаго сословія, произносили рѣчи такого характера, что были осуждены Верховною Властью. Законодательствуя на сеймѣ, финляндцы, гдѣ только возможно было, загородили доступъ русскимъ людямъ въ мѣстныя учрежденія. Ободренные первыми своими успѣхами, финляндцы стали дѣйствовать смѣлѣе и доходили до публичныхъ антирусскихъ манифестацій, до призыва къ неисполненію неугодныхъ имъ постановленій правительства, до свободнаго осужденія дѣйствія высшей русской власти. Русскія воззрѣнія и русскія чувства въ краѣ въ расчетъ не принимаются, а, стремясь къ обособленію, финляндцы тщательно обходятъ все то, что внѣшнимъ образомъ должно свидѣтельствовать о принадлежности ихъ края къ Россіи. Такимъ образомъ они установили у себя свой особый національный гимнъ, особые національные цвѣта для флаговъ; на монетныхъ бумажныхъ, денежныхъ знакахъ, памятникахъ, общественныхъ зданіяхъ и т. п. замѣтно преобладаютъ финляндскіе гербы и шведскія надписи. Ни въ университетѣ, ни въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ края, не возбуждается ни малѣйшаго интереса къ Россіи, къ ея населенію, исторіи и литературѣ. Русскій языкъ преподается формально, для вида, а въ учебникахъ исторіи и географіи даются о Россіи несоотвѣтствующія понятія. Самые торговые обороты края съ Россіей въ послѣднее время стали замѣтно уменьшаться, тогда какъ экономическія связи сближаютъ народы болѣе, чѣмъ другіе факторы жизни.

«Представляется очевиднымъ, что теперь контроль надъ учрежденіями Финляндіи недостаточенъ и руководители ея политики пользуются тѣмъ для широкаго распространенія преступныхъ плановъ и мыслей. Вообще на окраинахъ, въ особенности-же въ Финляндіи, необходимо между тѣмъ настойчиво водворять въ населеніи убѣжденіе, что ихъ граждане находятся въ подданствѣ Русскаго Царя. Завѣтное же желаніе Финляндіи таково, чтобы русскіе люди были не въ ней, а около нея, и то лишь на случай защиты; чтобы Русскій Царь ею не управлялъ, а лишь царствовалъ...

«При данныхъ условіяхъ обстановки представителю въ Финляндіи русской власти не легко сблизиться, въ интересахъ Имперіи, съ ея современными дѣльцами и дѣлами. Не малый срокъ потребуется для изученія дѣла на мѣстѣ и затѣмъ для установленія и утвержденія системы, въ большей мѣрѣ соотвѣтствующей основнымъ интересамъ Имперіи. Для болѣе основательнаго и всесторонняго выясненія современнаго положенія Финляндіи необходимо желать производства въ ней ревизіи русскими людьми. По примѣру ревизіи сенатора Манасеина въ Остзейскихъ губерніяхъ, по всей вѣроятности и нынѣ были бы добыты данныя, выясняющія современное состояніе мѣстныхъ учрежденій края. Не выжидая однакоже результатовъ такой ревизіи, можно было бы ограничить финляндскій сепаратизмъ, произведя: 1) Объединеніе арміи, съ уравненіемъ повинности и средствъ на ея содержаніе. Преобразованіе кадетскаго корпуса въ русскомъ духѣ. Учредить въ Гельсингфорсѣ общее офицерское собраніе для русскихъ и финскихъ войскъ. 2) Упраздненіе или ограниченіе значенія статсъ-секретаріата съ предоставленіемъ права финляндскому генералъ-губернатору присутствовать при всеподданнѣйшихъ докладахъ министра статсъ-секретаря, хотя бы по дѣламъ особой важности. 3) Кодификація мѣстныхъ законовъ и узаконеніе особаго порядка разсмотрѣнія дѣлъ общихъ Имперіи и Великаго Княжества. 4) Введеніе русскаго языка въ сенатѣ, учебныя заведенія и въ администраціи. 5) Предоставленіе возможности русскимъ людямъ поступать на службу въ учрежденія Великаго Княжества безъ тѣхъ стѣсненій, какія установлены въ этомъ отношеніи закономъ 1858 г. 6) Установленіе надзора за университетомъ и пересмотръ учебниковъ во всѣхъ финляндскихъ учебныхъ заведеніяхъ. 7) Упраздненіе особыхъ таможни и монеты. 8) Введеніе русской правительственной оффиціальной газеты и облегченіе возможности русскимъ людямъ издавать газеты на русскомъ или мѣстныхъ языкахъ. 9) Упростить нынѣ дѣйствующій церемоніалъ открытія сейма, и 10) Пересмотрѣть положеніе о генералъ-губернаторѣ Великаго Княжества, изданное въ 1812 году. Этотъ высшій представитель мѣстной администраціи долженъ пользоваться тѣмъ авторитетомъ, какой законъ даетъ соотвѣтствующимъ чинамъ въ Имперіи. Подчиненіе ему губернаторовъ края слѣдовало бы установить на общихъ съ Имперіей основаніяхъ, принявъ при этомъ во вниманіе отсутствіе зависимости этихъ лицъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Генерелъ-Губернатору должна быть предоставлена полная возможность постоянно слѣдить за скорымъ и точнымъ исполненіемъ въ краѣ Высочайшихъ повелѣній. Ему не подобаетъ находиться подъ опекою сената, куда теперь онъ представляетъ копіи съ отдаваемыхъ имъ губернаторамъ распоряженій. Еще Барклай-де-Толли, занимая постъ генералъ-губернатора и извѣдавъ мѣстныя особенности, открыто выска-

залъ, что «лучше въ Финляндіи вовсе не имѣть генералъ-губернатора, нежели имѣть его безъ необходимыхъ полномочій».

«Въ нарожденіи современной въ краѣ неурядицы несомнѣнно виновна и русская власть, что вызываетъ необходимость примѣнять теперь ея силу съ особенною осторожностію. Надо также помнить, что свобода усваивается легко и человѣкъ разстается даже и съ мыслію о ней, наоборотъ, чрезвычайно тяжело.

«Въ основаніе дѣйствій мѣстной власти должны быть положены требованія строгой системы, справедливости и безпристрастія. Изданные Всероссійскими Монархами законы и узаконенія, изъ числа остающихся понынѣ мертвою буквою, подлежатъ непремѣнному исполненію. Исправленія мѣстнаго законодательства и возстановленіе общественнаго порядка желательно достигнуть безъ коренной ломки и не вызывая, по возможности, въ краѣ раздраженія. Достоинство Россіи однакоже требуетъ, чтобы Финляндія, направляемая твердою рукою, постепенно становилась по чувству русскою окраиною и въ этомъ отношеніи неизбѣжныя по пути озлобленіе и противодѣйствіе слѣдуетъ сломить во чтобы то ни стало.

Въ мартѣ 1899 г. Николай Ивановичъ нѣсколько дополнилъ свою программу, признавъ нужнымъ:

1) Произвести пересмотръ учебниковъ.

2) Издать актъ, подтверждающій всю законность самодержавныхъ правъ Русскихъ вѣнценосцевъ въ Финляндіи.

3) Освободить православныя школы отъ опеки финскихъ властей.

4) Пересмотрѣть цензурный уставъ.

5) Улучшить экономическій бытъ безземельныхъ и пр.[117]).

Записка Николая Ивановича Бобрикова свидѣтельствуетъ о глубокомъ и всестороннемъ изученіи имъ финляндскаго вопроса, а его программа показываетъ, что онъ очень вѣрно схватилъ первыя насущныя требованія, для практическаго осуществленія принципа государственнаго объединенія.

Изъ принципіальныхъ воззрѣній Н. И. Бобрикова, высказанныхъ имъ въ бесѣдахъ ранѣе отъѣзда въ Финляндію, отмѣтимъ одно, въ которомъ заключается его оцѣнка окраинской политики вообще.

— «Я ясно вижу,—сказалъ однажды ген. Бобриковъ,—въ чемъ грѣшили прежніе генералъ-губернаторы Финляндіи. Но разъ я буду назначенъ на этотъ постъ, я никогда не позволю себѣ указывать населенію на мое разногласіе съ лицами, занимавшими этотъ постъ раньше меня. Если вообще жалоба преемника на своего предшественника является признакомъ дурного воспитанія и ограниченнаго ума, то такая жалоба на нашихъ окраинахъ является тою ошибкой, которая, по пословицѣ, «хуже преступленія».

— Почему именно?

— А потому, что всѣ наши окраинные вопросы возникли, въ сущности, изъ непослѣдовательности и вѣчныхъ противорѣчій нашей политики. Поэтому на окраинахъ генералъ-губернаторы, съ своей, по-крайней мѣрѣ, стороны не должны содѣйствовать увѣренности мѣстнаго населенія въ непрочности правительственныхъ мѣропріятій.

Сколько разъ,—прибавляетъ собесѣдникъ генералъ-губернатора,—приходилось намъ видѣть прискорбную картину окраинныхъ администраторовъ, открыто похвалявшихся тѣмъ, что они систематически уничтожаютъ благотворныя мѣропріятія своихъ предшественниковъ, къ великой радости злѣйшихъ враговъ Россіи [118]).

Очевидно, что Н. И. Бобриковъ выработалъ себѣ извѣстныя руководящія начала въ сознаніи, что нѣтъ ничего вреднѣе безсистемныхъ полумѣръ. Программа и изученіе дѣла казались ему особенно необходимыми, ибо онъ видѣлъ, къ чему приводили отсутствіе ихъ у нѣкоторыхъ его предмѣстниковъ въ Финляндіи. «Нравственное стояніе на занятіяхъ» у финляндскаго сената или финляндскаго статсъ-секретаріата слабыхъ прежнихъ генералъ-губернаторовъ Штейнгеля и гр. Адлерберга дали одни только отрицательные результаты.

Осчастлививъ генералъ-адъютанта Бобрикова Своимъ высокимъ довѣріемъ и отправляя его въ Финляндію, Государю Императору благоугодно было изъявить Свою Державную волю и надежду, что исполненіе новыхъ его обязанностей одушевлено будетъ стремленіемъ къ послѣдовательному «вкорененію въ сознаніи мѣстнаго населенія всей важности для Финляндскаго края тѣснѣйшаго единенія его съ общимъ для всѣхъ вѣрноподданныхъ отечествомъ» [119]).

30-го сентября 1898 г. новый генералъ-губернаторъ прибылъ въ Гельсингфорсъ. Принявъ благословеніе финляндскаго архіепископа Антонія въ Успенскомъ соборѣ и выслушавъ привѣтствіе епископа Роберга въ лютеранскомъ Николаевскомъ соборѣ, Н. И. Бобриковъ вошелъ въ генералъ-губернаторскій домъ, гдѣ ожидали его всѣ главныя начальствующія лица края, съ мѣстнымъ сенатомъ во главѣ. Здѣсь онъ обратился къ собравшимся со слѣдующею историческою программною рѣчью:

«Вступая въ должность генералъ-губернатора, я счастливъ передать населенію Финляндіи высокое Монаршее благоволеніе. Государю нашему извѣстна преданность къ Нему финскаго народа, но Его Императорское Величество также освѣдомленъ, что, къ сожалѣнію, въ краѣ распространено превратное толкованіе тѣхъ началъ, на которыхъ зиждутся отношенія Финляндіи къ Имперіи. Подъ вреднымъ вліяніемъ этихъ толкованій, среди нѣкоторыхъ финляндцевъ не всегда проявлялось должное сочувствіе мѣрамъ, направленнымъ къ скрѣпленію узъ, связывающихъ край съ остальными частями Россійской Державы.

«Россія едина и нераздѣльна, какъ единъ и нераздѣленъ ея Императорскій Престолъ, подъ сѣнью котораго Великое Княжество достигло своего современнаго благосостоянія. Казалось бы поэтому въ душѣ каждаго финляндца, которому дороги интересы его родины, стремленіе къ единенію съ Россіею должно быть всегда естественнымъ чувствомъ. Тѣмъ болѣе этому чувству надлежитъ окрѣпнуть теперь, послѣ того, какъ Государь Императоръ въ рескриптѣ, данномъ на мое имя, Самъ указалъ близкой Его сердцу Финляндіи на необходимость укорененія, въ сознаніи ея населенія, всей важности тѣснѣйшаго единенія этой окраины съ центромъ.

«Оставляя неприкосновенными, въ предѣлахъ Высочайшаго рескрипта 1891 г., особенности Финляндіи, ея церковное устройство, права, преимущества и внутреннее управленіе, на сколько они, конечно, не противорѣчатъ пользѣ и достоинству Россіи, государственная власть не допуститъ, однако, дальнѣйшаго распространенія въ краѣ всего того, что можетъ препятствовать сплоченію великой Имперіи.

«Отнынѣ ввѣренная Державною волею моему управленію Финляндія будетъ мнѣ дорога и я съ радостью посвящу свои силы на служеніе ея истиннымъ интересамъ. Буду горячо содѣйствовать всѣмъ благимъ начинаніямъ и поддерживать каждое правое и законное дѣло. Сочту себя счастливымъ, если въ мое управленіе краемъ финскій народъ, неоднократно заявлявшій преданность своимъ Государямъ, проникнется, наконецъ, сознаніемъ неизбѣжной необходимости добрыхъ и сердечныхъ отношеній къ Россіи, такъ какъ у насъ немыслимо разъединять преданность Монарху отъ преданности ко всей Имперіи. На всемъ необъятномъ пространствѣ Россіи, для всѣхъ, состоящихъ подъ могучимъ скипетромъ Царя, одно подданство и одна къ общему отечеству любовь.

«Да поможетъ мнѣ Богъ свято исполнить Державную волю Государя и вѣрно послужить на благо дорогой Россіи. Твердо надѣюсь на ваше непрестанное мнѣ во всемъ содѣйствіе и особенно разсчитываю на дружную помощь моихъ ближайшихъ, по Императорскому финляндскому сенату, сотрудниковъ».

На рѣчь новаго генералъ-губернатора отъ лица сената отвѣтилъ его вице-президентъ [120]).

Представители мѣстной администраціи просили Н. И. Бобрикова повергнуть къ стопамъ Его Величества чувства преданности. Въ текстѣ телеграммы они, по обыкновенію, выразили свои чувства только Государю; новый генералъ-губернаторъ обратилъ вниманіе на это обстоятельство, но сенаторы не сразу согласились приписать «и Россіи». Текстъ телеграммы явился поэтому настолько необычнымъ, что Государь Императоръ, читая ее, соизволилъ подчеркнуть слова «и Россіи» [121]).

О началахъ, на которыхъ зиждутся отношенія Финляндіи къ Имперіи, Н. И. Бобриковъ высказалъ то, что думалъ и чувствовалъ. Программу свою онъ выставилъ на виду у всѣхъ. Онъ подтвердилъ и признавъ внутреннее самоуправленіе края и никакой ломкой или стѣсненіями не угрожалъ. Онъ хотѣлъ, чтобы финляндцы не замыкались въ своей исключительности, а дѣлали общее русское дѣло. Николай Ивановичъ звалъ ихъ къ духовному сплоченію съ Россіей, къ совмѣстной работѣ на пользу «общаго отечества». Установленіе «добрыхъ и сердечныхъ отношеній финновъ къ Россіи»—такова была его задушевная мечта и главнѣйшая цѣль. Все то—предупреждалъ онъ—что можетъ препятствовать сплоченію великой Имперіи, правительство впредь не допуститъ.

Главная гельсингфорская газета шведомановъ не обмолвилась о вступительной рѣчи начальника края ни единымъ словомъ и ограничилась лишь воспроизведеніемъ ея оффиціальнаго перевода. [122]). Другая—посвятила пріѣзду генералъ-губернатора передовую статью, но говорила объ особенностяхъ и преимуществахъ Финляндіи, совѣтуя Н. И. Бобрикову изучить новую для него жизнь. Большинство финляндскихъ газетъ молчало... [123])

Либеральная печать Россіи [124]) подчеркнула въ рѣчи обѣщаніе сохранить права и законы Финляндіи, находя его особенно успокоительнымъ. «Значеніе обѣщанія не ослаблялось оговоркой о пользѣ и достоинствѣ Россіи, ибо особенности Финляндіи, не заключали въ себѣ до сихъ поръ ничего несовмѣстимаго съ матеріальными и нравственными интересами Россіи». Громкимъ и общимъ сочувствіемъ отнеслись къ вступительной рѣчи болѣе консервативные русскіе органы [125]).

«Въ первый разъ, заявила одна газета [126]), финляндскій генералъ-губернаторъ говоритъ такимъ яснымъ и твердымъ государственнымъ языкомъ, не допускающимъ никакихъ колебаній и сомнѣній. Съ начала до конца его рѣчь проникнута тѣмъ яркимъ русскимъ государственнымъ смысломъ, который собралъ многіе народы подъ власть Русскаго Государя и образовалъ великую Русскую Имперію. Финляндія есть наша область, правда, со своими особенностями, но тѣмъ не менѣе область, которая должна сплотиться съ Имперіей, къ взаимной выгодѣ ея и Россіи. Это единственный путь къ совмѣстной жизни, исторической и практической. Всякія колебанія и отступленія отъ него только вносятъ смуту въ умы, раздражаютъ воображеніе и питаютъ несбыточныя иллюзіи. Всѣ народы Имперіи должны расти вмѣстѣ и стремиться къ однимъ цѣлямъ единенія и культуры, не растрачивая силъ и способностей на сепаративныя вожделѣнія, на борьбу съ государствомъ, которое доказало свою устойчивость и силу на глазахъ всего міра»...

Вообще въ Имперіи назначеніе Н. И. Бобрикова встрѣтили

весьма сочувственно. Съ особымъ же интересомъ ожидали его пріѣзда русскіе люди въ Финляндіи. Для нихъ онъ являлся воплощеніемъ новыхъ надеждъ. «Мы ждемъ, говорили они, что теперь, скорѣе чѣмъ когда-либо, настанетъ та пора, когда русскіе почувствуютъ себя вольнѣе и удобнѣе» [127]).

Основныя свои мысли новый генералъ-губернаторъ развивалъ затѣмъ въ бесѣдахъ съ представителями печати, которые убѣдились, что Н. И. Бобриковъ находилъ внутренній порядокъ края во многихъ отношеніяхъ прекраснымъ, народъ онъ признавалъ законопослушнымъ и большимъ патріотомъ. «Какъ скоро финны поймутъ, сказалъ онъ между прочимъ, что мѣры русскаго правительства служатъ для ихъ блага, то, я увѣренъ, что мы поладимъ другъ съ другомъ». Недоволенъ былъ генералъ-губернаторъ только тономъ финской печати: «она часто высказываетъ мнѣнія, которыя, по его убѣжденію, могли лишь возбуждать безпокойство и служить во вредъ самой Финляндіи» [128]).

Самое назначеніе Николая Ивановича Бобрикова въ Финляндію было «ярко и програмно. Въ такихъ назначеніяхъ неизбѣжно отражается вся окраинская политика» [129]). Съ каждымъ шагомъ Н. И. Бобрикова направленіе его очерчивалось опредѣленнѣе и яснѣе. Его глубоко русская душа сказалась, напримѣръ, въ панихидѣ, которую онъ отслужилъ на могилѣ скромной начальницы Русскаго Дѣтскаго Сада, М. А. Кудряковой, съ провозглашеніемъ вѣчной памяти усопшей «Маріи и всѣмъ почившимъ дѣятелямъ русскаго народнаго просвѣщенія въ краѣ». Русскіе ожили, усматривая въ первыхъ же его дѣйствіяхъ начало новой эры на финляндской окраинѣ. И они не ошиблись... Въ Н. И. Бобриковѣ Финляндія получила замѣчательно цѣльнаго государственнаго дѣятеля. Бродить ощупью было не въ его натурѣ. Дѣйствовать подъ вліяніемъ минуты онъ также не соглашался, когда сталъ во главѣ администраціи обширнаго края и принялъ за него отвѣтственность передъ родиной и Царемъ.

Объѣзжая край и изучая положеніе дѣла на мѣстѣ, въ практическомъ его примѣненіи, онъ убѣдился, что культурные успѣхи финновъ весьма значительны. «Пути сообщенія, общественныя зданія, вся обстановка жизни, торговое и школьное дѣло, количество періодическихъ изданій, финансовое положеніе, состояніе сберегательныхъ кассъ и все прочее въ общей своей совокупности, свидѣтельствовало о томъ, что матеріальное благосостояніе было хорошо поставлено». [130]).

«Но вмѣстѣ съ тѣмъ новаго генералъ-губернатора интересовало выяснить силу тяготѣнія Финляндіи къ Россіи и степень довѣрія и расположенія, оказываемаго въ краѣ нашему правительству». Ему Высочайше повелѣно было продолжить начатыя объединительныя преобразованія, почему представлялось необходимымъ уяснить, какими

путями возможно будетъ ихъ осуществить и на кого правительство въ состояніи опереться въ краѣ, какъ на своего союзника и помощника. Въ этомъ отношеніи, послѣ четырехлѣтняго наблюденія, онъ пришелъ къ самымъ печальнымъ результатамъ. «Исторія прошлаго на этотъ вопросъ опредѣленнаго отвѣта не давала. Ни особой преданности русскому правительству, ни особаго недовольства финляндцы не проявили. Единственный разъ они подверглись нѣкоторому испытанію во время Крымской войны 1854—55 г.г. Матеріально Финляндія тогда значительно пострадала и болѣе всего потерпѣлъ ея торговый флотъ; но жертва людьми была крайне ничтожна. Политическое положеніе Россіи было таково, что серьезно думать объ отложеніи Финляндія, конечно, не могла. Но когда были предъявлены первыя русскія требованія и выражено желаніе государственно-политическаго объединенія Финляндіи съ Россіей, то правящіе классы сейчасъ же поднялись съ серьезнымъ протестомъ и проявили полное нерасположеніе къ правительству». Такое отношеніе къ русской власти тѣмъ болѣе поразило Н. И. Бобрикова, какъ онъ признается, что Финляндія въ теченіи столѣтія осыпалась неисчислимыми Царскими милостями. «Финляндія выросла и окрѣпла только со времени ея перехода подъ власть Россіи. Отношеніе русской власти и русскаго народа къ финнамъ было всегда проникнуто великими началами христіанства и гуманности. Никогда русское правительство не смѣшивало государственнаго единства съ племеннымъ и никогда поэтому оно не посягало на духовную свободу инородцевъ и не стремилось къ уничтоженію особенностей, созданныхъ природой. Національно-племенная ассимиляція никогда не входила въ государственную программу Россіи и понынѣ не существовало даже и намека на возможность обрусѣнія» [131]). Съ тѣмъ большимъ чувствомъ глубокаго сожалѣнія Н. И. Бобрикову пришлось отмѣтить, что, «не смотря на благодѣянія Всероссійскихъ Монарховъ, на дружескія отношенія Россіи къ Финляндіи, представителю русской власти въ краѣ рѣшительно не на кого опереться, некому довѣриться. Всѣ учрежденія и образованные классы образуютъ изъ себя сплошную стѣну противъ самыхъ естественныхъ и справедливыхъ русскихъ требованій». «Народъ, какъ вездѣ, продолжалъ Н. И. Бобриковъ, стоитъ въ сторонѣ отъ политики; но въ послѣднее время и его агитація стала втягивать въ оппозицію. Помимо національной и культурной обособленности, полнаго отсутствія внутренней связи съ русской общественной жизнью, Николай Ивановичъ долженъ былъ признать наличность весьма недружелюбнаго и недовѣрчиваго отношенія къ русскому правительству вообще, и къ представителю русской власти въ краѣ въ особенности. Создалось маловѣроятное съ перваго взгляда положеніе: власть начальника края

оказалась ничтожной. Воздѣйствовать на сенатъ онъ былъ почти лишенъ всякой возможности, такъ какъ незнаніе шведскаго языка препятствовало ему предсѣдательствовать въ немъ и приходить въ непосредственное соотношеніе съ сенаторами, не владѣвшими иногда ни русскимъ, ни иностранными языками. Губернаторы Финляндіи оказались болѣе подчиненными сенату, чѣмъ генералъ-губернатору. Собственная канцелярія генералъ-губернатора была переполнена исключительно финляндцами, совершенно не склонными содѣйствовать его русскимъ начинаніямъ. То же самое приходится сказать о составѣ статсъ-секретаріата за первый годъ управленія краемъ генераль-адъютанта Бобрикова. Въ финляндскомъ министрѣ статсъ-секретарѣ начальникъ края имѣлъ постояннаго оппонента, направлявшаго свои усилія къ тому, чтобы воспрепятствовать утвержденію его представленій. Про магистраты и общины Финляндіи и говорить излишне: они состояли изъ выборныхъ членовъ, на которыхъ власть генералъ-губернатора не распространялась. Судъ не проявлялъ расположенія поддерживать правду и справедливость въ спорахъ, возникавшихъ между русскими и финляндцами; юридической казуистикой дореформеннаго суда онъ склонялъ вѣсы въ пользу мѣстныхъ обывателей. Печать никогда не считала даже нужнымъ скрывать своей явной враждебности къ Россіи и русскимъ. Въ школахъ систематически игнорировались наша исторія и географія; что-же касается государственнаго языка, то онъ болѣе выставлялся въ росписаніяхъ уроковъ, чѣмъ изучался на дѣлѣ. И наконецъ, сеймъ, признаваемый въ краѣ второй «государственной властью», прямо вмѣнялъ себѣ въ обязанность всякое содѣйствіе обособленію Финляндіи отъ русскаго вліянія и государственнаго единенія съ Россіей. Совокупность всѣхъ этихъ условій оказала свое крайне неблагопріятное вліяніе на политическое положеніе Финляндіи [132]).

Едва Николай Ивановичъ приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей по объединительнымъ мѣропріятіямъ, какъ послѣдовательно противъ нихъ выступили сеймовые чины, сенаторы, губернаторы, духовенство, чиновники, университетъ, суды и печать. Всѣ они вмѣстѣ создали сплошное противодѣйствіе, усиленное вскорѣ преступной агитаціей.

При такихъ тяжелыхъ условіяхъ ген. Бобрикову пришлось начать свою служебную дѣятельность въ Финляндіи. «Окруженный исключительно мѣстными уроженцами края, онъ долженъ былъ взять лично на себя все бремя управленія».

А бремя это было немалое.

«Финляндія—писала «Hamburger Nachrichten» (23 іюня 1904 г.)—вообще страна трудно управляемая и о нее разбился просвѣщенный абсолютизмъ племянника великаго Фридриха, короля Густава III;

и со стороны Невы, чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе она будетъ позволять управлять собою». Въ финнахъ мы имѣемъ народъ неподатливый, стойкій въ любви и ненависти, и притомъ весьма обидчивый, поэтому нуженъ большой тактъ, чтобы управлять ими, особенно тому, кто долженъ былъ проводить новыя идеи, возбуждавшія ихъ неудовольствія. Финляндцы были избалованы, не встрѣчая противодѣйствія своимъ политическимъ стремленіямъ. Кромѣ того, въ краѣ не было «страху предъ русской властью».

«Кто довелъ финляндцевъ до современной разнузданности, какъ не мы сами, нашимъ равнодушіемъ и непростительнымъ въ государственныхъ дѣлахъ снисхожденіемъ», писалъ въ 1899 г. Н. И. Бобриковъ. «Наше здѣсь управленіе именно грѣшило забвеніемъ русскихъ интересовъ и вотъ плоды такой политики на лицо» [133]).

«Съ каждымъ днемъ появляются все новые и новые сюрпризы, приводящіе однако-же къ одному и тому-же выводу: Финляндія не любитъ Россіи и хочетъ быть особымъ государствомъ» [134]).

Правительственная программа была объявлена и новому генералъ-губернатору надлежало проявить стойкость въ защитѣ русскихъ интересовъ. Это положеніе было крѣпко усвоено Н. И. Бобриковымъ.

Изъ Россіи посылались Н. И. Бобрикову лучшія пожеланія отъ тѣхъ, которые понимали громадность его задачи. «Дай Богъ вамъ силъ и успѣха въ служеніи родинѣ и Царю въ предстоящей борьбѣ съ сеймомъ», писалъ ему одинъ изъ виднѣйшихъ государственныхъ дѣятелей Россіи. «Твердо вѣрю», что наша побѣда въ интересахъ и Финляндіи, ибо «устранитъ въ будущемъ пролитіе русской и финской крови» (17 января 1899 г.). Зорко и твердо охраняю ваши начинанія. «Государь премного интересуется всѣмъ, что происходитъ въ Финляндіи»... (3 февраля 1899 г.). «Положеніе трудное, но увѣренъ, что съ Божьею помощью выйдете побѣдителемъ изъ всѣхъ затрудненій и отстоите Государево, государственное и русское дѣло полностью. Въ чемъ могу—помогу отъ всего сердца, а въ твердости не оскудѣю» (7-го марта 1899 г.) [135]).

II. Воинская повинность.

Сейм состоялся. Высочайшее решение по вопросу о воинской повинности в Финляндии. Народ будет вооружен, страна богатеть и хорошеть. Корреспондировать.

Изъ письма Н. И. Бобрикова 29 іюня 1901 г.

Свою государственно - объединительную дѣятельность Николаю Ивановичу пришлось начать съ проведенія проекта новаго устава о воинской повинности. Проектъ, въ виду его общегосударственнаго значенія, былъ разработанъ при Главномъ Штабѣ, въ особой смѣшанной комиссіи, состоявшей изъ русскихъ и финляндскихъ представителей. Составленный проектъ передали въ финляндскій сенатъ, для внесенія на сеймъ. Но сенатъ не пожелалъ ограничиться этой ролью и, составивъ собственный проектъ, существенно рознившійся отъ проекта Главнаго Штаба, сталъ добиваться передачи его на сеймъ. Николай Ивановичъ Бобриковъ безъ труда доказалъ, что сенатскій проектъ объединительной цѣли не преслѣдовалъ, а потому не удовлетворялъ своему назначенію. Сдѣлалъ онъ это открыто и свои выводы приказалъ напечатать на русскомъ, финскомъ и шведскомъ языкахъ, дабы всѣ знали требованія и основанія русскаго правительства. Мало того, въ офицерскомъ собраніи Гельсингфорса было прочитано на ту же тему нѣсколько публичныхъ лекцій.

Началась борьба. Финляндскія власти и мѣстная печать дѣлали все, чтобы сохранить обособленность своей «арміи»; но ни военный министръ А. Н. Куропаткинъ, ни генералъ-губернаторъ Н. И. Бобриковъ не были склонны уступать въ томъ, что признали полезнымъ и необходимымъ въ интересахъ сплоченія арміи и усиленія обороны Имперіи.

Для разсмотрѣнія дѣла о воинской повинности повелѣно было созвать въ 1899 г. чрезвычайный сеймъ. На заключеніе его внесенъ былъ русскій проектъ, составленный комиссіей Главнаго Штаба. Уже одно это обстоятельство подняло на ноги мѣстныя редакціи. Ихъ агитація привела къ тому, что составъ чрезвычайнаго сейма 1899 года явился крайне неблагопріятнымъ для русскихъ требованій. Всѣ, кто когда-либо работалъ въ духѣ финляндскаго обособленія, нашли себѣ мѣсто въ сеймовыхъ комиссіяхъ. Цвѣтъ финляндской «государственности» вышелъ на борьбу за проповѣдуемое имъ начало. Совокупными силами они составили отвѣтъ на Высочайшее предложеніе, въ невиданной до той поры рѣзкой формѣ.

Въ чемъ заключались требованія русскаго правительства и къ чему сводился отвѣтъ сейма? Эти положенія необходимо установить, иначе непонятна будетъ та смута, которая возникла въ Финляндіи.

Первый всеподданнѣйшій докладъ, представленный Государю Императору Александру III военнымъ министромъ, генералъ-адъютантомъ П. С. Ванновскимъ, 29 августа 1891 г. (за № 141), исходилъ въ сущности изъ положеній, которыя были выставлены еще гр. Д. А. Милютинымъ въ то время, когда вырабатывался для Финляндіи уставъ о воинской повинности. Финляндія составляетъ неразрывную часть Имперіи, и хотя пользуется своимъ мѣстнымъ управленіемъ и своими мѣстными законами, «не можетъ однако же домогаться всѣхъ атрибутовъ отдѣльнаго и независимаго государства». Необходимая политическая связь Финляндіи съ Имперіей должна выражаться прежде всего въ единствѣ Верховной Власти, а затѣмъ «въ единствѣ управленія дѣлами дипломатическими и военными,—писалъ гр. Милютинъ. Никакая часть государства не можетъ имѣть своей внѣшней политики такъ же какъ и своей отдѣльной вооруженной силы». Нельзя предоставить Финляндіи ни своего управленія иностранными дѣлами, ни своей арміи, независимой отъ общаго въ Имперіи управленія военною частью. Возражать противъ подобныхъ положеній едва ли возможно.

Между тѣмъ несомнѣнно, что финскія войска представляли отдѣльную вооруженную силу и не являлись органической частью русской арміи. У нихъ были свои суды; въ ряды финскихъ баталіоновъ русскіе люди совершенно не допускались; на службу Имперіи и за границу Россіи ихъ нельзя было выводить; организація ихъ весьма существенно разнилась отъ нашей; срокъ службы, устройство запаса и ополченія, форма присяги, способы и время призыва новобранцевъ, льготы и пр. все были иные, чѣмъ въ русской арміи. А что еще важнѣе, у финскихъ войскъ не было единства духа, общей исторіи, одинаковыхъ традицій съ русскими войсковыми частями; у нихъ не было идеаловъ, святынь и завѣтовъ одинаковыхъ съ нашей арміей.

Финскія войска имѣли свой отдѣльный кадетскій корпусъ, свой кригсъ-комиссаріатъ, свою милиціонную экспедицію при сенатѣ и подчинялись гражданской власти генералъ-губернатора, а не командующаго войсками округа. Своего старшаго генерала именовали начальникомъ «финской арміи». Въ Россіи они видѣли чуждую для нихъ страну восточнаго сосѣда.

Это одна сторона дѣла. Но имѣлась еще и другая.

Ежегодно на укомплектованіе финскихъ войскъ поступало только 1920 человѣкъ, а по нормѣ остальной Россіи населеніе Финляндіи должно было давать ежегодно 7200 человѣкъ. Расходы Имперіи на военныя надобности достигали 2 р. 83 к. на душу населенія, а въ Финляндіи только 1 р. 35 к.[136]).

Если же обратиться къ годамъ, предшествовавшимъ всеобщей воинской повинности, то окажется, что Финляндія несла еще болѣе облегченное воинское бремя: съ 1809 по 1812 г. она вовсе не содержала войскъ; а съ 1868 по 1881 г. держала подъ ружьемъ только одинъ гвардейскій баталіонъ! Съ государственной точки зрѣнія, нельзя было усмотрѣть въ подобномъ положеніи какой-либо справедливости. Нельзя было мириться съ такимъ неравномѣрнымъ распредѣленіемъ самой тяжелой государственной повинности.

Отчужденность финскихъ баталіоновъ была столь велика, что гр. Д. А. Милютинъ не безъ основанія сказалъ, что интересы Россіи «въ сущности были бы болѣе обезпечены продленіемъ безоружнаго положенія края, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока въ населеніи Финляндіи не утвердится сознаніе въ полной солидарности политическихъ и экономическихъ ея интересовъ съ интересами Россіи». Всякая отчужденность не соотвѣтствовала, конечно, интересамъ Имперіи. Единообразіе и сплоченность арміи являются жизненными потребностями каждаго самостоятельнаго государства. Ошибку прошлаго (1878 г.) необходимо было исправить. Нужно было все военное устройство Финляндіи поставить въ тѣсное единеніе съ общей организаціей нашихъ вооруженныхъ силъ. Финскія войска надлежало сдѣлать русскими по духу и стремленіямъ, дабы армія Имперіи представляла одно крѣпкое здоровое цѣлое.

Если этой цѣли нельзя было достигнуть, то финскія войска являлись ненужными.

Исходя изъ такихъ естественныхъ и неизбѣжныхъ требованій, русское правительство и выработало новый уставъ воинской повинности, въ которомъ стремилось поставить финновъ въ одинаковыя условія съ кореннымъ населеніемъ Имперіи. Дѣлать для финновъ существенныя исключенія не имѣлось достаточныхъ основаній. Новый законопроектъ уравнивалъ поэтому сроки службы, устанавливалъ оди-

наковые запасъ и ополченіе, равныя льготы, вводилъ единообразіе въ организацію призыва и устройство управленія, открывалъ доступъ въ финскія войска русскимъ подданнымъ не финскаго происхожденія и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ намѣчалось уравненіе финскаго населенія съ населеніемъ коренной Россіи, по несенію, какъ личной, такъ и денежной тягости воинской повинности.

Въ виду того, что на очередь становились вопросы первостепенной важности, русское правительство пожелало выслушать голосъ представителей финскаго народа. Редакція Высочайшаго предложенія земскимъ чинамъ была выработана въ Особомъ Совѣщаніи, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря К. П. Побѣдоносцева, и подчеркивала необходимость «единства всероссійской арміи».

Въ Царской рѣчи, которой былъ открытъ этотъ сеймъ, указывалось, «что Финляндія неразрывно соединенная съ Имперіей, состоя подъ покровомъ и защитой всего Россійскаго государства, не имѣетъ нужды въ обособленномъ отъ русской арміи войскѣ». Сейму надлежало согласовать уставъ о воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ съ началами, дѣйствовавшими въ семъ дѣлѣ въ Имперіи [137]). При этомъ согласованіи отъ земскихъ чиновъ ожидалось заключеніе о томъ, «насколько новые проектированные порядки практически удобопримѣнимы по мѣстнымъ условіямъ къ укладу финской жизни».

Необходимо прибавить, что наше правительство, желая установить единство всѣхъ частей имперской арміи, въ то же время стремилось создать изъ финскихъ войскъ посредствующее звено для болѣе тѣснаго единенія Финляндіи съ Россіей.

Какъ же отнесся ко всѣмъ этимъ начинаніямъ правительства сеймъ 1899 г.? Непосредственно за торжественнымъ его открытіемъ, органъ шведомановъ заявилъ: «Съ 1809 г. Финляндія не всегда имѣла свое войско и стояла подъ защитою только русской военной силы; но это время миновало, и надо надѣяться, навсегда». Сеймъ 1877—1878 гг. создалъ финское національное войско... «Сила этой организаціи войска и ея способность удовлетворять требованіямъ заключается именно въ національномъ характерѣ, другими словами, сила этой организаціи зависитъ отъ войска, состоящаго исключительно изъ финляндцевъ... Нѣтъ основаній ради интересовъ Имперіи отказываться отъ существованія національнаго войска» [138]). Тонъ былъ данъ и направленіе работы сейма опредѣлены этой статьей достаточно прочно. Сеймъ сдѣлалъ все, чтобы еще болѣе отдѣлить финскія войска отъ остальныхъ частей русской арміи. Онъ согласился, правда, увеличить общую численность мирнаго состава финскихъ войскъ съ 5600 человѣкъ до 12 тыс., но при условіи сохраненія таможенной черты и правового

строя Финляндіи (т. е. ея конституціи). Въ тоже время онъ отклонилъ возможность постояннаго квартированія ихъ внѣ предѣловъ Великаго Княжества. Сеймъ не допустилъ въ среду финскихъ войскъ ни русскихъ людей, ни русскаго языка, ни клятвеннаго обѣщанія, даваемаго остальной русской арміей. Эти мѣры онъ назвалъ «принудительными, несправедливо связанными съ воинской повинностью, насильственною попыткою измѣнить національный характеръ», а назначеніе финновъ въ русскія войска опредѣлилъ, какъ большое несчастіе, равносильное изгнанію изъ отечества. Короче—слить финскія войска съ русскими въ одну военную семью, для совмѣстной охраны государства и большей боевой подготовки, земскіе чины рѣшительно отказались. [139]).

Вмѣсто прямого отвѣта на поставленный вопросъ о практической примѣнимости проекта новаго устава къ укладу финской жизни, сеймъ, сдѣлавъ частныя поправки въ прежнемъ финляндскомъ уставѣ 1878 г., составилъ цѣлый политическій трактатъ о томъ, что Финляндія есть особое «государство» и такъ какъ, по мнѣнію сейма, проектъ устава имѣлъ въ виду не только преобразованіе военной части Финляндіи, но, въ связи съ этимъ, и политическія цѣли, осуществленіе которыхъ глубоко затронуло бы правовое положеніе Финляндіи и имѣло бы самыя пагубныя послѣдствія для края и будущаго развитія его, то онъ, сеймъ, нашелъ необходимымъ высказать своимъ отвѣтомъ «протестъ противъ того направленія, въ которомъ хотятъ вести русскую политику въ Финляндіи». Мало того. Въ свой отвѣтъ по уставу о воинской повинности сеймъ призналъ удобнымъ вставить рѣзкую критику манифеста 3 февраля 1899 г. объ изданіи общегосударственныхъ законовъ, заявивъ, что онъ не долженъ имѣть въ Финляндіи «значенія и святости закона». [140]).

Впослѣдствіи одинъ изъ финляндцевъ, оцѣнивая поведеніе сейма, сказалъ: онъ забылъ, что «во всѣхъ соединенныхъ государствахъ единство арміи считается безусловно необходимымъ, а также, что въ рѣзкой формѣ оказанное сопротивленіе всегда вызываетъ раздраженіе» [141]). Къ подобному же заключенію пришелъ и Н. И. Бобриковъ. «Чѣмъ больше вчитываюсь въ отзывы сейма и сената, тѣмъ больше удивляюсь ихъ смѣлости, если не сказать дерзости. Ставятъ все на карту». Одна германская редакція усмотрѣла, что финляндскіе земскіе чины обнаружили мало мудрости въ своемъ отношеніи къ вопросамъ о военной реформѣ [142]).

Оправдываясь, финляндцы объясняли, что они раздражены были не столько положеніями самаго проекта устава о воинской повинности, сколько приложеніями и матеріалами, кои сопровождали его. Въ этихъ приложеніяхъ находились мотивы къ новому проекту и справки изъ исторіи утвержденія прежняго финляндскаго устава 1878 г. Тѣ и

другіе раскрывали картину истинныхъ стремленій финляндскихъ политиковъ, а также канцелярскій пріемъ, который помогъ имъ склонить военнаго министра гр. Д. Милютина къ принятію устава. О томъ, что дѣлалось и говорилось на сеймѣ 1877—1878 г.г. русскіе власти имѣли самое смутное представленіе. Генералъ-губернаторъ гр. Адлербергъ довольствовался тѣмъ, что докладывалъ ему одинъ изъ сеймовыхъ дѣятелей шведоманскаго лагеря, да переводами обрывковъ рѣчей. Однажды этотъ докладчикъ пришелъ сообщить, что сеймъ согласился признать генералъ-губернатора начальникомъ финскихъ войскъ. Присутствовавшій случайно русскій генералъ выразилъ свое удивленіе, почему сеймъ не подчинилъ финскихъ войскъ командующему войсками.— «Развѣ это не все равно,—возразилъ гр. Адлербергъ,—войска будутъ подчинены мнѣ» [143]).—Ни рѣчи сеймовыхъ ораторовъ, ни дѣлопроизводство сейма не были переведены на русскій языкъ. Это обстоятельство особенно поразило Н. И. Бобрикова, который выразилъ свое изумленіе въ письмѣ къ министру статсъ-секретарю. «Какъ русскія власти относились къ общеобязательной воинской повинности въ 1877—1878 гг.— писалъ онъ—видно изъ того, что отзывъ тогдашняго сейма до сихъ поръ не переведенъ на русскій языкъ» [144]).

Неизвѣстнымъ осталось военному министерству (въ 1878 г.) и другое чрезвычайно важное обстоятельство, а именно, что финляндцы рѣшили придать нѣкоторымъ частямъ устава о воинской повинности значеніе конституціоннаго закона. Все это раскрылось только въ 1899 г. Документы этого дѣла были переданы чрезвычайному сейму и сенату для свѣдѣнія. Сущность дѣла сводилась къ слѣдующему.

Въ 1878 г., министръ статсъ-секретарь поднесъ на Высочайшее утвержденіе уставъ о воинской повинности въ Финляндіи, «принятый» сеймомъ. Предварительно утвержденія, Государь Императоръ пожелалъ получить заключеніе о семъ уставѣ финляндскаго сената и военнаго министра Имперіи. Явленіе совершенно исключительное: окраина Имперіи вводитъ у себя всеобщую воинскую повинность и представляетъ проектъ новаго закона къ утвержденію, безъ запроса о немъ мнѣнія военнаго министра, власть котораго всегда распространялась на Финляндію. Сенатъ высказался по дѣлу. Надлежало весь уставъ передать военному министру. Такъ и поступилъ статсъ-секретарь, но изъ заключенія сената изъялъ предварительно нѣсколько строкъ, въ которыхъ говорилось о томъ, что сеймъ постановилъ ходатайствовать передъ Верховною властью о томъ, чтобы нѣкоторыя статьи устава о воинской повинности были отнесены къ разряду такъ-называемыхъ основныхъ законовъ края, которые могутъ быть измѣняемы Монархомъ не иначе, какъ по полученіи на то согласія отъ всѣхъ четырехъ сословій сейма. Министръ статсъ-секретарь Шернваль-Валленъ или, точнѣе говоря,

его товарищъ Пальмротъ, очевидно, разсудилъ, что будетъ неосторожно довести подобное ходатайство сейма до свѣдѣнія внимательнаго и умнаго военнаго министра, который, конечно, пойметъ, что домогательство земскихъ чиновъ клонится къ тому, чтобы держать въ своихъ рукахъ финляндскія войска. Если военный министръ подыметъ свой голосъ противъ такого домогательства, то все дѣло будетъ проиграно. Въ отношеніи статсъ-секретаря къ военному министру не было поэтому упомянуто о ходатайствѣ сейма. Гр. Милютинъ, мнѣніе котораго по нѣкоторымъ важнымъ вопросамъ расходилось съ планами финляндцевъ, видя изъ переписки, что нужныя ему впослѣдствіи измѣненія въ уставѣ легко могутъ быть достигнуты, высказался за утвержденіе его. Этого только и нужно было финляндцамъ. Получивъ заключеніе военнаго министра, статсъ-секретарь вновь заботливо вписалъ на соотвѣтствующее мѣсто сеймовое ходатайство и отправился во дворецъ. Изъ всеподданнѣйшаго доклада, при которомъ подносился на утвержденіе уставъ о воинской повинности, видно было, что сеймъ и сенатъ просили о причисленіи части устава къ основнымъ законамъ Финляндіи, а военный министръ не встрѣтилъ препятствія къ представленію сего устава на Высочайшее утвержденіе. На дѣлѣ было иначе: гр. Милютинъ на причисленіе части устава о воинской повинности къ «основнымъ» законамъ своего одобренія не выразилъ. [145]).

Когда эти результаты разслѣдованія комиссіи Главнаго Штаба было повелѣно передать (въ 1899 г.) сенату и сейму, то во всей мѣстной печати поднялся шумъ и недовольство. Заговорили о неправильныхъ обвиненіяхъ лицъ съ незапятнанными именами, о «безпрерывныхъ нападкахъ на то, что для законопослушнаго финскаго народа является самымъ высшимъ и драгоцѣннымъ достояніемъ» и т. п. Однако, во всеподданнѣйшемъ своемъ отзывѣ земскіе чины, по пересмотрѣ архива статсъ-секретаріата и по розысканіи части дневника Шернваль-Валлена, которымъ надѣялись оправдаться, должны были признать, что военному министру гр. Милютину «неизвѣстно было», что означенные параграфы предназначались къ перечисленію въ основные законы [146]).

Чрезвычайному сейму данъ былъ въ 1899 г. на разсмотрѣніе только уставъ о воинской повинности и, связанный съ нимъ неразрывно, вопросъ объ уравненіи финансовой тягости и тѣмъ не менѣе земскіе чины не успѣли справиться со своей задачей въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ, и предположили сперва самовольно продлить свои засѣданія, а затѣмъ одумались и рѣшили ходатайствовать о разрѣшеніи имъ продолжить занятія. Разрѣшеніе было дано. По этому поводу Ник. Ив. Бобриковъ писалъ: «Если бы чрезвычайный сеймъ не входилъ въ неумѣстную оцѣнку Высочайшаго Манифеста отъ 3 фев-

раля и не устраивалъ празднованія по поводу тридцатилѣтняго юбилея со дня утвержденія сеймового устава, то не подлежитъ сомнѣнію, не нуждался бы въ продленіи своихъ засѣданій»... [147]).

Наконецъ, занятія земскихъ чиновъ были закончены. Закрывъ сеймъ 1899 г., Ник. Ив. Бобриковъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: «Сеймъ поставленной ему задачи не рѣшилъ и, взамѣнъ заключенія, представилъ контръ-предложеніе, перейдя предѣлъ ему даннаго посему полномочія по военному вопросу и проявивъ совершенно неумѣстную смѣлость въ критикѣ Высочайшаго Манифеста 3 февраля».

Представители сейма собирались покинуть Гельсингфорсъ. Прощались они съ Николаемъ Ивановичемъ различно. Ландмаршалъ Троиль, заставъ генералъ-губернатора дома, тѣмъ не менѣе, «взамѣнъ личнаго свиданія, ограничилъ свое прощаніе оставленіемъ визитной карточки, проявивъ тѣмъ свое неудовольствіе»,—читаемъ въ дневникѣ Н. И. Бобрикова. «Сегодня я долго весьма мирно бесѣдовалъ съ абоскимъ архіепископомъ, вообще человѣкомъ умнымъ, но по убѣжденіямъ фанатикомъ. Не смотря на мои старанія раскрыть ему его излишнія увлеченія, онъ упорно отстаивалъ правоту своихъ политическихъ заблужденій, не опираясь при этомъ на безспорные документы»...

По закрытіи, сейма предстояло разобраться въ его заключеніи. На стражѣ интересовъ Имперіи находился Н. И. Бобриковъ во всеоружіи знанія военнаго вопроса, со стойкимъ характеромъ и русскимъ сердцемъ. Онъ представилъ финляндскія домогательства въ надлежащемъ освѣщеніи и раскрылъ тѣ пріемы, кои для этого были употреблены. Никогда еще въ борьбѣ по финляндскому вопросу не встрѣчались такія большія силы и потому неудивительно, что искры возникшей полемики широко разлетались за предѣлы Финляндіи. Военный вопросъ Финляндіи разсматривался тогда едва ли не всѣми русскими и иностранными изданіями. Мнѣнія раздѣлились...

Въ силу положенія 3 февраля 1899 г. объ общегосударственномъ законодательствѣ, проектъ устава о воинской повинности передали на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Въ Петербургѣ также образовалось два лагеря. Финляндскіе дѣятели не дремали. Они проникали всюду къ вліятельнымъ лицамъ, вербуя сторонниковъ.

Засѣданія Государственнаго Совѣта въ февралѣ и мартѣ 1901 г. представили особый интересъ. По нѣкоторымъ вопросамъ устава голоса раздѣлились и многіе члены склонились въ пользу представленныхъ финляндцами доводовъ. Что же касается тѣхъ вопросовъ политическаго и конституціоннаго характера, коими наиболѣе интересовались финляндцы, то члены Государственнаго Совѣта единогласно признали ихъ совершенно не подлежащими ихъ разсмотрѣнію.

Главными ораторами двухъ противоположныхъ направленій явились военный министръ Алексѣй Николаевичъ Куропаткинъ и министръ финансовъ Сергѣй Юльевичъ Витте. Эрудиція обоихъ была громадная и блестящая. С. Ю. Витте по нѣкоторымъ (7) вопросамъ совершенно склонился къ доводамъ финляндцевъ, но тѣмъ не менѣе между ними оставалось весьма существенное различіе, о которомъ можно судить по главнымъ положеніямъ той записки, которая была подана имъ до засѣданія Государственнаго Совѣта и впослѣдствіи воспроизведена въ заграничной печати [148]). Соображенія министра финансовъ сопровождались поясненіями столь исключительнаго свойства, что обратили на себя общее вниманіе и вызвали сильныя возраженія со стороны А. Н. Куропаткина, Н. И. Бобрикова и В. К. Плеве.

С. Ю. Витте находилъ нежелательнымъ назначеніе финновъ на службу въ русскія войска между прочимъ и потому, что, по его мнѣнію, финскіе солдаты будутъ возвращаться съ непріязненными чувствами къ Россіи, и при такомъ условіи, прекрасно обученный ихъ запасъ можетъ не встать въ минуту осложненій на нашу сторону. Да и вообще,—говорилъ министръ,—въ это время недоразумѣній нельзя звать финновъ въ наши войска.

Осужденія, которыя въ наше время часто высказывались по поводу дарованія Императоромъ Александромъ I Финляндіи особой областной организаціи, С. Ю. Витте признавалъ неосновательными однако, въ то же время онъ нашелъ, что порядокъ управленія, установленный для Финляндіи, не во всѣхъ своихъ частяхъ удовлетворяетъ требованіямъ и задачамъ настоящаго времени. Наоборотъ, самостоятельная, несвязанная съ общеимперскими интересами жизнь Княжества, несомнѣнно, создала извѣстную отчужденность между русскимъ и финскимъ населеніемъ. Что отчужденность существуетъ — въ этомъ, по его мнѣнію, нѣтъ сомнѣнія [149]).

Въ разрѣшеніи военнаго вопроса, продолжалъ министръ финансовъ, вся политическая его сторона, всѣ разсужденія объ основныхъ законахъ Княжества, о формѣ его правленія и пр. не могутъ имѣть никакого руководящаго, а тѣмъ болѣе рѣшающаго значенія, и едва ли правильно, какъ сдѣлали то военный министръ (?) и финляндскій сеймъ, предположенія о воинской повинности въ Финляндіи переносить на почву конституціонныхъ правъ этой страны и исторіи ихъ возникновенія [150]). За Финляндіей С. Ю. Витте признавалъ не права, а только льготы, съ которыми предлагалъ обходиться бережно.

Развивая мысль о томъ, что ни одна окраина не стоила Россіи такъ дешево, какъ Финляндія, С. Ю. Витте прибѣгъ къ весьма оригинальному, но и совершенно неправильному пріему. Онъ подсчиталъ, что возстаніе Польши въ 1831 г. стоило казнѣ свыше 185 мил. рубл.,

а возстаніе 1863 г.—болѣе 150 мил. Во что обошлось замиреніе Кавказа ему не удалось установить. На Туркестанъ израсходовано съ 1869 по 1896 г. около 135 мил. рубл. «Имѣя эти факты передъ глазами, министръ финансовъ находитъ затруднительнымъ утверждать, что Финляндія процвѣтаетъ за счетъ Россіи». Указанныя явленія вездѣ ненормальны и исключительны, а потому брать ихъ, какъ и вообще всякія несчастныя случаи и бѣдствія, въ родѣ голодовокъ или наводненій, за основу доказательствъ, во что обходятся государству нѣкоторыя ея части, совершенно невозможно. Нельзя также по темпераменту народа сопоставлять Кавказъ или Польшу съ Финляндіей.

Въ дальнѣйшихъ своихъ разсужденіяхъ С. Ю. Витте настаивалъ на томъ, что «въ новомъ уставѣ вполнѣ точно должна быть проведена мысль, что финляндская армія существуетъ не для защиты одной только Финляндіи, а для защиты общаго отечества Россіи». Подобнаго «общаго отечества» финляндцы, какъ извѣстно, не признаютъ. Не примирились бы они также и съ тѣмъ положеніемъ министра финансовъ, что русская самодержавная власть имѣетъ право въ отношеніи Финляндіи принять всѣ тѣ мѣры, которыя она признаетъ необходимыми и полезными [151]) и что «не финляндское законодательство опредѣляетъ границы компетенціи русской государственной власти, а наоборотъ, русское законодательство, какъ суверенное, опредѣляетъ компетенцію финляндскихъ учрежденій».

«О государственно-правовомъ вопросѣ министромъ финансовъ употреблены, по мнѣнію иностранной газеты, такія выраженія, которыя удивительно не вяжутся съ остальнымъ содержаніемъ его записки». С. Ю. Витте, какъ говоритъ «Politiken», просмотрѣлъ, что зерно всего финляндскаго военнаго вопроса конституціоннаго свойства. Замѣчаніе глубоко вѣрное, ибо земскіе чины (въ 1899 г.) заявили рѣшительный протестъ противъ тѣхъ, которые не признаютъ Финляндіи конституціоннымъ государствомъ; все ихъ заключеніе было проникнуто «оппозиціоннымъ духомъ» единственно вслѣдствіе желанія русскаго правительства исключить изъ устава всю политическую тенденцію.

Во время преній въ Государственномъ Совѣтѣ, С. Ю. Витте высказался за справедливость введенія извѣстныхъ требованій по русскому языку, за назначеніе въ финскія войска русскихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, такъ какъ подобныя мѣры ведутъ къ единенію. Онъ избѣгалъ всякихъ рѣзкостей въ реформѣ и предлагалъ соблюдать интересы народа, а не политикановъ. Не цѣня внѣшняго объединенія и «механической справедливости», онъ говорилъ, что надо начинать съ культурныхъ и экономическихъ мѣропріятій.

Вообще Государственный Совѣтъ чрезвычайно внимательно от-

несся къ интересамъ финновъ, не желая, чтобы первый его законопроектъ произвелъ тяжелое впечатлѣніе. Члены Совѣта видѣли, что «Финляндія въ анархіи», что власти въ ней парализованы, что она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ шла по пути, нежелательному для Россіи. Но въ то же время они приняли во вниманіе, что Финляндія не давала поводовъ къ политическимъ недоразумѣніямъ. Они не хотѣли «смущать души финна»; желали сохранить въ немъ сознаніе, что ему легче съ нами, чѣмъ было со шведами; желали сохранить самоуправленіе Великаго Княжества и пр. Часть членовъ Совѣта высказалась противъ «автономическаго» положенія финскихъ войскъ; находила необходимымъ идти къ выполненію «политической программы», протестовала противъ всякихъ «договорныхъ статей» и т. п. Н. И. Бобриковъ говорилъ, между прочимъ, о «духовномъ слитіи», о сохраненіи мѣстныхъ особенностей, о послѣдовательности въ реформахъ и т. д., вотируя, конечно, за проектъ военнаго министра, съ незначительными исправленіями. Одинъ изъ членовъ Государственнаго Совѣта напомнилъ, что военныя реформы помогли объединенію Франціи и Германіи, другой—указалъ, что «престолъ» есть въ сущности государство, третій—дополнилъ, что и «отечество» также государство, а подъ родиной надо понимать уже нѣчто иное. [152]).

По окончаніи разсмотрѣнія проекта устава о воинской повинности въ Государственномъ Совѣтѣ, сенаторъ Бергбомъ заявилъ, что въ цѣляхъ успѣшнаго проведенія военной реформы было бы весьма желательно, чтобы новыя законоположенія о воинской повинности проводились въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ установившемуся въ Финляндіи правовому взгляду. Почему ему казалось соотвѣтственнымъ уважить законопроектъ земскихъ чиновъ. Члены Государственнаго Совѣта, и прежде всѣхъ С. Ю. Витте, замѣтили, что заявленіе г. Бергбома не согласуется съ ихъ взлядами. «Вводя нѣкоторыя измѣненія въ проектъ военнаго министерства, они не задавались цѣлью приблизить его непремѣнно къ проекту сейма въ виду существующихъ въ Финляндіи правовыхъ воззрѣній. Напротивъ, неоднократно было заявлено, что всѣ постановленія, содержащіяся въ дѣйствующемъ финляндскомъ уставѣ или редактированныя вновь сеймомъ, которыя имѣютъ политическую тенденцію или служатъ лишь къ обособленію финскихъ частей войскъ, должны быть устранены. Единственнымъ основаніемъ къ принятію разныхъ отступленій отъ русскаго устава послужила необходимость избѣгнуть напраснаго отягощенія населенія финляндской окраины. Въ общемъ отступленія эти далеко не столь значительны, чтобы считать проектированный уставъ болѣе близкимъ къ финляндскому уставу, нежели къ русскому. Совершенно наоборотъ, въ проектѣ много коренныхъ различій съ финляндскимъ уставомъ»... [153])

Газеты спѣшили разнести по свѣту обрывки донесшихся до нихъ свѣдѣній. Иностранная печать, послѣ первыхъ-же дней засѣданія Государственнаго Совѣта, стала давать отчеты о ходѣ дѣла и гадать о конечномъ его результатѣ. Финляндскіе корреспонденты пробовали, при посредствѣ могучаго рычага печатнаго слова, дать дѣлу желательный для нихъ оборотъ.

Наиболѣе старались въ пользу финляндцевъ повременныя изданія Швеціи, которыя «изъ самаго достовѣрнаго источника» сообщали «радостные слухи изъ Петербурга» и доводили до всеобщаго свѣдѣнія, что проектъ военнаго министерства отвергнутъ Государственнымъ Совѣтомъ. При этомъ успѣхъ приписывался адресамъ и депутаціямъ, которые хотя и были встрѣчены повсюду закрытыми дверями, произвели однако извѣстное воздѣйствіе. [154]) Особенно утѣшительнымъ для шведовъ являлось сознаніе, что въ такомъ учрежденіи, какъ русскій Государственный Совѣтъ, существуетъ столь сильная оппозиція противъ «злѣйшихъ враговъ Финляндіи»... [155]).

Не молчали и русскія газеты, стоявшія на стражѣ финляндскихъ интересовъ. Онѣ также сочли пріятнымъ долгомъ «констатировать», что рѣшеніе Государственнаго Совѣта внесло полное умиротвореніе въ настроеніе финляндскихъ подданныхъ. Особенное рвеніе нежданно проявилъ «Гражданинъ», сохранявшій вообще молчаніе по финляндскому вопросу. Статьи его имѣли странный характеръ и въ обществѣ говорили, что онѣ «инспирированы», ибо появлялись наканунѣ рѣшающихъ засѣданій Государственнаго Совѣта и подъ бандеролью доставлялись вліятельнымъ лицамъ. По свѣдѣніямъ этой газеты оказывалось, что «никто изъ финновъ не эмигрируетъ изъ-за политическихъ реформъ, а исключительно изъ суевѣрнаго страха угрожающей народу воинской повинности». Въ русскихъ требованіяхъ газета видѣла одно только настойчивое желаніе «тріумфа» національнаго принципа, такъ какъ отъ пребыванія финскихъ войскъ «съ разстроенными желудками» въ Тамбовской губерніи ни Россія, ни русская армія ничего не могла выиграть [156]). Желая возможно ярче освѣтить вѣрноподданность финляндцевъ, «Гражданинъ» не затруднился сочинить цѣлые разсказы, кои онъ выдавалъ за историческія событія. «Въ 1854 г., когда союзная эскадра вошла въ Финскій заливъ, съ намѣреніемъ идти на Кронштадтъ, англійскій адмиралъ приказалъ забирать съ финляндскихъ береговъ лоцмановъ и требовалъ, чтобы они вели эскадру по Финскому заливу. Ни одинъ изъ лоцмановъ ни за деньги, ни подъ угрозами смерти не согласился исполнить требованія англійскаго адмирала, и до 20 этихъ лоцмановъ поплатились жизнью за вѣрность Русскому царю». На дѣлѣ, какъ извѣстно, финляндскіе лоцманы въ значительномъ числѣ служили нашимъ врагамъ [157]).

Государственный Совѣтъ высказалъ свое мнѣніе и всѣ послѣ того съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ожидали Царскаго слова. Оно не заставило себя долго ждать. Манифестъ появился уже 29 іюня 1901 г.— Высочайшее рѣшеніе представило выдающійся интересъ. Было объявлено, что «положеніе Вел. Кн. Финляндскаго въ составѣ Россійской Имперіи налагаетъ на его населеніе долгъ участвовать въ защитѣ Престола и Отечества, подчиняясь на ряду со всѣми нашими вѣрноподданными узаконеніямъ, единство Русской Арміи обезпечивающимъ». Армейскія финскія войсковыя части подчинены военному министру и командующему войсками финляндскаго военнаго округа.—Уставъ о воинской повинности 1878 г. со всѣми къ нему дополненіями былъ отмѣненъ, а взамѣнъ его утвержденъ новый [158]).

Чтобы облегчить переходъ къ новому порядку, повелѣно было упразднить финлядскіе стрѣлковые баталіоны. На мысли объ упраздненіи финскихъ войскъ Н. И. Бобриковъ лично остановился прочно еще въ то время, когда сеймъ не закончилъ разсмотрѣнія устава о воинской повинности. Уже въ ноябрѣ 1899 г. онъ писалъ: «Слѣдя за движеніемъ мѣстной жизни, не могу не приходить къ заключенію о вредѣ особаго существованія финскаго войска». Мѣстная жизнь приходила въ броженіе и это обстоятельство побуждало особенно серьезно подумать о финскомъ войскѣ. «При такихъ условіяхъ,—писалъ Н. И. Бобриковъ въ частномъ письмѣ къ В. К. Плеве,—лучше это войско вовсе распустить и воинскую личную повинность замѣнить денежной, пока край будетъ въ современномъ положеніи. Войска эти конечно вліяютъ на политику и поддерживаютъ преступныя финляндскія затѣи»... [159]).

Отдѣльная записка, съ перечнемъ тѣхъ послѣдствій, кои ожидались отъ подобной реформы, была у Н. И. Бобрикова разработана уже въ апрѣлѣ 1900 г. При осмотрѣ бумагъ Николая Ивановича послѣ его трагической кончины, въ его письменномъ столѣ найдена была подобная же записка, озаглавленная «Соображенія, вызывающія упраздненіе особыхъ финскихъ войскъ» и помѣченная 29 марта 1901 года. За упраздненіе финскихъ войскъ, по его мнѣнію, говорили слѣдующіе факты и основанія:

1) Особыя финскія войска, по своей малочисленности, не могутъ имѣть для Россіи существеннаго значенія.

2) Войска эти усвоили, благодаря школѣ и мѣстной печати, превратныя понятія объ «отдѣльномъ финляндскомъ престолѣ»—«особомъ отечествѣ»—«особой присягѣ»—«финляндскомъ подданствѣ» и обязанности «защиты только своей родины».

3) Среди финляндцевъ замѣтно сочувствіе къ Швеціи, въ виду единства языка и религіи.

4) Несмотря на принимаемыя мѣры, до сихъ поръ не удалось

вкоренить сознанія братства по оружію и сплоченности между финскими и русскими войсками.

5) Финляндскій вопросъ лишится своей остроты; положенъ будетъ конецъ многимъ недоразумѣніямъ и ослабится та враждебность, съ какою населеніе, слѣдуя дерзкому поведенію сейма, встрѣтило примѣненіе новаго устава о воинской повинности, независимо отъ степени устанавливаемыхъ имъ льготъ и облегченій.

6) Ослабѣетъ эмиграція изъ края, если только нѣкоторое ея усиленіе въ послѣдніе годы въ дѣйствительности есть результатъ опасеній примѣненія новаго устава.

7) Облегчится возможность безпрепятственнаго проведенія финновъ чрезъ ряды русскихъ войскъ.

8) Устранена будетъ необходимость спеціальной подготовки офицеровъ для особыхъ финскихъ войскъ, а преобразованіе финляндскаго кадетскаго корпуса въ русское учебное заведеніе послѣдуетъ само собою.

9) Финляндское «государство» лишится своей «арміи», являющейся нынѣ, вмѣстѣ съ особыми таможней и монетой, существеннымъ подспорьемъ, какъ для ложнаго ученія, распространеннаго о политическомъ положеніи Великаго Княжества, такъ и для руководителей мѣстнаго сепаратизма, черпающихъ извѣстную увѣренность и смѣлость въ наличности финской вооруженной силы.

10) Упраздненіе финскихъ войскъ соотвѣтствовало бы духу времени и положенію, занятому Россіей въ вопросѣ о разоруженіи, въ виду того, что европейская и финляндская печать связывали вопросъ объ уравненіи воинской тягости въ Финляндіи съ такой же въ Имперіи съ мирной конференціей въ Гаагѣ.

11) Въ виду явнаго противодѣйствія представителей народа Монаршей волѣ, упраздненіемъ финскихъ войскъ была бы проявлена Державная власть въ подобающей ей силѣ и мощи, и

12) Своевременнымъ упраздненіемъ обособленныхъ финскихъ войскъ предотвратятся возможныя осложненія на этой окраинѣ.

Далѣе въ той же запискѣ говорилось: «Когда впослѣдствіи поднимется въ Финляндіи новое поколѣніе, — возросшее подъ благодѣтельнымъ воздѣйствіемъ объединительныхъ началъ, внѣ задорной обособленности и зловреднаго господства въ странѣ шведской партіи, — явится возможность распространенія на Великое Княжество имперскаго устава о воинской повинности въ его полномъ объемѣ. Представителями финскихъ войскъ, могли бы оставаться лейбъ-гвардіи 3-й финскій стрѣлковый баталіонъ и финскій драгунскій полкъ.

«Финансовыя сбереженія отъ упраздненныхъ войскъ, по всей справедливости, должны бы поступить въ Государственное Казначейство,

съ выдѣленіемъ ихъ части на усиленіе фонда для надѣленія землею безземельныхъ».

«Исторія указываетъ уже на подобное же сокращеніе финскихъ войскъ. Такимъ образомъ Высочайшимъ Манифестомъ Императора Александра I отъ 15 (27) Марта 1810 года было установлено не требовать на дѣйствительную службу финскихъ войскъ «пока обстоятельства это позволяютъ и пока благосостояніе края не изгладитъ слѣдовъ войны». Высочайшимъ объявленіемъ отъ 25-го октября 1867 года (за № 24), Императоромъ Александромъ II было повелѣно: «въ видахъ достиженія требуемаго обстоятельствами сбереженія въ росписи ординарныхъ расходовъ края, финскіе стрѣлковые баталіоны впредь до времени упразднить». Сбереженія этихъ послѣднихъ разрѣшено было обратить на уплату процентовъ и на постепенное погашеніе займа, необходимаго для постройки Петербурго—Гельсингфорской желѣзной дороги. Населеніе Финляндіи приняло бы настоящую Монаршую волю, очевидно, какъ великую для себя Царскую милость. Со стороны мѣстнаго законодательства къ осуществленію высказаннаго предположенія препятствій не встрѣчается» [160]).

Мысль объ упраздненіи финскихъ войскъ возникала тогда у разныхъ лицъ. Когда уставъ о воинской повинности разсматривался въ Государственномъ Совѣтѣ, то одинъ изъ членовъ его (ген.-л. кн. Вяземскій) высказался о пользѣ такой реформы, но предсѣдатель соединеннаго присутствія отклонилъ дальнѣйшее ея обсужденіе, въ виду того, что отъ Государственнаго Совѣта требовалось тогда мнѣніе по уставу о воинской повинности, а не проекта расформированія финскихъ баталіоновъ. На мысли объ упраздненіи финскихъ войскъ остановился также и гр. Н. П. Игнатьевъ, составившій по этому вопросу особую записку.

Изъ дневника Н. И. Бобрикова видно, что 9 іюня 1901 г. состоялось засѣданіе Особаго Совѣщанія, въ которомъ всѣ члены его—Вел. Кн. Михаилъ Николаевичъ, ген.-адъют. П. С. Ванновскій, ген.-губ. Н. И. Бобриковъ, военный министръ А. Н. Куропаткинъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Д. С. Сипягинъ и министръ статсъ-секретарь Вел. Кн. Финляндскаго В. К. Плеве—единогласно признали желательнымъ упраздненіе финскихъ войскъ. Егермейстеръ Сипягинъ предлагалъ вмѣстѣ съ тѣмъ распространить цѣликомъ уставъ о воинской повинности Имперіи на Финляндію. Бывшій военный министръ П. С. Ванновскій, высказавшись за упраздненіе, прибавилъ, что въ Бозѣ почивающему Императору Александру III было извѣстно о проникновеніи въ ряды финскихъ войскъ тенденцій мѣстнаго сепаратизма.

Государь Императоръ, взвѣсивъ мнѣнія сейма, Государственнаго Совѣта и Особаго Совѣщанія и сопоставивъ ихъ съ истиннымъ поло-

женіемъ Финляндіи, призналъ, что лучшимъ и простѣйшимъ рѣшеніемъ вопроса было упраздненіе финскаго войска, путемъ постепеннаго расформированія восьми армейскихъ баталіоновъ, а потому и соизволилъ повелѣть генералъ-губернатору Бобрикову, совмѣстно съ министромъ статсъ-секретаремъ Плеве, составить въ этомъ смыслѣ проектъ узаконенія, которое 29 іюня и удостоился Высочайшаго утвержденія.

Рѣшеніе Государя Императора по упраздненію финскихъ войскъ явилось, по опредѣленію В. К. Плеве, высоко мудрымъ и особенно своевременнымъ. Финляндія имѣла подъ ружьемъ 5600 чел. и изъ-за этой горсти воиновъ нужно было держать особый штабъ, кригсъ-комиссаріатъ, отдѣльную экспедицію при сенатѣ, докладчиковъ и цѣлый кадетскій корпусъ. Финскія войска защитить своего края не въ состояніи были; оборонять Россіи, совмѣстно съ арміей Имперіи, они не признавали себя обязанными. Какая-же польза отъ подобныхъ воинскихъ частей? А между тѣмъ они внесли въ отношенія Финляндіи и Россіи немалую неурядицу, вызывая взаимныя неудовольствія и задѣвая нашу національную гордость тѣмъ, что ряды ихъ были закрыты для русскихъ людей.

Въ ознаменованіе дня подписанія сего «государственнаго акта», отъ котораго и В. К. Плеве, и Н. И. Бобриковъ ожидали большой пользы общегосударственному интересу, положено было построить въ Выборгѣ военный соборъ въ память Великаго Петра, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ 14 Іюня 1710 г. молился по взятіи этой крѣпости. Государь Императоръ милостиво соизволилъ пожертвовать на первый камень собора 5 тыс. р.—Тогда же положено было составить правдивую исторію Финляндіи на русскомъ языкѣ «со времени покоренія ея части Петромъ I и до настоящихъ дней». [161])

«Сегодня состоялось Высочайшее рѣшеніе по вопросу о воинской повинности въ Финляндіи. Народъ будетъ блаженствовать, страна богатѣть, а крамольники возмущаться», писалъ генералъ-губернаторъ своему помощнику [162]).

Многіе «отъ всего сердца» поздравили Н. И. Бобрикова съ разрѣшеніемъ вопроса о воинской повинности въ Финляндіи, въ смыслѣ русскихъ интересовъ и «съ огражденіемъ безопасности нашего отечества на его сѣверо-западной границѣ отъ возможныхъ опасныхъ случайностей. Много труда и энергіи,—значится въ одномъ письмѣ къ нему,—положили вы къ достиженію цѣли и къ радикальному исправленію ошибки, сдѣланной въ 1878 г., но и великое же скажутъ вамъ спасибо всѣ истинно-русскіе люди за совершившееся нынѣ историческое событіе. Мы, ваши русскіе сослуживцы, осѣнили себя крестомъ, прочтя Царскій Манифестъ и съ чувствомъ глубокаго ува-

женія въ сердцѣ помянули вашу трудную и плодотворную дѣятельность на Финляндской окраинѣ» [163]).

«Манифестъ и уставъ произвели въ Красномъ Селѣ восторженное впечатлѣніе», писалъ нѣсколько позже Н. И. Бобриковъ министру статсъ-секретарю [164]).

Въ одномъ частномъ письмѣ, содержаніе котораго было сообщено Н. И. Бобрикову, говорилось: «Рѣшеніе вопроса о воинской повинности превзошло мои ожиданія; я прямо въ восторгѣ и есть отъ чего: съ одного взмаха финскаго войска не существуетъ и вообще политическая, принципіальная сторона вопроса рѣшена въ пользу русскаго дѣла и достоинства Россіи. Манифестъ я прочелъ чуть ли не десятокъ разъ и съ каждымъ разомъ испытывалъ все большее и большее удовольствіе: онъ кратко и ясно замѣнилъ собою весьма обширный проектъ объ управленіи финскими войсками». [165]).

Упраздненіе финскихъ войскъ было произведено замѣчательно скоро и стройно; вполнѣ, какъ говорятъ, «по военному». По прошествіи восьми мѣсяцевъ ихъ болѣе не существовало. Такую работу могъ произвести только Н. И. Бобриковъ, въ совершенствѣ знакомый съ техникой военной администраціи. Въ исполненіи этой стороны дѣла онъ явился своего рода Рубинштейномъ.

«Усиленныя заботы меня однакоже не отягощаютъ, признавался Бобриковъ, такъ какъ отъ упраздненія «финской арміи» я ожидаю благихъ для Финляндіи послѣдствій въ будущемъ» [166]).

10 Іюня 1903 г. упразднены финляндскій кригсъ-комиссаріатъ и милиціонная экспедиція сената.

5 Іюля 1903 г. послѣдовало упраздненіе Кадетскаго Корпуса. Финляндская печать [167]) не выразила сожалѣнія, въ виду того, что преобразованный корпусъ не отвѣчалъ уже болѣе мѣстнымъ пожеланіямъ и ихъ практическимъ требованіямъ. «Фридрихсгамскій корпусъ—это дорого стоившее учебное заведеніе—давно переставъ удовлетворять финляндцевъ, признавался Снельманъ. Не всѣ окончившіе въ немъ курсъ получали мѣста на родинѣ и, слѣдовательно, не всѣ «употреблялись на ея пользу». Они поступали въ русскія войска, а на склонѣ лѣтъ «назначались на высшіе посты въ краѣ, когда они сдѣлались уже чужды финскимъ интересамъ и порядкамъ, а смотрѣли на свои должности, какъ на синекуры». [168]).

Реформа осуществлена была быстро, но она не обошлась безъ протеста, побудившаго военное министерство упразднить еще одну часть, которую положено было первоначально сохранить, а именно финскій драгунскій полкъ.

Изслѣдовать драгунское дѣло посланъ былъ помощникъ командующаго войсками, ген. Н. Н. Шиповъ (бывшій кавалеристъ). Дознаніе

выяснило, что большинство офицеровъ просило объ увольненіи по одной и той же формулѣ: «обстоятельства лишаютъ возможности продолжать службу». Они признавали невозможнымъ продолжать службу въ виду того, что «генералъ-губернаторъ оскорбилъ полкъ въ лицѣ его командира, сдѣлавъ полковнику Шауману рѣзкое замѣчаніе объ отсутствіи въ полку внутренняго порядка». Офицеры обидѣлись затѣмъ также на то, что генералъ-губернаторъ, говоря о предстоящей присягѣ новобранцевъ, высказалъ, что его приказаніе есть законъ и тѣмъ какъ-бы игнорировалъ финляндскіе законы и постановленіе сената! Никто изъ офицеровъ лично не слыхалъ ни разговора генералъ-губернатора съ командиромъ полка, ни его приказанія, а всѣ сужденія обоснованы были единственно на словахъ полк. Шаумана.

Истинную причину печальной исторіи надо искать въ общемъ броженіи умовъ въ краѣ, въ неудовольствіи упраздненіемъ финскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ и въ надеждѣ, которую лелѣяли протестовавшіе офицеры, что дѣло о драгунахъ дойдетъ до свѣдѣнія Его Величества и послужитъ къ увольненію генералъ-губернатора [169]).

Часть иностранной печати, вообще относившейся сочувственно къ финляндцамъ, на этотъ разъ выразила имъ свой укоръ. «Можно относиться съ полной симпатіей къ финнамъ, борющимся за свою національную самобытность, но всякій честный солдатъ долженъ согласиться, что обстоятельства, обнаружившіяся въ теченіи послѣднихъ недѣль, въ неупраздненныхъ еще финскихъ воинскихъ частяхъ, не совмѣстимы съ понятіемъ о здоровомъ военномъ бытѣ. Эти обстоятельства требуютъ энергичнаго, быстраго воздѣйствія, если не желательно, чтобы пошатнулись устои, на которыхъ должно держаться всякое войско, т. е. дисциплина... Открытое опубликованіе въ русскихъ газетахъ различныхъ происшедшихъ инцидентовъ свидѣтельствуетъ, что у русскихъ въ данномъ случаѣ совѣсть чиста, ибо въ противномъ случаѣ все это происшествіе сумѣли бы замолчать» [170]).

Но въ большинствѣ случаевъ распоряженія по военной части вызывали на Западѣ по адресу нашего правительства выраженія недовольства. Негодовали даже англичане и именно на то, что финнъ будетъ оторванъ отъ своего дома и отъ своей страны, отбывая повинность гдѣ-нибудь за тысячи миль отъ Финляндіи. Англичане какъ будто забыли, что войска британской имперіи разбросаны по всему свѣту [171]).

« . . . Мнѣ доставлено, писалъ В. К. Плеве генералъ-губернатору, большое количество вырѣзокъ изъ иностранныхъ газетъ по военному закону. Изучая ихъ, сильно приходишь къ заключенію, что рѣшеніе получилось правильное, очень уже имъ огорчены наши исконные недруги» [172]).

Вскорѣ по упраздненіи мѣстныхъ баталіоновъ, въ «Финлянд-

ской газетѣ» появилась очень обширная статья, принадлежавшая перу вполнѣ интеллигентнаго финляндца («Финскаго Поселянина»), который не разъ до того времени высказывался по текущимъ событіямъ. Онъ коснулся серьезнаго вопроса о томъ, въ какомъ духѣ и направленіи велось воспитаніе финскаго войска, а потому его голосъ заслуживаетъ быть выслушаннымъ.

Мѣстные политиканы и «государственники» остались крайне недовольны расформированіемъ войскъ. Почему? Да потому, отвѣчаетъ «Поселянинъ», что они съ самаго начала сформированія финскаго войска возлагали твердыя надежды на его «патріотизмъ»—патріотизмъ не въ общеимперскомъ смыслѣ, а въ здѣшнемъ, шведскомъ. Они, несомнѣнно, разсчитывали, что при содѣйствіи этой арміи, достигнутъ впослѣдствіи осуществленія своихъ преступныхъ, сепаратистскихъ тайныхъ замысловъ». Съ упраздненіемъ войскъ—«изъ ихъ рукъ ускользнуло главное средство».... «Къ шведско-финской господской средѣ,—продолжаетъ Поселянинъ,—я внимательно приглядывался и прислушивался не менѣе тридцати лѣтъ и съ самаго начала, задолго до кончины Благодѣтеля Финляндіи Императора Александра II, я къ величайшему своему удивленію очень часто замѣчалъ, что мѣстные чиновники и господа шведы питаютъ и даже высказываютъ чувства, далеко непохожія на искреннюю вѣрноподданность своему Государю и его Имперіи. Такое ненормальное явленіе постоянно бросалось въ глаза».

«Много приходилось мнѣ толковать и съ солдатиками, служащими, запасными и отставными. И вотъ въ итогѣ... у меня выработалось твердое убѣжденіе, что финская «армія» воспитывалась въ такомъ направленіи, что случись,—чего Боже сохрани,—война у Россіи съ англичанами или нѣмцами, финскіе солдаты (не всѣ, конечно) пожалуй, не задумались бы, особенно въ послѣдніе годы, измѣнить своему русскому правительству и по первому знаку шведоманскихъ вожаковъ сепаратистовъ направить оружіе противъ русскихъ, живущихъ въ Финляндіи, а можетъ быть и противъ православныхъ финновъ». «Провинціальные политиканы и во времена Александра II, не только въ частныхъ разговорахъ, но и въ публичныхъ рѣчахъ, дозволяли себѣ проводить такіе, напримѣръ, мысли, что финскому войску предстоитъ въ будущемъ выполнить большую задачу—завоевать своему отечеству полную независимость и свободу», что «на финскихъ солдатъ обращены взоры всего финскаго народа, который ждетъ отъ нихъ исполненія священныхъ завѣтовъ нашихъ предковъ». Въ такомъ смыслѣ,—какъ утверждаетъ «Финскій Поселянинъ»,—произносились рѣчи въ г. Нейшлотѣ, куда ежегодно съѣзжались финляндцы 29 іюня н. ст., праздновать память шведскаго военачальника Олафа (основателя замка Олофс-

борга). «На башнѣ Олофсборга цѣлыя сутки развѣвался тогда огромный бѣлый флагъ съ финляндскимъ гербомъ. Такой флагъ былъ вывѣшенъ и въ 1902 году, удостовѣряетъ Поселянинъ. На этотъ разъ бѣлое полотнище флага, отъ конца до герба было разорвано, какъ я послѣ узналъ, нарочно, въ знакъ того, что послѣднимъ русскимъ закономъ нарушена цѣлость основныхъ законовъ края.

«Нейшлотская газета Savonlinna» не разъ касалась вопроса о войскѣ. Вотъ что она писала въ 1899 г., въ отвѣтъ такъ сказать на Царскій Манифестъ: «Финское войско, обѣщавшее подъ присягой стоять плотью и кровью за свое отечество—Финляндію и за основные законы, должно быть готово на всѣ крайности»; «если намъ, по примѣру предковъ нашихъ, придется съ оружіемъ въ рукахъ защищать наши права, то мы должны имѣть въ виду надежду, что не останемся въ борьбѣ одинокими, что за насъ, слабыхъ, вступятся сочувствующія намъ державы, Англія и Швеція».

«Нерѣдко,—продолжаетъ все тотъ-же финнъ,—приходилось мнѣ самому слышать отъ финскаго солдата-лютеранина, особенно въ послѣдніе годы, что «если-молъ Англія, Германія или Швеція начнутъ войну съ Россіей, то и финскіе солдаты пойдутъ противъ Россіи». «Настанетъ время, заявлялъ другой финскій солдатъ, когда финскія войска станутъ воевать противъ Россіи». Поселянинъ, какъ разумный человѣкъ, понималъ, что подобныя заявленія—неумѣстное хвастовство. Но тѣмъ не менѣе онъ не безъ основанія придаетъ ему серьезное значеніе. «Очевидно,—говоритъ онъ,—финскіе солдаты воспитывались не въ государственномъ русскомъ духѣ, а въ духѣ мѣстнаго шведскаго «патріотизма». Если дѣло дѣйствительно обстояло такъ, какъ описалъ «Поселянинъ», то въ этомъ воспитаніи — все зло. Всѣмъ извѣстно, что дѣло не въ ружейныхъ пріемахъ, «шагистикѣ» или гимнастикѣ, а въ томъ духѣ, которыми проникнуты воины.—Въ Финляндіи-же, по словамъ автора, солдаты были сбиты съ толку своими наставниками и руководителями. «Правду сказать,—признавался «Поселянину» одинъ изъ финскихъ нижнихъ чиновъ,—мы и сами хорошо не знаемъ, кому служимъ—нашему-ли Государю Императору или финляндскому сенату, Россіи или Финляндіи. Присягу мы принимали на вѣрность Государю и отечеству, и сами думаемъ, что служимъ Государю, ибо вся наша Финляндія подъ Русскимъ Императоромъ находится и составляетъ русскую провинцію,—а толкуютъ намъ обо всемъ этомъ совсѣмъ иначе. Намъ говорятъ, что надъ Финляндіей нѣтъ Царя, а есть только Великій Князь, что самое главное наше правительство есть финляндскій сенатъ, который одинъ или вмѣстѣ съ сеймомъ издаетъ здѣшніе законы, что всѣ мы, финляндскіе подданные, потому и военную службу несемъ въ Финляндіи, а не въ Россіи, должны знать одно только свое оте-

Парадъ въ крѣпости Свеаборгѣ въ присутствіи командующаго войсками Н. И. Бобрикова.

чество.... Музыка въ финскихъ войскахъ часто играетъ «Нашъ край», «Бьернеборгскій маршъ», а русскаго ничего» [173]).

Мы заставили здѣсь говорить финна, оставляя все приведенное на его отвѣтственности, такъ какъ, быть можетъ, единичнымъ фактамъ и заявленіямъ онъ придалъ нѣсколько распространительное толкованіе.

Финляндія все болѣе и болѣе охватывалась смутой, которая стала сказываться уличными движеніями значительныхъ размѣровъ. Агитаторы пытались привлечь на свою сторону русскія войска, разбрасывая среди нихъ воззванія; естественно, что они не остановили бы безъ своего воздѣйствія финскіе баталіоны, среди которыхъ пустили уже ростки воззрѣнія мѣстныхъ «государственниковъ».

4 и 5 апрѣля 1902 г. въ Гельсингфорсѣ произошли весьма значительные уличные безпорядки. Въ помощь полиціи вызваны были финскіе гвардейскіе стрѣлки и толпа кричала имъ «элякёёнъ». Внимательный ко всякимъ явленіямъ мѣстной жизни, Н. И. Бобриковъ тогда-же призналъ, что эти безпорядки еще разъ показали «всю необходимость упраздненія финскихъ войскъ». Очевидно, подъ вліяніемъ видѣннаго и пережитаго Н. И. Бобриковъ писалъ [174]) «. . . для нашихъ интересовъ было бы великимъ благомъ выводъ здѣшнихъ финскихъ войскъ за предѣлы Финляндіи». Видимо онъ опасался, чтобы войска не замутили «и безъ того мутную воду».

Прошло еще два года и пламя войны вспыхнуло на Дальнемъ Востокѣ. «Война, если бы состоялась,—писалъ Николай Ивановичъ 17 января 1904 г.,—не ухудшитъ финляндскихъ дѣлъ до такой степени, какъ вы это рисуете. Гвозди вбиты крѣпко». «Не смотря на войну, я не намѣренъ мѣнять системы управленія», продолжалъ онъ свои мысли въ другомъ письмѣ (26 января 1904 г.). «Благодареніе Богу, что нѣтъ финскихъ войскъ» (3 февраля 1904 г.). «Вдумываясь въ обстановку, всякій истинно-русскій человѣкъ долженъ признать всю важность и необходимость упраздненія финскихъ войскъ».... (8 февраля 1904 г.). Въ самомъ началѣ войны Н. И. Бобриковъ писалъ къ В. К. Плеве (12 февр. 1904 г.).... «Съ упраздненіемъ финскихъ войскъ, Святая Русь охранена отъ опасныхъ въ Финляндіи осложненій».

Приведенные факты подтверждаютъ, что Высочайшій манифестъ 29 іюня 1901 г. явился особенно своевременно. Актъ этотъ исключительной важности; кромѣ того, въ свое время онъ знаменовалъ собою опредѣленный поворотъ русской политики въ Финляндіи, свидѣтельствовалъ о ростѣ русскаго государственнаго самосознанія и являлся большимъ шагомъ, въ дѣлѣ упорядоченія нашихъ политическихъ отношеній къ этой окраинѣ Имперіи.

III. Манифестъ 3 февраля 1899 г.

Въ періодъ сессіи чрезвычайнаго сейма 1899 г., разсматривавшаго уставъ о воинской повинности, состоялось опубликованіе очень важнаго новаго положенія (отъ 3 февраля 1899 г.) о порядкѣ изданія общегосударственныхъ законовъ, то есть такихъ законовъ, которые имѣютъ отношеніе, какъ къ Россіи, такъ и къ Финляндіи. Проектъ новаго узаконенія былъ выработанъ въ Петербургѣ сперва Особымъ Совѣщаніемъ д. т. с. Н. Х. Бунге (1893 г.), а затѣмъ Особымъ Совѣщаніемъ, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Михаила Николаевича, которое усмотрѣло, что нѣкоторые вопросы Финляндіи, тѣсно связанные съ общеимперскими потребностями, оставались безъ законодательнаго опредѣленія и было бы несовмѣстно съ интересами и достоинствомъ Имперіи разрѣшать ихъ исключительно дѣйствіемъ органовъ Великаго Княжества. Въ виду этого, выработали правила для единообразнаго ихъ направленія, причемъ были приняты во вниманіе интересы Имперіи и привилегіи Великаго Княжества Финляндскаго. Проекты новыхъ общегосударственныхъ законовъ предписано направлять, въ надлежащихъ случаяхъ, черезъ сеймъ, а затѣмъ черезъ Государственный Совѣтъ, гдѣ представителями интересовъ Финляндіи должны являться генералъ-губернаторъ края, министръ статсъ-секретарь и тѣ сенаторы, кои, по Высочайшему избранію, будутъ особо для того назначаемы. Вопросъ о томъ, какіе предметы, по общему теченію дѣлъ управленія, подлежатъ отнесенію къ общегосударственнымъ, рѣшается по каждому данному случаю Государемъ Императоромъ.

Въ первоначальномъ проектѣ «Основныхъ положеній», сопровождавшемъ манифестъ 3 февраля, значилось, что въ подлежащихъ случаяхъ по общегосударственнымъ законамъ будутъ требовать «постановленій сейма». Генералъ-губернаторъ Н. И. Бобриковъ предложилъ замѣнить выраженіе «постановленіе» болѣе правильнымъ выраженіемъ «заключеніе» сейма, въ виду того, что со словомъ «постановленіе»

соединяется представленіе о законоположеніи или о рѣшеніи сравнительно болѣе устойчивомъ и неизмѣнномъ. «Постановленіе» указываетъ на рѣшеніе или на результатъ, явившійся послѣдствіемъ законодательной дѣятельности. Кромѣ того, въ Финляндіи собраніе законовъ края носитъ названіе «Постановленія Вел. Кн. Финляндскаго». Предложенную имъ замѣну онъ находилъ тѣмъ болѣе необходимой произвести, что въ переводѣ на шведскій языкъ слово постановленіе (stadgande, förordning, påbud) будетъ напоминать о законѣ или законоположеніи.

Первымъ проектомъ «Основныхъ положеній» требовалось, чтобы новые законы общеимперскаго характера вносились въ Государственный Совѣтъ за подписью министра Имперіи и министра статсъ-секретаря Финляндіи. Такое требованіе Н. И. Бобриковъ нашелъ неосновательнымъ. «Министру статсъ-секретарю нѣтъ надобности, говорилъ онъ, вмѣстѣ съ министромъ Имперіи, подписывать вносимаго въ Государственный Совѣтъ законопроекта. Установленіе такого требованія могло бы породить неправильное представленіе о положеніи министра статсъ-секретаря въ общемъ административномъ строѣ Финляндіи. Онъ носитъ названіе «министра», но ни по своей должности, ни по кругу своихъ обязанностей и правъ онъ не приравнивается къ министру Имперіи... Никакое вѣдомство въ управленіи края ему не подчинено» [175]).

Поправки Н. И. Бобрикова были приняты и въ окончательной редакціи «Основныхъ положеній» указанныя имъ мѣста измѣнены.

Сенатъ, сеймъ, печать — все пришло въ движеніе въ Финляндіи, едва новое правило было опубликовано. Всѣ запротестовали... Сенатъ не хотѣлъ сперва даже публиковать закона. Сенаторы, а затѣмъ и земскіе чины, самовольно вошли въ его оцѣнку и послали свои депутаціи въ Петербургъ доказывать, что законъ неправильно изданъ и имъ нарушены права сейма.

Притязанія финляндцевъ въ этомъ дѣлѣ трудно постигаются.

По новому закону 3 февраля 1899 г. сейму дано право представлять свое заключеніе по общегосударственному вопросу. Этимъ финляндцы не удовольствовались. Они желали, чтобы отъ сейма зависѣло рѣшеніе этихъ вопросовъ. Если склониться къ ихъ требованіямъ, то окажется, что общегосударственные вопросы, равно касающіеся, какъ великой Россіи, такъ и малой части ея — Финляндіи, будутъ поставлены въ главную зависимость отъ земскихъ чиновъ окраины (и даже отъ одного ея сословія). Мало того, финляндскій сеймъ будетъ рѣшать общегосударственные вопросы, а за высшимъ учрежденіемъ Имперіи—Государственнымъ Совѣтомъ—останется право давать по нимъ толькое свои заключенія!

Сеймъ никогда не имѣлъ права участія въ установленіи существа отношеній между Россіей и Финляндіей. Если допустить его къ рѣшенію общегосударственныхъ вопросовъ, то компетенція его расширилась бы и вопросъ о сущности государственной связи между коренной Россіей и Финляндіей всталъ бы въ зависимость отъ соглашенія или несоглашенія земскихъ чиновъ [176]). Ясно, что притязанія финляндцевъ въ данномъ случаѣ простерлись слишкомъ далеко.

Затѣмъ, они хотятъ, чтобы причисленіе или отнесеніе того или иного предмета къ разряду общегосударственныхъ не зависѣло отъ воли Монарха, а было заранѣе установлено, въ видѣ особаго перечня.

Въ тѣхъ совѣщаніяхъ, въ которыхъ производилась разработка закона 3 февраля, обращено было вниманіе на переименованіе предметовъ общегосударственнаго значенія. Но какъ въ Совѣщаніи д. т. с. Н. Х. Бунге, такъ и въ Особомъ Совѣщаніи Вел. Кн. Михаила Николаевича, проектъ перечня былъ отвергнутъ и не голословно, а послѣ сдѣланной попытки его установленія. Представители Финляндіи въ Совѣщаніи Н. Х. Бунге составили перечень, но оказалось, что въ него не ввели тогда вопросовъ таможеннаго, почтоваго, телеграфнаго и др. Совѣщаніе Вел. Кн. Михаила Николаевича, пересмотрѣвъ тотъ же вопросъ, заявило: «Перечисленіе предметовъ означенныхъ законоположеній не привело бы къ намѣченной цѣли. Какъ бы ни былъ полно составленъ перечень такихъ предметовъ, постоянно развивающаяся жизнь всѣхъ частей Государства Россійскаго можетъ выдвинуть рядъ вопросовъ, имѣющихъ характеръ дѣлъ общихъ для всего государства. Отсутствіе надлежащихъ о нихъ указаній въ перечнѣ несомнѣнно вызоветъ недоразумѣнія; могутъ вновь возникнуть сомнѣнія относительно порядка изданія узаконеній въ разрѣшеніе неупомянутыхъ въ перечнѣ общегосударственныхъ вопросовъ. Сомнѣнія эти неизбѣжно повлекутъ за собою важныя неудобства. Между тѣмъ къ устраненію оныхъ главнѣйше направленъ законодательный актъ, начертаніе коего волею Государя Императора возложено на Совѣщаніе».

Эта мотивировка ни сенатомъ, ни сеймомъ не была опровергнута.

Мудрость Манифеста 3 февраля заключается именно въ словахъ: «оставляя въ силѣ существующія правила объ изданіи мѣстныхъ узаконеній, исключительно до нуждъ Финляндскаго края относящихся, Мы почли необходимымъ предоставить Нашему усмотрѣнію ближайшее указаніе предметовъ общеимперскаго законодательства» [177]).

Особое Совѣщаніе Великаго Князя Михаила Николаевича не безъ основаній признало «наиболѣе правильнымъ установить, чтобы вопросы о примѣненіи вновь учреждаемаго общаго порядка законодательства къ отдѣльнымъ случаямъ получали разрѣшеніе по непосредственному повелѣнію Государя Императора, такъ какъ только велѣніями

Верховной Власти можетъ быть устанавливаемо согласное съ государственными пользами и справедливостію сочетаніе общегосударственныхъ интересовъ съ мѣстными». Съ этимъ мотивомъ необходимо было считаться. Сенатъ же и сеймъ обошли его также молчаніемъ.

Такимъ образомъ исторія вопроса устанавливаетъ, что требованіе перечня ничѣмъ серьезнымъ не вызывалось, а главное едва ли возможно его исполненіе, такъ какъ грань между государственными и мѣстными вопросами не поддается точному опредѣленію. Сегодня извѣстный вопросъ—мѣстный, а впослѣдствіи онъ въ состояніи разростись до размѣра общегосударственнаго.

Кромѣ того, какъ указалъ проф. Н. Д. Сергѣевскій, у насъ нѣсколько законодательныхъ порядковъ: собственно имперское, осуществляемое непосредственно Государемъ при содѣйствіи Государственнаго Совѣта; административное, направляемое черезъ комитетъ министровъ; церковное, военное, финляндское сеймовое, финляндское административное и общегосударственное, установленное манифестомъ 3 февраля. Эти условія также крайне осложняютъ исполненіе желанія финляндцевъ.

Въ законодательствѣ Западной Европы—продолжаетъ проф. Сергѣевскій—имѣются перечни, разграничивающіе общее и мѣстное законодательство, но въ такихъ случаяхъ перечнемъ опредѣляется сфера дѣйствія мѣстнаго законодательства, а все не введенное въ сей перечень признается общегосударственнымъ. Въ Австріи компетенція мѣстныхъ ландтаговъ опредѣлена именно указаннымъ порядкомъ. Финляндское предложеніе ведетъ къ обратному, а потому общеимперское низводится имъ на степень изъятія изъ мѣстнаго. Иначе говоря, самое предложеніе заключаетъ уже въ себѣ нѣчто ненормальное и домогательство перечня можно объяснить только желаніемъ получить новую гарантію финляндской обособленности и прочнѣе ограничить Верховную Власть. Въ такомъ случаѣ—заключаетъ профессоръ — перечень представляется не только «неправильнымъ по существу, но и вреднымъ и опаснымъ для Россіи».

Начиная съ прошлаго царствованія, на Финляндской окраинѣ послѣдовательно проводится политика сближенія или «тѣснѣйшаго единенія». Высочайшіе манифесты и рескрипты послѣднихъ лѣтъ полны повтореній этого требованія. Составленіе же перечня предметовъ общегосударственнаго законодательства неизбѣжно подчеркнетъ особое положеніе Финляндіи, какъ страны опредѣленно размежевавшейся съ Россіей въ извѣстной области и закрѣпившей это особымъ законодательнымъ актомъ. Такое выдѣленіе Финляндіи изъ состава Россіи будетъ противорѣчить всей объединительной политикѣ двухъ послѣднихъ царствованій. Финляндія достаточно уже обособлена и умножать межи

между нею и остальной Россіей генералъ-губернаторъ Бобриковъ полагалъ особенно нежелательнымъ.

Наконецъ, онъ помнилъ, что въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 8 іюня 1899 г., въ отвѣтъ на прежнія подобныя домогательства финляндцевъ, было съ высоты Престола изречено обѣщаніе, что манифестъ 3-го февраля долженъ остаться «непоколебимымъ и впредь».

Вообще Николай Ивановичъ Бобриковъ спокойно и терпѣливо пытался разными путями вразумить, что законъ 3 февраля 1899 г. ничего въ сущности новаго въ себѣ не заключалъ, такъ какъ лишь улучшилъ и закрѣпилъ существовавшій ранѣе уже порядокъ, и ничѣмъ не уменьшилъ финляндскихъ правъ и власти сейма. Чтобы успокоить взволнованные умы, генералъ-губернаторъ предложилъ сенату принять соотвѣтствующія мѣры къ правильному толкованію манифеста. Сенатъ отказался. Тогда Николай Ивановичъ самъ написалъ циркуляръ, но губернаторы не пожелали ему содѣйствовать, а нѣкоторые магистраты положили циркуляръ подъ сукно.

Пререканія по поводу манифеста 3 февраля продолжались очень долго. Въ растолкованіи его значенія приняли участіе и нѣкоторые западные писатели. Англійскій публицистъ Стэдъ писалъ: мы, англичане, имѣя передъ собою гладстоновскій проектъ самоуправленія для Ирландіи, никакъ уже не можемъ говорить, что манифестъ 3-го февраля нарушаетъ основныя начала самоуправленія. Ирландцы, прибавляетъ Стэдъ, признали бы себя счастливыми при порядкахъ, предложенныхъ финляндцамъ, а послѣдніе между тѣмъ подняли шумъ на весь свѣтъ о томъ, что ихъ «конституція» нарушена, и что въ Финляндіи произведенъ государственный переворотъ.

Подобно Стэду въ Англіи, Гербертъ Жанвиль Броунъ въ Америкѣ своимъ сильнымъ словомъ осуждалъ недостойное поведеніе финляндцевъ. Въ «The Washington Post» г. Броунъ выступилъ съ горячей и обстоятельной статьей «Россія и Финляндія». «Я ознакомился съ оффиціальными документами, касающимися положенія вещей,—пишетъ онъ, — и всею силою фактовъ былъ принужденъ придти къ заключенію, что Россія дѣйствуетъ по отношенію къ Финляндіи совершенно такъ, какъ поступили бы Соединенные Штаты по отношенію къ одной изъ территорій при тѣхъ же обстоятельствахъ».

Профессоръ Ремъ (изъ Эрлангена) указалъ на подчиненное положеніе Финляндіи. А изъ природы подчиненія, по его мнѣнію, вытекаетъ, что правитель главнаго государства по отношенію къ подчиненной странѣ пользуется не только правами ея главы, но и полномочіями правителя главнаго государства. Слѣдовательно, Его Величеству принадлежатъ не только полномочія по отношенію къ Финляндіи, какъ Великому Князю, но и какъ Императору, то есть Правителю Россій-

ской Имперіи. Издавая манифестъ 3 февраля, Монархъ Россіи могъ дѣйствовать исключительно въ качествѣ Императора, какъ главы верховнаго (суверенаго) государства, а не Великаго Князя Финляндіи [178]).

Шведъ Georges указывалъ на то, что изданія манифеста требовали интересы русскаго государственнаго единства и Финляндія, какими бы правами и привилегіями не пользовалась, не можетъ тормозить его. Объединеніе составляетъ жизненное условіе всякой державы. Кромѣ того, манифестъ отнюдь не коснулся внутренняго управленія Финляндіи [179]).

Прошло четыре года со времени изданія манифеста. Стэдъ забылъ свой первоначальный отзывъ о немъ и, въ открытомъ письмѣ на имя В. К. Плеве, поставилъ изданіе манифеста въ число обвиненій, возводимыхъ имъ на русское правительство. В. К. Плеве отвѣтилъ Стэду, сказавъ между прочимъ: «Основная задача государственной власти—благо управляемыхъ—можетъ быть достигнуто лишь совмѣстнымъ трудомъ власти и населенія. Отъ участниковъ этой совмѣстной работы требуется, съ одной стороны—признаніе населеніемъ обязательности для него общегосударственныхъ цѣлей, а съ другой—признаніе пользы для государства отъ самодѣятельности его составныхъ элементовъ. Вотъ почва, на которой должны сойтись въ общей работѣ власть и общественная самодѣятельность. Сочетаніе единой государственности и мѣстной автономіи, самодержавія и самоуправленія, есть принципъ, который слѣдуетъ принимать во вниманіе при оцѣнкѣ дѣйствій русскаго правительства въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ. Манифестъ 3 февраля 1899 г. служитъ не отрицаніемъ, а подтвержденіемъ указаннаго руководящаго начала нашего государственнаго управленія. Манифестъ далъ сочетаніе самодержавія и самоуправленія безъ серьезнаго умаленія правъ послѣдняго... Манифестъ не затронулъ организаціи ни одного изъ мѣстныхъ національныхъ установленій Княжества. Мѣстный укладъ Финляндіи остается незыблемымъ... законы, обезпечивающіе провинціальную автономію Финляндіи, сохраняются».

Первыя ходатайства сената по дополненію манифеста 3-го февраля 1899 г. были отклонены. Но затѣмъ, когда надлежало произвести нѣкоторыя измѣненія въ сеймовомъ уставѣ, сенатъ вновь сталъ хлопотать о перечнѣ предметовъ общегосударственнаго законодательства.— Генералъ-губернаторъ остался при прежнемъ своемъ мнѣніи о невозможности составленія исчерпывающаго перечня и несвоевременности такого проекта, въ виду броженія въ краѣ, во время котораго агитаторы могли истолковать новое мѣропріятіе, какъ уступку, свидѣтельствующую о слабости власти. Министръ статсъ-секретарь не раздѣлилъ воззрѣній начальника края и склоненъ былъ первоначально даже къ тому, чтобы сенатъ выработалъ «проектъ сеймового предло-

женія, опредѣляющаго кругъ дѣлъ, кои, относясь къ предметамъ общеимперскаго законодательства, не подлежатъ рѣшенію земскихъ чиновъ». Тогда генералъ-губернаторъ сталъ настаивать на томъ, чтобъ «сенатъ представилъ проектъ перечня общегосударственныхъ законовъ, какъ свое собственное мнѣніе», и такимъ образомъ не было бы дано никакихъ обѣщаній, могущихъ возбудить неосуществимыя надежды. Дѣло кончилось тѣмъ, что испрошено было Высочайшее разрѣшеніе предоставить сенату, «не предрѣшая дальнѣйшаго направленія дѣла», разработать «подробныя предположенія о дѣлахъ, имѣющихъ быть отнесенными къ общегосударственному законодательству» [180]).

Послѣ смерти Н. И. Бобрикова была учреждена особая комиссія по разграниченію общегосударственнаго законодательства отъ мѣстнаго финляндскаго [181]). Финляндцы сдѣлаютъ, конечно, все, чтобы при посредствѣ этой комиссіи осуществить свои домогательства, кои должны приблизить ихъ мѣстное самоуправленіе къ государственной самостоятельности. Если будетъ составленъ перечень предметовъ общегосударственнаго законодательства и перечень этотъ станетъ утверждаться «съ согласія» сейма, то впредь съ Финляндіей придется вѣдаться, какъ съ отдѣльнымъ государствомъ, которое будетъ ставить свои условія Верховной Власти Имперіи, при желаніи послѣдней провести тотъ или иной общегосударственный законъ. Россіи придется «входить въ соглашеніе» съ финляндскимъ правительствомъ, какъ съ договаривающеюся стороною. «Но въ какомъ же государствѣ, — если только оно не находится наканунѣ своего разложенія,—правительство можетъ подчиниться такому своеобразному требованію одной части подданныхъ»?!. спрашивалъ Ѳ. П. Еленевъ [182]).

Установленіе такого порядка, котораго добиваются финляндцы, противорѣчитъ исторіи Россіи, основамъ ея политическаго бытія, а изъ нихъ прежде всего ея государственной нераздѣльности. Обстоятельства между тѣмъ благопріятствуютъ финляндцамъ: Россія занята тяжелой войной на Востокѣ, а внутри Имперіи видны зловѣщіе признаки разложенія и серьезныхъ неурядицъ...

Такимъ образомъ манифестъ 3 февраля 1899 г., изданный въ цѣляхъ объединенія Финляндіи съ Россіей, можетъ явиться началомъ полнаго ихъ размежеванія и разобщенія, вслѣдствіе того, что финляндскіе представители дѣйствуютъ энергично и послѣдовательно по строго обдуманной системѣ, а представители русской политики этой окраины, какъ говоритъ тотъ-же Еленевъ, часто не имѣютъ ни обоснованнаго плана, ни національнаго самолюбія [183]).

IV. Улучшеніе быта русскихъ.

Въ государственной работѣ на Финляндской окраинѣ, генералъ-губернатору приходилось имѣть постоянно передъ собой двѣ цѣли: съ одной стороны необходимо было направлять все къ политическому единенію съ Имперіей, а съ другой—поднять и поддержать русское дѣло, которое низведено было до едва замѣтнаго фактора въ жизни края. Н. И. Бобриковъ сумѣлъ согласовать обѣ задачи. Интересы Имперіи и нужды русскихъ людей имъ никогда не упускались изъ вида. О финляндцахъ было кому позаботиться: на стражѣ насущныхъ потребностей финскаго народа стояли сенатъ, сеймъ и длинный рядъ учрежденій и властей; о русскихъ, заброшенныхъ на эту приморскую окраину, центральныя управленія Имперіи особой заботы никогда не проявляли. Единственной охраной русскихъ отъ полнаго обезличенія служили учебныя заведенія, да дѣятельность «Русскаго благотворительнаго общества». Русскихъ школъ въ Финляндіи мало, а средства Благотворительнаго общества незначительны, почему главная надежда русскихъ покоилась на заботахъ о нихъ генералъ-губернатора [184]). Финляндскія школы, при дѣльныхъ педагогахъ и ревностномъ отношеніи ихъ къ своему дѣлу, конечно, обезличивала русскихъ питомцевъ, попадавшихъ въ иноплеменную и иновѣрную ея среду. Н. И. Бобриковъ понялъ описанное положеніе и видѣлъ, кромѣ того, почти полную безправность людей господствующей національности, а потому сердечно сталъ радѣть о нихъ. Онъ любилъ свою маленькую русскую колонію и зналъ всѣхъ ея членовъ. Его отношенія къ ней были иногда трогательны. «Въ Петербургѣ я собираюсь въ концѣ Пасхи, такъ какъ русскую семью оставлять одинокою на святые дни у меня не хватаетъ совѣсти», читаемъ въ его частномъ письмѣ [185]). За своихъ онъ стоялъ крѣпко. «Конечно—писалъ онъ—эта шайка скорѣе можетъ съѣсть меня, чѣмъ новаго Нюландскаго губернатора» [186]).

Въ 1893 г., съ разрѣшенія генералъ-губернатора, въ г. Таммерфорсѣ была открыта русская начальная школа съ общежитіемъ. Вскорѣ

послѣ этого, главный финляндскій инспекторъ народныхъ школъ пригласилъ къ себѣ учителя и спросилъ, кто утвердилъ открытіе школы и предложилъ предсѣдателю дирекціи войти въ сенатъ съ прошеніемъ объ открытіи.

Подобныя обстоятельства побудили генералъ-губернатора, совмѣстно съ министромъ народнаго просвѣщенія, выработать новый законопроектъ о русскихъ школахъ въ Финляндіи. Финляндскія власти, особенно министръ статсъ-секретарь, вмѣшались въ дѣло и включили въ проектъ такія вставки, съ которыми представители русскихъ интересовъ не могли примириться, такъ какъ эти вставки могли существенно затруднить учрежденіе въ краѣ новыхъ учебныхъ заведеній, въ виду того, что по буквѣ закона открытіе ихъ разрѣшалось только «для дѣтей проживающихъ въ Финляндіи русскихъ уроженцевъ», а не для дѣтей прочихъ русскихъ обывателей края; кромѣ того, законъ давалъ право на учрежденіе только «среднихъ учебныхъ заведеній», а не низшихъ школъ, городскихъ училищъ и т. п. Вслѣдствіе того, что нѣкоторыя русскія училища получали ничтожную субсидію изъ финляндскихъ суммъ (всего на весь край 1075 руб.), сенату представлялась возможность перевести эти училища въ свое вѣдѣніе. Согласно тому-же постановленію Великаго Княжества Финляндскаго (1895 г., № 28) необходимо было сообщать мѣстному сенату объ учрежденіи новыхъ школъ и объ «общихъ программахъ»; а на открытіе частныхъ русскихъ учебныхъ заведеній необходимо было получать разрѣшеніе хозяйственнаго департамента сената. Такимъ образомъ министерство народнаго просвѣщенія Имперіи въ своихъ дѣйствіяхъ въ Финляндіи ставилось подъ извѣстный контроль провинціальнаго административнаго учрежденія.

Н. И. Бобриковъ поднялъ вопросъ о пересмотрѣ сего постановленія, съ цѣлью поставить русскія учебныя заведенія внѣ всякой зависимости отъ финляндскихъ учрежденій. Онъ добился изданія по дѣлу новыхъ правилъ. Министерство по новому закону (1899 г.) входитъ въ соглашеніе лишь съ генералъ-губернаторомъ, какъ представителемъ русской правительственной власти въ краѣ, свѣдѣнія-же о дѣйствіяхъ министерства обязана сообщать сенату канцелярія начальника края.

Чтобы оцѣнить значеніе новаго закона, надо вспомнить, какъ финляндскія власти ранѣе обходились съ русскимъ дѣломъ. Изъ боязни руссификаціи, онѣ уничтожали русскія насажденія. Было время, когда въ учебныхъ заведеніяхъ Сердоболя, Нейшлота и Кексгольма нѣкоторые предметы преподавались на русскомъ языкѣ; было время, когда въ Выборгской гимназіи имѣлось русское отдѣленіе, а въ Гельсингфорскомъ университетѣ—двѣ каѳедры русской словесности. Съ теченіемъ

времени все измѣнилось: русскій языкъ замѣнился финскимъ, одна каѳедра упразднена въ 1862 г., по распоряженію финляндскаго начальства, выборгское отдѣленіе было закрыто [187]) и т. п., а въ восьмидесятыхъ годахъ основнымъ закономъ Финляндіи православному русскому учителю воспрещено преподаваніе исторіи! Если Н. И. Бобриковъ столь опредѣленно стремился къ устраненію финляндской руки отъ русскихъ учебныхъ заведеній, то онъ зналъ, что дѣлалъ: уроки прошлаго для него не проходили безслѣдно и съ равнодушіемъ властей, допустившихъ указанныя сокращенія, онъ не могъ мириться [188]).

На назначеніе школы онъ смотрѣлъ серьезно. Школы, по собственному выраженію Н. И. Бобрикова, являлись на окраинѣ «разсадниками русскаго просвѣщенія и русскихъ началъ, поддержкой православія, а также любви и преданности Царю и Россіи».

Сенатъ отвѣтилъ тѣмъ, что сталъ отнимать пособія финской казны отъ тѣхъ школъ (Краснаго села, Кангаспелтовской) съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ, кои были освобождены отъ надзора финляндскихъ властей, несмотря на то, что лица общинъ, гдѣ находились эти школы, числились финляндскими гражданами и исправно несли повинности на земскія нужды края. «Я желаю»,—писалъ генералъ-губернаторъ въ частномъ письмѣ,—обратить вниманіе «на безтактное прекращеніе сенатомъ пособія на содержаніе школъ, перешедшимъ по закону 14 марта 1899 г. въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія» [189]).

Затѣмъ Н. И. Бобриковъ задумалъ учредить для русскихъ школъ въ Финляндіи особую дирекцію. Отстаивая свой проектъ въ Государственномъ Совѣтѣ, онъ обрисовалъ общее положеніе школьнаго дѣла въ слѣдующемъ видѣ: «До 1899 г. русскія школы были въ вѣдѣніи сената и его инспекторовъ, не знавшихъ русскаго языка. При генералъ-губернаторѣ былъ Совѣщательный Комитетъ случайнаго состава и съ импровизованной канцеляріей.

«Съ 1899 года сенатская опека прекратилась. Съ 1901 года стали упраздняться финскія войска, уступавшія мѣсто русскимъ; стали вводиться въ администрацію русскіе люди; число военныхъ чиновъ утроилось. Потребность въ русскихъ школахъ возросла и вмѣстѣ съ тѣмъ выяснялась несостоятельность Совѣщательнаго Комитета. Съ 1903 года введенъ въ сенатъ русскій языкъ и населеніе усмотрѣло въ томъ особую для него въ Финляндіи важность. Запросъ не удовлетворяется особенно въ Выборгской губерніи, гдѣ законъ 1883 г. лишилъ возможности имѣть меньшинству въ общинахъ русскія школы, вслѣдствіе чего православные корелы, по необходимости, постепенно офиниваются. Создалась въ Сердоболѣ учительская семинарія взамѣнъ русской, — и финскія и русскія школы стали получать сомнительныхъ учителей.

«Число русскихъ школъ, съ устроенными при нихъ читальнями

и публичными библіотеками, растетъ и будетъ расти. Явились уже интернаты и частныя училища. Мы должны быть во всеоружіи и принять ихъ подъ свой надежный кровъ. Совѣщательный Комитетъ не отвѣчаетъ своему назначенію и требуетъ штатной канцеляріи. Нуженъ для школъ отецъ-командиръ, который бы весь отдался въ Финляндіи русскому дѣлу. Во имя государственнаго сплоченія, прошу Государственный Совѣтъ не отказать въ кредитѣ незначительной суммы, способной дать благіе результаты.

«На меня возложена задача скрѣпленія окраины съ центромъ. Лучшимъ средствомъ къ тому считаю школу, развитіе которой дастъ мнѣ возможность исполнить настоящую волю Государя путемъ культурнымъ и гуманнымъ. Школы нуждаются не только въ улучшеніи управленія, но и въ улучшеніи самой обстановки, современное положеніе которой, отличаясь нищетою, не выдерживаетъ никакого сравненія съ мѣстными финскими и особенно шведскими школами. Обстоятельства помогли нѣсколько улучшить положеніе, но этого мало»...[190])

Очевидно, что здѣсь генералъ-губернаторъ Бобриковъ подразумѣвалъ тѣ отпуски изъ Государственнаго Казначейства и филяндскихъ суммъ, которые, по его ходатайствамъ, были значительно увеличены на содержаніе русскихъ учебныхъ заведеній. Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 4 (17) Марта 1904 г. опредѣлено отпускать изъ финляндскихъ казенныхъ суммъ по 100.000 м. ежегодно на русскія училища въ краѣ.

Чтобы поддержать «нравственную связь съ родиной, посредствомъ чтенія произведеній отечественной литературы, начиная съ 1901 г. стали въ разныхъ городахъ учреждаться русскія библіотеки-читальни. Въ нихъ надо видѣть хорошее средство для поднятія духа и развитія самосознанія и самообразованія среди русскихъ» [191]). Благодаря пособію генералъ-губернатора, добровольнымъ пожертвованіямъ и сочувствію печати Россіи, читальни-библіотеки стали развиваться и охотно посѣщались представителями всѣхъ сословій и всѣхъ слоевъ общества, кончая нижними чинами и рабочими.

Очень полезнымъ оказалось также общежитіе «Имени А. С. Пушкина», открытое при Гельсингфорской мужской гимназіи и давшее возможность иногороднымъ легче опредѣлять своихъ дѣтей въ гимназію, при условіи нахожденія для нихъ въ общежитіи удобнаго пансіона.

«Указанныя мѣропріятія замѣтно ободрили русское населеніе» и въ значительной степени способствовали его сплоченію, какъ значится въ генералъ-губернаторскомъ отчетѣ [192]).

Еще большее вліяніе на подъемъ русскаго дѣла оказали тѣ положенія, которыми русскіе люди получили, наконецъ, право поступленія на гражданскую службу и право на пріобрѣтеніе земельной собственности въ Финляндіи.

Генералъ-адъютантъ Н. И. Бобриковъ охотно привлекалъ на разныя должности русскихъ людей, но въ то же время высказался противъ легкаго перечисленія ихъ въ финляндское гражданство. Поясненіе такого дѣйствія находимъ въ письмѣ къ министру статсъ-секретарю. «Давно хотѣлъ предупредить васъ о причинахъ, по которымъ я сталъ ставить запятыя въ ходатайствахъ русскихъ уроженцевъ о перечисленіи въ финляндское гражданство. Опытъ указалъ мнѣ, что эти измѣнники наши, достигнувъ званія финляндскаго гражданина, становятся въ большинствѣ случаевъ нашими врагами» [193]).

Въ первое же время пребыванія Н. И. Бобрикова въ Финляндіи совершенно неожиданно открылось гоненіе на русскихъ коробейниковъ, точильщиковъ, мороженщиковъ и другихъ мелкихъ торговцевъ въ разносъ. Гоненіе возникло настолько внезапно и безпричинно, что онъ выразилъ даже неудовольствіе на одну петербургскую газету, помѣстившую первую замѣтку по дѣлу, такъ какъ ему сперва представилось, что она впала въ крайность и исказила истину. «Извращеніе фактовъ не помогаетъ дѣлу, а его портитъ... Къ чему преувеличивать факты, когда и безъ нихъ никто не сомнѣвается въ нерасположеніи финляндской интеллигенціи?.. Здѣсь, повторяю, такъ много мерзости вообще и злобы противъ насъ, русскихъ, что и дѣйствительность говоритъ сама за себя» [194]).

Дѣло было, конечно, разслѣдовано. Торговцевъ обвиняли въ распространеніи слуховъ о передѣлѣ земли. Но оказалось,—какъ это удостовѣрилъ между прочимъ и профессоръ гельсингфорскаго университета (Сетелэ),—что подобные разсказы зародились еще въ восьмидесятыхъ годахъ и потому не могли вредно отразиться на населеніи. Въ коробейникахъ хотѣли видѣть затѣмъ распространителей секретныхъ болѣзней, но и это обвиненіе не подтвердилось. Болѣе правдоподобной причиной ихъ преслѣдованія надо признать опасеніе мѣстныхъ газетъ, видѣвшихъ въ нихъ «шпіоновъ русской власти». Въ Aftonbladet «одинъ финляндецъ писалъ»: за коробейниками стоитъ «не только генералъ-губернаторъ, но и та тайная сила, которая олицетворяется Славянскимъ Благотворительнымъ Обществомъ». Эта нелѣпая выдумка воспроизводится даже въ шведской книгѣ, которая имѣла цѣлью представить новѣйшую исторію Финляндіи [195]). Составитель книги говоритъ, что Славянское Общество образовало особый комитетъ, для разсмотрѣнія дѣлъ, имѣвшихъ отношеніе къ финляндскому вопросу. «Къ какому выводу пришелъ комитетъ, можно себѣ представить изъ того, что вскорѣ вся Финляндія оказалась наводненной коробейниками, коихъ главною задачею явилась агитація среди низшихъ слоевъ общества, направленная на поддержаніе бобриковской объединительной программы». Вѣрила-ли Финляндія подобной несообразности—трудно сказать, хотя

современный историкъ, желая придать вздорной выдумкѣ нѣкоторую правдоподобность, считается съ измышленіемъ, какъ съ достовѣрнымъ фактомъ, и даже коментируетъ его, какъ нѣчто заслуживающее вниманія. Опровергать такую басню о Славянскомъ Обществѣ передъ русскимъ читателемъ нѣтъ, разумѣется, никакой надобности: ея ложь для каждаго очевидна. Вѣрнѣе будетъ заявить, что финляндская печать раздувала исторію для нужныхъ ей политическихъ цѣлей. Полиція, сельская администрація и помѣщики проявили немало жестокости, отказывая коробейникамъ въ ночлегѣ, въ продажѣ пищи и т. п. У нихъ отнимали товары, ихъ штрафовали, сажали въ тюрьмы, подвергали побоямъ и даже наложенію оковъ. Гоненіе затѣяно было всесильнымъ и озлобленнымъ кагаломъ агитаторовъ, по ненависти къ русскимъ и изъ желанія отдѣлаться отъ единственныхъ русскихъ свидѣтелей предосудительной своей дѣятельности среди населенія въ самыхъ глухихъ уголкахъ Финляндіи.

Народъ трудно было поднять противъ неповинныхъ торговцевъ, съ которыми у него въ теченіи столѣтій установились хорошія отношенія, получившія отраженіе въ яркой и симпатичной картинѣ, вставленной поэтомъ Финляндіи въ его поэму «Стрѣлки лосей» (Elgskyttarne), которая, по отзыву ея критиковъ, «списана съ натуры», ибо муза поэта «входила въ гостепріимныя жилища», «мчалась на лыжахъ по снѣжной поверхности» и т. п., всюду вѣрно воспроизводя въ своихъ рѣчахъ видѣнное и слышанное, особенно же національный характеръ финновъ». Поэтъ видѣлъ, слѣдовательно, самъ какъ нѣсколько бородатыхъ русскихъ молодцовъ мирно спали въ финской крестьянской избѣ возлѣ закоптѣлой печки на соломѣ, около своихъ тяжелыхъ котомокъ съ бездѣлками для неприхотливаго селянина, и съ какой радостью они встрѣтились съ прежнимъ своимъ хозяиномъ, у котораго сдѣлали покупку. Съ этими «развязными, веселыми и общительными» странствующими купцами изъ богатаго Архангельска» нельзя было не сходиться. [196]) И если въ 1899 г. ихъ преслѣдовали и боялись крестьяне, то единственно подъ угрозами мѣстной администраціи и агитаторовъ.

Когда дѣйствительная картина раскрылась, генералъ-губернаторъ принялъ весьма энергичныя мѣры, чтобы защитить невиновныхъ. Онъ снесся съ сенатомъ, губернаторами и министромъ статсъ-секретаремъ. Медлить нельзя было, такъ какъ буквально требовалось прекратить травлю людей, за которую нѣкоторыя общины положили уже выдавать вознагражденіе изъ кассы, предназначенной для истребленія «дикихъ звѣрей»! Бо́льшаго презрѣнія къ русскимъ людямъ нельзя было, конечно, выразить! «Вѣдь преслѣдованіе русскихъ коробейниковъ вызвало чувство жалости даже въ сердцахъ многихъ финляндцевъ. Большею частью это были родственные финнамъ корелы» [197]). «Русскимъ торговцамъ надо

помочь, писалъ Н. И. Бобриковъ къ В. К. Плеве, и въ этихъ видахъ я хочу войти къ вамъ съ особымъ ходатайствомъ» (12 ноября 1899 г.). Чтобы облегчить участь гонимыхъ, нужно было пересмотрѣть мѣстный сеймовый законъ о промыслахъ. Дѣло грозило затянуться, почему Н. И. Бобриковъ настаивалъ на изданіи временнаго положенія о правахъ крестьянъ-торговцевъ. Въ началѣ марта 1900 г. онъ писалъ В. К. Плеве: «У меня на совѣсти лежитъ вопросъ о предоставленіи права русскимъ торговцамъ продавать русскія издѣлія... Вѣдь финляндцы свободно у насъ торгуютъ и не терпятъ притѣсненій, испытываемыхъ нашими коробейниками въ Финляндіи» [198]). Прошла недѣля и онъ вновь напоминаетъ о ходебщикахъ. «Дѣло о русскихъ торговцахъ по существу есть дѣло общегосударственное, такъ какъ оно касается и до финскихъ торговцевъ въ предѣлахъ Имперіи» [199]).

1 Іюня 1900 г. послѣдовало Высочайшее постановленіе, облегчившее нѣсколько участь коробейниковъ, но не избавившее ихъ отъ злоупотребленія помѣщиковъ и администраторовъ, пренебрегавшихъ предписаніями закона.

«Мудрый, добрый, крѣпкій стражъ русскаго дѣла» Н. И. Бобриковъ удѣлилъ много заботъ дѣлу православія. «Православная церковь облагодѣтельствована имъ построеніемъ новыхъ храмовъ и украшеніемъ старыхъ». Въ теченіи первыхъ четырехъ лѣтъ управленія имъ краемъ были завершены постройкой и отдѣлкою церкви въ Таммерфорсѣ, Тавастгусѣ, Тюсьбю, лагерная въ Вильманстрандѣ и др., всего 10, и одна часовня въ Або. Въ 1903 г предоставлено православнымъ священникамъ право преподавать Законъ Божій въ тѣхъ случаяхъ, когда это окажется возможнымъ по мѣстнымъ условіямъ.

Въ періодъ управленія Финляндіей генералъ-адъютанта Н. И. Бобрикова, русская печать напомнила о положеніи православнаго прихода, очевидно, разсчитывая заинтересовать его этимъ большимъ и серьезнымъ дѣломъ. По закону 1824 г., «надзоръ за православными церквами и приходами, а также руководство въ церковно-общественныхъ дѣлахъ были ввѣрены, согласно основнымъ каноническимъ правиламъ, высшему епархіальному начальству и за православными приходами сохранено было искони имъ принадлежащее право на церковно-общественную самостоятельность, т. е. право юридическаго лица. Православнымъ приходамъ предоставлено было самоуправленіе въ формѣ «мірской церковной сходки» (или собранія), на которой, по взаимному соглашенію прихожанъ и духовенства, заключались условія о содержаніи сего духовенства и такой порядокъ нашелъ себѣ полное

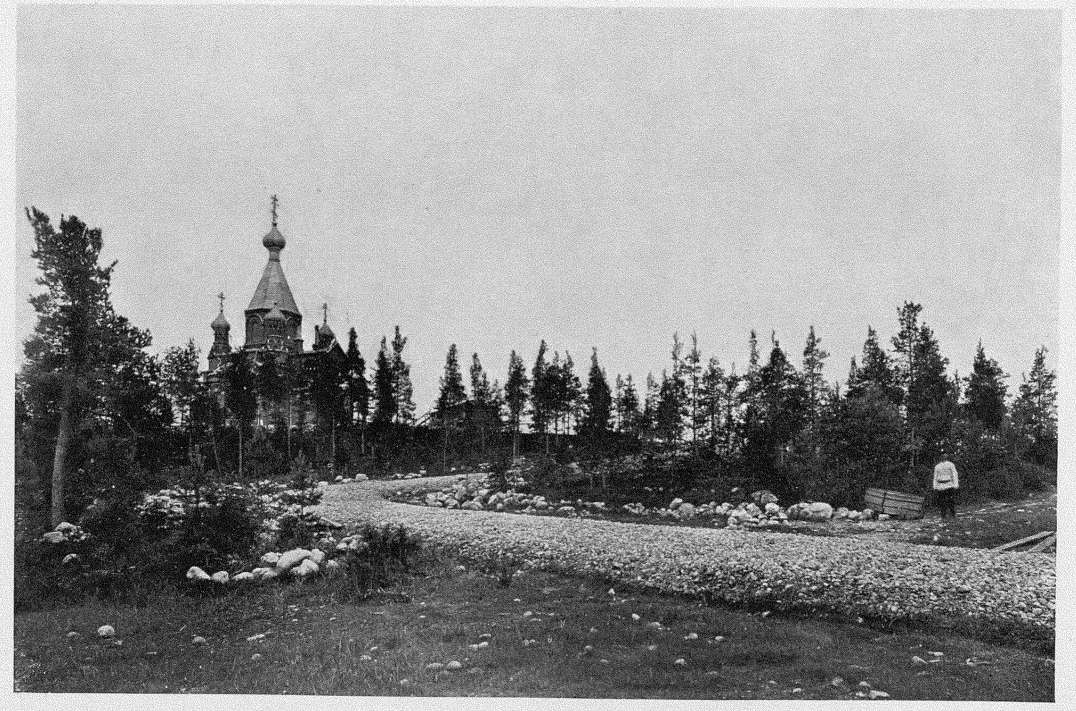
сочувствіе и поддержку со стороны С.-Петербургскаго митрополита Амвросія».

Въ 1866 г., съ Высочайшаго соизволенія, учрежденъ былъ комитетъ для разсмотрѣнія вопроса объ улучшеніи устройства православныхъ приходовъ въ Финляндіи. Проектъ комитета удостоился Высочайшаго утвержденія и такимъ образомъ создался законъ 5 марта 1883 г. [200]). который и остается въ дѣйствіи по настоящее время.

Этотъ законъ сохранилъ православный приходъ Финляндіи въ видѣ самостоятельной общины. На періодическихъ сходкахъ члены общины-прихода рѣшаютъ цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся ихъ церковно-общественныхъ дѣлъ, напримѣръ, о храмахъ, о вознагражденіи духовенства, кладбищахъ, низшихъ школахъ и т. п. Но законъ 1883 г. только въ принципѣ призналъ за православнымъ приходомъ право на самостоятельное существованіе, а на дѣлѣ оставилъ безъ надлежащей регламентаціи всѣ подробности уклада приходской жизни въ Финляндіи.—Впослѣдствіи позаботились и объ этой регламентаціи. Финляндскій сенатъ выработалъ уже проекты и церковнаго собранія, и церковнаго совѣта, а также правила о православныхъ приходахъ; но такъ какъ въ этихъ проектахъ встрѣчались положенія, имѣющія цѣлью подчинить православныхъ пастырей и православные приходы во всѣхъ служебныхъ обязанностяхъ мѣстнымъ губернаторамъ и сенату, то, конечно, такіе проекты не могли быть приняты и одобрены русской властью, хотя въ общемъ эти правила признаны удобопримѣнительными. Финляндское православное духовенство ввело въ проекты свои поправки и затѣмъ все дѣло о приходахъ, церковныхъ собраніяхъ и совѣтѣ вновь было передано въ финляндскій сенатъ, который въ 1899 г. составилъ всеподданнѣйшее представленіе. Дальнѣйшая исторія дѣла теряется въ петербургскихъ канцеляріяхъ...

Н. И. Бобриковъ обратилъ вниманіе на положеніе прихода, но обремененный множествомъ другихъ, ближе касавшихся его гражданскихъ и военныхъ дѣлъ, не успѣлъ сосредоточиться на немъ и вопросъ продолжаетъ ожидать своего разрѣшенія, вызывая недоумѣнія о причинахъ его задержки.

Печалилъ его еще одинъ церковный вопросъ. Въ постановленіи объ учрежденіи финляндскаго сената (1892 г., № 30) значится между прочимъ: Духовной экспедиціи подвѣдомственны дѣла, касающіяся «внѣшнихъ дѣлъ православныхъ приходовъ края» (§ 112). Сенатъ — высшее административное учрежденіе края. Онъ сплошь инородческій и лютеранскій: ни одного русскаго человѣка, ни одного православнаго въ его составѣ не имѣется. И такимъ образомъ оказывается, что дѣла по содержанію православныхъ священниковъ и церковнослужителей, дѣла по церковному имуществу, по постройкѣ православныхъ храмовъ, дѣла кладбищъ и т. п., а всѣхъ этихъ дѣлъ, конечно, не мало, и всѣ



Церковь въ дер. Тюсьбю.

они подчинены лютеранскому правительству Финляндіи. И такой порядокъ существуетъ при наличности въ Финляндіи особой православной епархіи и при нахожденіи Финляндіи бокъ-о-бокъ съ Петербургской губерніей. Подчиненіе дѣлъ православнаго духовенства, хотя бы только «внѣшнихъ» и матеріальныхъ, лютеранскому правительству едва-ли можетъ соотвѣтствовать положенію господствующей религіи въ Имперіи.

Честь учрежденія въ Финляндіи первой русской газеты принадлежитъ Николаю Ивановичу Бобрикову. Уже въ началѣ 1899 года онъ поднялъ вопросъ объ изданіи въ Гельсингфорсѣ оффиціальной газеты на русскомъ языкѣ. Сенатъ въ своемъ заключеніи указалъ на то, что вопросъ объ изданіи въ Финляндіи русскаго періодическаго печатнаго органа возбуждался и раньше, но главнымъ препятствіемъ къ удовлетворенію ходатайствъ являлось постановленіе 1867 года о печати, которое подчиняло сочиненія, издаваемыя въ краѣ на русскомъ языкѣ, предварительной цензурѣ Имперіи. Въ 1875 году преподаватель русской гимназіи (В. Ассоновъ) просилъ разрѣшить ему изданіе «Финляндскаго Вѣстника». Представленіе сената оставлено было тогда безъ послѣдствій, въ силу того, что Государь Императоръ соизволилъ признать «учрежденіе русскаго журнала въ Финляндіи совершенно излишнимъ». Когда же затѣмъ названный преподаватель возбудилъ вопросъ о русской газетѣ, то сенатъ отвѣтилъ въ томъ смыслѣ, что финляндскій законъ о печати не предусматриваетъ вовсе изданія русской газеты, такъ какъ въ немъ упоминается только о сочиненіяхъ на русскомъ языкѣ. Въ 1890 году другое подобное же ходатайство не имѣло успѣха вслѣдствіе того, что министръ внутреннихъ дѣлъ не согласился предоставить финляндской цензурѣ надзора за русскими періодическими изданіями.

Разсматривая возбужденный Н. И. Бобриковымъ вопросъ, сенатъ заявилъ, что «въ нѣкоторыхъ органахъ русской печати безпрерывно появляются статьи, изображающія укладъ мѣстной жизни и образъ мыслей населенія въ совершенно неправильномъ свѣтѣ и взводящія какъ на сіе населеніе, такъ и на руководящія сферы его и на сенатъ ни на чемъ неосновательныя обидныя обвиненія. Но для того, чтобы проектируемая газета могла способствовать устраненію этого печальнаго явленія и тѣмъ возстановить взаимное довѣріе населенія Финляндіи и Имперіи, требовалось бы, чтобы она могла разсчитывать на болѣе значительное распространеніе въ Имперіи, и редакція ея была возложена на лицъ, прежняя дѣятельность которыхъ служила бы гарантіею вѣрнаго пониманія ими основаній финляндской жизни и быта народонаселенія края,—два условія на осуществленіе коихъ сенатъ

питаетъ мало надежды». Въ виду этого сенатъ, съ своей стороны, не усмотрѣлъ достаточныхъ поводовъ къ испрошенію Высочайшаго соизволенія на ассигнованіе для означенной цѣли денегъ изъ финляндскихъ казенныхъ суммъ [201]).

Убѣжденный и энергичный начальникъ края не могъ удовлетвориться подобнымъ отвѣтомъ.

«Помогите мнѣ,—писалъ въ октябрѣ 1899 г. Н. И. Бобриковъ министру статсъ-секретарю Финляндіи,—въ осуществленіи здѣсь русской газеты». По прошествіи нѣкотораго времени онъ сообщилъ В. К. Плеве: «Русская газета меня сильно заботитъ и изданіе ея считаю вполнѣ необходимымъ» (5 дек. 1899 г.). Основанія, побудившія генералъ-губернатора Н. И. Бобрикова повергнуть дѣло на Высочайшее благовоззрѣніе, сводились къ слѣдующему: Въ Финляндіи издавалось болѣе двухсотъ періодическихъ изданій на мѣстныхъ языкахъ. Благодаря сему печать пріобрѣла большое значеніе; кромѣ того, масса населенія пріучилась относиться къ печатному слову съ уваженіемъ и слѣпымъ довѣріемъ. Каждая политическая партія имѣла свой литературный органъ, но всѣ они дружно служили дѣлу обособленія края и ни одинъ изъ нихъ не вводилъ въ свою программу ознакомленія съ Россіей и не свидѣтельствовалъ о тѣхъ милостяхъ, которыя изливались на Финляндію Державными Главами Имперіи. Никто въ краѣ не раскрывалъ народу лживости и вреда ученія финляндскихъ «государственниковъ». У русскаго правительства не имѣлось возможности ни ослаблять этого вліянія мѣстной печати, путемъ безпристрастнаго и точнаго освѣщенія историческихъ фактовъ, ни пояснять населенію смысла и значенія своихъ реформъ и распоряженій.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, раздѣляя указанныя соображенія, призналъ соотвѣтственнымъ оказать газетѣ матеріальную поддержку, да помимо того, освободить ее отъ цензуры Имперіи, на томъ основаніи, что русскій печатный органъ ставился въ прямое отношеніе къ высшему представителю государственной власти въ Финляндіи [202]).

31 мая 1899 г. Государь Императоръ разрѣшилъ изданіе русской оффиціальной газеты въ Финляндіи, первый нумеръ которой вышелъ 1 января 1900 г.

Задачи Финляндской русской газеты очерчены были опредѣленно и выражены въ самомъ миролюбивомъ тонѣ. Вслѣдствіе того, что высказанныя въ первой передовой статьѣ мысли служили въ тоже время руководящими началами всей русской политики на Финляндской окраинѣ, статья эта приводится здѣсь полностію.

«Великое Княжество Финляндское съ начала истекающаго столѣтія вошло въ составъ великой русской государственной семьи, какъ

полноправный ея членъ, какъ одинъ изъ родныхъ братьевъ Россіи. Въ Манифестѣ 5 (17) іюня 1808 года Императоръ Александръ I соизволилъ выразить: «Приверженность, единство и непоколебимая вѣрность есть единое возмездіе, коего Мы за все сіе отъ васъ требуемъ и ожидаемъ несомнѣнно». Въ рѣчи, которою 3 (15) апрѣля 1864 года былъ закрытъ финляндскій сеймъ и которая Собственноручно подписана Императоромъ Александромъ II, сказано: «Ясное пониманіе пользъ Финляндіи склонять васъ (финляндцевъ) къ упроченію, а отнюдь не къ ослабленію той тѣсной связи съ Россіей, которая служитъ неизмѣннымъ ручательствомъ благосостоянія вашей родины». Въ Высочайшемъ рескриптѣ, которымъ былъ удостоенъ 17-го августа 1898 года финляндскій генералъ-губернаторъ высказывалась увѣренность, что онъ будетъ одушевленъ стремленіемъ къ послѣдовательному вкорененію въ сознаніе мѣстнаго населенія всей важности для блага Великаго Княжества тѣснѣйшаго единенія съ общимъ для всѣхъ вѣрноподданныхъ отечествомъ. Все это указываетъ на желаніе правительства создать изъ финляндской окраины живую часть государства.

«Если же судьбою опредѣлено русскимъ и финнамъ жить подъ одной кровлею, то естественно желать, чтобы союзъ ихъ былъ самый тѣсный, проникнутый и согрѣтый, какъ искренній союзъ семейный, миромъ и любовью. Со стороны финновъ казалось бы не должно встрѣтиться препятствій къ этому тѣсному единенію, такъ какъ Россія, по отношенію ко всѣмъ народностямъ, входящимъ въ ея составъ, является доброжелательной и любящей матерью, не посягающей на ихъ вѣру, языкъ и обычаи. Государственная программа ея прежде всего великодушна и справедлива. Ея мощь позволяетъ ей обезпечить права и свободу инородцевъ, не умаляя ихъ благополучія, не затрудняя развитія ихъ своеобразныхъ культуръ. Съ высоты Престола финляндцамъ неоднократно было указано, что Финляндскій край, состоя съ начала нынѣшняго столѣтія, а въ нѣкоторой его части и ранѣе, въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской, получилъ, по волѣ блаженной памяти Императора Александра I, особый порядокъ внутренняго управленія, причемъ всемилостивѣйше удостовѣрено сохраненіе за нимъ его правъ, преимуществъ, религіи и коренныхъ законовъ. Такое удостовѣреніе было подтверждено и Его Державными Преемниками. Не далѣе, какъ въ послѣднемъ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ на имя финляндскаго генералъ-губернатора (8 іюня 1899 года), вновь начертано: «Я призналъ за благо сохранить за Финляндіей особый строй внутренняго законодательства, дарованный ей Моими Державными Предками». Въ намѣреніе Монарха не входитъ, слѣдовательно, измѣнять начала дѣйствующаго въ краѣ порядка внутренняго управленія, доколѣ конечно финны

останутся въ предѣлахъ предоставленныхъ имъ правъ и пребудутъ вѣрными русскими подданными. Въ вѣрноподданнической же преданности финскаго народа никто не сомнѣвался и не сомнѣвается, что также Верховною властью многократно и милостиво высказывалось.

«Коренные жители Великаго Княжества, оставаясь финнами, могутъ быть хорошими русскими подданными. Они хотя и не русскаго происхожденія, но несомнѣнно русскіе по подданству, по присягѣ и по политическимъ стремленіямъ.

«Россія—вездѣ Россія и, гдѣ разъ поднятъ русскій флагъ, тамъ спускаться онъ уже не долженъ. Предоставляя всѣмъ жителямъ государства одинаковое положеніе и защиту, Россія въ правѣ, конечно, требовать себѣ равной отъ всѣхъ службы и равнаго несенія общихъ государственныхъ тягостей и повинностей.

Въ Россійской Имперіи—одна Верховная власть, одинъ Престолъ и одинъ Державный Хозяинъ. Всѣ права подданныхъ Русскаго Царства исходятъ отъ Монарха, который ни въ какіе договоры съ ними не вступаетъ, а лишь даруетъ и утверждаетъ имъ нужныя законоположенія. Кромѣ Монарха, въ предѣлахъ Имперіи, нѣтъ никакой независимой власти: вокругъ Его славнаго и свѣтлаго Трона стоятъ только учрежденія законосовѣщательныя. Единая Верховная власть—оплотъ несокрушимости Россіи, завѣтъ всего прошлаго русской исторіи и залогъ ея будущаго преуспѣянія. Единство власти, не исключая мѣстнаго самоуправленія, наилучшимъ образомъ обезпечиваетъ личность, законность, порядокъ, гражданственность и свободу вѣроисповѣданій. Имперія—едина и нераздѣльна съ одной Верховной властью во главѣ. Вѣрноподданническая присяга на всѣхъ жителей Россійской Державы безъ различія народностей, налагаетъ одинаковыя обязательства и требуетъ одинаковой преданности Царю и Отечеству. Преданность же, очевидно, не можетъ быть условной, патріотизмъ не долженъ быть исключительно мѣстнымъ. Преданность Монарху неразрывна съ преданностью Имперіи. Давно уже сознано, что нельзя быть вѣрнымъ подданнымъ Государя, не питая никакого сочувствія къ Россіи.

«Всѣмъ вышеизложеннымъ основамъ государственности назначена непреклонно служить «Финляндская Газета», являющаяся органомъ правительственнымъ. При этомъ главною своею задачею она ставитъ проведеніе въ среду финляндцевъ тѣхъ убѣжденій, въ силу которыхъ тѣсное единеніе Финляндіи съ прочими частями Россіи только тогда окажется прочнымъ и непоколебимымъ, когда будетъ сознана общность интересовъ, когда сограждане поймутъ другъ друга, и станутъ дѣлить горе и радости совмѣстной политической судьбы. Взаимныя выгоды Россіи и Финляндіи требуютъ самыхъ добрыхъ и сердечныхъ между ними отношеній.

«Сознавая, что всякія отношенія тогда только вполнѣ прочны, когда корни ихъ ютятся не только въ мысляхъ, но и въ чувствахъ, «Финляндская Газета» будетъ всѣми средствами способствовать обоюдному ознакомленію Россіи съ ея Финляндской окраиной и возбуждать взаимное сочувствіе и довѣріе. Въ области государственной газета будетъ за сплоченіе и сліяніе, въ вопросахъ національныхъ—за сближеніе. Все это въ значительной мѣрѣ старыя и извѣстныя истины, но этимъ-то истинамъ и желаетъ послужить «Финляндская Газета».

«Въ отношеніи взаимнаго ознакомленія Россіею сдѣлано больше, чѣмъ Финляндіею: на русскомъ языкѣ имѣется все-таки довольно значительная литература, которая успѣла освѣтить нѣкоторыя отрасли жизни финскаго народа, оцѣнивъ по достоинству упорный трудъ, бережливость и борьбу финляндца съ неблагопріятными климатическими и экономическими условіями, а также справедливо отмѣтить нѣкоторые его культурные успѣхи въ разныхъ отрасляхъ дѣятельности. Наоборотъ, для финляндской окраины, Россія—совершенно невѣдомая страна, вслѣдствіе того, что ни финляндская школа, ни мѣстная печать до сихъ поръ не ввели въ свои программы изученія русской жизни, исторіи, литературы, науки, философіи, искусства, промышленности въ той мѣрѣ, въ какой надлежало бы это сдѣлать въ ближайшей къ столицѣ окраинѣ великаго государства. Въ этомъ отношеніи иностранцами, людьми совершенно чуждыми Россіи, сдѣлано гораздо больше и русская литература, напримѣръ, за послѣдніе двадцать лѣтъ, путемъ переводовъ, стала достояніемъ всѣхъ европейскихъ языковъ. Для ознакомленія финновъ съ Россіей «Финляндская Газета» предполагаетъ вскорѣ издавать еженедѣльные номера на финскомъ языкѣ.

«Финляндская Газета» какъ органъ правительственный, входить въ пререканія не будетъ, но она съ полной настойчивостью не преминетъ возстановлять факты, если они будутъ ложно истолкованы или невѣрно освѣщены. Только такимъ путемъ возможно будетъ осуществить пожеланіе, высказанное генералъ-губернаторомъ въ отвѣтѣ на обращенное къ нему привѣтствіе лицъ, присутствовавшихъ при освященіи помѣщенія редакціи и типографіи «Финляндской Газеты», 23-го Декабря истекшаго года: «Да послужитъ газета наша дѣлу мира и упроченію взаимнаго довѣрія».

«Люди гордые и своенравные,—сказалъ священникъ въ своемъ словѣ при освященіи типографіи,—будутъ заглушать голосъ «Финляндской Газеты» во мнѣніи населенія». Такъ и случилось. Мѣстныя газеты стали замалчивать и игнорировать русскаго собрата; агитаторы стали преслѣдовать финновъ, служившихъ въ типографіи и лицъ, печатавшихъ въ русской газетѣ свои объявленія; почта въ началѣ не пожелала доставлять русскаго органа по назначенію.

Въ то же время сеймовые чины въ жалобѣ заявили, что генералъ-губернаторъ долженъ «содѣйствовать установленію взаимнаго добраго пониманія между финляндскими и русскими властями и жителями обѣихъ странъ». Желаніе вполнѣ основательное. Н. И. Бобриковъ искренно хотѣлъ удовлетворить этой справедливой потребности и, стремясь къ достиженію «взаимнаго добраго пониманія», съ большими усиліями положилъ начало «Финляндской Газетѣ», которую не въ состояніи были открыть его предшественники, а финляндскіе руководители партій, редакцій и общественнаго мнѣнія, т. е. лица, которыя должны представлять собой совѣсть и мнѣніе финляндскаго населенія, постановили пренебрегать русской газетой.

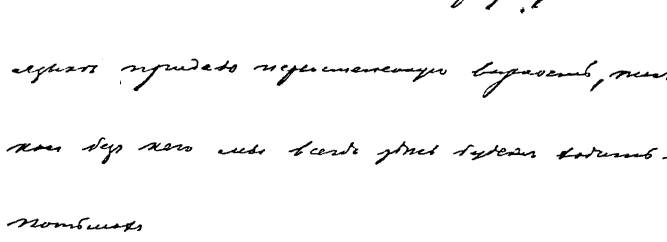
Финляндцы встрѣтили новую русскую газету грубымъ и безсмысленнымъ бойкотомъ, забывъ прекрасныя слова своего поэта Топеліуса: «Для печатнаго слова нѣтъ границъ ни во времени, ни въ пространствѣ; оно родится въ день и живетъ вѣчность; оно пролагаетъ себѣ путь ко всему, достигаетъ всего, проникаетъ сквозь всякую щель... Никакая стѣна его не заслонитъ, никакая плотина не сдержитъ. Разъ выпущенное, оно не возвратимо и неучтожимо. Бить его молотомъ—бить воздухъ, жечь огнемъ—жечь мысль»...

«Финляндская Газета» при Н. И. Бобриковѣ старательно служила своему знамени. Она помѣстила рядъ серьезныхъ историческихъ статей и изслѣдованій по разнообразнымъ вопросамъ и онѣ современемъ явятся для историка полезнымъ матеріаломъ. Всѣ дѣйствія правительства за время управленія краемъ Н. И. Бобрикова пояснялись въ ней и мотивировались.

Число подписчиковъ газеты оставалось скромнымъ, но тѣмъ не менѣе польза ея была очевидна. Она нашла доступъ въ русскія редакціи и даже проникла за границу. Русскія періодическія изданія, ранѣе почерпавшія свои извѣстія о жизни финляндской окраины исключительно изъ мѣстныхъ источниковъ, начали чаще и чаще обращаться къ «Финляндской Газетѣ». Перепечатки изъ нея были столь многочисленны, что уже однимъ этимъ обстоятельствомъ въ достаточной мѣрѣ оправдывалась необходимость ея существованія и произведенныя на нее затраты,—писалъ между прочимъ Н. И. Бобриковъ въ своемъ отчетѣ 15 октября 1902 года.

Церкви въ Николайштадтѣ и въ Тавастгусѣ.

V. Русскій языкъ.



Изъ письма Н. И. Бобрикова отъ 3 дек. 1899 г.

Въ программѣ Н. И. Бобрикова значилось: ввести русскій языкъ въ учебныхъ заведеніяхъ и высшей администраціи.

Уже 12 января 1899 г., по его личному докладу, состоялось Высочайшее повелѣніе не представлять впредь на вакантныя должности сенаторовъ, губернаторовъ и начальниковъ главныхъ управленій лицъ, не владѣющихъ русскою разговорною рѣчью.

Подобная мѣра являлась необходимой, но она недостаточно отвѣчала потребности сближенія окраины съ центромъ. Нужно было разобрать ту глухую стѣну, которая отдѣляла Финляндію отъ Россіи. Однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ для этого являлось введеніе русскаго языка въ административное дѣлопроизводство края.

Подготовляясь къ важному дѣлу, составлявшему одно изъ существеннѣйшихъ звеньевъ въ цѣпи объединительныхъ мѣропріятій, Н. И. Бобриковъ собралъ очень значительный матеріалъ для историческаго и практическаго освѣщенія вопроса. Когда черновая работа закончилась, онъ издалъ сперва записку «О введеніи въ учрежденіяхъ Финляндіи дѣлопроизводства и переписки на русскомъ языкѣ», а затѣмъ брошюру «Русскій языкъ въ Финляндіи» (С. П. Б. 1899 г.)

Въ запискѣ изложено положеніе, въ которомъ Н. И. Бобриковъ засталъ вопросъ о русскомъ языкѣ, при своемъ вступленіи въ управленіе краемъ. На сеймѣ 1897 г. крестьянское сословіе подало пети-

цію о выдачѣ финнамъ судебныхъ приговоровъ на ихъ родномъ языкѣ. Въ виду произвольнаго и несостоятельнаго толкованія крестьянскимъ сословіемъ закона, петиція не подлежала представленію на Высочайшее Имя.—Вр. и. д. финляндскаго генералъ-губернатора, генералъ-лейтенантъ С. О. Гончаровъ, давая свое заключеніе по дѣлу, остановилъ вниманіе на языкѣ дѣлопроизводства въ сенатѣ. Сдѣлавъ обзоръ вопроса, онъ пришелъ къ заключенію, что при тѣхъ значительныхъ предварительныхъ мѣрахъ, которыя были правительствомъ приняты для введенія русскаго языка въ учрежденія Финляндіи, являлось своевременнымъ перейти къ практическому ихъ осуществленію. Сенатъ, конечно, усиленно возражалъ. Доводы сената иногда весьма своеобразны. Если генералъ-губернаторъ желаетъ предсѣдательствовать въ сенатѣ,— писали представители этого учрежденія, — то его можно, путемъ перевода преній, посвящать въ ходъ дѣла. У генералъ-губернатора столько занятій, — говорили они, — что онъ не будетъ имѣть времени засѣдать въ сенатѣ. Въ одномъ старомъ законѣ (1772 г.) возражавшіе сенаторы нашли перечень качествъ, которымъ долженъ удовлетворять шведскій чиновникъ, и тамъ,—заявляли они,—нѣтъ никакого требованія по знанію русскаго языка! Въ другомъ законѣ (1734 г.) они обрѣли статью, воспрещавшую судьѣ писать приговоры на иностранномъ языкѣ. Отсюда финляндцы дѣлали заключеніе о неправильности введенія русскаго языка въ ихъ краѣ. Пререканія не были еще закончены, когда пріѣхалъ новый генералъ-губернаторъ, который, находясь еще въ Петербургѣ, вникъ въ сущность спора. Финляндцы почему-то всегда воображали, что правительство «хочетъ вдругъ и насильно навязать имъ русскій языкъ. Нѣтъ; дѣло обстоитъ почти такъ, какъ формулировалъ его еще Плетневъ въ 1840 г. «Если мы и желаемъ, чтобы союзники наши знали по-русски, то единственно для того, чтобы они, узнавъ насъ покороче, убѣдились, что мы еще не людоѣды, какъ многіе думаютъ по невѣжеству».

Очеркъ о «Русскомъ языкѣ въ Финляндіи», который Н. И. Бобриковъ поручилъ составить ранѣе передачи своего проекта на разсмотрѣніе въ Петербургъ, внесъ еще больше ясности въ исторію прошлаго. Главнѣйшія положенія сего очерка сводились къ слѣдующему. Первымъ положеніемъ отъ 19 ноября 1808 г., объ учрежденіи правленія въ новой завоеванной тогда Финляндіи, установлено было § (6) требованіе, чтобы всѣ дѣла производились «на нынѣ употребляемомъ въ Финляндіи языкѣ, доколѣ войдетъ въ употребленіе Россійскій» (языкъ). Положенію предшествовалъ мемуаръ Спренгтпортена, въ которомъ говорилось: « ... Когда попеченіями правительства будутъ учреждены школы русскаго языка, этотъ языкъ въ качествѣ главнаго, будетъ введенъ вообще въ дѣлопроизводство вмѣстѣ съ фин-

скимъ, какъ языкомъ народнымъ». Въ 1812 году зашла рѣчь о томъ, сколько нужно будетъ предоставить времени молодымъ людямъ, для успѣшнаго усвоенія русскаго языка. Совѣтъ (сенатъ) края, «въ уваженіе пользы и необходимости для чиновниковъ и служащихъ въ Финляндіи знать Россійскій языкъ», предложилъ для изученія сего языка десятилѣтній срокъ. Однако въ 1813 году послѣдовало постановленіе о томъ, что по истеченіи пяти лѣтъ «всѣ молодые люди, желающіе вступить въ духовную, военную или гражданскую службу, были обязаны публично доказать познанія свои въ русскомъ языкѣ». Съ 1818 по 1824 г. выдержали экзаменъ 756 человѣкъ. Затѣмъ цѣлымъ рядомъ разныхъ мѣропріятій поддерживалось изученіе государственнаго языка, но законъ 1813 года о знаніи его чиновниками, мало-по-малу превратился въ мертвую букву, вслѣдствіе того, что дѣлопроизводство въ судахъ и административныхъ учрежденіяхъ края происходило по-прежнему на шведскомъ языкѣ. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, университетская консисторія въ шестидесятыхъ годахъ усмотрѣла, что занятія русскимъ языкомъ повело только къ потерѣ времени и труда безъ соотвѣтствующей пользы, такъ какъ большинство чиновниковъ не имѣетъ случая и надобности пользоваться своими въ школѣ пріобрѣтенными познаніями въ русскомъ языкѣ.

9 февраля 1863 года русскій языкъ, при особомъ участіи профессора этого языка въ Гельсингфорскомъ университетѣ С. Барановскаго, сдѣланъ необязательнымъ учебнымъ предметомъ въ Финляндіи.

Однако, скоро спохватились и, начиная съ 1872 г., вновь стали усматривать необходимость въ основательномъ знаніи русскаго языка, какъ на служебномъ поприщѣ, такъ въ практической частной жизни. Но время уже было упущено. Въ Финляндіи успѣло окрѣпнуть національное стремленіе финновъ и создаться теорія финляндской государственности. Съ теченіемъ времени спросъ на все русское въ Финляндіи замѣтно понижался и падалъ. Въ школахъ познаніе въ русскомъ языкѣ едва-ли шло «далѣе усвоенія азбуки» [203]).

Вслѣдствіе нерадѣнія русскихъ къ собственнымъ интересамъ, среди финляндцевъ укоренилось воззрѣніе въ ненужности знанія русскаго языка и пренебрежительное отношеніе къ Россіи, о которой говорили, что она не имѣетъ никакого значенія въ цивилизованномъ мірѣ, что ея университеты плохи, и что «все это школы да казармы, откуда нечѣмъ заимствоваться» [204]). Дѣло дошло до того, что профессору Гроту,—стремившемуся внушить любовь къ русской литературѣ, наукѣ и исторіи, и преданность «къ общему отечеству»—Россіи,—студенты устроили демонстрацію и неоднократно выбивали стекла въ окнахъ его квартиры. Когда баронъ Котенъ сталъ хлопотать о введеніи русскаго языка въ учебные планы лицеевъ, его об-

дали такимъ презрѣніемъ, что до сихъ поръ имя его соединяется съ понятіемъ объ особомъ ретроградѣ. А. Мерманъ по поводу стремленій барона Котена сказалъ, что «финны содрагаются отъ такихъ ледяныхъ словъ, которыя родное ставятъ на одну доску съ чѣмъ-то чужимъ» [205]).

На бумагѣ существовали разрозненныя постановленія, требовавшія знанія русскаго языка въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ Финляндіи, но законы эти систематически обходились мѣстными властями, причемъ практиковалась весьма легкая выдача свидѣтельствъ въ знаніи русскаго языка лицамъ, не понимавшимъ на немъ ни единаго слова. Въ 1897 году имѣлось 55.800 марокъ на путевыя стипендіи финляндцамъ, желавшимъ изучать русскій языкъ, но практическіе результаты ихъ были крайне ничтожны.

Въ такомъ положеніи засталъ дѣло Н. И. Бобриковъ.

Въ 1899 г. вопросъ о русскомъ языкѣ особенно занималъ Н. И. Бобрикова и почва для реформы подготовлялась письмами къ министру статсъ-секретарю, въ которыхъ говорилось: «О возможности провести въ жизнь законъ о русскомъ языкѣ и не сомнѣваюсь, конечно, при условіи, если въ умахъ финляндскихъ заправилъ созрѣетъ сознаніе совершенной безполезности успѣха агитаціи къ отмѣнѣ или смягченію настоящей государственной мѣры» (16 ноября 1899 г.). «Введенію русскаго языка, придаю крайне важное значеніе, пожалуй не меньше введенія новыхъ началъ воинской повинности—(19 ноября 1899 г.). «Вопросу о русскомъ языкѣ придаю первостепенную важность, такъ какъ безъ него мы всегда здѣсь будемъ ходить въ потьмахъ. Это ясно безъ словъ и доказательствъ» (3 декабря 1899 г.)

Въ русскомъ языкѣ Н. И. Бобриковъ видѣлъ символъ русской государственной идеи и потому приложилъ много заботъ для его водворенія.

Пересмотръ мѣстнаго законодательства и историческія справки убѣдили Н. И. Бобрикова, что ни въ политическомъ положеніи Финляндіи, ни въ дѣйствующихъ ея постановленіяхъ не имѣется ни малѣйшаго препятствія къ введенію русскаго языка въ мѣстное дѣлопроизводство. Въ подтвержденіе необходимости введенія русскаго языка, онъ выставилъ слѣдующія соображенія и доводы.

Водвореніе русскаго языка вызывается, прежде всего, требованіемъ государственнаго единства Имперіи и необходимостію внѣдренія въ инородческія массы русской государственности. Правительство на всемъ пространствѣ государства, въ интересахъ дѣла, должно говорить однимъ языкомъ. Это неотъемлемое право государства и никакая народность, входящая въ составъ Россійской державы, не можетъ добиваться того, чтобы въ Россіи правительство, въ отправле-

ніяхъ государственной жизни, не употребляло своего языка. Русскій языкъ—духовное знамя Имперіи и первѣйшее условіе внутренняго объединенія всѣхъ ея составныхъ частей. Русскій языкъ—выраженіе жизненности русскаго народа и его государственности. Въ сознаніи особой важности его распространенія во всѣхъ владѣніяхъ государства, Императоръ Александръ Павловичъ, въ числѣ первыхъ мѣропріятій по отношенію къ Финляндіи, повелѣлъ обязать всѣхъ, поступавшихъ на службу, знать русскій языкъ. Для удовлетворенія тѣхъ же коренныхъ государственныхъ требованій, въ царствованіе Императора Александра III были изданы законы о введеніи русскаго языка въ Польшѣ и Прибалтійскомъ краѣ. Дѣлать какое-либо исключеніе изъ общаго правила для Финляндіи не усматривается никакихъ основаній. Пользованіе Финляндіей въ теченіи девятидесяти лѣтъ своими мѣстными языками привело ее къ полнѣйшему отчужденію отъ Россіи.

Въ настоящее время,—продолжалъ Н. И. Бобриковъ въ своей «Запискѣ»,—положеніе въ краѣ остается почти такимъ же, какимъ охарактеризовалъ его еще генералъ-губернаторъ Арс. А. Закревскій (1823—1831 г.г.), сказавъ, что въ Финляндіи «ни шагу нельзя сдѣлать безъ переводчика». Такое положеніе особенно стѣснительно для высшей мѣстной русской власти, которую законъ обязываетъ ревизовать всѣ учрежденія, предсѣдательствовать въ сенатѣ и т. п. Лишенный возможности непосредственно контролировать подчиненныхъ и принимать ближайшее участіе въ работахъ главнаго административнаго учрежденія края генералъ-губернаторъ терялъ въ своемъ значеніи. Учрежденія Финляндіи являются не только мѣстными учрежденіями края, но также въ извѣстной мѣрѣ органами Россійской Имперіи, а потому они должны отправлять свое дѣлопроизводство на государственномъ языкѣ. Вслѣдствіе господства мѣстныхъ языковъ въ администраціи Финляндіи, эта администрація является особенно чуждой Россіи, такъ какъ въ ней рѣшительно ничто не напоминаетъ о подчиненности и принадлежности къ русскому государственному организму.

Развивая тѣ же мысли въ «Историческомъ очеркѣ», Н. И. Бобриковъ добавилъ: «...Но въ то же время принудительно навязывать русскій языкъ финскому населенію внѣ государственныхъ функцій и оффиціальныхъ отношеній нѣтъ ни малѣйшей надобности, такъ какъ національная, этнографическая и культурная самобытность финновъ всегда признавалась и признается. Въ семьѣ, литературѣ, богослуженіи и пр. можетъ поэтому полноправно господствовать финскій языкъ. Финну, непожелавшему изучить русскаго языка, никто этого въ вину не поставитъ. Въ убыткѣ останется онъ самъ. Изученіе же языка Россіи поможетъ ему устранить многія недоразумѣнія и предразсудки, упрочить союзъ Великаго Княжества съ Россіей, а также вы-

зоветъ въ финляндцѣ, какъ въ младшемъ братѣ, довѣріе къ старшему и т. д.

Всѣ подданные, кто бы они ни были по своей національности и по званію, но разъ они желаютъ занять мѣсто въ правительственномъ учрежденіи и получать жалованье отъ казны, обязаны подчиняться требованіямъ сего правительства, какъ хозяина, желающаго, дабы ищущій его службы, удостовѣрилъ также свои познанія въ государственномъ языкѣ».

Въ виду изложеннаго, Николай Ивановичъ Бобриковъ рѣшилъ ходатайствовать о томъ, чтобы въ предѣлахъ Великаго Княжества, какъ нераздѣльной части Россіи, государственнымъ языкомъ былъ объявленъ языкъ русскій. При введеніи этого языка въ оффиціальное дѣлопроизводство края, онъ указалъ на необходимость соблюденія извѣстной послѣдовательности, для чего расположилъ учрежденія Финляндіи въ строгомъ порядкѣ, въ зависимости отъ близости ихъ къ Монарху и русскимъ властямъ.

Интересуясь ходомъ поднятаго вопроса, Н. И. Бобриковъ писалъ министру статсъ-секретарю: «Возможно скорѣйшему обнародованію закона о государственномъ языкѣ я придаю такое значеніе, что готовъ отказаться отъ всѣхъ своихъ замѣчаній» (19 апрѣля 1900 г.).

Отзывы финляндскихъ властей переданы были по Высочайшему повелѣнію на заключеніе статсъ-секретаря В. К. Плеве, который высказалъ между прочимъ слѣдующее: «Въ указаніи Императора Александра I на временное только сохраненіе въ административномъ строѣ Финляндіи шведскаго языка, «доколѣ войдетъ въ употребленіе языкъ россійскій», усматривается, что для Державнаго Вѣнценосца, покорившаго Финляндію, не было вопроса о томъ, какой языкъ долженъ быть языкомъ государственнымъ въ завоеванной имъ области. Очевидно, что ссылка финляндскаго сената на воспрещеніе употреблять въ судахъ «чужой языкъ» не примѣнима къ языку государства, частью коего состоитъ Финляндія, и что правило, предписывающее при назначеніи на государственныя должности руководствоваться заслугами, опытностью и гражданскою доблестью назначаемаго, не исключаетъ изъ свойствъ сей доблести знанія русскаго языка. Равнымъ образомъ неправильное удостовѣреніе сената, что выраженная первымъ Россійскимъ Монархомъ Финляндіи мысль о введеніи въ ней русскаго языка, какъ языка государственнаго, была впослѣдствіи оставлена. Рядъ правительственныхъ распоряженій свидѣтельствуютъ о противномъ. Въ этомъ отношеніи достаточно сослаться на рескриптъ 1812 г., устанавливающій пятилѣтній срокъ, по истеченіи коего незнающіе русскаго языка не должны быть принимаемы въ Финляндіи на государственную службу, и на Высочайшія повелѣнія 1827 и 1891 го-

довъ касательно дѣлопроизводства статсъ-секретаріата. Едва ли необходимо при проведеніи какой-либо мѣры въ Финляндской окраинѣ искать оправданія и объясненія нынѣ усвоеннаго образа дѣйствій въ прежнихъ теченіяхъ государственной мысли. Для всѣхъ предначертаній общегосударственнаго значенія на окраинахъ можетъ существовать лишь одно руководящее начало, провозглашенное Блаженныя памяти Императрицею Екатериною II: «Надѣяться могутъ вспоможенія согласно съ пользою Нашей Имперіи». Въ данномъ вопросѣ необходимо взвѣсить, чего требуетъ «польза Имперіи» и рѣшить принципіально, разъ навсегда, какой языкъ можетъ и долженъ быть признанъ въ Финляндіи языкомъ государственнымъ—языкъ ли государства, нераздѣльную часть коего она составляетъ, языкъ ли прежнихъ обладателей Великаго Княжества—шведскій, или, наконецъ, языкъ туземнаго населенія—финскій. На постановленный такимъ образомъ вопросъ можетъ послѣдовать лишь одинъ отвѣтъ: языкомъ государственнымъ долженъ быть признанъ языкъ Державы, въ обладаніи коей находится Финляндія».

Проектъ генералъ-губернатора былъ переданъ въ Особое Совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Э. В. Фриша, учрежденное при Государственномъ Совѣтѣ. Совѣщаніе приняло почти полностію предложенія Н. И. Бобрикова и 7 (20) іюня 1900 г. состоялся Высочайшій манифестъ «о введеніи русскаго языка въ дѣлопроизводство нѣкоторыхъ административныхъ присутственныхъ мѣстъ Великаго Княжества Финляндскаго», въ которомъ указано, что по волѣ Императора Александра I было положено постепенно ввести въ дѣлопроизводство русскій языкъ, въ качествѣ главнаго, а потому повелѣвалось статсъ-секретаріату, канцеляріи генералъ-губернатора и паспортной экспедиціи производить дѣла и вести переписку исключительно на русскомъ языкѣ — съ 18 сентября (1 октября) 1900 года, Императорскому финляндскому сенату—съ 18 сентября (1 октября) 1903 года, а главнымъ управленіямъ и губернскимъ правленіямъ—съ 18 сентября (1 октября) 1905 года [206]).

Въ Россіи новый шагъ по пути объединенія былъ встрѣченъ радостно.

Водвореніе русскаго языка въ высшемъ административномъ учрежденіи Финляндіи, несомнѣнно, существенный успѣхъ въ дѣлѣ государственно-объединительной политики послѣднихъ лѣтъ. Вездѣ завоеватель начиналъ съ того, что вводилъ свой языкъ въ покоренной странѣ, какъ вѣрнѣйшій залогъ ея духовнаго скрѣпленія съ метрополіей. Мы этого фактически не сдѣлали въ Финляндіи, хотя въ принципѣ было опредѣлено его введеніе. Ничто такъ не сближаетъ и не раздѣляетъ людей, какъ языкъ. Господство шведскаго языка въ администраціи, судѣ и школѣ Финляндіи сдѣлало то, что она осталась совершенно чуждою нашей государственной и культурной жизни. Цѣлый край,

рядомъ со столицей Имперіи, остался внѣ русскаго надзора и воздѣйствія. Русская власть не приходила въ непосредственное соприкосновеніе съ управленіемъ собственной и чрезвычайно нужной намъ окраины. Административный механизмъ усложнился новыми посредствующими инстанціями, штатомъ переводчиковъ, тяжелымъ бумажнымъ производствомъ. Управленіе окраиной, благодаря всему этому, ушло изъ русскихъ рукъ. Общій языкъ много упроститъ и исправитъ, онъ сгладитъ тормозящее треніе и устранитъ цѣлый рядъ недоразумѣній. Ясно, что польза и достоинство Россіи давно уже требовали введенія своего языка въ главнѣйшія государственныя отправленія Финляндіи.

Иначе отнеслись къ дѣлу финляндцы.

Какъ только въ Финляндіи узнали о новомъ законѣ, начались протесты, противодѣйствія и даже часть сенаторовъ демонстративно вышли въ отставку. По мнѣнію сената, русскій языкъ въ оффиціальныхъ сношеніяхъ Финляндіи «противорѣчитъ духу правительственнаго строя края». Губернаторы отказались содѣйствовать подготовкѣ условій для практическаго осуществленія новаго закона. Печать писала о незаконности введенія русскаго языка. Финляндцамъ нежелательно было допущеніе русскаго языка также потому, что онъ, по ихъ мнѣнію, не является факторомъ во внутренней жизни націи. На русскомъ языкѣ въ Финляндіи говоритъ лишь 0,2% населенія. Ни для практическихъ цѣлей, ни для научныхъ изслѣдованій они не признавали его поэтому нужнымъ.

9 (22) Іюня 1900 г. въ Гельсингфорсѣ, въ Рыцарскомъ Домѣ, собралось около 60 представителей распущеннаго сейма. Они избрали двухъ депутатовъ [145]) для представленія министру статсъ-секретарю, составленнаго общаго прошенія и подписаннаго всего 79 лицами. Депутаты отправились въ Петербургъ и явились къ В. К. Плеве. Прошеніе было написано на мѣстныхъ языкахъ и переведено на французскій (а не русскій). Передавая ходатайство, одинъ изъ представителей, сказавъ нѣсколько словъ, протянулъ бумагу В. К. Плеве и, когда онъ не выказалъ намѣренія принять ея, то бумага была положена на столъ.—Министръ отвѣтилъ:... «Послѣ того, какъ сеймъ закрытъ, его члены не могутъ составлять никакихъ рѣшеній или входить съ какими-бы то ни было ходатайствами. Поэтому прошеніе не имѣетъ никакого значенія и я предлагаю вамъ взять его обратно, такъ какъ оно никакихъ оффиціальныхъ послѣдствій имѣть не можетъ».—Депутаты отказались взять обратно прошеніе. «Разъ вы не хотите взять обратно прошенія, я не могу понудить васъ къ этому, но я повторяю, что оно не можетъ имѣть никакого оффиціальнаго значенія». Послѣ «холоднаго поклона» депутаты удалились. Возвратясь въ Гельсингфорсъ, они дали отчетъ о своей поѣздкѣ лицамъ, собравшимся вновь въ Рыцарскомъ Домѣ [207]).

Часть финляндцевъ тѣмъ не менѣе правильно и спокойно оцѣнила реформу. Одинъ изъ начальниковъ главнаго управленія сказалъ, что онъ употребитъ все свое вліяніе на то, чтобы усилить изученіе русскаго языка, такъ какъ сознаетъ совершенную необходимость финнамъ знать русскій языкъ, настолько, чтобы онъ могъ служить мостомъ для сближенія жителей края съ Россіею.

Газета рабочихъ «Työmis» задалась вопросомъ о томъ, «какой просвѣщенный народъ въ Европѣ былъ бы до такой степени непритязателенъ, чтобы оставить въ завоеванномъ имъ краѣ оффиціальнымъ языкомъ языкъ той непріятельской державы, отъ которой этотъ край завоеванъ?» Та же газета продолжаетъ: «На банкетахъ держались высокопарныя рѣчи о «западной культурѣ» и о тѣхъ невѣроятно интимныхъ связяхъ, которыя будто бы соединяли финляндцевъ со «шведскою метрополіей». Какая великая держава допуститъ что-либо подобное? Даже Швеція въ финскихъ семьяхъ, живущихъ на ея сѣверѣ, уничтожаетъ финскій языкъ.

«Työmis» отчасти поддержала газета «Uusi Suometar», которая признала, что «нельзя отрицать значенія русскаго языка и его необходимости на нѣкоторыхъ служебныхъ постахъ нашей страны, а также несомнѣнно, что не всегда это требованіе встрѣчало достаточное удовлетвореніе. Когда, требовалось охранять интересы Финляндіи въ совѣщаніяхъ съ властями Имперіи, то часто затруднялись пріисканіемъ подходящихъ представителей съ нашей стороны».

Всѣ остальныя газеты протестовали противъ новой объединительной мѣры. «Fria Ord», по обыкновенію, кричалъ громче другихъ. Кандидатовъ ѣхать въ Имперію учиться русскому языку прозвали ренегатами (что удивило даже «Kölnische Zeitung»).

Когда, послѣ періода реформъ, впервые вновь собрался сеймъ края, онъ счелъ «своимъ главнымъ и непремѣннымъ долгомъ» высказаться по вопросу. Онъ объединилъ и оформилъ всѣ возраженія финляндцевъ противъ русскаго языка. Доводы земскихъ чиновъ признаются въ Финляндіи особенно убѣдительными и непогрѣшимыми. Приводимъ ихъ изъ «великой петиціи» (31 декабря н. ст. 1904 г.) дословно, дабы наглядна была ихъ искуственность и несостоятельность.

«Наряду съ тяжкими испытаніями, которыя народу Финляндіи пришлось перенести, какъ болѣе или менѣе непосредственныя послѣдствія изданія постановленія о воинской повинности, также и другія мѣры, глубоко захватывающія право и культуру страны, вселили въ населеніе печаль и серьезныя заботы. Ознаменовавшій эпоху въ жизни народа трудъ для возвышенія финскаго языка и введенія его въ законныя его права въ областяхъ государственной и культурной жизни наравнѣ со шведскимъ языкомъ, для чего изданы были по-

становленія объ употребленіи финскаго языка въ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ, а также объ открытіи среднихъ учебныхъ заведеній, едва достигъ своего завершенія, какъ воспослѣдовало распоряженіе, которое, если оно не будетъ измѣнено, въ существенной степени, уничтожитъ плоды означенной патріотической реформы. Въ манифестѣ отъ 20—7 іюня 1900 года установляется, что русскій языкъ долженъ вступить взамѣнъ національныхъ языковъ въ дѣлопроизводствѣ Хозяйственнаго Департамента Сената и въ письменныхъ сношеніяхъ центральныхъ присутственныхъ мѣстъ и Губернскихъ правленій съ Генералъ-Губернаторомъ и Сенатомъ. Это распоряженіе нарушаетъ безусловное право народа Финляндіи, также въ отношеніи языка, имѣть національное государственное управленіе и не можетъ быть проведено, не вызывая разстройства и застоя въ правильномъ ходѣ дѣлъ, а также недостовѣрности и замѣшательства въ веденіи управленія. А именно, такъ какъ изъ значащихся по поголовнымъ спискамъ 2,800,000 жителей Финляндіи лишь 8000 имѣютъ роднымъ языкомъ русскій языкъ, то ближайшее знакомство съ этимъ языкомъ въ странѣ рѣдко встрѣчается и также и неосуществимо въ такомъ объемѣ, чтобы производство дѣлъ важнѣйшихъ административныхъ учрежденій страны могло, въ надлежащемъ порядкѣ и со знаніемъ дѣла, происходить на русскомъ языкѣ. Въ поданныхъ въ духовномъ и крестьянскомъ сословіяхъ проектахъ петиціи, между прочимъ, говорится, что письменныя сношенія, между присутственными мѣстами, главнымъ образомъ, относятся до дѣлъ, касающихся интересовъ общинъ и частныхъ лицъ и что письменныя сношенія, уже по этой причинѣ, должны были бы происходить на мѣстныхъ языкахъ. Введеніе русскаго языка въ присутственныхъ мѣстахъ страны должно показаться тѣмъ болѣе обиднымъ для народа, что согласно Высочайшему разъясненію манифеста 1900 г. также и частные просители вынуждены будутъ, въ Выборгской губерніи черезъ два года и въ прочихъ губерніяхъ страны черезъ пять лѣтъ, считая съ 1 января 1904 года, по своимъ дѣламъ, получать исходящія бумаги изъ Сената исключительно на неизвѣстномъ для нихъ русскомъ языкѣ».

Вотъ все, что сказалъ сеймъ in corpore.—Мотивы русской власти оказываются обойденными. Съ ними даже не считались. Пренебрегли также сеймовые чины и положеніемъ, что языкъ является однимъ изъ надежнѣйшихъ средствъ сближенія и культурнаго объединенія народовъ. На введеніе языка многомилліоннаго народа мѣстные дѣятели края взглянули, какъ на кару и насиліе, а нѣкоторые русскіе публицисты (напримѣръ, С. Шараповъ), какъ на политическую ошибку, вредную Россіи.

По адресу Н. И. Бобрикова раздавались и продолжаютъ разда-

ваться нареканія со всѣхъ сторонъ. Противъ русскаго языка, непосредственно за изданіемъ манифеста 1900 г., былъ открытъ цѣлый организованный походъ. Шумъ, поднятый въ краѣ, отозвался во всей Европѣ. Финляндцы хотѣли доказать, что русская власть ихъ денаціонализируетъ, имъ желательно было поднять противъ этой власти общественное мнѣніе Запада. Финляндскими перьями удалось возбудить его вниманіе къ «новому насилію» русскаго правительства, причемъ авторы не гнушались иногда даже явною ложью. Русскій языкъ введенъ былъ только въ дѣлопроизводство сената, а герольды въ печати трубили о томъ, что даже въ засѣданіяхъ торговыхъ и промышленныхъ обществъ примѣнялся исключительно русскій языкъ [209]). Финляндцы апеллировали Европѣ, не желая знать ея исторіи, Европа внимала имъ, забывъ свои прошлыя распоряженія по тому-же дѣлу.

Единство языка озабочивало въ свое время всѣ правительства Запада. Сколько эдиктовъ было издано французскими королями противъ различныхъ мѣстныхъ нарѣчій. Наполеонъ I съ неумолимою суровостію водворялъ французскій языкъ въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Бретани, Эльзаса, Прованса. Въ послѣднее время республиканское правительство Франціи противилось введенію провансальскаго нарѣчія въ школы. Въ Испаніи правительство старалось искоренить каталонскіе и баскскіе нарѣчія и говоры, замѣняя ихъ кастильскимъ языкомъ. Въ Италіи Криспи тюрьмой и штрафомъ воевалъ противъ французскаго языка, желая слышать въ объединенной Италіи родной языкъ. Въ Англіи каждый, носящій мундиръ правительства, или крупной компаніи, долженъ говорить по-англійски. Человѣкъ, враждебный государству, не найдетъ себѣ тамъ мѣста на службѣ.

На склонѣ своихъ дней королева Викторія посѣтила Ирландію. Директора народныхъ ирландскихъ школъ, поддержанные епископами и множествомъ другихъ лицъ, просили о расширеніи программы изученія народнаго ирландскаго языка. Однако, англичане усмотрѣли, что ирландцамъ знаніе англійскаго языка полезнѣе. Этотъ фактъ представляетъ интересъ, въ виду нападокъ англичанъ на мнимое преслѣдованіе русскими мѣстныхъ языковъ въ Финляндіи. Англійское правительство старается изъять изъ обращенія мѣстные языки изъ тѣхъ государственныхъ учрежденій Великобританской Имперіи, гдѣ они еще сохранились. Англійскій языкъ введенъ въ сеймахъ нормандскихъ острововъ, населеніе которыхъ говоритъ на французскомъ языкѣ. На островѣ Мальтѣ англійскій языкъ тоже признанъ оффиціальнымъ языкомъ (съ 22 марта 1899 г.), взамѣнъ итальянскаго. Мальтійцы, конечно, англійскаго языка не знаютъ, почему имъ данъ 15-лѣтній срокъ. У всѣхъ западныхъ правительствъ давно возведено въ непререкаемую истину положеніе, что прочность госу-

дарственнаго организма требуетъ единства языка, а достигается это посредствомъ начальной школы. Въ Эльзасѣ прусское правительство упорно настаиваетъ на нѣмецкой школѣ. Франція закрыла въ Ниццѣ всѣ итальянскія школы и итальянскіе театры, кромѣ одного маленькаго [210]). Англичане, французы, нѣмцы, итальянцы и другіе народы при покореніи новой страны, не дѣлая ни малѣйшихъ уступокъ, сейчасъ же водворяли въ начальной школѣ своего учителя. Такъ именно поступили англичане на Мальтѣ, американцы на Кубѣ; а ранѣе, путемъ школы, Германія онѣмечила Лотарингію и Познань, а Англія добилась того, что въ Ирландіи говорятъ по-англійски.

Россія этого не добивается. Ей желательно лишь, чтобы финны, служащіе въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ края, знали государственный языкъ. Это необходимо въ видахъ крѣпости и сплоченія Имперіи. Въ прочномъ государствѣ нельзя себѣ представить болѣе одного государственнаго языка.

Мѣстные языки въ Финляндіи не вытравлялись, а, напротивъ, языку финскаго народа даны были права гражданства и затѣмъ—именно при Н. И. Бобриковѣ, въ 1903 г.—признана полная равноправность этого языка съ языкомъ шведскимъ.

Николай Ивановичъ не смутился шумомъ, поднятымъ въ Финляндіи и въ Европѣ, такъ какъ правота требованій новаго закона о государственномъ русскомъ языкѣ являлась очевидной.

Стремясь къ скорѣйшему осуществленію объединительныхъ мѣръ, генералъ-адъютантъ Бобриковъ обратился къ мѣстнымъ губернаторамъ съ циркулярнымъ предложеніемъ, которымъ просилъ ихъ съ 1—14 января 1901 года, а не съ 18 сентября 1905 года, какъ указывалось въ III статьѣ манифеста, вести переписку съ генералъ-губернаторомъ и его канцеляріею исключительно на русскомъ языкѣ. Это предложеніе, въ виду его несогласованности съ манифестомъ, осталось однако неисполненнымъ и генералъ-губернаторъ просилъ министра статсъ-секретаря исходатайствовать Высочайшее соизволеніе на соотвѣтствующее измѣненіе манифеста. Но В. К. Плеве весьма категорически высказался противъ подобнаго ходатайства, въ виду того, что манифестъ давалъ право главнымъ управленіямъ и губернаторамъ вести переписку до сентября 1905 г. на мѣстныхъ языкахъ, и что генералъ-губернаторъ не привелъ въ подтвержденіе своего желанія никакихъ новыхъ обстоятельствъ. «Между тѣмъ измѣненіе всякаго узаконенія, а тѣмъ болѣе закона, имѣющаго столь важное принципіальное и политическое значеніе и затрагивающаго столь разнообразные интересы, должно допускаться только при настоятельной въ томъ необходимости»... Кромѣ того, «всякое измѣненіе манифеста 7 (20) іюня могло бы дать мѣстному населенію поводъ сомнѣваться въ незыблемости выра-

женной въ семъ законодательномъ актѣ Монаршей воли». Предложеніе генералъ-адъютанта Бобрикова не было поэтому осуществлено и 15—28 августа 1901 года состоялось Высочайшее повелѣніе съ поясненіями о сношеніяхъ губернаторовъ края съ разными правительственными установленіями [211]).

Въ силу манифеста 7 (20) іюня 1900 г., подъ сводами того окраинскаго учрежденія, въ которомъ почти столѣтіе господствовалъ языкъ чужого государства, раздалась наконецъ русская рѣчь. 9 октября 1903 года въ сенатъ явился генералъ-губернаторъ Н. И. Бобриковъ и открылъ засѣданіе краткимъ словомъ, въ которомъ напомнилъ о Державной волѣ Монарха, вводившаго русскій языкъ, какъ основу русской государственности. Въ распространеніи этого языка генералъ-губернаторъ усматривалъ залогъ успѣха указанной ему съ высоты Престола задачи, скрѣпленія Финляндіи съ русскими губерніями, залогъ счастья самой Финляндіи. «Я увѣренъ—закончилъ онъ,—что при опытномъ и искреннемъ содѣйствіи г.г. сенаторовъ этому святому дѣлу, при обоюдномъ нашемъ другъ къ другу, въ управленіи краемъ, довѣріи, мы справимся со всѣми частными затрудненіями на этомъ пути и русскій языкъ не только будетъ водворенъ въ высшемъ административномъ учрежденіи Финляндіи, но, по его примѣру, постепенно распространится въ подвѣдомственныхъ ему установленіяхъ края». Вице-предсѣдатель хозяйственнаго департамента К. К. Линдеръ привѣтствовалъ отъ имени сенаторовъ предсѣдателя и выразилъ готовность идти единодушно на встрѣчу благимъ начинаніямъ Государя, для достиженія довѣрія Котораго употребятъ всѣ свои силы. «Финны пусть остаются финнами,—писало «Новое Время» (№ 9915) по поводу знаменательнаго засѣданія,—но государственная ихъ жизнь должна течь по одному руслу съ русской, въ полномъ сознаніи, что только въ добромъ и сердечномъ политическомъ единеніи съ великой Имперіей кроется прочнѣйшій залогъ ихъ собственнаго процвѣтанія».

Въ стѣнахъ сената дѣлопроизводство на русскомъ языкѣ понемногу налаживалось. Засѣданія съ участіемъ начальника края были обоюдно полезными Финляндіи и Россіи. Н. И. Бобриковъ относился къ нимъ съ большимъ интересомъ и возлагалъ на нихъ немалыя надежды. Всѣ первыя засѣданія оставили свой слѣдъ въ его письмахъ.

Прошло нѣкоторое время и сенаторы сдѣлали попытку ввести въ новый законъ очень существенное измѣненіе. Они хотѣли получить право сноситься съ общинными учрежденіями и отдѣльными лицами на языкѣ общины или отдѣльнаго просителя. Если бы такое ходатайство было удовлетворено, то тѣмъ самымъ положено было бы начало обратному движенію въ вопросѣ первостепенной важности. Н.

И. Бобриковъ отказалъ въ своей поддержкѣ, понимая, что просьба сенаторовъ вела къ ослабленію значенія манифеста 7 іюня 1900 г., умаляла реформу въ общественномъ мнѣніи края и могла зародить надежду на возможный обходъ только что установленнаго закона. Не мало возлагалось надеждъ на то, что законъ останется мертвой буквой, подобно прежнимъ неоднократнымъ предписаніямъ. «Нужно во всякомъ случаѣ, чтобы эта мѣра осуществлялась въ принципѣ, а затѣмъ уже время облегчитъ пути»,—основательно разсуждалъ одинъ изъ сотрудниковъ Н. И. Бобрикова.

О стойкость Н. И. Бобрикова разбились надежды легковѣрныхъ. «Сенаторы недовольны моими поправками въ ихъ проектѣ по русскому языку. Они вообразили, что рядъ принесенныхъ ими жертвъ въ пользу умиротворенія края давалъ имъ право на льготу исключительную по русскому языку. Въ засѣданіи 8 января, я высказалъ сенату о непоколебимости своей программы, въ ея главнѣйшихъ отдѣлахъ»...

Желаніе финляндцевъ избѣжать требованій по русскому языку легко понять и объяснить. Труднѣе усвоить точку зрѣнія Западной Европы, которая соболѣзновала финляндцамъ, ибо извѣстно, что всѣ изданія, ратовавшія за Финляндію, оправдывали объединительныя и націоналистическія стремленія западно-европейскихъ государствъ.— Тѣже стремленія Россіи они озлобленно порицали. Но и въ средѣ этихъ лицемѣровъ встрѣчаются отрадныя исключенія. Нѣкоторыя независимыя редакціи высказали очень дѣльныя мысли по вопросу о языкѣ.

Финляндцы, заявили они, «сумѣли великолѣпно воспользоваться своимъ временемъ; они пользуются уваженіемъ въ свѣтѣ и даже избалованы имъ. Но слишкомъ увѣренные въ своемъ положеніи, они забыли объ одномъ: они забыли, что ихъ страна составляетъ часть великаго могучаго государства, языкомъ котораго имъ не слѣдовало пренебрегать, а, наоборотъ, поторопиться самимъ ввести его въ школы, раньше чѣмъ это было бы потребовано изъ Петербурга. Во всякомъ большомъ государствѣ... необходимо долженъ быть единый государственный языкъ, понятный всѣмъ чиновникамъ, и благодаря которому возможно установить сношенія между различными народностями. Въ Россіи такимъ языкомъ является русскій, въ Австріи нѣмецкій...

«Именно по той причинѣ, что всѣ Русскіе Цари утверждали финляндскія преимущества и уважали особое устройство управленія страны, финляндцамъ надлежало быть во многихъ отношеніяхъ гораздо болѣе дальновидными. Не слѣдовало цѣнить слишкомъ низко языкъ, которымъ пользуется болѣе 100 милліоновъ; въ одной изъ составныхъ частей государства необходимо было изучать литературу народа, населяющаго все это государство...

«Финляндіи, собственно говоря, не за что быть Швеціи благодар-

ной, развѣ только за то, что она дала финляндскому образованному классу свой языкъ, но настоящимъ финнамъ, самому народу, не приходится быть благодарнымъ Швеціи даже и за это, потому что его звучный старинный языкъ могъ развиться до степени литературнаго языка лишь со времени установленія русскаго господства»... [212]).

Когда датская газета («Politiken»), недоброжелательно относящаяся къ Россіи, начала доказывать, что наше правительство притѣсняло въ Финляндіи народный языкъ и національную жизнь, вызывая сплошной процессъ денаціонализаціи, шлезвигская газета («Flensborgs Avis») возразила, что мѣропріятія Россіи истекали изъ политическихъ основаній. «Во всѣхъ этихъ мѣропріятіяхъ, хотя мы имъ и не сочувствуемъ, все же нѣтъ и признака того, что можно было бы назвать притѣсненіемъ родного языка населенія. Этотъ языкъ пока еще одинъ господствуетъ во всѣхъ церквахъ и школахъ, въ общинныхъ и другихъ представительныхъ собраніяхъ и судахъ. Постановленія манифеста 7 іюля не касаются самого населенія»... «Въ финляндскихъ лицеяхъ (т.-е. гимназіяхъ) въ среднемъ выходитъ лишь по 5 уроковъ русскаго языка въ недѣлю, тогда какъ пруссаки совершенно онѣмечили всѣ городскія и народныя школы сѣвернаго Шлезвига, ибо родной языкъ изгнанъ и не имѣется ни одного урока датскаго языка во всемъ году. Въ Финляндіи какъ разъ наоборотъ. Все ученіе на родномъ языкѣ. Въ то время, когда церкви въ Шлезвигѣ насильственно онѣмечиваются, въ храмахъ Финляндіи господствуютъ лишь мѣстные языки, финскій и шведскій».

VI. Учебныя заведенія.

Н. И. Бобриковъ, ближе ознакомившись съ причинами упорнаго противодѣйствія русскимъ объединительнымъ мѣропріятіямъ, пришелъ къ заключенію, что въ основѣ его лежала школа и воспитаніе молодежи въ духѣ нерасположенія и полнаго отчужденія отъ Россіи. Въ теченіе почти столѣтія русская власть обречена была на бездѣйствіе въ школьномъ вопросѣ. Она могла только неодобрительно взирать на дѣятельность финляндскихъ педагоговъ. Въ виду отсутствія малѣйшаго русскаго надзора за учебными заведеніями Финляндіи, ихъ легко было превратить въ питомники сознательнаго нерасположенія къ Россіи. Въ программахъ все русское систематически или совершенно обойдено, или сокращено до minimum'а; русскіе православнаго вѣроисповѣданія основнымъ закономъ (11 ноября 1889 г.) устранены отъ преподаванія исторіи! Со школьной скамьи подросткамъ внушается нелюбовь и недовѣріе къ русскому, въ его прошломъ и настоящемъ. Школа и воспитаніе явились поэтому главными преградами политическаго и государственнаго сближенія. Отсюда ведутъ свои начала мысли и планы генералъ-адъютанта Бобрикова о «перевоспитаніи» финляндцевъ, о необходимости большей осмотрительности въ выборѣ пособій для класснаго чтенія, о нежелательности, какъ педагогическаго матеріала, стихотвореній Рунеберга о «Фенрикѣ Столѣ», возбуждающихъ нехорошія чувства къ русскимъ.

Думая «о мирномъ закрѣпленіи за Россіей ея Финляндской окраины», и понявъ, что главнѣйшимъ препятствіемъ на этомъ пути являлась мѣстная школа, начиная съ высшей и кончая низшей, онъ записалъ въ свой дневникъ: «Богъ вѣсть что, при отсутствіи русскаго надзора, проповѣдуется въ здѣшнихъ училищахъ о Россіи и отношеніяхъ къ ней Финляндіи. Надо, чтобы молодежь еще въ стѣнахъ школы почерпала знанія, отвѣчающія общегосударственнымъ интересамъ. Чѣмъ это запущенное дѣло будетъ скорѣе распутано, тѣмъ конечно лучше»...

Школа, видимо, не разъ являлась предметомъ его думъ, такъ какъ далѣе въ дневникѣ опять находимъ подчеркнутыя строки о «необходимости перевоспитанія финляндской молодежи».

Николай Ивановичъ Бобриковъ при первомъ же своемъ объѣздѣ края сталъ обращать самое серьезное вниманіе на мѣстныя школы. Онѣ оказались разнообразными, многочисленными и прекрасно обставленными. Мѣстная администрація и общество, сознавшія силу и значеніе школы, давно заботливо и съ любовью относились къ ней, жертвуя для нея значительныя средства. Въ этомъ отношеніи учебныя заведенія края не оставляли желать лучшаго. Но когда онъ взглянулъ на нихъ съ общегосударственной точки зрѣнія, то результаты получились иные.

Въ основу воспитанія всего финляндскаго юношества положена, составленная Захаріемъ Топеліусомъ «Книга о нашей странѣ» «(Boken om vårt land» или «Maamme Kirja»). Въ ней сосредоточены первые уроки по исторіи, географіи, литературѣ и пр. Это маленькая патріотическая энциклопедія «для чтенія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Финляндіи». Книга выдержала уже 17 многотысячныхъ изданій.

На первыхъ же страницахъ дѣтской книги трактуется о «конституціи» Финляндіи, о томъ, что въ основу свободнаго образа правленія края положены Форма Правленія 1772 г., Актъ Соединенія и Безопасности 1789 г., что власть русскаго Монарха-Самодержца въ Финляндіи ограничена, что правителемъ ея является «наслѣдственный Великій Князь» и т. п.

Дѣтямъ Финляндіи съ первыхъ дней внушаются понятія, отдаляющія ихъ мысли и чувства отъ Россіи. Въ книгѣ говорится: ближайшими нашими сосѣдями являются: съ востока Россія, съ запада Швеція и Норвегія, съ юга Эстляндія и Лифляндія, которыя принадлежатъ Русскому Государству». А развѣ Финляндія ему не принадлежитъ? О принадлежности Финляндіи Россіи Топеліусъ не упоминаетъ. «Сношенія съ восточнымъ сосѣдомъ Россіею самыя незначительныя: изъ Россіи привозятъ зерно и муку, когда въ нашей странѣ неурожай». Отношенія не торговыя, вытекающія изъ политической зависимости края отъ Россіи, конечно, обойдены.

Все вниманіе составителя руководства обращено на развитіе любви къ родинѣ и въ этомъ отношеніи матеріалъ подобранъ чрезвычайно старательно. Но патріотизмъ этотъ исключительно финскій, провинціальный, а не русскій. Жители Финляндіи характеризованы «очень храбрыми и воинственными»: «часто,—говоритъ Топеліусъ—они сражались одинъ противъ десяти». Финны представлены со всѣми наилучшими качествами, безъ всякихъ пороковъ. «Финскій народъ —избранное Богомъ орудіе для выполненія Его желаній на землѣ». Языкъ

этого народа «легчайшій для изученія и звучнѣйшій изъ языковъ на землѣ» и въ этомъ отношеніи «подобенъ языку итальянскому».—«Въ немъ нѣтъ совершенно ни тѣхъ отвратительныхъ шипящихъ звуковъ, ни тѣхъ твердыхъ, которые имѣются въ славянскихъ и лапландскомъ языкахъ».

Швеціи расточаются большія похвалы и выражается особая признательность. «Вѣдь Швеція,—говоритъ Топеліусъ,—управляла Финляндіею не только по праву сильнѣйшаго, но еще и вслѣдствіе своей болѣе ранней и зрѣлой образованности... Шведовъ нужно чтить и благодарить за то, что они не хотѣли порабощенія Финляндіи... Послѣ Густава Адольфа Великаго, ни одинъ король не былъ въ Финляндіи такъ любимъ, какъ Густавъ III. Восторгается составитель руководства также Карломъ XII, про котораго пишетъ, что онъ «былъ неподдающійся сравненію витязь войны, болѣе великій, чѣмъ кто-либо другой»... Когда въ 1790 г. шведы опять учились побѣждать, то «на морѣ воевали финскіе моряки и суда сражались на ряду со шведскими одинаково храбро»... «Шведъ со всѣми чужестранцами обходится хорошо, но ничьей руки онъ не пожимаетъ теплѣе, чѣмъ руку финна»...

О русскихъ въ Финляндіи имѣется также статейка въ разсматриваемой христоматіи. «Въ прежнія воинственныя времена населеніе недружелюбно смотрѣло на русскихъ въ этой землѣ, потому что они были тогда врагами; но теперь они являются друзьями, сосѣдями и союзниками... Они хорошо уживаются съ населеніемъ страны. Русскіе прилежны, веселаго нрава, уживчивы и чадолюбивы; они отличаются отъ природы большею живостью, чѣмъ финны, они любятъ музыку и охотно поютъ. Въ ихъ средѣ многіе оказываютъ добро бѣднымъ».

Вотъ лучшія и единственныя строки Топеліуса, посвященныя русскимъ. Если затѣмъ обратиться къ другимъ статьямъ его книги, гдѣ встрѣчаются упоминанія о русскихъ, то впечатлѣніе получается весьма неблагопріятное. Упоминая объ отношеніяхъ русскихъ къ чуди, авторъ утверждаетъ, что «русскіе съ алчностью начали посматривать на сокровища прежняго финскаго племени, начали дѣлать набѣги». Свободолюбивая чудь предпочла «лежать свободною подъ землею, чѣмъ жить рабами на землѣ». Представляя обрывки изъ Великой Сѣверной войны, авторъ указываетъ на то, что Шекинъ хотѣлъ въ гнѣвѣ перебить всѣхъ сопротивлявшихся въ крѣпости Каянѣ въ 1716 г., но ихъ спасъ иноземецъ Маншеймъ. «Русскіе были въ то время грубы и вѣроломны подъ вліяніемъ войны»... Многихъ финновъ замучивали до смерти или принуждали босыми ногами бѣжать по снѣгу за казачьими лошадьми. Города разграбили, Якобстадъ сожгли, въ Улеоборгѣ творили всякіе жестокіе поступки. Въ столкновеніяхъ на поляхъ битвъ русскіе всегда оказывались въ большинствѣ и малочисленные мѣстные отряды финновъ

оказывали чудеса храбрости. Русскіе не рисуются достойными соперниками финновъ. Если въ 1808 г. финны и терпѣли пораженія, то виною тому дурные и неспособные начальники, гр. Мауриць Клингспоръ. Вообще, когда въ разсказахъ приходится сопоставлять русскихъ и финновъ, то первые всегда оказываются съ менѣе привлекательными качествами.

Общій выводъ таковъ, что ребенку не откуда позаимствоваться уваженіемъ къ русскому и нѣтъ основанія быть признательнымъ къ Россіи. Къ взаимности и расположенію книга Топеліуса не ведетъ. Всѣмъ отраднымъ финны обязаны исключительно Швеціи. Таково общее впечатлѣніе получаемое отъ чтенія разсматриваемаго учебника. [213]).

Если отъ книги Топеліуса, предназначенной для первоначальнаго чтенія, обратиться къ учебникамъ, то отъ внимательнаго взгляда не можетъ укрыться та односторонность и небрежность по отношенію къ Россіи, какими отличаются особенно учебники исторіи и географіи финляндскихъ учебныхъ заведеній. Въ 1900 г. въ Гельсингфорсѣ отпечатали, напримѣръ, учебникъ всеобщей географіи, составленный Хультомъ и Нордманомъ (Kansakoulun Mantiede), гдѣ вся географія Россіи умѣщена на 7 небольшихъ страницахъ. При перечисленіи «отдѣльныхъ государствъ» Европы, на первомъ мѣстѣ поставлена Финляндія, затѣмъ Швеція, Норвегія, Франція и т. д. Характеризуя русскій народъ, составители написали между прочимъ: онъ любитъ пить чай съ сахаромъ, охотно ѣстъ кислыя щи, лукъ и огурцы... Въ такомъ же духѣ составленъ учебникъ географіи Э. Лагерблада (изд. 1896 г.). Финляндія конечно выдѣлена въ особое государство.

Таже система замалчиванія Россіи принята мѣстными историками. Всѣ составители учебниковъ исторіи (P. Nordmann, Y. K. Yrjö Koskinen, M. G. Schybergson и др.) поясняютъ судьбу Финляндіи въ томъ духѣ, будто она продолжаетъ быть составною частью Швеціи. Главнѣйшія событія оцѣниваются ими исключительно со шведской государственной точки зрѣнія; поэтому въ ихъ глазахъ до сихъ поръ паденіе Выборга въ 1710 г., пораженіе подъ Полтавой и т. п. являются «несчастіемъ». Русскіе все еще именуются «врагами». Учебники переполняются описаніемъ скандинавскихъ событій, не имѣвшихъ никакого вліянія на Финляндію, а событіямъ, происходившимъ въ Россійской Имперіи, по прежнему, не удѣляется мѣста. Турецкая война 1877—1878 г.г. «не касалась нашей страны», учитъ одинъ изъ современныхъ наставниковъ о царствованіяхъ Императоровъ Николая I и Александра III упомянуто лишь, что обоими Монархами «утверждены основные законы» Финляндіи. Послѣ присоединенія Финляндіи къ Россіи начался новый счастливый періодъ непрерывнаго развитія Финляндіи, но историки ея отказываются ставить событія края въ связь съ событіями новой метропо-

ліи. Въ наиболѣе распространенномъ учебникѣ исторіи Шюбергсона Россіи отведено мѣсто рядомъ съ Польшей, Турціей, Венгріей. Исторія Россіи отъ основанія государства до конца XV вѣка помѣщена на двухъ скудныхъ страничкахъ; тутъ же рядомъ скандинавскимъ государствамъ удѣлено въ десять разъ болѣе мѣста. Для всего московскаго періода дано три страницы и, наконецъ, періодъ съ Петра Великаго до нашихъ дней изложенъ на 6-ти малыхъ страницахъ. Тонъ изложенія неблагопріятенъ Россіи; московскій періодъ опредѣляется, какъ «варварскій». Въ шведскомъ изданіи руководства Паллинъ-Шюбергсонъ о войнѣ 1877—1878 г.г. съ Турціей говорится, что, когда Англія потребовала измѣненія мирнаго договора въ С.-Стефано, «Императоръ Александръ II счелъ за благоразумнѣйшее понизить тонъ». Главный поводъ къ войнѣ указанъ: «страсть Россіи къ завоеваніямъ» (Rysslands äröfrings lust). Германскимъ конгрессомъ «положенъ былъ предѣлъ завоевательнымъ стремленіямъ Россіи».

Когда ученики подростутъ имъ даютъ «Исторію Финляндіи» М. Г. Шюбергсона (въ 2-хъ томахъ). Она еще болѣе тенденціозна и недоброжелательна къ Россіи. Шюбергсонъ рисуетъ Петра В. трусомъ и говоритъ, что онъ, «охваченный страхомъ» передъ военной молвой шведовъ, вернулся изъ Нарвы въ Петербургъ (стр. 515). Въ описаніи Великой Сѣверной войны преобладаютъ указанія на дурныя стороны русскихъ войскъ. Говоря о капитуляціи Выборга (въ 1710 г.), онъ не упоминаетъ тѣхъ причинъ, которыя заставили Петра задержать гарнизонъ, которому обѣщанъ былъ свободный выходъ изъ крѣпости (стр. 589). Сраженіе при Вильманстрандѣ (1741) кончилось избіеніемъ шведовъ въ крѣпости. Шюбергсонъ представляетъ это, какъ картину простого грабежа и дикости. Причина ярости русскихъ скрыта имъ, почему и выходитъ, что и они вели себя, какъ дикіе воины.

Исторія имѣетъ большое воспитательное значеніе. Каковы же будутъ чувства по отношенію къ русскимъ тѣхъ, которые воспитаны указанными книгами?

Слѣдующая книга, которая обязательно вкладывается въ руку подростающихъ—Fänrik Ståls Sägner (Разсказы прапорщика Столя), соч. І. Л. Рунеберга.

«Разсказы прапорщика Столя»—первѣйшее и обязательное руководство и пособіе въ дѣлѣ воспитанія всего финляндскаго подростающаго поколѣнія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ края. Но кромѣ того. «Разсказы» эти—настольная книга каждой семьи. Ихъ можно встрѣтить въ крестьянской избѣ, гдѣ вся библіотека состоитъ изъ нихъ и Библіи. «Прапорщикъ Столь» неизбѣженъ въ театрѣ, при всѣхъ національныхъ торжествахъ. Ни одно празднество не обходится безъ пѣнія его гимновъ и маршей или безъ чтенія его стихотвореній. Финляндія пол-

на «Прапорщикомъ Столемъ»: его всѣ знаютъ наизусть; всѣ проникнуты его духомъ и его взглядами. Рунебергъ — кумиръ края. День его рожденія—національный праздникъ Финляндіи. Онъ одинъ у всѣхъ на устахъ.

Въ «Разсказахъ Столя» передъ нами проходитъ одна боевая картина за другой, картина страданій, разоренія и бѣдствій народа. Тутъ — весь ужасъ войны: страна во всѣхъ направленіяхъ охвачена врагами, которые проникаютъ всюду и грозятъ всѣмъ. Здѣсь убитъ отецъ семейства, тамъ въ крови лежитъ единственная опора сиротъ; дороги изрыты и покрыты трупами, деревни сожжены, все превращено въ пепелъ, всюду ужасъ и пламя, вдали видны могильные кресты, а случайно пощаженные бродятъ нищими и заливаются слезами. Кто эти люди, причинившіе столько горя и мукъ бѣдному финну? Русскіе. Русскіе ураганомъ прошли по странѣ, они опустошили край, проливали кровь отцовъ, они напали здѣсь на престарѣлаго пастыря, увели въ плѣнъ братьевъ, убили жениха. Что можетъ и что долженъ чувствовать къ русскому ученикъ-финнъ, читающій подобные разсказы? Какъ можетъ и какъ долженъ отнестись финнъ юноша къ тому русскому народу, который причинилъ его родинѣ столько бѣдствій! Естественно, что въ его душу западаетъ зерно ненависти и нерасположенія, злобы и досады на источникъ всѣхъ этихъ ужасовъ и несчастій, въ которые повержены были недавно его предки, отторгнутые притомъ еще противъ ихъ воли отъ Швеціи. Если стихотвореніе Рунеберга разсказываетъ о побѣдахъ финновъ надъ русскими, то у ученика-финна является презрительное высокомѣріе къ такому врагу; если же стихотвореніе повѣствуетъ о томъ, что русскіе одолѣли финновъ, то въ ученикѣ-финляндцѣ, кромѣ чувства непріязни и мщенія едва ли можетъ зародиться что-либо иное. Слѣдовательно, съ какой-бы стороны не взглянуть на «Разсказы Столя», представляется очевиднымъ, что въ качествѣ воспитательнаго средства они въ Финляндіи совершенно неумѣстны.

Въ «Разсказахъ Столя» описаны случаи, когда русскіе бѣгутъ отъ финновъ «подобно хищнымъ звѣрямъ» и нападаютъ на финновъ, подобно «стаѣ волковъ». Въ цѣломъ рядѣ стихотвореній встрѣчаются описанія финляндскихъ побѣдъ надъ русскими отрядами. Русскихъ стыдятъ за ихъ неподобающее поведеніе. Говоря это, мы не забываемъ, что среди сборника стихотвореній—«Разсказы Столя»—имѣется перлъ поэзіи, посвященный Як. П. Кульневу.

Финляндскій поэтъ хорошо отозвался о русскомъ воинѣ и прекрасно воспѣлъ его, воздавъ хвалу нашему извѣстному симпатичному герою, имя котораго яркими буквами сверкаетъ на страницахъ отечественной исторіи. Но Кульневъ полное исключеніе среди поэтическихъ портретовъ Дёбельна, Адлеркрейца, Цидена, Сандельса, Свенъ-Дува, Шверина,

Ваденшерна, Эссена, Мунтера, Тёрне, Лоде, Фіанта, Кунова и десятка другихъ, менѣе извѣстныхъ мнимыхъ и дѣйствительныхъ храбрецовъ. Кульневъ почти теряется среди этой галлереи созданныхъ поэтомъ національныхъ героевъ и популярность стихотворенія о немъ среди финновъ, конечно, не можетъ быть сравниваема со стихотвореніями, въ которыхъ воспѣваются остальныя лица. Какъ одна ласточка не дѣлаетъ весны, такъ и это одно стихотвореніе о Кульневѣ не въ состояніи измѣнить общаго впечатлѣнія, получаемаго отъ чтенія «Разсказовъ фенрика Столя». Остальныя-же стихотворенія изъ цикла патріотическихъ «Разсказовъ» Рунеберга неизбѣжно затрогиваютъ русское національное самолюбіе.

Развивать патріотизмъ финновъ, конечно, желательно, но, во-первыхъ, патріотизмъ къ общему политическому отечеству — Россіи, а не патріотизмъ исключительно мѣстный, провинціальный. Кромѣ того, пусть они развиваютъ здоровый патріотизмъ на какихъ угодно воспоминаніяхъ, но только не на воспоминаніяхъ о событіяхъ войны 1808—1809 г., которая рѣшила споръ финновъ съ русскими и опредѣлила новое положеніе края. Чтобы заставить звенѣть струны патріотизма, финскому народу говорятъ въ нашемъ присутствіи: помните, какъ вы сходились грудь съ грудью съ русскими: «помните, какъ вы геройски побѣждали ихъ при Виртѣ, Оравайсѣ, Алаво и другихъ мѣстахъ, подъ командою Дебельна, Адлеркрейца, Сандельса. Этотъ духъ отцовъ еще живетъ въ васъ»: «нашъ народъ умѣетъ еще побѣждать»; «тогда побѣдило мужество финскихъ войскъ и непріятель (т. е. русскіе) побѣжалъ; русская сила была опрокинута, а послѣ битвы генералъ Дебельнъ благодарилъ Бога за побѣду»; «впередъ, впередъ, къ побѣдѣ или смерть», какъ шли вы въ 1808—1809 г., впередъ за «отечество», какъ отстаивали вы его въ послѣднюю войну противъ «насилія» русскихъ . . . Вотъ чѣмъ полны страницы «Разсказовъ Столя», вотъ что поясняютъ финну во всѣхъ школахъ края. «Разсказами Столя» финновъ призываютъ постоять за свою свободу и за свое отечество примѣрами сопротивленія, оказаннаго ихъ недавними предками русскимъ. Финнамъ съ каѳедръ говорятъ, что единственными и постоянными ихъ врагами были мы, русскіе. Политическая тенденція «Разсказовъ прапорщика Столя» очевидна. Финны въ сихъ пѣсняхъ радуются описанію пораженій русскихъ войскъ: они гордятся своими жертвами за Швецію.

Россіи, стремившейся къ Балтійскому морю, пришлось воевать со шведами на финской землѣ и причинить не мало горя населенію Суоми, но послѣ 1809 г. Россія облагодѣтельствовала это населеніе, дала ему, возможность развить свое національное самосознаніе и помогла ему окрѣпнуть и разбогатѣть. Гдѣ же пѣсни объ этихъ заслугахъ завоевателя? Что говорится по этому поводу въ учебныхъ пособіяхъ края?.. Подобнаго вопроса лучше и не касаться...

Рунебергъ, какъ сильный талантъ, далъ общій тонъ стихотворнымъ патріотическимъ изліяніямъ въ Финляндіи и вызвалъ не мало подражателей, которые сочиняютъ «гимны» и «марши» въ томъ же духѣ и направленіи, какъ онъ. Августъ Альквистъ (Оксаненъ) въ своемъ «военномъ маршѣ», напечатанномъ въ 1890 г., зоветъ «молодцовъ Эстерботніи» и «народъ корельскій» къ борьбѣ для изгнанія изъ Финляндіи «насилія». Въ первоначальной же рукописи, которая хранится въ университетскомъ архивѣ, въ припѣвѣ значится: «Русскихъ отсюда прочь!» Рафаэль Херцбергъ также, очевидно, пародируя Рунеберга въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, прочтенныхъ на пѣвческомъ праздникѣ въ Гельсингфорсѣ (въ 1898 г.), воспѣлъ шведское сине-желтое знамя. «Развѣвайся, сине-желтое знамя, развѣвайся гордо и свободно, и оставайся шведскимъ. Для нашего сердца ты всегда было и останешься роднымъ. При Люценѣ и Нарвѣ ты вело насъ къ славному бою; при Сикайоки и при Лаппо тебя до-красна обагрили кровью нашего сердца. Съ радостью наши отцы слѣдовали за тобою повсюду, сражаясь за свободу и за право народа. Воспоминанія объ этомъ не изгладятся и они обовьютъ тебя лавровыми вѣнками. Мы имѣемъ свою долю въ твоихъ побѣдахъ и въ блескѣ твоей славы, поэтому въ предѣлахъ Финляндіи любовь къ тебѣ не угаснетъ и мы съ ликованіемъ, какъ прежде, воспѣваемъ твои цвѣта. Чтобы не сулили вѣка, твой видъ всегда заставитъ финское сердце биться возвышеннѣе».

Въ настоящемъ положеніи Финляндіи для ея населенія нужна иная проповѣдь и въ школахъ, и въ печати. Ей необходима поэзія любви и примиренія. Отзвуки прежнихъ племенныхъ браней должны смолкнуть. Старыя раны надо излечить.

А для этого полезно слѣдовать не указаніямъ Рунеберга, пѣсни котораго въ состояніи вызвать скорбь и непріятныя воспоминанія, а пѣснямъ въ духѣ Пушкина, которыя проливаютъ въ сердца теплоту и радость. По пути, намѣченному Рунебергомъ, финны никогда не сойдутся съ нами, не сблизятся, не станутъ намъ близкими и родными. Лира же нашего великаго поэта миритъ иноплеменниковъ съ русскими. Имѣя въ виду финновъ, Пушкинъ писалъ: «вражду и плѣнъ старинный свой пусть волны финскія забудутъ... и тщетной злобою не будутъ тревожить вѣчный сонъ Петра!» Пушкинъ всею душею стремился къ тому, чтобы обоюдно изречено было «прощенье прошлому, забвеніе былому». Рунебергъ поетъ о прежнихъ племенныхъ распряхъ; у Пушкина иная забота: онъ молитъ Господа возвратить миръ въ озлобленную душу и желаетъ примирить племена, говоря, что инородцы никогда «не услышатъ пѣснь обиды отъ лиры русскаго пѣвца» [241]).

Обзоръ главныхъ учебныхъ пособій и руководствъ съ достаточ-

ной опредѣленностью раскрываетъ значеніе финляндской школы. Факты, идеи и чувства, внушаемыя малолѣтнимъ финнамъ, не могутъ сослужить хорошей услуги для Россіи. Развиваемый въ школахъ воинствующій патріотизмъ и панфиннизмъ не могутъ гармонировать съ интересами Имперіи.

Замѣчательно, что уже нѣсколько разъ изъ финляндскаго педагогическаго міра раздавались голоса противъ пригодности «Прапорщика Столя» въ школѣ. Въ 1897 году на съѣздѣ поднятъ былъ вопросъ о томъ, насколько своевременно, полезно и цѣлесообразно читать въ народныхъ училищахъ «Фенрика Столя». Нѣкоторые тогда вполнѣ основательно и мужественно признали эту духовную пищу не подходящей. «Nya Pressen» подняла ихъ на смѣхъ и требовала для нихъ даже примѣрной административной кары. Тоже повторилось въ 1902 г. «Hufvudstadsbladet» описала годичное собраніе народныхъ учителей абоскаго округа, на которомъ обсуждался вопросъ: «Умѣстны-ли теперь въ народной школѣ «Разсказы прапорщика Столя?» Учитель-докладчикъ требовалъ, чтобы содержаніе произведеній было вполнѣ доступно дѣтскому пониманію. Воинственная храбрость не очень подходитъ къ нашему времени «идеи мира». Въ пѣсняхъ встрѣчаются бранныя слова, почему онъ предложилъ исключить «Столя» изъ народной школы. Комиссія по пересмотру учебниковъ, также предложила изъять изъ употребленія въ школахъ всѣ «Сказанія прапорщика Столя», за исключеніемъ четырехъ.

Другой, послѣ учебниковъ, заботой Н. И. Бобрикова была правильная постановка преподаванія русскаго языка.

Высочайшимъ рескриптомъ Императора Александра I отъ 16 іюня 1812 г. повелѣно было снабдить всѣ училища Финляндіи особыми учителями русскаго языка. Такое распоряженіе стояло въ связи съ требованіемъ знанія русскаго языка, отъ желавшихъ поступить на государственную службу (послѣ 1817 г.). По русскому языку производился публичный экзаменъ, а начиная съ 1846 г., свидѣтельства въ знаніи его выдавались подъ контролемъ генералъ-губернатора. Въ сороковыхъ годахъ замѣтно еще усиленіе нѣкоторыхъ мѣръ по изученію русскаго языка. Но впослѣдствіи, благодаря равнодушію русской и мѣстной власти, занятія русскимъ языкомъ ослабѣваютъ. Познанія въ немъ стали утрачивать даже поселившіеся въ краѣ русскіе люди. Мѣры, если и принимались для его поддержанія, то только на бумагѣ.

7 (20) іюня 1900 г. состоялся Высочайшій манифестъ о введеніи русскаго языка въ дѣлопроизводство нѣкоторыхъ административныхъ учрежденій края. Благодаря этому, вопросъ о надлежащей постановкѣ преподованія русскаго языка въ мѣстныхъ учебныхъ за-

веденіяхъ пріобрѣлъ особенно важное практическое значеніе, чтобы школою не былъ закрытъ финляндцамъ доступъ къ занятію должностей. Произведенная военная реформа также побуждала къ болѣе внимательному отношенію къ государственному языку. Въ виду этого, генералъ-губернаторъ предложилъ сенату (въ октябрѣ 1900 года) принять мѣры для фактическаго осуществленія Высочайшаго повелѣнія. Н. И. Бобриковъ съ своей стороны предложилъ увеличить число уроковъ русскаго языка, усилить надзоръ за его преподаваніемъ и обратить вниманіе на самый методъ его изложенія. Сенатъ ходатайствовалъ поэтому объ учрежденіи двухъ новыхъ должностей инспекторовъ преподаванія русскаго языка и объ усиленіи стипендій для командировокъ въ Имперію по усовершенствованію въ языкѣ. Кромѣ того, постановлено было выдавать частнымъ мужскимъ учебнымъ заведеніямъ пособія изъ казны лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они введутъ у себя такое же число уроковъ русскаго языка, какое будетъ принято въ правительственныхъ реальныхъ лицеяхъ.

Осуществленіе подобныхъ проектовъ потребовало со стороны начальника края большой напряженной работы, такъ какъ мѣстныя власти неохотно соглашались на намѣченныя нововведенія. Потребовалось учрежденіе особой комиссіи для того, чтобы изыскать способы отведенія русскому языку въ программахъ и росписаніяхъ лицеевъ соотвѣтственнаго мѣста и времени. Затѣмъ по тѣмъ же вопросамъ возникла сложная переписка.

Н. И. Бобриковъ глубоко проникся необходимостію возможно широкаго распространенія среди финновъ русскаго языка. Онъ разсуждалъ такъ: Финляндія нераздѣльная часть Россіи; ходомъ историческихъ событій она поступила въ державное обладаніе Имперіи. Ничто такъ ни сближаетъ народности, какъ языкъ. Чѣмъ скорѣе финны ознакомятся съ Россіей путемъ изученія ея языка, тѣмъ легче и спокойнѣе потечетъ ихъ собственная жизнь. Къ тому-же заключенію ведутъ и собственные частные интересы населенія. Финны пользуются полными правами россійскихъ гражданъ; очень значительная часть ихъ давно уже ищетъ себѣ заработка въ предѣлахъ Имперіи; имъ открытъ широкій доступъ ко всѣмъ родамъ службы въ Россіи: имъ нерѣдко ввѣряются важныя общегосударственныя дѣла; они будутъ подлежать наравнѣ съ русскими призыву для защиты отечества. Отсюда очевидна польза для нихъ изученія государственнаго языка.

Въ виду всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ, Н. И. Бобриковъ не могъ не обратить вниманія на преподаваніе въ финляндскихъ школахъ. «До тѣхъ поръ,—писалъ онъ,—пока правительству не удастся взять въ свои руки все учебное вѣдомство края, и не будетъ введенъ строжайшій русскій контроль за учебниками и преподаваніемъ въ мѣстныхъ

учебныхъ заведеніяхъ, нельзя будетъ и думать объ искорененіи сепаратизма».

Генералъ-губернаторъ ставилъ поэтому цѣлью будущаго желаніе сдѣлать русскій языкъ общеобязательнымъ во всѣхъ финляндскихъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ дается среднее образованіе матеріально обезпеченному мѣстному юношеству. «Будущія матери семействъ должны быть такъ же,—говорилъ онъ,—какъ и мужчины, достаточно ознакомлены въ школѣ съ государственнымъ языкомъ: во-первыхъ, онѣ пользуются общественными правами, а во-вторыхъ, имъ придется исполнять въ свое время священный долгъ воспитанія дѣтей въ правильныхъ воззрѣніяхъ на отношенія ихъ родины къ Россійской Имперіи и помогать имъ въ изученіи русскаго языка... Самое распространеніе русскаго языка въ Финляндіи будетъ твердо обезпечено лишь тогда, когда онъ проникнетъ съ женщиной въ мѣстную семью».

Вторымъ послѣдствіемъ изученія школьнаго вопроса Н. И. Бобриковымъ явилось учрежденіе особой комиссіи по пересмотру учебниковъ исторіи и географіи и вообще учебныхъ пособій и книгъ для чтенія въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ. «Не малое значеніе имѣетъ и пересмотръ учебниковъ исторіи и географіи, а то школы являются законными органами распространенія въ краѣ пропаганды», писалъ онъ В. К. Плеве (29 окт. 1900 г.).

Такъ говорилъ Н. И. Бобриковъ послѣ того, какъ ознакомился съ отзывами объ учебникахъ «исторіи Финляндіи». Отзывы приказалъ онъ подать нѣсколькимъ лицамъ, которыя съ разныхъ сторонъ изучали дѣло воспитанія въ краѣ. Сохранились резолюціи Н. И. Бобрикова, набросанныя имъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ прочитаннаго. «Возмущенъ наглостію многихъ мѣстъ, требующихъ скорѣйшаго уничтоженія». «Вотъ гдѣ корень, дающій такіе жалкіе плоды для настоящей молодежи». «Кто составляетъ такую-же записку и по географіи, гдѣ полагаю не менѣе подобныхъ-же злонамѣренныхъ нелѣпостей»?—Первому впечатлѣнію онъ никогда не отдавался. Первые докладчики обыкновенно подвергались провѣркѣ. А такъ какъ серьезное значеніе учебнаго дѣла было очевидно, то онъ приказалъ учредить комиссію.

Ужъ послѣ смерти Н. И. Бобрикова комиссія окончила свои занятія по пересмотру учебниковъ и книгъ для чтенія, употребляемыхъ въ финляндскихъ школахъ по исторіи и географіи. Комиссія признала, что въ учебникахъ географіи не соблюдены подлежащія пропорціи при описаніи Россіи и Финляндіи, и до такой степени недостаточно ясно выражено дѣйствительное отношеніе Великаго Княжества къ Имперіи, что получается основаніе даже сказать: учащимся скорѣе внушается представленіе, будто Финляндія и Россія равнозна-

чущія понятія въ географическомъ смыслѣ. Учебники исторіи также «слишкомъ мало говорятъ о принадлежности Финляндіи къ Россіи и слишкомъ недостаточно касаются того вліянія, которое историческія судьбы Россіи оказывали на историческое развитіе Финляндіи. Напротивъ, слишкомъ много значенія придается историческимъ событіямъ Швеціи и весь составъ учебниковъ исторіи таковъ, что они «въ самомъ началѣ могутъ возбудить у учащихся представленія, будто Финляндія все еще принадлежитъ Швеціи, чѣмъ ослабляется у нихъ сознаніе важности единенія Финляндіи съ Россійской Имперіей»

Не обошелъ Николай Ивановичъ въ школьномъ дѣлѣ и того, что съ перваго взгляда могло казаться мелочнымъ. Онъ нашелъ полезнымъ именовать въ таблицахъ недѣльныхъ уроковъ, въ школьныхъ отчетахъ, въ росписаніяхъ и т. п. русскій языкъ — «государственнымъ». Установилъ періодическую провѣрку каталоговъ общественныхъ библіотекъ и народныхъ читаленъ, съ цѣлью недопущенія въ нихъ нелегальныхъ изданій. Эти изданія въ обиліи и почти открыто предлагались малограмотному населенію. Брошюрки вшивались иногда въ другія книги, чтобы скрыть ихъ отъ властей.

Н. И. Бобриковъ настоялъ на томъ, чтобы въ реальныхъ лицеяхъ число уроковъ русскаго языка было доведено до 40 въ недѣлю. Проведеніе этой мѣры не обошлось безъ борьбы. «Вполнѣ согласенъ съ вами, писалъ Николаю Ивановичу В. К. Плеве (21 іюля 1901 г.), что въ проведеніи русскаго языка слѣдуетъ обнаруживать твердость и настойчивость, прибавлю также и послѣдовательность». И Н. И. Бобриковъ проявилъ всѣ требуемыя качества въ полной мѣрѣ. То, что крѣпко было въ его сознаніи, онъ съ удивительной настойчивостью и послѣдовательностію проводилъ въ жизнь.

Въ дѣлѣ укрѣпленія русской рѣчи, онъ старался уяснить себѣ, насколько было бы полезно преподаваніе исторіи и географіи Россіи на государственномъ языкѣ. Его занимала мысль, что слѣдовало бы въ Сердобольской семинаріи усилить уроки русскаго языка. Онъ думалъ о надлежащей подготовкѣ опытныхъ преподавателей по этому предмету. Онъ замѣтилъ ненормальность того явленія, что одобреніе учебниковъ предоставлено исключительно усмотрѣнію главнаго училищнаго вѣдомства Финляндіи (уставъ 1872 г., §§ 80 и 81), безъ малѣйшаго участія въ подобномъ важномъ дѣлѣ представителей русской власти. Все показываетъ, что онъ охватывалъ вопросъ широко и проникалъ въ него глубоко, но не спѣшилъ съ несозрѣвшими и не вполнѣ разработанными проектами. «Дѣйствуя съ особою осторожностью,—писалъ онъ,—я призналъ возможнымъ» поднять пока только вопросъ о числѣ уроковъ русскаго языка.

Въ дѣятельности учебнаго вѣдомства въ періодъ финляндской

смуты приходится отмѣтить одно далеко неотрадное явленіе. Замѣчено, что въ числѣ агитаторовъ попадались и учителя, которые уговаривали призывныхъ не являться въ воинскія присутствія, устраивали лекціи, собранія и театральныя представленія, съ цѣлью внушенія слушателямъ разныхъ завѣдомо невѣрныхъ свѣдѣній объ угрожающей Финляндіи опасности, и о необходимости защищать ее, такъ какъ она якобы переходила въ другія руки и подъ воздѣйствіе чужого закона. Были преподаватели, содѣйствовавшіе разсылкѣ нелегальной литературы, принимавшіе участіе по сбору подписей на массовыхъ адресахъ и призывавшіе своихъ слушателей къ борьбѣ съ русскими, которыхъ при этомъ обзывали обидными именами. Даже финляндскимъ судомъ одинъ изъ учителей былъ осужденъ за распространеніе прокламацій между учениками въ стѣнахъ школы [215]).

Изъ учебныхъ заведеній края Сердобольская учительская семинарія никогда не отличалась расположеніемъ къ русскому, а напротивъ, всегда обращала на себя вниманіе своей политической дѣятельностію въ Карелiи. Въ 1902 г. состоялся съѣздъ учителей Сердобольскаго округа, на которомъ принята была резолюція содѣйствовать назначенію лишь такихъ учителей, которые будутъ стойки въ противодѣйствіи мѣрамъ русскаго правительства. Но особенно печально, что въ разныхъ мѣстностяхъ Финляндіи школьные ученики принимали участіе въ политическихъ демонстраціяхъ. Газета «Котка Утисетъ» (въ 1903 г.) признала даже необходимымъ напечатать статью («Учителя народныхъ школъ на ложномъ пути»), съ цѣлью выразить порицаніе за раздачу учителями незрѣлымъ мальчуганамъ политическихъ брошюръ.

Наиболѣе причастенъ къ политикѣ почтенный университетъ Гельсингфорса, насчитывающій болѣе 250 лѣтъ службы своей родинѣ.

Его жизнь не лишена привлекательныхъ сторонъ, его студенческія корпораціи пользуются широкими правами, университетская дисциплина хороша; но въ его исторіи за послѣднее столѣтіе политика преобладаетъ надъ наукой. Его выдающіеся профессора извѣстны болѣе, какъ публицисты, чѣмъ ученые. Общимъ девизомъ учащихъ и учащихся оставалась формула Арвидсона: «шведами мы болѣе не можемъ быть, русскими мы не хотимъ быть, такъ будемъ-же мы финнами». На практикѣ это свелось къ служенію идеѣ обособленности отъ Россіи.

Изъ стѣнъ Гельсингфорскаго университета вышла теорія финляндскаго «государства». До шестидесятыхъ годовъ можно было еще встрѣтить въ средѣ профессоровъ такихъ, которые говорили о Финляндіи, какъ о провинціи, но въ послѣднее полустолѣтіе такихъ уже не имѣлось.

Тамъ, гдѣ шла горячая политическая борьба и пропаганда, главными ораторами и дѣятелями обыкновенно выступали профессора

университета. Ни одно движеніе въ краѣ не обошлось безъ ихъ участія. Если обобщить ихъ ученіе, то получится, что источникомъ свѣта и культуры является Швеція, источникомъ мрака и насилія — Россія. Леденящій вѣтеръ, губительные морозы и мрачныя грозовыя тучи неизбѣжно шли въ ихъ описаніяхъ съ «Востока». Упоминанія о благодѣяніяхъ, коими Россія осыпала Финляндію, отыскиваются въ ихъ рѣчахъ съ большимъ трудомъ, какъ величайшая рѣдкость

Университетское начальство считало студентовъ предназначенными къ распространенію въ народѣ политическаго ученія. Интересъ къ политической жизни въ студентахъ поддерживался ректорами и профессорами. Для проведенія извѣстныхъ политическихъ воззрѣній въ среду академической молодежи ректора обыкновенно пользовались тѣми рѣчами, кои принято было произносить передъ семестрами. «Политическія условія нынѣшняго положенія не могутъ быть оставлены университетомъ безъ вниманія» — такова формула всѣхъ послѣднихъ ректорскихъ рѣчей (Я. Форсмана, Hjelta). Общество аплодировало политическимъ выходкамъ молодежи. Не всѣ, конечно, руководители учебныхъ заведеній края сочувствовали такому новому направленію. Но протесты противъ неумѣстнаго политиканства дѣлали ихъ мучениками своихъ убѣжденій, ибо благоразумнымъ голосамъ мало кто желалъ внимать въ дни общаго броженія. Гласомъ вопіющимъ въ пустынѣ оставались также заявленія тѣхъ, которые указывали, что молодежь воспитывается въ послѣднее время въ презрѣніи къ авторитетамъ и въ пренебреженіи къ церкви.

Во время смуты послѣднихъ лѣтъ можно было видѣть студентовъ мчавшимися съ прокламаціями и адресами-протестами на велосипедахъ по городамъ. Они появлялись у призывныхъ присутствій въ деревняхъ и раздавали нелегальныя изданія народу. Они отклоняли другихъ отъ исполненія воинской повинности и сами не являлись къ призыву. Въ 1902 г. изъ 195 студентовъ явилось только 25; въ 1903 г. изъ 256 призывавшихся лицъ съ высшимъ образованіемъ уклонилось 120 ч. Національный домъ Нюландскаго землячества служилъ излюбленнымъ мѣстомъ сборищъ для всякаго рода протестовъ. Безъ студентовъ не обошлась, вѣроятно, ни одна манифестація и демонстрація. Установлено, что двое изъ профессоровъ принимали участіе въ выработкѣ текста массоваго адреса 1901 г. Лѣтнія чтенія, которыми студенты въ свое время приносили пользу населенію, превратились теперь въ сообщенія, преслѣдовавшія цѣли, неудобныя съ правительственной точки зрѣнія. Замѣчено было, что эта популярная проповѣдь сепаратизма усилилась въ періодъ броженія. «Мое заключеніе о вредѣ университетской просвѣтительной дѣятельности народа основано на пережитомъ опытѣ, — писалъ генералъ-губернаторъ къ канцлеру. Чтенія студентовъ давно

уже приносили вредъ и поэтому слѣдовало бы отъ нихъ отдѣлаться ради чисто русскихъ интересовъ». Мнѣ доложили «о правѣ студентовъ непосредственно участвовать въ святомъ дѣлѣ просвѣщенія народа. устраивая для того сборища и навѣщая крестьянъ въ хижинахъ. Если бы эти сходки не обращались въ революціонныя, разумѣется, я не поднималъ бы вопроса объ ихъ реорганизаціи» . . . Пресѣчь это злоупотребленіе было не легко. Пытались учредить контроль за темами лекцій, но онъ свелся къ пустой формальности, въ виду возможности легкаго его обхода. Полное же воспрещеніе чтеній было бы оглашено, какъ отрицательное отношеніе власти къ заботамъ образованныхъ людей служить дѣлу народнаго просвѣщенія.

Въ виду временнаго воспрещенія учреждать новыя общества съ образовательными цѣлями, въ газетахъ выражена была надежда, что «политическое воспитаніе» финскаго народа будетъ осуществлено при помощи лекцій студентовъ во время лѣтнихъ вакацій. Но такъ какъ о лекціяхъ нужно было заявлять куратору или инспектору своего землячества, то печать сейчасъ же явилась съ совѣтами и рекомендовала средство для обхода установленныхъ формальностей. Вмѣсто чтеній предлагалось производить бесѣды и разсужденія. Воздѣйствіе дома и на работѣ «не можетъ встрѣтить противодѣйствія съ внѣшней стороны» (Uusi Maa). Предлагали, кромѣ того, воздѣйствовать народной пѣсней, удобными брошюрами и газетами. «Воспряньте сыны и дочери Суоми для весенней работы». «Въ общности образованія лучшее наше оружіе противъ угрожающей намъ опасности». (Kotka Nyheter). «Nya Pressen» писала тогда-же: «Въ области духовной жизни, какъ и въ борьбѣ съ невзгодами природы, необходимо основательно приготовлять народъ къ грядущему, ибо, въ противномъ случаѣ, если мы не выкопаемъ достаточно глубокихъ канавъ, одна морозная ночь можетъ уничтожить все»... Этотъ намекъ понимался въ краѣ всѣми.

Чтобы смягчить неблагопріятное для русскаго дѣла направленіе, господствовавшее въ университетской жизни, Н. И. Бобриковъ предложилъ нѣсколько мѣръ, касавшихся вопросовъ о канцлерѣ и новыхъ каѳедрахъ. «Университетъ крайне распущенъ въ политическомъ отношеніи и назначеніе русскаго канцлера совершенно необходимо», — писалъ онъ 17 сентября 1900 г. къ В. К. Плеве. Роль канцлера въ университетской сферѣ очень значительна. Финляндцы въ политическихъ своихъ видахъ давно уже добивались назначенія канцлеромъ университета Наслѣдника Цесаревича, желая такимъ образомъ получить новую возможность вліянія на отношенія Верховной власти къ дѣламъ Финляндіи. Указанная мысль принадлежитъ епископу Тенгстрему, который (въ февралѣ 1815 г.) подготовлялъ такимъ путемъ сильную опору для края у Трона. Первымъ канцлеромъ былъ Сперанскій; его замѣ-

нилъ гр. Г. М. Армфельтъ. Съ 1900 по 1904 г. канцлерскую должность занималъ В. К. Плеве. Но такъ какъ онъ обремененъ былъ другими должностями, то неоднократно возникалъ вопросъ о его замѣстителѣ. Подумывали подыскать подходящихъ русскихъ людей на должности канцлера и вице-канцлера. Въ одно время шла рѣчь о назначеніи канцлеромъ университета министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова.

Русское вліяніе послѣднихъ лѣтъ сказалось въ томъ, что въ Гельсингфорскомъ университетѣ положено открыть на юридическомъ факультетѣ ординарную каѳедру русскаго государственнаго права и исторіи русскаго права, а въ историко-филологическомъ отдѣлѣ философскаго факультета—ординарную каѳедру исторіи Россіи и русскаго государствовѣдѣнія. Утверждая этотъ проектъ, Государь Императоръ соизволилъ выразить увѣренность, что преподаваніе этихъ предметовъ будетъ проникнуто стремленіемъ воспитать въ финляндскомъ юношествѣ преданность Престолу и добрыя чувства къ Россіи.

Этими разрозненными распоряженіями Н. И. Бобриковъ не могъ ограничиться. Въ то же время законъ устранялъ начальника края отъ всякаго контроля и вмѣшательства въ дѣла финляндскихъ учебныхъ заведеній. Прежніе генералъ-губернаторы мирились съ такимъ положеніемъ; но Н. И. Бобриковъ ужаснулся за будущее. И чтобы впредь вопросъ о школѣ не заглохъ, чтобы равнодушіе и невниманіе не повторялись въ прежнемъ грандіозномъ размѣрѣ, къ дѣлу первостепенной важности, и чтобы финляндскія власти не могли продолжать одни хозяйничать въ учебной области, Н. И. Бобриковъ ввелъ въ новую инструкцію генералъ-губернатору (26 марта 1903 г.) особую статью, обязывавшую его имѣть «общій надзоръ за всѣми финляндскими учебными заведеніями». Мало того; «направляя учебное дѣло въ духѣ преданности Государю Императору и Россіи», генералъ-губернаторъ обязанъ, лично или при посредствѣ состоящихъ при немъ должностныхъ лицъ, удостовѣряться «въ надлежащей постановкѣ въ означенныхъ учебныхъ заведеніяхъ преподаванія и воспитанія».

VII. Преобразованія.

....будущее оправдай во мнѣніи
грядущихъ отъ благодарныхъ современниковъ
Сенатъ.

Изъ письма Н. И. Бобрикова отъ 22 сент. 1901 г.

«Сенатъ намъ противодѣйствуетъ явно и тайно, а о медленности дѣлопроизводства и говорить нечего. Что можно сдѣлать въ день, они дѣлаютъ въ годъ». «Все, что ему не по вкусу, онъ затягиваетъ въ разсчетѣ на забвеніе и перемѣну курса. Вѣдь онъ ободрялъ прессу и поощрялъ демонстраціи. Вѣдь онъ отправилъ въ Петербургъ депутацію, имѣвшую цѣлью просить Государя объ отмѣнѣ или пересмотрѣ манифеста». «Безцеремонность сената просто поразительна. До сихъ поръ никто не подтягивалъ этотъ грозный мѣстный органъ, предъ которымъ подчасъ трепетали даже и генералъ-губернаторы». «Благоволите обратить вниманіе, что Высочайше одобренное и даже утвержденное узаконеніе сенатъ осмѣливается именовать нецѣлесообразнымъ». Таковъ былъ сенатъ, по словамъ Н. И. Бобрикова, въ первый періодъ его управленія Финляндской окраиной [216]).

Наибольшее противодѣйствіе сената выразилось въ нежеланіи опубликовать нѣкоторые новые законы. Обнародованіе манифеста и вообще Высочайшихъ повелѣній въ сущности простая формальность для сената, а между тѣмъ сенаторы смотрѣли на себя, какъ на какихъ-то верховныхъ вершителей судебъ края. Въ то же время сенатъ боялся навлечь на себя упрекъ сейма или общественнаго мнѣнія и совершенно забывалъ, что именуется Императорскимъ, почему является обязаннымъ охранять общегосударственные интересы и повелѣнія Монарха [217]). Прежде сенатъ никогда не прибѣгалъ къ подобнымъ способамъ противодѣйствія правительству. Раньше онъ единогласно постановлялъ

печатать такіе акты, какъ манифестъ 1860 г. о созывѣ январской комиссіи, постановленіе 1890 г. объ объединеніи почтовой части и т. д. Произошла, слѣдовательно, крутая перемѣна въ политическихъ воззрѣніяхъ его членовъ.

Въ 1900 г., когда нужно было опубликовать манифестъ о русскомъ языкѣ, трое сенаторовъ воздержались отъ голосованія, а шестеро немедленно подали въ отставку. На подобный отказъ сената обнародовать манифестъ за границей взглянули, какъ на вызовъ сдѣланный Россіи [218]).

Сенатъ—исполнительный органъ; но когда онъ вышелъ на путь протеста, то мѣстныя газеты старались придать ему иное, болѣе существенное значеніе. По мнѣнію «Nya Pressen» сенатъ являлся коллегіей совѣтниковъ Монарха и кромѣ того высшей административной властью края «съ обязанностію обнародывать и исполнять повелѣнія Монарха, но лишь по скольку они согласованы съ законами Финляндіи». «Hufvudstadsbladet» усмотрѣла въ сенаторахъ «уполномоченныхъ» финскаго народа... «Должностное лицо не есть слуга ни царя, ни народа, но довѣренное лицо ихъ обоихъ. Его обязанности къ своему народу не меньше, чѣмъ къ Монарху», поясняла редакція. Развивая далѣе идею возвеличенія должностныхъ лицъ, мѣстная печать усмотрѣла въ нихъ «толкователей законныхъ правъ народа передъ Монархомъ».

Генералъ-губернаторъ Н. И. Бобриковъ не далъ увлечь себя новыми софизмами и взглянулъ на дѣло съ иной точки зрѣнія. По его мнѣнію, сенатъ и сеймъ своимъ поведеніемъ «сами подставили себя подъ удары, которые и надлежало имъ нанести безъ потери времени». Сенатъ въ это время возбудилъ неудовольствіе также и В. К. Плеве... «Я берусь доказать юридическимъ аргументомъ—писалъ онъ Бобрикову (19 іюня 1900 г.),—что слово мятежъ вполнѣ примѣнимо къ дѣйствіямъ сената». Замѣчено было также, что сенатъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ помѣстилъ дифирамбъ въ честь мѣстной печати, которая вызывала карательныя мѣры со стороны генералъ-губернатора.

При такихъ условіяхъ, преобразованіе этого учрежденія напрашивалось само собою. «Сердечное мое убѣжденіе, писалъ Н. И. Бобриковъ, клонится къ необходимости коренной реформы сената съ постепеннымъ введеніемъ русской администраціи, такъ какъ финляндцы боятся бойкота сородичей» [219]). Борьба съ сенатомъ создала нѣсколько новыхъ плановъ, а отчасти заставила припомнить прежнія предположенія, которыя были высказаны еще при Императорѣ Александрѣ I; а именно, объ обращеніи судебнаго департамента въ высшій судъ, а хозяйственнаго—въ совѣтъ генералъ-губернатора... «Въ Финляндіи не

должно быть двухъ генералъ-губернаторовъ: я или сенатъ, но мы не можемъ стоять на одной ступени», настаивалъ Н. И. Бобриковъ. Въ одно время возникла мысль перенести центръ тяжести подготовительныхъ законодательныхъ работъ въ Петербургъ. Къ этому проекту В. К. Плеве склонялся и Н. И. Бобриковъ [220]). Затѣмъ имѣлось въ виду ввести въ сенатъ русскаго финансиста, соединить должность вице-предсѣдателя съ должностію помощника генералъ-губернатора и т. п. А такъ какъ нѣкоторые прокуроры вели себя, какъ «старые подъячіе», то возникло еще предположеніе «пріучить финляндцевъ обходиться безъ прокурора, замѣнивъ его юрисконсультскою должностію при канцеляріи генералъ-губернатора» [221]).

Всѣ подобные проекты роились въ умахъ нашихъ государственныхъ мужей въ то время, когда сенатъ стоялъ въ полной оппозиціи ко всѣмъ объединительнымъ мѣропріятіямъ русскаго правительства. Былъ даже моментъ, когда уже Н. И. Бобриковъ намѣтилъ русскихъ кандидатовъ въ сенатъ, но самъ же пріостановилъ ихъ назначеніе, какъ только замѣтилъ нѣкоторое успокоеніе въ сенатѣ. «Введеніемъ въ его составъ русскаго человѣка не хочу нарушать устанавливающагося со мною согласія», писалъ онъ [222]). Обыкновенно мѣстные кандидаты въ сенаторы говорили, что не боятся бойкота, что готовы служить Монарху, честно ограждая общегосударственные интересы и т. п. Но они далеко не всегда оставались вѣрными данному слову [223]).

Печать убѣжденіями, а агитаторы бойкотомъ и угрозами побуждали членовъ «мѣстнаго правительства» къ протестамъ и даже отставкамъ. Единства во взглядахъ и дѣйствіяхъ въ этомъ отношеніи однако не существовало. Все дѣлалось въ зависимости отъ обстоятельствъ. Сегодня газеты проповѣдывали одно, а завтра — другое. «Съ точки зрѣнія общественнаго блага, оставленіе должности можетъ быть равносильно побѣгу съ отвѣтственнаго поста и справедливо порицается обществомъ», писала одна газета, а когда нужно было поставить преграду новому закону, то та же печать настаивала на поголовной отставкѣ сенаторовъ и губернаторовъ [224]). Очевидно, что всѣ средства одобрялись, лишь бы ими создать противодѣйствіе русскому правительству.

Сенатъ стоялъ ближайшимъ къ начальнику края; генералъ-губернаторъ ежедневно приходилъ въ соприкосновеніе съ нимъ и потому необходимо было найти условія сносной совмѣстной работы. Одному изъ нихъ нужно было уступить. На этотъ разъ сдалъ сенатъ, послѣ нѣсколькихъ перемѣнъ въ составѣ его членовъ. Оцѣнивая поведеніе новаго сенатора, генералъ-губернаторъ прибавилъ: «будущее Финляндіи во многомъ зависитъ отъ благоразумія современнаго сената».

«Настроеніе современнаго сената много лучше» — писалъ Н. И. Бобриковъ 5 ноября 1901 г. «Преслѣдованіе двухъ пасторовъ ини-

ціативою сената, епископовъ и церковнымъ судомъ вполнѣ одобряю. Такой путь, въ случаѣ удачи, покажетъ Государю, что среди мѣстной администраціи имѣются честные, благоразумные и преданные Его Величеству лица». «Съ современнымъ сенатомъ живу хорошо и такой результатъ достигнутъ, конечно, не моими уступками, а справедливостью и безпристрастіемъ», заключалъ не безъ основанія Н. И. Бобриковъ [225]).

Прошло болѣе года. Дѣлопроизводство сената происходило уже на русскомъ языкѣ и генералъ-губернаторъ занялъ въ немъ первенствующее положеніе. Почти сто лѣтъ господства въ немъ чуждаго языка сдѣлало изъ сената совершенно замкнутое для насъ учрежденіе. Усиліями Н. И Бобрикова оно было, наконецъ, открыто и впервые представитель русской власти вошелъ въ него полноправнымъ хозяиномъ.

Государственное значеніе этой реформы не подлежитъ сомнѣнію. Россія исправила прежнюю оплошность и внесла въ Финляндію духовное знамя своей государственности. Честь этого важнаго дѣла принадлежитъ Н. И. Бобрикову! Если бы онъ болѣе ничего не сдѣлалъ на Финляндской окраинѣ для русскаго дѣла, то и тогда сохраненіе его имени въ исторіи было бы обезпечено.

9-го октября 1903 года Николай Ивановичь Бобриковъ самъ впервые предсѣдательствовалъ въ сенатѣ, гдѣ уже всѣ доклады дѣлались на русскомъ государственномъ языкѣ. Отношеніе Николая Ивановича къ сенату живо отразилось въ его письмахъ. «Сегодня (9 октября 1903 г.) засѣдалъ въ сенатѣ отъ 11 до 2-хъ. Впечатлѣніе хорошее». «Засѣдалъ еще разъ въ сенатѣ и всѣ сенаторы видимо сознаютъ пользу отъ болѣе живого моего въ дѣлѣ участія. Дѣла, прошедшія въ общегосударственныхъ интересахъ, доставили мнѣ тѣмъ не малое удовлетвореніе» «Участіе мое въ сенатѣ идетъ пока успѣшно и для края плодотворно. До сихъ поръ разногласія не было». «Засѣдалъ въ сенатѣ уже четыре раза и пропустилъ свыше 120 дѣлъ» (3 ноября 1903 г.). «Я доволенъ сенаторами и думаю, что они не очень противъ меня» (16 ноября 1903 г.). Еще ранѣе, а именно въ мартѣ того же года, Николай Ивановичъ писалъ: «На сенатъ жаловаться теперь не могу, но бѣда въ томъ, что противъ него интригуютъ шведоманы, разсчитывающіе смѣнить финномановъ и упускающіе изъ вида, что ихъ управленіе сопровождалось для Финляндіи великимъ зломъ». «Отношенія мои къ сенату вполнѣ дружественны»... «На меня нѣсколько претендуютъ за русское дѣлопроизводство въ сенатѣ, но косые взгляды все-таки не портятъ взаимныхъ добрыхъ отношеній».

Противодѣйствія сената дѣлу распубликованія новыхъ законовъ

вызвали нововведеніе. Явился законъ о томъ, что впредь распоряженія объ обнародованіи исходятъ отъ генералъ-губернатора [226]).

Затѣмъ въ административномъ управленіи края обнаружена была недостаточная точность въ разграниченіи власти генералъ-губернатора и сената. Это повело къ пересмотру части постановленія о сенатѣ и всей инструкціи генералъ-губернатору.

Едва Финляндія была присоединена къ Россіи, какъ Державный Покоритель ея учредилъ (19-го ноября 1808 г.) должность финляндскаго генералъ-губернатора, вопреки шведской Формы Правленія 1772 г., воспрещавшей назначеніе подобныхъ административныхъ лицъ въ областяхъ государства (§ 33). Въ рескриптѣ, данномъ на имя перваго финляндскаго генералъ-губернатора Спренгтпортена, сказано было, что на него возлагается управленіе «по гражданской части» края. Вступая въ должность, Спренгтпортенъ объявилъ въ особомъ циркулярѣ, что на начальника края возложено имѣть «высшее законное попеченіе» о благѣ населенія. Графъ Барклай-де-Толли, назначенный вскорѣ (25-го іюня 1809 г.) на мѣсто Спренгтпортена, былъ не вполнѣ доволенъ тѣми инструкціями и регламентами, которыми устанавливались права и взаимныя отношенія генералъ-губернатора и совѣта (сената). Барклай-де-Толли находилъ учрежденіе совѣта вовсе ненужнымъ, а что касается власти генералъ-губернатора, то онъ остался при убѣжденіи, что лучше было вовсе не создавать ея, нежели имѣть таковую въ Финляндіи безъ необходимыхъ полномочій. Инструкція (1812 г.), данная начальнику края, была изложена въ общихъ, недостаточно опредѣленныхъ, выраженіяхъ, но одно не подлежало сомнѣнію, что управленіе Финляндіей, если и ввѣрялось совѣту, то «подъ надзоромъ генералъ-губернатора», о чемъ послѣднему и было выражено въ рескриптѣ уже 14-го сентября 1810 г.

Этотъ принципъ не понравился финляндцамъ и они упорно и послѣдовательно принялись за уменьшеніе генералъ-губернаторской власти и, надо сказать правду, къ намѣченной цѣли шли очень искусно и добились того, что роль генералъ-губернатора свелась лишь къ одному внѣшнему представительству и къ передачѣ, со своими заключеніями, въ статсъ-секретаріатъ постановленій сената. Самой инструкціи они не трогали, а увеличили власть сената или путемъ постепеннаго расширенія его полномочій, или законоположеніями по разнымъ отраслямъ управленія. Результаты сказались впослѣдствіи. По закону 1849 г. генералъ-губернаторъ давалъ разрѣшеніе на учрежденіе новыхъ частныхъ школъ; въ 1856 г. это право стало зависѣть отъ сената, а въ 1892 г. было окончательно и всецѣло закрѣплено за нимъ. Еще примѣръ. Въ силу порядка 1851 г. губернаторы предавались суду единственно по распоряженію генералъ-губернатора; а

въ 1862 г. оно отмѣнено и гофгерихтамъ предписано было лишь увѣдомлять начальника края о дѣлахъ, возбужденныхъ противъ губернаторовъ. Подобныхъ примѣровъ немало.

Когда затѣмъ финляндскій статсъ-секретаріатъ почувствовалъ свое положеніе достаточно прочнымъ и сильнымъ, онъ задумалъ совершенно отстранить генералъ-губернатора отъ предсѣдательствованія въ сенатѣ,—этомъ главномъ учрежденіи Финляндіи. Дѣло было такъ. Въ декабрѣ 1864 г. тайный совѣтникъ Кронстедтъ получилъ изъ статсъ-секретаріата увѣдомленіе (за № 283) о томъ, что подъ его предсѣдательствомъ учреждается комиссія по преобразованію сената. Для руководства комиссіи гр. Ал. Армфельтъ составилъ очень радикальную программу, въ которой указывалось, что члены сената избираются исключительно изъ финляндскихъ уроженцевъ, что изъ судебнаго департамента необходимо организовать верховный судъ, что генералъ-губернаторъ «перестаетъ быть предсѣдателемъ сената», что министру статсъ-секретарю «одному предоставляется сообщать сенату Высочайшія повелѣнія» и т. п.

Генералъ-губернаторъ баронъ Рокасовскій, случайно узнавшій о затѣѣ финляндскихъ политиковъ, поспѣшилъ представить свое объясненіе. «Для меня какъ ни дороги интересы финляндцевъ къ правильному ихъ развитію и благоденствію края,— писалъ, онъ,— но не могу этого желать въ ущербъ интересовъ Имперіи». Баронъ Рокасовскій попялъ, что въ «предполагаемомъ преобразованіи сената, съ назначеніемъ финляндскаго уроженца предсѣдателемъ онаго, повидимому, главная цѣль заключается въ уничтоженіи вліянія генералъ-губернатора на дѣла управленія». Новый порядокъ поставилъ бы, по его словамъ, генералъ-губернатора «въ фальшивое положеніе» и окончательно лишилъ бы его возможности «добросовѣстно исполнять свои обязанности». Въ заключеніе онъ добавилъ: «Въ послѣднее время многое измѣнилось въ здѣшнемъ обществѣ, явились новыя понятія о самостоятельности края, стремленіе къ сепаратизму и неуклонное желаніе обезпечить будущность. Испрошены были мало-по-малу и систематически разныя уступки, сами по себѣ незначительныя, но которыя наконецъ довершили отдѣленіе Великаго Княжества отъ Имперіи».

Проектъ преобразованія сената на сей разъ былъ отклоненъ, но финляндцы не прекратили своихъ домогательствъ по уменьшенію власти генералъ-губернатора. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучительна та полемика, которая разновременно велась между финляндскими газетами прежняго времени. Въ восьмидесятыхъ годахъ онѣ высказались очень откровенно. Онѣ разговаривали между собою, какъ это дѣлаютъ иногда взрослые, увѣренные, что дѣти не понимаютъ ихъ намековъ. Но дѣти подросли. Въ 1881 г. газета «Uusi Suometar» предложила реформу, съ

цѣлью поднять значеніе генералъ-губернатора, поставить его ближе къ Монарху, а изъ сената создать нѣчто въ родѣ совѣщательнаго учрежденія при начальникѣ края. Прибавимъ кстати, что проектъ былъ не новый; сенаторъ Ротчиркъ предлагалъ нѣчто подобное уже въ 1812 г. Тѣмъ не мѣнее на «Uusi Suometar» сильно обрушились мѣстные руководители политики края того времени. Послѣ того вопросъ о положеніи начальника края неоднократно подымался въ мѣстной печати, которая усвоила себѣ воззрѣніе, что генералъ-губернаторъ «лишнее колесо» въ административной машинѣ Финляндіи. «По духу нашихъ законовъ ему не слѣдуетъ подавать особыхъ мнѣній»; онъ не болѣе какъ предсѣдатель высшаго административнаго учрежденія края; онъ принесъ бы большую услугу, совершенно устранивъ себя отъ дѣлъ, иначе остальные высшіе чиновники края поставлены будутъ въ необходимость отстаивать противъ него интересы края; «генералъ-губернаторъ не составляетъ какой-либо власти, имѣющей право входить въ сношенія съ Монархомъ безъ сената и помимо министра статсъ-секретаря»; дѣйствительнымъ совѣтникомъ Великаго Князя является сенатъ; генералъ-губернаторъ не есть также представитель русской власти; представителемъ государственной власти, если разсматривать вопросъ съ конституціонной точки зрѣнія, можетъ быть только нашъ монархъ Великій Князь Финляндскій; власть, которую проявляетъ въ краѣ генералъ-губернаторъ, можетъ принадлежать ему лишь какъ финляндскому чиновнику Монарха». Вотъ въ какомъ духѣ высказались главные органы печати Финляндіи. Установившееся въ краѣ воззрѣніе пытались кодифицировать въ комиссіи А. фонъ-Вейсенберга (въ 1886 г.), а также Л. Мехелинъ въ своихъ лично измышленныхъ «Основныхъ Законахъ», напечатанныхъ имъ въ 1898 году.

Вотъ съ какими теченіями пришлось встрѣтиться Н. И. Бобрикову. Кромѣ того, по инструкціи 1812 г. «генералъ-губернаторъ по званію его есть главноуправляющій гражданскою исполнительною властью». Въ то же время въ постановленіи 1892 г. (№ 30) читаемъ, что «главное внутреннее управленіе Финляндіи» ввѣрено сенату. Создалась двойственность власти, которая оказалась крайне вредной при тѣхъ воззрѣніяхъ, которыя усвоены финляндцами. Все это особенно почувствовалось въ послѣднее время, когда наше правительство твердо рѣшило осуществить государственно-политическое объединеніе Финляндіи съ Россіей, оставивъ финнамъ ихъ внутреннее самоуправленіе. Приходилось разрѣшить вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ генералъ-губернатора и сената. Съ одной стороны положеніе перваго низведено было за истекшее столѣтіе до такой степени, что любому сенатору и губернатору легче было проводить въ подвѣдомственныхъ имъ частяхъ свои цѣли и желанія, чѣмъ генералъ-губернатору. Прокуроръ сената, замѣтивъ его уклоненіе отъ требованій законовъ, имѣлъ право дѣлать ему «за-

мѣчанія»![227]) Съ другой стороны генералъ-губернаторъ является единственнымъ и высшимъ представителемъ русской власти въ краѣ; онъ непосредственно зависитъ отъ Монарха и лично имъ руководится; генералъ-губернаторъ—единственное звено, связующее Финляндію съ Россіей, единственный контролеръ нашей окраины, проводникъ и исполнитель русскихъ государственныхъ и національныхъ воззрѣній и задачъ. Все это требовало для него соотвѣтственнаго устойчиваго и высокаго положенія, а также широкихъ полномочій. Его главное значеніе истекало изъ положенія, какъ власти государственной, а не мѣстной. Отъ него долженъ исходить починъ полезныхъ съ общегосударственной точки мѣропріятій. Онъ обязанъ направлять дѣла окраины въ общегосударственное русло Имперіи. Для этого нужна была извѣстная самостоятельность. По первоначальной мысли Императора Александра I, выраженной въ «Положеніи» отъ 19 ноября 1808 г., въ генералъ-губернаторѣ желали видѣть нѣчто еще большее, ибо «онъ, какъ избранная Государемъ особа, управляя всею землею по закону и довѣренности, ему данной, одинъ отвѣтствуетъ за хорошее устройство, порядокъ и правосудіе»; для сего ему подчинялись всѣ вообще гражданскіе «чины, коихъ онъ самъ опредѣляетъ и увольняетъ, кромѣ губернаторовъ».

Закономъ 26-го августа 1902 г. «объ измѣненіяхъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Учрежденія Императорскаго Финляндскаго сената» положены были первые краеугольные камни въ основу генералъ-губернаторскихъ полномочій. Впредь сенатъ долженъ былъ функціонировать «подъ его руководствомъ»; его заявленія должны пріостанавливать рѣшенія сената; безъ его присутствія нельзя будетъ разсматривать нѣкоторыхъ дѣлъ; распредѣленіе вакаціоннаго времени, опредѣленіе времени инспекціонныхъ поѣздокъ сенаторовъ и т. п. дѣлается имъ; право прокурора на «замѣчанія» отмѣнено; чины канцеляріи сената непосредственно подчинены генералъ-губернатору и т. д. Все это дало возможность представителю русской Верховной власти направлять дѣла Финляндіи и контролировать ихъ. Послѣ закона 26-го августа не остается уже сомнѣнія относительно взаимнаго отношенія генералъ-губернатора и сената; прежняя двойственность власти прекращена и значеніе начальника края возстановлено. Разсказанная-же краткая исторія вопроса показываетъ, что новымъ закономъ возстановлена лишь старая справедливость и естественное положеніе вещей, истекавшее изъ политической зависимости Финляндіи отъ Имперіи.

Послѣ изданія закона 26 августа 1902 г. прекратилось изолированное положеніе генералъ-губернатора и положенъ былъ конецъ пагубной двойственности власти, которая сказалась особенно въ періодъ смуты. Безпорядки развивались на глазахъ начальника края и онъ не въ со-

стояніи былъ противодѣйствовать имъ должнымъ образомъ, не смотря на то, что отличался исключительной энергіей и обладалъ рѣдкимъ хладнокровіемъ.

Коренной пересмотръ инструкціи 1812 г. исправилъ замѣченные недочеты. Новая инструкція отъ 13 (26) марта 1903 г. сосредоточила всѣ главнѣйшія нити управленія въ рукахъ генералъ-губернатора, который въ тоже время былъ поднятъ на подобающую ему высоту среди финляндской администраціи. Инструкція 13 (26) марта опредѣленно указываетъ, что генералъ-губернаторъ есть «высшій представитель государственной власти» въ Финляндіи. Онъ назначается и увольняется Именнымъ Высочайшимъ указомъ Правительствующему сенату, т. е. сенату Имперіи, и, слѣдовательно, впредь не можетъ уже возникнуть спора о томъ, русская ли это власть или финляндская. А такъ какъ это власть русская, то тѣмъ самымъ опредѣлялось политическое положеніе Финляндіи и вырывался одинъ изъ главныхъ корней ея теоріи обособленія. Генералъ-губернатору предоставлено «направлять» дѣятельность всѣхъ учрежденій и должностныхъ лицъ края; онъ обязанъ заботиться объ охранѣ «общественнаго порядка и спокойствія»; ему разрѣшено въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ принимать особыя мѣры; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣланъ отвѣтственнымъ передъ Государемъ Императоромъ «за порядокъ и общее состояніе управленія въ краѣ». Въ виду этого, между прочимъ, онъ, а не сенатъ, долженъ впредь представлять «отчеты» объ общемъ состояніи въ краѣ. Особенное значеніе слѣдуетъ придать также указанію новаго закона о томъ, что генералъ-губернатору принадлежитъ общій надзоръ за «всѣми финляндскими учебными заведеніями». Онъ обязанъ будетъ направлять все учебное дѣло «въ духѣ преданности юношества Государю Императору и Россіи» и удостовѣряться «въ надлежащей постановкѣ преподаванія и воспитанія».

Исторія желѣзнодорожнаго строительства не лишена извѣстной поучительности.

Въ 1861 г. открытъ первый путь между Гельсингфорсомъ и Тавастгусомъ; въ 1870 г. открыто сообщеніе съ Петербургомъ. Въ видахъ экономіи, къ Петербургу хотѣли провести узкоколейную дорогу, но, по стратегическимъ соображеніямъ, Императоръ Александръ II повелѣлъ проложить широкую колею. Обозрѣніе желѣзнодорожнаго строительства доказываетъ, что сѣть ея «въ Финляндіи осуществляется въ трехъ направленіяхъ: линіи проводятся въ западныхъ, восточныхъ и сѣверныхъ областяхъ края». «При этомъ карта указываетъ, что западная часть страны поставлена въ отношеніи желѣзнодорожныхъ сообщеній въ лучшія условія, чѣмъ восточная». Выборгская губ. изо-

билуетъ естественными богатствами, но тѣмъ не менѣе желѣзнодорожные пути въ ней сравнительно слабо развиты.

Партіи Финляндіи обращали вниманіе не только на экономическое, но и на политическое значеніе желѣзныхъ дорогъ. Финноманская партія стремилась къ тому, чтобы при помощи желѣзнодорожныхъ сообщеній возродить финскій народъ къ большей національной самодѣятельности; шведская партія, пока она стояла ближе къ правительству, «проводила свои взгляды, направленные къ сближенію съ Имперіей»

І. В. Снельманъ, который далъ «разъясненіе и направленіе принципамъ всего позднѣйшаго развитія», стремился къ тому, чтобы соединить самыя глухія мѣстности съ міровыми торговыми путями. Такъ какъ главными путями внутренней Финляндіи являлись рѣки и многочисленныя озера, то онъ находилъ, что желѣзныя дороги должны соединить эти внутренніе водяные пути съ моремъ. «Съ моря проникла въ пустыни какъ духовная, такъ и матеріальная культура, моремъ получаетъ она новыя силы и теперь. Къ морю стремится прежняя пустыня, ясно сознавая, что тамъ первоисточникъ ея культуры». Другое мнѣніе, господствовавшее среди финляндцевъ, сводилось къ тому, что при проектированіи новыхъ путей слѣдуетъ главнымъ образомъ имѣть въ виду, что желѣзныя дороги составляютъ помѣщеніе капитала, который долженъ приносить извѣстный доходъ».

Центромъ желѣзнодорожной сѣти Снельманъ избралъ мѣстность между Тавастгусомъ и Таммерфорсомъ. Его проектъ имѣлъ цѣлью укрѣпленіе внутреннихъ силъ края. Дорога отъ Выборга къ Петербургу имѣла по его плану значеніе побочной вѣтви (а теперь она самая доходная). Сенаторъ фонъ-Гартманъ писалъ гр. А. Армфельту, что «линія Гельсингфорсъ-Тавастгусъ идетъ на сѣверъ, проходя по сердцу страны, и потому пріятно волнуетъ народническія и финноманскія чувства... Направленіе, предложенное мною съ самаго начала, приближаетъ насъ къ Имперіи, соединяетъ насъ съ нею». Фонъ-Гартманъ доказывалъ необходимость изъ стратегическихъ соображеній, въ виду возможности нападенія со стороны шведовъ, дать первой финляндской желѣзной дорогѣ направленіе отъ Петербурга на Або. Сенатъ и русскій генералъ-губернаторъ Бергъ высказался за линію Гельсингфорсъ — Тавастгусъ. Финноманы, критикуя проектъ фонъ-Гартмана, писали, что «приморская дорога отъ Петербурга до Або служитъ для лучшей защиты Петербурга отъ возможныхъ нападеній со стороны Швеціи».

Во время генералъ-губернатора гр. Адлерберга желѣзнодорожное скрѣпленіе окраины съ центромъ считалось русскимъ коррективомъ въ дарованіи Финляндіи конституціи. Замѣчательно, что Снельманъ создавалъ затрудненія къ осуществленію сего плана [228]).

Воззрѣнія на одну изъ послѣднихъ дорогъ возбудили значительную

розн. Въ Торнео-Улеборгской желѣзной дорогѣ шведская партія видѣла хорошее средство для осуществленія «прекрасной миссіи страны, по распространенію культурнаго развитія на сѣверѣ». Русскіе не особенно одобрительно отнеслись къ этой сѣверной желѣзной дорогѣ, находя, что Финляндія и Швеція лишній разъ скрѣпятъ при ея посредствѣ «желѣзнодорожнымъ узломъ свою старую дружбу». Опасенія исходили также изъ того, что у насъ на всемъ сѣверѣ не имѣлось тогда ни одного инвалида, чтобы разрушить ее въ минуту опасности со стороны Скандинавіи, тратившей въ послѣдніе годы систематически большія суммы на укрѣпленіе станціи Бодена въ Норландіи.

Въ общей экономіи страны желѣзнодорожное хозяйство имѣетъ очень большое значеніе. Валовой доходъ ихъ за 1898 г. достигъ 22 мил. мар.—Н. И. Бобриковъ не могъ не обратить на нихъ самаго серьезнаго вниманія. Техника финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ и ихъ порядки, по его признанію, были поставлены хорошо. Но обозрѣвъ ихъ съ русской государственной точки зрѣнія, онъ пожелалъ внести нѣкоторыя необходимыя улучшенія. Онъ замѣтилъ, что желѣзная дорога на востокѣ, за исключеніемъ Петербурга, на всемъ протяженіи нигдѣ не подходитъ къ русской границѣ и не пересѣкаетъ ее. Желѣзная дорога является въ данномъ случаѣ своего рода барьеромъ, препятствіемъ, устанавливающимъ искуственную грань между частями одного и того-же государства. «Очевидно, что при постройкѣ желѣзнодорожной сѣти Финляндіи не принимались во вниманіе интересы общей съ Имперіей государственной жизни, какъ экономической, такъ и политической».

Въ мѣстномъ законодательствѣ Н. И. Бобриковъ не просмотрѣлъ воспрещенія русскимъ инженерамъ строить желѣзныя дороги въ предѣлахъ Россійской окраины и, кромѣ того, онъ замѣтилъ, что нельзя было опредѣлять русскихъ людей на желѣзнодорожную службу въ Великомъ Княжествѣ. «Все это — отмѣтилъ генералъ-губернаторъ въ своемъ отчетѣ (15 октября 1902 г.)—могло произойти исключительно вслѣдствіе обособленности финляндскаго желѣзнодорожнаго дѣла отъ русскаго».

Н. И. Бобриковъ началъ съ того, чего требовала отъ него государственная политика — съ принятія мѣръ къ распространенію на Финляндію всѣхъ мобилизаціонныхъ требованій и распоряженій подлежащихъ вѣдомствъ Имперіи.

19 мая 1899 г. состоялось распоряженіе о приведеніи въ надлежащее состояніе существующихъ желѣзнодорожныхъ путей, а также повелѣніе о необходимости соединенія Финляндской желѣзнодорожной сѣти съ Имперскою, постройкою моста черезъ Неву.

Никто въ Россіи до Н. И. Бобрикова не слѣдилъ за тѣмъ, какъ

и куда финляндцы проводятъ свои желѣзныя дороги. А развѣ это безразлично для государства и для ея обороны? 12 февраля 1900 г. состоялось повелѣніе, чтобы на будущее время предположенія финляндскаго сената по расширенію желѣзнодорожной сѣти были докладываемы Его Величеству, вмѣстѣ съ заключеніемъ министровъ военнаго, финансовъ и путей сообщеній.

24 апрѣля 1903 г. издано было постановленіе объ управленіи финляндскими желѣзными дорогами. Новымъ закономъ имѣлось въ виду усилить мобилизаціонную готовность финляндскихъ дорогъ и распространить среди его служащихъ знаніе русскаго государственнаго языка. Въ цѣляхъ желѣзнодорожнаго объединенія, генералъ-губернаторъ стремился къ распространенію русскаго языка среди служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ и назначилъ главнымъ директоромъ ихъ генеральнаго штаба полковника Драчевскаго.

Но особенно заняла генералъ-губернатора мысль о соединеніи финляндской желѣзнодорожной сѣти съ русской. Жизненныя и торговыя условія сильно выдвигали этотъ проектъ. Въ статьѣ «Московскихъ Вѣдомостей» говорилось однажды о неудобствахъ перевозки хлѣбныхъ грузовъ изъ Россіи въ Финляндію. Это указаніе въ головѣ Н. И. Бобрикова быстро созрѣло въ широкій планъ, которымъ онъ разсчитывалъ удовлетворить многимъ насущнымъ экономическимъ и государственнымъ потребностямъ. «Экономическіе интересы,—писалъ онъ,—нерѣдко прочнѣе всякихъ другихъ связей сближаютъ народы, поэтому нельзя не возлагать большихъ надеждъ на то, что желѣзнодорожное соединеніе Финляндіи съ Россіей поведетъ къ серьезному и прочному скрѣпленію государственно-политическихъ узъ. Соединеніе это вѣроятно облегчитъ разрѣшеніе и другой важной государственной задачи о проведеніи второго желѣзнодорожнаго пути отъ Петербурга до Гельсингфорса черезъ Кексгольмъ» (15 октября 1902 г.). Для разработки этого важнаго государственнаго дѣла учреждена была спеціальная комиссія, подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта гр. А. П. Игнатьева.

Насколько прежде партія шведовъ стремилась къ осуществленію желѣзнодорожной связи съ Петербургомъ, настолько она теперь противодѣйствовала сооруженію моста черезъ Неву.—«Nya Pressen» находила, что нельзя побудить финляндское вѣдомство къ постройкѣ подобной соединительной вѣтви [229]). Газета совѣтовала даже совершенно продать участокъ Бѣлоостровъ—Петербургъ и перенести финляндскую станцію за рѣку Сестру и тѣмъ избѣжать ожидаемыхъ затрудненій и сближеній. Газетой въ данномъ случаѣ очевидно руководила одна только слѣпая и упорная «тенденція», такъ какъ всѣ соображенія говорили въ пользу сомкнутія у Невы жизненныхъ артерій Финляндіи и Россіи.

Соединеніе финляндскихъ желѣзнодорожныхъ путей съ общерусскими обѣщаетъ весьма большія выгоды прежде всего Финляндіи. На линіи Петербургъ – Гельсингфорсъ пассажирское движеніе преобладаетъ надъ товарнымъ. Это явленіе само по себѣ ненормальное. Будущее соединеніе финляндскихъ и русскихъ путей способно исправить этотъ недочетъ [230]).

Финансовое положеніе Великаго Княжества постепенно совершенствовалось, что, въ извѣстной мѣрѣ, объясняется ограниченными размѣрами края и его потребностей. Послѣднія политическія событія не совсѣмъ благопріятно отразились на финансовомъ положеніи страны, сокращеніемъ прилива капиталовъ изъ-за границы. Тѣмъ не менѣе въ 1899 г. положеніе дѣлъ было здоровое и нормальное [231]). Цифра находившихся въ обращеніи кредитныхъ билетовъ повысилась. Сумма депозитовъ въ операціяхъ частныхъ банковъ, а также запасные капиталы этихъ банковъ возросли. Выдача ссудъ увеличилась.

Руководители движенія въ краѣ не были однако довольны положеніемъ денежнаго рынка и говорили «faites moi une bonne politique et je vous ferai de bonnes finances». Положеніе обитателя жилища, на фундаментъ котораго направлены удары, они находили ненормальнымъ и безпокойнымъ [232]). Но въ дѣйствительности къ фундаменту никто не прикасался, а имѣлись въ виду лишь нѣкоторые новые распорядки въ самомъ домѣ.

Финляндіи была дарована особая монетная единица (марка), составлявшая подраздѣленіе русскаго рубля и равная 25 ея копѣйкамъ. Финляндцы же впослѣдствіи отступили отъ этого основнаго положенія и, перейдя въ 1877 г. къ золоту, приравняли свою марку къ франку и такимъ образомъ всякая ея связь съ монетною системой Россіи порвалась, а въ глазахъ финляндцевъ марка сдѣлалась атрибутомъ ихъ «государства».

Вся денежная реформа въ Финляндіи причинила однѣ только убытки Россіи. Финляндцы, получивъ свою монету, стали понижать, вмѣстѣ съ иностранными биржами, цѣнность русскаго рубля и вслѣдствіе этого русское государственное казначейство вынуждено было завести у себя новую графу выдачъ «на пополненіе курсовой разницы» на собственной окраинѣ Имперіи. Убытки возникшіе для Россіи, отъ перехода Финляндіи къ маркѣ, по справедливости, обязано было возмѣщать въ предѣлахъ Великаго Княжества финляндское же казначейство; но на дѣлѣ вышло иначе и содержаніе, напримѣръ, русскихъ войскъ въ Финляндіи легло большею чѣмъ прежде тяжестью на Россію. — При пониженномъ курсѣ русскаго рубля Финляндія получила возможность дешево покупать русское серебро и перечеканивать его въ свою мо-

нету. Благодаря особой монетѣ Финляндія совершенно устранилась отъ несенія многихъ общегосударственныхъ расходовъ по содержанію, напримѣръ, нѣкоторыхъ министерствъ, по вооруженію крѣпостей, по расходамъ на военный флотъ и т. д.

Вопросъ о монетной реформѣ былъ возбужденъ уже въ 1890 году, но медленно подвигался къ рѣшенію. Въ ноябрѣ 1898 г. министръ финансовъ, статсъ-секретарь С. Ю. Витте, вновь возбудилъ его, исходя изъ того, что денежная реформа въ Имперіи завершена и что россійская монетная система получила золотое основаніе и такимъ образомъ единственное препятствіе къ введенію въ Великомъ Княжествѣ россійской монеты устранено. Учреждена была особая комиссія. Задача комиссіи статсъ-секретаря Э. В. Фриша, учрежденной въ ноябрѣ 1898 г., сводилась къ опредѣленію основаній, на коихъ могла быть вновь введена или возстановлена въ Финляндіи россійская монетная система, дѣйствовавшая въ краѣ до 1865 г. Но за множествомъ очередныхъ дѣлъ генералъ-губернаторъ Н. И. Бобриковъ просилъ нѣсколько повременить ея разсмотрѣніемъ.

Мѣстныя финляндскія газеты (въ 1898 г.) стали тѣмъ временемъ доказывать, что особая монета въ Финляндіи есть прямое и неизбѣжное послѣдствіе «автономіи края», что безъ «согласія» земскихъ чиновъ нельзя ввести новой монетной системы. «Видно,—писали тогда въ «Nya Pressen»,—что друзья объединенія въ восточной сосѣдней странѣ не успокоятся, пока не уничтожатъ послѣднихъ слѣдовъ финляндской автономіи. Знаменіе времени, на которое необходимо обратить вниманіе. Теперь Россія перешла къ золоту и прежній вопросъ воскресъ съ надеждой, что препятствій къ реформѣ не встрѣтится. Конечно, главной движущей пружиной въ семъ дѣлѣ является не неудобство разныхъ монетныхъ единицъ, а національная политика. Какъ далеко думаютъ повести дѣло монетнаго объединенія—неизвѣстно».

Сенаторъ Снельманъ, проведшій монетную реформу въ 1865 г., признавалъ необходимость удовлетворить справедливымъ требованіямъ единства монетной системы въ Имперіи и потому предложилъ считать финскую марку лишь подраздѣленіемъ русскаго рубля. Кромѣ того, онъ признавалъ, что коль скоро прекратится паденіе цѣнности русскихъ бумажныхъ денегъ и курсъ на нихъ такъ или иначе будетъ фиксированъ, тотчасъ-же исчезнутъ затрудненія, въ которыя была поставлена Финляндія колеблющимся курсомъ нашихъ денегъ. Это колебаніе явилось главной основой реформы; слѣдовательно, нынѣшняя устойчивость курса и переходъ Россіи къ золоту должны быть справедливыми поводами отмѣны особой финской монеты, обозначающей собой финляндскую обособленность.

Дабы подойти къ этой отмѣнѣ, Н. И. Бобриковъ предлагалъ

сперва установить, чтобы всѣ оффиціальные платежи, счета, векселя и т. п. обязательно писались въ Финляндіи на рубли, съ параллельнымъ обозначеніемъ ихъ въ маркахъ, не препятствуя первоначально считать на марки въ частной жизни. Проведеніе этой мѣры и съ юридической стороны не представляло затрудненій, такъ какъ въ дѣйствующемъ въ Финляндіи уложеніи не содержится какихъ-либо запрещеній заключать договоры и денежныя обязательства на другую монету, кромѣ финляндской, а въ Высочайшемъ постановленіи отъ 9-го августа 1877 г. о переходѣ къ золотой валютѣ выражено, что заключаемые въ краѣ договоры и обязательства оплачиваются финляндской золотой монетой на марки, если не состоялось положительнаго уговора объ иномъ способѣ платежа. Засимъ, самое изъятіе изъ обращенія финскихъ марокъ могло бы происходить съ такимъ разсчетомъ, чтобы, напримѣръ, въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ, по введеніи реформы, при всѣхъ платежахъ обязательно $^1/_3$ часть уплачиваемой суммы вносилась русскими деньгами съ постепеннымъ увеличеніемъ, со временемъ, этой части до полной суммы. При могущемъ произойти, вслѣдствіе перемѣны монетной единицы, временномъ денежномъ затруднительномъ положеніи, представлялось насущною потребностью предварительное учрежденіе въ краѣ отдѣленій нашего Государственнаго банка. Открытіе отдѣленій облегчитъ кредитъ мѣстному русскому купечеству, которое, подобно благоразумнымъ финнамъ, подъ вліяніемъ бойкота шведомановъ, терпѣло большой ущербъ. Открытіе отдѣленій Крестьянскаго земельнаго банка также признавалось дѣломъ особой важности, въ видахъ разрѣшенія вопроса о надѣленіи землею безземельныхъ.

Комиссіей статсъ-секретаря Э. В. Фриша, состоявшей изъ имперскихъ и финляндскихъ должностныхъ лицъ, былъ поставленъ на разсмотрѣніе вопросъ, объ установленіи обязательнаго пріема при всѣхъ разсчетахъ, какъ казенныхъ и общественныхъ мѣстъ, такъ и частныхъ лицъ между собою, россійской золотой монеты.

Комиссія признала желательнымъ распространеніе въ Великомъ Княжествѣ россійской монеты, а также объединеніе финляндской монетной системы съ общеимперскою. Но полное объединеніе монетныхъ системъ финляндской и имперской,—при коемъ, кромѣ признанія единственнымъ законнымъ платежнымъ средствомъ одной и той же монетной единицы—золотого рубля, эта же единица принималась бы также въ основаніе исчисленія всѣхъ счетовъ и веденія оффиціальной отчетности съ устраненіемъ обращающейся нынѣ въ Финляндіи марки,—можетъ повлечь за собою, по мнѣнію комиссіи, рядъ осложненій, которыя вредно отразились бы на экономической жизни края. Комиссія не могла не признать также, что практическое осуще-

ствленіе перехода отъ мелкой къ болѣе крупной монетной единицѣ связано съ несомнѣнными невыгодами для населенія. Въ этомъ отношеніи имѣетъ большое значеніе привычка къ счету на прежнюю монету.

Но неудобства эти, по мнѣнію комиссіи, представляются временными и устранятся при ближайшемъ ознакомленіи населенія съ новыми деньгами. Поэтому, входя въ интересы населенія Финляндіи и стремясь опредѣлить мѣры объединенія монетныхъ системъ Имперіи и края на условіяхъ, наименѣе обременительныхъ для населенія Великаго Княжества, комиссія нашла, что измѣненіе денежной системы края не представитъ особыхъ затрудненій, если направленныя къ тому мѣры будутъ приводиться въ исполненіе въ разумной постепенности, пріучая мѣстное населеніе къ соотношенію двухъ монетныхъ единицъ и способствуя въ будущемъ,—когда то будетъ признано своевременнымъ,—введенію въ Великомъ Княжествѣ единственнаго денежнаго обращенія Имперіи.

Въ сихъ видахъ комиссія полагала необходимымъ, впредь до полнаго объединенія монетныхъ системъ Имперіи и Великаго Княжества, принять нынѣ предварительныя мѣры для введенія въ Финляндіи россійской монетной системы, сводящіяся къ тому, чтобы россійская золотая монета въ рубляхъ, наряду съ финляндскою золотою монетою въ маркахъ, составляла законное средство платежа въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ [233]).

Министръ статсъ-секретарь и министръ финансовъ, принявъ во вниманіе, что проектированныя комиссіею правила имѣютъ значеніе переходной и временной мѣры, долженствующей подготовить окончательное объединеніе финляндской монетной системы съ Имперскою, не усмотрѣли основаній къ внесенію сего дѣла на уваженіе Государственнаго Совѣта, а признали необходимымъ повергнуть его при совмѣстномъ всеподданнѣйшемъ докладѣ непосредственно на Высочайшее благовоззрѣніе. Проектъ Высочайшаго постановленія о мѣрахъ къ объединенію денежныхъ системъ Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго, 27-го мая (9 іюня) 1904 года, удостоился Высочайшаго утвержденія.

Законъ 27-го мая (9-го іюня) 1904 года вводитъ въ краѣ Россійскую золотую монету въ рубляхъ, которая наряду съ финляндской золотой монетой въ маркахъ составляетъ законное средство платежа въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, какъ и во всѣхъ прочихъ частяхъ Россіи, и обязательно принимается въ неограниченномъ количествѣ какъ и въ правительственныя кассы, такъ и при взаимныхъ разсчетахъ частныхъ лицъ.

Существенно важнымъ постановленіемъ новаго закона является отмѣна курса Имперскихъ денежныхъ знаковъ въ предѣлахъ Фин-

ляндіи: взамѣнъ курса—понятія колеблющагося—установленъ обязательный пріемъ во всѣ платежи по неизмѣнному разсчету 2 м. $66^2/_3$ пенни за рубль и $37^1/_2$ копѣекъ за марку.

Опредѣленіе срока введенія въ дѣйствіе настоящаго Высочайшаго постановленія предоставлено министру финансовъ по соглашенію съ Императорскимъ финляндскимъ сенатомъ.

Русскій рубль вновь получаетъ права гражданства, которыхъ въ періодъ 1865—1877 годовъ, когда эта монетная единица, безпрерывно существовавшая въ краѣ съ 1809 года, была мало-по-малу совершенно вытѣснена изъ обращенія. Возстановленіе обязательнаго пріема русскихъ денежныхъ знаковъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ не можетъ не содѣйствовать тѣснѣйшему единенію окраины съ коренною Россіею, ибо открываетъ всѣмъ жителямъ и главное—торгово-промышленной части населенія Финляндіи доступъ къ широкому пользованію русскими капиталами.

Вопросъ о распространеніи на Финляндію дѣйствія государственнаго банка Имперіи, открытіемъ въ городѣ Гельсингфорсѣ отдѣленія этого банка, возникъ въ 1901 году, когда министръ финансовъ указалъ, что финансовое вѣдомство Имперіи, черезъ посредство русскаго банковаго учрежденія, получило бы возможность ближайшимъ образомъ ознакомиться съ особенностями денежнаго обращенія въ Финляндіи и такимъ способомъ подготовить условія, необходимыя для выработки основаній намѣченнаго введенія въ краѣ россійской монетной системы. Въ виду приведенныхъ соображеній, статсъ-секретарь Витте возбудилъ вопросъ объ открытіи на предусмотрѣнныхъ уставомъ Государственнаго банка основаніяхъ въ городѣ Гельсингфорсѣ отдѣленія банка, которое, по его мнѣнію, было бы къ тому же полезнымъ для проживающихъ въ краѣ русскихъ промышленниковъ и торговцевъ, представляя имъ кредитъ на однородныхъ съ принятыми въ Имперіи основаніяхъ, и въ то же время, въ качествѣ правительственнаго учрежденія, давало бы возможность какъ казеннымъ, такъ и общественнымъ установленіямъ, а равно и частнымъ лицамъ, пользоваться имъ для исполненія порученій банковаго характера, возникающихъ по торговлѣ и инымъ дѣловымъ сношеніямъ.

Финляндскій генералъ-губернаторъ, съ своей стороны, считалъ открытіе отдѣленія Государственнаго банка весьма желательнымъ, съ чѣмъ согласился также министръ статсъ-секретарь. Представленіе $^{18}/_{31}$ декабря 1903 г. Государемъ Императоромъ было одобрено и того же дня воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе: открыть въ Гельсингфорсѣ отдѣленіе Государственнаго банка и за симъ, по мѣрѣ на-

добности, открывать таковыя и въ другихъ городахъ Великаго Княжества Финляндскаго [234]).

По вступленіи нашихъ войскъ въ Финляндію (12 апрѣля 1808 г.). таможенная линія между Россіей и новой, или шведской, Финляндіей немедленно была снята и такимъ образомъ установленъ былъ совершенно свободный товарообмѣнъ, на подобіе того, «какъ отпускается товаръ изъ одного россійскаго порта въ другой россійскій портъ». Когда вновь покоренный край былъ присоединенъ къ Имперіи, наше министерство финансовъ стало жаловаться на то, что въ Петербургъ изъ Новой Финляндіи начали проникать товары, запрещенные къ ввозу русскимъ тарифомъ, почему Высочайшимъ постановленіемъ учреждена была таможенная граница.

Высочайшіе рескрипты, указы и объявленія 1811 г., положенные въ основу всѣхъ послѣдующихъ таможенныхъ правилъ и распоряженій, разсматривали Финляндію, какъ русскій «край» (а не особое государство), и потому ограждали Имперію не отъ товаровъ финляндскаго производства, а исключительно отъ иностранныхъ; «внутреннее сообщеніе» Финляндіи съ Россіей, по волѣ Императора Александра I, должно было остаться «совершенно свободнымъ и безпрепятственнымъ, т. е. такимъ-же, какимъ оно было между другими частями Россійской Державы, почему въ Высочайшемъ объявленіи и говорилось о ввозѣ финляндскихъ товаровъ «въ прочія губерніи Россійскаго государства».

Къ барону Густаву Армфельту, который въ то время является главнымъ дѣятелемъ по всѣмъ очереднымъ вопросамъ Финляндіи, начали стекаться заявленія и проекты, касавшіеся таможеннаго дѣла. Въ одной изъ подобныхъ записокъ, поданной еще 29 декабря 1811 г. (Леманомъ) сказано было, что «пользы Финляндіи требуютъ, чтобы эта провинція пользовалась свободнымъ сообщеніемъ со всѣми мѣстами Имперіи и чтобы никакая таможенная линія, въ родѣ той, какая учреждена, не дѣлала препятствій. Единственное средство къ тому есть избранное вашимъ превосходительствомъ, т. е. распространить на Финляндію тарифъ, введенный въ Россіи въ 1812 г. ... Невозможно, чтобы Финляндія имѣла торговую систему иную, чѣмъ въ Россіи. Она можетъ сохранить свои законы, администрацію и проч., но торговая система должна быть та же, что и для Россіи».

Цѣль перваго тарифа (1812 г.) заключалась въ сближеніи русской и финляндской таможенныхъ системъ. Въ 1839 г. изданъ былъ таможенный и мореходный уставъ для Великаго Княжества и эти узаконенія также не обособили Финляндіи. Впервые таможенное обособленіе произошло при изданіи постановленія 1859 г.

Не смотря на крупное политическое и финансовое значеніе

таможенныхъ доходовъ, они всегда являлись предметомъ административнаго законодательства. Въ царствованіе Императора Александра III финляндскій сенатъ входилъ съ представленіемъ о передачѣ вопросовъ таможеннаго законодательства на обсужденіе сейма, но ходатайство это не было уважено, такъ какъ оно неизбѣжно связало бы свободу дѣйствія правительства.

Таможенныя отношенія сдѣлались вопросомъ дня уже въ 1890 г., когда имѣлось въ виду привести финляндскую таможенную систему къ соглашенію съ русскою. Но разныя обстоятельства мѣшали осуществленію задуманнаго.

По мнѣнію министра финансовъ С. Ю. Витте, «какъ въ интересахъ нашей отпускной торговли, такъ и въ цѣляхъ достиженія возможныхъ льготъ при заключеніи новыхъ торговыхъ трактатовъ съ иностранными государствами, представлялось бы настоятельно необходимымъ, чтобы окончательное объединеніе таможеннаго тарифа Великаго Княжества Финляндскаго съ тарифомъ Имперіи послѣдовало не позже истеченія срока нашего торговаго договора съ Германіей, т. е. 18—31 декабря 1903 года, ибо при заключеніи новыхъ торговыхъ договоровъ иностранныя державы примутъ въ соображеніе тѣ тарифы, которые въ то время будутъ дѣйствовать, а посему какъ при веденіи переговоровъ, такъ и послѣ оныхъ, всякое повышеніе финляндскаго таможеннаго тарифа будетъ поставлено намъ въ счетъ при установленіи взаимныхъ тарифныхъ уступокъ».

По всеподданнѣйшему о семъ докладу Государь Императоръ 5 мая 1900 года Высочайше повелѣть соизволилъ немедленно приступить къ обсужденію вопроса о наиболѣе цѣлесообразномъ порядкѣ и способѣ объединенія финляндскаго таможеннаго тарифа съ общеимперскимъ и для этого образовать особую комиссію, возложивъ предсѣдательствованіе въ ней на члена Государственнаго Совѣта инженеръ-генерала Петрова. Въ заключительномъ засѣданіи своемъ, происходившемъ 10 апрѣля 1901 года, комиссія постановила: отсрочить объединеніе таможенныхъ тарифовъ Имперіи и Великаго Княжества до 1 января 1906 года, т. е. до истеченія срока дарованныхъ городу Таммерфорсу привилегій.

Обрабатывающая промышленность сдѣлала большіе успѣхи, но она не успѣла превратить Финляндію въ фабричную страну. Пока благосостояніе народа зависитъ отъ земледѣлія. Фабрично-заводская промышленность имѣетъ много шансовъ на развитіе. Край богатъ естественными двигателями, запасами древеснаго топлива. Европейскіе рынки расположены близко къ Финляндіи. Лѣсомъ Финляндія снабжаетъ Англію, Францію и Испанію, масломъ—Англію и Данію, а бумагой—Россію. Въ Финляндіи старательно проводится система эко-

номическаго отчужденія оть коренной Россіи. Финляндцы стремятся основать свою экономическую политику на вывозѣ въ Англію и ввозѣ изъ Германіи [235]).

Финляндцы напрягаютъ всѣ свои усилія, чтобы сохранить таможню, которая исполняетъ у нихъ два важныхъ назначенія: пополняетъ казну и служитъ знаменемъ финляндской «государственности». Финляндцы говорятъ, что включеніе Великаго Княжества въ общую таможенную черту представляется «почти неосуществимымъ». Этому препятствуетъ, по ихъ мнѣнію, юридическая сторона дѣла, опредѣляющая, что управленіе краемъ должно находиться въ рукахъ собственныхъ чиновниковъ, а государственные доходы—поступать въ собственную кассу края. Финляндцы доказываютъ затѣмъ, что таможенный тарифъ Имперіи окажется непосильнымъ обремененіемъ для ихъ края и въ тоже время неблагопріятно отзовется на нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности Россіи,—бумажной и металлургической,—такъ какъ Финляндія работаетъ при лучшихъ условіяхъ, имѣя даровыя водяныя силы и меньшее число праздничныхъ дней. При сравненіи таможенныхъ ставокъ выясняется, что русскія ставки иногда превышаютъ финляндскія въ 2, 3 и даже въ 20 разъ и тѣмъ не менѣе выходитъ, что на каждаго жителя Финляндіи выпадаетъ болѣе таможеннаго обложенія (8 мар.), нежели на жителя Имперіи (3 марки или 75 коп.). Финляндскій и русскій тарифы построены на различныхъ началахъ. Условія производства разныя: Имперія обилуетъ сырьемъ и дешевыми рабочими руками; ея почва плодородна. Почва Финляндіи скудная, въ рабочихъ чувствуется недостатокъ, а заработная плата относительно высока. Далѣе слѣдуютъ гадательныя предположенія, что экономическое развитіе Финляндіи пойдетъ неравномѣрно и не на достаточно прочныхъ и здоровыхъ основаніяхъ, что возрастетъ тайный привозъ товаровъ въ лабиринтѣ безчисленныхъ шхеръ, гдѣ нельзя организовать таможеннаго надзора и т. п. Въ итогѣ финляндцы находятъ, что введеніе нашего тарифа ихъ совершенно разоритъ [236]).

Въ 1902 году предполагалось вновь созвать комиссію, но таковое собраніе было отсрочено впредь до особаго распоряженія ея предсѣдателя и съ тѣхъ поръ вопросъ объ объединеніи таможенныхъ тарифовъ дальнѣйшему обсужденію не подвергался.

Съ своей стороны финляндскій генералъ-губернаторъ, генералъ адъютантъ Бобриковъ, въ представленной Его Императорскому Величеству 15 февраля 1903 года запискѣ, излагалъ, что въ видахъ водворенія Финляндіи на ея надлежащее мѣсто, какъ русской провинціи, онъ считалъ благовременнымъ предпринять рядъ мѣръ и въ томъ числѣ приступить къ осуществленію подготовлявшейся уже таможенной реформы. По этому поводу Государю Императору 20

марта того же года благоугодно было Высочайше повелѣть министру статсъ-секретарю Великаго Княжества Финляндскаго запросить министра финансовъ, въ какомъ положеніи находится дѣло объ уравненіи финляндскаго таможеннаго тарифа съ Имперскимъ.

Въ началѣ 1905 г. финляндскій сенатъ ходатайствовалъ о Всемилостивѣйшемъ разрѣшеніи учредить комиссію для пересмотра таможеннаго законодательства и таможеннаго тарифа Финляндіи. Министръ статсъ-секретарь Великаго Княжества Финляндскаго находилъ, что едва ли было бы своевременно приступать нынѣ къ осуществленію предположеній сената, если въ ближайшемъ будущемъ можетъ состояться объединеніе финляндской таможенной части съ Имперскою и упраздненіе самой таможенной черты между Финляндіей и Имперіею. Однако, статсъ-секретарь В. Н. Коковцовъ, съ своей стороны, не усмотрѣлъ еще въ настоящее время настоятельной надобности въ возбужденіи вопроса объ объединеніи финляндскаго таможеннаго тарифа съ общеимперскимъ. Остается добавить, что согласно пункту 3 протокола, приложеннаго къ заключенной нынѣ между Россіей и Германіей дополнительной конвенціи къ торговому договору, Императорское Россійское Правительство обязалось, между прочимъ, прежде чѣмъ приступить къ объединенію Финляндіи съ Имперіей въ таможенномъ отношеніи, предупредить германское правительство о таковомъ своемъ намѣреніи по крайнѣй мѣрѣ за два года ранѣе. Означенная конвенція имѣетъ вступить въ силу лишь 16 февраля (1 марта) 1906 г. [237]).

Такимъ образомъ, начиная съ 1890 года, таможенный вопросъ возбуждался нѣсколько разъ и проходилъ черезъ рядъ комиссій, но пока никакихъ результатовъ не достигнуто. Съ политической точки зрѣнія объединеніе всегда признавалось желательнымъ. Но экономическія соображенія до сихъ поръ постоянно брали верхъ надъ ними. Казалось бы, что экономическая сторона дѣла должна уступить требованіямъ политическаго характера. Но такъ какъ вообще сознаніе необходимости крѣпости и объединенія Имперіи не проникло еще глубоко въ наше общество и административныя сферы, то финляндскій таможенный вопросъ откладывался и отодвигался подъ разными указанными предлогами. Съ теченіемъ времени рѣшить его будетъ, вѣроятно, все труднѣе и труднѣе. Если же доводы, представляемые финляндцами, основательны и препятствія, указываемыя ими, неодолимы, то приходится признать, что прежняя наша политика создала часть тѣхъ условій, которыя мѣшаютъ русскимъ объединить свое царство на сѣверо-западѣ.

На всемъ побережьѣ Финскаго залива имѣется только одно «С.-Петербургское общество лоцмановъ» православнаго вѣроисповѣданія, ведущее свое начало съ Петровскаго времени; во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ водворился «всепоглощающій» инородческій элементъ, въ вѣдѣніи котораго такимъ образомъ находится государственная тайна—знаніе фарватера [238]).

Вопросомъ огромной государственной важности является поэтому коренная реформа финляндскаго лоцманскаго вѣдомства. До сихъ поръ реформа коснулась только его объединенія съ морскимъ министерствомъ въ области всеподданнѣйшихъ представленій.

«Но этимъ ограничиться невозможно—писалъ Н. И. Бобриковъ. Финляндскіе шхеры представляютъ при плаваніи въ нихъ почти неодолимыя трудности. Фарватеръ ихъ вполнѣ извѣстенъ только мѣстнымъ прибрежнымъ жителямъ. Финляндскіе лоцманы по необходимости обслуживаютъ и наши военныя суда, которыя становятся такимъ образомъ въ извѣстную зависимость отъ нихъ. А между тѣмъ эти лоцманы стоятъ внѣ всякой зависимости отъ нашего морского министерства и могутъ, особенно если подпадутъ вліянію своихъ агитаторовъ, очень вредить дѣлу общегосударственной обороны. Примѣры злоупотребленія лоцманами своими обязанностями очень многочисленны въ исторіи кампаніи 1854—1855 годовъ, когда они водили по шхерному лабиринту англійскія военныя суда».

Все это, въ интересахъ государственной безопасности, указываетъ на необходимость серьезнаго преобразованія лоцманскаго дѣла. въ томъ направленіи, чтобы оно находилось, какъ въ матеріальной, такъ и въ служебной зависимости отъ русской военной власти. Подготовительныя въ этомъ смыслѣ работы уже начаты были при Н. И. Бобриковѣ, но, вслѣдствіе ихъ сложности и серьезности, потребовали всесторонняго обсужденія.

Въ то же время справедливость и стремленіе къ государственному объединенію Россіи побудили Н. И. Бобрикова обратить вниманіе на необходимость сравненія правъ судовъ, приписанныхъ къ портамъ Имперіи, безъ различія ея частей. Вопросъ съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ оставался до него совершенно не затронутымъ. Въ настоящее время дѣло поставлено такъ, что финляндскому морскому законодательству всѣ выгоды приходятся на долю Финляндіи, а не Россіи. Между тѣмъ, какъ это выражено во всеподданнѣйшемъ отчетѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михаиловича, «казалось бы, слѣдовало держаться того соображенія, что если какія-либо преимущества могли имѣть мѣсто между завоеванной страной и великодушной ея побѣдительницей, то, безъ всякаго сомнѣнія, они должны принадлежать послѣдней,

а не наоборотъ, какъ это установилось въ Россіи по отношенію Финляндіи»... Его Императорское Величество благоволилъ собственноручно отмѣтить у этихъ словъ: «Совершенно справедливо».

Финляндскіе порты вообще благоустроены и хорошо оборудованы, почему грузооборотъ ихъ довольно значителенъ. Они имѣютъ землечерпательныя машины, подъемные краны, пакгаузы, къ нимъ подходятъ желѣзныя дороги, къ ихъ услугамъ заведены ледоколы. Судостроеніе въ послѣднее полустолѣтіе получило хорошее развитіе. Навигаціонныя школы хорошо поставлены. Вообще морскіе порядки Финляндіи во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно хороши и заслуживаютъ полнаго изученія и нерѣдко широкаго заимствованія [239]). Но въ дѣлѣ взиманія разныхъ сборовъ происходитъ путаница. Пошлины съ иностраннаго ввоза и, главнымъ образомъ, на иностранныхъ судахъ много разъ превышаютъ пошлины со всѣхъ финляндскихъ судовъ. На долю Россіи приходится болѣе 40% всего ввоза въ край, «а между тѣмъ наши суда, плавающія подъ тѣмъ же самымъ флагомъ, какъ и финляндскій флотъ, вводятся въ рубрику иностранныхъ, т. е. платятъ возвышенныя пошлины и на половину несутъ повинности по портовымъ устройствамъ». Это, конечно, затрудняетъ русскую конкуренцію съ финляндскимъ судоходствомъ, такъ какъ финляндцы могутъ назначать значительно меньшіе фрахты и держать въ своихъ рукахъ транзитъ. Другія невыгоды для русскихъ заключаются въ томъ, что дипломъ навигаціонной школы края даетъ финляндцу право занимать соотвѣтствующія должности на всѣхъ судахъ, ходящихъ подъ русскимъ флагомъ, тогда какъ съ русскими дипломами на финляндскія суда ни на какія должности не принимаются. Русскіе люди, не пользующіеся въ Финляндіи правомъ гражданства, лишены также права владѣнія финляндскимъ судномъ. Финляндцы подобному ограниченію не подвергнуты. «Финляндскіе уроженцы нигдѣ не названы и не признаны иностранцами [240]), поэтому финляндцы, живущіе въ Имперіи, могутъ внести принадлежащее имъ судно въ корабельный списокъ одного изъ русскихъ портовъ и, слѣдовательно, владѣть русскимъ судномъ. Финляндскій морской уставъ, въ прямую противоположность русскому уставу, устанавливаетъ строгую обособленность Финляндіи отъ Имперіи.

Съ такимъ положеніемъ русскихъ на собственной ихъ окраинѣ не могъ, конечно, примириться генералъ-губернаторъ Н. И. Бобриковъ. Онъ стремился къ объединенію, что въ извѣстныхъ случаяхъ означало желаніе достигнуть уравненія правъ русскихъ съ правами финляндцевъ.

Первая попытка Н. И. Бобрикова по уравненіи судовыхъ правъ не встрѣтила поддержки со стороны финляндскаго сената. Но разъ вниманіе Н. И. Бобрикова было остановлено на этомъ вопросѣ, онъ не оставилъ бы дѣла, не достигнувъ какого-либо положительнаго результата.

Особенности финляндскаго судопроизводства давно уже обращали на себя вниманіе. Господствующая въ ней теорія формальныхъ уликъ не предоставляетъ судьямъ права рѣшать дѣла по ихъ внутреннему убѣжденію, а ставитъ приговоры финляндскихъ судовъ въ зависимость отъ ряда внѣшнихъ условій. Въ судѣ отыскивается формальная правда и судья превращается въ простого счетчика, складывающаго и вычитающаго доказательства pro и contra, по числу наличныхъ свидѣтелей. Показанія двухъ согласныхъ свидѣтелей даютъ полное доказательство. Хозяевами въ предварительномъ разслѣдованіи дѣла являются полиція и фискалы. Свидѣтельскія показанія, во время разбора дѣла въ судѣ, записываются секретаремъ, но не читаются и не подписываются свидѣтелями. Сборника или свода, подобнаго Судебнымъ Уставамъ, Финляндія не имѣетъ, а процессуальныя положенія, безъ строгой системы, разбросаны въ шведскомъ Уложеніи 1734 г. съ послѣдовавшими къ нему прибавленіями.

Мѣстные суды совершенно не удовлетворяютъ современнымъ условіямъ и требованіямъ жизни. Въ 62 герадсгефдингскихъ участкахъ, на которые раздѣлена Финляндія, правосудіе отправляется только два раза въ годъ, въ остальное время населеніе сельскихъ мѣстностей правосудіемъ не пользуется, за отсутствіемъ въ участкахъ судебнаго органа. Обжалованіе въ высшія инстанціи дорого стоитъ и обставлено разными формальностями, почему оно доступно преимущественно людямъ состоятельнымъ и привилегированнымъ, имѣющимъ возможность прибѣгать къ помощи адвокатовъ, безъ которыхъ вообще крайне затруднительно вести дѣло въ финляндскихъ судахъ.

Избирателями судей являются имущественные классы, съ которыми бургомистры и ратманы судовъ стоятъ въ слишкомъ близкихъ отношеніяхъ. Въ сельскихъ мѣстностяхъ судъ находится въ зависимости отъ ленсмана, вслѣдствіе того, что онъ долженъ выдавать свидѣтельство о томъ, что протоколы въ теченіи трехъ мѣсяцевъ послѣ окончанія сессіи суда вручены тяжущимся. Кромѣ того, самъ ленсманъ часто выступаетъ адвокатомъ тяжущихся. Окружные судьи сами почти не исполняютъ своихъ обязанностей: ихъ замѣняютъ молодые и неопытные помощники.

Извѣстно затѣмъ, что суды края вообще находятся подъ большимъ воздѣйствіемъ адвокатуры, прессы и особенно событій политическаго характера. Съ несовершенной формальной системой суда возможно было бы еще примириться, такъ какъ разумно примѣняемая она не затруднила бы особенно отправленія правосудія; но ужасной она является въ тѣхъ случаяхъ, когда судьи склонны къ неправосудію, къ партійности или политиканству. При всѣхъ своихъ недочетахъ финляндскіе суды могли бы еще сносно функціонировать, если бы

личный составъ ихъ оказался отборно-хорошимъ. Техническіе недочеты исправляются относительно легко, но иное дѣло, если духъ суда, духъ судьи неудовлетворительны.

Къ сожалѣнію, въ этихъ послѣднихъ отношеніяхъ финляндскіе судьи далеко не безупречны. Въ смутный періодъ судьи не стояли на высотѣ своего почетнаго званія и отдались политикѣ, совершенно забывъ о своемъ священномъ назначеніи.

Въ февралѣ 1902 года финляндскій сенатъ, основываясь на Высочайше утвержденномъ уставѣ о воинской повинности 1901 года, предписалъ абоскому гофгерихту представить списки лицъ, состоящихъ на службѣ и потому подлежащихъ освобожденію отъ призыва. Гофгерихтъ отказался исполнить и законъ, и предписаніе сената на томъ основаніи, что уставъ о воинской повинности неправильно изданъ. Этимъ данъ былъ сигналъ изъ судейской среды къ неисполненію новаго закона. Населеніе могло только порадоваться такому указанію.

За гофгерихтомъ потянулись ратгаузскіе суды. Въ Выборгѣ (въ 1902 г.) привлекли къ суду нѣсколькихъ лицъ, уклонившихся отъ призыва. До разсмотрѣнія дѣла, фискалъ сказалъ имъ, чтобы они не безпокоились за свою участь, такъ какъ поступили правильно, уклонившись отъ незаконнаго призыва. «Будьте увѣрены, что судъ съ васъ не взыщетъ». И дѣйствительно, судъ мотивировалъ свою резолюцію такъ: финскихъ войскъ не существуетъ, уставъ о воинской повинности 1878 г. отмѣненъ, а уставъ 1901 г. не прошелъ черезъ сеймъ, почему не имѣетъ силы закона, а потому въ неявкѣ къ призыву нарушенія не усматривается и всѣ привлеченные освобождаются отъ всякой отвѣтственности [241]).

Удивляться такому поведенію низшаго суда въ Финляндіи почти не приходится, если вспомнить, что представители на сеймѣ и въ печати (напримѣръ, профессоръ Вреде и баронъ фонъ-Борнъ) проповѣдывали, начиная съ 1897 г., что каждый судья въ краѣ имѣетъ право не исполнять закона, если, по его личному мнѣнію, законъ этотъ изданъ не въ надлежащемъ порядкѣ. Противъ такой несообразной теоріи возражали въ свое время видные дѣятели края (Монтгомери, фонъ-Гартманъ и др.), но, къ сожалѣнію, не открыто, а въ частныхъ письмахъ къ лицамъ, измыслившимъ указанный способъ сопротивленія. Фонъ-Гартманъ писалъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не «признаетъ права судей входить въ обсужденіе законом'ѣрности финскаго закона» [242]). Но почва въ Финляндіи была уже особенно воспріимчива ко всякаго рода софизмамъ и толкованіямъ, лишь бы они были направлены противъ русскихъ мѣропріятій. Мѣстные судьи охотно приняли на себя роль верховныхъ оцѣнщиковъ дѣйствій правитель-

ства и, оставивъ отправленіе своей юридической обязанности, перешли къ грубѣйшему и открытому политиканству [243]).

Представители шведоманской и младофинской партіи привлекли (въ 1901 г.) престарѣлаго главу старофинномановъ Ирье-Коскинена за ложный доносъ и клевету. Въ разговорѣ съ полицейскимъ чиновникомъ, Ирье-Коскиненъ выразилъ подозрѣніе, что уличные скандалы «мрака» и «свѣта» были устроены,—какъ дошло до его свѣдѣнія,—«по проискамъ одной клики, состоявшей изъ доктора Лилле, Цилліакуса, Хагельстама, Кастрена, Эркко и еще одного лица». Затѣмъ Коскиненъ спросилъ: «обнаружено-ли дознаніемъ, что именно эти лица были устроителями безпорядковъ»? Этотъ полицейскій протоколъ попалъ въ руки Лилле и названныя въ немъ лица привлекли Коскинена за ложный доносъ и клевету. Въ судѣ дѣло приняло оттѣнокъ исключительно политическаго скандала. Предметъ обвиненія былъ почти забытъ и рѣчь адвоката Кастрена вся построена была на слѣдующемъ: «Было время, когда баронъ Ирье-Коскиненъ сражался на сторонѣ свѣтлыхъ силъ, когда онъ боролся за освобожденіе и право финскаго народа. Тогда вокругъ него собиралось много молодыхъ людей... Для характеристики новыхъ временъ достаточно напомнить опубликованіе февральскаго манифеста, протестъ противъ прокурора и открытое письмо Ирье-Коскинена, напечатанное въ «Uusi Suometar». Онъ забылъ о мрачныхъ тучахъ, заволокшихъ нашъ край, забылъ объ опасности для насъ правила divide et impera и хотѣлъ зажечь факелъ раздора! Онъ унизился до роли политическаго доносчика!».. Подобная рѣчь была допущена и выслушана судомъ. Во время разбора дѣла, въ присутствіи судей, Ирье-Коскинену наносились личныя оскорбленія...

Правосудіе отдано было въ распоряженіе агитаціи и политики. Профессоръ Даніельсонъ, коснувшись суда надъ Ирье-Коскиненомъ, писалъ: «лучше даже не называть, какими способами оно велось. Я рѣдко когда чувствовалъ себя настолько подавленнымъ, какъ въ то время, когда стоялъ передъ гельсингфорскимъ ратгаузскимъ судомъ, вызванный въ качествѣ свидѣтеля по этому позорному дѣлу. Тѣ оскорбительныя обвиненія и инсинуаціи, которыми такъ осыпали не только обвиняемаго, но и одного неявившагося въ судъ свидѣтеля, заставили меня краснѣть за мой народъ, смотрѣвшій равнодушно и повидимому отчасти съ злорадствомъ на это зрѣлище, я краснѣлъ также за наше судоустройство, допустившее подобное зрѣлище. Ясно сознавалъ я тогда справедливость словъ г. Nemo (бывшаго финляндскаго сенатора) объ упадкѣ нравовъ» [244]).

Жалобы русскихъ жителей на отказъ въ правосудіи были очень часты. Судьи слишкомъ явно поддавались непріязненному настроенію противъ русскихъ и слишкомъ явно переходили къ репрессаліямъ по отно-

шенію къ нимъ, въ возмездіе за объединительное направленіе политики Имперіи. Описавъ одинъ случай вопіющей несправедливости, и именно дѣло полковника Ш., Николай Ивановичъ прибавилъ: «судъ не только отвергъ справедливую претензію; но и вдоволь насмѣялся надъ претендентомъ... Просто сердце ноетъ, видя такую лицепріятную неправду, насмѣшку надъ правосудіемъ. Край совсѣмъ запущенъ». Извѣдавъ по многолѣтнему опыту свойство финляндскаго суда, русскіе въ послѣднее время избѣгали искать въ немъ защиты и справедливости. Русская власть въ краѣ не разъ задумывалась, когда ей надлежало передать то или иное дѣло съ политическимъ оттѣнкомъ мѣстному суду. Она не сомнѣвалась, что сенатъ рѣшитъ его правильно, но прежде, чѣмъ дѣло дойдетъ до сената, оно можетъ представить случай для «всевозможныхъ издѣвательствъ надъ правительствомъ и его органами». А если судьи забыли свои высокія обязанности и не судятъ по совѣсти и доброму разумѣнію законовъ, то, очевидно, страна лишена суда и народъ развращается. Засѣданія судовъ въ періодъ смуты превратились въ недостойныя зрѣлища для уличной толпы.

Зло было, конечно, замѣчено. Въ самое нужное время, не оказалось надежнаго суда для поддержанія порядка. «Описанныя безобразія,—сообщалъ Н. И. Бобриковъ,—указываютъ на необходимость усовершенствованія мѣстнаго судоустройства и судопроизводства»[245]). Нельзя было страну оставить безъ достойнаго суда и генералъ-губернаторъ обдумывалъ новую реформу, желая положить въ основу ея высокіе и чистые принципы судебныхъ уставовъ 1864 г. Опытъ подобной реформы имѣлся въ Прибалтійскомъ краѣ и удался блестяще. Но на очереди стояли уже другія преобразованія огромной важности, почему «возбуждать вопросъ о преобразованіи суда, едва-ли теперь своевременно, — отвѣчалъ В. К. Плеве, — слѣдуетъ подождать годъ или два»... [246]).

Необходимость новаго судоустройства и судопроизводства разсматривалась неоднократно въ печати, при чемъ предлагалось изъять русскихъ людей, служащихъ въ Финляндіи, изъ вѣдѣнія мѣстнаго суда. «Подобно тому, какъ римскій гражданинъ всегда судился только своимъ судомъ, слѣдовало бы предоставить русскому гражданину на всемъ пространствѣ Имперіи судиться тѣмъ своимъ прекраснымъ судомъ, который онъ высоко цѣнитъ и которому онъ вполнѣ довѣряетъ». Сами финляндцы давно уже сознали необходимость новаго суда и съ этою цѣлью учредили комиссію (Вреде), но вопросъ не подвигался впередъ, не смотря на то, что еще въ 1897 г. Высочайшая резолюція гласила: «Надо поторопить».

Тѣмъ болѣе приходилось сожалѣть объ указанной медленности, что Финляндія пріобрѣла уже очень хорошее новое Уголовное Уло-

женіе, съ простой карательной системой. Это Уложеніе нѣкоторыми своими частями ставилось въ зависимость отъ судебной практики. Въ Уложеніи отсутствуютъ, напримѣръ, теоретическія опредѣленія и формулировки общихъ понятій, составляющія предметъ научной разработки. Текстъ Уложенія даетъ лишь правила, подлежащія практическому примѣненію, но установленіе общихъ юридическихъ понятій предоставляется вполнѣ теоріи и судебной практикѣ [247]).

Н. И. Бобриковъ, преклоняясь передъ высокимъ назначеніемъ суда, четыре года не вмѣшивался въ его область; но наконецъ факты убѣдили его, что судъ въ Финляндіи совершенно не отвѣчаетъ своей цѣли, вслѣдствіе политиканства его главныхъ жрецовъ. Нужно было пресѣчь зло, чтобы спасти населеніе отъ окончательнаго развращенія. Мѣра взысканія была придумана. Высочайшее постановленіе отъ 1 (14) августа 1902 г. распространило временно на чиновъ судебнаго вѣдомства дѣйствіе положенія о порядкѣ удаленія отъ службы чиновъ административнаго вѣдомства. Дѣла эти подлежали однако рѣшенію не одного генералъ-губернатора, а разсмотрѣнію судебнаго департамента сената, слѣдовательно, обставлены были извѣстной процедурой и проходили черезъ финляндскія руки. Начало несмѣняемости судей не было отмѣнено. Правильный ходъ государственной дѣятельности потребовалъ лишь временнаго его ограниченія. Терпѣть политику въ мѣстномъ судѣ нельзя было. Судъ есть мечъ власти въ мирное время и онъ не можетъ преслѣдовать иныхъ цѣлей, кромѣ цѣлей поддержанія законнаго порядка и пресѣченія всякаго уклоненія отъ требованій закона [248]).

Смуты послѣдняго времени въ краѣ лучше всякихъ теоретическихъ разсужденій показали, насколько назрѣла необходимость въ законѣ 1-го августа. Часть чиновниковъ и судей Финляндіи признали прямой своей обязанностью стать въ оппозицію русскимъ государственно-объединительнымъ мѣропріятіямъ и тормозить ихъ всѣми находившимися въ ихъ распоряженіи средствами. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ широко злоупотребляли началомъ несмѣняемости, почему необходимо было покарать зло соотвѣтствующимъ законодательнымъ актомъ. «Финляндская Газета» очень кстати напомнила по этому поводу законъ о пріостановкѣ на годъ несмѣняемости судей во Франціи, внесенный въ парламентъ никѣмъ инымъ, какъ Гамбеттою. Бонапартистскіе судьи, пользуясь несмѣняемостью, задумали противодѣйствовать республиканскому правительству своими приговорами. Такъ какъ они занялись политикою и государству грозила опасность, то дѣйствіе закона о несмѣняемости судей было на время пріостановлено и суды очищены отъ вреднаго элемента.

Въ началѣ 1905 г. полная несмѣняемость финляндскихъ судей

была возстановлена. Русское правительство не желало, чтобы надъ ними долго тяготѣлъ законъ, вызванный крайнею необходимостью. Ихъ положеніе было облегчено. Но судьи не исправились. Храмъ суда продолжалъ оставаться мѣстомъ самаго необузданнаго политиканства, неотличимаго отъ открытаго издѣвательства надъ законнѣйшими требованіями русскаго правительства. Въ гельсингфорскомъ ратгаузскомъ судѣ разсматривалось, напримѣръ, дѣло объ убійствѣ прокурора сената Іонсона (Сойсалонъ - Сойнинена). Защитникъ подсудимаго Хогенталя прочелъ обширную записку, въ которой позорилъ бывшаго генералъ-губернатора, весь сенатъ и прокурора сената, возвеличивая въ то же время убійцу, какъ народнаго героя. Генералъ-адъютантъ Бобриковъ и статсъ-секретарь Плеве представлены защитникомъ злѣйшими «врагами» Финляндіи. Они произвели въ краѣ «революцію», «государственный переворотъ», отъ котораго «можно и должно защищаться всевозможными способами». «Режимъ Бобрикова былъ направленъ къ уничтоженію Финляндіи въ государственномъ и національномъ смыслѣ». Онъ желалъ денаціонализировать молодежь и надѣялся обрусить широкіе слои народа. Н. И. Бобриковъ провинился, между прочимъ, даже въ томъ, что, добившись исполненія призыва 1904 г., «содѣйствовалъ озлобленію финляндскихъ революціонеровъ партіи активнаго сопротивленія». Защитникъ дошелъ до того, что открыто доказывалъ законность неповиновенія властямъ. Онъ обвинялъ бывшаго генералъ-губернатора въ томъ, что онъ уставомъ о воинской повинности вызвалъ сопротивленіе; онъ обвинялъ сенатъ въ томъ, что тотъ подчинился государственному перевороту; онъ корилъ убитаго прокурора сената Іонсона за то, что тотъ «не отстаивалъ народнаго правосознанія» и служилъ проводникомъ для финляндскихъ «враговъ». Защитникъ въ своей запискѣ развивалъ теорію финляндской государственности, разсматривалъ положеніе дѣла въ Финляндіи съ международной точки зрѣнія, критиковалъ всѣхъ дѣятелей, надъ всѣмъ и вся произносилъ свой рѣзкій приговоръ. Онъ представилъ суду обзоръ главнѣйшихъ реформъ бобриковскаго времени, негодовалъ на введеніе русскаго языка въ дѣлопроизводство сената и т. п. Чтобы обѣлить гнусное убійство, защитникъ представилъ обвиняемаго Хогенталя уполномоченнымъ представителемъ финляндскаго «государства», доказывая, что онъ имѣлъ право съ оружіемъ въ рукѣ защищать существованіе Финляндіи и національность своего народа. По воззрѣнію защитника, каждый чиновникъ и каждый гражданинъ долженъ былъ «противодѣйствовать» бобриковскому режиму. Съ невѣроятнымъ пренебреженіемъ къ наличнымъ фактамъ, защитникъ передъ судьями настаивалъ на томъ, что генералъ Бобриковъ, опираясь на штыки, велъ къ «уничтоженію нашей финской страны», что «тысячи семей

были имъ обижены: развитіе культуры и благосостоянія края задержано, и что все общественное зданіе грозило рухнуть». Эту непостижимую и злостную ложь судъ выслушалъ до конца, а печать разнесла изъ стѣнъ суда по всему краю.

Такимъ образомъ, очевидно, что въ финляндскомъ судѣ судили не убійцу, а высшаго представителя русской власти и его помощниковъ, при чемъ всѣхъ свободно и безнаказанно оклеветали, исходя изъ чисто анархическихъ предпосылокъ и воззрѣній [249]).

Въ томъ же духѣ и направленіи дѣйствовалъ ратгаузскій судъ въ Выборгѣ. На выборгскаго губернатора д. с. с. Н. А. Мясоѣдова произведено было покушеніе нѣкіимъ Рейникка, который ранѣе вызвался убить прокурора Іонсона. Судъ постановилъ слѣдующій единственный въ своемъ родѣ приговоръ. Онъ призналъ доказаннымъ, что обвиняемый Рейникка, придя къ убѣжденію, что потерпѣвшій д. ст. с. Мясоѣдовъ въ должности губернатора своими противозаконными мѣропріятіями причинилъ, и оставаясь на своемъ посту, и впредь сталъ-бы причинять вредъ финскому народу, рѣшилъ убить его, дабы воспрепятствовать этому и съ такою цѣлью произвелъ въ д. ст. с. Мясоѣдова три выстрѣла, нанеся ему этими выстрѣлами меньшій вредъ, нежели предусмотрѣно въ § 5 главы 2-й уголовнаго уложенія, почему и принимая во вниманіе, «что д. ст. с. Мясоѣдовъ, какъ всѣмъ извѣстно, въ качествѣ губернатора принималъ мѣры, которыя привели губернію къ безправію и не были основаны на дѣйствующихъ въ странѣ законахъ; что такимъ образомъ обвиняемый въ этомъ отношеніи долженъ быть признанъ дѣйствовавшимъ по своему убѣжденію и по совѣсти, не ради достиженія личныхъ выгодъ» . . . Судъ приговорилъ Рейникка къ заключенію въ исправительной тюрьмѣ только на 2 года и 2 мѣсяца. Публика аплодировала суду [250]).

Итакъ, судъ и публика глумились надъ жертвами преступленія, подобно тому, какъ это дѣлалось во Франціи въ дни великой революціи. Вмѣсто того, чтобы судить преступника, судъ занимался разслѣдованіемъ дѣйствій властей. Чтобы преступленіе сдѣлать въ глазахъ судей ненаказуемымъ, нужно было только наименовать его политическимъ. Ослушаніе, безпорядки и самое убійство, все разрѣшалось, такъ какъ все дѣлалось на благо націи. Лица, совершившія возмутительныя дѣянія,—не преступники, такъ такъ они мстили за націю и отстаивали свою родину. Гельсингфорскій и Выборгскій ратгаузскіе суды открыто поддерживали и восхваляли политическія убійства. Они какъ бы говорили населенію: продолжайте «по совѣсти» и по «убѣжденію» убивать сторонниковъ русскаго объединительнаго режима и не бойтесь наказанія: мы васъ будемъ выгораживать. Судъ Финляндіи обратилъ такимъ образомъ свой мечъ въ оружіе мятежа, а

свои засѣданія въ грубыя выходки политическаго характера. Революціонеры поняли указанія суда и 6-го іюля 1905 г. они бросили бомбу въ помощника генералъ-губернатора В. Ѳ. Дейтриха, а черезъ день убили жандармскаго подполковника Крамаренко....

На сеймѣ 1897 г. пасторъ Бломбергъ просилъ объ ассигнованіи изъ средствъ казны извѣстной суммы ежегодно въ распоряженіе общинъ съ тѣмъ, чтобы обязать ихъ производить нарѣзку мелкихъ участковъ бездомному населенію, въ видѣ займа, съ разсрочкою уплаты въ теченіи установленнаго срока и съ начетомъ небольшого процента на капиталъ. Этимъ путемъ полагалось возможнымъ доставить осѣдлость и обезпечить существованіе 60 процентамъ неимущихъ. Сеймъ отвергъ предложеніе пастора, усмотрѣвъ въ его проектѣ «соціалистическій оттѣнокъ» и обремененіе казны.

Число безземельныхъ возрастало. Сенатъ отмѣтилъ это обстоятельство въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ и Государю Императору благоугодно было начертать: «Надѣленіе землею безземельныхъ отнынѣ должно стать первою заботою сената». Мѣры принимались къ улучшенію положенія экономически обездоленной части населенія, но всѣ онѣ носили временной и отрывочный характеръ. Такой-же характеръ имѣла и первая забота Н. И. Бобрикова о безземельныхъ.

По его ходатайству повелѣно было (7 мая 1899 г.) изъ финляндскихъ суммъ выдѣлить 2 мил. мар. для покупки крестьянамъ земельныхъ участковъ. Въ этомъ несомнѣнно сказалось попеченіе Монарха о финскомъ населеніи, но лица, несочувствующія Россіи, придали дѣлу несоотвѣтствующій ему характеръ, желая возбудить въ населеніи подозрѣніе къ русскимъ, пытавшимся яко-бы вызвать вражду между сословіями на аграрной почвѣ. Въ «Nya Pressen» (18 октября 1899 г.) писали: «мы вѣдь отлично знаемъ, сколько стараній приложено, чтобы возбудить соціальный конфликтъ, чтобы создать рознь между сидящими на землѣ и безземельными, между разными болѣе и менѣе состоятельными классами населенія нашей страны».

«Распредѣленіе земли—самая больная соціальная рана Финляндіи», почему прикосновеніе къ ней русской руки вызывало крики ревниваго негодованія.

Въ Финляндіи преобладаетъ мелкое крестьянское землевладѣніе (78%); только треть крестьянъ имѣютъ собственную землю. На 32% самостоятельныхъ землевладѣльцевъ приходится 65% безземельныхъ. Вопросъ объ упорядоченіи поземельнаго устройства имѣлъ поэтому очень существенное значеніе. Двѣ трети сельскаго населенія не имѣютъ

земли, почему они лишены также голоса въ земскихъ и въ общественныхъ дѣлахъ [251]).

Изучивъ дѣло, Н. И. Бобриковъ всеподданнѣйше ходатайствовалъ (въ октябрѣ 1900 г.) о назначеніи комиссіи для выясненія нуждъ даннаго разряда населенія. Тогда же онъ написалъ В. К. Плеве: «Передалъ вамъ мое ходатайство о дальнѣйшемъ направленіи вопроса о надѣленіи землею безземельныхъ. Народъ ждетъ этой льготы отъ Царя и очевидно было-бы желательно, чтобы онъ ее получилъ именно отъ Монарха. Мѣра эта настолько важна, что не терпитъ отлагательствъ на долгій срокъ, вслѣдствіе чего я и проектировалъ отпускать хотя-бы по сто тысячъ марокъ въ годъ на улучшеніе обстановки несчастныхъ, хотя бы въ мѣрѣ возможности» [252]).

Комиссія была учреждена, подъ предсѣдательствомъ помощника генералъ-губернатора. При рѣшеніи вопроса о безземельныхъ она встрѣтилась съ полнымъ почти отсутствіемъ точныхъ статистическихъ данныхъ. При сборѣ ихъ, дѣло не обошлось безъ протестовъ со стороны нѣкоторыхъ общинъ, которыя отказались дать комиссіи нужныя свѣдѣнія, «пока не будетъ возстановлена строгая законность во всѣхъ отрасляхъ общественной жизни». Доброе и гуманное дѣло—улучшеніе быта крестьянъ—хотѣли испортить, связавъ его съ политикой. Затѣмъ для комиссіи создалась необходимость изслѣдовать вопросъ о колонизаціи казенныхъ земель на сѣверѣ, а также возможность обращенія въ нихъ болотъ въ полевыя угодья.

Въ ближайшемъ соприкосновеніи съ безземельнымъ вопросомъ находился вопросъ о торпаряхъ. Лучшимъ изслѣдователемъ послѣдняго являлся Аксель Варренъ. Изъ его книги «Torparissa Suomessa» видно было, что центръ тяжести торпарскаго вопроса находился не столько въ матеріальномъ ихъ положеніи, сколько въ юридическомъ. Торпарямъ въ извѣстной мѣрѣ завидуютъ другіе безземельные, т. е. бобыли и рабочіе, переходившіе съ мѣста на мѣсто. Варренъ, понимая трудность осуществленія реформы по надѣленію всѣхъ земельными участками, мечталъ на первое время лишь о наслѣдственной арендѣ торпарей, находя, что уже она значительно улучшила бы ихъ положеніе. Но прежде всего, по его мнѣнію, требовалось установленіе сносныхъ контрактныхъ условій. У торпарей въ огромномъ большинствѣ случаевъ не было вовсе письменнаго контракта, а жили они на основаніи устнаго договора и были обыкновенно опутаны по рукамъ и ногамъ самыми тяжелыми условіями.

Вопросъ о безземельныхъ былъ снова возбужденъ на сеймѣ 1900 г. На этотъ разъ главное вниманіе сосредоточивалось на обезпеченіи положенія торпарей и на упорядоченіи ихъ правъ со стороны юридической. Предложенъ былъ новый законопроектъ, по которому всѣ

контракты съ торпарями должны быть заключаемы письменно, а права и обязанности обѣихъ сторонъ точно устанавливаемы.

Торпарь дожилъ до письменнаго контракта, но каковы были его условія, показываетъ образецъ 1901 г., въ которомъ значилось, напримѣръ: § 1. «Торпарь долженъ мнѣ отработать ежегодно триста три (303) дня. Торпарю надлежитъ, по мѣрѣ надобности, отработать 25 добавочныхъ дней, за которые онъ получаетъ по 1 маркѣ въ день, а также по мѣрѣ надобности, добавочные дни, за которые онъ получаетъ по двѣ марки въ день». По § 11 торпарь обязывался исполнять вызовы на поѣздки или работу. И т. п.

На 4-мъ съѣздѣ рабочихъ представителей въ Выборгѣ, въ 1901 году, много вниманія было удѣлено положенію безземельныхъ. Рисуя неудовлетворительное и соціальное положеніе торпарей, одинъ изъ докладчиковъ указывалъ прежде всего на ихъ полную юридическую необезпеченность: всѣ права на сторонѣ собственника, всѣ обязанности на сторонѣ торпаря; въ этомъ духѣ и составляются обыкновенно контракты. Докладчикъ выставлялъ идеаломъ превращеніе торпарей въ самостоятельныхъ земледѣльцевъ. Другой докладчикъ остановилъ вниманіе съѣзда главнымъ образомъ на замѣтномъ ухудшеніи экономическихъ условій безземельнаго населенія за послѣдніе годы. Фактъ этотъ, по его мнѣнію, вызывается несомнѣннымъ ростомъ капитализма въ аграрномъ хозяйствѣ: крупное землевладѣніе вытѣсняетъ мелкое; машина дѣлаетъ излишними рабочія руки; конкуренція между неосѣдлымъ пролетаріатомъ увеличивается; становится все труднѣе попасть даже въ разрядъ торпарей; все большему числу лицъ приходится довольствоваться участью бобылей и нахлѣбниковъ [253]).

Труды комиссіи при Н. И. Бобриковѣ не были закончены. Весьма важный въ политическомъ и экономическомъ отношеніи вопросъ требовалъ обширнаго разслѣдованія. Комиссія успѣла намѣтить къ разрѣшенію лишь вопросъ о колонизаціи обширной площади казенныхъ земель. Въ то же время пріобрѣтались на казенныя средства земельные участки и распродавались торпарямъ на льготныхъ условіяхъ.

Рознь экономически-противоположныхъ классовъ существуетъ въ Финляндіи уже съ давнихъ поръ. Чисто-экономическія начала дѣлятъ весь финляндскій народъ на два противоположныхъ по интересамъ и стремленіямъ класса: на капиталистовъ, собственниковъ, землевладѣльцевъ—съ одной стороны и на необезпеченную, трудящуюся массу—съ другой. При этомъ, въ рукахъ первыхъ сосредоточена власть не только экономическая, но и политическая, такъ какъ въ Финляндіи съ землевладѣніемъ связаны политическія права. Народныя массы, по существу,

совершенно устранены отъ управленія своей родиной: доступъ къ политической власти для нихъ загражденъ принципами чисто-экономическаго характера. Болѣе полутора (изъ $2^1/_2$) милліоновъ населенія обрекается вслѣдствіе этого на полное политическое безправіе: въ 1890 г. лишь $30^0/_0$ всего народонаселенія имѣли доступъ къ выборамъ, тогда какъ $70^0/_0$ оказывались безправными. Правомъ голоса пользуются лишь $^2/_7$ всего сельскаго и $^1/_3$ городского населенія. Какое ничтожное участіе принимаетъ народъ въ такъ-называемомъ народномъ представительствѣ Финляндіи, показываетъ составъ любого сейма. Въ 1900 г. засѣдало 246 депутатовъ и изъ нихъ только 63 приходилось на долю крестьянъ [254]).

Такое положеніе вещей естественно служитъ почти непреодолимымъ тормазомъ для проведенія какихъ бы то ни было реформъ въ пользу рабочаго класса.

Въ послѣднее время почти на каждый сеймъ поступали петиціи, касающіяся реформъ выборной системы въ пользу рабочаго класса, но депутаты отвергали ихъ, какъ неосуществимыя и несвоевременныя мечты. Сеймъ 1897 г. призналъ необходимость пересмотра въ ближайшемъ будущемъ избирательной системы, однако до сихъ поръ по вопросу этому еще ничего не сдѣлано. Партія шведомановъ — партія родовой аристократіи и крупной буржуазіи,—являясь прогрессивной во всѣхъ общекультурныхъ вопросахъ, защищая права женщинъ, свободу совѣсти, равноправность евреевъ, выступая приверженицей фритредерства въ его борьбѣ съ протекціонизмомъ, партія эта тѣмъ не менѣе весьма несочувственно относится къ стремленіямъ народной массы завоевать себѣ политическія и коммунальныя права. Оправдывается она тѣмъ, что допущеніе въ правящія сферы мало-образованныхъ и незрѣлыхъ въ политическомъ смыслѣ народныхъ массъ грозитъ культурнымъ успѣхамъ страны. На самомъ-же дѣлѣ для большинства шведомановъ реформа представительнаго правленія нежелательна потому, что она не только прекратила бы ихъ политическое господство, но несомнѣнно отразилась бы весьма неблагопріятнымъ образомъ и на экономическихъ ихъ интересахъ.

До 1899 года рабочіе, собственно говоря, не представляли собою сколько-нибудь самостоятельной политической партіи и сливались съ остальными радикальными группами населенія. Но уже въ 1899 году, на съѣздѣ рабочихъ представителей въ Або, послѣдними выработана была собственная политическая программа, провозглашавшая самостоятельность рабочихъ, какъ отдѣльнаго политическаго класса [255]).

Въ Або рабочая партія поставила своею цѣлью освободить финляндскій народъ отъ экономическаго гнета, политической и умствен-

ной опеки, путемъ подготовки пролетаріата для борьбы съ сословными интересами. Въ Финляндіи насчитываютъ уже до 40 соціальныхъ мѣстныхъ союзовъ, съ наличнымъ составомъ въ 8 тыс. чел.

Въ 1903 г. рабочая партія, въ лицѣ 75 представителей, на конгрессѣ въ Форсса, заявила: въ виду безуспѣшности отвоевать себѣ мѣста въ народномъ представительствѣ, рабочіе отказываются въ «сословіяхъ» (сеймахъ) признавать выразителей дѣйствительной совокупности финляндскаго народа; поэтому рабочая партія, не признавая себя связанною существующими законами, не можетъ принять на себя и нравственной обязанности поддерживать политическій, общественный и экономическій строй страны.

Мѣстное сеймовое устройство вообще очень мало отвѣчаетъ идеѣ народнаго представительства. Изъ § 1 сеймоваго устава надо заключить, что земскіе чины, собранные на сеймѣ, «представляютъ финскій народъ». Но существующая избирательная система, какъ было указано, едва допускаетъ на сеймъ 30% всего населенія. Особенно же несообразно устроены выборы въ городскомъ сословіи. «Сеймовый уставъ предоставляетъ городскимъ общинамъ поступать въ выборахъ по своему усмотрѣнію. Каждый городъ самъ опредѣляетъ для себя, каковъ долженъ быть цензъ при политическихъ выборахъ. Благодаря этому въ 37 городахъ, имѣющихся въ Финляндіи, нынѣ существуетъ десять различныхъ избирательныхъ системъ,—говоритъ газета «Uusi Suometar».—«Общее число плательщиковъ городского общиннаго налога составляло во всѣхъ городахъ Финляндіи въ 1900 году 55.985 чел. Всѣ эти лица имѣли право голоса на общинныхъ выборахъ, но на политическихъ выборахъ въ сеймъ и половина ихъ не могла участвовать: избирательное право предоставлено было въ городскомъ сословіи въ 1900 году лишь 23.469 лицамъ. Слѣдовательно, этого права лишены были 32.516 человѣкъ или 58 процент. изъ числа плательщиковъ общинныхъ налоговъ».

Чтобы показать, насколько несостоятельна система выборовъ въ городское сословіе, приведемъ еще одинъ наглядный примѣръ. Въ настоящее время «Гельсингфорсъ выбираетъ пятую часть депутатовъ всего городского сословія». На сеймѣ 1900 г. отъ Гельсингфорса было 13 представителей, и такъ какъ, согласно сеймовому уставу, городъ этотъ избираетъ одного депутата на каждые 6.000 жителей, то понятно, что число депутатовъ должно изъ года въ годъ увеличиваться. Громадному приросту гельсингфорскаго населенія содѣйствуетъ имиграція. Главный контингентъ переселяющихся въ главный городъ края—финны рабочаго сословія. Изъ всего населенія Гельсингфорса на долю фин-

новъ приходится 47.280 чел., а на долю шведовъ только 39.593 чел. Слѣдовательно, большинство населенія его говоритъ по-фински. И не смотря на это финны Гельсингфорса не выставляютъ ни одного представителя на сеймѣ! Мало того. «Въ Гельсингфорсѣ мы становимся свидѣтелями того страннаго явленія, что стоящая у власти шведская партія, по мѣрѣ увеличенія въ городѣ населенія, говорящаго по-фински, избираетъ все большее количество несочувствующихъ финнамъ и ихъ интересамъ депутатовъ въ составъ сейма». Та же исторія повторяется въ Або, Выборгѣ, Бьернеборгѣ, Тавастгусѣ, Улеоборгѣ, Николайстадѣ и Ништадѣ. Въ Финляндіи эти факты извѣстны каждому. Несправедливость ихъ очевидна. Исправленію дѣла мѣшаютъ единственно тѣ, которые болѣе всего говорятъ о справедливости, равноправности, либерализмѣ, конституціонныхъ принципахъ и т. п. — т. е. шведоманы.

Шведоманы желаютъ сохранить въ своихъ рукахъ политическую власть и потому жертвуютъ интересами всего финскаго народа, пренебрегаютъ справедливостію и попираютъ основу правового порядка. Огромное большинство (85 проц.) населенія Финляндіи желаетъ проведенія избирательной реформы; огромное большинство протестуетъ противъ гегемоніи шведской партіи и заявляетъ, что ея власть гибельна для страны, но шведоманы не внемлютъ и твердятъ заявленія о своей миссіи и о политической незрѣлости стремящихся къ выборнымъ урнамъ. Вопросъ о новой выборной системѣ выдвинутъ на очередь въ послѣднее время съ большой силой, причемъ по адресу сословій, тормозящихъ дѣло, было выказано много справедливыхъ упрековъ и сдѣлано много рѣзкихъ замѣчаній. Шведомановъ называли «предателями отечества», дѣйствія сейма «позорными» и т. п. (Публицистъ Валпасъ; «Wiborgs Nyheter» 1905, № 94).

Финская партія рѣшила на предстоящемъ ближайшемъ сеймѣ поддержать проектъ общаго равнаго права голоса.

Однѣ реформы производились по иниціативѣ Н. И. Бобрикова, къ другимъ мѣропріятіямъ онъ вынужденъ былъ перейти ходомъ дѣлъ и противодѣйствіемъ мѣстныхъ учрежденій и общества.

«Пожалуйста слѣдите, въ мѣрѣ силъ и возможности, чтобы въ народъ не проникали непрошенные учителя - революціонеры», писалъ онъ своему помощнику ген.-лейт. Н. Н. Шипову (24 іюля 1899 г.). Проникновеніе членовъ кагала - агитаціи въ народъ заставило русскую власть обратиться къ мѣстнымъ губернаторамъ; но такъ какъ они не проявили желанія содѣйствовать ей, то создалась необходимость прибѣгнуть къ мѣрамъ, направленнымъ противъ самихъ начальниковъ гу-

берній. «Крайне необходимо, писалъ Н. И. Бобриковъ, сломить упорство губернаторовъ, доходящее до прямого противодѣйствія или тайнаго обхода моихъ распоряженій». Преступная пропаганда продолжала развиваться и необходимость побудила генералъ-губернатора воспретить безконтрольный ввозъ ружей боевого образца и продажу огнестрѣльныхъ припасовъ.

Одно обстоятельство вызывало другое. Они, какъ шестерни въ механизмѣ, цѣплялись другъ за друга, приводя все въ движеніе.

На сеймѣ многіе дѣятели проявили большую несдержанность въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ, а сеймъ въ полномъ его составѣ сталъ въ рѣзкую оппозицію правительству. На сеймѣ разсматривался, напримѣръ, вопросъ по установленію новаго порядка въ перемѣщеніи и назначеніи чиновъ судебнаго вѣдомства. «Въ представленіи сената Государь Собственноручно вычеркнулъ ссылку на Форму Правленія и Актъ Соединенія и Безопасности, не имѣвшіе прямого отношенія къ данному вопросу. Затѣмъ Его Величество указалъ, въ другомъ случаѣ, что Форму Правленія давно пора забыть. Несмотря на такое Высочайшее указаніе, сеймъ въ своемъ рѣшеніи воспроизвелъ все зачеркнутое и какъ бы придалъ сему особую цѣну» [256]). Нужно было подумать о мѣрахъ къ упорядоченію сеймовыхъ засѣданій. Вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно особое вниманіе привлекли къ себѣ наиболѣе его горячіе ораторы. Родилась мысль о недопущеніи ихъ въ составъ будущихъ земскихъ собраній. «Я безусловно согласенъ съ вами, отвѣчалъ В. К. Плеве генералъ-губернатору, что послѣ результатовъ послѣдняго сейма руководители его не должны болѣе являться въ той-же роли на слѣдующихъ сеймахъ. Поступить иначе значило бы проявлять непростительную слабость, а пожалуй и заранѣе обѣщать пассивное отношеніе впредь ко всякимъ дерзкимъ выходкамъ противъ Верховной Власти» [257]). Когда въ другой разъ зашла рѣчь о сеймѣ, по поводу напечатанія имъ, помимо цензуры, своего заключенія о правительственныхъ мѣропріятіяхъ, В. К. Плеве высказалъ, въ письмѣ къ Н. И. Бобрикову (4 апр. 1900 г.), слѣдующую мысль: «Относительно поведенія сейма я думаю, что чѣмъ хуже онъ себя будетъ вести, тѣмъ болѣе козырей дастъ онъ намъ для послѣдующаго времени. Если-же онъ перейдетъ границы терпимаго, то его слѣдуетъ закрыть. Заниматься же пререканіями съ нимъ по поводу его занятій не слѣдовало бы. По крайней мѣрѣ не слѣдуетъ облекать эти пререканія въ оффиціальную форму»...

На всеподданнѣйшемъ докладѣ министра статсъ-секретаря о результатахъ дѣятельности чрезвычайнаго сейма 1899 г., Государю Императору благоугодно было начертать: «Порядокъ составленія сеймовыхъ заключеній совершенно неудовлетворителенъ; сеймовый уставъ

подвергнуть пересмотру». 14 августа 1901 г. послѣдовало новое Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы предложить финляндскому сенату приступить къ пересмотру сеймоваго устава, въ видахъ болѣе точнаго опредѣленія компетенціи сейма и усовершенствованія порядка веденія въ немъ дѣлъ. Сенатъ ограничился пересмотромъ нѣкоторыхъ отдѣловъ устава, что не удовлетворило генералъ-губернатора. Послѣднему хотѣлось, въ цѣляхъ поддержанія русскаго дѣла, устранить существующія ограниченія и добиться того, чтобы русскіе люди и русскіе интересы имѣли своихъ представителей на сеймѣ. «Проживающіе въ краѣ уроженцы Имперіи, — писалъ Н. И. Бобриковъ въ своемъ второмъ отчетѣ (за 1902—1904 г.),—не пользуются правомъ участія въ избраніи сеймовыхъ депутатовъ, почему лишены возможности заявить о своихъ нуждахъ... Тѣмъ не менѣе они несутъ, наравнѣ съ коренными обывателями края, всѣ обязанности и повинности, лежащія на финляндцахъ, и подлежатъ дѣйствію однихъ и тѣхъ же законовъ и судовъ... Нельзя забывать, что русскіе у себя дома, хотя и на окраинѣ, и являются тамъ представителями господствующей въ Имперіи народности». Для практическаго осуществленія своего проекта, онъ предлагалъ занесеніе ихъ въ теченіи трехъ лѣтъ въ оброчные списки края. Смѣлая попытка не встрѣтила поддержки и мысль, высказанная Н. И. Бобриковымъ, ожидаетъ въ будущемъ своего исполнителя, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Въ Финляндіи въ 1902 г. имѣлось 1,034 общества разнаго рода. «Нѣкоторыя изъ нихъ,—какъ писалъ генералъ-губернаторъ Бобриковъ 15 октября, — принесли краю не мало пользы, содѣйствуя росту матеріальнаго благосостоянія и подъему умственнаго и нравственнаго уровня». Къ сожалѣнію, съ возникновеніемъ въ краѣ броженія, существовавшими обществами агитаторы стали пользоваться для политической пропаганды, почему вынудили генералъ-губернатора принять нѣкоторыя ограничительныя мѣры противъ этихъ учрежденій. «Пѣвческія общества» и «общества трезвости», субсидированныя казною, превратились въ явные органы лже-патріотовъ, которые собирали на ихъ празднества многотысячную толпу. Главнымъ нумеромъ этихъ праздниковъ всегда являлись политическія рѣчи извѣстныхъ ораторовъ. Не менѣе рвенія въ дѣлѣ политической пропаганды проявили, пожалуй, гимнастическія общества.

Въ 1900 г. въ Гельсингфорсѣ устроенъ былъ грандіозный трехдневный пѣвческій праздникъ. По увѣренію газетъ, въ Гельсингфорсъ прибыло отъ 15 до 20 тыс. человѣкъ. Въ 47-ми хорахъ участвовало до 1500 ч. Все это дѣлалось для поддержанія и развитія «единоду-

шія среди согражданъ», упроченія любви къ отечеству и развитія національнаго сознанія.

Работа студентовъ, пѣвческіе съѣзды, гимнастическія общества и т. п. сами по себѣ, по идеѣ, были прекрасны. Въ нихъ много симпатичныхъ сторонъ. Объ нихъ читаешь съ любовью. Ихъ хочется рекомендовать русскимъ людямъ, какъ примѣры, достойные подражанія. Но надъ всѣми этими прекрасными картинами изъ финляндской жизни, озаренными свѣтлымъ и сверкающимъ лучемъ энергіи и любви къ родинѣ, проходятъ, какъ отъ тучи надъ лѣтней нивой, тѣни нерасположенія къ русскому правительству и его требованіямъ. Противодѣйствіе русскому и голосъ протеста совершенно омрачаетъ ихъ въ нашихъ глазахъ и вызываетъ искреннее сожалѣніе, что къ хорошему народному дѣлу примѣшено чувство недружелюбія.

Патріотическими праздниками, — читаемъ въ «Uusi Suometar»— «надо приготовиться къ тому времени, когда слово, пѣснь и упорная сила народа потребуются для противодѣйствія невзгодамъ судьбы». Возможно ли не подразумѣвать въ данномъ случаѣ Россіи? Это немыслимо. Утверждать противное значило бы говорить неправду и закрывать глаза на дѣйствительность. По понятіямъ и заявленіямъ самихъ финляндцевъ, русское правительство причиняетъ эти невзгоды.

На гельсингфорскомъ праздникѣ проф. Сетэлэ говорилъ, что финскій народъ «отстаиваетъ свое право на жизнь и на сохраненіе своей національности». «Мы знаемъ, что въ этотъ моментъ всему угрожаетъ опасность». «Финскій народъ не хочетъ умирать»... На каѳедру всходятъ новые ораторы. Они читаютъ стихотворенія Юхани Ахо и Ильмара Каламніуса. Поэзія опять говоритъ о «притѣсненіяхъ Финляндіи», о «безобразныхъ стремленіяхъ» притѣснителей, о суднѣ, построенномъ для борьбы въ морѣ съ самой свирѣпой бурей... Ораторы очевидно создали себѣ грозные призраки и ноютъ и мучаются передъ ними, отравляя себѣ жизнь и наводя печаль и страхъ на слушателей, ибо въ Россіи никакими злобными чувствами и намѣреніями по отношенію къ финнамъ не проникнуты, и вражды къ Финляндіи никто не питаетъ.

Та же исторія повторялась со сходками. Они производились въ Финляндіи не на основаніи какого-либо опредѣленнаго закона, а только въ силу обычая. Въ періодъ же смуты они обратились въ вредные очаги, «у огня которыхъ согрѣвалась политическая интрига», какъ выразился начальникъ края. «Буду радъ,—писалъ онъ министру статсъ-секретарю,—получить законъ о сходкахъ, дабы, если не совершенно покончить съ демонстраціями, то, по крайней мѣрѣ, ограничить ихъ предѣлами благоразумія». «Не можемъ-же мы, продолжалъ Н. И. Бобриковъ, закрывать глаза на ходъ жизни, показывающій, что въ

прошломъ (1899) г. было до 60 сходокъ, прямо направленныхъ противъ достоинства Имперіи и силы русской власти. Можно быть терпѣливымъ и снисходительнымъ, но конечно лишь до извѣстной степени». «Вопросъ о лотереяхъ, какъ менѣе сложный,—отвѣтилъ В. К. Плеве (29 октября 1899 г.),—получилъ незамедлительное направленіе, вопросъ же о сходкахъ, согласно вашему указанію, будетъ всесторонне разработанъ сотрудниками моими по Государственной Канцеляріи». Менѣе чѣмъ черезъ недѣлю В. К. Плеве препроводилъ проектъ правилъ о сходкахъ, «какъ образецъ послѣдующей дѣятельности» генералъ-губернатора [258]).

Право сходокъ и право учрежденія новыхъ обществъ были, въ силу необходимости, ограничены. Мѣры эти вызвали значительное недовольство среди финляндцевъ и они стали обходить законоположенія, вызывая тѣмъ новыя и новыя административныя воздѣйствія.

«Что касается ограниченія свободы собранія, то, говоря безпристрастно,—писала газета финскихъ рабочихъ, — слѣдуетъ признать, что дѣйствительно со стороны ревностныхъ патріотовъ было произведено много напрасныхъ подстрекательствъ. Свободѣ собраній рабочихъ были поставлены въ то же время препятствія именно со стороны этихъ патріотовъ по той причинѣ, что собранія рабочихъ не соотвѣтствовали ихъ стремленіямъ. Мѣстныя правительственныя партіи могли бы заявлять о своей невиновности только въ томъ случаѣ, если бы онѣ не подали никакого повода къ нынѣшнимъ мѣропріятіямъ и не готовили низшимъ слоямъ народа ту судьбу, которая теперь выпала на долю всѣхъ» [259]).

Лотереями также злоупотребляли. Подъ предлогомъ, напримѣръ, сбора средствъ путемъ лотереи, для пополненія кассы тружениковъ печати, устроено было грандіозное демонстративное празднество, охватившее весь край. Остріе затѣи направлено было, конечно, противъ администраціи, наказывавшей газеты. Періодическую печать—«третью верховную власть»—чествовали задорными пѣснями и рѣчами, а также тенденціозными театральными представленіями, желая показать, что передъ ней должны разрушиться «стѣны насилія». «Праздникъ прессы, одновременно разрѣшенный всѣми губернаторами, разумѣется, сопровождался демонстраціями. Новаго ничего не случилось,—писалъ генералъ-губернаторъ министру статсъ-секретарю, — и на все я былъ готовъ. Вотъ эта, объявшая всю Финляндію, лотерея и вызвала мое ходатайство вообще о регулированіи лотерей на будущее время. Постепенное усовершенствованіе административнаго законодательства дастъ свои плоды, если и не скоро, то прочно» [260]).

Правила о лотереяхъ, опять въ силу необходимости, подверглись нѣкоторымъ стѣсненіямъ.

О чемъ только не приходилось думать и заботиться начальнику края! «Выдвигаю вопросъ о распространеніи на Финляндію существующаго въ Имперіи порядка оплаты заграничныхъ паспортовъ, въ предупрежденіе явной несправедливости», читаемъ въ его письмѣ отъ 29 октября къ В. К. Плеве.

Преслѣдовали сенатора Споре. Создалась новая забота. «У меня по поводу этого случая мысль на финляндскія средства купить домъ для помощника генералъ-губернатора и нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, это было бы и огражденіемъ бойкотируемыхъ и наказаніемъ бойкотирующихъ. Какъ вы къ этой мысли относитесь? спрашивалъ генералъ-губернаторъ министра статсъ-секретаря. Кажется вы и сами на ней въ прошломъ году останавливались» [261]). «Достоинство русской власти, продолжалъ начальникъ края въ другомъ письмѣ, требуетъ почетнаго выхода изъ современныхъ квартирныхъ затрудненій, которыя вѣроятно еще усилятся, съ появленіемъ русскихъ служащихъ въ составѣ канцеляріи генералъ-губернатора».—Купили второй домъ—«новое почетное убѣжище бойкотируемымъ чинамъ гражданскаго вѣдомства», какъ выразился генералъ-губернаторъ [262]).

Мелочи чередовались съ серьезными распоряженіями. Агитаторы обыкновенно смущали призывныхъ такими рѣчами: не ходите въ воинскія присутствія, вамъ ничего за это не сдѣлаютъ, а если назначатъ штрафъ, то его за васъ уплатятъ наличными деньгами; если же васъ предадутъ суду, то наши судьи васъ оправдаютъ. Народъ слушалъ и вѣрилъ, потому что видѣлъ примѣры взноса денегъ и оправданія судомъ. Нужно было разрушить подобную иллюзію и придумать наказанія, какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для общинъ, уклонившихся отъ исполненія закона о воинской повинности. Правительству предстояла очень трудная задача, надо было различить сознательныхъ ослушниковъ закона отъ лицъ, склоненныхъ и увлеченныхъ агитаціей. Рескриптъ отъ 12 (25) января 1903 г. со «змѣиною мудростію», какъ выразился «Morning Post», разобрался въ дѣлѣ: наиболѣе интеллигентныхъ повелѣно было увольнять со службы; другимъ воспрещено было покидать предѣлы края; провинившіяся общины лишились ссудъ и пособій; послушно вынувшихъ жребій вернули въ первобытное состояніе и т. д.

Такъ какъ финляндцы въ оппозиціи были неутомимы и дѣйствовали притомъ дружно и энергично, то правительственной власти приходилось принимать одну мѣру за другою. Н. И. Бобриковъ признался въ письмѣ, что мѣстная агитація его сильно утомила, но уступить въ борьбѣ, въ которой онъ считалъ русскую сторону правой, являлось для него невозможнымъ. «Намъ нельзя оставлять окраину въ настоящемъ положеніи, говорилъ онъ, если мы не хотимъ ея совершенно лишиться» [263]).

Со всѣхъ сторонъ на начальника края устремлены были взоры. Всѣ слѣдили за малѣйшими его дѣйствіями, чтобы подвергнуть ихъ строжайшей критикѣ. Въ основу всего надлежало класть законъ и строгую справедливость. И генералъ-губернаторъ творилъ свой судъ нелицепріятно. Провинившіеся сенаторы и губернаторы подвергались взысканію такъ же, какъ и мелкіе чиновники и граждане. Когда члены гофгерихта, сената и магистратовъ выступали коллективно, ихъ коллективно же стали увольнять, не останавливаясь передъ многочисленностью, которой они иногда надѣялись прикрыться. Девять сенаторовъ, четыре губернатора, шестнадцать членовъ Абоскаго гофгерихта и бургомистры одиннадцати городовъ были единовременно группами уволены въ отставку и отстранены отъ своихъ должностей, когда виновность ихъ была установлена. Общая вина въ подобныхъ случаяхъ сводилась обыкновенно къ умышленному неисполненію разныхъ предписаній начальства и требованій закона по воинской повинности.

Цѣлыя общины штрафовались. Въ оппозиціи правительству находились иногда учрежденія въ полномъ составѣ и потому неудивительно, если заграничная печать характеризовала общее положеніе, «состояніемъ скрытаго возстанія противъ Имперіи» [264]).

Противодѣйствіе въ сельскихъ округахъ обусловливалось энергіей мѣстной власти, фохтовъ и ленсмановъ. Они ускользали отъ наказанія, вслѣдствіе своей неподчиненности администраціи края. Чтобы обуздать ихъ, генералъ-губернатору пришлось исходатайствовать Высочайшее соизволеніе на примѣненіе къ нимъ правилъ, существовавшихъ для чиновъ финляндской полиціи (13 (26) февр. 1903 г.).

Велась такимъ образомъ нескончаемая борьба, такъ какъ настойчивость финляндцевъ столкнулась съ энергіей и послѣдовательностію выдающагося генералъ-губернатора.

Конечно, «легче было ему править краемъ ничего не дѣлая или потакая завѣдомымъ врагамъ святой Руси нашей». Но на это Н. И. Бобриковъ не былъ способенъ. «Русскихъ интересовъ продавать я не могу и не хочу, считая для себя это безчестнымъ»...—«Надо помнить, что мы 90 лѣтъ уступали напору финляндцевъ»... «Минута для управленія Финляндіей поистинѣ историческая. Успѣхъ нашъ въ дальнѣйшемъ—сохраненіе въ системѣ твердости. Дѣло наше правое и должно быть выиграно». И онъ продолжалъ борьбу, надѣясь достигнуть умиротворенія [265]).

«Насъ наводняетъ—сообщалъ онъ В. К. Плеве—(8 ноября 1902 г.) иностранная и своя преступная литература, пользуясь отсутствіемъ единодушія между органами, призванными къ охраненію насъ отъ такого зла: почтою, таможнею, цензурою, полиціей (и дѣятелями желѣзныхъ дорогъ). Пока во главѣ главныхъ управленій этихъ будутъ стоять

мѣстные люди, очевидно, наши интересы не будутъ охранены съ желательнымъ успѣхомъ».—Нерадѣніе однихъ и попустительство другихъ необходимо было прекратить. Отсюда новыя предписанія и ограниченія по почтовому, цензурному и таможенному вѣдомствамъ. Обходные пути распространенія вредной литературы нельзя было оставить открытыми. Проектировались поэтому новые заставы, новыя правила досмотра. На каждый родъ яда необходимо было пріискать противоядіе.

Съ 1 января 1904 г. пришлось поэтому увеличить штатъ финляндскаго жандармскаго управленія. При посредствѣ жандармовъ усиленъ былъ паспортный надзоръ, осмотръ пассажирскаго багажа, таможенныхъ книгъ и документовъ и пр., такъ какъ подпольная литература, боевые припасы и пр. ввозились почти что открыто, въ виду полнаго бездѣйствія многихъ финляндскихъ властей, способствовавшихъ пассивному сопротивленію и боявшихся бойкота кагала.

Требованія правительства, имѣвшія цѣлью сблизить Финляндію съ Россіей, встрѣчали безпрерывное упорное сопротивленіе. Противодѣйствіе наказывалось. Наказаніе приводило къ обходу закона. На новые выходки власть отвѣчала новыми мѣрами и т. д. Получился своего рода заколдованный кругъ. Власти было цѣлесообразнѣе проявить сильную руку, но она, желая остаться на почвѣ строгой законности, пыталась пресѣчь зло выработкой новыхъ постановленій. Къ выходу изъ заколдованнаго круга не мало мѣшали также старыя предубѣжденія. Боровшіяся стороны недостаточно знали другъ друга. Правительственныя мѣропріятія перетолковывались печатью и довѣріе къ нимъ было подорвано. Сказалась наконецъ давнишняя отчужденность русской власти отъ мѣстнаго общества и отсутствіе у нея достаточнаго числа надежныхъ лицъ, для приведенія въ исполненіе своихъ законныхъ требованій.

Подводя итоги преобразованіямъ, произведеннымъ и намѣченнымъ въ 1898—1904 г.г., мы видимъ, что въ теченіи неполныхъ шести лѣтъ произведена «колоссальная поступательная работа». «Ни одна сколько-нибудь существенная сторона русско-финляндскихъ отношеній не осталась незатронутой».

Водворенъ русскій языкъ въ сенатѣ.

Число уроковъ русскаго языка увеличено въ лицеяхъ.

Учреждены инспекторы преподаванія русскаго языка.

Приняты мѣры противъ гоненія коробейниковъ.

Русскія начальныя школы избавлены отъ финляндской опеки и добавочная субсидія на нихъ увеличена.

Въ первые четыре года управленія Н. И. Бобрикова удалось возобновить и заново отдѣлать десять храмовъ и часовенъ.

Учреждена первая русская газета.

При Гельсингфорской русской мужской гимназіи основано общежитіе для иногородныхъ учениковъ.

Въ разныхъ городахъ учреждены русскія библіотеки-читальни.

Заведена особая дирекція русскихъ школъ для Финляндіи.

Возобновлено дѣло о причисленіи жителей села Райвола къ Петербургской губерніи.

Въ 1902 г. состоялся народноучительскій съѣздъ въ Гельсингфорсѣ.

Проектированы новыя каѳедры русской исторіи, русскаго права и государствовѣдѣнія.

Ожидалось изданіе новыхъ правилъ по перечисленію въ Финляндію русскихъ уроженцевъ, а также открытіе Отдѣленія русскаго Государственнаго Банка.

29 Октября 1903 г. состоялось постановленіе о правѣ уроженцевъ коренной Россіи пріобрѣтать недвижимое имущество въ Финляндіи.

Русскіе люди допущены на гражданскую службу въ Финляндіи.

По вопросу о военныхъ расходахъ, Н. И. Бобриковъ ходатайствовалъ о возмѣщеніи русской казнѣ части тѣхъ ассигнованій, которыя по финляндскому бюджету были опредѣлены на содержаніе финскихъ войскъ.

Усилены полиція и жандармскій надзоръ.

Упразднены финскія войска и кадетскій корпусъ.

Начата громадная работа по обезпеченію надѣлами безземельнаго населенія.

Ограничена возможность злоупотребленія сходками, лотереями, общественными подписками, а также учрежденіями новыхъ обществъ, превратившихся въ политическіе клубы.

Закончено почтовое объединеніе.

Издана новая инструкція для генералъ-губернатора.

Преобразована генералъ-губернаторская канцелярія изъ финляндской въ русскую.

Намѣченъ и начался пересмотръ: сеймоваго законодательства; учебныхъ плановъ мѣстной средней школы и нѣкоторыхъ ихъ учебниковъ; таможенныхъ порядковъ; монетной системы.

Проектировано желѣзнодорожное соединеніе постройкою моста черезъ Неву.

Приведено въ порядокъ дѣло по мобилизаціонной готовности желѣзныхъ дорогъ.

Ограниченъ особыми правилами ввозъ оружія въ Финляндію и устройство стрѣльбищъ.

Мы не говоримъ уже о такихъ мѣропріятіяхъ, какъ упорядоченіе выдачи паспортовъ; сокращеніе переписки; увеличеніе окладовъ сенаторовъ и губернаторовъ; контроль надъ избраніемъ должностныхъ лицъ общиннаго управленія, надъ эмигрантами и т. п.

Поднятъ вопросъ о коренной реформѣ лоцманскаго вѣдомства, обращено вниманіе на необходимость сравненія правъ судовъ, приписанныхъ къ портамъ Имперіи [266]).

Въ то-же время Н. И. Бобриковъ оказывалъ широкую поддержку мѣропріятіямъ, начатымъ по иниціативѣ мѣстнаго сената и направленнымъ ко благу Финляндіи а именно: по развитію мореходства; по возникшей кооперативной дѣятельности; вмѣстѣ съ сенатомъ онъ успѣшно боролся съ послѣдствіями неурожая; народныя школы получили поддержку; финскому языку дана полная равноправность со шведскимъ; велась разработка проекта избирательной реформы и т. п. Прогрессу Финляндіи ни въ одной отрасли препятствій не ставилось. Зорко слѣдилъ Николай Ивановичъ только за тѣмъ, чтобы новыя мѣропріятія согласовались съ государственными интересами Имперіи.

Всѣми главными мѣрами русская власть, въ лицѣ Николая Ивановича Бобрикова, добивалась единенія, тѣснѣйшаго сближенія Финляндіи съ Россіей. Къ этой цѣли направлены были всѣ его старанія, всѣ его помыслы.

Внутреннее самоуправленіе края отъ этого не страдало; съ національными интересами и особенностями финскаго народа Бобриковъ всегда считался и ни одной самобытности — духовной, культурной, этнографической — не коснулся. Сеймъ сохраненъ и власть его не уменьшена по мѣстному законодательству, а правомъ участія въ общегосударственномъ законодательствѣ онъ никогда не пользовался; сенатъ по прежнему остается главнымъ административнымъ органомъ края; ни одно изъ мѣстныхъ учрежденій края не тронуто и не сокращено.

Приведенный перечень реформъ показываетъ, что время управленія Н. И. Бобрикова явилось цѣлой эрой въ исторіи Финляндской окраины, такъ какъ въ теченіи неполныхъ шести лѣтъ онъ сдѣлалъ столько для русскаго дѣла и для государственно-политическаго объединенія ея съ центромъ, сколько не было сдѣлано за всѣ предшествовавшіе годы нахожденія ея подъ властью Россіи. Тутъ храмъ воздвигнутъ, тамъ школа построена, въ Гельсингфорсѣ заложено обширное подворье, учреждено школьное общежитіе, открыто десятокъ отдѣловъ Краснаго Креста, основана первая русская газета и т. д. и т. д. «Все это сдѣлано было при Бобриковѣ», какъ значится въ одномъ письмѣ къ нему (отъ 6 мая 1904 г.).

Н. И. Бобриковъ у Гангеудскаго памятника.

Но всякая мѣра единенія съ Россіей противорѣчила программамъ всѣхъ политическихъ партій Финляндіи. Росту и развитію русскаго дѣла въ предѣлахъ края финляндцы также не сочувствовали. Отсюда ихъ противодѣйствія военной, почтовой и другимъ преобразованіямъ. Чтобы остановить реформы, они подняли шумъ въ печати, сенатъ и сеймъ протестовали, чиновники противодѣйствовали и оставляли свои должности, судьи перестали судить... На русскія требованія государственно-объединительнаго характера финляндскіе руководители отвѣтили смутой нѣсколькихъ лѣтъ, желая ею устрашить русское правительство и прежде всего ея представителя въ краѣ. Объединительныхъ мѣропріятій смута при Бобриковѣ не остановила, и его, какъ представителя русской власти, она не устрашила, но, къ сожалѣнію и неизбѣжно, привела къ разладу Н. И. Бобрикова съ мѣстными дѣятелями.

VIII. Выборгская губернія.

Среди разнообразныхъ мѣропріятій послѣдняго періода, направленныхъ къ «тѣснѣйшему единенію» Финляндіи съ Россіей, особое мѣсто занимаетъ обширный проектъ о возсоединеніи Выборгской губерніи съ остальными частями Имперіи. Проектъ остался неразработаннымъ и не осуществленнымъ, но это не лишаетъ его большого интереса и глубокаго историческаго значенія.

Н. И. Бобриковъ зналъ исторію Финляндіи, почему нерѣдко наводилъ справки въ ея прошломъ. Онъ зналъ, что никто другой, какъ статсъ-секретарь гр. Робертъ Ребиндеръ возбудилъ вопросъ объ отдѣленіи отъ Великаго Княжества трехъ Кексгольмскихъ уѣздовъ, а также приходовъ Кивинеббъ, Мола и Валькъерви (Kivinebb, Mohla, Valkjärvi). Замѣчательно, что среди финляндцевъ нашелся человѣкъ, который остался недоволенъ сдѣланнымъ (въ 1811 г.) имъ щедрымъ подаркомъ. Статсъ-секретарь Финляндіи, Р. Ребиндеръ, опасался, что этотъ даръ превратится въ «утесъ», о который въ состояніи разбиться независимость края. Въ свое время эта смѣлая для финляндца мысль навлекла на него неудовольствіе согражданъ. Его записка сильно порицалась [267]). Ребиндеръ съ самаго начала не могъ одобрить плана гр. Армфельта и уже въ 1812 г. писалъ: «Вслѣдствіе соединенія Старой Финляндіи съ Новой противъ насъ создалась вліятельная партія»... Въ 1824 г. тотъ-же Ребиндеръ писалъ своему другу: «Я знаю всѣ тѣ трудности, съ которыми вамъ приходится бороться въ этой проклятой губерніи, дарованной намъ небомъ въ своемъ гнѣвѣ».

Въ 1826 г. Ребиндеръ рѣшился представить всеподданнѣйшій докладъ, чтобы покончить съ мучившими его сомнѣніями. Въ этомъ докладѣ онъ писалъ, что соединеніе Выборгской губ. съ остальной Финляндіей не имѣло одинаково благотворныхъ послѣдствій для всѣхъ его частей. Одна часть общества была раздражена; землевладѣльцы и крестьяне остались недовольны своимъ положеніемъ. Немало отразился на трудностяхъ управленія и тотъ разладъ, который возникъ между

правительственными и мѣстными учрежденіями. «Эти трудности, проистекающія изъ множества взаимно исключающихъ интересовъ, дѣлаютъ управленіе нѣкоторою частью названной губерніи столь обременительнымъ, что, кажется, почти уже невозможно найти какой-либо счастливый выходъ изъ современнаго положенія вещей».

«Все населеніе края можетъ быть раздѣлено на два племени: собственно финновъ и кареловъ. Послѣдніе, почти сплошь населяя три Кексгольмскихъ уѣзда, т. е. ту часть Выборгской губерніи, которая въ 1617 году, по Столбовскому мирному договору, отошла къ Швеціи, весьма замѣтно отличаются отъ своихъ сосѣдей финновъ и по своимъ обычаямъ, языку и религіи, гораздо болѣе приближаются къ русскимъ. Позже другихъ попавъ подъ власть Швеціи, они ранѣе другихъ были возвращены подъ господство Россіи... Въ Карелiи шведское законодательство не было приноровлено къ понятіямъ и нравамъ народа.

«Новое устройство Карелiи можетъ вызывать лишь постоянныя распри между лицами, которыя другъ друга не понимаютъ, обычаи и нравы которыхъ не менѣе различны, чѣмъ ихъ языкъ.

«Карелія расположена вблизи столицы государства и Ладожскаго озера, воды котораго непосредственно сообщаются съ С.-Петербургомъ и омываютъ берега двухъ русскихъ губерній. Указанное мѣстоположеніе, столь выгодное для внѣшней торговли Карелiи, какъ бы наглядно связываетъ эту мѣстность съ одной изъ названныхъ губерній. Уже въ теченіи цѣлаго столѣтія карелы привыкли возить свои продукты на продажу въ столицу и оттуда получать все необходимое для ихъ нуждъ. Въ настоящее время, входя въ составъ Финляндіи, отдѣленной отъ Имперіи, вдоль границы, цѣпью таможенныхъ учрежденій, они невольно вынуждены испытывать въ своей торговлѣ стѣсненія, которыхъ прежде не знали и на которыя должны, слѣдовательно, не мало жаловаться».

Въ Выборгской губ. огромныя земли принадлежали русскимъ сановникамъ и нѣкоторыя даже состояли въ непосредственномъ вѣдѣніи русской казны и разныхъ министерствъ Имперіи. (При Петрѣ I было пожаловано 33 помѣстья; ко двору Екатерины I было отписано 515 дворовъ; при Екатеринѣ II казнѣ принадлежало 886½ мантаповъ). Управляющіе сихъ имѣній не понимали того языка, на которомъ въ Финляндіи велась оффиціальная переписка, и не знали тѣхъ преимущественно земельныхъ законовъ, которымъ обязаны были слѣдовать. Все это рождало нескончаемыя недоразумѣнія. Не только управляющіе, но также православные священники, многіе горожане и другіе русскіе значительно болѣе освоились съ русскими административными порядками, чѣмъ съ финляндскими; можно по справедливости

сказать,—прибавляетъ Ребиндеръ,—что за исключеніемъ 12-ти пасторовъ и казенныхъ чиновниковъ во всей Карелiи никто ничего не понимаетъ въ тѣхъ законахъ, которымъ они обязаны слѣдовать. Кромѣ того, Ребиндеръ жалуется и негодуетъ на то, что отъ Карелiи нѣтъ никакой пользы ни финляндской казнѣ, ни промышленности, что невѣроятно легкомысленно желать расширенія финляндской территоріи за предѣлы распространенія финскаго языка [268]).

«По этимъ основаніямъ, было бы желательно отдѣлить отъ Финляндіи три Кексгольмскихъ уѣзда и приходы Кивинеббъ, Мола и Валькъерви Эйрепэскаго уѣзда (Eurärä härad), съ присоединеніемъ ихъ къ смежнымъ губерніямъ С.-Петербургской и Олонецкой. Три послѣднихъ прихода встарину входили въ составъ Карелiи; кромѣ того, какъ самое расположеніе ихъ, такъ и другія мѣстныя причины требуютъ, чтобы они одновременно съ Карелiей были отдѣлены отъ Финляндіи; Кивинеббскій приходъ въ настоящее время образуетъ собою часть земли, принадлежащей Сестрорѣцкому оружейному заводу; приходъ Мола въ большей части своей населенъ русскими, и, наконецъ, приходъ Валькъерви, какъ имѣющій не мало точекъ соприкосновенія съ Карелiей, оказывается столь тѣсно связаннымъ съ ней и приходомъ Мола, что отдѣлить его отъ обоихъ послѣднихъ было бы весьма затруднительно».

Дѣло было передано на заключеніе сената. Въ согласіи съ большинствомъ голосовъ, былъ составленъ отрицательный (afstyrkande) отзывъ Императорскаго сената. Этотъ отзывъ, помѣченный 31-мъ Марта 1826 г., былъ представленъ Его Величеству Императору Николаю I, который отклонилъ данный проектъ.

Надо прибавить, что вопросъ объ отдѣленіи части Выборгской губ. возникалъ уже и раньше. Тотъ-же статсъ-секретарь Ребиндеръ 2 августа 1822 года извѣстилъ генералъ-губернатора Штейнгеля, что, по выкупѣ съ Высочайшаго соизволенія за счетъ русской казны имѣнія Линтула, занимавшаго весь Кивинеббскій приходъ, и отдачѣ его въ вѣдѣніе Сестрорѣцкаго оружейнаго завода, Его Императорское Величество, по возбужденному ходатайству о томъ, соизволилъ повелѣть Артиллерійскому Департаменту войти съ всеподданнѣйшимъ заключеніемъ по вопросу о необходимости отдѣлить, на извѣстныхъ условіяхъ, названное имѣніе отъ Финляндіи, въ видахъ достиженія той цѣли, ради которой оно было выкуплено.

Вопросъ этотъ и въ 1822 г. былъ также оставленъ Александромъ I in statu quo [269]).

Финляндскіе историки, разсматривавшіе этотъ вопросъ, оцѣнили его различно. Лагусъ находилъ, что, «не только для указанныхъ мѣстностей, но и для цѣлой Финляндіи было чрезвычайнымъ счастьемъ,

что предположенное раздѣленіе территоріи Великаго Княжества не состоялось». Біографъ Ребиндера, молодой историкъ Кастрéнъ, отмѣчая, что предположенная «политическая ампутація» не была произведена, тѣмъ не менѣе, характеризуетъ проектъ Ребиндера, какъ дѣяніе осторожнаго и умнаго государственнаго мужа.

Описанный историческій фактъ, надо полагать, не разъ былъ предметомъ обсужденія между генералъ-губернаторомъ Н. И. Бобриковымъ и министромъ статсъ-секретаремъ В. К. Плеве. Объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо перваго отъ 30 іюня 1900 г. къ Вячеславу Константиновичу: «Чѣмъ болѣе и глубже вдумываюсь въ обстановку, тѣмъ все болѣе и болѣе прихожу къ убѣжденію необходимости осуществленія нами съ вами намѣченныхъ мѣръ! Въ ряду этихъ послѣднихъ дастъ большіе результаты и предложенное вами отдѣленіе Выборгской губерніи, къ чему цѣлая масса оправдывающихъ то основаній. Нельзя-ли вамъ приказать исподволь подготовить справку по сему послѣднему предположенію»?

Справки дѣйствительно подготовлялись. Прежде всего изъ сборника «Juridiskt Album», издававшагося Robert'омъ Lagus'омъ, была цѣликомъ переведена статья «Проекты территоріальнаго уменьшенія Великаго Княжества Финляндскаго» и прекрасно издана особой брошюрой, съ приложенной картой Выборгской губерніи. Затѣмъ была возстановлена исторія Карелiи. Статьи о ней появились въ «Финляндской Газетѣ» и также составили особую брошюру.

Въ первомъ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ (за 1898—1902 гг.) финляндскій генералъ-губернаторъ писалъ: «Въ ряду другихъ мѣръ, въ цѣляхъ большаго огражденія столицы Имперіи, я признавалъ-бы полезнымъ исподволь подготовить рѣшеніе вопроса о выдѣленіи Выборгской губерніи изъ состава Великаго Княжества, съ подчиненіемъ ея общему въ Имперіи управленію. Мѣра эта имѣла бы особое значеніе въ томъ вниманіи, что Выборгская губернія служитъ поприщемъ усиленной пропаганды, стремящейся вселить въ ея населеніе духъ непріязни къ издревле родной ему Россіи. Кромѣ того, возсоединеніе Выборгской губерніи явилось бы удовлетвореніемъ русскаго національнаго чувства, сильно удрученнаго отторженіемъ этой земли, завоеванной геніемъ Петра Великаго. На возвращеніе Выборгской губерніи слѣдовало бы смотрѣть лишь, какъ на первый шагъ къ окончательному сліянію Финляндіи съ государственнымъ организмомъ Имперіи» [270]).

Наконецъ, извѣстно, что незадолго до своей кончины В. К. Плеве вновь вернулся къ планамъ о Выборгской губ. и приказалъ мѣстному губернатору представить нѣкоторыя соображенія по дѣлу.

Все показываетъ, что вопросъ о Выборгской губерніи занималъ

тѣхъ главныхъ дѣятелей, которые умно и энергично осуществляли правительственную программу объединенія. Н. И. Бобрикову и В. К. Плеве, какъ русскимъ людямъ, радѣвшимъ о своемъ отечествѣ, было надъ чѣмъ задуматься, ознакомившись съ судьбой Выборгской губ. Въ исторіи Россіи мало такихъ страницъ, которыя такъ больно щемятъ наше сердце, какъ описаніе недавняго прошлаго Карельской земли.

Въ 1710 г. Петръ Великій осадилъ Выборгъ и сталъ жечь его «брандерами» и истреблять бастіоны, «машиною инфернались». Городъ сдался на «аккорды». По Ништадтскому миру (1721 г.) Россія получила «въ совершенное неприкосновенное вѣчное владѣніе Выборгскую губ.».

По Абоскому договору (1743 г.) граница русскихъ владѣній была расширена до рѣки Кюмени [271]).

Екатерина II приняла рядъ мѣръ къ объединенію этой окраины съ остальными частями государства. Въ 1763 г. сенату повелѣно было уголовныя и криминальныя дѣла рѣшать на общемъ основаніи, потому что финляндскіе обитатели мѣстъ, пріобрѣтенныхъ въ 1721 и 1743 г., «яко живущіе въ одной странѣ, одного закона и одного языка люди, а равно подданные Императорскаго Величества должны быть вообще на равныхъ правахъ безъ всякаго одинъ предъ другими преимущества». При изданіи учрежденія о губерніяхъ, ему подчинена была и Выборгская губ. При учрежденіи въ 1784 г. намѣстничества, были упразднены губернская канцелярія, коронные фохты, прежніе мѣстные суды и т. п., и вмѣсто нихъ явились намѣстническое правленіе, палата уголовная, гражданская, казенная, суды уѣздные и совѣстные, земскіе верхніе и нижніе и т. д. [272]). Въ 1786 г. въ намѣстничествѣ считалось 186.500 жителей.

Очень интереснымъ является депутатскій наказъ отъ дворянъ Выборгской губ., данный ими своему уполномоченному, г. «порутчику», «дѣйствительному каммергеру»», графу И. Г. Чернышеву, такъ какъ этотъ наказъ рисуетъ положеніе дѣлъ въ Старой Финляндіи. «Сердца наши жертвуютъ Ея Императорскому Величеству вѣчное благодареніе и прославленіе имени Ея»,—писали дворяне,—въ общемъ довольные своей участью. Видя, что права шведскихъ временъ «иногда пространно толкованы быть могутъ», дворяне ходатайствовали: во 1-хъ о томъ, чтобы положеній, изданныхъ въ Швеціи послѣ 1721 г., не примѣнять въ Выборгской губ. и чтобы «въ законъ приняты не были»; во 2-хъ, «дабы отъ нашихъ фрельсевыхъ правъ короннымъ крестьянамъ не могли происходить новыя какія отягощенія»; въ 3-хъ, «чтобы финляндскимъ кораблямъ всемилостивѣйше пожалованы были всѣ преимущества россійскаго флага»; въ 4-хъ, чтобы «въ казенныхъ дачахъ

накрѣпко» наблюдать, дабы каждый крестьянинъ нѣсколько земли къ пашнямъ прибавилъ и обработывалъ», во избѣжаніе случавшагося «по часту» голода. Но въ тоже время дворянство просило пожаловать имъ «привилегіи и преимущества, коими шведское дворянство въ сихъ провинціяхъ» раньше пользовалось; но просьба эта сопровождалась ясной и знаменательной оговоркой, «по колику оныя привилегіи и съ самодержавными монаршими правами Ея Императорскаго Величества согласны быть могутъ» [273]).

Со вступленіемъ на престолъ Императора Павла I, были возстановлены многія прежнія шведскія учрежденія и примѣненіе шведскихъ законовъ. Но въ то же время Выборгская губ. привлечена была къ участію въ рекрутскихъ наборахъ. Этотъ поворотъ къ прежнимъ порядкамъ повелъ къ большой путаницѣ, особенно въ земельномъ вопросѣ.

Въ царствованіе Александра I покорена была (въ 1809 г.) Новая или Шведская Финляндія. Тогда же возникла мысль о присоединеніи къ ней Выборгской губ. Планы объ образованіи изъ Финляндіи отдѣльнаго цѣлаго существовали давно. Уже въ царствованіе Густава III (1771—1792 г.) создалась партія, съ Спренгтпортеномъ во главѣ, мечтавшая объ особомъ Финляндскомъ государствѣ, въ видѣ финской республики. Къ этой партіи принадлежали преимущественно аньяльскіе заговорщики. Пытаясь при Екатеринѣ II осуществить свою затѣю при содѣйствіи Россіи, они просили также уступить имъ бывшія крѣпости Вильманстрандъ, Фридрихсгамъ и Нейшлотъ. Совѣтъ, на разсмотрѣніе котораго было передано это ходатайство, одобривъ мысль объ отторженіи отъ Швеціи Финляндіи, въ то же время добавилъ, что крѣпости были «намъ нужны въ защиту противъ шведовъ, а финляндцамъ къ чему-же послужатъ, когда Россія, доставляя имъ независимость, пріемлетъ на себя охраненіе таковой вольности своимъ навѣки ручательствомъ; слѣдственно, защиту свою не въ укрѣпленіи границъ отъ Россіи, но въ силахъ Россійской Имперіи они имѣть будутъ» [274]). Императрица, всегда стоявшая на стражѣ интересовъ своего государства, отвѣтила финляндцамъ, что могутъ разсчитывать на ея помощь во всемъ, что будетъ согласоваться съ пользою Россіи. Этимъ и окончились попытки аньяльцевъ при Екатеринѣ II.

Въ 1810 г. Императору представилась депутація финляндцевъ, во главѣ съ генералъ-маіоромъ Аминовымъ, ходатайствовавшая за финскихъ офицеровъ. Излагая свою просьбу, Аминовъ сказалъ между прочимъ, что въ случаѣ отказа «лучшая часть націи принуждена будетъ эмигрировать и Финляндія, которая принадлежала къ числу самыхъ просвѣщенныхъ странъ Европы, должна будетъ попасть въ такое жалкое состояніе, какъ Выборгская губ.». Государь слушалъ съ

большимъ вниманіемъ, прибавляетъ историкъ Финляндіи [275]). Въ это время финляндцы вообще старались внушить Императору ту мысль, что положеніе восточной Финляндіи требуетъ ея соединенія съ западной Финляндіей, что въ этомъ кроется единственное средство ея спасенія. Въ началѣ войны (1808 г.) Спренгтпортенъ также высказался о возсоединеніи въ своихъ «Новогоднихъ размышленіяхъ» [276]). Проводникомъ всѣхъ подобныхъ воззрѣній явился гр. Г. М. Армфельтъ, недавно передъ тѣмъ пріѣхавшій въ Петербургъ изъ Швеціи. Самъ гр. Армфельтъ придавалъ чрезвычайное значеніе своей миссіи по возсоединенію Выборгской губ. и держалъ сперва планъ въ строгомъ секретѣ, чтобы не встрѣтить оппозиціи въ средѣ русскихъ сановниковъ патріотическаго образа мыслей. Гр. Армфельтъ находилъ въ исполненіи этого дѣла «большое удовольствіе», видѣлъ въ немъ огромную пользу «для человѣчества и Финляндіи», говорилъ, что благодаря сему плану «несчастныя существа Старой Финляндіи» вновь получатъ «гражданское бытіе и выйдутъ изъ своего скотского состоянія» [277]). Для достиженія намѣченной цѣли, гр. Армфельтъ прибѣгалъ къ лести, идиллическимъ описаніямъ, игралъ на струнахъ либерализма и гуманизма. Свои «Reflexions sur la Reunion de l'Ancienne et de la Nouvelle Finlande» Армфельтъ начинаетъ такими словами: «Съ тѣхъ поръ какъ Новая Финляндія очутилась подъ могущественнымъ скипетромъ кроткаго Александра, счастливые жители ея съ восторгомъ видятъ, что сохранена ихъ конституція, оставлены ихъ законы... Но, для полнаго счастья имъ желательно заключить въ свои братскія объятія народъ, живущій по другую сторону рѣки Кюмени; они хотятъ, чтобъ и тѣ наслаждались плодами свободной конституціи и справедливости. Они съ нетерпѣніемъ ожидаютъ возсоединенія со своими братьями, съ которыми жестокая судьба такъ давно разлучила ихъ»...

Въ маѣ 1811 г. гр. Армфельтъ удостоился продолжительной аудіенціи, во время которой Императоръ выразилъ ему свое намѣреніе «непремѣнно присоединить Старую Финляндію къ Новой, и дать ей ту же самую конституцію и тѣ же формы свободы, какъ у Новой». Мемуаръ, поданный по сему вопросу гр. Армфельтомъ, былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ. По собственному признанію автора, мемуаръ былъ «прямой атакой противъ тѣхъ беззаконій и того насилія, которымъ подвергалась Старая Финляндія со времени ея покоренія»; а по признанію біографа Армфельта (E. Tegner'a), тонъ и качество сего мемуара «никоимъ образомъ не могли быть пріятны въ оффиціальномъ собраніи русскихъ людей».

11 декабря 1811 г. состоялся манифестъ объ именованіи Старой и Новой Финляндіи совокупно Финляндіею, а 31 декабря того же года—другой манифестъ объ устройствѣ Выборгской губ. [278]).

Согласно симъ Высочайшимъ повелѣніямъ, съ 1 января 1812 г. финляндскіе законы стали примѣняться въ Выборгской губ., а ея государственные доходы поступать въ кассу Финляндіи.

Новыя распоряженія приводились въ исполненіе гр. Армфельтомъ и его помощниками съ полнымъ презрѣніемъ къ тѣмъ русскимъ чиновникамъ, которые должны были уступить свои мѣста природнымъ финляндцамъ. Сама реформа, по словамъ гр. Армфельта, предпринималась, между прочимъ, съ тѣмъ, «чтобы искоренить въ русскихъ помѣщикахъ esprit d'aristocratie et de barbarie». Пріятель Армфельта Аминовъ вынужденъ былъ назвать соединеніе «необдуманнымъ и насильственнымъ» и упрашивалъ своего друга принять болѣе кроткія мѣры. «Въ этой странѣ не годятся умѣренные пріемы (mezzi termini)», отвѣчалъ графъ Армфельтъ [279]).

Съ какой бы стороны не посмотрѣть на дѣло, оно несомнѣнно, представляетъ одну изъ самыхъ печальныхъ страницъ нашей государственной лѣтописи.

Гр. Армфельтъ ликовалъ: онъ одержалъ «побѣду въ пользу угнетеннаго человѣчества». Финляндскій историкъ Габріель Лагусъ недавно еще доказывалъ, что обстоятельства благопріятствовали Выборгской губ. и судьба не дала ей погибнуть подъ вліяніемъ Россіи, такъ какъ губерніей долгое время правилъ Шуваловъ, чуждый всякихъ русскихъ идей; кромѣ того въ Выборгѣ жило много нѣмцевъ и, наконецъ, край былъ подчиненъ лифляндской коллегіи. Густавъ IV Адольфъ, посѣтивъ Выборгъ, лично убѣдился, что Швеція здѣсь еще не забыта.

Однако, чтобы ни говорили прежніе и нынѣшніе финляндскіе дѣятели и писатели, несомнѣннымъ остается тотъ фактъ, что торговля въ Выборгской губ. успѣла перейти въ руки русскихъ купцовъ; землевладѣльцами въ ней были преимущественно русскіе вельможи, а значительную часть губерніи составляла старая православная Карелія. Въ 1808 г. въ губерніи было 12 учебныхъ заведеній (съ 322 учениками) [280]), кои состояли въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія; въ краѣ успѣло вырости новое поколѣніе, для котораго прежніе шведскіе законы и привилегіи не имѣли того значенія, какъ для ихъ отцовъ и предковъ.

Благосостояніе Выборгской губерніи было вообще скудное и особенно печальна была участь Кареліи. Сохранилось подробное описаніе сѣверной Кареліи, относящееся къ 1764 г. Изъ сего описанія видно, что къ сѣверу отъ Кексгольмской крѣпости начинались «не веселыя мѣста», «ужасныя и безплодныя горы, великіе каменные буераки», болота; почти чрезъ весь годъ бываетъ здѣсь холодная сырая и влажная погода; пахотная земля «частію песча-

ная, частію съ глинистой подошвой». При всемъ томъ имѣлась, конечно, нѣкоторая возможность расчищать землю для пахоты, можно было бы заняться скотоводствомъ, «по причинѣ изрядныхъ и изобильныхъ паствъ»; рыбы было «изобильно»; край, наконецъ, не лишенъ былъ желѣзной руды. Однако, все находилось въ «худомъ состояніи», вслѣдствіе лѣни, пьянства и многихъ другихъ причинъ, особенно вслѣдствіе малолюдства и суроваго климата [281]). Надо помнить, что «ни одна изъ финляндскихъ областей не испытала столькихъ перемѣнъ въ своей участи, какъ Карелія, служившая ареной пограничныхъ распрей между Швеціей и Россіей». Въ первые годы существованія Русскаго государства Карелія входила въ его составъ и принадлежала Великому Новгороду. Въ XI и XII вѣкахъ новгородцы колонизировали Карелію и распространили въ ней православіе. Къ концу XVI ст. можно считать Карелію русскимъ краемъ. По Орѣховскому договору (1323 г.) Карелія была раздѣлена на двѣ половины. По договору въ Тявзинѣ (1595 г.) Россія вернула себѣ прибережье Ладоги. По Столбовскому миру (1617 г.) пришлось уступить эту область Швеціи и Густавъ-Адольфъ былъ особенно доволенъ условіями этого мира, надѣясь, что русскіе далеко отодвинуты отъ Балтійскаго моря и что они не скоро «перешагнутъ этотъ ручеекъ». Успѣхъ нашего оружія въ 1710 и 1742 г.г. возвратилъ Карелію Россіи.

Въ 1769 г. Русскую Финляндію описалъ генералъ-поручикъ Бибиковъ. Его итоги сводятся къ тому, что земля воздѣлывалась съ большимъ трудомъ и приносила «плодъ, умножая отъ трехъ и до семи»; мѣстами народъ мелокъ и «мозглявъ», «да и въ житьѣ хуже нашихъ украинскихъ мужиковъ». «Мясъ и хлѣба употребляютъ очень мало». Богатство состоитъ въ скотѣ рогатомъ. Лошади хороши и крѣпки. Народъ вольный и «кромѣ монарха никому не подвластенъ и имѣетъ волю, отдавъ свою землю, идти на другую». Бибиковъ описываетъ, между прочимъ, (Красное?) село, «изрядно» населенное русскими, переведенными изъ разныхъ уѣздовъ Россіи. Дворовъ 40, церковь Срѣтенія Господня. «Въ селѣ видѣнъ образъ житья самаго русскаго народа, что въ здѣшнихъ странахъ рѣдкость» [282]).

Современникъ возсоединенія Выборгской губ. Ф. Ф. Вигель удостовѣряетъ, что онъ въ Выборгѣ почиталъ себя, какъ въ Петербургскомъ помѣстьи, такъ какъ на улицахъ встрѣчался русскій народъ и слышалась русская рѣчь. Такъ же, какъ и въ Нейшлотѣ и во всѣхъ другихъ малыхъ городахъ Старой Финляндіи, Карелiи и Саволакса «всѣ главныя лица отъ купеческихъ и мѣщанскихъ выборовъ были изъ русскихъ». Оно иначе и быть не могло. Р. Ребиндеръ (впослѣдствіи статсъ-секретарь Финляндіи), проѣзжая въ 1808 г. черезъ Вы-

боргскую губ., убѣдился, что населеніе его мало сохранило черть финскаго національнаго характера [283]).

По естественному своему положенію, Финляндія являлась аванпостомъ Россіи и несмотря на то, край этотъ былъ добровольно отчужденъ! Вигель называетъ это «измѣной» Россіи и говоритъ, что никто изъ русскихъ не хотѣлъ вѣрить такому распоряженію и что русскіе «одурѣли» отъ этого извѣстія. «Такимъ подаркомъ, при наступленіи года, Государь, съ помощію Сперанскаго, любилъ насъ дарить. Въ эту же эпоху, во всемъ, что было вредно и постыдно для Россіи, всегда находишь руку Сперанскаго. Всякій, приближенный (къ Государю) патріотъ и честный человѣкъ обязанъ былъ объяснить ему весь вредъ, который можетъ произойти отъ того для главнаго государства. Для чего дѣлаются завоеванія, если не для усиленія государственнаго тѣла? Они достояніе не только еще царя, какъ народа, ихъ совершившаго; онъ старается распространить предѣлы земли для того, чтобы внутри его пользоваться большею безопасностію. «Въ исторіи народовъ найдите мнѣ другой примѣръ столь несправедливому дѣйствію: ни великій Петръ, ни могучій Наполеонъ ни на что подобное бы не рѣшились. Единымъ почеркомъ пера и одною каплею чернилъ уничтожалось то, что сотворено было сотнями тысячъ штыковъ и цѣлыми рѣками крови. Для бѣдныхъ финновъ совершенно равно, кто-бы ни управлялъ ими—южные или западные ихъ завоеватели,—лишь бы управляемы они были правосудно. Кому же пожертвованы права, честь и выгоды государства? Горсти иноземныхъ его враговъ... Стоитъ только побывать въ Гельсингфорсѣ: почти ото всѣхъ посѣтившихъ его иноземцевъ могъ слышать я о ненавистныхъ, дерзкихъ взглядахъ, коими тамошніе авторитеты встрѣчали ихъ въ публичныхъ мѣстахъ, коль скоро узнавали, что они русскіе» [284]).

Русскимъ, конечно, естественно было негодовать, такъ какъ одни изъ нихъ должны были покинуть родныя и насиженныя гнѣзда.

Финляндцы, получивъ Выборгскую губ., начали водворять въ ней свои порядки. «Въ одинъ годъ они удалили всѣхъ русскихъ должностныхъ лицъ, которыя не могли вести дѣлопроизводства и преподаваніе по-шведски» [285]). Кромѣ того, финляндцы предусмотрительно приняли мѣры къ тому, чтобы не допустить русскихъ дворянъ Выборгской губ. «въ рыцарскій домъ», т.-е. чтобы они не могли приписаться къ финляндскому дворянству. «Надо стараться,—писалъ Армфельтъ своему другу Аминову,—отдѣлаться отъ варваровъ и на ихъ мѣсто получить людей съ либеральными принципами». Чтобы избавиться отъ русскаго элемента въ губерніи, финляндцы впослѣдствіи рѣшили скупить всѣ такъ-называемыя донаціонныя земли. Переходъ этихъ пожалованныхъ имѣній изъ русскихъ рукъ въ финляндскія былъ совершенъ мирнымъ и

вполнѣ легальнымъ образомъ и тѣмъ не менѣе нельзя не пожалѣть объ этомъ, такъ какъ внѣшній заемъ для этой цѣли, въ 17 милл. марокъ, былъ разрѣшенъ нашимъ правительствомъ, которое, такимъ образомъ, само косвенно способствовало къ вытѣсненію русскихъ началъ изъ края, входившаго искони въ составъ Великаго Новгорода и изъ той Карелiи, языческіе обитатели которой еще при Ярославѣ (1227 г.) приняли православіе [286]). До 1830 г. въ Выборгской губ. считалось 8 каменныхъ и 13 деревянныхъ православныхъ церквей съ 30 священниками и 25,525 прихожанъ. Русскій элементъ былъ настолько ощутителенъ въ Выборгской губ., что статсъ-секретарь Финляндіи, Ребиндеръ, какъ мы видѣли, желалъ отсѣчь его и тѣмъ избавить свое отечество отъ опасности. Достаточно сказать, что владѣльцами донаціонныхъ земель въ Выборгской губ. являлись представители такихъ нашихъ именитыхъ родовъ, какъ кн. Трубецкихъ, Воронцовыхъ, Черышевыхъ, гр. Мусинъ-Пушкиныхъ, Нарышкиныхъ, кн. Барятинскихъ, Арсеньевыхъ, Апраксиныхъ, кн. Долгорукихъ, кн. Репиныхъ, Шуваловыхъ, гр. Салтыковыхъ и др. Но тѣмъ не менѣе опасенія Ребиндера были напрасны. Большія надежды на дворянъ возлагала Императрица Екатерина II, раздавая имъ аренды; но эти надежды тогда также не оправдались. Она разсчитывала, что «общественная отъ арендъ польза» скажется въ умноженіи хлѣбопашества, въ сохраненіи лѣсовъ, въ осушкѣ болотъ и т. п. Между тѣмъ, хозяйство въ пожалованныхъ имѣніяхъ велось безъ всякихъ помысловъ объ «общественной пользѣ» и при первомъ же представившемся случаѣ, наши сановники, руководимые одними экономическими соображеніями, безъ чувства патріотизма, распродали свои земли и выселились изъ Выборгской губ., чтобы очистить мѣсто финнамъ въ насажденіи ихъ культуры и не препятствовать имъ въ дѣлѣ обрусѣнія переселенныхъ нѣкогда въ донаціонныя помѣстья русскихъ крестьянъ. Такъ какъ имѣнія продавались «по добровольному соглашенію и по цѣнѣ, нерѣдко превышавшей дѣйствительную ихъ стоимость, то едва-ли русскимъ возможно въ настоящее время имѣть какіе-либо поводы къ неудовольствію по сему вопросу», разсуждаютъ финляндцы [287]). Къ сожалѣнію, нельзя оцѣнивать прошлаго только съ точки зрѣнія правильно оплоченныхъ счетовъ, а приходится принимать во вниманіе также и нѣкоторыя другія обстоятельства.

Скупка въ казну донаціонныхъ земель началась въ шестидесятыхъ годахъ и теперь совершенно окончена. Съ шестидесятыхъ же годовъ началась у финляндцевъ особенно усиленная работа по сліянію сего «многострадальнаго» края съ остальной Финляндіей. Производилась эта работа различно. Финская печать старательно оповѣщала кареловъ о всѣхъ благодѣяніяхъ, кои сдѣланы ради нихъ

финляндскимъ правительствомъ: для кареловъ строились школы, выкупались земли, учреждались должности переходящихъ учителей и т. п. Но такъ какъ карелы не всегда выказывали особой готовности слѣдовать за финскими «патріотами», то та же печать укоряла ихъ за то, что они «повернулись спиною къ своимъ благодѣтелямъ», гонятся «за чуждою имъ національностію и чуждымъ языкомъ» (очевидно, русскимъ), не сочувствуютъ «собственному финляндскому отечеству» и т. д. Въ то же время сенатъ постановилъ, чтобы въ народоучительскомъ дѣлѣ господствовалъ принципъ, по которому кромѣ родного языка никакіе другіе языки не преподавались.

Въ виду того, что значительная часть населенія Выборгской губ. была «племени русскаго и греко-россійской вѣры», нѣкоторые предметы (какъ, напримѣръ, исторія, географія, статистика и русская словесность) довольно долго преподавались на русскомъ языкѣ въ низшихъ элементарныхъ училищахъ Сердоболя, Кексгольма и Фридрихсгама; особенно же преобладало преподаваніе на русскомъ языкѣ въ Выборгской гимназіи. Но начиная съ шестидесятыхъ годовъ, все измѣнилось [288]). Вмѣсто русскаго языка стали господствовать шведскій и нѣмецкій; въ элементарныхъ училищахъ все преподаваніе повелось исключительно на финскомъ языкѣ; на томъ же языкѣ православные священники преподаютъ въ передвижныхъ приходскихъ школахъ.

Чтобы слить Выборгскую губ. съ остальной Финляндіей, мѣстные дѣятели стали пользоваться—такъ называемыми праздниками «пѣнія и музыки».

На одномъ изъ подобныхъ праздниковъ ораторъ сказалъ: «Мы собрались сюда, чтобы почувствовать и сознать, что мы составляемъ одинъ народъ... Господа! хотя трудное и тяжелое время переживаетъ Финляндія, хотя Россія и унижаетъ насъ въ глазахъ свѣта и силится ограбить у насъ дарованныя намъ права, но мы этого не допустимъ... Друзья! Будьте увѣрены, что русскіе хотятъ сдѣлать васъ своими рабами, будутъ попирать нашу религію и не станутъ пускать насъ въ наши церкви. Поэтому, еще разъ скажемъ: мы, финляндцы, способны, какъ одинъ человѣкъ, лечь для защиты нашего дорогого отечества» [289]).

Не смотря на всѣ старанія финляндцевъ, карелы до сихъ поръ еще не вполнѣ слились со своимъ «отечествомъ», но полная ихъ ассимиляція дѣло лишь времени. Хотя по происхожденію они финны, но нарѣчіе ихъ во многомъ разнится отъ нарѣчія остальныхъ финскихъ племенъ. По костюму и типу, по обычаямъ и нравамъ, а главное по духу финскіе карелы близки русскому племени. Они охотно учатся русскому языку и весьма склонны слиться съ нами. По-русски они называютъ мѣсяцы, пользуются русскими сказками, преданіями и пѣснями; въ ихъ языкѣ много русскихъ словъ (напримѣръ: денгатъ,

войну, вирсту, оружу), они, наконецъ, православной вѣры. Отличаясь отъ собственно-финновъ по образу жизни, по болѣе живому характеру, по хозяйственному быту, карелы вовсе не симпатизируютъ финнамъ—суомалайсетъ и даже неохотно признаютъ себя финнами. Карелы сохранили вѣру своихъ отцовъ, но православіе ихъ самое плохое. Ни русскаго, ни славянскаго языка они не понимаютъ; молитвъ почти не знаютъ, свѣчей не ставятъ, подъ благословеніе подходить не умѣютъ, дѣтей не причащаютъ, иконы стали выходить у нихъ изъ употребленія. Книгъ на карельскомъ нарѣчіи очень мало. При такихъ условіяхъ не удивительно, если лютеранство и финская школа сильно на нихъ повліяютъ. (Кареловъ всего около 35 тыс.). При всегдашней склонности кареловъ къ русскимъ, при сходствѣ ихъ характера съ характеромъ нашего народа, карелы могли бы быть избавлены отъ «полнаго сліянія» съ финскимъ отечествомъ, если бы среди нихъ распространить государственный языкъ и поддержать православіе. Но русская администрація края, со дня присоединенія Финляндіи къ Имперіи, никогда не проявляла особой о нихъ заботы и Карелія теряется для Россіи съ каждымъ днемъ все болѣе и очевиднѣе.

Пріобщеніе кареловъ къ финляндской культурѣ сопряжено, конечно, съ нѣкоторыми расходами и вообще Карелія всегда представляла бѣднѣйшую часть Великаго Княжества, но тѣмъ не менѣе въ 1811 г., съ возвращеніемъ Финляндіи Выборгской губ., финляндцы получили поистинѣ царскій подарокъ. «Съ тѣхъ поръ, какъ мы уже говорили, въ теченіи почти девятидесяти лѣтъ доходы этой губерніи поступаютъ не въ русское, а финляндское казначейство». Подобные земельные надѣлы пріобрѣтались другими народами или потоками крови, или кучами золота, а счастливой Финляндіи все это досталось «единымъ почеркомъ пера и одною каплею чернилъ». Благодаря Выборгской губ., Финляндія очутилась у самыхъ воротъ столицы обширнѣйшей Имперіи, что даетъ краю легкую возможность къ сбыту своихъ продуктовъ и къ пріобрѣтенію удобнаго заработка для своихъ жителей. Въ одномъ Петербургѣ снискиваютъ себѣ пропитаніе около 50 тыс. финляндцевъ. Въ 1901 г. одинъ только извозъ въ дачныхъ мѣстностяхъ далъ валового дохода 505 тыс. рубл. Дачники за наемъ помѣщеній уплатили мѣстнымъ жителямъ въ 1901 г.—884.800 мар., кромѣ прочихъ расходовъ на пользу мѣстнаго населенія. По паспортамъ на заработки въ столицу Имперіи выходило: въ 1902 г.—1,106 чел., въ 1903—583 чел. Перевозкой только дровъ по Ладожскому озеру въ Петербургъ заняты 22 парохода и 112 судовъ. По словамъ одного ленсмана, только лѣнтяи въ Выборгской губ. бѣдствуютъ. Но кромѣ того, въ Выборгской губ. оказались и свои немалыя статьи дохода: мраморныя и гранитныя ломки (Пютерлакскія, Русскіальскія и др.),

доставившія матеріалъ для Александровской колонны, Исаакіевскаго и Казанскаго собора, набережной Невы, Мраморнаго дворца и др.; «русская Ніагара» — какъ назвалъ Иматру Ф. Ф. Вигель — привлекающая въ край ежегодно тысячи путешественниковъ, представляетъ собою немалую статью дохода; кромѣ того — Иматра является огромною даровою двигательною силою (ежесекундный протокъ воды въ ней доходитъ до 850 куб. м., а работа этой воды составляетъ 210,000 силъ), эксплоатація которой представитъ впредь неисчерпаемый источникъ богатства. Благодаря вообще обилію даровыхъ двигателей и лѣса, въ Выборгской губ. развилась древообработывающая промышленность, преимущественно переработка еловаго и сосноваго лѣса въ бумажную массу.

По Выборгской губ. прорытъ Сайменскій каналъ—выходъ къ морю всей средней озерной Финляндіи. Это весьма существенно, такъ какъ Финляндія живетъ также и моремъ. Желѣзнодорожная линія отъ Выборга до Петербурга — первая по доходности во всей Финляндіи. Питается она, конечно, столицей Имперіи, особенно той частью ея населенія, которая лѣтомъ ищетъ убѣжища на финляндскихъ и русскихъ дачахъ, расположенныхъ вдоль сей желѣзной дороги. Товарное движеніе по этой линіи составляетъ $^1/_3$ движенія всѣхъ дорогъ края. Такимъ образомъ, одна эта линія представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ постоянно дѣйствующаго насоса, при посредствѣ котораго финляндская казна извлекаетъ для себя обильную прибыль. Въ постройкѣ линіи Петербургъ—Выборгъ—Гельсингфорсъ участвовала русская казна (на сумму $2^1/_2$ милл. р. метал.). Въ 1882 г. линія перешла въ исключительную собственность финляндской казны, уплатившей сполна русскую долю. Согласно постановленія отъ 9 дек. 1867 г., предпріятіе это поставлено въ исключительную зависимость отъ финляндскаго правительства, несмотря на то, что часть линіи проходитъ по Петербургской губ. Строилась линія (отъ границы до Петербурга) на условіяхъ, опредѣленныхъ вообще для частныхъ акціонерныхъ обществъ, или для лицъ, принявшихъ на себя постройку и эксплоатацію желѣзныхъ дорогъ въ Имперіи. Положеніе этой желѣзной дороги поэтому довольно своеобразно...

Въ борьбѣ съ Россіей, финляндцы придаютъ Выборгской губ. особое значеніе. Они смотрятъ на нее, какъ на культурный аванпостъ противъ «восточнаго варварства». Топеліусъ писалъ: «Финляндія все болѣе и болѣе завоевываетъ это свое, разъ потерянное, сильное, внѣшнее укрѣпленіе. Выборгъ же понемногу возвратилъ себѣ свое прежнее, почетное мѣсто передовой стѣны своего края и сильнѣе чѣмъ валы, обратившіеся въ мусоръ, поднимаетъ теперь отечественная культура свой невидимый брустверъ противъ постороннихъ (т. е. русскихъ) вторженій» [290]).

Несомнѣнно, что финляндцы имѣютъ основаніе радоваться своимъ успѣхамъ въ дѣлѣ офиниванія Выборгской губ., этого древне-русскаго края, который когда-то принадлежалъ Новгородской землѣ. Избѣжалъ финскаго вліянія только Сестрорѣцкій участокъ, который въ 1864 г. по Царскому слову былъ присоединенъ къ Петербургской губ.—Финляндцы усмотрѣли въ этомъ возвращеніи участка нарушеніе своего «основного закона», упустивъ изъ вида, что вся Выборгская губ. была имъ дарована также по единому Царскому слову, безъ запросовъ земскихъ чиновъ и безъ справокъ съ основными «законами».—Когда финляндцы стали просить «компенсаціи», въ видѣ предоставленія имъ незамерзаемой бухты на сѣверѣ, то даже редакція либеральнаго «Голоса» поднялась противъ такого домогательства. Государь обѣщалъ Шернваль - Валлену и гр. Адлербергу присоединить часть Мурмана къ Улеоборгской губ. и потому очень неохотно уступилъ настояніямъ гр. Лорисъ-Меликова и гр. Милютина, которымъ мы обязаны сохраненіемъ части Архангельской губ. [291]).

За рѣкой Сестрой сильно сказалось наше добровольное отчужденіе: вездѣ тамъ слышится финская рѣчь, всюду господствуютъ финскіе порядки и кое-гдѣ, какъ оазисы, виднѣются кресты православныхъ церквей и одинъ небольшой, недавно построенный, женскій монастырь Линтула. Среди реликвій прошлаго сохраняется еще въ русскихъ рукахъ Выборгскій замокъ—Шлоссъ, основанный въ 1293 г. Передъ этимъ Шлоссомъ прошла вся исторія восточной Финляндіи. Русскій орелъ не разъ кружился надъ его башнями. Къ его укрѣпленіямъ не разъ «ходиша молодцы новгородскіе» и воины русскихъ князей и царей. Около пяти вѣковъ выборгскій великанъ служилъ передовымъ постомъ Швеціи, отражая нашихъ ратниковъ. Но вотъ подошелъ къ нему сѣверный богатырь — Петръ Великій и великанъ долженъ былъ преклонить голову и сдаться «на аккорды». Этимъ окончилась боевая служба Шлосса и зубъ времени принялся за его толстые бастіоны и высокія стѣны, намѣреваясь сравнять ихъ съ землей. Въ 1834 г. молнія разрушила часть башни, въ 1856 г. иллюминація окончилась свирѣпымъ пожаромъ. Крыша сгнила и провалилась, стѣны стали обрушиваться и вывѣтриваться. Въ такомъ полуразрушенномъ видѣ онъ простоялъ многіе годы, напоминая собою стараго инвалида съ непокрытой головой и въ дырявой шинели. Наконецъ, заслуженнаго бойца призрѣло военное вѣдомство. Благодаря щедрости въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III, умѣвшаго всегда цѣнить историческую старину, замокъ былъ ремонтированъ и теперь старый служака на глазахъ у всѣхъ стоитъ бодро, держа на высокомъ шестѣ русскій флагъ...

Символъ нашей государственности развѣвается еще на башнѣ

Выборга, но вокругъ него наше значеніе совершенно ничтожное... Край почти потерянъ для Россіи, потому что въ культурной борьбѣ мы оказались слабѣе нашего окраинскаго инородца.

Приведемъ нѣсколько чертъ изъ исторіи этой борьбы [292]).

Въ концѣ 1869 и въ началѣ 1870 г. возникъ вопросъ объ открытіи учительской семинаріи въ г. Сердоболѣ. Святѣйшій Синодъ, не встрѣтивъ препятствій къ осуществленію этого плана, выразилъ лишь желаніе, чтобы «всѣ предметы были преподаваемы на русскомъ языкѣ, а на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, финскомъ и карельскомъ, были дѣлаемы объясненія, непонятныя для учащихся на русскомъ языкѣ». Синодъ выразилъ даже желаніе принять часть расходовъ на свой счетъ; главное-же содержаніе семинаріи (по 8140 р. въ годъ), съ Высочайшаго соизволенія, возложено было на министерство народнаго просвѣщенія. Финляндскій сенатъ усмотрѣлъ, что наставленіе православныхъ исповѣдниковъ Финляндіи въ религіи и нравственности не будетъ достигать цѣли, при преподаваніи учебныхъ предметовъ на русскомъ, а не на природномъ языкѣ населенія, именно финскомъ, такъ какъ карельскій языкъ есть только его нарѣчіе. Генералъ-губернаторъ, графъ Адлербергъ, полагалъ допустить преподаваніе на мѣстномъ языкѣ въ тѣхъ приходахъ, гдѣ населеніе не знаетъ русскаго языка, по крайней мѣрѣ, на первое время, вмѣнивъ однако въ обязанность постепенное его введеніе. Министръ статсъ-секретарь, гр. А. Армфельтъ, раздѣлилъ мнѣніе сената и генералъ-губернатора. Узнавъ объ этомъ, Синодъ выразилъ желаніе, чтобы въ Финляндіи по вопросу о языкѣ преподаванія были приняты къ руководству мѣры, Высочайше утвержденныя 26 марта 1870 г., которыя предлагаютъ, для первоначальнаго обученія каждаго племени, пользоваться его роднымъ нарѣчіемъ, переходя постепенно къ русскому языку. Но гр. А. Армфельтъ отказался даже обсуждать послѣдствія сихъ мѣръ, въ примѣненіи къ финляндскимъ православнымъ приходамъ, ссылаясь на отсутствіе у него надлежащихъ данныхъ. Напрасно Синодъ указывалъ на то, что мѣры, одобренныя правительствомъ (въ 1870 году) были уже тщательно испытаны въ инородческихъ мѣстностяхъ Россіи и дали удовлетворительные результаты, напримѣръ, въ Ригѣ, въ средѣ эстовъ и латышей, которые едва-ли болѣе финляндцевъ знакомы съ русскимъ языкомъ. Министерство народнаго просвѣщенія заявило, что если со стороны финляндскихъ властей не послѣдуетъ согласія на принятіе условій закона 26 марта 1870 г., то оно сочтетъ себя не только въ правѣ, но обязаннымъ отказаться отъ участія въ расходахъ на семинарію изъ своихъ суммъ. Синодъ поставилъ такое-же условіе для выдачи своего денежнаго пособія.

Синодъ и министерство, отказавъ въ денежной субсидіи на устройство Сердобольской семинаріи, тѣмъ самымъ предоставили финляндскимъ властямъ свободу дѣйствія въ указанномъ дѣлѣ. Этого только и нужно было мѣстнымъ дѣятелямъ. Сердобольскій милліонеръ Халлонбладъ обратился (1875 г.) съ просьбою въ сенатъ о принятіи въ вѣдѣніе правительства основанной имъ народной школы, подъ условіемъ преобразованія ея въ финскую учительскую семинарію. Школа была богато обезпечена и наличными деньгами, и имуществомъ, состоящимъ изъ цѣлой деревни. Даръ былъ принятъ, а въ 1878 г. сеймъ постановилъ открыть въ Сердоболѣ полную учительскую финскую семинарію.

Впослѣдствіи при семинаріи открыты были учительскіе курсы, для подготовленія педагогическаго персонала въ передвижныя или переходящія школы. Патріотическія усилія фянляндцевъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ и теперь дѣло «офиниванія» и «разрусѣнія» древней Карелiи — прежней земли новгородцевъ—идетъ съ поразительной послѣдовательностію. Громадное политическое значеніе школы въ рукахъ энергичныхъ дѣятелей, почти фанатиковъ, не можетъ подлежать сомнѣнію. Пройдетъ еще нѣсколько дѣсятковъ лѣтъ и отъ русской Карелiи останется только имя на страницахъ исторіи. — Изъ Сердобольской семинаріи, какъ изъ гнѣзда, разлетаются народные наставники по всему Карельскому краю, которые съ корнемъ вырываютъ прежнія русскія насажденія.

Вмѣсто преподаванія въ мѣстныхъ народныхъ школахъ на родномъ языкѣ населенія, т. е. карельскомъ, обученіе вездѣ, безъ исключенія, производится на одномъ финскомъ языкѣ. Въ самой семинаріи карельскій языкъ совершенно исключенъ изъ предметовъ преподаванія. По системѣ, практиковавшейся до сихъ поръ, мѣстная администрація назначала въ карельскіе приходы учителей, уроженцевъ финскихъ приходовъ, не знающихъ карельскаго языка.

Семинарія весьма ревностно оберегаетъ отъ русскихъ глазъ все что происходитъ въ ея стѣнахъ; но, судя по результатамъ ея дѣятельности, надо допустить, что дѣло воспитанія въ ней поставлено прочно, но никоимъ образомъ не въ благопріятномъ для Россіи и православія смыслѣ. За все время ея существованія (т. е. съ 1884 по 1902 г.), ея курсъ прослушали 440 чел. и изъ нихъ православныхъ было только 19. Замѣчено также, что поступившіе въ нее русскіе выходили изъ нея до такой степени офиненными, что даже измѣняли свои фамиліи: Лукинъ превратился въ Канерво, Васильевъ — въ Лайнена, Петръ Рябовъ — въ Рокиляйненъ, Утинъ — въ Сорза. Въ Финляндіи измѣненіе фамиліи производится очень просто: надо только объявить объ этомъ въ газетѣ. Въ товарищеской средѣ семинаристовъ, кличка

«rysse» (русскій) признается презрительной. Учителя семинаріи на всѣ лады внушаютъ своимъ воспитанникамъ, что русская національность и русскій языкъ являются для нихъ чуждыми.

Въ періодъ послѣдней финляндской смуты, питомцы Сердобольской семинаріи дѣятельно помогали въ собираніи подписей подъ народнымъ адресомъ, переходя изъ избы въ избу, изъ деревни въ деревню. Изъ 13 призывныхъ семинаристовъ къ отбыванію воинской повинности явился только одинъ. Въ стѣнахъ семинаріи не разъ устраивались торжества, носившія общій характеръ времени и свидѣтельствующія о томъ, что въ это учебное заведеніе проникла политика.

Въ Карельскихъ приходахъ 48 школъ и изъ нихъ только въ 8 идетъ преподаваніе на русскомъ языкѣ, не смотря на то, что русскій языкъ довольно близокъ карелу и онъ питаетъ нерѣдко большое желаніе выучиться государственному языку.

Въ общей печальной картинѣ Карелiи наблюдается еще слѣдующее своеобразное явленіе. Вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія ведетъ свое дѣло болѣе въ русскомъ направленіи, чѣмъ епархіальное начальство. Школы, содержащіяся на средства церкви, т. е. училищнаго совѣта при синодѣ, пользуются услугами питомцевъ Сердобольской семинаріи или лицъ, прошедшихъ черезъ ея практическіе курсы, которые стремятся къ обученію православныхъ дѣтей Карелiи на лютеранско-финскій ладъ. Это происходитъ отъ того, что епархіальное начальство, во времена высокопреосвященнаго Антонія, не признавало возможнымъ вносить въ дѣло христіанскаго обученія вопросы политической жизни. — Съ точки зрѣнія церкви это, конечно, правильно; но на пользу государственнаго закрѣпленія Карелiи за Россіей такая практика не послужила, ибо въ школы допущены были именно лица, наиболѣе склонныя къ политикѣ. Очевидно произошла ошибка, приведшая къ тому, чего желали избѣжать.

Въ прежнее время, когда Финляндія входила въ составъ Петербургской епархіи, въ Карелію назначались священниками чисто русскіе люди. Но затѣмъ, съ учрежденіемъ особой епархіи въ Великомъ Княжествѣ, «въ интересахъ православія» въ карельскихъ приходахъ русскихъ священниковъ стали замѣнять мѣстными уроженцами финнами, прошедшими Сердобольскую семинарію. Кромѣ того, богослуженіе стали отправлять на финскомъ языкѣ. Въ пользу такихъ распоряженій приводилось много теоретическихъ доводовъ. Но результаты получались отрицательные. Въ глазахъ многихъ карелъ богослуженіе этимъ было унижено. Бывали случаи, что они обращались къ нашему духовенству съ просьбой совершать богослуженіе на русскомъ, а не на финскомъ языкѣ (напр. въ Сальмисской церкви). Одинъ изъ главныхъ

проводниковъ русскаго языка и русскихъ обычаевъ въ среду православныхъ кареловъ былъ тамъ закрытъ. Переводы и изданія братства св. Сергія и Германа содѣйствуютъ внѣдренію и распространенію не русскаго, а финскаго языка въ области религіи и въ результатѣ карелы, овладѣвшіе этимъ языкомъ, охотнѣе стали посѣщать финскую кирку, гдѣ проповѣдь хорошо образованнаго и подготовленнаго пастора представляла для него большой интересъ. Число православныхъ убываетъ. Въ недалекомъ будущемъ, послѣ закона о полной вѣротерпимости, въ Карелiи православіе, несомнѣнно, потеряетъ еще много послѣдователей, такъ какъ соперничающіе здѣсь представители религій далеко не одинаково подготовлены для предстоящей борьбы. Православіе въ Карелiи уже теперь во многихъ мѣстахъ существуетъ только по имени.

Всѣ эти условія и обстоятельства прежде всего оцѣнили мѣстные политическіе дѣятели. «Слава Богу»—писала финская учительница изъ Карелiи извѣстному агитатору Люлю—въ этой мѣстности даже православные учители всѣ надежные патріоты: есть два исключенія изъ учительницъ, слугъ Бобрикова, но онѣ только учительницы «дѣтскихъ школъ», а не народныхъ... Нынѣшній епископъ, видимо, изъ партіи панславистовъ и посланъ сюда производить всемогущій духъ реакціи въ учебныхъ заведеніяхъ православныхъ приходовъ. Если бы время позволило спокойно продолжать нашу дѣятельность въ нашемъ духѣ, то навѣрное карелы поняли бы, что имъ счастливѣе жить при нашихъ упорядоченныхъ условіяхъ, чѣмъ при русскихъ порядкахъ» (28 ноября 1900 г.).

Во время управленія краемъ Н. И. Бобрикова всѣ больныя мѣста русскаго дѣла въ Выборгской губ. были изслѣдованы, но не въ силахъ одного человѣка было срыть гору тѣхъ порядковъ, которые не согласовались съ «истинными пользами» Имперіи. Особая комиссія пересмотрѣла дѣло о Сердобольской семинаріи и пришла къ заключенію о необходимости полнаго ея преобразованія. Архіепископъ Николай, съ своей стороны, ходатайствовалъ объ открытіи особой православной учительской семинаріи, въ цѣляхъ болѣе твердой постановки православнаго школьнаго дѣла въ епархіи. Коснулись также вопроса о введеніи русскаго языка для учащихся всѣхъ разрядовъ Сердобольской семинаріи (янв. 1904 г.), хлопотали объ учрежденіи стипендій для семинаристовъ, подготовляющихся къ преподаванію на русскомъ языкѣ. Дѣлались попытки и иныхъ преобразованій въ семинаріи и губерніи. Сенатъ неизмѣнно стоялъ на стражѣ мѣстныхъ интересовъ, почему переписка множилась и достичь какихъ-либо положительныхъ результатовъ было нелегко. Первый русскій губернаторъ Карельскаго края, Н. А. Мясоѣдовъ, работалъ энергично и послѣдовательно и едва не поплатился жизнію за то, что служилъ русскимъ государственнымъ началамъ. Высланный агитаторами убійца изранилъ его нѣсколькими выстрѣлами...

Его Высокопревосходительству
Николаю Ивановичу
Бунге

На память о совместной службе
в Киеве и искренняя
признательность

В. Тихеев

19 16/VIII 03

IX. Министръ статсъ-секретарь В. К. Плеве.

Н. И. Бобриковъ при вступленіи въ должность начальника края, получивъ право присутствовать при всеподданнѣйшихъ докладахъ Финляндскаго министра статсъ-секретаря, усматривалъ въ этомъ достаточное обезпеченіе русскихъ интересовъ. Но обстоятельства скоро показали, что онъ ошибся. Во время его отсутствія изъ Петербурга, финляндскій статсъ-секретарь продолжалъ прежнюю политику. Мѣра терпѣнія Николая Ивановича переполнилась, когда онъ узналъ, что министръ-статсъ-секретарь, несмотря на организованную оппозицію чрезвычайнаго сейма русскимъ правительственнымъ мѣропріятіямъ, сталъ хлопотать о выраженіи земскимъ чинамъ признательности за исполненные труды, и когда тотъ же министръ, зная о существованіи запрещенія дѣлать ссылки на Форму Правленія 1772 г., тѣмъ не менѣе пропустилъ новое законоположеніе съ указаніемъ на этотъ законъ. Послѣ такихъ рѣзкихъ примѣровъ генералъ-губернаторъ убѣдился, что министръ статсъ-секретарь «изъ финляндскихъ уроженцевъ» всегда останется «краеугольнымъ камнемъ» «государственнаго» строя Финляндіи и тормазомъ объединительныхъ мѣръ, почему сталъ ходатайствовать о замѣщеніи должности докладчика лицомъ съ болѣе широкимъ міровоззрѣніемъ, а не смотрящимъ на все исключительно съ узкой точки зрѣнія однѣхъ только финляндскихъ губерній.

Въ августѣ 1899 г. состоялось назначеніе государственнаго секретаря Вячеслава Константиновича фонъ-Плеве министромъ статсъ-секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго. Сообщая ему о соизволеніи Государя Императора на его новое назначеніе, Николай Ивановичъ горячо поздравилъ его и высказалъ «твердую увѣренность, что совмѣстные труды наши сослужатъ русскому дѣлу вѣрную службу» [299]). Назначеніе В. К. Плеве дружно привѣтствовалось русскою печатью, такъ какъ со времени Сперанскаго этотъ постъ постоянно замѣщался финляндцами. Теперь вновь назначили русскаго сановника и этому обстоятельству нельзя было не придавать серьезнаго значенія въ финляндской объединительной политикѣ.

Учрежденіе, во главѣ котораго всталъ В. К. Плеве, возникло 18 октября 1809 г., и называлось первоначально комиссіей по финляндскимъ дѣламъ.—«Журналы разсужденій» этой комиссіи докладывалъ Государю тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь М. М. Сперанскій. Вскорѣ Сперанскій поднялъ вопросъ о преобразованіи комиссіи, предлагая ввести въ нее особаго «чиновника высшаго разряда подъ именемъ статсъ-секретаря», на обязанности котораго должна была находиться переписка съ генералъ-губернаторомъ и надзоръ за общимъ теченіемъ дѣлъ, кои онъ представлялъ на Высочайшее разрѣшеніе, «а паче всего» онъ обязывался «знать людей, содержать между ними и правительствомъ нужную связь». Въ преобразованную комиссію Сперанскій хотѣлъ ввести «двухъ чиновниковъ финляндскихъ и двухъ здѣшнихъ», т. е. русскихъ. Но въ дѣло вмѣшался тогда графъ Густавъ Армфельтъ и, пользуясь своимъ положеніемъ, передѣлалъ проектъ Сперанскаго на свой ладъ. Безъ особой комиссіи дѣла Финляндіи, предполагалъ графъ, всегда будутъ обсуждаться совмѣстно съ дѣлами другихъ русскихъ провинцій. Въ комиссію онъ ввелъ «финскую молодежь». Проектомъ графа Армфельта, какъ признается финляндскій историкъ Эдвардъ Бергъ, «снесена съ дороги, основанная въ 1809 г., финляндская комиссія, большинство членовъ которой были русскіе». Въ 1826 г. комиссія была упразднена: ее замѣнилъ статсъ-секретаріатъ. Подобными реформами финляндцы стремились къ тому, чтобы ихъ докладчикъ статсъ-секретарь во всякое данное время былъ «сильнѣе» генералъ-губернатора и могъ парализовать его русское вліяніе. Въ тѣ періоды, когда борьба статсъ-секретаріата съ генералъ-губернаторскою властію становилась затруднительной, къ статсъ-секретаріату, въ видѣ резервнаго депо, присоединили особый финляндскій комитетъ. Послѣдній комитетъ закрытъ въ маѣ 1891 г. Съ 1834 г. финляндскіе статсъ-секретари стали именоваться «министрами статсъ-секретарями». По объясненію финляндскаго историка Роберта Кастрена, этотъ «импонирующій титулъ» явился также вслѣдствіе желанія Ребиндера поднять значеніе финляндскаго представителя въ Петербургѣ.

Съ теченіемъ времени изъ статсъ-секретаріата, вмѣсто звена, связующаго Финляндію съ Россіей, создался наиболѣе вліятельный разобщитель этой окраины отъ остальной Имперіи. Нѣтъ сомнѣнія, что именно статсъ-секретаріату мы обязаны въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что Финляндія совершенно обособилась и что для нея утверждены были такія законоположенія, которыя не могутъ быть признаны соотвѣтствующими ея политическому положенію и общегосударственнымъ интересамъ Россіи, какъ напримѣръ, уставъ о воинской повинности 1878 г., уголовное уложеніе въ ея первоначальной редакціи и др.

Насколько министры статсъ-секретари изъ финляндскихъ урожен-

цевъ содѣйствовали обособленію Великаго Княжества, настолько-же потомъ, съ назначеніемъ В. К. Плеве, надѣялись, что онъ будетъ способствовать его государственному объединенію. Всѣ поняли, что русскій дѣятель во главѣ статсъ-секретаріата внимательнѣе станетъ уравновѣшивать часто сталкивающіеся мѣстные и общеимперскіе интересы. На В. К. Плеве возлагали тѣмъ большія надежды, что онъ обладалъ большимъ государственнымъ опытомъ, обширной юридической подготовкой и твердымъ характеромъ. Финляндцы, напротивъ, остались недовольны его назначеніемъ и находили его противорѣчащимъ «основнымъ законамъ» края. Лично къ В. К. Плеве мѣстная печать отнеслась непріязненно и даже неприлично.

Послѣ назначенія министромъ статсъ-секретаремъ Вячеслава Константиновича, генералъ-губернаторъ—этотъ отвѣтственный за состояніе края начальникъ—получилъ широкую возможность всесторонне выяснять текущія дѣла Финляндіи. «Переживаю тяжелое время, но чувствую себя хорошо, благодаря Высочайшему довѣрію и твердости сознанія, что дѣло творю по убѣжденію и совѣсти. Мѣстные заправилы уповаютъ на непрочность современной системы и ожидаютъ съ увѣренностію новаго курса. Благодареніе Богу, что у престола нѣтъ статсъ-секретаря финна... Надо быть въ моей современной роли, чтобы понять и оцѣнить по достоинству замѣну въ указанномъ случаѣ финна русскимъ» [294]).

Благодаря новому назначенію, произошла болѣе благопріятная для русскаго дѣла группировка тѣхъ силъ, которыя находились въ постоянной борьбѣ между собою. Вслѣдствіе удачнаго для финляндцевъ распредѣленія этихъ силъ они пользовались постояннымъ успѣхомъ. Н. И. Бобрикову удалось разомкнуть то кольцо финляндскихъ учрежденій, которымъ охвачена была со всѣхъ сторонъ русская власть. Финляндцы оцѣнили значеніе новаго дипломатическаго хода генералъ-губернатора и, конечно, не простили ему умнаго и предусмотрительнаго шага. Нѣтъ также сомнѣнія въ томъ, что В. К. Плеве очень много содѣйствовалъ проведенію главныхъ объединительныхъ реформъ и распутыванію гордіевыхъ узловъ, «затянутыхъ финляндскими интригами». Каждый новый проектъ подвергался имъ подробной критикѣ и улучшенію. Нѣкоторыя новыя положенія, какъ, напримѣръ, инструкція генералъ-губернатору, и цѣлый рядъ административныхъ мѣропріятій, были выработаны подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ и въ совѣщаніяхъ, подъ его предсѣдательствомъ.

Нерасположеніе финляндцевъ къ В. К. Плеве оставалось чрезвычайно интенсивнымъ все время нахожденія его у власти и выражалось часто въ иностранной и подпольной печати. Когда-же состоялось его назначеніе на постъ министра внутреннихъ дѣлъ Имперіи,

то въ стокгольмской газетѣ »Aftonbladet» появилась изъ Парижа частная телеграмма слѣдующаго содержанія: «Газетѣ Liberté» телеграфируютъ изъ С.-Петербурга, что министръ внутреннихъ дѣлъ фонъ-Плеве получилъ отъ комитета революціонеровъ письмо, въ которомъ его увѣдомляютъ, что онъ приговоренъ къ смерти» [295]).

Между тѣмъ къ финляндскимъ своимъ обязанностямъ онъ приступилъ съ лучшими чувствами и намѣреніями, желая добра и преуспѣянія тому краю, дѣла котораго онъ докладывалъ Монарху. Стоя на общегосударственной точкѣ зрѣнія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ старательно охранялъ истинные интересы финляндцевъ. Одною изъ первыхъ его заботъ было успокоить финляндское общество. Во время пребыванія министра статсъ-секретаря В. К. Плеве въ Гельсингфорсѣ, вице-предсѣдатель Финляндскаго сената К. Тудеръ, желая дать ему возможность ближе познакомиться съ членами сената, пригласилъ его на завтракъ, на которомъ Вячеславъ Константиновичъ, отвѣчая на тостъ хозяина, сказалъ между прочимъ:... «Я былъ бы счастливъ доложить Его Императорскому Величеству, что правительственныя предначертанія послѣдняго времени не встрѣчали въ странѣ противодѣйствія. Мнѣ равнымъ образомъ было бы отрадно удостовѣрить, что въ населеніи ясно сознаніе того, насколько Государеву сердцу, среди Царственныхъ заботъ о соразмѣрномъ удовлетвореніи всѣхъ ввѣренныхъ Ему Провидѣніемъ интересовъ, близко и дорого благо Финляндіи... Въ заключеніе выражу пожеланіе, чтобы какъ вчерашнее ненастье, неоправдываемое временемъ года, смѣнилось солнечной погодой, такъ и въ общественномъ настроеніи, взамѣнъ тревожныхъ опасеній, неоправдываемыхъ достаточными причинами, водворилось разумное довѣріе къ будущему» [296]).

На финляндскій вопросъ у В. К. Плеве было весьма цѣльное и опредѣленное воззрѣніе. Онъ имѣлъ случай высказать его неоднократно и въ частныхъ бесѣдахъ, и во всеподданнѣйшихъ докладахъ. «...Ни законодательнаго, ни административнаго самоуправленія уничтожить не предполагается и денаціонализаціи въ виду не имѣется, — писалъ 8 сентября 1899 г. Вячеславъ Константиновичъ Плеве одному изъ своихъ сотрудниковъ. Желательно лишь, чтобы автономія не исключала начала нашего государственнаго права, согласно коему Финляндія есть область государства, управляемаго властью самодержавной. Что-же касается культуры, то конечно желательно ея дальнѣйшее развитіе, лишь бы она не поддерживала антагонизма по отношенію къ намъ Финляндіи»... Корреспонденту берлинской газеты «Die Post» В. К. Плеве сказалъ (10 февр. 1904 г.): «Громадное большинство среди финляндскаго населенія отличается полною лойяльностью и только самая незначительная его часть стремится къ достиженію сознательно постав-

лепной себѣ цѣли отдѣленія Финляндіи отъ Россіи. «Ни одно правительство, ни одно государство въ мірѣ не потерпитъ ничего подобнаго. Россія отнюдь не задается цѣлью насильственной руссификаціи Финляндіи. Пока мое слово будетъ имѣть хоть какой-либо вѣсъ—финны безусловно сохранятъ свой языкъ и свои національныя учрежденія».

Наиболѣе полно и обстоятельно ему пришлось высказаться въ отвѣтѣ англійскому публицисту Т. Стэду на его открытое письмо. Изъ этого письма, В. К. Плеве, появившагося въ журналѣ «Review of Review» отъ 15 августа 1903 г., извлечемъ наиболѣе существенныя положенія, не повторяя уже приведеннаго нами (на стр. 103) отрывка.

«Враждебное къ намъ изъ-за финляндскихъ дѣлъ настроеніе общественнаго мнѣнія на Западѣ крайне прискорбно, но позволительно думать, что подъ вліяніемъ большей освѣдомленности о дѣлахъ Финляндіи оно утратитъ теперешнюю остроту. Къ тому же мы привыкли, что Западъ, привѣтствуя прогрессивное развитіе Россіи по готовымъ примѣрамъ пройденнаго имъ пути, не всегда одинаково дружелюбно относится къ росту политическаго и культурнаго самосознанія Россіи и къ совершенствующемуся въ ней самобытному историческому процессу концентраціи силъ, для исполненія мирнаго ея призванія въ судьбахъ человѣчества.

«Отношеніе къ Россіи финляндскаго населенія вовсе не такъ дурно, какъ это кажется при чтеніи статей, появляющихся въ иностранной прессѣ и вышедшихъ изъ-подъ пера враждебныхъ намъ публицистовъ. Къ чести лучшей части финляндскаго населенія слѣдуетъ указать на то, что для него очевидно, какого благосостоянія, въ теченіе минувшаго столѣтія, достигла Финляндія подъ сѣнью Русской Державы; въ Княжествѣ извѣстно, что именно благодаря Русской власти возродилась къ жизни финская народность, систематически подавляемая во времена шведскаго владычества. Благоразумные финляндцы сознаютъ, что и въ настоящее время мѣстный укладъ Финляндіи остается незыблемымъ, что законы, обезпечивающіе провинціальную автономію Финляндіи, сохраняются, и что попрежнему дѣйствуютъ учрежденія, самостоятельно удовлетворяющія ея культурныя и экономическія нужды.

Нѣкоторыя принятыя мѣры, «несомнѣнно, отличаются суровостью, но таковы требованія утилитарной политики. Впрочемъ, въ общемъ итогѣ эти суровыя мѣры выразились до сихъ поръ въ высылкѣ изъ края 26 финляндцевъ и въ удаленіи со службы, безъ пенсіи, нѣсколькихъ чиновниковъ. Едва-ли, однако, возможно было оставлять далѣе на государственной службѣ должностныхъ лицъ, не повинующихся своему начальству. Нельзя было также относиться равнодушно къ существо-

ванію заговора, втягивавшаго въ борьбу съ правительствомъ спокойное и законопослушное населеніе, и притомъ въ то время, когда благоразумные люди въ Княжествѣ стояли на сторонѣ законной власти, вызывая противъ себя гоненіе со стороны тайныхъ руководителей агитаціоннаго движенія. Представители мнѣнія о необходимости держаться примирительной политики съ Россіею подвергались насилію нравственному и подчасъ физическому; противъ нихъ, въ цѣляхъ ихъ дискредитировать, не стыдились вчинять скандальные процессы.

«Едва-ли кому извѣстно на Западѣ, что исторія сбора подписей на массовый адресъ-протестъ, посланный въ Петербургъ весною 1899 года, имѣла своихъ мучениковъ изъ числа лицъ, отказавшихся дать свою подпись подъ адресъ. Есть лица, которыя за такое мужество подверглись матеріальному разоренію и нравственному ошельмованію, были посажены въ тюрьму по обвиненію въ вымышленномъ поступкѣ (дѣло учителя К. изъ мѣстечка Сейняіоки). Агитаторы задавались цѣлью заразить своею нетерпимостью и ненавистью къ русскимъ людямъ и низшіе слои населенія, но не имѣли въ этомъ успѣха. Всю западную печать обошла исторія съ русскими коробейниками (сельскими странствующими торговцами), которыхъ старались приравнять къ дикимъ звѣрямъ, за поимку коихъ выдаются въ Финляндіи награды. Въ теченіе одного 1899 года около 2.000 этихъ людей было выслано изъ Финляндіи и лишилось привычнаго заработка.

«Послѣ такихъ объясненій, я на вашъ совѣтъ положить конецъ нынѣшней русской политикѣ въ Финляндіи, которую вамъ угодно называть политикою генерала Бобрикова, — отвѣчу слѣдующее. Неправильно связывать съ теперешнимъ курсомъ русской политики въ Финляндіи одно только имя нынѣшняго Финляндскаго генералъ-губернатора, ибо съ нимъ, въ основной задачѣ его дѣятельности, вполнѣ солидарны всѣ причастные къ дѣлу финляндскаго управленія совѣтники и слуги Его Императорскаго Величества, твердо убѣжденные, что мѣры, принятыя нынѣ въ Финляндіи, вызваны насущною необходимостью для Русскаго государства. По существу же вопроса, повторяю, что въ дѣлахъ правленія слѣдуетъ различать временныя явленія отъ постоянныхъ. Случайныя проявленія въ политикѣ, вызванныя открытымъ мятежемъ противъ власти въ Финляндіи, несомнѣнно уступятъ мѣсто прежнему благоволенію Монарха, лишь только въ Великомъ Княжествѣ окончательно установится спокойное теченіе общественной жизни. Тогда всѣ ограничительныя мѣры будутъ, конечно, отмѣнены. Но осуществленіе основной задачи, постановленной себѣ Русскимъ Правительствомъ въ предѣлахъ Княжества, то есть работа по утвержденію въ странѣ общегосударственнаго принципа, должна продолжаться, и лучше всего, если она будетъ вестись при довѣрчивомъ совмѣстномъ

съ нами трудѣ мѣстныхъ дѣятелей подъ Верховнымъ руководствомъ Того, Кому Божественнымъ Промысломъ ввѣрены судьбы Россіи и Финляндіи.

«Мы имѣемъ право надѣяться на возможность такого совмѣстнаго труда, такъ какъ уже теперь отправленіе всѣхъ функцій государственной власти происходитъ безпрепятственно при дѣятельномъ участіи коренныхъ финляндцевъ. Благоразумные элементы въ мѣстномъ населеніи, т. е. громадное его большинство, уже успокоились и стали довѣрчиво относиться къ власти: въ послѣдній призывъ къ отбыванію воинской повинности явилось около 70% общаго числа призывныхъ, т. е. немногимъ менѣе обычнаго процента лицъ, являвшихся въ прежнее время къ отбыванію воинской повинности въ Финляндіи. Наконецъ, въ брошюрахъ, расходящихся по Финляндіи, уже раздаются авторитетные голоса, заявляющіе: «финскому народу надо признать, что интересы и требованія его восточнаго сосѣда справедливы».

Имѣются еще отрывочныя свѣдѣнія о томъ, какъ В. К. Плеве въ частности смотрѣлъ на нѣкоторые очередные вопросы, выдвинутые броженіемъ послѣднихъ лѣтъ. «Плеве находилъ необходимымъ замѣщеніе губернаторовъ русскими», «хотя бы не знающими мѣстныхъ языковъ. Съ мѣстными уроженцами послѣ послѣдней исторіи, сказалъ онъ, едва-ли можно сварить кашу»; иначе говоря, Плеве, «кажется, вполнѣ разочаровался въ шведскихъ должностныхъ лицахъ, покорныхъ до назначенія и несдержанныхъ на службѣ». В. К. Плеве категорически присоединился къ мнѣнію Н. И. Бобрикова о томъ, что сейму не слѣдуетъ давать никакихъ свѣдѣній по распоряженіямъ о печати.« Законное основаніе для обращенія къ вамъ запроса весьма спорно, — писалъ онъ,—такъ какъ, конечно, генералъ-губернаторъ не можетъ быть отнесенъ къ числу должностныхъ лицъ, упоминаемыхъ въ ст. 40 сеймоваго устава. Сеймъ, по мнѣнію В. К. Плеве, вышелъ изъ круга своего вѣдѣнія и ставилъ русскую власть въ положеніе подслѣдственное. Извѣстно также, что Вячеславъ Константиновичъ Плеве держался мнѣнія о необходимости упраздненія гвардейскаго баталіона и объ изданіи русской оффиціальной газеты при сенатѣ [297]).

«По поводу превращенія «Финляндской газеты» въ органъ оффиціальный, мое мнѣніе вамъ извѣстно. Я эту газету не представляю себѣ иначе, какъ оффиціальною. Такой ея характеръ въ будущемъ предрѣшаетъ, на мой взглядъ, ея отношенія къ сенату. Оффиціальная газета должна издаваться при сенатѣ, какъ его вѣдомости, и на томъ языкѣ, на которомъ ведется дѣлопроизводство сената, причемъ редакторъ ея долженъ находиться въ ближайшемъ подчиненіи Предсѣдателя сената, т. е. Генералъ-Губернатора»... Бо́льшій интересъ представляетъ воззрѣніе В. К. Плеве на домогательства сената по вопросу о мани-

фестѣ. «Говоря о льготахъ для успокоенія общественнаго мнѣнія, нѣкоторые сенаторы тянутъ свою излюбленную пѣсню о необходимости пересмотрѣть манифестъ 3-го февраля 1899 года и о соотвѣтственныхъ оповѣщеніяхъ объ этомъ въ рескриптѣ. Эта мысль, конечно, вздорная; единственный шагъ, который можно сдѣлать не для отмѣны, а для уясненія манифеста 3-го февраля, могъ бы заключаться въ указаніи при пересмотрѣ сеймоваго устава болѣе опредѣлительныхъ признаковъ для опредѣленія предметовъ мѣстнаго законодательства или демаркаціонной линіи, отдѣляющей мѣстное законодательство отъ имперскаго. Въ такомъ смыслѣ я и высказывался Энебергу и Іонсону. Вообще шведоманская агитація сдѣлала нѣсколько полезныхъ для ея дѣла ходовъ и ихъ надлежало бы парировать».

Поддерживавшіе среди финляндцевъ движеніе противъ манифеста 3-го февраля лелѣяли сперва надежду на полную его отмѣну; но послѣ мнѣніе ихъ измѣнилось и въ концѣ года убѣдились, что ихъ ожиданіямъ не суждено осуществиться. «На дняхъ былъ у меня (названъ видный финляндецъ). Изъ весьма интереснаго разговора съ нимъ,—сообщалъ В. К. Плеве генералъ-губернатору,—я особенно замѣтилъ его фразу о томъ, что онъ и его единомышленники считаютъ манифестъ 3-го февраля такимъ актомъ, который взятъ назадъ не будетъ» (30 ноября 1899 г.).

Ввѣренное ему дѣло В. К. Плеве развивалъ широко и ставилъ дальновидно. Прежде всего понадобились люди и онъ привлекалъ ихъ какъ изъ русской, такъ и изъ финляндской среды. Отъ русскихъ онъ требовалъ знаніе законовъ края и мѣстныхъ языковъ, доставляя возможность молодымъ людямъ изучить ихъ. Статсъ-секретаріатъ былъ при немъ обновленъ и расширенъ. Въ составъ его было введено нѣсколько новыхъ молодыхъ чиновниковъ, изъ которыхъ Э. А. Эрштремъ — вскорѣ сдѣлался товарищемъ министра статсъ-секретаря. — Для привлеченія финляндцевъ, при статсъ-секретаріатѣ открыты были особыя вакансіи, кои остались однако не занятыми, въ виду того, что край охваченъ былъ идеей пассивнаго сопротивленія всѣмъ русскимъ мѣропріятіямъ, безъ различія ихъ значенія. По поводу сего бойкота, одна мѣстная газета укорила фанатически настроенныхъ согражданъ, заявивъ: «слѣдуетъ ли намъ съ гордостью и слѣпою безразсудною отвагою отказываться отъ всѣхъ возможныхъ случаевъ примиренія?.. Право, было бы хорошо, если бы финляндскимъ чиновникамъ представилась возможность не только ближе ознакомиться съ политическими теченіями въ Россіи и въ правительственныхъ ея кругахъ, но также давать свѣдѣнія о финляндскихъ условіяхъ жизни тамъ, гдѣ болѣе основательное знаніе ихъ могло бы въ настоящее время приносить пользу нашему краю. Мы должны признаться въ томъ, что у насъ

вообще слишкомъ мало знаютъ быть и направленіе мыслей въ Россіи. Нынѣ, во всякомъ случаѣ, отсутствіе нужныхъ знаній въ этой области неудобно... Здѣсь неумѣстны игра въ самостоятельность или умышленная оппозиція. По нашему мнѣнію, благо отечества требовало бы, чтобы поѣхали именно честные люди» [298]).

Изъ полезныхъ и хорошо задуманныхъ нововведеній В. К. Плеве необходимо отмѣтить изданіе сборника «Финляндія. Обзоръ періодической печати». Обзоры эти составлялись при статсъ-секретаріатѣ очень старательно по большому количеству финляндскихъ, иностранныхъ и русскихъ брошюръ и газетъ. Для характеристики смутной эпохи Финляндіи они являются прекраснымъ матеріаломъ потому, что редакція сумѣла сохранить полную объективность. Если бы въ книжкахъ «Обзора» не отсутствовали нѣкоторые отдѣлы (напримѣръ церковный и др.), то они являлись бы почти законченными очерками одного изъ интереснѣйшихъ періодовъ финляндской исторіи. Къ сожалѣнію, эти «Обзоры» не пускались въ широкое обращеніе, тогда какъ они способны были пролить обильный свѣтъ на событія въ Финляндіи, которыми тогда интересовалась русская публика. Отъ финляндцевъ это изданіе не скрывалось, «чтобы,—какъ писалъ министръ статсъ-секретарь,—они знали, что все ими публикуемое въ газетахъ, извѣстно Государю и, во 2-хъ, чтобы наша программа и наши требованія были ясно формулируемы для тѣхъ, кто хочетъ быть лойяльнымъ, т. е. подчиняться нашей государственности» [299]).

Изъ другихъ полезныхъ нововведеній В. К. Плеве слѣдуетъ указать комиссію по систематизаціи финляндскихъ законовъ. Въ апрѣлѣ 1899 г. Его Величеству благоугодно было повелѣть статсъ-секретарю В. К. Плеве войти въ соображеніе вопроса о дѣлахъ Особаго Совѣщанія д. т. с. Бунге, насколько возбужденные симъ совѣщаніемъ вопросы не были разрѣшены Основными Положеніями 3-го февраля 1899 года о составленіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго. Во исполненіе сего В. К. Плеве представилъ слѣдующее заключеніе.

Означенное Особое Совѣщаніе посвятило свои труды исключительно обсужденію вопроса о порядкѣ изданія общегосударственныхъ законовъ, дальнѣйшая же разработка внесенныхъ въ Совѣщаніе проектовъ и предположеній признана была требующею отдѣльныхъ подготовительныхъ работъ. Соотвѣтственно сему была учреждена 24 мая 1893 года, особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ т. с. Неклюдова. Сіи подготовительныя работы, лишь въ общихъ чертахъ намѣченныя во всеподданнѣйшемъ докладѣ предсѣдателя Совѣщанія, однако не были начаты и особая комиссія къ занятіямъ не приступала. Надо полагать, что такое замедленіе было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ,

что самое направленіе трудовъ особой комиссіи не могло быть опредѣлено въ точности, за отсутствіемъ указаній о томъ, что именно, сверхъ правилъ сеймоваго устава 1869 года, названныхъ основнымъ закономъ въ самомъ уставѣ, должно считаться основными или коренными законами Финляндіи. Всѣ соображенія по сему вопросу, во множествѣ высказываемыя въ финляндской литературѣ и въ заявленіяхъ вѣдомствъ, не привели къ сколько-нибудь опредѣленному выводу. Дѣйствительное разрѣшеніе возникшихъ по этому поводу недоразумѣній можетъ воспослѣдовать лишь въ будущемъ, какъ результатъ не только кодификаціонной, но и законодательной дѣятельности, направленной по тому пути, который установленъ Основными Положеніями 3 февраля 1899 года.

Въ виду вышеизложеннаго, возстановленіе состава и занятій особой комиссіи съ прежнею задачею не могли бы привести къ какимъ-либо выводамъ практическаго свойства. Между тѣмъ, то благотворное направленіе законодательной дѣятельности, которое указано Основными Положеніями 3 февраля, должно было вызвать въ законодательныхъ учрежденіяхъ насущную потребность постояннаго обращенія съ актами финляндскихъ законоположеній и выясненія ихъ отношеній къ законодательству Имперіи. Потребность эту В. К. Плеве находилъ наиболѣе цѣлесообразнымъ удовлетворить образованіемъ при Государственной Канцеляріи временной комиссіи, съ цѣлью составленія справокъ, свѣдѣній и соображеній по финляндскимъ законамъ, необходимыхъ для производства дѣлъ, вносимыхъ на уваженіе Государственнаго Совѣта [300]).

Финляндскій генералъ-губернаторъ также призналъ образованіе подобной комиссіи своевременной и необходимой. На учрежденіе комиссіи послѣдовало Высочайшее соизволеніе и во главѣ ея былъ поставленъ статсъ-секретарь Государственнаго Совѣта, а нынѣ сенаторъ, профессоръ Н. Д. Сергѣевскій.

Комиссія по систематизаціи финляндскихъ законовъ въ короткое время, не смотря на свой ограниченный составъ, успѣла напечатать болѣе двадцати полезныхъ изданій. Въ числѣ ихъ находятся такія справочныя книги, кои потребовали многолѣтняго труда и долгихъ розысканій. Въ предисловіи къ обширному труду «Собраніе постановленій финляндскихъ», комиссія заявила: «Русскій текстъ финляндскихъ узаконеній вообще трудно доступенъ для русскихъ юристовъ, проживающихъ внѣ Финляндіи; что же касается до узаконеній за время отъ 1808 по 1859 г., то они давно уже представляютъ собою величайшую библіографическую рѣдкость. Сверхъ того, многія узаконенія въ русскомъ текстѣ вовсе печатаемы не были». «Собраніе постановленій финляндскихъ» обниметъ собой весь законодательный матеріалъ

этой окраины. Въ немъ будутъ воспроизведены всѣ узаконенія въ русскомъ текстѣ. Такимъ образомъ мы впервые получимъ многочисленныя законоположенія, которыя оставались совершенно неизвѣстными до сихъ поръ юристамъ, не знакомымъ съ мѣстными языками края. Нечего и говорить, что такое изданіе крайне необходимо, какъ въ интересахъ порядка управленія, такъ и въ видахъ научной разработки мѣстнаго финляндскаго права. Русскіе тексты тѣхъ постановленій, кои до сихъ поръ не были напечатаны, извлекаются для «Собранія» изъ архивовъ и дѣлъ мѣстныхъ учрежденій.

Кромѣ того, на комиссію были возложены разныя работы по очереднымъ законодательнымъ вопросамъ.

Съ должностію министра статсъ-секретаря В. К. Плеве соединялъ обязанности канцлера Гельсингфорскаго университета. По отношенію къ этому высшему учебному заведенію края онъ никакихъ серьезныхъ нововведеній не предпринялъ и даже во время общей смуты, въ которой университету принадлежала весьма замѣтная роль, ничего существеннаго не сдѣлалъ, чтобы уменьшить его вмѣшательства въ политическую жизнь края. Свобода университетскаго преподаванія была строго охранена.

Въ университетской сферѣ В. К. Плеве пользовался поэтому извѣстнымъ расположеніемъ, сказавшимся, между прочимъ, въ томъ, что когда прошелъ слухъ объ оставленіи имъ поста министра статсъ-секретаря, депутація отъ университета просила его не слагать съ себя званія канцлера. В. К. Плеве конечно трудно нести было отвѣтственность за правильное теченіе академической жизни и за дисциплину, такъ какъ съ профессорской средой не соприкасался, а дисциплинировать за глаза являлось дѣломъ мудренымъ.

Въ концѣ 1902 г. В. К. Плеве, обремененный дѣлами по обширному министерству внутреннихъ дѣлъ, задумалъ сложить съ себя обязанности по статсъ-секретаріату. «Я долго думалъ о возможныхъ вашихъ замѣстителяхъ,—отвѣчалъ ему Николай Ивановичъ на запросъ о кандидатѣ (17 іюня 1902 г.)—и пришелъ къ заключенію, что вы незамѣнимы». Это не были слова. Если-бы онъ желалъ разстаться съ нимъ, случай представился, но достовѣрно извѣстно, что Н. И. Бобриковъ просилъ Государя Императора въ Ливадіи не лишать его сотрудничества В. К. Плеве. Въ ноябрѣ В. К. Плеве вернулся изъ Ялты и сообщилъ генералъ-губернатору: «Государю Императору угодно было повелѣть еще въ теченіе нѣкотораго времени остаться министромъ статсъ-секретаремъ Финляндіи».

Взаимныя отношенія Н. И. Бобрикова и В. К. Плеве, очень занимавшія общество при ихъ жизни, не перестали интересовать его и послѣ ихъ смерти. Всѣ понимали, что въ зависимости отъ этихъ

отношеній находилась устойчивость направленія русской политики въ Великомъ Княжествѣ въ практическомъ ея примѣненіи. Значительная частная переписка этихъ двухъ замѣчательныхъ государственныхъ дѣятелей удостовѣряетъ, что отношенія эти были вполнѣ нормальныя и потому русскій «курсъ» на окраинѣ проводился твердо.

Какъ люди умные и уравновѣшенные они «въ прямой пользѣ дѣла», конечно, лучше другихъ понимали, что ихъ разногласіемъ воспользуются финляндцы. Чтобы избѣжать лишняго повода къ недоразумѣніямъ, они рѣшили не допускать между собой непрошенныхъ посредниковъ изъ финляндцевъ, на каковыя роли имѣлись постоянные охотники.

Поводовъ для обмѣна мыслей было много. Въ краѣ зрѣли дѣла одно серьезнѣе другого, почему Н. И. Бобрикову часто приходилось выдвигать новые проекты.

«....Мои заявленія,—писалъ онъ,—исходятъ изъ самаго теченія жизни. Пропускать сами собою созрѣвающіе поводы къ измѣненію мѣстнаго законодательства, въ смыслѣ русскихъ интересовъ или болѣе правильнаго достиженія правды, считалъ бы для себя недостойнымъ... Русскихъ интересовъ продавать я не могу и не хочу, считая для себя это безчестнымъ. Результатомъ моей политики должно быть неизбѣжное накопленіе вопросовъ, съ которыми по необходимости приходится мнѣ дѣлиться съ вами, и я благодарю Бога, что нашелъ въ васъ опытнаго руководителя. Усердно прошу не претендовать на меня за обиліе дѣлъ и причиняемое тѣмъ вамъ безпокойство. Если рѣшенія не будутъ быстро созрѣвать, я вѣдь на то сѣтовать не буду. Благоволите мои заявленія вводить въ очередь и систему. Могу легко впадать и въ погрѣшности, за которыя пожалуйста меня не вините; за наставленія и указанія буду всегда чрезвычайно благодаренъ, въ особенности если вы сохраните ту деликатность въ формѣ, какою до сихъ поръ отличались наши взаимныя сношенія. Здѣсь слѣдятъ за нашими отношеніями и, конечно, враги Россіи были бы счастливы появленію даже какихъ-либо намековъ на несогласіе во взглядахъ. Съ своей стороны сдѣлаю все возможное къ дальнѣйшему упроченію вашего ко мнѣ довѣрія» (16 ноября, 1899 г.). «Простите, если я иногда повторяюсь,—говоритъ онъ въ другомъ письмѣ,—но финляндская рана меня глубоко пронизала» (13 февраля 1900 г.).

Для обоихъ дѣло стояло впереди личныхъ интересовъ и потому Николай Ивановичъ, устраняя вопросъ честолюбія, часто обращался къ Вячеславу Константиновичу за совѣтомъ и съ просьбой, которые были столь естественны при взаимномъ отношеніи ихъ должностей.

«Былъ бы вамъ искренно признателенъ, если бы вы когда-нибудь лично побесѣдовали съ этимъ кандидатомъ и сами затѣмъ вы-

сказали: можно-ли довѣрить ему губернаторскій постъ»? (6 ноября 1899 г.). «Прошу усерднѣйше откровенно мнѣ сказать, — писалъ Николай Ивановичъ, — вѣрно ли я смотрю на данный вопросъ или ошибаюсь»? (15 марта 1900 г.). «Отнеситесь ко мнѣ построже»...

...«Я послѣдую вашему совѣту» (21 марта 1900 г.). «Подскажите мнѣ болѣе осторожное и безпристрастное рѣшеніе вопроса»... (19 апрѣля 1900 г.). «Убѣдительнѣйше прошу прочитать прилагаемый проектъ и, ради пользы дѣла, подвергнуть его строгой критикѣ». (9 мая 1900 г.). «За строгую критику моихъ заключеній претендовать не буду и довѣряюсь вашему опыту» (7 октября 1900 г.).

Вотъ отраженіе человѣка, всецѣло отдавшагося государственному дѣлу и отодвинувшаго личныя чувства. Онъ ищетъ правильнаго рѣшенія вопроса и бесѣдуетъ съ тѣмъ, кто могъ и долженъ былъ ему содѣйствовать. И В. К. Плеве на все отзывался своимъ опытомъ и юридической оцѣнкой возникшаго вопроса. Въ свою очередь Вячеславъ Константиновичъ искалъ случая обмѣняться мнѣніемъ съ Н. И. Бобриковымъ и получить его заключеніе по возникшимъ у него по статсъ-секретаріату предположеніямъ. «Жду съ большимъ интересомъ возможности переговорить съ вами по вопросамъ, намъ по Финляндіи общимъ, такъ какъ послѣ вашего послѣдняго отъѣзда рѣдко удавалось обмѣниваться мнѣніями въ письмахъ»... (9 іюля 1902 г.). «Предварительно доклада окончательнаго, я желалъ бы получить ваше разрѣшеніе... я приспособлю ваши пожеланія къ закону по правиламъ законодательной техники» (6-го ноября 1899 г.). Плеве настолько внимательно слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлалось и писалось въ Финляндіи, что свои совѣты соображалъ съ мѣстными взглядами». «Порадовался за васъ,—писалъ онъ (15 ноября 1899 г.) генералъ-губернатору, — что вы отдѣлались отъ К.—Его преемника финляндцы очень бранятъ, поэтому полагаю, что въ немъ вы найдете лучшаго исполнителя».

Дѣловыя отношенія обоихъ русскихъ сановниковъ, стоявшихъ во главѣ финляндскихъ дѣлъ, проникнуты были взаимнымъ уваженіемъ и довѣріемъ. «....Я вамъ благодаренъ за откровенность,—отвѣчалъ В. К. Плеве,—такъ какъ только при такомъ образѣ дѣйствій мы въ состояніи будемъ всегда идти рука объ руку» (30 января 1900 г.).

Существовала еще одна спеціальная и серьезная причина частыхъ письменныхъ сношеній генералъ-губернатора съ министромъ статсъ-секретаремъ. «Финляндскіе юристы отличаются односторонностію и стремленіемъ къ крючкотворству,—заявлялъ Н. И. Бобриковъ,—вслѣдствіе чего необходимо противопоставлять имъ особую осторожность и тщательную предусмотрительность. Вотъ почему я радуюсь, что вы подвергаете мои ходатайства строгой критикѣ, за которую приношу мою глубочайшую признательность. Увѣренъ, что и впредь такъ будетъ.

Хлопочу исключительно о пользѣ дѣла и въ этомъ случаѣ поступаюсь самолюбіемъ» (16 ноября 1899 г.). «Съ финнами система осторожности болѣе чѣмъ необходима» (27 января 1900 г.). Того же мнѣнія былъ и В. К. Плеве, почему онъ не разъ подвергалъ очередной вопросъ «предварительному разсмотрѣнію русскихъ юристовъ» (6 ноября 1899 г.). «Вопросъ не лежалъ у меня безъ разсмотрѣнія, а былъ соображенъ свѣдующими юристами» (3 ноября 1899 г.). О финляндскомъ судѣ онъ былъ не высокаго мнѣнія. Но, видно, особенно его поражала казуистика агитаторовъ, утверждавшихъ, что каждый финляндецъ можетъ не исполнять закона, разъ только онъ, по его личному мнѣнію, изданъ неправильно. «Не было примѣра, — писалъ Плеве,— чтобы полицейскія начальства или общественныя управленія были привлекаемы къ поясненію Высочайшихъ актовъ не въ отдѣльныхъ случаяхъ встрѣтившихся затрудненій въ примѣненіи Монаршей Воли, а въ отношеніи общаго ея смысла» (3 ноября 1899 г.).

Н. И. Бобриковъ, постоянно находясь въ Гельсингфорсѣ, конечно, острѣе чувствовалъ на себѣ взоры финляндцевъ и это обстоятельство также отразилось въ его письмахъ. «Прошу вообще поддержки въ моихъ ходатайствахъ, которыя зря не дѣлаю и отказы въ которыхъ могутъ дискредитировать мое положеніе, безъ того незавидное» (16 октября 1899 г.). «Если мои оффиціальныя заявленія представлялись бы вамъ неправильными, то просилъ бы исполненіе по нимъ откладывать до личнаго свиданія, имѣя въ виду, что мы должны быть во всемъ единодушны» (13 ноября 1899 г.). «Всякое отклоненіе моего ходатайства можетъ только радовать статсъ-секретаріатъ, который всѣмъ непріятнымъ мнѣ быстро дѣлится съ Гельсингфорсомъ» (24 января 1900 г.). В. К. Плеве вполнѣ понималъ обстановку и входилъ въ положеніе генералъ-губернатора, почему и сообщалъ ему: «Не желая, однако, входить съ вами въ какую-либо переписку, изъ которой финляндскіе чиновники могли бы заключить о различіи нашихъ взглядовъ, хотя бы и относительно второстепенныхъ вопросовъ управленія, я думаю обобщить весь вопросъ о вашихъ полномочіяхъ по дѣламъ печати и въ непродолжительномъ времени сдѣлать генералъ-губернаторскую власть сильною въ борьбѣ съ печатью изъ-за государственныхъ интересовъ» (20 октября 1899 г.).

Такъ какъ они стремились къ одной общей цѣли, то Н. И. Бобриковъ «держалъ въ курсѣ дѣла» В. К. Плеве по такимъ его сторонамъ, которыя не сразу могли ему открыться. «Считаю долгомъ передать вамъ извлеченіе изъ газетъ, указывающее на существованіе въ статсъ-секретаріатѣ вредныхъ мышей» (19 ноября 1899 г.). Значительно позже Н. И. Бобриковъ писалъ: «Заслуживаетъ особаго вниманія то весьма важное обстоятельство, что всѣ послѣднія распоряже-

нія были извѣстны крамольникамъ ранѣе ихъ обнародованія, чему имѣю неопровержимыя доказательства» (17 апрѣля 1903 г.).

Съ своей стороны В. К. Плеве просилъ Н. И. Бобрикова высылать ему статьи, «подвергшіяся взысканіямъ», такъ какъ мои шведы склонны скрывать отъ меня наиболѣе злостныя статьи» (12 марта 1900 г.) и дѣлился съ генералъ-губернаторомъ тѣми свѣдѣніями, которыя считалъ для него полезными. Такъ, изъ Москвы онъ сообщилъ: «Впечатлѣніе отъ финляндскихъ распоряженій, дѣйствительно, въ большинствѣ отрицательное, но въ сердцевинѣ московскаго общества и охранительной печати бодрое и хорошее» (7 апрѣля 1903 г.). «Прилагаю разные документы, прочтеніе которыхъ можетъ представить нѣкоторый интересъ»,—отозвался Н. И. Бобриковъ (1 апр. 1900 г.). И въ такомъ видѣ продолжался обмѣнъ мнѣній и услугъ, со дня назначенія В. К. Плеве министромъ статсъ-секретаремъ до кончины Н. И. Бобрикова.

При такихъ только условіяхъ возможна была успѣшная совмѣстная работа генералъ-губернатора и министра статсъ-секретаря. По закону взаимныя отношенія ихъ нельзя считать удачно поставленными. Одинъ управляетъ краемъ, а другой докладываетъ Верховной власти дѣла этого края. Одинъ отвѣчаетъ за край, другой, пользуясь своимъ положеніемъ, неизбѣжно соблазняется направлять политику этого края, не неся никакой отвѣтственности за послѣдствія своего вмѣшательства. По табели о рангахъ министръ статсъ-секретарь поставленъ ниже генералъ-губернатора и въ тоже время его положеніе, какъ докладчика, дѣлаетъ его какъ бы контролеромъ начальника края. Создано такое положеніе двухъ крупныхъ властей, при которомъ легко могутъ возникать столкновенія или же одна власть обыкновенно подпадаетъ вліянію другой. Держать ихъ въ равновѣсіи и поставить ихъ такъ, чтобы каждая изъ нихъ функціонировала вполнѣ самостоятельно чрезвычайно трудно. Намъ представляется, что Н. И. Бобриковъ и В. К. Плеве достигли сихъ рѣдкихъ условій.

Н. И. Бобриковъ дорожилъ мнѣніемъ В. К. Плеве, но это не значитъ, что онъ поступался своими кореннными убѣжденіями и находился подъ его вліяніемъ. Одна часть западной печати почему-то изображала Н. И. Бобрикова послушнымъ орудіемъ В. К. Плеве. Это большое недоразумѣніе. Оба, обладая сильнымъ и независимымъ характеромъ, а также опредѣленнымъ образомъ мыслей, оставались самостоятельными и стремились только къ согласному дѣйствію въ финляндскомъ вопросѣ, для чего часто и по-долгу совѣщались и много переписывались. Какъ люди умные, они понимали, что не всегда и не во всемъ возможно единомысліе. «Мнѣ трудно,—писалъ, напримѣръ, Н. И. Бобриковъ,—прійти къ полному во всемъ съ вами соглашенію,

что, я увѣренъ, вы не поставите мнѣ въ вину» (29 іюля 1903 г.). Когда же тотъ или другой оставались при разныхъ мнѣніяхъ, то съ ними отправлялись во дворецъ и каждый излагалъ Государю открыто свои думы и чувства. Изъ дневника Н. И. Бобрикова видно, что во время совмѣстныхъ всеподданнѣйшихъ докладовъ его мнѣнія не разъ расходились съ воззрѣніями министра статсъ-секретаря и въ подобныхъ случаяхъ Николай Ивановичъ проявлялъ особенное упорство и настойчивость.

Н. И. Бобриковъ охотно совѣтовался съ В. К. Плеве и, судя по нѣкоторымъ письмамъ, представляется гибкимъ и податливымъ, но на дѣлѣ онъ никогда не поступался своими основными убѣжденіями и, отстаивая ихъ, готовъ былъ пожертвовать своей должностію. Не уступалъ онъ въ подобныхъ случаяхъ ни финляндской, ни русской сторонѣ. Двухъ способовъ дѣйствія у него не было. «Чувствую, что статсъ-секретаріатъ надуется, — читаемъ въ его письмѣ, — но лучше объявить ему войну, чѣмъ сдаться на капитуляцію въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ манифестъ 3 февраля» (1 августа 1903 г.). Не сдался онъ статсъ-секретаріату и по вопросу о возобновленіи финляндскаго комитета... «Придется и по этому вопросу вступить въ бой»,—говорится въ томъ же письмѣ (1 августа 1903 г.). «Въ политикѣ я, конечно, лично не сдамъ, но, пожалуй, придется уступить постъ другому» (16 декабря 1902 г.).

Когда въ Финляндіи обозначилось броженіе умовъ, то въ статсъ-секретаріатѣ также обдумывались мѣропріятія для успокоенія края. Изъ писемъ В. К. Плеве видно, что онъ былъ «непоколебимъ относительно сдѣланнаго уже въ Финляндіи, но желалъ достигнуть успокоенія и очень рекомендовалъ мягкій образъ дѣйствій, устраняющій раздраженіе отдѣльныхъ лицъ, хотя и не исключающій твердости и даже полезной суровости, если послѣднею можно достигнуть также успокоенія» (18 — 31 марта 1902 г.). Наряду съ неуклоннымъ проведеніемъ въ жизнь новыхъ началъ управленія,—возвѣщенныхъ Высочайшими Манифестами 3-го февраля 1899 г., объ общеимперскомъ законодательствѣ, 7 іюля 1900 г., о введеніи русскаго языка въ присутственныя мѣста Великаго Княжества и 29 іюня 1901 г., о новомъ порядкѣ отбыванія воинской повинности,—В. К. Плеве желательно было, чтобы правительство поставило себѣ особою цѣлью успокоить взволнованные умы населенія. По этому поводу онъ представилъ на Высочайшее благовоззрѣніе особую записку, въ которой намѣтилъ нѣкоторыя мѣропріятія, долженствовавшія, по его мнѣнію, благопріятно повліять на населеніе Финляндіи. Записка дальнѣйшаго движенія не получила. Генералъ-губернатору она была, однако, показана и онъ имѣлъ случай представить Монарху свои замѣчанія словесно. Не ограничившись этимъ, Н. И. Бобриковъ

приготовилъ письменное возраженіе. Но и его записка никакого движенія не получила: Верховной Власти она не была представлена. Тѣмъ не менѣе оба документа имѣютъ исключительный интересъ для характеристики виднѣйшихъ дѣятелей того времени. Стороны стояли въ боевыхъ доспѣхахъ другъ противъ друга и каждая изъ нихъ честно и открыто проводила свои воззрѣнія, которыя по нѣкоторымъ пунктамъ оказывались въ данномъ случаѣ совершенно противоположными.

Препровождая свою записку къ Н. И. Бобрикову, министръ статсъ-секретарь въ частномъ письмѣ (4 апр. 1902 г.) говорилъ: «Въ особомъ конвертѣ вы найдете подписанную мною вчера записку, составляющую резюме того, что на трехъ послѣднихъ докладахъ въ разное время было высказано въ развитіе системы мѣръ успокоенія. Ни по одной изъ мыслей, изложенныхъ въ запискѣ, категорическихъ указаній... у меня нѣтъ. Если успѣете до нашего свиданія прочитать записку, былъ бы радъ о ней съ вами переговорить».

Главнѣйшія положенія названныхъ записокъ сводятся къ слѣдующему:

«Благожелательное отношеніе къ управляемымъ, — писалъ В. К. Плеве,—не должно переходить въ бездѣйствіе власти, такъ какъ колебанія въ принятіи рѣшительныхъ мѣръ противъ теперешнихъ проявленій смуты надолго подорвутъ авторитетъ правительства и сдѣлаютъ невозможнымъ осуществленіе на дѣлѣ начинаній послѣдняго времени. Такъ, отмѣна призыва нынѣшняго года будетъ равносильна отказу отъ закона о воинской повинности, а уступка въ этомъ отношеніи дастъ агитаціи возможность сосредоточить всѣ усилія на томъ, чтобы помѣшать въ будущемъ году введенію русскаго языка въ дѣлопроизводство сената».

«Современная смута въ Финляндіи, гнѣздившаяся до сихъ поръ главнымъ образомъ въ крупныхъ городскихъ центрахъ, въ послѣднее время съ успѣхомъ распространяется и въ сельскихъ мѣстностяхъ. Возможно, поэтому, ожидать, что во многихъ мѣстахъ будетъ оказано противодѣйствіе призыву...

Судебныя мѣста, наполненныя ставленниками шведской партіи, доходятъ въ своемъ дерзкомъ неповиновеніи власти до того, что привлекаютъ къ судебной отвѣтственности тѣхъ представителей административной власти, которые при исполненіи своей должности слѣдуютъ предписаніямъ закона, а не внушеніямъ шведомановъ...

«Вслѣдствіе сего, независимо отъ принятія тѣхъ или другихъ мѣръ успокоенія края, предстоитъ крайняя необходимость привести въ порядокъ администрацію и судъ, очистивъ въ особенности отъ пособниковъ смуты губернаторскій составъ и суды. Чѣмъ надежнѣе по составу служащихъ будутъ администрація и судъ, тѣмъ успѣшнѣе можно будетъ развить систему умиротворяющихъ способовъ управленія...

«Агитація нашла себѣ пищу, кромѣ манифеста 3 февраля, и въ другихъ распоряженіяхъ правительства, какъ-то: въ манифестѣ о признаніи русскаго языка языкомъ государственнымъ, а также въ предпринятомъ пересмотрѣ нѣкоторыхъ постановленій, касающихся управленія края (генералъ-губернаторской инструкціи, учрежденія сената и устава о службѣ гражданской). Кромѣ того агитаторы обостряютъ положеніе толками и слухами о дѣйствіяхъ генералъ-губернатора, которому приписываютъ намѣреніе уничтожить существующій порядокъ вещей въ Финляндіи, къ чему должны привести замышляемыя будто бы новыя преобразованія, въ томъ числѣ учебная реформа...

«Изъ приведенныхъ соображеній вытекаетъ и программа будущей правительственной дѣятельности. Программа эта должна, по мнѣнію В. К. Плеве, заключаться въ слѣдующемъ:

«Установленіе опредѣленной границы между предметами общеимперскаго законодательства и мѣстнаго. Проектъ такого постановленія, слѣдовало бы предложить сейму 1904 года, вмѣстѣ съ выработанными нынѣ предложеніями объ избирательной реформѣ.

«Осмотрительное хотя и послѣдовательное проведеніе въ жизнь предположенной программы о дѣлопроизводственныхъ языкахъ финляндскихъ присутственныхъ мѣстъ. Попеченіе о русскомъ языкѣ не должно переходить предѣлы, начертанные манифестомъ 7 іюня 1900 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не позднѣе лѣта нынѣшняго (1902) года надлежитъ объявить разработанное уже сенатомъ постановленіе объ употребленіи народныхъ языковъ въ оффиціальной жизни Финляндіи...

«Сохраненіе при предстоящемъ измѣненіи «Учрежденія Сената» и нѣкоторыхъ другихъ финляндскихъ узаконеній основныхъ чертъ мѣстнаго административнаго строя...

«Финляндіею и впредь слѣдуетъ управлять не черезъ единоличную и безконтрольную, по крайней мѣрѣ по убѣжденію мѣстнаго населенія, власть генералъ-губернатора, а посредствомъ совокупной и согласной дѣятельности тѣхъ высшихъ установленій края, кои нынѣ призваны творить въ этомъ направленіи волю Монарха, единаго источника правящей власти въ Великомъ Княжествѣ.

«Необходимо пріостановиться возбужденіемъ какихъ-либо вопросовъ административныхъ или законодательныхъ, кромѣ тѣхъ, кои уже поставлены на очередь. Въ особенности желательно не тревожить населенія подготовительными работами по преобразованію учебнаго дѣла.

«Возстановленіе равновѣсія между финляндскими партіями по участію въ управленіи краемъ... Быть можетъ было бы своевременно приблизить нѣсколько къ правительству шведскую партію... Возвращеніе въ сенатъ представителей этой партіи было бы въ данное время вредно... но полное устраненіе шведской партіи отъ совѣщательнаго

по крайней мѣрѣ участія въ дѣлахъ управленія едва ли осмотрительно въ политическомъ отношеніи...

«Въ этихъ видахъ, — продолжаетъ В. К. Плеве, — необходимо было бы возстановить существовавшій до 1891 года совѣщательный комитетъ при министрѣ статсъ-секретарѣ. Учрежденіе такого комитета съ нѣсколько измѣненнымъ, соотвѣтственно теперешнимъ обстоятельствамъ, устройствомъ, явилось бы серьезною мѣрою успокоенія общественнаго мнѣнія Финляндіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новымъ способомъ проведенія объединительныхъ задачъ, предъуказываемыхъ Его Величествомъ.

«Для сближенія же финляндскаго управленія съ имперскимъ въ этотъ комитетъ могли бы быть призываемы представители имперскихъ вѣдомствъ, что могло бы устранить надобность въ особыхъ комиссіяхъ, въ средѣ имперскихъ установленій, образованіе которыхъ всегда съ тревожнымъ недовѣріемъ встрѣчается въ Финляндіи».

Н. И. Бобриковъ не раздѣлялъ этихъ положеній и написалъ:

«Вникнувъ въ содержаніе записки, необходимо прійти къ слѣдующимъ заключеніямъ:

«Прежде всего въ запискѣ обращаютъ на себя вниманіе нѣкоторыя крупныя противорѣчія, которыя, такимъ образомъ, сами собой подрываютъ устойчивость предлагаемыхъ ею мѣръ. Такъ, напримѣръ, въ началѣ записки шведоманы совершенно основательно признаются главными виновниками происходящей смуты, а въ концѣ—предлагается учрежденіе, преимущественно изъ нихъ, особаго комитета при статсъ-секретаріатѣ. Далѣе, установивъ вполнѣ вѣрное положеніе, что уступки и колебанія въ принятіи рѣшительныхъ мѣръ въ періодъ проявленія смуты, надолго подорвутъ авторитетъ правительства и вредно отразятся на ходѣ дѣла, авторъ въ то же время предлагаетъ мѣры, которыя въ существѣ своемъ являются уступками и колебаніями.

«Едва-ли современно думать объ уступкахъ съ русской стороны, особенно имѣя къ тому же въ виду Высочайшій рескриптъ отъ 8-го іюня 1899 года, въ которомъ, въ отвѣтъ на прежнія подобныя-же домогательства финляндцевъ, было съ высоты Престола изречено обѣщаніе, что Манифестъ 2-го февраля долженъ остаться «непоколебимымъ и впредь».

«Передача на сеймъ вопроса объ установленіи границы между предметами общеимперскаго и мѣстнаго законодательства означала-бы крутой поворотъ въ принятой системѣ управленія Финляндіей. Если допустить вмѣшательство земскихъ чиновъ въ столь важное дѣло, то надо имѣть, по крайней мѣрѣ, полную увѣренность въ томъ, что оно принесетъ большіе и благіе результаты и прежде всего умиротворитъ край. Но подобной гарантіи не имѣется. Развѣ можно быть увѣрен-

нымъ, имѣя передъ собой исторію прежнихъ сеймовъ, что «вторая государственная власть», какъ финны называютъ сеймъ, непременно приметъ предложеніе Монарха? Имѣется, напротивъ, основаніе теперь же утверждать, что нѣкоторые вопросы (напримѣръ: о войскѣ, финской монетѣ, таможнѣ и др.) земскіе чины Финляндіи не желаютъ отнести къ области общегосударственныхъ. Въ такомъ случаѣ, Верховной Власти придется Самой вписать ихъ и у финляндцевъ явится новый предлогъ недовольства, такъ какъ не будутъ исполнены ихъ желанія и не будутъ соблюдены ихъ воображаемые основные законы, которые, по ихъ понятіямъ, требуютъ, чтобы Монархъ принялъ рѣшенія сейма и при томъ въ той именно редакціи, которую установятъ земскіе чины.

«Что касается разработаннаго сенатомъ постановленія объ употребленіи народныхъ языковъ въ оффиціальной жизни Финляндіи, то,— въ видахъ успокоенія финновъ и для поддержанія сената, престижъ котораго значительно поколебленъ агитаторами-шведоманами,—постановленіе это можно считать небезполезнымъ.

«Авторъ записки находитъ полезнымъ «пріостановиться» реформами. Едва-ли подобной мѣрой можно достичь успокоенія края, такъ какъ финляндцы прежде всего объяснятъ эту пріостановку, какъ результатъ своего дружнаго отпора и противодѣйствія, и какъ слабость русской власти, усомнившейся въ своихъ правахъ и дѣйствіяхъ. Полумѣры, какъ свидѣтельствуетъ исторія, всегда вредны, почему цѣлесообразнѣе осторожно, но твердо и безъ колебаній идти впередъ.

«Особое вниманіе обращаетъ на себя желаніе автора записки возстановить равновѣсіе между финляндскими партіями и для той цѣли поддержать шведомановъ.

«Заслуги шведской партіи по отношенію къ Финляндіи очень сомнительны; для огражденія-же русскихъ интересовъ она ничего, конечно, не сдѣлала. Въ послѣднее время эта партія сѣяла лишь смуту въ Финляндіи, а ранѣе работала надъ ея обособленіемъ отъ Россіи. За что-же ее въ такомъ случаѣ вознаграждать и поддерживать? «Положеніемъ скромныхъ совѣтниковъ въ Петербургѣ шведоманы не будутъ удовлетворены, особенно послѣ того, какъ они, въ теченіи почти столѣтія, безраздѣльно заправляли краемъ.

«Ошибка прежней политики заключалась именно въ томъ, что были оставлены въ Финляндіи шведскій языкъ, шведскіе законы и порядки. Въ краѣ преобладаетъ финское населевіе (85%), оно тяготится властью шведовъ и потому врядъ-ли справедливо и полезно русскому правительству продолжать навязывать финнамъ шведское вліяніе.

«Два-три шведа—пусть даже не уступающихъ въ своей противоправительственной дѣятельности бывшему сенатору Л. Мехелину—въ

комитетѣ статсъ-секретаріата слишкомъ незначительное нововведеніе, чтобы оно могло существенно отразиться на настроеніи умовъ.

«Самый комитетъ приходится признать совершенно безцѣльнымъ при статсъ-секретаріатѣ. Это достаточно доказано его прошлымъ, когда онъ усиливалъ лишь оппозицію генералъ-губернатору.

«Записка указала на рядъ уступокъ и послабленій, кои правительству надлежитъ сдѣлать для успокоенія умовъ въ Финляндіи. Но гдѣ же залогъ того, что финляндцы будутъ удовлетворены сими уступками и прекратятъ свои требованія и агитацію? Вѣдь еще имѣется, помимо указанныхъ въ запискѣ, много другихъ вопросовъ, которые всегда рождали большія разногласія между финнами и русскими и къ которымъ финны относятся, какъ къ историческому своему наслѣдію и потому не склонны къ какимъ-либо по нимъ уступкамъ и ограниченіямъ. Такъ, они смотрятъ на свою родину, какъ на отдѣльное государство, имѣющее свой особый великокняжескій тронъ; они признаютъ себя финляндскими подданными, ожесточенно не желаютъ допускать русскихъ людей въ свои учрежденія и въ свою среду; они остаются при убѣжденіи, что Форма Правленія 1772 года и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 года составляютъ конституцію Финляндіи и т. д. Добившись, путемъ преступной агитаціи, дерзкаго ослушанія законовъ и грубаго бойкота, извѣстныхъ благопріятныхъ для себя результатовъ, они, очень естественно, пойдутъ далѣе и потребуютъ возможной независимости и закрѣпленія навсегда своей монеты, таможни и т. д. При политикѣ уступокъ совершенно невозможно охранить русскіе государственные интересы и предвидѣть предѣлы дальнѣйшихъ послабленій.

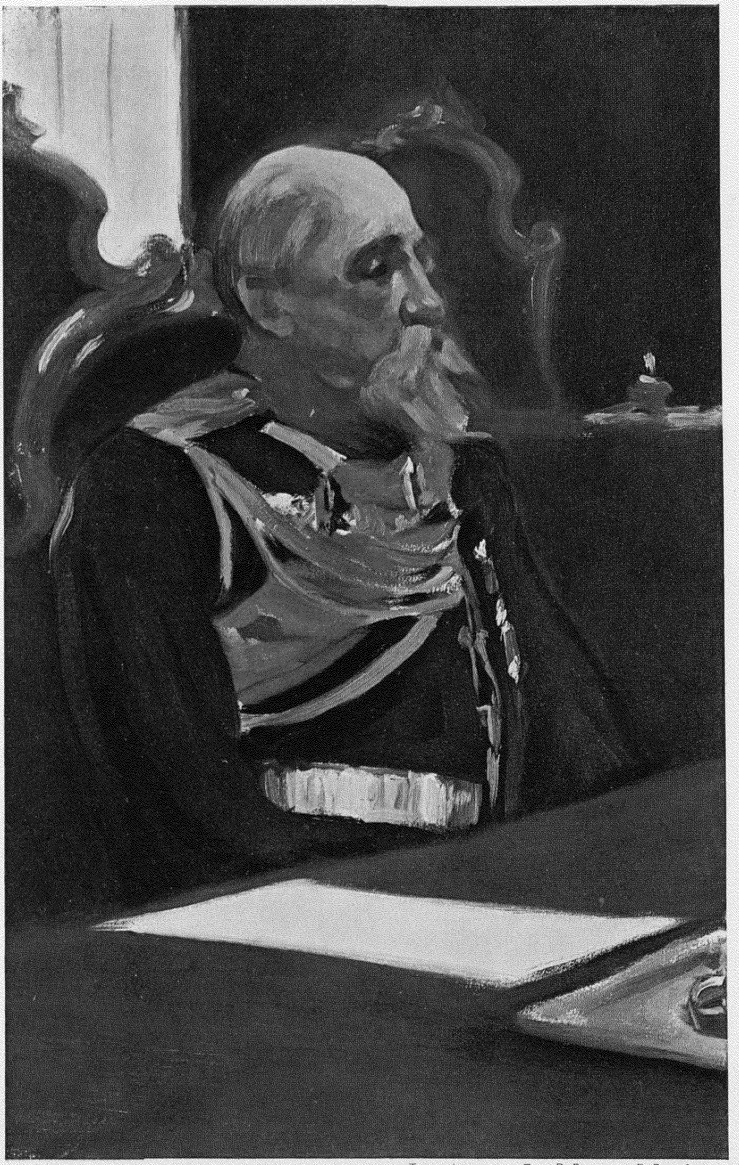
«Что-же касается Высочайшаго Манифеста 3-го февраля 1899 года, то желательно, чтобы онъ оставался въ полной своей силѣ и неприкосновенности, какъ важнѣйшій и полезнѣйшій актъ, изданный со времени присоединенія Финляндіи къ Россіи. Если къ сему закону потребны будутъ дополненія, то ихъ надлежитъ составить въ учрежденіи Имперіи, издать единоличною Самодержавною Властью, безъ участія въ семъ дѣлѣ финляндскаго земскаго сейма и безъ всякихъ о томъ слѣдовъ въ сеймовомъ уставѣ Финляндіи.

«Кромѣ того, эта программа вовсе не имѣетъ въ виду обрусѣнія населенія. Финны, оставаясь финнами, могутъ быть въ то же время хорошими русскими подданными [301]».

Итакъ, по нѣкоторымъ вопросамъ мнѣнія Н. И. Бобрикова и В. К. Плеве расходились кореннымъ образомъ, но это не мѣшало имъ, какъ людямъ умнымъ, поддерживать хорошія взаимныя отношенія, проявляя должную терпимость къ чужому мнѣнію. Въ Финляндской средѣ укоренилось иное воззрѣніе: по существующему тамъ предста-

вленію, кто не раздѣляетъ какихъ-либо ихъ воззрѣній, тотъ ихъ врагъ, финноненавистникъ и т. п.

В. К. Плеве былъ крупною политическою силою, человѣкомъ системы и русскимъ патріотомъ. Онъ всегда считался съ національными интересами и особенностями финскаго народа. Онъ стоялъ за сохраненіе мѣстныхъ языковъ въ судебныхъ и административныхъ установленіяхъ края. Въ примѣненіи русскаго языка въ высшихъ учрежденіяхъ Финляндіи онъ усматривалъ символъ русской государственной идеи. Духовной самобытности финновъ онъ не касался. Финляндскій вопросъ былъ имъ хорошо изученъ. Постановка на очередь вопроса о разграниченіи мѣстнаго финляндскаго законодательства отъ общегосударственнаго была произведена при его содѣйствіи. Онъ обѣщалъ помочь въ этомъ дѣлѣ сенату и слово свое сдержалъ. Когда нужно было, онъ охотно выходилъ на арену свободнаго обсужденія политическихъ вопросовъ и въ печати далъ англійскому публицисту Стэду достойный отвѣтъ на его открытое письмо, отвѣтъ ясный, богатый мыслями и фактами.



Трехцвѣтн. автот. Т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ.

Н. И. БОБРИКОВЪ.

Копія съ этюда Кустодіева.

ПАССИВНОЕ СОПРОТИВЛЕНІЕ.

X. Смута.

История покроет позором современную партию финляндских сепаратистов, черною данную чистой белой ночи.

Изъ письма Н. И. Бобрикова отъ 21 марта 1900 г.

При такихъ условіяхъ, согласитесь, могло ли дойти къ чему-нибудь серіозному?

Изъ письма Н. И. Бобрикова отъ 11 мая 1902 г.

Политическая жизнь въ Финляндіи началась послѣ того, какъ край этотъ перешелъ въ державное обладаніе Россійской Имперіи и жители ея воспріяли навсегда свое мѣсто въ «чредѣ народовъ, Скипетру Россійскому подвластныхъ и единую Имперію составляющихъ».

Въ политической жизни края наибольшую роль играютъ двѣ партіи—шведоманы и финноманы, при чемъ изъ послѣдней, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, выдѣлилась группа наиболѣе пылкихъ патріотовъ и образовала партію такъ-называемыхъ молодыхъ финномановъ или,—примѣняя къ ней западно-европейское названіе, — партію національ-демократовъ.

Такъ какъ эти партіи «стоятъ на плечахъ финскаго народа» и съ ними представителю русской власти постоянно приходится имѣть дѣло, то естественно узнать, какъ онѣ относятся къ Россіи, когда становятся лицомъ къ лицу съ ея государственными требованіями. Кто изъ нихъ наши союзники? Что ими сдѣлано для выработки прочнаго уклада совмѣстной общеимперской работы? Эти вопросы неудержимо поднялись на поверхность въ періодъ 1898—1904 гг., когда Россія «за себя стала», какъ говорили въ старину. Чтобы отвѣтить на нихъ необходимо заглянуть въ программы партій.

Опредѣлить, въ чемъ выражается напримѣръ стремленіе финномановъ «къ вящему скрѣпленію узъ» Финляндіи съ Россіей нелегко.

Если свести къ краткимъ положеніямъ то, что разновременно было высказано представителями ихъ лагеря о политическихъ задачахъ, то получится слѣдующее: Они желаютъ пріобщить народную массу къ европейской культурѣ, чтобы такимъ образомъ увеличить производительныя силы края, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Для этого они хотятъ сдѣлать языкъ народа языкомъ литературы, образованія и администраціи. Народъ,—по ихъ воззрѣніямъ,—долженъ быть движимъ однимъ чувствомъ, почему нуженъ одинъ языкъ, доступный всѣмъ. Финноманы стремятся создать образованный классъ, который бы говорилъ по-фински. Образованіе не должно быть монополіей высшаго класса и для того, чтобы оно проникло въ низшіе классы, необходимо признаніе права языка, на которомъ говоритъ народъ. Господство одного языка и притомъ еще языка меньшей части населенія Финляндіи (т. е. шведскаго), вопіющая несправедливость и тормазъ въ дѣлѣ развитія народа. Такая несправедливость по отношенію къ языку главнаго населенія края опасна также и для политическаго существованія Финляндіи: если народъ не участвуетъ въ устроеніи общества, онъ дѣлается равнодушнымъ къ будущей судьбѣ своей родины. Финскій народъ до тѣхъ поръ не въ состояніи будетъ выполнить своей исторической задачи, пока языкъ большинства не станетъ языкомъ образованнаго класса; до тѣхъ поръ не будетъ также сознанія общности интересовъ. Въ малыхъ странахъ надо поставить дѣло такъ, чтобы кандидаты на высшіе посты могли вербоваться отовсюду. Въ Финляндіи пока еще большинство служилаго сословія — шведы, администрація направляется шведами, законодательныя работы подготовляются по-шведски, правосудіе отправляется преимущественно судьями изъ шведовъ — и всѣ эти администраторы, законодатели и судьи остаются чуждыми массѣ народа, почему сильно страдаетъ сознаніе финскаго единства. Извнѣ могутъ нахлынуть разныя бѣдствія, тогда при явной розни, отпоръ будетъ оказанъ недостаточно дружный и сильный. Будущность Финляндіи требуетъ единой культуры. Если борьба со шведами продолжится, то двѣ народности Финляндіи поссорятся навсегда и разойдутся, какъ нѣмцы съ чехами въ Богеміи. Слѣдовательно, шведскій языкъ необходимо отодвинуть на второй планъ. Въ Финляндіи должны быть «одинъ языкъ—одна душа». Въ періодъ общаго противодѣйствія закону 3-го февраля 1899 года предложена была новая формула: «Одинъ духъ—два языка».

Еще яснѣе очерчены будутъ стремленія и цѣли финномановъ, если къ сказанному прибавить тѣ пункты, которые вызвали въ ихъ лагерѣ расколъ и побудили націоналъ-демократовъ сгруппироваться въ

особую «фракцію». Молодая финская партія усмотрѣла, что старо-финноманы были не въ мѣру податливы въ вопросахъ, касавшихся интересовъ цѣлаго края: они нарушили основные законы Финляндіи, опубликовавъ безъ рѣшительнаго протеста манифесты объ объединеніи почты и о временной пріостановкѣ дѣйствія новаго уголовнаго уложенія; кромѣ того, старо-финская партія пропустила законы о статсъ-секретаріатѣ и канцеляріи генералъ-губернатора, въ силу которыхъ явилась возможность назначать на должности въ названныя учрежденія, вмѣстѣ съ финляндцами, также и русскихъ. Въ этихъ дѣяніяхъ усмотрѣна прямая измѣна отечеству. Въ виду подобныхъ обстоятельствъ, младо-финноманы призываютъ соотечественниковъ къ сплоченію въ болѣе крѣпкую оппозицію, въ тѣхъ случаяхъ, когда на очередь будутъ ставиться вопросы политическаго или государственнаго сплоченія края съ Россіей. Помимо сего, національ-демократы желаютъ, чтобы вопросы по разнымъ реформамъ обязательно проходили черезъ сеймъ, и чтобы какъ правительство, такъ и народъ Финляндіи, демократизировались, закалялись, дабы въ потребныхъ случаяхъ они въ состояніи были выставить внушительную и крѣпкую оппозицію, которой нельзя ожидать отъ нынѣшнихъ чиновниковъ. Молодые финноманы опасались также примѣненія закона, дающаго преимущества тому кандидату, при соисканіи должностей, который владѣетъ русскимъ языкомъ. Послѣдствія такого закона совершенно нежелательны: въ Петербургѣ могутъ сказать, что разъ всѣ чиновники знаютъ русскій языкъ, то пусть онъ и будетъ оффиціальнымъ языкомъ края. «Надо, слѣдовательно, дѣйствовать противъ введенія русскаго языка въ финскія управленія». Опубликованіемъ манифестовъ о почтѣ и уголовномъ уложеніи молодая партія осталась недовольна потому, что такимъ путемъ созидался опасный «преюдикатъ» для проведенія любой объединительной реформы. Слѣдовало тогда же заявить, что манифестъ противорѣчитъ основнымъ законамъ. Это можно было сдѣлать, по ихъ мнѣнію, или черезъ посредство особой депутаціи, или вице-президента сената. Все это было заявлено въ программѣ молодыхъ финномановъ, опубликованной въ концѣ 1896 г. Впослѣдствіи, когда очередь дошла до манифеста о законѣ 3 февраля 1899 г. и постановленія о русскомъ языкѣ, финляндцы уже дѣйствовали по этимъ указаніямъ.

Въ одномъ сходятся обѣ финноманскія партіи: въ желаніи добиться новыхъ выборныхъ правъ для городского сословія. «Однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ для финской партіи,—говорилъ проф. Даніельсонъ,—является, между прочимъ, требованіе объ измѣненіи въ порядкѣ производства выборовъ въ сеймъ такимъ образомъ, чтобы право голоса законодательнымъ путемъ распространено было на всѣ классы народа болѣе широко, чѣмъ теперь. Это требованіе есть по-

слѣдствіе ученія Снельмана». Если финноманамъ удастся понизить имущественный цензъ, опредѣленный теперь для выборовъ въ это сословіе, то они сдѣлаются полными хозяевами на сеймѣ, такъ какъ теперь уже въ двухъ сословіяхъ—крестьянскомъ и духовномъ—большинство ихъ почти обезпечено. Шведоманы, конечно, сильно противятся намѣченной реформѣ, чтобы самостоятельности края и скандинавской культурѣ не угрожала серьезная опасность. Но существовала и еще причина, формулированная въ письмѣ Ф. Гартмана (янв. 1887 г.), такъ: «Тотъ реакціонный, или по крайней мѣрѣ, въ высшей степени консервативный вѣтеръ, который дулъ на высотахъ, побуждалъ шведомановъ ограничить свои стремленія стараніями удержать существующее политическое положеніе и установить и укрѣпить его».

Успѣхи, достигнутые финноманами, громадны во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности. Начали они скромно, но кончаютъ нѣсколько крикливо. Въ тридцатыхъ годахъ, когда, собственно, положено было начало болѣе правильной организаціи ихъ національнаго дѣла, кн. Меншиковъ,—бывшій тогда генералъ-губернаторомъ края, — рекомендовалъ меньше шума и толковъ, ибо благо Финляндіи,—по его мнѣнію,—заключалось въ томъ, чтобы о ней меньше писали и чтобы она была, насколько возможно, болѣе забытой [302]). Въ послѣднее время мѣстная печать старается уже придать финскимъ дѣламъ международный характеръ, а газета младо-финновъ «Päiväleht i», устами Лейно, доказывала, что Финляндіи пора выступить на всемірной аренѣ, такъ какъ ей принадлежитъ будущее и она должна подарить міръ свѣжей «финской культурой» и пр.

Политическими ихъ противниками являлись шведоманы. Первая группировка шведскихъ дѣятелей замѣчается на сеймѣ 1863 г. Въ 1870 г. ultra-шведоманы сплотились около газеты «Vikingen» и только въ декабрѣ 1880 г. шведская партія разослала свою программу при газетѣ «Helsingfors Dagblad». Программа оказалась либеральной. Либерализму приписывали тогда лучшіе успѣхи XIX ст. «Мы желаемъ—значилось въ ихъ программѣ—болѣе прочной и законченной конституціонной системы для нашей страны». Слѣдуетъ поэтому добиваться, утверждали они: 1) сокращенія внѣ сеймовыхъ періодовъ; 2) права моціи; 3) свободы печати; 4) расширенія власти сословій, чтобы всѣ расходы бюджета зависѣли отъ земскихъ чиновъ; 5) бо́льшаго контроля надъ административнымъ законодательствомъ; 7) бо́льшей опредѣленности въ уніональномъ отношеніи къ Имперіи. И т. д. Въ 1884 г. составлена была краткая «Pro memoria» для шведской партіи, въ которой добавлены слѣдующіе тезисы: свобода вѣроисповѣданій, уничтоженіе государственной церкви, равноправность обоихъ половъ, гражданскій бракъ и т. п.

Уступки и податливость финномановъ, проявленныя ими при приступѣ русскаго правительства къ объединительнымъ мѣропріятіямъ, по объясненію ихъ политическихъ противниковъ, ставятъ страну на наклонную плоскость и подрываютъ представительный образъ правленія. Шведоманы рѣшили въ виду этого уступить что-либо изъ основныхъ законовъ края только силѣ. Они на словахъ сознаютъ, что въ системѣ выборовъ нужна реформа, но въ то же время находятъ финновъ политически еще недостаточно зрѣлыми, чтобы передать дѣла родины въ ихъ руки.

«Мы либералы изъ предосторожности,—сказалъ однажды лордъ Эбердеръ,—хотя, конечно такъ же мало желаемъ торжества демократіи, какъ и торіи». Эти слова въ извѣстной мѣрѣ примѣнимы къ шведоманамъ, которые понимаютъ, что при уступкѣ съ ихъ стороны, они будутъ сметены демократіей.

Шведоманамъ, какъ партіи прогрессивной, свойственны всѣ достоинства и недостатки либеральнаго направленія, съ ея увлеченіями и меньшею способностію къ организаціи.

Шведоманская партія борется за сохраненіе шведскихъ формъ жизни и шведскаго образованія на русской окраинѣ среди финновъ. На сеймахъ они выступали обыкновенно представителями интересовъ крупной буржуазіи, мелкаго чиновничества, «свободы промысловъ» и т. п. Было время, когда шведоманы проповѣдывали воспрещеніе допуска финномановъ на какую-бы то ни было вліятельную должность [303]).

При посредствѣ шведской культуры партія желаетъ отстаивать свободную Финляндію. Шведская культура, по ихъ мнѣнію, главнѣйшее препятствіе къ обрусѣнію края.

Шведоманы вообще склонны значительно преувеличивать свое значеніе въ исторіи развитія Финляндіи. Въ дѣйствительности не шведская культура помогла Финляндіи подняться и развиться, а прежде всего проснувшееся въ финнахъ чувство національности. А это послѣднее, въ свою очередь, обязано такимъ успѣхомъ благосклонности Россіи. Развитіе и укрѣпленіе финской національности не противорѣчитъ русскимъ государственнымъ интересамъ, почему пользовалось полной свободой и даже содѣйствіемъ.

Правительственная программа сплотила партіи въ оппозиціи. Какъ только партіи узнали о намѣреніи Россіи достичь бо́льшаго государственнаго объединенія Финляндіи съ остальными областями Имперіи, всѣ помыслы ихъ лидеровъ были направлены къ одной цѣли, не допустить единенія. Національное кровообращеніе усилилось и энергія возросла. Органъ финномановъ «Uusi Suometar» (1890, № 216) напечаталъ воззваніе, призывавшее финскій народъ стать противъ объединительныхъ преобразованій, какъ одинъ человѣкъ. Но особую оп-

позиціонную энергію проявили въ шведоманскомъ лагерѣ. Баронъ фонъ-Борнъ еще въ 1881 г. основалъ въ г. Ловизѣ свою газету («Östra Nyland»), въ которой дѣлались вылазки противъ русскихъ коробейниковъ и выражалось недовольство русскимъ направленіемъ министра статсъ-секретаря Бруна и генералъ-губернатора графа Гейдена. Когда же въ Бозѣ почивающій незабвенный Монархъ Россіи, Императоръ Александръ III, издалъ Высочайшее повелѣніе о пріостановкѣ новаго уголовнаго уложенія, то баронъ Борнъ (въ газетѣ «Nya Pressen») выступилъ со статьей («Съ открытымъ забраломъ»), которая въ сущности есть ничто иное, какъ открытое воззваніе не исполнять Царскихъ повелѣній и совѣтъ судьямъ продолжать судить по уложенію, не признавая пріостановки его дѣйствія.

Въ 1891 г. появилась статья профессора гельсингфорскаго университета барона Р. Вреде «Обзоръ положенія въ странѣ». Статья широко распространялась путемъ подпольной разсылки. Чтобы спасти основные законы Финляндіи,—писалъ Вреде, - необходимо, чтобы министръ статсъ-секретарь не контрасигновалъ нежелательныхъ финляндцамъ Высочайшихъ повелѣній и манифестовъ, чтобы сенатъ не распубликовывалъ ихъ, чтобы судьи не обращали вниманія на отсрочку дѣйствія уголовнаго уложенія. Кромѣ того, сеймъ обязанъ единодушно протестовать, общество не должно идти навстрѣчу новымъ русскимъ требованіямъ, родителямъ вмѣняется въ обязанность не обучать своихъ дѣтей русскому языку и тому подобное. По поводу положеній этого новаго политическаго катехизиса Финляндіи, тогда же завязалась полемика, во время которой выработаны были дополнительныя правила о томъ, чтобы всѣ поголовно чиновники уклонялись отъ исполненія Высочайшихъ повелѣній, не согласныхъ съ законами края, чтобы законный судъ не смѣлъ никого осуждать изъ финляндцевъ, при ихъ столкновеніи съ русскими властями, чтобы сенаторы, въ случаѣ надобности, подавали въ отставку, такъ какъ ихъ замѣстители, русскіе генералы «безъ денегъ и бумагъ» не въ состояніи будутъ справиться со своими новыми обязанностями [304]).

Набатъ первой и громкая тревога второй статьи не понравились болѣе спокойнымъ членамъ шведоманской семьи. Прокуроръ сената Монтгомери не одобрилъ статьи «Nya Pressen» не по содержанію, а по соображеніямъ выгодности ея для будущаго. «Твое послѣднее воззваніе было ошибкой»,—писалъ онъ Борну. Это воззваніе не будетъ истолковано въ Петербургѣ иначе, «какъ попыткой создать въ Финляндіи терроризмъ мысли». Монтгомери стоялъ противъ уступокъ и за хладнокровную, настойчивую, упорную защиту «каждаго дюйма нашего добраго закона», и противъ тревожныхъ криковъ, пустыхъ демонстрацій; «и прежде всего ничего такого, — прибавлялъ онъ, — что указы-

вало бы на то, что дома нужны энергичныя дѣйствія», чтобы держать насъ бодрствующими и готовыми къ войнѣ». Фонъ-Гартманъ, вопреки мнѣнію Вреде, доказывалъ, что министры статсъ-секретари обязаны контрасигнировать Высочайшіе манифесты и повелѣнія, а сенатъ ихъ обнародовать. За судьями онъ также ни въ какомъ случаѣ не признавалъ права входить въ обсужденіе закономѣрности даннаго закона. Высочайшую пріостановку уголовнаго уложенія Гартманъ находилъ необходимой. Въ заключеніе онъ писалъ, что финнамъ надо «единодушно слиться, поддерживать и уважать правду и истину, гдѣ бы и у кого она ни проявлялась, «стойко и почтительно встрѣчать противныя мнѣнія»[305]). Но, къ сожалѣнію, масса послѣдовала болѣе за крикливыми воззваніями, приведшими къ пассивному сопротивленію, идея котораго вышла изъ шведоманскаго лагеря.

Такимъ образомъ, разсмотрѣніе программъ наличныхъ политическихъ партій нашей окраины и ихъ дѣятельности показываетъ, что у русскаго правительства нѣтъ среди нихъ ни союзниковъ, ни доброжелателей. Что-же касается вопроса о совмѣстной общеимперской работѣ, то даже самая мысль о ней бойкотировалась партіями. Въ финноманскомъ лагерѣ произошелъ расколъ исключительно вслѣдствіе того, что одна часть его членовъ не достаточно упорно протестовала противъ плана правительства. Партіи Финляндіи преслѣдуютъ свои цѣли, не имѣющія ничего общаго съ объединительными стремленіями Россіи. Партіи ищутъ русской поддержки только тогда, когда это отвѣчаетъ ихъ собственнымъ интересамъ. «Общая государственная жизнь Финляндіи съ Имперіей, предуказанная самой природой вещей», партіями края отвергается.

Когда новый генералъ-губернаторъ Н. И. Бобриковъ приступилъ къ осуществленію правительственной программы сплоченія, то всѣ партіи оказались ему враждебными. Вездѣ, гдѣ существуетъ политическая свобода, охранительная партія является одною изъ дѣйствующихъ силъ. Таковой-же является, несомнѣнно, и финноманская партія въ Великомъ Княжествѣ. Н. И. Бобриковъ былъ расположенъ къ ней, но не отдавался во власть ея безотчетно. «Съ своей стороны, стремясь къ умиротворенію—писалъ онъ В. К. Плеве—я сочувствую финноманамъ, но на уступки въ ущербъ достоинства Имперіи идти не могу» (18 декабря 1902 г.).

«Шведы,—писалъ онъ,—сильны своею талантливою интригою, благодаря которой достигли существенныхъ для себя выгодъ..... Могули я сочувствовать возврату къ власти этихъ господъ, испытавъ на дѣлѣ ихъ пріемы? Всѣ ихъ обѣщанія—чистѣйшій миѳъ. Стоитъ ихъ взять обратно, чтобы убѣдиться въ томъ, что они святую Русь попрежнему презираютъ» (17 марта 1902 г.).

Генералъ-губернаторъ сблизился болѣе съ представителями финномановъ вслѣдствіе того, что ихъ пріемы противодѣйствія были не столь рѣзки и болѣе совѣстливы, чѣмъ у шведомановъ. Благоразуміе, спокойствіе и признательность къ Россіи скорѣе способны были проявить финноманы, чѣмъ шведоманы. У шведовъ, какъ будто болѣе унаслѣдованнаго отъ предковъ нерасположенія къ русскимъ. Финская культура зародилась исключительно подъ покровомъ Россіи, а потому сохраняется слабая надежда, что сознаніе признательности скорѣе проснется въ финскомъ народѣ. Чувствуется, что мы легче въ состояніи договориться и поладить съ финнами, чѣмъ со шведами. Финны чаще признавали требованія Россіи естественными и справедливыми. Русское правительство приняло къ сердцу участь безземельныхъ, доведенныхъ режимомъ шведомановъ почти до духовнаго рабства. Участь народа всегда была болѣе близка финноманамъ. Лучшее разслѣдованіе по торпарскому вопросу (Варрена) появилось на финскомъ языкѣ. «У финновъ, имѣющихъ подъ ногами солидный пластъ родной земли, есть все-таки почва для примиренія своихъ интересовъ съ русскими, — у финляндскихъ шведовъ ея нѣтъ». По взглядамъ, характеру и по духу финская партія болѣе близка къ намъ.

Однако, все это приходится сопровождать очень существенными оговорками, такъ какъ нельзя забывать, что въ программахъ обѣихъ партій Финляндіи выставлено признаніе ея особымъ государствомъ и стремленіе къ возможной обособленности отъ Россіи, къ сохраненію своего войска, монеты, таможни и пр. Въ области политической финноманы живутъ идеалами своихъ противниковъ шведомановъ. Въ основу политическаго бытія Великаго Княжества финноманы положили исключительно начала шведской государственности. Вслѣдствіе этого, финноманы прониклись «враждебностію шведскихъ политическихъ началъ къ русской государственной идеѣ». Это господство шведоманской идеи въ политическихъ воззрѣніяхъ финляндскаго общества затрудняетъ для русской власти возможность пользоваться дѣятелями финноманскаго лагеря при осуществленіи общегосударственныхъ задачъ. Шведоманы-же въ извѣстныхъ случаяхъ имѣютъ союзниковъ въ своихъ политическихъ врагахъ финнахъ [306]).

Русской власти, надѣющейся иногда на поддержку финномановъ, надлежитъ помнить также слѣдующія полныя глубокаго значенія слова родоначальника этой политической группы Снельмана, сказанныя въ сороковыхъ годахъ. «Финноманство пока еще терпимо свыше. Можетъ наступить время, и оно придетъ,—пророчилъ Снельманъ,—когда воззрѣнія измѣнятся. Терпимость опредѣляется политическими соображеніями. Но политики всегда обманываются въ своихъ разсчетахъ, когда, давши пробудиться національному духу, надѣются направлять его впослѣдствіи по

своему произволу. Исторія полна доказательствъ противнаго». Россія до сихъ поръ помогала финноманамъ, но, очевидно, забывала, что когда они окрѣпнутъ, то неизбѣжно уйдутъ изъ ея рукъ и, имѣя за собой весь народъ края, сдѣлаются болѣе трудно направляемыми, согласно требованіямъ Россіи, чѣмъ шведоманы.

Въ годы усиленной борьбы противъ русскихъ требованій, шведская партія дѣйствовала весьма террористически. Лозунгъ шведской партіи гласилъ: «всякій, повинующійся новому закону (исходящему отъ русской власти), будетъ бойкотированъ, какъ участникъ въ преступленіи измѣны отечеству [307]). «Суровую гегемонію шведомановъ въ общественныхъ дѣлахъ Финляндія испытала не впервые. Ласкающія слова въ теоріи и тяжелая рука на практикѣ всегда уживались среди либераловъ всѣхъ странъ и народовъ.

Финская газета, выходящая въ Николайштадтѣ, коснувшись (въ декабрѣ 1901 г.) палочнаго режима шведомановъ послѣднихъ лѣтъ, пришла къ тому выводу, что шведскіе господа лишь тонкими волокнами связаны съ мѣстнымъ населеніемъ и потому имъ легко отряхнуть прахъ отъ ногъ и уйти въ новую отчизну—ubi bene, ibi patria. Шведы сознаютъ свой долгъ только передъ своей партіей [308]).

«Шведская партія уже невѣроятно много повредила настоящему и будущему финскаго народа» своей партійной яростію. Неразумный образъ дѣйствія этой партіи причинилъ много вреда и причинилъ бы еще болѣе, если бы она провела свои желанія и «донкихотство» [309]). Снельманъ давно уже назвалъ шведомановъ—«отрицательной партіей» и его опредѣленіе оправдалось.

Въ періодъ управленія Н. И. Бобрикова партійная борьба вспыхивала нѣсколько разъ съ яростной силой и при этомъ по адресу шведовъ высказано было много горькихъ словъ. Вождь финноманновъ З. Ирье-Коскиненъ, предлагая (въ 1900 г.) обновить программу своихъ друзей, совѣтовалъ имъ прежде всего «прекратить всякія сношенія съ той группой, которая теперь извѣстна подъ спеціальнымъ названіемъ шведской партіи и для которой существованіе финскаго народа не имѣетъ никакого значенія рядомъ съ господствомъ шведскаго языка. Докторъ Неовіусъ доказывалъ, что шведоманская партія препятствовала народному преуспѣянію, и такъ какъ съ ней примиреніе немыслимо, то подымался вопросъ о необходимости ея уничтоженія [310]). «Uusi Suometar» находила, что шведоманская партія въ Финляндіи не только не имѣетъ смысла, но даже опасна. Она чужда народу и дѣйствуетъ во вредъ національнымъ стремленіямъ.

Шведская партія особенно скомпрометировала себя въ періодъ послѣдней смуты. Въ ея средѣ родилась мысль о пассивномъ сопротивленіи, о массовомъ адресѣ, объ организаціи бюро для снабженія печати За-

падной Европы свѣдѣніями, нужными для агитаціи.—Шведская партія наиболѣе ретиво распространяла нелегальныя брошюры о Финляндіи и осуществила адресъ ученыхъ. Несомнѣнно, слѣдовательно, что она проявила наибольшую изобрѣтательность въ дѣлѣ противодѣйствія объединительнымъ преобразованіямъ. Но такъ какъ вообще ея задачи были исключительно отрицательнаго свойства, то противникамъ она внушала одно нерасположеніе. Создалась необходимость поставить ей новыя задачи. Газета (Helsingfors Posten) рекомендовала шведской партіи идти на встрѣчу той общей работѣ, которая предлагается ей лучшими элементами финской партіи,—т. е. слиться съ младо-финнами [311]). Такъ и случилось на сеймѣ 1904—1905 г.г. И въ виду того, что новые союзники признавали себя строгими послѣдователями конституціи, новая политическая группа стала именоваться «конституціонной».

Главнѣйшія реформы, надъ которыми генералъ-губернатору Н. И. Бобрикову пришлось наиболѣе поработать въ первые годы своего управленія краемъ, вызвали наибольшее раздраженіе, не смотря на ихъ неизбѣжность и справедливость. Мало того. Эти естественныя мѣропріятія, направленныя къ государственному сплоченію финляндской окраины съ остальными частями Имперіи, повели вскорѣ къ смутѣ, которая быстро охватила весь край. Финляндцы начали съ того, что стали протестовать. Уже въ то время, когда уставъ о воинской повинности подготовлялся для внесенія на сеймъ, мѣстная печать забила тревогу и рѣзкими статьями возбуждала гражданъ къ противодѣйствію. Первая уличная манифестація произошла въ Гельсингфорсѣ. На сенатскую площадь небольшая толпа притащила нѣчто похожее на каѳедру и около нея выставила знамя съ надписью: «Не убій». Этимъ способомъ она хотѣла яко бы высказаться противъ войны, по поводу Гаагской конференціи, но нескрываемымъ намѣреніемъ организаторовъ безпорядка явился, конечно, протестъ противъ увеличенія тягости воинской повинности въ Финляндіи. На чрезвычайномъ сеймѣ (1899 г.) голоса недовольныхъ раздались уже весьма опредѣленно и рѣзко. Сеймовые ораторы сошлись въ томъ, что выразили «рѣшительный протестъ» противъ того воззрѣнія, по которому Великое Княжество разсматривается не какъ «государство», а какъ «финляндскія губерніи». Духъ всего ихъ отзыва былъ «оппозиціонный». Одинъ изъ земскихъ представителей, резюмируя стремленія правительства, сказалъ: «Могущественный восточный исполинъ поднялъ свой кулакъ и грозитъ» невинному дитяти Финляндіи. Другой поучалъ это правительство заявленіемъ, что «народы управляются закономъ, а не нагайкою». И т. п.

Въ періодъ сессіи чрезвычайнаго сейма состоялось изданіе новаго

положенія о порядкѣ изданія общегосударственныхъ законовъ. Высочайшій манифестъ объ этомъ состоялся 3 (15) февраля 1899 года. Новый законъ возбудилъ много толковъ среди финляндскихъ дѣятелей. Возникли самыя разнообразныя предположенія. Одни останавливались на мысли о необходимости выхода сената въ отставку; другіе совѣтовали опубликовать законъ въ надеждѣ, что онъ останется мертвой буквой; третьи обратили вниманіе на составъ Особаго Совѣщанія, въ которомъ онъ былъ выработанъ; четвертые сознавали, что въ дѣлѣ опубликованія сенату не принадлежитъ никакого голоса.

Гельсингфорсъ пришелъ въ движеніе. Рѣшено было наскоро и устно созвать гражданъ на сходку въ Атенеумѣ. Мнѣнія на сходкѣ склонились къ тому, что манифестъ не долженъ быть опубликованъ сенатомъ. Затѣмъ бросились въ клубы сеймовыхъ партій, чтобы узнать, что думаютъ земскіе чины по возникшему вопросу. Большинство изъ нихъ высказывалось противъ распубликованія. Прокуроръ сената хотѣлъ поѣхать въ Петербургъ и добиться аудіенціи, но затѣмъ рѣшеніе измѣнилъ. Сенатъ собирался на частныя засѣданія и, по примѣрному предварительному голосованію, 15 членовъ его высказались за распубликованіе и только пятеро совѣтовали отложить опубликованіе и войти сначала съ ходатайствомъ къ Монарху.

Первоначально среди сенаторовъ не возникало вовсе мысли о противодѣйствіи новому закону путемъ нераспубликованія манифеста. Но депутаты отъ кагала-заправилъ, именовавшіе себя просто «гражданами», явились послѣ сходокъ въ Атенеумѣ къ сенаторамъ и прокурору сената съ заявленіемъ, или требованіемъ, выраженнымъ, по словамъ Ирье-Коскинена, въ довольно неделикатной формѣ, о томъ, что распубликовывать манифеста не слѣдуетъ! З. Ирье-Коскиненъ утверждалъ, что это заявленіе не осталось безъ послѣдствій: подъ давленіемъ депутаціи нѣкоторые сенаторы склонились къ тому воззрѣнію, что долгъ повелѣваетъ имъ манифеста не опубликовывать во всеобщее свѣдѣніе [312]).

Члены сейма также поспѣшили на тайныя засѣданія. Въ теченіи двухъ дней они совѣщались о томъ, какъ лучше поступить и затѣмъ послали депутацію увѣдомить сенаторовъ о своемъ рѣшеніи, что ни манифестъ, ни приложенныя къ нему правила не должны быть публикуемы» [313]).

Въ оффиціальномъ засѣданіи сената изъ 20 его членовъ десять подали голоса противъ опубликованія и если тѣмъ не менѣе обнародованіе новаго закона состоялось, то только вслѣдствіе перевѣса голоса предсѣдательствовавшаго вице-президента. Прокуроръ сената (Седеръельмъ) остался при особомъ мнѣніи, находя постановленіе сената незаконнымъ, такъ какъ новый законъ, по его мнѣнію, противорѣчилъ конституціи,

выраженной въ «формѣ правленія 1772 года» и сеймовомъ уставѣ 1869 года.

Сенаторъ Ирье-Коскиненъ, горячо вотировавшій за опубликованіе манифеста, указалъ своимъ сочленамъ, что отъ нихъ въ данномъ случаѣ не требовали ни мнѣній, ни подписей, а одного только распубликованія. Онъ находилъ, что благоразумнѣе и выгоднѣе было для родины огласить законъ. Прокурора, взывавшаго къ протесту, Ирье-Коскиненъ въ «историческомъ засѣданіи» сената (6-го февраля) укорялъ въ превышеніи власти, нецѣлесообразныхъ дѣйствіяхъ, въ неумѣстныхъ политическихъ совѣтахъ, и попутно уличалъ въ неправильныхъ ссылкахъ на «форму правленія» 1772 года. Мнѣніе свое Ирье-Коскиненъ внесъ въ протоколъ сената.

Съ своей стороны сеймъ, пользуясь тѣмъ, что онъ случайно находился въ сборѣ, такъ же самовольно высказался о манифестѣ 3 февраля. По силѣ § 2 сеймоваго устава 1869 г, на чрезвычайныхъ сеймахъ разсматриваются только тѣ дѣла, «которыя были причиною созванія земскихъ чиновъ Государемъ Императоромъ, а такъ же вопросы неразрывно связанные съ такими дѣлами». Сейму было тогда поручено разсмотрѣть проектъ устава о воинской повинности. Тѣмъ не менѣе руководители сословій пытались установить неразрывную связь между уставомъ о воинской повинности и манифестомъ 3 февраля. Послѣ ряда секретныхъ засѣданій, земскіе чины пришли къ заключенію, что этотъ порядокъ противорѣчитъ «формѣ правленія» 1772 года и сеймовому уставу 1869 года.

Манифестъ вмѣстѣ съ уставомъ о воинской повинности положены были агитаторами въ основу всей той смуты, которая затѣмъ охватила край и привела къ преждевременной гибели Н. И. Бобрикова. Вопросъ о законѣ 3 февраля по ходу дѣла сдѣлался такъ-сказать центральнымъ во всѣхъ послѣдующихъ событіяхъ. Финляндцы хотѣли настоять на своемъ и добиться «отмѣны манифеста». Съ этой цѣлью они отправили въ Петербургъ одну депутацію отъ сената, а другую отъ сейма. Николай Ивановичъ съ перваго-же дня замѣтилъ, что «неумѣстный патріотизмъ» усмотрѣлъ въ манифестѣ коренное нарушеніе основныхъ знаковъ края; онъ зналъ, что финляндцы открыто «высказывали подозрѣніе въ основательности представленнаго Его Величеству по сему важному вопросу всеподданнѣйшаго доклада», но не потерялъ самообладанія и надѣялся, что скоро «благоразуміе возьметъ верхъ» у финляндцевъ и наступитъ успокоеніе. Онъ запасся терпѣніемъ и рѣшилъ приложить «всѣ силы ума» для водворенія порядка [314]).

Депутаціи сената и сейма не удостоились аудіенціи. Они вернулись въ Гельсингфорсъ, гдѣ въ то время принялись уже за антиправительственыя демонстраціи. Сеймъ устроилъ особое засѣданіе, въ

которомъ выслушалъ гнѣвный докладъ своихъ посланцевъ и постановилъ сдать протестъ въ статсъ-архивъ.

Впослѣдствіи сенаторъ К. Тудеръ, находившійся въ сенатской депутаціи, написалъ къ Н. И. Бобрикову, что онъ отправился въ Петербургъ лишь на тотъ случай, если тамъ пожелаютъ навести у него какія-либо справки [315]).

Имѣется нѣсколько основаній утверждать, что въ Гельсингфорсѣ успѣлъ въ началѣ 1899 г. организоваться «тайный патріотическій союзъ». На это указывалъ Ирье-Коскиненъ, объясняя ходъ дѣла по публикованію манифеста сенатомъ. То же обстоятельство потверждается слѣдующей повѣсткой, попавшей въ руки мѣстной администраціи: «Шведскій союзъ, частное общество съ патріотическою цѣлью, проситъ покорнѣйше васъ, милостивый государь, соблаговолить присутствовать на его засѣданіи 15- марта 1899 г. въ $^1/_2$ 8 вечера въ національномъ домѣ нюландскаго землячества, Казарменная улица 40. Правленіе» [316]).

«Тайная администрація» края на неудачѣ депутаціи не успокоилась. Ей нужно было найти способъ произвести обширный и шумный протестъ. Она рѣшила тѣми или иными средствами побудить русское правительсто измѣнить свой «курсъ» и отказаться отъ государственно-политическихъ объединительныхъ реформъ.

8 (20) февраля въ Гельсингфорсѣ въ зданіи Атенеума (соотвѣтствующемъ по своему назначенію Академіи Художествъ) состоялась многолюдная тайная сходка, для организаціи задуманнаго дѣла. Собраніе въ Атенеумѣ единогласно постановило учредить комитетъ для обсужденія вопроса, какимъ бы образомъ можно было предоставить обществу случай высказаться о политическомъ положеніи, путемъ акламаціи. Избрано было 20 электоровъ, кои должны были въ свою очередь избрать членовъ сего комитета. Составили циркуляръ - воззваніе. Разослали по краю агентовъ съ литографированными подписными листами и съ просьбами покрыть ихъ возможно скорѣе именами. Руководители оппозиціи остановились на мысли составить всенародный адресъ—протестъ, въ надеждѣ общимъ движеніемъ въ краѣ повліять на русскую власть [317]).

«...Въ воскресенье 5 марта н. ст. 1899 г. происходили собранія въ городахъ, селахъ, имѣніяхъ и крестьянскихъ дворахъ. Гдѣ не было другого, достаточно обширнаго помѣщенія, тамъ собирались въ церквахъ. Даже одна русская церковь въ восточной части страны была предоставлена для этой цѣли — священникомъ греко-русскаго прихода, который открылъ собраніе молитвою и разъясненіемъ значенія адреса, причемъ онъ убѣждалъ слушателей всѣмъ подписаться подъ нимъ. Также и во многихъ другихъ мѣстахъ открывались собранія молитвою и пѣніемъ псалмовъ, послѣ чего произносились рѣчи или

читались доклады, кои очень часто совершенно совпадали съ разосланнымъ отъ комитета циркуляромъ, который гласилъ:

«Конечно нѣтъ во всей Финляндіи ни одной хижины, какъ бы ни была она мала, гдѣ бы извѣстіе о политическомъ событіи послѣднихъ дней не вызвало печали и безпокойства. Финляндія въ горѣ и она имѣетъ основаніе печалиться. Повиновеніе законамъ было всегда вѣрнымъ оплотомъ для всякого гражданина въ этой странѣ, и для всего нашего народа его основные законы, его монархами утвержденное конституціонное положеніе, были краеугольными камнями и твердымъ основаніемъ его существованія и счастливаго развитія. Но горестно бываетъ обитателямъ дома, жилища, когда начинаетъ колебаться его основаніе. Въ такомъ домѣ мы въ настоящее время и находимся. Императорскій манифестъ 3 (15) февраля, который опубликованъ совершенно неожиданно для насъ, имѣетъ цѣлью поколебать важнѣйшіе краеугольные камни конституціи страны, драгоцѣннѣйшее наше достояніе—право народа чрезъ своихъ представителей принимать участіе въ законодательствѣ — становится лишь кажущимся, призрачнымъ; сильно потрясена наша внутренняя самостоятельность. ...Конечно цензура болѣе строгая, чѣмъ обыкновенно, воспрепятствовала газетамъ откровенно высказаться, большинству вполнѣ, все же ясно, что имѣетъ въ виду манифестъ и куда онъ ведетъ. Онъ отнимаетъ у земскихъ чиновъ Финляндіи «право рѣшать» вопросы объ изданіи нашихъ законовъ, кои такъ или иначе могутъ казаться затрагивающими Имперію во всей ея цѣлости. Какъ всякій легко усмотритъ, это положеніе такъ растяжимо, что, согласно ему, все законодательство Финляндіи, въ особенности, что касается нашихъ важнѣйшихъ сеймовыхъ законовъ, монеты и воинской повинности, неоспоримо могутъ быть установлены, какъ административныя распоряженія. Проектъ примѣненія русскаго воинскаго закона къ нашей странѣ могъ бы безъ дальнихъ разсужденій быть изданъ, какъ дѣйствующій законъ. Можно опасаться, что этотъ нарушающій наши основные законы манифестъ имѣетъ въ виду сдѣлать изъ вопроса о воинской повинности—дѣло административное; и въ силу манифеста, въ случаѣ приложенія его къ воинскому вопросу, можно было бы собрать въ нашей странѣ сколько угодно войска и послать его въ отдаленнѣйшія мѣста Россіи, прислать сюда русскихъ офицеровъ и податную тягость страны увеличить для начала на 9 мил., причемъ не требовалось бы обращать вниманіе на мнѣніе, высказанное сеймомъ. Но манифестъ касается и всего остального законодательства почти въ неограниченной мѣрѣ... Земскіе чины Финляндіи будутъ лишены участія въ законодательствѣ по всѣмъ тѣмъ дѣламъ, кои могутъ показаться затрагивающими «интересы Имперіи»... Законы должны будутъ издаваться исклю-

чительно одною государственною властью. Насколько манифестъ будетъ имѣть примѣненіе, онъ долженъ будетъ лишить земскіе чины ихъ права моцій. Отнынѣ проекты новыхъ законовъ могутъ возбуждаться лишь русскими министрами, съ министромъ статсъ-секретаремъ и генералъ-губернаторомъ» [318]).

Цѣль циркуляра—возбудить народъ къ подписанію адреса. Составители циркуляра перетолковали въ виду этого значеніе манифеста по своему, дозволивъ себѣ перейти предѣлы правды и дѣйствительности. Спокойное отношеніе къ манифесту не позволяетъ сдѣлать изъ него тѣхъ выводовъ, къ которымъ они пришли, т. е. что манифестъ поколебалъ основы конституціи, сдѣлалъ представительство народа призрачнымъ, лишилъ сеймъ право моцій, ведетъ къ отягченію податей и т. п. Все это явныя преувеличенія и ничѣмъ не вызванное недовѣріе къ власти, намѣренно пущенныя въ ходъ, чтобы запугать населеніе.

Затѣя съ адресомъ имѣла небывалый въ Финляндіи успѣхъ. Ни одна идея не принималась въ Финляндіи съ большимъ энтузіазмомъ, чѣмъ идея народнаго адреса, говоритъ мѣстный историкъ. Организовано дѣло было превосходно. Руководители не понадѣялись на исправность почты. Кромѣ того, они приняли во вниманіе, что живой человѣкъ, прибывшій изъ Гельсингфорса, возбудитъ бо́льшій интересъ къ дѣлу, чѣмъ холодная бумага или письменное порученіе, а потому рѣшили послать во всѣ концы своихъ агентовъ. Предѣльнымъ пунктомъ на сѣверѣ была назначена кирка Рованіеми (Rovaniemi), такъ какъ за полярнымъ кругомъ зимой постоянное сообщеніе прекращалось. Но тамъ агентовъ смѣнили искусные лыжники, вызвавшіеся передать подписные листы ближайшимъ сосѣдямъ. Въ шхеры комитетъ также не хотѣлъ посылать листовъ, въ виду трудности сообщенія. Но тамъ создался «летучій отрядъ», пробиравшійся отъ острова къ острову; отряду удалось привезти до тысячи подписей рыбаковъ.

Много проявлено было революціонной энергіи, которая объединила участниковъ плана. Волна энергіи разлилась по краю и дала въ результатѣ груды подписей. Изъ исторіи подписанія адреса финляндцами приводились въ свое время красивые и трогательные эпизоды.

Разсказъ о томъ «Какъ жители Педерсэрскаго прихода обратились къ Монарху зимою 1899 года» обошелъ, кажется, весь свѣтъ, въ многочисленныхъ переводахъ. Вечеромъ въ избу вошелъ молодой человѣкъ и положилъ на столъ писанный экземпляръ адреса. Послѣ нѣсколькихъ словъ, онъ двинулся далѣе. Было 8 часовъ. На улицѣ морозно; сверкали звѣзды. Среди высокихъ сугробовъ снѣга посланный добрался до слѣдующаго крестьянскаго двора и, передавая бумагу, сказалъ: Till Kungs! (Традиціонный возгласъ у шведовъ: «къ королю!»).

Созвали сходку. Прочли адресъ. Онъ согрѣлъ и даже воспламенилъ слушателей. Надо идти съ посланіемъ къ Монарху, рѣшили собравшіеся, вѣдь это съ поконъ вѣка составляетъ право народа. Новыхъ 99 именъ стояли подъ адресомъ. «Да хранитъ васъ Богъ», сказалъ посланный. «Да хранитъ Господь нашу родину!» Всѣхъ воодушевлялъ кличъ «Till Kungs». Онъ быстро пролеталъ отъ двора ко двору, изъ края въ край, собирая народъ и пробуждая въ немъ надежду на лучшее будущее. Вѣсть «Till Kungs» мчалась далѣе по льдамъ и лѣсамъ, вновь собирая жителей къ подписнымъ листамъ [319]).

Наибольшія трудности представилъ Гельсингфорсъ. Въ немъ не было достаточно большого помѣщенія, чтобы произвести единовременную подписку; а главное—весь планъ могъ сдѣлаться преждевременно извѣстнымъ русской власти. Изъ затрудненія комитетъ вышелъ, прибѣгнувъ къ содѣйствію дамъ образованнаго общества. Городъ раздѣлили на участки и дамы, переходя изъ дома въ домъ, отобрали подписи. Ихъ оказалось здѣсь 34 тыс.

5 марта (нов. ст.) состоялись единовременно сходки по общинамъ во всей Финляндіи, а 12 (1) марта листы вернулись въ Гельсингфорсъ.

Къ назначенному сроку агенты успѣли собрать 524.931 подпись. Агитаторы ликовали, видя въ своемъ успѣхѣ «блистательное доказательство политической чуткости и зрѣлости финскихъ мужей и женъ», а въ адресѣ подлинное выраженіе мыслей «всего финскаго народа».

Безпристрастная исторія такого мнѣнія раздѣлить, конечно, не можетъ. Къ описанію финляндцевъ надо сдѣлать весьма существенныя поправки и оговорки, чтобы получилась вѣрная картина февральскихъ дней.

«Мысль всенароднаго адреса возникла внезапно изъ глубины общественнаго сознанія», писали финляндцы для свѣдѣнія Западной Европы... «Намъ не удалось установить, кому первому пришла мысль о томъ, чтобы весь финскій народъ самъ обратился къ Государю — Великому Князю», писалъ авторъ книги «Ur Finlands nyaste historia» (т. I, стр. 117). Темное для финляндскаго историка начало дѣла по массовому адресу разъясняется письмомъ шведоманскаго виднаго дѣятеля къ своему политическому единомышленнику. Это письмо, въ числѣ другихъ документовъ, было отобрано у одного агитатора, при его высылкѣ изъ края. Письмо устанавливаетъ, что планъ всенароднаго выраженія мнѣнія Финляндіи разработанъ былъ до подробностей еще въ 1892—1893 г.г. Его тогда-же примѣнили къ дѣлу, но результаты оказались столь ничтожными, что о затѣѣ почти забыли. При новыхъ обстоятельствахъ планъ получилъ иное развитіе.

Вотъ это письмо, помѣченное 26 января 1892 года: «Здѣсь, въ болѣе тѣсномъ кружкѣ лицъ съ нашей стороны, по совѣщаніи съ нѣкоторыми

младофинноманами, возникла мысль объ организаціи массоваго адреса съ разныхъ частей страны, какъ сельскихъ общинъ, такъ и городовъ, въ каковомъ адресѣ жители страны, съ выраженіемъ сожалѣнія объ этомъ проектѣ генералъ-губернатора (гр. Гейдена), сошлются на всѣ завѣренія, о сохраненіи святости нашихъ основныхъ законовъ и мн. др., будутъ ходатайствовать о томъ, чтобы они были оставлены ненарушимыми и въ настоящее время не дѣлались бы даже предметомъ проекта измѣненій; вмѣстѣ съ тѣмъ представятъ, что въ тѣхъ частяхъ, гдѣ формальное измѣненіе признается необходимымъ, такое можетъ послѣдовать только при содѣйствіи земскихъ чиновъ и на базисѣ существующаго—не на основаніи какого-либо новаго законопроекта, какимъ-бы образомъ послѣдній не возникъ и мн. др.».

«Редакцію можно предположить зависящей отъ многихъ точекъ зрѣнія, но во всякомъ случаѣ ее слѣдуетъ выдержать столь трезвой, дѣловитой и свободной отъ излишнихъ словъ, чтобы когда, по всей вѣроятности, въ концѣ-концовъ адресъ рушится, вслѣдствіе отказовъ властей представить его (напримѣръ, министра статсъ-секретаря), онъ тогда могъ бы быть напечатанъ въ заграничныхъ газетахъ. Чтобы дѣло не заглохло въ самомъ началѣ, оно ведется тайно; но когда оно будетъ выведено на сцену, то можетъ выступить, сообразно обстоятельствамъ, болѣе или менѣе демонстративнымъ способомъ. Если адресъ и не дойдетъ до Высочайшей Власти, то молва о немъ все-таки дойдетъ. Мы такимъ образомъ приготовляемся къ вмѣшательству полиціи и подлежащихъ губернаторовъ, но этого слѣдуетъ въ началѣ избѣгнуть».

«Самый трудный факторъ—неизвѣстность о грозящемъ насиліи, господствующая къ сожалѣнію во всей странѣ, а потомъ жалкое положеніе въ столицѣ» (Гельсингфорсѣ).

«Чтобы подготовить территорію въ провинціи, приняты слѣдующія мѣры: 1) Редакторъ Э. отправился въ нѣкоторыя мѣста въ окрестностяхъ Выборга и Кексгольма и мн. др., чтобы подготовить общественное мнѣніе. 2) І. К. отправился сегодня съ тою же цѣлью въ Таммерфорсъ и Або.

«Пока все должно держаться абсолютно въ тайнѣ, но за нѣсколько дней до собранія здѣсь, было бы желательно, чтобы состоялось въ Ловизѣ (въ окрестностяхъ которой жилъ адресатъ) собраніе, слухъ о которомъ поспѣлъ бы сюда» къ назначенному времени.

«Проектъ адреса вырабатывается комиссіей и будетъ предложенъ собранію. Въ одинъ и тотъ же день будутъ потомъ созваны собранія въ городахъ для подписанія, а въ сельскихъ коммунахъ онъ будетъ предложенъ удобными, договоренными уполномоченными—эвентуально священниками послѣ оконченнаго Богослуженія для подписи простонародью.

«Во всякомъ случаѣ даже и въ томъ, если ни одинъ изъ принятыхъ адресовъ не будетъ фактически представленъ Высочайшей Власти, станетъ, однако, общеизвѣстнымъ дѣломъ, что многія сотни общинъ въ странѣ присоединились къ этому протесту. А что дѣло потомъ будетъ доведено до всеобщаго свѣдѣнія по всей Европѣ, ясно».

Имѣя передъ собой съ одной стороны приведенный документъ, а съ другой—описанный ходъ развитія дѣла по всенародному адресу 1899 г., необходимо признать, что изъ архива былъ вынесенъ старый планъ и осуществленъ агитаціей съ замѣчательной точностію.

Мы отнюдь не отвергаемъ затѣмъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ происходили сцены, подобныя описанной въ приходѣ Педерсэръ, что на дальнемъ сѣверѣ нѣкоторые крестьяне, движимые искреннимъ побужденіемъ излить свои чувства и желанія передъ Монархомъ, мчались на лыжахъ отъ одного жилья къ другому, въ увѣренности, что исполняютъ общее дѣло любимой ими родины. Но при всемъ томъ мы утверждаемъ, что сознательно адресъ подписали мѣстная интеллигенція, чины гражданскаго управленія, полиціи и суда и т. п., но главный контингентъ,—т. е. многотысячная масса крестьянъ,—конечно, не знала его содержанія и не понимала его назначенія.

Историкъ Финляндіи, описывая событія февраля 1899 г., говоритъ, что составленіе циркуляра и особой «promemoria» признано было организаціоннымъ комитетомъ необходимымъ, въ виду того, что «во многихъ мѣстахъ нельзя было разсчитывать на лицъ, которыя безъ продожительной подготовки въ состояніи были пояснить народу въ чемъ собственно заключалось дѣло[320]). Этимъ поясненіемъ необходимости promemoria историкъ Финляндіи даетъ достаточную оцѣнку того общественнаго мнѣнія края, которое выразилось въ массовомъ адресѣ. Въ адресѣ вылились такимъ образомъ думы и желанія организаціоннаго комитета. Народъ привлеченъ былъ къ дѣлу главнымъ образомъ энергіей и умѣлыми пріемами распорядителей. Дѣйствующимъ лицомъ была подвижная группа гельсингфорцевъ, а народъ явился преимущественно статистами въ прекрасно проведенномъ представленіи.

Кромѣ того установлено, что организаторы затѣи прибѣгали и къ явному и тайному обману, къ угрозамъ и даже насилію. Подъ адресомъ политико-юридическаго содержанія подписался главнымъ образомъ простой людъ, а иногда даже несовершеннолѣтніе и школьники, которые, конечно, не могли разобраться въ его текстѣ. Пасторы съ церковныхъ каѳедръ, учителя въ учебныхъ заведеніяхъ, губернаторы, помѣщики, фабриканты и др.—каждый въ подвѣдомственныхъ имъ кругѣ и учрежденіяхъ—разными пріемами воздѣйствовали на подчиненныхъ, на неопытныхъ и матеріально отъ нихъ зависѣвшихъ чиновъ, рабочихъ, арендаторовъ, торпарей и служащихъ. «Народъ зазывался

въ кирки,—писалъ одинъ очевидецъ (1 марта 1899 г.), — дабы объявить ему, что Финляндія гибнетъ, и что нельзя отдаваться въ русскія руки. Въ силу исторически сложившихся условій, большинству населенія Финляндіи трудно свободно проявить свое мнѣніе. Какъ торпарямъ, рабочимъ, безземельнымъ, служащимъ на фабрикахъ и заводахъ пойти противъ своихъ арендаторовъ, патроновъ, господъ и хозяевъ? Однихъ торпарей и безземельныхъ въ Финляндіи 36%. Въ большинствѣ случаевъ крестьянамъ и рабочимъ предлагали росписаться по довѣрію къ просившему подписей. Времени у агентовъ комитета было мало, его хватало только для бѣглыхъ и внушительныхъ указаній. «Съ введеніемъ русскихъ законовъ, — говорили агитаторы народу, — въ каждомъ домѣ поставятъ по одному русскому солдату, для обученія русскому языку, послѣ чего всѣ финны будутъ насильно присоединены къ православію». Адресъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вовсе не прочитывался, а говорили, что въ немъ изложено «прошеніе Государю, чтобы финскихъ юношей не брали на военную службу въ Россію и не заставляли ихъ перемѣнять свою лютеранскую вѣру на православную»[321]). «Кислая капуста», «нагайка» и другіе ужасы—не были при этомъ забыты, какъ средства воздѣйствія. Темный людъ вѣрилъ и боялся. Въ иныхъ мѣстахъ населеніе ободрялось слухами о томъ, что въ случаѣ вооруженнаго столкновенія Россіи съ Финляндіей, послѣдней помогутъ Швеція и Англія[322]). «Исторія сбора подписей на адресѣ-протестѣ, писалъ В. К. Плеве въ своемъ отвѣтѣ англійскому журналисту Стэду, имѣла даже своихъ мучениковъ: одни матеріально разорены, другіе нравственно ошельмованы, третьи посажены въ тюрьму по обвиненію въ вымышленномъ проступкѣ (учитель К. изъ мѣстечка Сейняіоки)».

Въ адресѣ выражено было, что манифестъ 3 (15) февраля возбудилъ смущеніе и скорбь по всей Финляндіи, такъ какъ земскіе чины въ тѣхъ вопросахъ, которые будутъ признаны касающимися интересовъ также всей Имперіи, не будутъ допущены къ участію въ законодательствѣ съ рѣшающимъ правомъ голоса. Такимъ образомъ, этотъ манифестъ колеблетъ фундаментъ общественнаго строя края. Финляндцамъ извѣстно, говорилось далѣе, что у ихъ родины за послѣднее время въ Россіи были враги, которые старались клеветою возбуждать недовѣріе къ преданности и честности финскаго народа.

Когда адресъ покрылся подписями, въ Гельсингфорсѣ съѣхалось болѣе 500 представителей изъ разныхъ частей Финляндіи, которые 3 (16) марта въ экстренныхъ поѣздахъ двинулись къ Петербургу. Чтобы не возбудить къ себѣ въ столицѣ особаго вниманія, отрядъ депутатовъ изъ Выборга былъ доставленъ къ мѣсту назначенія тремя колоннами. Авторъ книги «Ur Finlands nyaste historia», описывая эти событія, прибавляетъ, что финляндцы подготовились отправить свою депутацію

въ Ниццу, для чего собрали поразительно скоро 460 тыс. марокъ и вошли въ сношеніе съ извѣстной лондонской фирмой Кукъ (Cook) о заготовкѣ особаго поѣзда изъ Штетина. Но такъ какъ Монархъ оставался въ Петербургѣ, то поѣздка въ Ниццу не состоялась, къ особому огорченію руководителей затѣи.—«Къ сожалѣнію, поѣздка не состоялась... къ сожалѣнію (tyvärr), такъ какъ на глазахъ всего цивилизованнаго міра результатъ депутаціи былъ бы иной», писалъ финляндецъ[323]). Адресомъ имѣлось въ виду вызвать возможно большій шумъ въ печати и обществѣ Европы и повліять на либеральные круги Россіи... Несостоявшееся путешествіе въ Ниццу, конечно, способствовало уменьшенію всякихъ толковъ о «великой депутаціи».

Вся финляндская администрація поголовно и дружно молчала. Молчала и печать. Только тогда, когда главныя силы депутаціи были уже на пути къ Петербургу, къ генералъ-губернатору явилось пять человѣкъ ея представителей, съ просьбою посодѣйствовать успѣху предпріятія. Отъ нихъ онъ оффиціально узналъ объ общемъ замыслѣ. На обращенную же къ нему просьбу, Николай Ивановичъ, всегда бывшій во всеоружіи закона, указалъ на неисполненіе депутатами постановленія Великаго Княжества Финляндскаго отъ 13 іюня 1826 г., которое предписывало въ подобныхъ случаяхъ просить предварительно разрѣшенія губернаторовъ и начальника края.

Хотя заговорщики дѣйствовали весьма осторожно и прикрыли все тайной, хотя имъ содѣйствовали администрація и печать, тѣмъ не менѣе начальникъ края не только получилъ свѣдѣнія о томъ, что творилось въ странѣ, но имѣется основаніе предположить, что онъ успѣлъ обо всемъ поставить въ извѣстность и Петербургъ. Николаю Ивановичу, какъ это видно изъ его дневника, было извѣстно также, что гельсингфорскія дамы приняли дѣятельное участіе въ подпольной работѣ крамольниковъ, что богатыя лица шведоманскаго лагеря снабдили дѣятелей смуты значительными денежными средствами и пр. Онъ успѣлъ даже узнать, какими способами побуждалась часть населенія къ подписанію адреса. Онъ понялъ, что всей «преступной демонстраціей» имѣлось въ виду добиться «измѣненія современнаго курса управленія Финляндіей». Мало того, генералъ-губернаторъ очень прозорливо сразу опредѣлилъ существованіе въ краѣ «особой тайной администраціи», которая орудовала всѣмъ дѣломъ и сѣяла по краю небылицы. «Договорились до такой небылицы,—читаемъ въ его запискахъ,—что русское правительство будто бы нарочно старается вызвать въ Финляндіи волненіе для того, чтобы имѣть предлогъ къ принятію болѣе рѣшительныхъ по отношенію къ Великому Княжеству стѣснительныхъ мѣръ».

Военный министръ, генералъ-адъютантъ А. Н. Куропаткинъ,

также былъ освѣдомленъ о главнѣйшихъ шагахъ оппозиціи, ранѣе прибытія въ Петербургъ финляндскихъ уполномоченныхъ.

«Великая депутація» въ 500 чел. въ Петербургѣ успѣха не имѣла. «По всеподданнѣйшемъ докладѣ и. д. министра статсъ-секретаря о прибытіи депутаціи, Его Величеству благоугодно было всемилостивѣйше повелѣть генералъ-лейтенанту Прокопе слѣдующее: «Передайте этой депутаціи изъ пятисотъ человѣкъ, что Я, конечно, не приму ихъ, хотя и не гнѣваюсь на нихъ. Пусть каждый изъ нихъ отправится домой, а потомъ они могутъ подать прошенія своимъ губернаторамъ для представленія ихъ генералъ-губернатору, который затѣмъ препроводитъ ихъ къ вамъ, для доклада Мнѣ, если они заслуживаютъ вниманія». Узнавъ объ этомъ высокомилостивомъ рѣшеніи, одинъ изъ депутатовъ, Евгеній Вольфъ, отвѣтилъ министру статсъ-секретарю рѣчью, въ которой отъ имени всѣхъ прибывшихъ «требовалъ», чтобы генералъ-лейтенантъ Прокопе тѣмъ не менѣе постарался прочесть адресъ лично Его Величеству.

«Великая депутація» вернулась въ Гельсингфорсъ, гдѣ ее демонстративно чествовали обѣдами, рѣчами и иными выраженіями сочувствія и одобренія.

Легко понять, что такой послѣдовательный и дѣятельный начальникъ края, какъ Н. И. Бобриковъ, не могъ оставить дѣла объ адресѣ безъ тщательнаго разслѣдованія. Н. И. Бобриковъ обратилъ вниманіе сената на то, что подобный сборъ депутатовъ указываетъ на наличность подговора и на существованіе невѣдомой организаціи, нахожденіе которой не можетъ быть терпимо въ благоустроенной странѣ. Установленными представителями населенія,—говорилъ Н. И. Бобриковъ,—могутъ быть по законамъ края: земскіе чины, собранія коммунальныхъ чиновъ въ городахъ и приходахъ, а потому сборища, подписавшія адресъ по призыву анонимовъ, не могутъ считаться легальными представителями края. Затѣмъ, чтобы успокоить умы, генералъ-губернаторъ предложилъ сенату принять мѣры къ разъясненію населенію истиннаго смысла манифеста[324]).

Не смотря на все это, въ описанномъ движеніи, ни сенатъ, ни его прокуроръ, вопреки ясному смыслу постановленія 1826 г., ничего противозаконнаго не усмотрѣли и потому, съ своей стороны, отказали начальнику края въ какомъ-либо содѣйствіи къ раскрытію истины. Сенатъ отказался также принять какія-либо мѣры къ успокоенію умовъ, находя для себя невозможнымъ разъяснять смыслъ и значеніе манифеста 3-го февраля.

Тогда Н. И. Бобриковъ самъ сдѣлалъ это особымъ циркуляромъ (отъ 22 марта 1899 г.) къ губернаторамъ края, въ которомъ пояснялъ, что впредь, благодаря манифесту, интересы финскаго народа будутъ

оберегаться лучше, чѣмъ прежде, такъ какъ при разсмотрѣніи законовъ общеимперскихъ въ Государственномъ Совѣтѣ обязаны присутствовать, кромѣ генералъ-губернатора и министра статсъ-секретаря, нѣсколько сенаторовъ. Новый законъ, по мнѣнію генералъ-губернатора, ничѣмъ не измѣнялъ существующаго въ краѣ внутренняго порядка и Государь Императоръ, любя свой финскій народъ и довѣряя его преданности, неусыпно заботится о его благѣ и не имѣетъ въ виду вводить въ Великомъ Княжествѣ новыхъ порядковъ, нарушающихъ его внутреннее управленіе и устройство. В. К. Плеве не вполнѣ одобрилъ мѣру начальника края и высказался вообще противъ системы циркуляровъ, къ которымъ любилъ прибѣгать Н. И. Бобриковъ. В. К. Плеве писалъ: «Циркуляръ составленъ прекрасно, но мое мнѣніе о подобнаго рода обращеніяхъ вамъ извѣстно. Подобными разъясненіями возможно направлять агентовъ, недоумѣвающихъ добросовѣстно или неосвѣдомленныхъ о взглядахъ высшаго начальства, а не людей, не желающихъ или не имѣющихъ возможности идти по правительственной указкѣ. Практическихъ результатовъ циркуляръ этотъ не принесетъ, а пріучитъ общественное мнѣніе и вашихъ подчиненныхъ къ тому, что генералъ-губернаторская власть пишетъ, а не дѣйствуетъ»... (20 окт. 1899 г.). Циркуляръ Н. И. Бобрикова, одобренный Монархомъ, подлежалъ разсылкѣ губернаторами полицейскимъ властямъ и во всѣ общинныя управленія, съ цѣлью возможно большаго распространенія его содержанія. Магистраты городовъ Гельсингфорса и Экенеса, не исполнивъ этого требованія, а войдя въ оцѣнку дѣйствій генералъ-губернатора, постановили: «не принимать съ своей стороны никакихъ мѣръ къ распространенію разъясненія начальника края среди населенія».

Въ поведеніи названныхъ магистратовъ прокуроръ также не усмотрѣлъ ничего противозаконнаго.

Одновременно съ описаннымъ мѣропріятіемъ, Н. И. Бобриковъ особымъ циркуляромъ указалъ губернаторамъ на допущеніе мѣстными властями нарушенія порядка и предупредилъ ихъ, что дальнѣйшее бездѣйствіе, или несвоевременное донесеніе о чрезвычайныхъ происшествіяхъ, подобныхъ повсемѣстному сбору подписей, будетъ отнесено къ личной отвѣтственности начальниковъ губерній. Но и это распоряженіе не произвело желаемаго воздѣйствія.

Такимъ образомъ у генералъ-губернатора отнята была административная возможность содѣйствовать успокоенію тревожнаго настроенія въ краѣ, вызваннаго усиленной агитаціей.

При такихъ условіяхъ, разнузданность финляндскихъ агитаторовъ стала принимать все большіе и большіе размѣры. Они изобрѣтали новые и новые способы противодѣйствія русской власти, изыскивали случаи для демонстративныхъ выходокъ, коими желали подчерк-

нуть свое осужденіе объединительныхъ реформъ и, если возможно, остановить ихъ дальнѣйшее развитіе. Желая рѣзче и нагляднѣе выразить негодованіе къ русской политикѣ послѣднихъ лѣтъ, агитаторы устроили рядъ манифестацій у памятника Императора Александра II. 1-го марта памятникъ окружили множествомъ вѣнковъ съ тенденціозными надписями, которыя должны были договорить мысли коноводовъ. Траурныя украшенія и черныя ленты у вѣнковъ должны были знаменовать плачъ по сеймамъ, которые были возобновлены, въ 1863 г., Царемъ Освободителемъ. Площадь вокругъ памятника покрылась народомъ. Періодически туда-же являлись разныя корпораціи для исполненія финляндскаго «гимна».

Въ знакъ общей народной печали женщины одѣли трауръ, а магазины устраивали траурныя выставки въ своихъ витринахъ. (Тоже самое продѣлали поляки въ Западномъ краѣ, гдѣ Муравьевъ противодѣйствовалъ этому штрафами). Всюду въ Финляндіи затѣвались сходки и произносились возбуждающія рѣчи. Ораторы и публицисты говорили о «скорбно-безпокойномъ настроеніи, охватившемъ страну», о «грусти» и «удрученности». Причина такого настроенія поясняласъ въ общихъ выраженіяхъ: «съ грустью мы думаемъ о томъ, что на нашу почву переносится чужеземное законоположеніе», «друзья отечества опечалены, видя, какъ прикасаются къ святынѣ нашихъ законовъ, святынѣ, унаслѣдованной отъ предковъ» и т. д. Даже въ надгробномъ словѣ этого смутнаго времени, ландмаршалъ сейма призналъ соотвѣтствующимъ сказать: «ему (покойнику) довелось уйти безъ разбитыхъ иллюзій, безъ необходимости стать свидѣтелемъ того, какъ поблекнутъ будущія надежды столь любимой имъ родины». Излюбленныя картины и сравненія, къ которымъ прибѣгали ораторы, вслѣдствіе ихъ частыхъ повтореній, производятъ впечатлѣніе чего-то заученнаго и искусственнаго; говорившіе неизбѣжно упоминали о «снѣжныхъ вьюгахъ», о надвигавшихся грозовыхъ тучахъ «съ востока», о «безчисленныхъ морозахъ, опустошавшихъ безплодныя поля финновъ», и т. п.

Успѣхъ первыхъ выходокъ ободрилъ агитаторовъ и они стали расширять поле своей дѣятельности. Они явились уличной толпой въ гостинницу «Société» и изгнали оттуда корреспондента ненавистныхъ имъ «Московскихъ Вѣдомостей» П. И. Мессароша. Среди патріотовъ, отмѣтившихъ себя этимъ подвигомъ, находились: графъ, баронъ, докторъ, магистръ, лагманъ и судья, т. е. цвѣтъ мѣстной интеллигенціи. Всѣ они, конечно, ратовали за свободу слова и свободу мнѣнія, но, вмѣсто того, чтобы побороть литературнаго противника въ литературномъ честномъ и открытомъ бою, они предпочли воздѣйствовать на него грубой физической силой. Затѣмъ финляндцы стали бойкотиро-

вать ни въ чемъ неповинныхъ и совершенно не причастныхъ къ политикѣ русскихъ и притомъ крайне беззастѣнчивымъ образомъ: ихъ изгоняли изъ ресторановъ, имъ отказывали въ квартирахъ и дачахъ, на пароходахъ не давали каютъ, на иныхъ, какъ, напримѣръ, на духовенство, буквально плевали на улицѣ; случаи оскорбленія и нападенія на отдѣльныхъ чиновъ, расположенныхъ въ краѣ русскихъ войскъ, участились. Чтобы въ Финляндіи ничто не напоминало о Россіи и русскихъ, печать подняла вопросъ о совлеченіи съ извозчиковъ ихъ долгополыхъ кафтановъ, о снятіи русскихъ вывѣсокъ и т. п. Видя это растущее нерасположеніе, Н. И. Бобриковъ писалъ В. К. Плеве: «Политика сплоченія окраины съ центромъ не нравится Мехелину и К°, свою злобу вымѣщающихъ на русскихъ невинныхъ жертвахъ. Исторія покроетъ позоромъ современную интригу финляндскихъ сепаратистовъ, переходящую предѣлы всякой логики» (21 марта 1900 г.).

Энергичный начальникъ края старался найтись въ каждомъ новомъ затруднительномъ положеніи, чтобы облегчить гонимыхъ, но это было нелегко. Жителямъ г. Вазы-Николайштадта роздано было воззваніе, имѣвшее цѣлью прекратить всякую покупку у русскихъ торговцевъ. «Мы должны придти къ общему соглашенію и рѣшить, что на того, кто покупаетъ что-либо у русскихъ, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на измѣнника своей родины. Пусть намъ не говорятъ, что между ними имѣются здравомыслящіе, которые не одобряютъ мѣръ, принимаемыхъ противъ насъ правительствомъ. Ничего не должно принимать въ разсчетъ. Теперь со всѣми этими иностранцами должно поступать одинаково, и всѣ средства должны считаться дозволенными, чтобы только они убирались изъ нашей страны... Остерегайтесь коробейниковъ, они состоятъ на жалованьи у тѣхъ, которые ревностно работаютъ надъ гибелью нашей страны... Вѣдь и въ Остзейскомъ краѣ прежній строй былъ сокрушенъ главнымъ образомъ при посредствѣ коробейниковъ... Остерегайтесь ихъ, какъ чумы»...

Въ періодъ гоненія русскихъ особенно пострадали наши коробейники и вообще разные мелкіе торговцы въ разносъ. На нихъ повели нѣчто въ родѣ правильно организованной облавы: ихъ выслѣживали, подвергали арестамъ, лишали товара, штрафовали, и насильно изгоняли изъ Финляндіи.

Источникъ того рвенія, съ которымъ производилось озлобленное гоненіе, надо искать въ тѣхъ чувствахъ, которыя правящіе классы Финляндіи питали къ русскимъ. Коробейники сдѣлались жертвами этого общаго нерасположенія. Къ этому, спеціально въ періодъ смуты, присоединилось, какъ было уже упомянуто, (стр. 109) еще то обстоятельство, что агитаторы, занявшись широкой и нелегальной пропагандой въ

народѣ, пожелали отдѣлаться отъ этихъ единственныхъ русскихъ глазъ, видѣвшихъ истинную картину того, что происходило въ странѣ.

Побои, оскорбительныя насмѣшки, выселеніе изъ края, охоту, какъ на дикихъ звѣрей, все это должны были перенести русскіе коробейники въ предѣлахъ своего отечества! За что? Безчеловѣчную травлю пытались оправдать, между прочимъ, и тѣмъ, что коробейники суть «надежнѣйшее средство въ рукахъ русской власти для постепеннаго внѣдренія въ Финляндіи русской церкви и русской школы взамѣнъ лютеранской». Поэтому, — писали финляндцы въ стокгольмской газетѣ «Aftonbladet» (18 августа 1900 г.), — «никто не долженъ, ни при какихъ обстоятельствахъ, покупать у нихъ что бы то ни было; никто не долженъ давать имъ ни крова, ни пищи... Ихъ нужно гнать безжалостно отъ каждой двери... Не болѣе милосердія, чѣмъ дикому звѣрю, должны мы оказывать этимъ людямъ»...

Видя подобныя своеобразныя проявленія патріотизма своихъ соотечественниковъ, мѣстный житель—финнъ, иронизируя, писалъ: «Намъ кричатъ: отечество находится въ великой опасности. Надо его спасать! Какими средствами? Перестать танцовать, надо одѣться въ трауръ, необходимо отказывать русскимъ коробейникамъ въ ночлегѣ, разослать по краю неприличную рукописную пѣснь про генералъ-губернатора», и т. д. Утверждаютъ, — писала газета «Uusi Suometar», — что стоитъ народу выказать твердость, чиновникамъ—непоколебимость, новобранцамъ—непослушаніе и т. д. и власть признаетъ необходимость уступить и возстановить прежній порядокъ [325]).

Описанными выходками не ограничились протесты и манифестаціи. Какъ только генералъ-губернаторъ подвергалъ кого-либо взысканію, то «пострадавшему» немедленно устраивалось чествованіе. Едва въ Гельсингфорсѣ разнеслась, напримѣръ, вѣсть о карѣ, постигшей редакторовъ «Nya Pressen» и «Aftonposten»—этихъ столповъ противоправительственной печати—какъ сейчасъ же явились члены пѣвческаго общества и устроили имъ серенаду съ неизбѣжными «Бьернеборгскимъ маршемъ», финляндскимъ «гимномъ» и девятикратнымъ, громкимъ и обрывистымъ «ура». Затѣмъ слѣдовали обѣды «неустрашимымъ борцамъ», сочувственныя письма, телеграммы и цвѣты «несчастнымъ» собратьямъ, и пр. Одинъ финляндецъ,—сообщалъ Н. И. Бобриковъ,—«до послѣдняго времени былъ предметомъ издѣвательства», но «оппозиція русскому дѣлу подняла его акціи и онъ является въ роли маленькаго апостола». Онъ раньше не только служилъ мишенью для нападокъ, но три раза привлекался къ суду. Какой же онъ «поборникъ закона»? И тѣмъ не менѣе, послѣ его удаленія съ должности, въ его коляску бросали цвѣты съ записками: «Господь благословитъ соблюдающаго законъ» [326]).

Одного англійскаго вице-консула (Евг. Вольфа) уволили отъ должности за участіе въ агитаціи и другіе вице-консулы, по подстрекательству печати [327]), устроили стачку и подали просьбы объ увольненіи.

Тѣмъ временемъ массовый адресъ былъ направленъ въ установленномъ порядкѣ. 5 іюня 1899 г. Государю Императору благоугодно было Собственноручно начертать: «Адресъ оставляю безъ послѣдствій. Ходатайство нахожу неумѣстнымъ, такъ какъ Манифестъ 3 февраля касается общегосударственнаго, а не мѣстнаго законодательства».

Черезъ нѣсколько дней (18 іюня 1899 г.) послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ на имя генералъ-губернатора, въ которомъ сказано:

...«Къ прискорбію Моему, изъ рѣчей ландмаршала и тальмановъ Я усматриваю, что земскіе чины не усвоили соображеній общегосударственной пользы, коими необходимость этихъ мѣръ (т. е. преобразованіе воинской повинности и обнародованіе Манифеста 3 февраля) обусловливается, и дозволили себѣ неумѣстныя о нихъ сужденія. Поручаю вамъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, что сужденія сіи неправильны и не соотвѣтствуютъ установившемуся съ начала нынѣшняго столѣтія положенію дѣлъ, при коемъ Финляндія есть составная часть Государства Россійскаго, съ нимъ нераздѣльная.

«Я желаю также, чтобы финскому народу было извѣстно, что, принявъ при восшествіи на престолъ священный долгъ пещись о благѣ всѣхъ народностей, Россійской державѣ подвластныхъ, Я призналъ за благо сохранить за Финляндіей особый строй внутренняго законодательства, дарованный ей Моими державными предками. Въ то же время, Я принялъ на Себя, какъ наслѣдіе прошлаго, заботу объ опредѣленіи силою положительнаго закона отношеній Великаго Княжества къ Россійской Имперіи. Въ этихъ видахъ Мною утверждены основныя положенія 3 февраля сего года, опредѣляющія правила объ изданіи общегосударственныхъ законовъ...»

Спокойное, милостивое и доброжелательное Царское слово не вразумило руководителей смуты. Неудача съ депутаціями и массовымъ адресомъ побудила агитаторовъ прибѣгнуть къ новымъ способамъ противодѣйствія мѣропріятіямъ объединительнаго характера. Высшаго представителя русской власти въ краѣ они пытались изводить разными демонстраціями, выходками, подметными письмами, грубыми каррикатурами и угрозами. Каждый шагъ правительства служилъ для нихъ поводомъ къ вызывающимъ выходкамъ; обыденные факты раздувались и имъ придавали характеръ демонстраціи.

«Финляндцы ссылаются на свое уваженіе къ закону, а это справедливо лишь въ томъ случаѣ, когда онъ говоритъ въ ихъ пользу», писалъ Н. И. Бобриковъ (20 окт. 1900 г.). Финляндцы усмотрѣли, что русская власть сдѣлала отступленіе отъ ихъ «основныхъ законовъ» и

нарушила нѣкоторыя мѣстныя постановленія, а потому признали возможнымъ и справедливымъ освободить себя отъ всякихъ требованій и нормъ, обязательныхъ для гражданина въ благоустроенномъ обществѣ. Они отказались признать за манифестомъ 3-го февраля и новымъ уставомъ о воинской повинности «святость закона» и потому рѣшились не исполнять ихъ. Русская власть ограничила право сходокъ, вслѣдствіи тѣхъ злоупотребленій, кои были на нихъ допущены; финляндцы, въ обходъ запрещенія, продолжали устраивать и явныя, и тайныя засѣданія. Свобода устройства лотерей была ограничена (постановленіемъ 12 февр. 1900 г.); лотереи стали замѣняться пакетными вечерами и «рыболовствомъ». Новый законъ обязали ихъ, какъ русскихъ подданныхъ, употреблять въ оффиціальныхъ случаяхъ флаги русскихъ цвѣтовъ; они стали на мѣстахъ гулянія выставлять одни голые шесты безъ флаговъ, или-же украшали мѣсто для празднества лентами. Законъ запретилъ флаги негосударственныхъ цвѣтовъ, но не ленты. Цензура воспретила печатаніе несдержанной рѣчи одного изъ вожаковъ безпорядка; газета «Nya Pressen» прибѣгла къ обману и выпустила свой нумеръ въ двухъ видахъ: одинъ безъ рѣчи, а другой — съ рѣчью. Когда послѣ «заговора чиновниковъ» начались увольненія непослушныхъ служащихъ, партія безпорядка выставила лозунгомъ: на мѣста уволенныхъ или ушедшихъ чиновниковъ не слѣдуетъ идти другимъ чиновникамъ. Терроръ въ одно время былъ такъ серьезенъ, что финляндцы отказывались принимать должности по цензурному управленію. Одинъ коронный ленсманъ, желавшій остаться вѣрнымъ долгу, просилъ губернатора разрѣшить ему присылать секретные рапорты отдѣльно отъ остальной почты, лично на имя начальника губерніи, чтобы, минуя губернскую канцелярію, они не могли дойти до агитаторовъ, которые мстили жестокимъ бойкотомъ. Передъ тайными пропагандистами, удостовѣрялъ начальникъ края, «трепетали губернаторы, начальники главныхъ управленій и, конечно, враждебный намъ сенатъ.» (16 окт. 1899 г.).

Вводится въ краѣ русская почтовая марка. Финляндія, потерявъ свою почтовую марку, лишилась наиболѣе нагляднаго признака своей самостоятельности, а потому финляндцы пустили въ ходъ всю свою изобрѣтательность, чтобы обойти законъ: письма отправлялись нефранкированными; выдумали особыя траурныя марки; на конвертахъ и почтовой бумагѣ печатали гербъ и другія государственныя эмблемы края, а также географическую карту Финляндіи, чтобы такъ или иначе обозначить, что письмо не изъ Россіи, а изъ Великаго Княжества. На конверты налѣпляли облатки въ формѣ марокъ. Предлагали тонкіе конверты, чтобы сквозь нихъ просвѣчивались изображенія финляндской марки или герба. Начальству пришлось, конечно, воспретить изобра-

женіе на конвертахъ всего того, что носило политическій и демонстративный характеръ. Узнавъ о новой реформѣ, одна иностранная газета вѣроятно для того, чтобы вызвать больше сочувствія къ финляндцамъ, оповѣстила міръ, что со дня уничтоженія почтовой марки, «Финляндія болѣе уже не существуетъ»...

Въ періодъ смуты, финляндцы особенно усиленно старались доказать, что дѣйствія ихъ строго согласованы съ закономъ. Обращаясь къ шведской Формѣ Правленія 1772 года, которую финляндцы считаютъ своимъ основнымъ закономъ, мы видимъ, что одна изъ коллегій (министерствъ) Швеціи вѣдала заботами и попеченіями о почтовыхъ порядкахъ всей страны, т. е. всего шведскаго государства. Другой основный законъ Швеціи—Актъ Соединенія и Охраненія 1789 г.—также предписывалъ, чтобы почтовое управленіе велось путемъ, который король призналъ наиболѣе полезнымъ. Иначе говоря, русское правительство имѣло полное основаніе, даже по шведскимъ законамъ, возложить (31 мая 1890 года) завѣдываніе почтовою частью на министра внутреннихъ дѣлъ.

Въ Финляндіи, на отдѣльныхъ большихъ и малыхъ рисункахъ, на всевозможные лады стали изображать прежнія свои почтовыя марки. Въ пояснительныхъ текстахъ къ нимъ говорилось, что онѣ нарисованы «не для бѣглаго увеселенія глазъ, а для того, чтобы сохранить память объ одной страницѣ изъ нашей исторіи... Тутъ ты видишь собраніе старыхъ дорогихъ знакомыхъ... Повидимому нашимъ противникамъ они казались слишкомъ сильными свидѣтелями о финляндскомъ государствѣ... «Еще настанетъ день, еще не все погибло»... Уничтоженіе простой почтовой марки превращено было «въ великій вопросъ дня» и обстоятельствомъ усиленно пользовались для поднятія патріотическаго настроенія. «Поучай (женщина) своихъ дѣтей работать съ чувствомъ и жертвовать собой. Подобно льву на нашемъ красивомъ гербовомъ щитѣ, стоящему съ непобѣдимой рѣшимостію во взлядѣ и готовящемуся разрубить узелъ... должны мы съ острымъ взоромъ принимать тѣ готовящіяся тяжелыя петли, которыми стараются задушить наше національное самосознаніе»...

Проявленіе патріотизма подкупаетъ насъ и родитъ сочувствіе, но только въ томъ случаѣ, когда патріотизмъ—чувство естественное и здоровое; финляндцы же въ дни смуты портили и отравляли его, раздували его искусственно ложью, сочиненной въ укоръ русской политикѣ. Никакими петлями его національнаго самосознанія, конечно, не душили; замѣну почтовой марки нельзя возводить въ признакъ уничтоженія цѣлой національности. Такіе пріемы со стороны вожаковъ, конечно, ходульны. Въ основу святого чувства любви къ родинѣ надо класть чистые помыслы и серьезные факты, а не измыш-

ленія и явныя преувеличенія. Объединеніе почтовой марки никакой бѣдой Финляндіи не грозило и потому было кощунствомъ, по поводу реформы, молить Господа «о сохраненіи родины»!

Выдумки финляндцевъ по почтовому протесту одна европейская редакція назвала «просто ребячествомъ», прибавивъ: «Если бы финнамъ даже и пришлось слиться съ большимъ государственнымъ организмомъ, то въ этомъ не было бы ничего унизительнаго, потому что далеко не позоръ быть русскимъ. Финляндцамъ слѣдовало бы постараться служить своему большому отечеству... а также прекратить безплодную агитацію»[328]).

Но они менѣе всего были склонны слѣдовать подобному совѣту. Явилась необходимость увеличить денежный фондъ тружениковъ печати. Сборъ пожертвованій финляндцы превратили въ грандіозный «день печати», окрашенный такимъ задоромъ, которому русскіе люди не могли выразить своей симпатіи. «Дни прессы» явились общей по всей Финляндіи манифестаціей. По объясненію «Times», чествовались дѣятели печати, которые «такъ много сдѣлали съ цѣлью противодѣйствовать вмѣшательству русскаго Самодержавія во внутреннія дѣла края». Гельсингфорсъ веселился и волновался три дня къ ряду: въ театрѣ дали «spectacle gala», въ гостинницѣ «Societetshuset» устроили банкетъ. Патріотическая затѣя вполнѣ удалась. Пенсіонная касса финляндской печати пріобрѣла около 145 тыс. мар. На сценѣ театра ставились тенденціозныя картины. Представлена была мать (Финляндія) среди сожженныхъ деревень, она зябнетъ въ снѣжныхъ сугробахъ; война, морозъ, голодъ и смерть грозятъ ей гибелью. Но мрачнымъ силамъ не удалось истребить ее. Финляндія пробуждается. Одинъ изъ добрыхъ геніевъ поясняетъ сказаніе объ Императорѣ Александрѣ II. Послѣ живыхъ картинъ разыграна была пьеска на злобу дня. Выведены были редакторъ запрещенной газеты, цензоръ, англійскіе консулы и пр. Въ студенческомъ домѣ г. Гельсингфорса устроено было развлеченіе для народа. И тамъ на сценѣ мрачная осень. Финляндія въ траурѣ; она грустно настроена и скрижаль закона едва держится въ ея опущенной рукѣ. Ее окружаютъ печальныя лица. Слѣдующая картина залита яркимъ свѣтомъ. Финляндія сіяетъ въ брилліантовой діадемѣ; ее окружаетъ слава. Картины смѣняются пьесой на современную тему: «Въ Америку». Въ пьесѣ описана финляндская эмиграціонная горячка.

Бывшему сенатору и одному изъ руководителей оппозиціи, Л. Мехелину, въ разгарѣ смуты исполнилось 60 лѣтъ. Случаемъ этимъ такъже воспользовались для новаго проявленія своего нерасположенія къ русской политикѣ, не признающей финляндской «государственности». Одна изъ заграничныхъ газетъ пояснила, что Л. Мехелинъ «чество-

вался демонстративно», ибо «это имя,—какъ выразился застольный ораторъ,—обозначаетъ стремленіе финскаго народа къ свободѣ и къ внутренней самостоятельности». Мехелинъ «съ энтузіазмомъ молодости боролся противъ власти тьмы и власти лжи»[329]). Чествовавшіе Л. Мехелина видѣли въ немъ только хранителя финляндскихъ привилегій. Но нельзя забыть, что онъ своими политическими брошюрами значительно замутилъ тихую, скромную и трудолюбивую жизнь финскаго народа. Мирно текли дѣла въ краѣ; финны работали надъ своей культурой, не мечтая особенно о «государственныхъ» правахъ Великаго Княжества. Но вотъ вздумалось Л. Мехелину повѣдать Европѣ своими «Précis du droit public du Grand Duché de Finlande» и «La question finlandaise» о томъ, что на сѣверѣ Россіи народилось новое царство, которое лишь въ силу договора имѣетъ съ Россіей общаго Государя и т. п. Современное безпокойное движеніе, видимо, нуждалось въ герояхъ и потому столь быстро пріобрѣли извѣстность Евг. Вольфъ, Люлю и др.; по той же причинѣ рѣшено было идеализировать Л. Мехелина. При другихъ обстоятельствахъ и въ иное время его таланты едва-ли были бы столь повышены въ значеніи. Время, очевидно, требовало, чтобы разбросанные лучи всего броженія были собраны въ какомъ-нибудь фокусѣ. Избраніе для этой цѣли Л. Мехелина являлось, конечно, знаменемъ времени. Въ честь Л. Мехелина была выбита медаль съ его изображеніемъ, почему датская газета «Politiken» назвала его прирожденнымъ вождемъ, а въ поднесенной ему медали усмотрѣла корону за гражданскія доблести.

Въ 1900 г. состоялся созывъ очередного сейма. Пока засѣдали земскіе чины, они становились какъ бы центромъ антирусскаго движенія. Лицъ, успѣвшихъ проявить наибольшую энергію въ борьбѣ съ правительственными требованіями, поспѣшили ввести въ составъ сейма. Такимъ именно образомъ въ депутаты попалъ, отставленный отъ должности вице-консула, Евгеній Вольфъ.

На сеймѣ 1900 г. первое мѣсто дали вопросамъ политическаго характера и земскіе чины особенно ознаменовали свои засѣданія петиціей о «неправильностяхъ въ системѣ управленія».

Существующій строй не даетъ земскимъ чинамъ права на управленіе краемъ, но тѣмъ не менѣе они присвоили себѣ положеніе верховнаго цѣнителя всѣхъ распоряженій правительства. Сеймъ, находя, что край управляется «не по законамъ страны, а по системѣ, ведущей къ постояннымъ уклоненіямъ отъ существующаго порядка», обвинялъ правительственную власть: во 1-хъ, въ учрежденіи въ странѣ надзора при помощи жандармовъ; 2, въ ограниченіи права частныхъ лицъ устраивать общества для распространенія образованія; 3, въ ограниченіи правъ сходокъ; 4, въ произвольномъ притѣсненіи прессы; 5, въ вве-

деніи русскаго языка, въ качествѣ служебнаго, въ высшія административныя учрежденія. Кромѣтого, въ петиціи содержался упрекъ правительству за назначеніе на должность министра статсъ-секретаря лица русскаго происхожденія, что исключало будто бы для финляндцевъ всякую возможность непосредственнаго обращенія къ Монарху. Сеймовые чины отрицали существованіе въ странѣ всякой пропаганды, исключая агитаціи, веденной коробейниками! О генералъ-губернаторѣ говорилось, что онъ «вопреки истинѣ позволилъ себѣ представить массовый адресъ результатомъ преступной агитаціи»... Тонъ петиціи-жалобы крайне несдержанный. Главный ораторъ сейма утверждалъ, что «цѣлью большинства предпринятыхъ за послѣднее время мѣропріятій правительства было нарушить спокойную, простую и разумную общественную жизнь въ нашемъ краѣ». Во многомъ проектированномъ и предпринятомъ оказался, по мнѣнію Л. Мехелина, «характеръ провокаціи».

«Петиція по своему существу явилась цѣлымъ обвинительнымъ актомъ противъ моихъ дѣйствій», — писалъ генералъ-губернаторъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она указывала на домогательство, «сводившееся къ отрицанію права Верховной власти управлять краемъ, помимо совѣщательныхъ учрежденій». Никакой политической власти или контроля за органами управленія у сейма не существуетъ. Слѣдовательно, земскіе чины прежде всего перешли предѣлы компетенціи, установленной закономъ. По существу же самой петиціи достаточно сказать, что жандармы были учреждены въ Финляндіи въ 1817 году и всегда проявляли свою дѣятельность. Они жаловались въ свое время даже на генералъ-губернатора гр. Адлерберга. Право разрѣшать общества съ просвѣтительною цѣлью, со времени Императора Николая I, принадлежало Монарху. Вопросъ о собраніяхъ, согласно постановленію о сенатѣ, подлежитъ вѣдѣнію административной власти. Вопросъ о печати изъятъ изъ вѣдѣнія сейма. Что касается, наконецъ, русскаго языка, то со времени Императора Александра I, мѣры по его установленію также всегда вводились административнымъ порядкомъ. Другими словами, у сейма не было ни одного серьезнаго основанія выступать съ указанной петиціей. По всеподданнѣйшему докладу всего дѣла Государю Императору, Его Величеству благоугодно было, 14 сего августа 1900 г. Высочайше повелѣть: «Петицію земскихъ чиновъ, какъ поданную въ нарушеніе § 51 сеймоваго устава и заключающую въ себѣ дерзкое порицаніе административныхъ распоряженій и мѣръ, въ порядкѣ верховнаго управленія состоявшихся, оставить безъ послѣдствій. Поставить въ извѣстность генералъ-губернатора, что дѣйствія его признаны правильными и соотвѣтствующими полученнымъ имъ Высочайшимъ указаніямъ.

Комиссія сейма, подвергшая критикѣ правительственную дѣятель-

ность, состояла преимущественно изъ служащихъ лицъ, чиновниковъ и духовенства.

Тронной рѣчью земскіе чины 1900 г. призывались приложить всѣ силы ума и сердца къ наилучшему устроенію дѣлъ внутренняго хозяйства. Сеймы продолжали однако тормозить правительственныя предложенія и тѣмъ держали финское населеніе вдали отъ всякой нравственной связи съ Россіей.

Сеймамъ дѣлались также упреки въ томъ, что они не занимались коренными вопросами соціальнаго и экономическаго строя Финляндіи, почему суды края до сихъ поръ сохранили средневѣковыя черты, общинная организація неудовлетворительна, земельное устройство запущено, барщина фактически существуетъ, налоги не уравнены и само сеймовое устройство (какъ было указано на 184 стр.) далеко не соотвѣтствуетъ требованіямъ времени. На послѣднихъ сеймахъ отложены были вопросы о торпаряхъ, неурожаѣ, эмиграціи и т. п. и проявленъ исключительный интересъ къ политикѣ и организаціи противодѣйствія объединительнымъ реформамъ.

Съ каждой новой сессіей уклоненія увеличивались и засѣданія сейма 1904—1905 г.,—по заявленію газеты «Uusi Suometar» (1905, № 97),—перешли уже въ непрерывное нарушеніе сеймоваго устава. Финляндцы подняли бурю протестовъ, исходя изъ положенія, что русская власть нарушила мѣстные основные законы. Слѣдовало ожидать, говорила газета, что въ такомъ случаѣ партіи оппозиціи поставятъ себѣ задачей особенно строгое соблюденіе святости сихъ законовъ. На дѣлѣ оказалось обратное: сеймовый уставъ, являющійся основнымъ закономъ края, по свидѣтельству редакціи, «соблюдался строжайшимъ образомъ правительствомъ, а шведоманскою и младофинскою партіями постоянно нарушался». Финляндцы жаловались на ограниченіе свободы собраній и свободы слова. Но сеймы собирались и дѣйствовали свободно и на нихъ депутаты «порицали правительство гораздо рѣзче, нежели когда-либо раньше». Уставъ предписываетъ членамъ сейма соблюденіе «благопристойности и умѣренности въ своихъ сужденіяхъ», онъ требуетъ, чтобы никто «не дозволялъ себѣ оскорбительныхъ, насмѣшливыхъ и вообще непристойныхъ выраженій о правительствѣ и частныхъ лицахъ». Финская газета имѣла мужество сказать въ лицо своимъ сеймовымъ представителямъ, что всѣ эти правила они «нарушали болѣе, чѣмъ когда-либо прежде». Сеймъ 1904 года своей задачи, требуемой по уставу, совершенно не исполнилъ, а сеймовая комиссія законовъ «не дала ни одного заключенія». Сеймъ забастовалъ и прибѣгъ къ обструкціи. При этомъ онъ ссылался на ненормальныя условія, которыя якобы мѣшали его занятіямъ. «Собраніе земскихъ чиновъ, говорилъ Л. Мехелинъ, не должно прерываться

до отмѣны всѣхъ временныхъ постановленій». Финская партія не думаетъ, заявила мѣстная газета, чтобы «чувство законности требовало отмѣнить политическія беззаконія послѣднихъ лѣтъ прежде, чѣмъ можно отмѣнить какое-либо общественное, отъ насъ самихъ зависящее, беззаконіе»...[330])

Такимъ образомъ, приходится признать, что сеймъ, въ которомъ хотѣли видѣть опору мѣстной законности и перваго блюстителя постановленій края, вышелъ въ послѣдніе годы на путь произвола, неизбѣжно и сильно деморализируя тѣмъ населеніе. Онъ своимъ голосомъ и примѣромъ могъ сдержать всякое броженіе въ краѣ, но онъ предпочелъ самъ встать во главѣ противоправительственнаго движенія, ободряя и направляя «пассивное сопротивленіе».

5 (18) февраля (1900 г.), въ годовщину объявленія сенатомъ Высочайшаго манифеста 3 февраля 1899 г., состоялся рядъ манифестацій въ Гельсингфорсѣ и другихъ городахъ. Устроителями безпорядковъ были приняты мѣры къ тому, чтобы погрузить главныя части города во мракъ. Огонь въ уличныхъ фонаряхъ или тушился, или уменьшался; въ 8 час. вечера магазины закрылись; окна на улицу во всѣхъ домахъ были завѣшены темными шторами. Вечеромъ черезъ эспланаду г. Гельсингфорса на проволокѣ протянули полотно съ именами сенаторовъ, подавшихъ голоса за опубликованіе манифеста. Сенаторы получили угрожающія письма за подписью «Тайный патріотическій союзъ». Передъ окнами нѣкоторыхъ изъ нихъ исполнены были «кошачьи концерты». Всѣми такими измышленіями имѣлось въ виду выразить «народную скорбь».

Подобными манифестаціями неизбѣжно колебалось должное уваженіе къ власти; администрація-же края, даже при желаніи прекратить безпорядки, ничего существеннаго сдѣлать не могла, вслѣдствіе ея безсилія.

Въ противоположность «дню мрака» устроенъ былъ «праздникъ свѣта» въ день, посвящаемый обыкновенно памяти національнаго поэта Рунеберга (24 января). Закулисные устроители его приняли мѣры къ тому, чтобы придать городу особый блескъ. Окна были усиленно освѣщены. Для бѣдныхъ производилась даровая раздача свѣчъ. Магазины украсили свои витрины, стараясь придать общему виду ихъ патріотическій оттѣнокъ.

7 (20) іюня 1900 года послѣдовалъ Высочайшій манифестъ о введеніи русскаго языка въ сенатѣ. Мѣра эта, истекавшая изъ государственной необходимости и являвшаяся естественнымъ послѣдствіемъ принадлежности Финляндіи къ Россіи, была встрѣчена новымъ протестомъ со стороны мѣстныхъ властей и неблагонамѣренныхъ членовъ общества. Сенатъ уклонился отъ немедленнаго обнародованія Царскаго

повелѣнія и представилъ всеподданнѣйшій докладъ о несоотвѣтствіи новаго порядка обычаямъ и основнымъ законамъ края. Печать и агитація оказывали давленіе на сенаторовъ, желая, чтобы они не обнародовали новаго закона и коллективно подали въ отставку. Тѣхъ сенаторовъ, которые отказались слѣдовать требованіямъ «тайнаго патріотическаго союза», клеймили измѣнниками. Ихъ портреты, съ надписью: «fosterlands-förädare», распространялись среди публики. Ходатайство сената осталось безъ послѣдствій и 28 іюня онъ опубликовалъ манифестъ. Недовольные этимъ, 79 членовъ бывшаго сейма отправили депутацію къ министру статсъ-секретарю. Мѣстная администрація отказалась содѣйствовать какими-либо соображеніями и мѣрами къ обезпеченію успѣха водворенія русскаго языка. Финляндскіе чиновники не выразили желанія практически усваивать русскую рѣчь, путемъ прикомандированія ихъ къ статсъ-секретаріату въ Петербургѣ.

Легко себѣ представить, сколько хлопотъ и сношеній подобныя выходки причиняли начальнику края. Къ довершенію всего, одиннадцать сенаторовъ пожелало оставить «свои портфели», недовольные тѣмъ, что дѣла въ краѣ не идутъ согласно ихъ желаніямъ. Они разсчитывали своими дѣйствіями поставить начальника края въ безвыходное положеніе и остановить работу административнаго механизма Финляндіи; но Н. И. Бобрикова нельзя было устрашить подобными пріемами и онъ представилъ всѣхъ желавшихъ къ увольненію.

Сенаторы не въ первый разъ прибѣгали къ такому пріему устрашенія. При генералъ-губернаторѣ гр. Ф. Л. Гейденѣ они хотѣли также пріостановить приведеніе въ дѣйствіе одной очередной мѣры тѣмъ же способомъ; но графъ совершенно хладнокровно отвѣтилъ одному изъ сенаторовъ: «Прекрасно; сдѣлайте, какъ признаете болѣе цѣлесообразнымъ и, если всѣ пожелаете выйти въ отставку, то предупредите лишь меня и я распоряжусь перенесеніемъ текущаго дѣлопроизводства въ мою канцелярію».

Гельсингфорскія газеты остались чрезвычайно недовольны тѣмъ, что не весь сенатъ въ полномъ составѣ и единовременно подалъ въ отставку. Чтобы отплатить должнымъ образомъ оставшимся на службѣ, газеты отпечатали стихотвореніе Рунеберга «Свеаборгъ» и распространили его среди гельсингфорской публики, въ видѣ экстреннаго прибавленія, какъ о событіи чрезвычайной важности. Въ этомъ патріотическомъ стихотвореніи рѣчь идетъ объ «измѣнѣ» коменданта, сдавшаго (въ 1808 г.) крѣпость русскимъ.

Министръ статсъ-секретарь увѣдомилъ сенатъ, что «Его Величество выразилъ неудовольствіе» тому поведенію сената, которое выказано имъ при обнародованіи послѣднихъ узаконеній.

На возможность и необходимость противодѣйствія сената требо-

ваніямъ русской власти было обращено вниманіе уже тогда, когда шведоманскіе вожди обдумывали планы пассивнаго сопротивленія. Одинъ изъ этихъ вождей взвѣсилъ послѣдствія сенатскаго ослушанія, которое прежде всего могло привести къ переходу его въ русскіе руки. «Русскій сенатъ», восклицаетъ агитаторъ, звучитъ ужасно. Но съ политической точки это сравнительно безразлично, финляндскій - ли, русскій-ли, когда онъ только промульгируетъ то, что Монархъ прикажетъ. Практически для администраціи страны эффекты, можетъ быть, и не будутъ такъ ужасны, какъ въ первую минуту кажется. Пойдемъ прямо къ дѣлу. Прибудутъ эти новые члены въ коллегію, займутъ тамъ свои мѣста. Что дальше? Дѣла идутъ своимъ чередомъ, ибо въ нашу чрезвычайно крѣпкую бюрократическую систему прорубить брешь очень трудно. Безъ подчиненныхъ начальники—генералы не ступятъ ни шагу. Ни денегъ, ни бумагъ не могутъ добыть. Я предполагаю, что, слѣдуя примѣру сената, всѣ низшіе служащіе исполнятъ свой долгъ. Противорѣчащія закону предписанія могутъ издаваться, но контрасигнироваться или исполняться они не будутъ. Въ своихъ подписяхъ новые сенаторы могутъ отказывать и ходъ дѣлъ можетъ такимъ образомъ замедляться, но только въ этой отрицательной формѣ они могутъ проявить свое безсильное владычество, которое имъ самимъ скоро надоѣстъ».

Въ сентябрѣ 1900 г. бойкотъ былъ въ полномъ ходу. Въ Гельсингфорсѣ открыли французскую выставку, куда отправился помощникъ генералъ-губернатора, г.-лейт. Н. Н. Шиповъ, со своей семьей. Выставка помѣщалась въ Атенеумѣ. Въ моментъ ихъ прихода, на выставкѣ находилось человѣкъ 30—40, которые всѣ вышли и остались у входа, не впуская другихъ. При выходѣ помощника генералъ-губернатора большинство публики повернулось къ нему спиною. Эта глупая и мальчишеская выходка рисуетъ положеніе того времени. Съ сенаторами избѣгали встрѣчъ и поклоновъ. «....Дѣйствительно, существующій въ Гельсингфорсѣ политическій терроризмъ, выходящій теперь на улицу и нарушающій не только благочиніе, но и безопасность, едва ли можетъ служить доказательствомъ лойяльности и преданности финляндцевъ»...—писалъ N нѣсколько позже Н. И. Бобрикову (8 февр. 1902 г.).

Оппозиціонное настроеніе гельсингфорскаго высшаго общества оживилось послѣ назначенія Нюландскимъ губернаторомъ генералъ-маіора М. Н. Кайгородова. Агитаторы подстрекали общество и властей не признавать губернаторомъ русскаго генерала. Ожидали протеста со стороны сената, но тотъ не взялъ на себя иниціативы. Тогда гласные города Гельсингфорса выступили съ заявленіемъ; ихъ примѣру послѣдовали 32 сельскія общины, которыя подали въ сенатъ про-

шеніе о томъ, чтобы Его Величеству благоугодно было устранить генералъ-маіора Кайгородова и назначить финляндца.

Кромѣ того общины рѣшили обращаться со своими бумагами не къ губернатору, а въ губернское управленіе, и не принимать никакихъ бумагъ, подписанныхъ русскимъ губернаторомъ[331]). Чины Нюландскаго губернскаго правленія упорствовали, не желая скрѣплять переписку на русскомъ языкѣ и отправлять ее по назначенію. Два докладчика-секретаря сената самовольно вернули въ то же управленіе бумаги только потому, что онѣ были изложены на государственномъ языкѣ Имперіи. Секретный циркуляръ губернатора, обращенный къ полицейской власти, появился на столбцахъ мѣстной печати. Подобное несоблюденіе канцелярской тайны повторялось, впрочемъ, неоднократно. Секретное предписаніе С.-Михельскаго губернатора также появилось въ газетѣ[332].)

Очень рѣзко гельсингфорское общество высказалось противъ русскаго губернатора при слѣдующей обстановкѣ. Гр. Маннергеймъ задумалъ устроить (6 мая 1901 г.) концертъ тайно отъ властей «для вспомоществованія фонда народнаго образованія» или, точнѣе говоря,—для политической пропаганды, такъ какъ извѣстно было, что пѣвица гр. Маннергеймъ собирала концертами средства для укрѣпленія въ финскомъ народѣ «силы сопротивленія». Власти узнали о намѣреніи и достали билеты для входа на концертъ. По этимъ билетамъ полиціймейстеръ и губернаторъ, генералъ-маіоръ Кайгородовъ, вошли въ залъ. Увидя его, публика стала шикать, стучать, мужчины—палками, а дамы—зонтиками; раздались даже свистки. Графъ Маннергеймъ грубо требовалъ, чтобы губернаторъ удалился. Губернаторъ просилъ присутствующихъ оставить залъ. Въ отвѣтъ книгопродавецъ Хагельстамъ два раза крикнулъ: «здѣсь нѣтъ никакого губернатора!» По признанію «New-York Herald», власти вели себя замѣчательно сдержанно. Публика уступила только угрозѣ очистить залъ силой. Графъ Маннергеймъ простеръ свое вызывающее поведеніе такъ далеко, что подалъ прокурору сената жалобу, обвиняя губернатора и полиціймейстера въ нарушеніи домашняго спокойствія, вторженіемъ на его вечеръ семейнаго характера[333]).

Поведеніе финляндскихъ руководящихъ круговъ не остановило, конечно, намѣченныхъ и начатыхъ объединительныхъ реформъ и 29 іюня 1901 года послѣдовалъ Высочайшій манифестъ о введеніи въ Финляндіи новаго устава о воинской повинности и упраздненіи 8 армейскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ. На этотъ разъ сенатъ спокойнѣе принялъ новый законъ. «Результатъ сенатскаго голосованія и впечатлѣнія Высочайшаго рѣшенія военнаго вопроса представляетъ для меня большой интересъ—писалъ изъ своего имѣнія В. К. Плеве къ Н. И. Бобрикову (21 іюля 1901 г.). Весьма былъ порадованъ

внушительнымъ большинствомъ, оно знаменіе благоразумнаго поворота въ умахъ правящихъ кружковъ Финляндіи и даетъ надежду, что при продолжающейся настойчивости, мы достигнемъ полезныхъ послѣдствій безъ коренной ломки ихъ административнаго строя, что было бы желательно, такъ какъ управлять краемъ черезъ петербургскихъ столоначальниковъ весьма трудно». Ожиданія министра статсъ-секретаря не оправдались. Оказалось, что руководители оппозиціи были разсѣяны по дачамъ, и какъ только они успѣли показаться въ Гельсингфорсѣ, началась прежняя исторія. Вожаки устроили тайное засѣданіе на островѣ Тургольмѣ (недалеко отъ Гельсингфорса) и постановили: разослать призывъ къ новому массовому адресу, и просить духовенство не оглашать въ церквахъ новаго устава. При этомъ они въ особой прокламаціи доказывали и желали внушить населенію, со ссылкою на авторитетъ законовѣда профессора Р. Германсона, что «существенною частью опубликованія является не отпечатаніе закона въ сборникѣ постановленій, а объявленіе его съ церковной каѳедры». Выходило такъ: кѣмъ бы ни былъ утвержденъ уставъ, какимъ-бы образомъ онъ ни былъ распубликованъ (сенатомъ), въ послѣдней инстанціи все будетъ зависѣть отъ пасторовъ, быть-ли ему закономъ или не быть. Манифестъ тенденціозно перетолковывался въ печати, съ цѣлью поселить въ народѣ къ нему недовѣріе и озлобленіе. Магистраты задерживали разсылку новаго закона, препятствуя такимъ образомъ его церковному оглашенію.

Сенаторы, подъ вліяніемъ общественнаго давленія или, точнѣе говоря, «изъ опасенія бойкота», рѣшили войти со всеподданнѣйшимъ представленіемъ, хотя отлично сознавали всю безцѣльность своего ходатайства. В. К. Плеве предполагалъ, что протестъ сената «платоническій» для очистки совѣсти. «Гора родила мышь, и представленіе сената сочинено, очевидно, подъ страхомъ общественнаго мнѣнія», заявилъ онъ въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 30 іюля).

Въ возникшей новой вспышкѣ смуты, наиболѣе печальнымъ фактомъ явилось вмѣшательство части прежняго сдержаннаго и миролюбиваго духовенства въ агитацію. Одна прокламація (августа 1901 г.) гласила: «Положеніе пастора таково, что его рѣшеніе въ этомъ дѣлѣ будетъ имѣть широкое вліяніе на точку зрѣнія не только прихода, но всего вообще финскаго общества... Пасторы должны дать народу духовную поддержку и способность противодѣйствія»... Пасторы откликнулись. 62 пастора подали въ сенатъ прошенія объ освобожденіи ихъ отъ обязанности опубликовать законъ; другіе составили очень рѣзкіе протесты, подавъ ихъ мѣстной полицейской власти. Послѣ настоянія духовнаго капитула, большинство пасторовъ однако обнародовало законъ. Были случаи прочтенія манифеста въ

пустой киркѣ; иные пасторы до прочтенія, дѣлали протестующія оговорки; во многихъ мѣстахъ агенты «кагала» успѣвали возбудить толпу къ безпорядкамъ и за крикомъ, топаньемъ и пѣніемъ «Бьернеборгскаго марша» въ киркахъ не было возможности огласить закона. Случалось, что у пастора изъ рукъ вырывали манифестъ, а его самого выталкивали изъ церкви...

О томъ, что творилось въ лютеранскомъ соборѣ Гельсингфорса, финляндецъ,—корреспондентъ стокгольмской газеты «Aftonbladet»,—писалъ: пасторъ отправлявшій службу закончилъ ее импровизированной молитвой: «Богъ, который есть истина, даруетъ въ этой странѣ побѣду правдѣ; Богъ, который есть свѣтъ, не дастъ намъ бродить во мракѣ и несчастіи; Богъ, который есть справедливость, защититъ наше исконное право, наши законы и все, что мы наслѣдовали отъ предковъ». Затѣмъ на каѳедру взошелъ «странствующій пасторъ», разъѣзжавшій по приказанію капитула изъ прихода въ приходъ, для объявленія манифеста. «Гдѣ бы онъ ни появлялся, его прогоняли почти со всѣхъ церковныхъ каѳедръ; народъ всюду его поносилъ; въ одной церкви ему предложили 30 сребренниковъ»... Едва онъ началъ читать уставъ о воинской повинности, ему крикнулъ чей-то мощный голосъ: «Господинъ пасторъ, этого устава, въ этой церкви и предъ этимъ приходомъ нельзя читать,—никогда этого не будетъ!» Всѣ присутствовавшіе закричали: «нѣтъ, нѣтъ!» Раздались голоса, просившіе пастора оставить каѳедру; люди вскакивали на скамейки, стучали, грозили кулаками! Наконецъ, послышались первые аккорды псалма «Господь наша защита»...

Въ Выборгской губ. нашелся пасторъ (Топпола), который, со ссылками на тексты Евангелія, доказывалъ крестьянамъ, что сопротивленіе правительству даже угодно Богу. Впослѣдствіи явились пасторы, которые распространяли среди народа новый революціонный «національный катехизисъ»[334]).

Боргоскій капитулъ навлекъ на себя нареканія за попытку опубликованія въ Гельсингфорсѣ новаго закона. Ему подали рѣзкій адресъ за подписью 1,200 лицъ. Участниковъ гельсингфорскаго безпорядка полиція привлекла къ судебной отвѣтственности; но ратгаузскій судъ оставилъ дѣло безъ послѣдствій.

Пасторы вмѣшались въ борьбу, тогда какъ событія нисколько не касались внутренняго строя церкви. Создалась такимъ образомъ церковная анархія. «Дошло до того, что епископы нашей церкви въ «національномъ катехизисѣ» назывались «измѣнниками» и «с.....ю»; ихъ оплевываютъ и оскорбляютъ на улицѣ, а нѣкоторые пасторы даже пишутъ своимъ епископамъ бранныя письма», читаемъ въ финской газетѣ[335]).

Подписка новаго адреса производилась по всей Финляндіи одновременно 26 и 27 августа. Чтобы настроить народъ къ подписанію, раздавались особыя брошюры[336]).

Подписка адреса происходила по пріемамъ, выработаннымъ въ 1899 г. Подписи собирались особенно усердно въ воскресенье, вблизи фабрикъ и заводовъ, даже между охмѣлѣвшими рабочими. На нѣкоторыхъ листахъ подписи были сдѣланы одной и той же рукой; нерѣдко обозначались одни имена безъ фамилій. Среди сборщиковъ подписей выдѣлялись студенты и народные учителя и учительницы. Какъ добывались подписи, показываетъ слѣдующій случай. Въ одной гельсингфорской больницѣ врачъ самъ обошелъ больныхъ и, конечно, всѣ безмолвно вывели свои имена на поданномъ листѣ. Народу текстъ адреса почти не показывали: его обязывали подписывать особые листы—«довѣренности».

Чиновники сената и главныхъ управленій, должностныя лица и чины полиціи, состоя на службѣ, признавали себя въ правѣ выражать протестъ тому правительству, которому присягали. Такое крайне своеобразное отношеніе къ своему служебному положенію, конечно, недопустимо на государственной службѣ.

Въ адресѣ уставъ о воинской повинности признавался «кореннымъ образомъ нарушающимъ основные законы Великаго Княжества», въ виду того, что изданіе его состоялось «безъ согласія земскихъ чиновъ». Изданіе устава, по мнѣнію составителей адреса, неминуемо должно поддержать все усиливающееся «недовольство, чувство всеобщаго гнета и неувѣренности и величайшаго затрудненія для общества и его членовъ въ работѣ на благо края». Въ заключеніи повторялась мысль сейма, что уставъ противорѣчитъ «торжественно удостовѣреннымъ основнымъ законамъ Великаго Княжества» и потому не можетъ быть признанъ правовой нормой. Чтобы внести этотъ второй массовый адресъ въ сенатъ, пришлось уплатить гербового расхода 12 тысячъ марокъ. Вслѣдъ за представленіемъ адреса, среди народа ходили прокламаціи о томъ, что новый адресъ не есть всеподданнѣйшее ходатайство, а адресъ—протестъ, требующій возстановленія попранныхъ правъ.

Адресы-протесты и адресы—порицанія вошли въ большую моду. Кто только не писалъ и не подавалъ тогда адресовъ: крестьяне г. Куопіо, жители окрестностей Иматры, населеніе Улеоборгской губ. и т. д. Уже въ то время, когда уставъ о воинской повинности разсматривался въ Государственномъ Совѣтѣ, въ Финляндіи принимались мѣры къ тому, чтобы уставъ не былъ объявленъ въ краѣ въ русской формѣ, или, какъ выражались тогда, чтобы онъ не появился «незаконнымъ образомъ». Такая просьба «народа» была выражена въ улеоборгскомъ

адресѣ, который подносился порознь всѣмъ сенаторамъ. Большинство изъ нихъ дало непрошеннымъ наставникамъ достойный отпоръ, указавъ на то, что адресъ—результатъ легкомыслія и достигнутъ путемъ агитаціи и ложныхъ слуховъ. Въ настоящее время,—отвѣтили они депутатамъ,—не трудно собрать 100 тыс. именъ подъ любымъ адресомъ; а главное—кто далъ вамъ право говорить отъ имени народа? спрашивали они... Замѣчанія совершенно вѣрныя. Но раньше никто не имѣлъ мужества высказать ихъ и подъ первымъ массовымъ адресомъ подписались даже нѣкоторые сенаторы. Прошло нѣкоторое время и массовые адресы превратились въ «политическую комедію». Пасторы, содѣйствуя имъ, повиновались анонимному правительству; молодые люди высказывали порицанія и угрозы старцамъ, мужики учили сенаторовъ и т. п. Все извратилось[337]).

Изобрѣтая всевозможные способы устрашить правительство и побудить его измѣнить свою политику, «тайный союзъ патріотовъ» остановился на мысли усилить эмиграцію. Обстоятельства имъ благопріятствовали. Исполняя программу коноводовъ смуты, лондонскій журналъ «Finland» своими статьями сталъ звать финновъ къ переселенію, хотя зналъ, что ни одно государство не предоставитъ своей территоріи для основанія «автономной колоніи». Газета младофинновъ «Päivälehti» (1899 г., № 159) находила, что при извѣстныхъ условіяхъ эмиграція является прямо обязанностію. «Представьте себѣ, что неблагоразумная политика самовластнымъ словомъ введетъ уставъ о воинской повинности въ томъ видѣ, къ которому народъ питаетъ отвращеніе. Что стало бы въ такомъ случаѣ съ финляндскими юношами?... Ихъ разсѣятъ среди чужого непріязненнаго народа... среди грубой солдатчины... Они возвратятся на родину «послѣ тяжкихъ мученій»... Развѣ не полезнѣе для народа уклониться отъ такого безбожнаго и беззаконнаго насилія?»

Газеты края не только рекомендовали выселеніе, какъ средство избавиться отъ военной службы, но старались возможными способами облегчить его, для чего взывали къ благотворительности, печатали адресы переселенческихъ агентовъ, указывали страны, удобныя для заселенія и пр.

Первоначально агитаторы лелѣяли даже мысль основать въ Сѣверной Америкѣ новую Финляндію. При этомъ взоры ихъ были обращены особенно на Канаду. Туда отправлена была маленькая группа финляндцевъ, съ цѣлью высмотрѣть подходящія мѣста для переселенцевъ и, если возможно, основанія тамъ «новаго отечества». У обоихъ океанскихъ береговъ свободныхъ мѣстъ для заселенія не оказалось; внутри Канады отыскались подходящія пространства земли, кои мѣстное правительство готово было предоставить въ распоряженіе финлянд-

цевъ, но когда комиссія ихъ вернулась въ отечество, то нашла тамъ общее положеніе настолько сноснымъ, что мысль о переселеніи въ Канаду была оставлена. По другимъ свѣдѣніямъ, въ Канадѣ общественное мнѣніе рѣшительно высказалось противъ того, чтобы многочисленныя группы иностранцевъ обособлялись, устраивая сплошныя колоніи и сохраняли свои права и обычаи. Канадцы требовали, чтобы иностранцы разселились повсемѣстно и въ возможно короткій срокъ сдѣлались добрыми англійскими гражданами.

Волна эмиграціи, благодаря явному подстрекательству, сильно росла. Печать пыталась объяснить ея ростъ исключительно страхомъ передъ воинской повинностію. Весьма вѣроятно, что новый уставъ объ этой повинности, заключавшій въ себѣ возможность назначенія финновъ въ русскія войска, содѣйствовалъ усиленію эмиграціи. Но видѣть въ изданномъ законѣ единственную причину небывалаго выселенія, конечно, неосновательно. Если бы причиной выселенія была исключительно воинская повинность, то эмигрировали бы только призывные. Статистика-же показываетъ, что покидали родину и въ иномъ возрастѣ. Главной причиной эмиграціи были и остались экономическія условія. Особенно неудовлетворительнымъ являлось матеріальное положеніе финляндцевъ въ Эстерботніи, откуда преимущественно выѣзжали въ Америку и въ сосѣднюю Швецію для заработковъ. На сѣверѣ Финляндіи трудъ земледѣльца всегда скудно вознаграждался и потому приходилось прибѣгать къ отхожему промыслу. Допросъ отъѣзжавшихъ въ Америку удостовѣрилъ, что эмигрантовъ гонитъ за море нужда и мѣстные отжившіе порядки. Хозяева неумѣренно повышали арендную плату на скудную землю[338]).

Въ концѣ 1903 г. В. К. Плеве получилъ изъ Берлина письмо отъ лица, которое говоритъ, что изучалъ населеніе Финляндіи въ городахъ и деревняхъ и пришелъ къ тому заключенію, что къ числу причинъ эмиграціи надо отнести также дѣятельность мѣстныхъ обществъ трезвости. Они угнетающимъ образомъ дѣйствуютъ на часть рабочаго класса, который ищетъ свободы и желаетъ быть самимъ собою. Народу хочется иногда провести время за стаканомъ вина, въ оживленномъ разговорѣ и за танцами, а общество трезвости лишаетъ его вина и сажаетъ слушать утомительную лекцію. Кончается тѣмъ, что рабочій удовлетворяетъ свое влеченіе къ вину тайно за камнемъ и кустомъ. Въ то же время изъ Америки ему пишутъ, что тамъ свободная жизнь бьётъ ключемъ среди его сородичей. Стѣсненная обстановка, складывающаяся часто изъ мелочей, ведетъ въ концѣ концовъ къ тому, что онъ покидаетъ отчій домъ. Излишне большая опека образованнаго класса тяготитъ крестьянина. На праздникахъ общества трезвости онъ не могъ удовлетворяться одними возвышенными словами

соціалистическаго духа. Охотниковъ подчиниться строгимъ предписаніямъ абсолютизма этого общества мало[339]). Замѣчено, что финны выѣзжаютъ временно, для поправленія своихъ средствъ и, при благопріятныхъ условіяхъ, возвращаются на родину и только незначительный процентъ остается на чужбинѣ. При такихъ условіяхъ, эмиграція доставляетъ средства для уплаты всякихъ казенныхъ и общинныхъ сборовъ и повинностей.

«Напрасно такъ много кричатъ объ эмиграціи—писала финская газета рабочихъ. Она не приноситъ краю никакого ущерба. Въ Финляндіи именно эмиграція болѣе всего способствовала повышенію заработной платы и увеличенію значенія рабочихъ въ общественной жизни». Слѣпая вражда къ русскому побудила въ періодъ смуты гнать населеніе въ Америку.

Статистика показываетъ, что эмиграція во всѣ времена въ значительной степени обусловливалась экономическими причинами, неурожаями, заработной платой и т. п.; воинская повинность являлась лишь второстепеннымъ факторомъ.

Въ 1892	году	выселилось				(неурожайные)	6.620	человѣкъ
» 1893	»	»				»	9.117	»
» 1894	»	»				»	1.380	»
» 1895	»	»				»	4.020	»
» 1896	»	»				»	5.185	»
» 1897	»	»				»	1.916	»
» 1898	»	»				»	3.646	»
» 1899	»	(неурожай	и	воин.		повин.)	12.075	»
» 1900	»	»	»	»		»	10.978	»
» 1901	»	»	»	»		»	12.583	»
» 1902	»	»	»	»		»	12.369	»
» 1903	»	»	»	»		»	9.280	»
» 1904	»	»	»	»		»	4.304	»

Надо прибавить еще, что еврейскіе эмигранты, выселившіеся изъ Россіи, также часто уѣзжали черезъ Ганге.

Говоря о состояніи финскаго народа, нельзя обойти быстро разростающагося въ Финляндіи соціальнаго вопроса, который въ скоромъ будущемъ обѣщаетъ оказаться богатымъ серьезными послѣдствіями. Для спеціальной агитаціи въ краѣ этого вопроса учреждены уже особые курсы. Для стачекъ устраивается особый сборъ денегъ. Съ пропагандой неразрывна, конечно, и политическая агитація.

Въ Финляндіи создались рабочіе союзы съ цѣлью содѣйствовать «благу рабочихъ и хозяевъ». Однако сліянія рабочихъ съ хозяевами пока еще не только не произошло, но, напротивъ, фабричная инспекція признала въ 1893 г., что «во многихъ мѣстностяхъ отношенія между хозяевами и рабочими очень напряжены». Кромѣ того, рабо-

чая партія составила резолюцію воспользоваться для проведенія своихъ интересовъ нынѣшними затрудненіями руководящихъ классовъ, т. е. капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Рабочіе, по объясненію одного изъ ихъ друзей, разсуждаютъ такъ: когда верхніе слои ощущаютъ давленіе съ какой-либо стороны, тогда обращаются съ воззваніемъ ко всему народу. Отсюда они дѣлаютъ тотъ выводъ, что судьба Финляндіи въ гораздо большей степени, чѣмъ вообще думаютъ, зависитъ въ настоящее время отъ того, какъ будутъ себя держать рабочіе. Несомнѣнно, что во взаимныхъ отношеніяхъ предпринимателей и рабочихъ за послѣдніе 10 лѣтъ произошли рѣзкія измѣненія. Еще въ началѣ 90-хъ годовъ на Финляндію указывали, какъ на страну, въ которой, не смотря на развитіе капитализма, удерживаются дружескія отношенія между хозяевами и рабочими и сохраняются прежніе мирные, патріархальные нравы.

Финляндскіе рабочіе, державшіеся въ сторонѣ отъ соціалистскаго и террористскаго движенія въ Россіи, въ послѣднее время вошли въ сношеніе съ русскими революціонерами, съ цѣлью совмѣстной борьбы противъ Самодержавія.

Почва для сближенія подготовлялась преимущественно нелегальною печатью. «Fria Ord» «(12 сентября 1902 г.) указала на то, что финляндскіе сепаратисты ищутъ общенія съ русскою революціонною партіею. «Такъ какъ поляки, малороссы, остзейцы, евреи и кавказцы не обладаютъ способностію собирать вокругъ себя остальныя племена, то наше финляндское содѣйствіе можетъ стать, и безъ сомнѣнія станетъ, большою цѣнностью для русской оппозиціи». Сближеніе между революціонными элементами состоялось и они не оставили уже безъ своего воздѣйствія финскихъ рабочихъ.

5 іюня (23 мая) 1904 г. устроена была въ Финляндіи замѣтная манифестація среди рабочихъ. Съ трибуны въ Дьюргорденѣ (около Гельсингфорса) читалась прокламація, въ которой говорилось: «Мы требуемъ отмѣны всѣхъ незаконныхъ распоряженій... Мы требуемъ уничтоженія диктаторскихъ правъ, предоставленныхъ генералъ-губернатору, возвращенія нашихъ изгнанныхъ согражданъ и созыва финляндскаго сейма... Мы требуемъ полной свободы собраній, рѣчи и печати... Долой произволъ и тиранію!»

«Долой Плеве и Бобрикова и помогающій имъ нашъ раболѣпный сенатъ». Послѣ сего свертки съ прокламаціями стали пролетать надъ головами собравшейся толпы.

Дальнѣйшею ступенью въ развитіи программы агитаторовъ явилось противодѣйствіе призыву. Въ этой области «тайный патріотическій союзъ» достигъ весьма значительныхъ успѣховъ. Призывъ 1901 года производился еще на основаніи стараго устава (1878 г.), но тѣмъ не

менѣе его не желали допустить, чтобы «не подготовить почву для введенія Самодержавія въ Финляндіи», какъ гласилъ протоколъ Боргоской сельской общины. Общины отказались отъ избранія членовъ въ призывныя по воинской повинности присутствія; финскіе военные врачи не пожелали свидѣтельствовать призывныхъ; агенты смуты шныряли среди населенія, отговаривая очередныхъ отъ явки въ присутствія, а тамъ, гдѣ населеніе тѣмъ не менѣе желало исполнить свою обязанность, руководителями противодѣйствія устраивались уличныя демонстраціи, съ цѣлью силою воспрепятствовать явкѣ въ присутствіе. На толпу воздѣйствовали летучими листками, подговорами, ложными слухами и были даже случаи раздачи (напримѣръ, въ Выборгѣ, Вильманстрандѣ и др. мѣстахъ) денегъ и дарового вина. Чтобы опорочить военную реформу, агитаторы говорили: по новому закону «всѣхъ васъ увезутъ въ Россію; тамъ васъ будутъ жестоко бить; тамъ васъ обратятъ въ греко-католическую вѣру; тамъ васъ научатъ воровать и пьянствовать; оттуда вы вернетесь калѣками» [340]). Въ народѣ, для ободренія, говорили еще «о какомъ-то русскомъ министрѣ, обѣщавшемъ будто-бы свое благословеніе! Датскій наслѣдный принцъ и почти всѣ великіе міра сего на нашей сторонѣ».

Число неявившихся къ призыву въ 1901 г. достигло 51%, въ 1902 г.—54%, въ 1903 г.—32%, и въ 1904 г. — призывъ прошелъ нормально. Въ послѣдніе два призыва, если принять во вниманіе неявившихся по законнымъ причинамъ (около 4%) и выѣхавшихъ въ Америку ранѣе призывнаго возраста, вмѣстѣ съ родителями (около 17%), то число умышленно уклонившихся приблизилось къ той нормѣ, которая вообще установилась въ Финляндіи.

Изыскивая дальнѣйшіе способы противодѣйствія, подпольные листки «Fria Ord» и «Maantaina» остановились на томъ, что «пасторы и уѣздные бухгалтеры—вотъ лица, которыя могутъ запутать все дѣло призыва» отказомъ составить призывные листки; они могутъ создать столь значительныя препятствія, что манифестъ нельзя будетъ привести въ исполненіе. «Произойдутъ такіе безпорядки, смуты и затрудненія, что, быть можетъ, въ концѣ концовъ, русскіе сами откажутся отъ всей этой затѣи. Наше сопротивленіе придется по сердцу тѣмъ вліятельнымъ лицамъ Имперіи», которыя не раздѣляли мнѣніе проводившихъ уставъ. Корреспондентъ стокгольмской «Dagens Nyheter», восторгаясь изобрѣтательностью членовъ кагала и происшедшими безпорядками, писалъ: «Дѣйствительное сопротивленіе началось только теперь и оно несомнѣнно причинитъ генералъ-губернатору и его сподвижникамъ еще много и много затрудненій» [341]).

Съ приближеніемъ каждаго новаго призыва, усиливалась пропаганда, учащались тайныя сходки и увеличивалась раздача подполь-

ныхъ изданій. Отъ призывныхъ отбирали подписку въ обязательствѣ не ходить къ призыву. Типографіи отказывались печатать, а газеты разсылать при своихъ нумерахъ списки призывныхъ. — Магистраты не соглашались отводить, а обыватели сдавать въ наемъ помѣщенія для призывныхъ присутствій, почему имъ приходилось засѣдать въ манежахъ, даже на казенномъ пароходѣ. Бывали случаи, когда коронный ленсманъ лично уговаривалъ военно-обязанныхъ не идти къ призыву, а вице-ландссекретарь отказывался скрѣплять и вести переписку по уставу о воинской повинности.

Весною 1903 года агитаторы послали каждому военно-обязанному по пакету, заключавшему до пяти брошюръ и прокламацій противъ призыва. Народу говорили, что «всѣхъ новобранцевъ пошлютъ въ Сибирь, а населеніе и молодежь обратятъ въ православіе. Всѣ учрежденія края будутъ уничтожены и всѣ жители говорить по-русски»[342]).

Призывъ 1902 г. ознаменовался значительными уличными безпорядками въ Гельсингфорсѣ, Выборгѣ и Таммерфорсѣ. Наибольшаго размѣра они достигли въ очагѣ смуты—Гельсингфорсѣ. 4-го апрѣля —въ первый день призыва—толпа, собравшаяся около гарнизоннаго манежа, стала осыпать бранью нѣкоторыхъ чиновъ полиціи, бросать въ нихъ камнями и льдинками, причемъ одинъ изъ констаблей былъ раненъ въ голову. На слѣдующій день толпа отъ 2 до 3-хъ тысячъ заполнила площадь передъ казармами л.-гв. 3-го Стрѣлковаго финскаго баталіона, гдѣ производился медицинскій осмотръ призываемыхъ. Здѣсь лица, подстрекаемыя интеллигентами, напали на жандарма и ранили помощника полиціймейстера кап. Максимова. Порядокъ возстановили конные полицейскіе. Толпа перешла на сенатскую площадь, гдѣ, руководимая вожаками, начала грозить полиціи и сенату. Когда бунтовавшіе сдѣлали попытку ворваться въ полицейское помѣщеніе, губернаторъ оказался вынужденнымъ прибѣгнуть къ помощи военной силы. На площадь прибыла сотня Оренбургскаго казачьяго дивизіона и очистила ее отъ народа, который удалился въ сосѣднія улицы или размѣстился на огромныхъ лѣстницахъ собора и сената. Прибытіе на площадь губернатора, ген.-м. М. Н. Кайгородова, было встрѣчено неистовыми криками и свистками. Въ улицахъ на казацкіе разъѣзды посыпались градомъ каменья, куски льда, полѣнья и пузырьки съ какою-то жидкостію, причемъ нѣсколько казаковъ были ушиблены и одинъ тяжело раненъ въ голову. Казаки прибѣгли тогда къ нагайкамъ. «Послѣднее обстоятельство вызвало неумѣстное вмѣшательство» въ распоряженія гельсингфорской власти, находившагося на площади абоскаго губернатора, ген.-м. фонъ-Кремера, за что ему впослѣдствіи былъ объявленъ Высочайшій выговоръ. Такъ какъ толпа не расходилась, то вытребованы были сперва двѣ роты 1-го Финляндскаго стрѣлковаго баталіона, а

около 8 час. веч. двѣ роты л.-гв. 3-го Стрѣлковаго финскаго баталіона. Однако, до прихода этихъ послѣднихъ, путемъ уговора, удалось нѣсколько успокоить волновавшуюся массу. Тѣмъ не менѣе, при возвращеніи казаковъ въ казармы, на нихъ были сдѣланы нападенія и въ одномъ мѣстѣ имъ пришлось проложить себѣ путь силою, причемъ двѣ лошади оказались ранеными. «Не смотря на вызывающее поведеніе толпы, ни холодное, ни огнестрѣльное оружіе въ ходъ пущено не было, благодаря чему водвореніе порядка обошлось безъ жертвъ»[343]).

Волненія продолжались 6 и 7 апрѣля, причемъ бунтовавшимъ удалось разгромить одинъ полицейскій участокъ. Губернаторъ обратился съ воззваніемъ къ жителямъ города, но его объявленія срывались съ домовъ. Слухи грозили новыми безпорядками. Чтобы предупредить ихъ, начальникъ края вызвалъ два баталіона изъ Вильманстранда и Выборга.

Дерзкое противодѣйствіе призыву оказали еще города Экенесъ и Ловиза, причемъ нѣкоторыхъ призывныхъ буквально удерживали силою, а другіе, заявивъ протестъ въ призывныхъ присутствіяхъ, удалялись демонстративно съ криками «ура».

Ни отъ себя, ни отъ другихъ генералъ-губернаторъ не скрывалъ печальнаго общаго положенія. «Финляндскія дѣла, по моему глубокому убѣжденію, идутъ все хуже и хуже», писалъ Н. И. Бобриковъ министру статсъ-секретарю (11 мая 1902 г.). Подъ давленіемъ силы, уличные безпорядки хотя и прекратились, но подпольная работа шведомановъ продолжаетъ развиваться въ увѣренности, что нахальная дерзость въ концѣ концовъ побѣдитъ русское миролюбіе. Высочайшій рескриптъ 7 апрѣля не произвелъ ожидаемаго на умы воздѣйствія... Отъ народа тщательно скрываются законныя распоряженія и, взамѣнъ того, въ изобиліи распространяются среди него подпольныя изданія самаго возмутительнаго содержанія. Народъ не знаетъ кого слушать и поневолѣ поддается стадному началу... Сравнительно за насъ финноманы, но зато они и преслѣдуются. Изъ среды ихъ нерѣдко появляются благоразумные голоса, но пока ихъ не слушаютъ».

Преслѣдовать неявившихся къ отбыванію воинской повинности представилось-бы напраснымъ трудомъ, такъ какъ суды стали политиканствовать. Въ Выборгѣ привлекли нѣсколько лицъ и судъ ихъ оправдалъ.

Сенатъ предписалъ гофгерихтамъ края представить списки подвѣдомственныхъ имъ лицъ, состоящихъ на службѣ и зачисленныхъ въ запасъ и ополченіе. Гофгерихты отвѣтили, что требованіе сената не будетъ исполнено, вслѣдствіе того, что уставъ о воинской повинности изданъ не въ порядкѣ основныхъ законовъ Финляндіи.

Примѣру гофгерихтовъ послѣдовала статсъ-контора въ Гельсинг-

форсѣ, которая «покорнѣйше донесла», что всѣ должны отбывать воинскую повинность и потому со стороны конторы не послѣдуетъ никакихъ распоряженій. Такимъ образомъ «финляндцы открыто обвиняли нашу государственную политику относительно Великаго Княжества въ несправедливости. Столь-же открыто они аппелировали общественному мнѣнію цивилизованнаго міра». Съ русской стороны совершалось яко-бы насиліе надъ нравственнымъ и матеріальнымъ правомъ цѣлаго народа. Финляндцы выставляли себя при этомъ народомъ, борющимся противъ насилія и отстаивающимъ свои нравственныя права, но внѣ всякой опоры матеріальной силы.

1 августа 1902 состоялось Высочайшее постановленіе о новомъ порядкѣ привлеченія должностныхъ лицъ къ судебной отвѣтственности. Сенатъ предписалъ гофгерихтамъ прекратить производившіяся у нихъ дѣла о служебныхъ преступленіяхъ. Абоскій гофгерихтъ отказался подчиняться Высочайшему повелѣнію и поручилъ гельсингфорскому ратгаузскому суду произвести публичное слѣдствіе по жалобѣ на Нюландскаго губернатора. Этимъ дѣйствіемъ гофгерихтъ призналъ себя выше закона. Такое своеволіе не могло остаться не наказаннымъ и 7 февраля 1903 г. Н. И. Бобриковъ писалъ В. К. Плеве. «Сопротивленіе Абоскаго и Выборгскаго гофгерихтовъ перешло границы всякаго приличія. Рѣшительный отпоръ ихъ своеволію окажетъ благотворное вліяніе на умиротвореніе края... Все, что высказываю въ перепискѣ вполнѣ раздѣляется сенатомъ и г. N придаетъ выдающееся значеніе отмѣнѣ во что бы то ни стало опроса свидѣтелей по дѣлу Нюландскаго губернатора, назначенное въ гельсингфорскомъ ратгаузскомъ судѣ 13 (26) сего февраля»...

67-лѣтній президентъ Абоскаго гофгерихта, т. сов. Стренгъ, не примкнулъ къ оппозиціи и за это его (въ февралѣ 1903 г.) встрѣтили въ Гельсингфорсѣ свистками, криками «измѣнникъ» и разными ругательствами. Въ гостинницѣ ему отказали въ нумерѣ. Подобная же безобразная уличная сцена повторилась съ нимъ въ Або, гдѣ къ манифестаціи привлечена была учащаяся молодежь.

«Дѣло дошло до того, что на предписаніе генералъ-губернатора (12 ноября 1902 г.) всѣми законными способами содѣйствовать успѣшному призыву, четверо губернаторовъ (ф.-Кремеръ, Мункъ, Фуругельмъ и Бьернбергъ) отвѣтили прямымъ и рѣзкимъ отказомъ». Они донесли, что «злополучный» уставъ о воинской повинности 1901 г. «не есть законъ», почему финскій народъ «не считаетъ себя обязаннымъ подчиниться ему», а они, губернаторы, не хотятъ штрафами и иными «средствами насилія» побуждать его къ исполненію и противодѣйствовать тому чувству, который «у народа таится въ груди». По ихъ мнѣнію, неуспѣхъ призыва 1902 г. объясняется, слѣдовательно, не

подстрекательствомъ, а правовымъ сознаніемъ народа[341]). Губернаторовъ уволили безъ пенсій.

Чтобы пылъ финляндцевъ къ противодѣйствію не остылъ, руководители подогрѣвали его резолюціями, выработанными на тайныхъ сходкахъ. Въ концѣ октября (12 ноября) 1902 г. въ Гельсингфорсѣ состоялась сходка 235 сторонниковъ «пассивнаго сопротивленія». Собраніе носило вполнѣ революціонный характеръ. Постановлено было съ упорствомъ и энергіей пробуждать въ широкихъ народныхъ слояхъ сознаніе необходимости пассивнаго сопротивленія. «Если новый порядокъ въ краѣ установится безъ всякаго затрудненія,—говорили руководители сходки,—то исчезнетъ всякая возможность избавиться отъ него въ будущемъ». Пассивнымъ сопротивленіемъ желали «поддержать въ странѣ конфликтъ, и, образумивъ имъ властей, заставить ихъ перемѣнить политику». Весьма характерно, что въ своемъ рѣшеніи крамольники сами дважды упомянули о несолидарности съ ними народа, который они рѣшили поэтому усиленной агитаціей вовлечь въ революціонное броженіе.

За этой сходкой послѣдовали другія (всего до 30) въ уѣздныхъ городахъ, которыя приняли резолюціи гельсингфорскихъ руководителей.

На съѣздѣ въ Лахтисѣ собирались «многочисленные юристы г. Гельсингфорса», и при томъ «absolut confidentielt». Приглашеніе разослано было отъ отставного капитана, звавшаго ихъ якобы къ себѣ на обѣдъ. Съѣхалось около 200 лицъ, которые обсуждали, между прочимъ, проектъ учрежденія особаго третейскаго суда, куда хотѣли ввести членовъ, уволенныхъ изъ гофгерихтовъ. Проектъ разработалъ бывшій сенаторъ.—Агитаторы имѣли въ виду создать свой судъ, постановленный внѣ зависимости отъ правительства и содержимый на средства, собранныя для пассивнаго сопротивленія.

18 декабря 1902 г. Николай Ивановичъ въ письмѣ къ В. К. Плеве сообщалъ, что «агенты свекомановъ разъѣзжаютъ по краю и, пользуясь сочувствіемъ мѣстной администраціи, устраиваютъ сходки и постепенно растравляютъ народъ. Сборища достигали въ отдѣльныхъ случаяхъ до 200 чел. и состоялись уже въ Кексгольмѣ, Або, Нейшлотѣ, Николайштадѣ и пр. на глазахъ безмолвной полиціи. Здѣсь ежедневно распространяется все новый и новый слухъ, одинъ другого нелѣпѣе, но все-таки способный оказать свое вредное вліяніе. Теперь Н. А. Мясоѣдовъ доноситъ, что въ Выборгской губ. распространяется слухъ о томъ, что Государь отмѣнитъ въ Финляндіи воинскую повинность и отзоветъ меня, если предстоящій призывъ пройдетъ неудовлетворительно».

Противъ правительственныхъ требованій революціонеры дѣйствовали системой обширнаго и пассивнаго сопротивленія, первыя идеи

котораго развивались въ статьяхъ шведомановъ бароновъ ф.-Борна и проф. Р. Вреде. Такъ какъ со стороны финляндцевъ сила не примѣнялась, то они признавали себя стоящими на законной почвѣ. Такое воззрѣніе едва-ли правильно. Пассивное сопротивленіе огромнаго количества населенія, напримѣръ, при неявкѣ къ призывамъ, само по себѣ есть уже фактъ матеріальнаго отпора. Система пассивнаго сопротивленія развивалась и наслаивалась исподволь, по мѣрѣ предъявленія новыхъ русскихъ требованій. Разными обходными путями финляндцы хотѣли отдѣлаться отъ русской почтовой марки, чиновники разными способами избѣгали русскаго языка въ перепискѣ, судьи придумывали предлоги для освобожденія отъ законной кары виновныхъ и т. д. Тѣ преступные совѣты, которые нельзя было высказать въ открытой печати, развивались въ подпольныхъ листкахъ и изданіяхъ, среди которыхъ первое мѣсто заняли брошюра «Народный Катехизисъ» и газета «Frïa Ord».

Агитація велась самымъ оживленнымъ образомъ интеллигентными классами и подъ ихъ вліяніемъ проникала въ народъ. Намъ пришлось прочесть исторію преступной дѣятельности агитаціи въ одномъ финляндскомъ приходѣ. Агенты кагала раздавали въ немъ брошюры революціоннаго содержанія, распространяли слухи о благопріятныхъ для Финляндіи политическихъ комбинаціяхъ и подстрекали къ непослушанію, увѣряя народъ, что «генералъ-губернаторъ не въ состояніи ничего сдѣлать господамъ». Субсидіи «господъ» дали возможность устроить въ приходѣ тайное стрѣльбище и распространить, путемъ льготной продажи, немало ружей... Долгіе годы систематической пропаганды идеи сепаратизма въ школахъ, редакціяхъ, семьѣ и даже въ церкви не прошли безслѣдно: почва была подготовлена и теперь одинъ вызовъ власти слѣдовалъ за другимъ. Отъ манифестацій перешли къ жалобамъ, протестамъ и, наконецъ, къ противодѣйствію, когда удалось привлечь къ дѣлу часть народа. Толпа ничего сама не начинаетъ; безъ вожаковъ она представляетъ тѣло безъ головы. Безъ вожаковъ масса самостоятельно двигаться не можетъ. Масса не разсуждаетъ. Она все принимаетъ на вѣру. Слово «свобода» всегда имѣетъ для народа магическое значеніе. Указаніе на «насиліе» всегда электризуетъ его. Чувство законности не умираетъ въ его груди. Эти старыя струны были хорошо извѣстны агитаторамъ и они старались ихъ натянуть и настроить на свой ладъ. И, наконецъ, мысль, что народъ дѣйствуетъ самъ, что ему предоставляется самостоятельно что-то сдѣлать всегда льститъ ему. Все это подымало общее настроеніе и масса шла къ подписнымъ листамъ адресовъ-протестовъ и обходила призывныя присутствія, желая избавиться отъ тяжелой повинности, отрывавшей ее отъ дома.

Одна заграничная газета, приведя примѣры пассивнаго сопротивленія, увольненія чиновниковъ и пр., говорила: «Являя такое упорство, Финляндія тѣмъ самымъ давала Россіи поводъ съ особенной энергіей осуществлять свои планы руссификаціи въ финскомъ краѣ. Пожалуй, даже и въ случаѣ большей уступчивости со стороны финляндцевъ, Россія не измѣнила бы своей политики, но русскіе, все же, не дѣйствовали-бы съ такой быстротой и настойчивостью; можно возложить на отвѣтственность дѣятелей оппозиціоннаго направленія тѣ успѣхи, которыхъ достигла до сихъ поръ Россія. Напрасно стремится финляндская печать представить дѣло въ болѣе выгодномъ для финляндцевъ освѣщеніи. Не зачѣмъ скрывать, что пресса часто подливала масла въ огонь въ тѣхъ случаяхъ, когда сдержанность была бы скорѣе умѣстна». Другая иностранная газета писала: «Финляндія имѣла основаніе быть довольной, но таковой она все-же не была: самыми ребяческими выходками въ ней раздражали и затрогивали самолюбіе русскихъ» [345]).

Когда началась японская война, подпольные элементы края ожили. Особенно воспрянули духомъ административно выселенные въ Стокгольмѣ. Они взялись за перья и полились новые потоки лжи и грязныхъ изліяній по европейской печати. Ихъ надежды сводились къ тому, что насталъ часъ возмездія для Россіи! Война окончится освобожденіемъ финновъ отъ русскаго ига. Въ статьѣ «Начало конца» говорилось, что «занавѣсъ поднялся навѣрное для послѣдняго акта трагедіи царства». Въ подпольныхъ изданіяхъ утверждали, что въ Америкѣ организованы изъ финновъ отряды въ 50000 человѣкъ, что Англія, Америка и Швеція помогутъ финнамъ освободиться отъ «варварскаго владычества Россіи».

«Fria Ord» 22 февраля 1904 года напечатала, что генералъ-губернаторъ Бобриковъ посѣтилъ Свеаборгъ и держалъ офицерамъ рѣчь объ отечествѣ, чести и усиленномъ окладѣ въ военное время. Онъ поощрялъ офицеровъ ѣхать въ восточную Азію. «Но ни одинъ не изъявилъ желанія». Основываясь якобы на вышеизложенномъ, Бобриковъ телеграфировалъ въ Петербургъ «о необыкновенномъ подъемѣ духа среди коренныхъ русскихъ въ краѣ». Прочтя всѣ эти измышленія, Николай Ивановичъ отмѣтилъ карандашемъ: «Годъ не былъ въ Свеаборгѣ».

Едва вѣсть о войнѣ разнеслась по свѣту, какъ бывшій сотрудникъ шведоманской газеты «Nya Pressen», Конни Цилліакусъ, выпустилъ листокъ «Новости войны». Цензура — писалъ Цилліакусъ — будетъ держать общество въ неизвѣстности, почему онъ обѣщалъ доставлять Финляндіи самыя достовѣрныя свѣдѣнія. Для начала онъ

спѣшилъ оповѣстить финляндцевъ о полномъ разгромѣ русскаго флота. Онъ увѣренъ, что неудача русскаго оружія вызоветъ измѣненіе русской политики на финляндской окраинѣ. «Съ оружіемъ въ рукахъ мы не можемъ вмѣшаться въ ходъ событій и ускорить ихъ развитіе; но если мы тщательно будемъ за ними слѣдить, то мы можемъ выбрать настоящій моментъ для предъявленія нашихъ требованій»... Послѣ вѣроломнаго нападенія японцевъ на наши суда у Портъ-Артура, по Финляндіи циркулировала телеграмма такого содержанія: «Русскій флотъ уничтоженъ. Крѣпость въ пламени. Въ Петербургѣ большой переполохъ». Патріотическія манифестаціи, бывшія въ разныхъ городахъ Россіи, финляндскіе корреспонденты скандинавскихъ газетъ описали, какъ дѣло полиціи, дѣйствовавшей по приказанію министра внутреннихъ дѣлъ.—Воззванія агитаторовъ въ это время сводились къ напоминанію: «Друзья! бдите день и ночь, чтобы пріобрѣсти однимъ ударомъ свободу»[346]).

Кое-гдѣ въ краѣ не обошлось безъ пирушекъ и ликованій въ надеждѣ на японскую побѣду. На донесеніи объ этомъ Н. И. Бобриковъ приписалъ сбоку: «Это все представители шведомановъ».

На вопросъ о томъ, почему финляндскіе революціонеры особенно обрадовались русско-японской войнѣ, отвѣтилъ особой статьей редакторъ нелегальнаго изданія «Fria Ord» Арвидъ Неовіусъ (псевдонимъ А. Вернеръ). Его статья «Передъ войной» начинается обвиненіями Россіи въ томъ, что она вызвала осложненія. Затѣмъ слѣдуетъ его заявленіе, что «никто не будетъ оплакивать ея потерь», и что «надо желать, чтобы Россія потерпѣла полное пораженіе, какъ можно скорѣе». «Но какое-же значеніе эта война будетъ имѣть для нашей страны?» — спрашиваетъ онъ. «Надо,—говоритъ авторъ,—пользуясь обстоятельствами, не только не идти на уступки, а съ удвоенными силами добиваться возстановленія нарушенныхъ правъ Финляндіи и вырвать «гарантію относительно дальнѣйшаго существованія этихъ правъ». Наведя справки въ исторіи послѣдняго полувѣка, онъ пришелъ къ тому выводу, что «русское правительство никогда такъ не старалось идти навстрѣчу нашимъ желаніямъ и нуждамъ нашей автономіи, какъ во время войны и разныхъ мятежей». А. Вернеръ, очевидно, имѣлъ въ виду, что въ періодъ польской смуты были возобновлены финляндскіе сеймы, что во время послѣдней восточной войны (1877—1878 гг.) финляндцы провели свой уставъ о воинской повинности съ конституціонными вставками, перешли къ золотой валютѣ, измѣнили вѣрноподданническую присягу и прочее.

Радуясь войнѣ, иные надѣялись на возможность осложненій между Швеціей и Россіей, во время которыхъ Финляндія, быть можетъ, будетъ возвращена въ братскія объятія скандинавовъ. Вотъ отрывокъ изъ шведской газеты «Fäderneslandet» (№ 15). «....На дняхъ я не-

чаянно столкнулся съ другомъ... Въ патріотическомъ раздраженіи онъ билъ объ столъ кулаками и кричалъ: «Шведы настоящіе сапожники! Они не пользуются случаемъ напасть на русскихъ въ то время, когда тѣ терпятъ пораженіе за пораженіемъ. Теперь или никогда! Если мы имѣли бы хоть немного прежней отваги, то настало самое удобное время захватить русскихъ врасплохъ. Ихъ флотъ почти весь истребленъ, а войска высланы въ Восточную Азію, ежели не замерзли въ степяхъ Сибири. Намъ не слѣдуетъ упускать этого удобнаго случая, а бомбардировать Петербургъ и отобрать Финляндію»...

Противоправительственное движеніе, охватившее всѣ слои общества и распространившееся по всему краю, не могло, конечно, долго удержаться въ предѣлахъ «пассивнаго сопротивленія» и постепенно стало переходить въ сопротивленіе активное и даже въ явно революціонное. Впервые стремленія къ активному противодѣйствію были раскрыты процессомъ сенатора В. Шаумана, бывшаго генерала генеральнаго штаба.

Разборъ дѣла начался чтеніемъ обвинительнаго меморіала, составленнаго адвокатъ-фискаломъ и представленнаго въ абоскій гофгерихтъ. Изъ этого документа видно, что во время обыска, произведеннаго полиціею въ квартирѣ подсудимаго 4 (17) іюня 1904 г., въ день кончины финляндскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Н. И. Бобрикова, убитаго сыномъ подсудимаго, Евгеніемъ Шауманомъ, помимо цѣлаго ряда книгъ и брошюръ революціоннаго содержанія, былъ найденъ, вложенный въ книгу «Finlands Grundlagar», собственноручно написанный бывшимъ сенаторомъ Шауманомъ планъ устройства по всей Финляндіи тайныхъ боевыхъ стрѣлковыхъ обществъ слѣдующаго содержанія:

«Весь нашъ общественный строй и всѣ основные столбы сметаются, происходитъ разрушеніе, имѣющее цѣлью привести нашъ народъ въ состояніе совершенной безпомощности. Такимъ образомъ хотятъ отнять у него всякую способность сопротивленія и ввести состояніе беззаконія, при которомъ останется лишь господство своеволія власть имущихъ.

«Наша старая культура должна быть уничтожена, а самихъ насъ хотятъ возвратить къ варварству.

«Мы не должны, однако, считать себя погибшими, ибо если мы погрузимся въ апатичное и рабское подданство, то сами нанесемъ себѣ смертельный ударъ.

«Самосознаніе народа слѣдуетъ всѣми средствами поддерживать, такъ какъ мы должны быть готовы и съ полнымъ самосознаніемъ

встрѣтить тотъ день, когда законъ и правда снова окажутся побѣдителями. Тотъ, кто претендуетъ на пользованіе правами свободнаго человѣка, никогда не долженъ чувствовать себя беззащитнымъ, такъ какъ чувство полной беззащитности усыпляетъ и ведетъ къ рабскому подчиненію. Если мы не имѣемъ тѣхъ средствъ защиты, которыя даетъ нашъ на законахъ основанный правовой порядокъ, то намъ слѣдуетъ изыскать другія средства.

«Наше право оскорблено и мы предоставлены неотвѣтственному генералъ-губернатору и полному своеволію его послушныхъ орудій. Вслѣдствіе послѣднихъ обнародованныхъ постановленій мы фактически лишены всякой законной безопасности жизни, чести и имущества.

«Настало, слѣдовательно, время, когда мы сами должны взяться за защиту самихъ себя и нашихъ семей.

«Къ несчастію, мы въ настоящее время черезъ чуръ слабы, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ сбросить иго и отомстить за беззаконіе. Мы лишены средствъ къ этому и должны преклониться передъ этимъ фактомъ. Но приближается время и, если Господь захочетъ, то оно и не далеко, когда намъ уже не придется страдать и терпѣть, такъ какъ и въ Россіи самодержавная власть сдѣлалась ненавистной и тѣ средства, которыми теперь она поддерживается, ускорятъ ея паденіе. Къ этому времени мы должны приготовиться. Мы должны вселить нашему народу сознаніе, что ему не слѣдуетъ въ то время стоять обезоруженнымъ и что нашъ долгъ тогда, по мѣрѣ способности, содѣйствовать низверженію тиранства. Надежда на то, что такое время настанетъ и забота о томъ, чтобы тогда оказаться достойными сынами своей страны, должна во время промежуточной тьмы поддержать храбрость нашего народа и усилить его любовь къ отечеству. Чтобы достичь этой цѣли, каждый человѣкъ, способный носить оружіе, долженъ въ этомъ отношеніи упражняться въ стрѣльбѣ пулей. Это достигается устройствомъ стрѣлковыхъ артелей во всей странѣ, въ каждой деревнѣ, при каждомъ промышленномъ предпріятіи. Руководителями и инструкторами должны приниматься опытные въ дѣлѣ и, въ смыслѣ любви къ отечеству, вполнѣ надежные люди, желательнѣе всего изъ рядовъ нынѣ расформированныхъ войскъ. Стрѣлковыя артели не должны имѣть между собою непосредственной связи, но быть въ сношеніи съ однимъ общимъ центромъ; такимъ образомъ, чтобы артели одной общины посредствомъ своего руководителя связывались съ однимъ въ общинѣ выбраннымъ повѣреннымъ, эти же въ свою очередь съ однимъ стоящимъ во главѣ отъ нѣсколькихъ сосѣднихъ общинъ избраннымъ повѣреннымъ, а эти послѣдніе чтобы сносились съ губернскими повѣренными, которыхъ можетъ быть одинъ или два въ каждой губерніи. Губернскіе же повѣренные корреспондируютъ съ центральнымъ комите-

томъ, состоящимъ изъ четырехъ, самое большее изъ пяти человѣкъ, подъ руководствомъ одного предсѣдателя.

«Обязанности повѣренныхъ слѣдующія:

. . . . . .

«Обязанности центральнаго комитета слѣдующія:..

. . . . . .

На этомъ закончилась найденная у Шаумана часть плана организаціи, направленной къ сверженію русскаго ига.

Поясняя мысли Шаумана, его защитникъ, бывшій сенаторъ баронъ Лангеншельдъ, писалъ: Шауманъ «въ своемъ карандашномъ наброскѣ, по изложеніи общаго политическаго положенія въ Финляндіи, указалъ на наше безсиліе въ настоящее время вынудить свои права... а затѣмъ отложилъ наше содѣйствіе завоеванію права и свободы впредь до той предсказываемой всѣмъ цивилизованнымъ міромъ минуты, когда въ Россіи съ неукротимой силой проявится требованіе иной формы правленія». Тогда финнамъ, какъ достойнымъ сынамъ страны, надо быть въ состояніи дѣйствовать. «Для достиженія этой цѣли надо было распространить искусство стрѣльбы, путемъ устройства повсемѣстно въ странѣ стрѣлковыхъ обществъ».

Изложивъ это поясненіе по документу адвоката, «Финляндская Газета» (1904 г., № 168) прибавляетъ: «Нельзя ярче подчеркнуть революціонный характеръ задуманной Шауманомъ организаціи».

Самъ Шауманъ заявилъ суду, что «писалъ набросокъ, какъ пишутъ вообще, когда не взвѣшиваютъ словъ». Съ яркой характеристикой Шаумана, вытекающей изъ его собственноручной записки, интересно сопоставить нѣсколько строкъ письма Н. И. Бобрикова, написаннаго еще 12 ноября 1899 г. къ В. К. Плеве: «Начальника милиціонной экспедиціи Шаумана полагалъ бы не трогать, такъ какъ онъ злой врагъ Россіи».

«Шауманъ не одинъ. Въ бумагахъ доктора философіи Юліуса Люлю (въ Выборгѣ) найденъ подпольный циркуляръ, тождественный съ набросками Шаумана и указывающій на центральный и областные комитеты. Люлю, какъ и Шауманъ, своимъ циркуляромъ имѣлъ цѣлью возбудить ненависть къ существующей системѣ (русскаго) управленія, вызвать любовь къ стрѣльбѣ и снабдить населеніе оружіемъ, дабы финскому народу «не стоять при случаѣ безъ всякой защиты легкой добычей врага».

Люлю дѣйствовалъ подъ покровомъ большой тайны. Съ нимъ вели большую переписку дѣятели движенія въ краѣ. Люлю приглашался на разныя тайныя совѣщанія въ Улеоборгъ, Таммерфорсъ и Гельсингфорсъ. Къ нему обращались за высылкой брошюры «Какъ защищали право Финляндіи». Онъ состоялъ, наконецъ, въ сношеніяхъ съ темными элементами Россіи.

Люлю находился въ Берлинѣ въ то время, когда ему сообщили объ обыскѣ его бумагъ. Узнавъ объ этомъ, Люлю немедленно покончилъ съ собой самоубійствомъ въ Тиргартенѣ. Прахъ привезли въ іюнѣ 1903 года въ Выборгъ и похоронами воспользовались для новой манифестаціи. На могилу возложили до 150 вѣнковъ. Рѣчи отличались особой несдержанностію. Въ нихъ говорилось, что Люлю палъ жертвою «нашихъ угнетателей». «Но не падайте духомъ, непреклонно боритесь, настанетъ еще время, когда мы побѣдимъ своихъ угнетателей и изгонимъ ихъ изъ нашего края».

Дѣло Шаумана не могло, конечно, пройти незамѣченнымъ для иностранныхъ изданій и они высказались о немъ весьма опредѣленно. «National Zeitung» было того мнѣнія, что «результатъ перваго засѣданія абоскаго гофгерихта является формальнымъ опроверженіемъ ошибочныхъ взглядовъ, распространяемыхъ въ Европѣ финляндскими агитаторами, которые изображаютъ себя жертвами неправомѣрнаго угнетенія... Дѣло Шаумана является убійственнымъ обвиненіемъ шведоманскихъ агитаторовъ (ноябрь 1904 г.). «Berliner Tageblatt» обратилъ вниманіе на то, что планъ Шаумана вышелъ далеко за предѣлы его кабинета. «Правительствомъ найденъ у нѣкоего доктора философіи Люлю выработанный Шауманомъ планъ возмущенія Финляндіи противъ Россіи, который, во всякомъ случаѣ, заставляетъ задуматься, ибо подобныя вещи ради шутки не вырабатываются. Сверхъ того, найденъ планъ организаціи тайныхъ стрѣлковыхъ обществъ, назначеніе которыхъ было произвести вооруженное возстаніе противъ Россіи... Сынъ Шаумана, Евгеній, убійца генерала Бобрикова, велъ переговоры съ шведскими фирмами о поставкѣ ружей и патроновъ, тогда какъ его братъ, Павелъ, въ своихъ письмахъ открыто говорилъ о предстоящемъ возстаніи въ Финляндіи».

«Предсѣдатель отдѣла гофгерихта, разбиравшаго дѣло Шаумана и адвокатъ-фискалъ получили угрожающія письма, въ которыхъ имъ указывали, какъ дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ, если они желаютъ избѣгнуть мести».

Шаумана, содержавшагося подъ предварительнымъ арестомъ, отпустили на свободу и онъ поѣхалъ въ Гельсингфорсъ, гдѣ многотысячная городская интеллигенція устроила ему—обвиняемому въ государственной измѣнѣ и отцу убійцы Н. И. Бобрикова — шумныя овація на улицахъ и дома!

По прошествіи нѣкотораго времени, судъ оправдалъ В. Шаумана, въ виду того, что за мысли законъ не караетъ. Но значеніе его записки не измѣнилось. Она удостовѣряетъ, что онъ носился съ мыслію создать боевыя стрѣлковыя общества для борьбы съ русской властью.

Въ корреспонденціяхъ изъ Гельсингфорса въ иностранныя газеты

изрѣдка продолжали попадаться свѣдѣнія о томъ, что сыновья лучшихъ финляндскихъ семействъ образовали тайный союзъ, съ цѣлью устраненія высшихъ русскихъ чиновниковъ, что производился яко-бы ввозъ оружія въ Финляндію, что финляндцы надѣются, при наступленіи ожидаемой общей катастрофы въ Россіи, быть готовыми къ возстанію и т. п. [347]).

Картина перехода финляндскихъ агитаторовъ отъ пассивнаго къ активному противодѣйстію была пополнена разслѣдованіями по тѣмъ политическимъ убійствамъ, которыя быстро послѣдовали другъ за другомъ въ Финляндіи.

Криминалъ-комиссаръ гельсингфорской полиціи, изслѣдовавъ дѣло по обвиненію Карла Хогенталя въ убійствѣ прокурора сената Іонсона (Сойсалонъ-Сойнининенъ), пришелъ къ заключенію, что убійства генералъ-губернатора, прокурора сената и покушеніе на жизнь Выборгскаго губернатора, явились послѣдствіемъ продолжительной агитаціи противъ правительства въ Финляндіи и Россіи.

Въ подтвержденіе своего положенія онъ привелъ длинный рядъ фактовъ и соображеній. Февральскимъ манифестомъ, писалъ онъ, воспользовались для возбужденія недовольства къ правительству и разъяснили его въ большинствѣ иностранныхъ газетъ умышленно, какъ coup d'état.

Для того, чтобы «дѣйствовать на общественное мнѣніе заграницей», а на самомъ дѣлѣ, въ цѣляхъ возбужденія въ Финляндіи оптимистическихъ представленій о заграничныхъ симпатіяхъ къ финляндской политикѣ сопротивленія, уже съ 1899 года стали тратить большія суммы собранныхъ денегъ на иностранныя газеты, чтобы имѣть возможность помѣщать въ нихъ агитаторскія статьи.

Въ 1899 г. въ Стокгольмѣ стали издавать «Отголоски изъ Европы» (Kaikuja Europasta). Съ августа 1900 г. приняты были мѣры къ подготовленію изданія «Fria Ord», которому первоначально вмѣнялось въ обязанность развивать противодѣйствіе законнымъ путемъ и при помощи законныхъ средствъ.

«Fria Ord» пріобрѣла большую власть надъ умами въ Финляндіи и это объясняется тѣмъ, что въ краѣ «относились сравнительно безъ критики ко всякаго рода политической агитаціи» и смотрѣли съ упованіемъ «на всякое предпріятіе съ патріотическимъ именемъ». «Fria Ord» говорила отъ имени финскаго народа и именемъ шведоманской партіи. И партія эта никогда не возразила. Выпуски «Fria Ord» составлялись подъ руководствомъ Конни Цилліакуса, а затѣмъ переводились на финскій языкъ и распространялись заботами Эро Эркко, подъ названіемъ «Свободные Листки» (Vapaita Lehti). Въ теченіе 1902 и 1903 гг. въ Стокгольмѣ издавались еще «Новости Недѣли»

(Veckans Nyheter). Съ 1903 г. во главѣ «Fria Ord» сталъ высланный д-ръ Арвидъ Вернеръ Неовіусъ.

Произведенія русскихъ анархистовъ и соціалистовъ переводились и рекламировались въ «Fria Ord», причемъ старались убѣдить своихъ читателей, что будущность Финляндіи зиждется на ближайшемъ союзѣ съ русскими революціонерами. Свѣдѣнія о русскомъ революціонномъ движеніи старались также распространить среди финляндцевъ. Кромѣ того, руководители подпольнаго листка старались объединить оппозиціонные элементы и выставить для нихъ одну общую программу.

Нѣсколько лѣтъ назадъ армянская газета «Дрошакъ» («Знамя»), издававшаяся въ Лондонѣ, призывала наши окраины сплотиться противъ общаго врага—Россіи. Особенно ласково газета взывала къ финляндцамъ, обнаруживъ среди нихъ недовольство реформами послѣдняго времени. «У насъ съ вами одна задача, уничтожить этого врага», интересы финновъ и армянъ тождественны: насъ притѣсняютъ, мы терпимъ отъ русскихъ всякія насилія. Кто же желаетъ своей гибели? «Конечно одной Финляндіи, или одной Польшѣ, или однимъ армянамъ ничего не сдѣлать, но соединенныя силы всѣхъ насъ представятъ собою нѣчто такое, что заставитъ Россію преклониться передъ нашими грозными требованіями».

Эта мысль была воспринята финляндцами. Ихъ газета «Fria Ord», печатающаяся въ Стокгольмѣ, выступила съ подобнымъ же воззваніемъ въ статьѣ «Русская оппозиція и будущность Финляндіи». Авторъ этого воззванія говоритъ, что Финляндія до сихъ поръ боролась собственными силами, но сознаетъ теперь, что ихъ у нея недостаточно. «Насъ поддерживало одобреніе всего цивилизованнаго міра, высказанное его передовыми носителями культуры». «Разсчитывать на политическое созвѣздіе такого рода, чтобы оно вернуло намъ не только то, что мы потеряли, но и дало бы намъ также гарантію для будущаго—это значило бы строить воздушные замки. Нѣтъ, мы не можемъ разсчитывать на сильныхъ міра, намъ помогутъ лишь малыя наши тысячи, братья по несчастію». Кто же эти братья? Люди разныхъ національностей, вошедшихъ въ составъ Россіи: «поляки, малороссы, жители Остзейскаго края, евреи, кавказцы—всѣ эти національности въ одинаковой степени, какъ и либеральные элементы между великороссами»...

Финляндцы,—продолжаетъ авторъ разсматриваемой статьи,—воздерживались до сихъ поръ отъ соединенія съ русской оппозиціей. Одна изъ причинъ, по коей они сторонились ея, «нерѣшительность, происходившая отъ сомнѣній въ возможности оказать существенную поддержку оппозиціонному движенію въ Россіи». Однако, обдумавъ новый планъ противоправительственнаго дѣйствія и взвѣсивъ всѣ шансы, авторъ пришелъ къ тому заключенію, что, напротивъ, финляндцы не

только могутъ оказать большую помощь русской оппозиціи, но даже встать во главѣ ея и объединить всѣ разрозненныя ея группы.

Изученіе оппозиціоннаго движенія въ Россіи привело финляндскихъ агитаторовъ къ убѣжденію, что у этой оппозиціи нѣтъ общей прочной организаціи. «Въ виду сего финляндское содѣйствіе можетъ стать, и безъ сомнѣнія станетъ, большою цѣнностью для русской оппозиціи. Мы имѣемъ общественный строй, составляющій органически развитое, крѣпко сплоченное цѣлое. Намъ не нужно заново основывать, а лишь сохранить возможность продолжать свободно строить на имѣющейся почвѣ. Намъ не нужно водворять новый общественный порядокъ, между нами не могутъ возникнуть различія во мнѣніяхъ о томъ, что мы можемъ и должны требовать. Поэтому для насъ нѣтъ препятствій выставить ясную и твердую программу». Національностямъ, принадлежащимъ теперь Россіи, «должно быть предоставлено самимъ рѣшать, по ихъ усмотрѣнію», собственныя ихъ дѣла и установить у себя новый свободный общественный строй.

«Настало время соединиться оппозиціоннымъ элементамъ». Должна быть составлена общая программа, вокругъ которой могла бы собраться вся оппозиція Россіи; надо поставить одну цѣль для совмѣстныхъ стремленій.

«Въ Финляндіи мы враговъ не имѣемъ; нашъ врагъ въ Россіи и мы сумѣемъ стать ядромъ, вокругъ котораго соберутся остальные оппозиціонные элементы; мы можемъ способствовать къ организаціи силъ, къ составленію практически выполнимой программы и плана общей политической работы».

Послѣ смерти статсъ-секретаря Плеве связь между русскими революціонерами и финляндской оппозиціей становится все яснѣе и интимнѣе.

Не разъ говорилось, что пассивное сопротивленіе ведется лишь, пока активное еще не сдѣлалось возможнымъ. Названіе «пассивное сопротивленіе»,—сожалѣла редакція,—неудачно выбрано. Исправляло оно дѣло заявленіемъ, что пассивное сопротивленіе не исключаетъ дѣйствія.

Финляндскому сенату «Fria Ord» пытался внушить, что его задача должна состоять въ оппозиціи Монарху (18 іюля 1901 г.), и что сенатъ, съ прокуроромъ во главѣ, долженъ взять на себя руководство сопротивленіемъ. Говорилось о томъ, что лучшаго времени возможно ожидать лишь тогда, когда въ Россіи произойдетъ перемѣна системы. Тутъ же доказывался вредъ единодержавія и необходимость его сверженія. Въ утѣшеніе прибавлялось, что «часъ спасенія — великій день правосудія и мести—можетъ настать каждую минуту». Оппозиція стремилась, слѣдовательно, къ упраздненію единодержавія. «Монархическій духъ долженъ быть истребленъ» (іюнь 1903 г.).

Статьи «Fria Ord» отличались грубостію, разнузданностью и безумной злобой. Въ ноябрѣ 1902 г. газета писала: Пусть негодованіе гражданъ и народа постигнетъ прежде всего нашихъ русскихъ палачей, Бобрикова и Плеве... Пусть наши сенаторы примутъ въ соображеніе, что государственная измѣна получаетъ свое наказаніе... Пусть нашимъ лозунгомъ будетъ—на тиранновъ! Къ народу редакція обращалась съ воззваніемъ «прибѣгнуть къ кулачному праву»; она напоминала о чествованіи на зарѣ вѣковъ финскаго ножа; она призывала, наконецъ, къ «освободительной работѣ».

Уже 5 ноября 1902 г. въ «Fria Ord» велась рѣчь о томъ, что господа Плеве и Бобриковъ за свои дѣянія должны быть постигнуты праведнымъ судомъ.

«Fria Ord» доказывала, что есть разница между рабскимъ повиновеніемъ и вѣрноподданническою преданностію свободнаго гражданина, которая можетъ требовать даже сопротивленія и мятежа противъ власти.

Несомнѣнно, что диктаторскія статьи «Fria Ord» сильно вліяли на молодые умы. «Fria Ord» дороже золота за многія свои статьи—опредѣлилъ убійца прокурора сената и тѣмъ установилъ значеніе этого нелегальнаго изданія. «Fria Ord» въ свою очередь, не защищая дѣянія этого убійцы, развивала патріотическіе его мотивы.

Другой органъ агитаторовъ «Новости Недѣли», подводя въ концѣ 1903 г. итоги пассивному сопротивленію, остался доволенъ результатами. «Скоро будетъ пять лѣтъ, какъ мы его выдержали. Мы держались закона и отказывались подчиняться беззаконію. Даже злѣйшіе враги не могутъ сказать, что мы хватались за незаконныя средства». Но весной Бобриковъ получилъ самодержавную власть... Два гофгерихта не слѣдуютъ другимъ законамъ, кромѣ повелѣній Бобрикова... Поэтому листокъ рекомендуетъ новые способы противодѣйствія: «всеобщій отказъ въ уплатѣ податей, при взиманіи денежныхъ штрафовъ. Сопротивленіе общинъ... стачка при явкѣ къ призыву... могутъ продолжаться... «Что мы должны дѣлать? Мы можемъ въ отдѣльныхъ случаяхъ прибѣгнуть къ необходимой оборонѣ. Нашъ законъ даетъ намъ право обороны... Если, напримѣръ, кто-либо подвергнется попыткѣ быть незаконно арестованнымъ, то онъ имѣетъ полное право защищаться... Онъ долженъ только избѣгать излишества»... Совѣтъ очень прозраченъ. Однако, полагая, вѣроятно, что не всѣ поймутъ намека, листокъ договариваетъ свою мысль до конца. «Мы можемъ перейти отъ пассивнаго къ активному сопротивленію, а все-же оставаться на законной почвѣ... Мысль о необходимой оборонѣ—мысль будущаго. Изъ этой мысли когда-нибудь выйдетъ новое активное сопротивленіе». Статья заканчивается весьма опредѣленно: «Настанетъ день, когда народъ, униженный до

предѣловъ отчаянности, подымется для защиты страны своихъ предковъ. Да подготовимъ путь для этого дня».

Примѣрно, осенью 1903 г. въ Финляндіи организовался кружокъ, состоявшій «изъ многихъ лицъ», которыя рѣшились противопоставить силѣ силу. Объ этомъ говорили тогда «всюду», почему члены кружка вербовались, видимо, легко. Организація напоминаетъ организацію бывшихъ польскихъ повстанцевъ, такъ какъ каждый изъ участниковъ кружка зналъ только нѣсколько лицъ. «Богу извѣстно,—показалъ на допросѣ одинъ изъ участниковъ кружка, Альбинъ Колланъ,— какъ много имѣется поклявшихся убить генералъ-губернатора (Бобрикова). Газеты увѣряли, будто Евг. Шауманъ былъ одинокъ; но въ этомъ отношеніи они лгутъ. Почти все образованное общество было рѣшительно враждебно генералъ-губернатору». Другой участникъ кружка— магистръ Гуммерусъ—удостовѣрилъ, что мысль объ убійствѣ Н. И. Бобрикова и активныхъ дѣйствіяхъ усвоена была въ кружкахъ мѣстныхъ студентовъ и другихъ молодыхъ политиковъ. Подобныхъ кружковъ существовало нѣсколько и всѣ они стремились лишить жизни генералъ-губернатора Бобрикова [348]).

«Угрозы этого воззванія, направленныя противъ другихъ высшихъ представителей власти въ Финляндіи и Россіи, изумительно быстро перешли въ исполненіе». Финляндскіе революціонеры видимо хотѣли отличиться передъ своими русскими новыми союзниками.

Въ концѣ 1904 г. въ Парижѣ собралась первая конференція делегатовъ всѣхъ оппозиціонныхъ партій и организацій, направленныхъ противъ русскаго единодержавія, въ видахъ обсужденія совмѣстнаго дѣйствія. Конференція была созвана по почину чиновъ финляндской оппозиціи. Такая попытка объединенія оппозиціонныхъ и революціонныхъ группъ дѣлалась впервые. Участіе въ ней приняли представители польской національной лиги, партіи русскихъ и грузинскихъ революціонеровъ-соціалистовъ, армянской революціонной федераціи и финляндской партіи активнаго сопротивленія. Они признали необходимымъ уничтоженіе самодержавія и отмѣны всѣхъ мѣропріятій, нарушившихъ конституціонныя права Финляндіи. Они признали также «законами гарантированное право національнаго развитія для всѣхъ народностей».

Въ декабрѣ 1904 г. «Fria Ord» напечатало первое воззваніе «финляндской партіи активнаго сопротивленія», въ которомъ говорилось, что «единовластіе фактически введено въ Финляндіи путемъ изданія и примѣненія манифеста 3-го февраля 1899 г.», что вслѣдствіе введенія единовластія «граждане освободились отъ своихъ обязанностей къ Монарху», что «одно пассивное сопротивленіе оказалось недостаточнымъ». Тутъ же оповѣщалось, что «финляндская партія актив-

наго сопротивленія всѣми силами и совмѣстно съ русскими оппозиціонными элементами будетъ работать для уничтоженія самодержавной власти въ Финляндіи».

Въ ноябрѣ и декабрѣ 1904 г. въ Гельсингфорсѣ были распространены объявленія объ основаніи финляндской партіи активнаго сопротивленія. Мѣстныя газеты пытались протестовать противъ наличности активной партіи въ Финляндіи. Напрасно. Существованіе революціонной партіи активнаго сопротивленія въ Финляндіи не подлежало уже болѣе никакому сомнѣнію [349]).

Общеніе между финляндскими и русскими революціонными элементами не только установилось на словахъ и въ принципѣ, но они дѣйствовали сообща и волненія вызывались въ Россіи и Финляндіи одновременно и съ одинаковыми цѣлями. Такъ январьскіе безпорядки (1905 г.), происходившіе въ Петербургѣ, повторены были въ Гельсингфорсѣ, гдѣ многотысячная толпа, въ которой нѣкоторые были вооружены револьверами, кричала: «Да здравствуетъ революція», «долой Россію», «долой русскую тираннію», «долой русскаго генералъ-губернатора» [350]).

На агитацію такого размѣра, котораго она достигла въ Финляндіи, нужны были значительныя средства. По свѣдѣніямъ, заслуживающимъ довѣрія, средства собирались, помимо пожертвованій, путемъ тайнаго сбора съ населенія, а главнымъ образомъ съ разнаго рода крупныхъ предпріятій—редакцій, гостинницъ, промышленныхъ и торговыхъ заведеній и т. п. Лѣтомъ 1902 г. въ г. Або состоялось тайное собраніе, которое въ числѣ другихъ вопросовъ, занято было также состояніемъ «патріотическаго фонда». Изъ доклада выяснилось, что подписная сумма въ теченіе отчетнаго года достигла солидной цифры 2.000.000 марокъ. Правда, что многіе изъ подписавшихся неаккуратно исполняли свои обязательства. Особенно много недоимокъ считалось за Вазаской и Улеаборгской губ. Собраніе рѣшило поэтому послать туда дополнительныхъ сборщиковъ. По Або-Бьернеборгской губ. числилось недобору въ 2 тыс. мар., но лицо, вѣдавшее тамъ сборомъ, удостовѣряло, что деньги эти будутъ исправно внесены. Деньги, значитъ, на агитацію имѣлись. Изъ другого источника извѣстно, что сборщикамъ этихъ нелегальныхъ податей платили по 4 мар. въ день [351]).

«Я прилагаю также переписку о сборѣ, — писалъ одинъ агитаторъ другому, вѣроятно стоявшему во главѣ какого-нибудь денежнаго учрежденія «кагала».—Собранныя въ Элиме и Анъялѣ деньги я, вмѣстѣ съ чековой книжкой, перевелъ К. Маннергейму. Изъ Иттила и Яла я не получилъ обратно чековой книжки, равно не получилъ и какихъ-либо денегъ. Пасторъ М. одинъ изъ немногихъ славныхъ пасторовъ, которыхъ мы имѣемъ въ странѣ, принялъ на себя производ-

ство сбора въ Иттилѣ и Ялѣ, но въ томъ отчета еще не далъ. Онъ дѣлаетъ это въ связи со своими экзаменаціонными поѣздками. Какъ только я отъ него получу чековую книжку, тотчасъ же перешлю къ Маннергейму».

Изъ писемъ, разновременно полученныхъ генералъ-губернаторомъ, можно предположить, что тайная организація состояла изъ центральнаго комитета и филіальныхъ отдѣловъ (къ Н. И. Бобрикову отъ г. N. 24 іюля 1903 г.).

Для сбора денегъ имѣлись особыя патріотическія копилки съ надписью «за законъ», «за право». Копилки эти въ теченіи 1902 и 1903 г.г. разсылались по Финляндіи при циркулярѣ, въ которомъ дѣлался призывъ къ пожертвованіямъ, для противодѣйствія незаконному превышенію власти, и указывались способы ограниченія своихъ расходовъ. Въ копилку предлагалось опускать «подать роскоши».

Имѣется основаніе утверждать, что въ 1903 г. уволенные члены Абоскаго гофгерихта получали пенсіи изъ тайнаго революціоннаго фонда. «По моему,—писалъ генералъ-губернатору очень освѣдомленный мѣстный житель, — агитаторы въ настоящее время напрягаютъ всѣ силы къ собранію пособій тѣмъ чиновникамъ, которые были такъ отуманены, что отдались фальшивому антиправительственному направленію» [352]).

Въ виду же того, что не существовало фактическаго русскаго контроля за нѣкоторыми учрежденіями Финляндіи, родилось предположеніе, что суммы агитаторовъ могли храниться даже въ банкахъ края. Послѣдняя догадка основана, однако, на однихъ, хотя и упорныхъ, слухахъ.

Напрасно, конечно, гадать, къ чему привели бы всѣ описанныя противодѣйствія, если бы продолжалась сильная и умѣлая дѣятельность представителей русской власти. Мы склонны думать, что Н. И. Бобриковъ и В. К. Плеве вразумили бы и успокоили финляндцевъ; другіе съ немалыми основаніями, могутъ настаивать на противоположномъ. Одно несомнѣнно: поразительное сходство всего, что дѣлалось въ Финляндіи въ послѣднія два десятилѣтія, и особенно въ годы Бобриковскаго управленія, съ тѣмъ, что происходило въ Польшѣ наканунѣ послѣдняго возстанія. Сходство простирается до мелочей.

Станиславъ Козьмянъ («Rzecz o roku» 1863 г.), выясняя причины, вызвавшія возстаніе, указалъ на слѣдующія обстоятельства. Принципъ народностей, провозглашенный Наполеономъ Ш. «Сестра Франціи»—Польша, по новой тогда теоріи, имѣла право, подобно Италіи, требовать единенія. Европа не разъ подстрекала Польшу къ этому во время Крымской войны. Франція, исходя изъ этого положенія, подымала польскій вопросъ. Полякамъ помогали гр. Валевскій (побоч-

ный сынъ Наполеона I отъ польки), принцъ Наполеонъ (Плонъ-Плонъ) и императрица Евгенія. Австрія поддерживала ихъ иллюзіи. Въ Англіи—въ парламентѣ не разъ возбуждался вопросъ о Польшѣ. Канцлеръ кн. Горчаковъ, не считаясь съ національными интересами Россіи, заботился лишь о томъ, что скажетъ о насъ Европа. Намѣстникъ Польши кн. М. Д. Горчаковъ велъ политику колебаній и послабленій. Сильная рука Сухозанета правила Польшей не долго и случайно. Его смѣнилъ гр. Ламбертъ, не знавшій ни Россіи, ни Польши.

Въ самой Россіи поляки ожидали проявленія внутреннихъ междоусобій и крестьянскихъ возстаній.

Главное же, что поддерживало поляковъ въ ихъ политическихъ иллюзіяхъ и вожделѣніяхъ, это была кроткая и гуманная личность Государя Александра II, миролюбивѣйшаго изъ Царей. На «уступкахъ» съ его стороны и сооружалось величественное зданіе будущей Польши—«отъ моря до моря»[353]).

Всему этому имѣются аналогіи въ исторіи Финляндской окраины. Затѣмъ извѣстно, что пламенную фантазію поляковъ поддерживали: сельско-хозяйственное общество (съ графомъ Андреемъ Замойскимъ во главѣ); маркизъ Велепольскій, добивавшійся въ Петербургѣ согласія на всѣ проектированныя имъ реформы и устроившій свое положеніе подобно финляндскому статсъ-секретаріату, независимо отъ русскихъ властей.

Тайный комитетъ «ржондъ народный» на русскія требованія отвѣтилъ рядомъ покушеній на жизнь высокопоставленныхъ лицъ.

Добрыя мѣропріятія русскаго правительства парализованы были пассивнымъ отпоромъ, а также тайнымъ и явнымъ многоначаліемъ, существовавшимъ въ Варшавѣ.

Въ Парижѣ работалъ центръ революціонеровъ—Отель Ламберъ. При отелѣ основана особая газета «Парижское Бюро». «Особая Краковская община» посылала, по требованіямъ отеля, французскому правительству и заграничнымъ газетамъ, телеграммы и письма о происходившемъ въ Польшѣ; свѣдѣнія эти не всегда были правдивы, но ихъ признавали необходимыми для того, чтобы «подогрѣвать» общественное мнѣніе Европы.

При такихъ условіяхъ голоса благоразумныхъ и правдивыхъ окончательно заглушались.

Польская смута, не имѣя достаточной физической силы, искала опоры въ силѣ нравственной и потому поставила себя подъ особое покровительство Бога и Божіей Матери.

Фанатическая безкорыстная любовь къ отечеству нашла прежде всего откликъ въ молодежи. Молодежь требовала поэтому особаго надзора и попеченія. Русская власть къ ней однако не приблизилась. Вся она оставалась въ рукахъ мѣстныхъ дѣятелей.

Церкви были обращены въ мѣста революціонныхъ собраній.

Проступки оставались безъ всякихъ взысканій и потому естественъ былъ переходъ отъ ненависти къ презрѣнію.

Революціонный факелъ былъ высоко поднятъ надъ головами всѣхъ. Мины мятежа заложены повсюду.

Въ Польшѣ думали обойтись средствами обыкновеннаго времени—судопроизводствомъ. Но виновныхъ съ цинизмомъ оправдывали.

Что не согласовалось съ желаніями поляковъ, того они не исполняли. Всѣ подымались во имя угнетенной будто бы національности.

Все это до такой степени повторилось въ исторіи Финляндіи, что мѣстами достаточно вмѣсто Варшавы вписать Гельсингфорсъ, вмѣсто поляковъ назвать финляндцевъ и картина будетъ отвѣчать дѣйствительности.

Въ непослѣдовательности русскихъ представителей въ Варшавѣ поляки усмотрѣли особенно подходящее для нихъ условіе продолжать минировать край всѣми доступными имъ способами. Въ годовщину восшествія на престолъ (1862 г.) объявлено было помилованіе большому числу политическихъ преступниковъ. Возвращеніе ихъ въ Варшаву явилось тріумфальнымъ шествіемъ. Лошадей выпрягли. Женщины осыпали ихъ цвѣтами. Тоже повторилось въ Финляндіи (въ 1904 г.) въ дни возвращенія административно высланныхъ агитаторовъ.

Тонъ польской печати по отношенію къ Россіи ничѣмъ не разнился отъ тона финляндскихъ изданій. Пріемъ ея, замалчивать положительныя явленія русской жизни и распространяться объ отрицательныхъ, практиковался всѣми финляндскими редакціями. На польской сценѣ ставились враждебныя мѣста изъ поэмы Мицкевича «Дяды»; на финляндской сценѣ—наиболѣе «патріотическія» стихотворенія Рунеберга изъ «Разсказовъ прапорщика Столя».

Подъ аккомпаниментъ примирительныхъ окраинскихъ рѣчей всегда росло стремленіе выговорить побольше льготъ и разрѣшеній. Если это не удавалось, то тонъ мѣнялся и утверждали, что проектируемая правительствомъ мѣра «можетъ взволновать поляковъ», «удручить финновъ», вызвавъ среди нихъ общую скорбь и т. п.

Продолжать параллель надобности не представляется.

Пылкій полякъ нервно ухватился за оружіе и, недостаточно съорганизованный, ринулся въ бой съ русскими. Хладнокровные финляндцы сказали: «Къ оружію мы не прибѣгнемъ, но задуманному вторичному покоренію края мы противопоставимъ наше пассивное сопротивленіе, болѣе дѣйствительное, нежели партизанская война, и гораздо болѣе упругое, чѣмъ враждебныя намъ силы».

Исторія смуты однако показала, что финляндцы перешли пре-

дѣлы пассивнаго сопротивленія и стали группировать свои силы для активнаго противодѣйствія. Болѣе горячіе изъ финляндцевъ выбѣжали впередъ изъ строя съ револьверами и бомбами въ рукахъ. Послѣ нѣкоторыхъ уступокъ со стороны русской администраціи, тонъ агитаторовъ повысился и требованія возросли. Дурное предзнаменованіе для будущаго... Представители финскаго населенія, собранные на очередной сеймъ (1904—1905 г.), оказались во власти «тайнаго патріотическаго союза» и выступили на открытую борьбу съ русскимъ правительствомъ забастовкой и обструкціей, требуя немедленной отмѣны всѣхъ объединительныхъ и ограничительныхъ мѣропріятій времени Бобрикова.

Петиція сейма заключала въ себѣ 34 пункта. Земскіе чины прежде всего добивались «немедленной отмѣны призыва и прекращенія дальнѣйшаго примѣненія устава о воинской повинности». Желаніе ихъ было исполнено, призывъ отмѣненъ и уставъ пріостановленъ впредь на неопредѣленное время. Такимъ образомъ отстраненъ законъ, бывшій въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ предметомъ борьбы между представителемъ русской власти и финляндской оппозиціей. Тогда же возстановлена была несмѣняемость судей. Взамѣнъ воинской повинности постановлено уплачивать въ Государственное Казначейство ежегодно 10 мил. мар. Сеймъ на это согласился, хотя въ его рядахъ многіе остались недовольны исходомъ дѣла и вслѣдъ, состоявшимся постановленіямъ, неслись заявленія: денегъ не слѣдуетъ давать, такъ какъ эта «контрибуція» пойдетъ въ пользу Имперіи, и «для цѣлей дальнѣйшаго поддержанія системы, враждебной (финскому) народу». Внести «контрибуцію» значило бы запечатлѣть свое рабство и униженіе. Финскія деньги, внесенныя «въ иностранную военную кассу, послужатъ пособіемъ русскому шовинизму и правительственной системѣ, виновной въ томъ, что у насъ ограблена наша національная армія...» Не поддерживать надо русскую правительственную систему, а «какъ можно скорѣе устранить ее». По поводу пріостановки устава о воинской повинности нѣкоторые члены сейма говорили: «Правительство не можетъ выбраться изъ опаснаго положенія, въ какое попало, видя себя не въ состояніи осуществить устава о воинской повинности»; правительство новой отрицательной мѣрой освободило себя самого отъ забастовавшей молодежи» и т. п.[354]).

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ и въ августѣ 1905 г., по докладѣ петиціи земскихъ чиновъ, состоялось повелѣніе переработать дисциплинарный уставъ для служащихъ въ Финляндіи, составить проекты постановленій о возбужденіи судебнаго преслѣдованія, о публичныхъ собраніяхъ, о порядкѣ созыва церковныхъ соборовъ и о «переустройствѣ полицейской части въ Финляндіи, которое давало бы

возможность возложить на финляндскіе полицейскіе органы функціи политической полиціи, съ освобожденіемъ отъ таковыхъ чиновъ корпуса жандармовъ».

Въ виду же того, что призывы не производились и нечѣмъ было пополнять оставшейся воинской части, повелѣно л.-гв. 3-й стрѣлковый финскій баталіонъ расформировать. Такимъ образомъ закончилась исторія финскихъ войскъ, просуществовавшихъ 93 года.

Виды Ульяновки—имѣнія Н. И. Бобрикова.

XI. Финляндскіе ходатаи.

Думать, что если въ Финляндіи не
имѣли покровителей свѣта то и
никогда не смѣли бы рѣшаться на
столь и дерзкое противо-
законіе.

Изъ письма Н. И. Бобрикова отъ 7 сент. 1901 г.

Газеты и журналы Европы и Америки воспользовались обострившимся финляндскимъ вопросомъ для того, чтобы подогрѣть старое нерасположеніе къ Россіи. Финляндскіе агитаторы съ своей стороны старались всѣми доступными имъ способами возстановить общественное мнѣніе Запада противъ русскаго правительства. Новые союзники повели кампанію по обдуманному плану весьма дружно и энергично, пользуясь подходящими случаями. По обыкновенію, наименѣе международной деликатности проявили англичане. Такъ напримѣръ, когда въ 1899 г. на Кавказѣ производились опыты передвиженія нашихъ стрѣлковыхъ частей, то въ газетѣ «Times» сейчасъ же появилась статья, выражавшая свое неудовольствіе по этому поводу и ставившая вопросъ о томъ, чтобы «сказали въ Россіи, если въ видѣ опыта, они, англичане, послали десантъ въ Финляндію»?

Въ Англіи, Соединенныхъ Штатахъ и въ Венгріи сдѣланы были въ парламентахъ оріентирующія заявленія и интерпеляціи по финляндскому вопросу. Въ Голландіи и Швеціи (25 марта нов. ст. 1899 г.)

общественное мнѣніе выражено было въ многолюдныхъ собраніяхъ. Лѣтомъ 1899 года въ англійскомъ парламентѣ членъ палаты общинъ г. Otherley Iones сдѣлалъ запросъ по финляндскому вопросу, желая вызвать протестъ усиленію военной тягости въ Финляндіи. Запросъ дѣлался подъ видомъ участія, но на дѣлѣ онъ сводился къ возбужденію неудовольствія къ Россіи. Лидеръ палаты общинъ (г. Бальфуръ), однако, отвѣтилъ, что у англичанъ въ этомъ вопросѣ нѣтъ никакой почвы подъ ногами[355]).

Внѣ парламента въ Англіи агитировала самостоятельная финляндская делегація. Въ началѣ марта 1899 г. въ Лондонъ пріѣхали три финляндца гельсингфорскаго сейма и назвались «финляндской делегаціей». Разнесся слухъ, что они присланы «сеймомъ и націей». Ихъ принимали, чествовали, какъ будто они были представители самостоятельной націи. Делегаты излагали своимъ слушателямъ теорію финляндской конституціи и перечисляли «обязательства» Россіи. Печать предоставила въ распоряженіе псевдо-делегатовъ свои страницы. Одинъ «Daily News» рѣшился выставить другую точку зрѣнія на финляндскій вопросъ и подвергся за это негодованію своихъ собратьевъ[356]).

Чтобы сильнѣе ударить по нервамъ читателя Европы, делегація не жалѣла красокъ. По Англіи распространены были отдѣльные листки, на которыхъ большими буквами значилось «Комитетъ о Финляндіи». Въ нихъ говорилось объ ударѣ, который наносился трудолюбивѣйшему и бережливѣйшему народу Европы. Эти удары слѣдующіе:—уничтоженіе національныхъ школъ и университета;—присоединеніе національной лютеранской церкви къ церкви греко-православной;—исключеніе изъ администраціи финновъ, не знающихъ по-русски:—введеніе бюрократіи вмѣсто конституціонно-парламентскаго режима. Листки были подписаны Гарольдомъ Перротомъ. Изъ Лондона агитація перешла во Францію. Недоброжелатели Россіи и тамъ воспользовались ею. У одного изъ мѣстныхъ журналистовъ финляндецъ держалъ рѣчь, рисуя положеніе Княжества въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Центромъ финляндскихъ агитаторовъ въ Парижѣ являлся домъ одного финляндскаго профессора[357]).

Внушеніямъ англійской политики оказались покорны швейцарскіе журналы.

Въ С. Америкѣ,—гдѣ въ одномъ Нью-Іоркѣ насчитывается болѣе 7 тыс. финляндцевъ,—собрали (въ 1899 г.) митингъ, предпославъ ему особый меморандумъ о притѣсненіяхъ, якобы испытываемыхъ ихъ сородичами. Тогда же издали особую брошюру «Russian Perfidy in Finland», которой желали протестовать противъ «обрусѣнія Финляндіи» и вызвать «сочувствіе» американцевъ.

Лѣтомъ 1899 г. въ Римѣ состоялся международный конгрессъ

журналистовъ. Узнавъ о запрещеніи нѣкоторыхъ органовъ печати въ Финляндіи, они опубликовали «постановленіе», съ выраженіемъ братскаго сочувствія финляндской печати. Съѣздъ высказался противъ «терроризированія» печати въ взволнованной уже странѣ. Постановленіе подписали 74 человѣка.

Финляндцы носились по редакціямъ Запада съ самыми разнообразными идеями. Эм. фонъ-Квантенъ, напримѣръ, развивалъ мысль о созданіи постоянной европейской лиги для Финляндіи, или нѣчто въ родѣ интернаціональнаго народнаго суда. Лига эта, изслѣдовавъ дѣло Финляндіи, должна была объявить свое рѣшеніе. Сочинитель проекта принялъ во вниманіе чуткость Россіи къ западно-европейскому мнѣнію и потому разсчитывалъ, что рѣшеніе лиги не прошло бы безслѣдно.

Одинъ изъ финляндскихъ агитаторовъ часто переписывался со своимъ стокгольмскимъ знакомымъ. Въ письмѣ отъ 5-го ноября 1898 г. послѣдній указываетъ способъ, какимъ образомъ, подъ благовидной личиной, можно командировать за границу, съ цѣлью вести тамъ противоправительственную пропаганду, нѣсколько лицъ за счетъ самого финскаго правительства. «Не существуетъ ли теперь какого-нибудь назначеннаго сенатомъ комитета, который могъ бы встрѣтить нужду ознакомиться черезъ экспертовъ съ положеніемъ подлежащихъ его обсужденію дѣлъ въ нашихъ европейскихъ странахъ (Германіи, Англіи, Австріи)? Въ этомъ случаѣ, такимъ способомъ, подъ маской, могли бы быть отправлены настоящіе послы, которые вступили бы въ сношенія съ руководящими государственными дѣятелями и возбудили бы общественное мнѣніе въ пользу Финляндіи».

Для выясненія закулисной работы агитаторовъ по изданію нелегальной литературы, по разсылкѣ брошюръ, по заграничной пропагандѣ и т. п. имѣется въ Финляндіи маленькій, но весьма цѣнный архивъ. «Дѣло въ томъ, что руководители финляндскихъ партій и истинные творцы мѣстнаго пассивнаго сопротивленія переписывались между собою и часть ихъ бумагъ попалась въ руки русской власти въ то время, когда они подлежали выселенію изъ края»[358]). Матеріалы этого архива съ точностію устанавливаютъ нѣкоторые интересные факты, о коихъ ранѣе русская власть болѣе догадывалась, чѣмъ имѣла свѣдѣній.

Упомянутый выше знакомый финляндскаго агитатора, шведскій подданный, проявлялъ удивительную заботливость о Финляндіи и являлся едва-ли не болѣе агитаторомъ, чѣмъ его финляндскій пріятель. Живя въ Стокгольмѣ, онъ организовалъ политическія лекціи о Финляндіи, заботился о тайномъ архивѣ агитаторовъ, сочинялъ проекты адресовъ для ученыхъ мужей Запада, писалъ въ газетахъ, про-

пагандировалъ среди высшей шведской знати сочувствіе къ финляндцамъ, хотѣлъ создать на Скандинавскомъ полуостровѣ «финляндскій союзъ», подобный гельсингфорскому «Alliance française». Всѣми подобными заботами полны его письма за десятки лѣтъ. «Не забудь, что ты обѣщалъ сдѣлать что можешь, дабы мы, предпочтительно осенью, имѣли въ Стокгольмѣ финляндско-политическую лекцію. Помни, что узы между нами не должны ослабѣвать, тѣмъ менѣе— изнашиваться. Здѣсь, къ сожалѣнію, теперь, какъ интересъ къ Финляндіи, такъ и знаніе ея, очень слабы... Въ связи съ этимъ мы ударимъ въ газетахъ въ барабанъ за Финляндію и если возможно образуемъ финляндскій союзъ въ Стокгольмѣ. Я говорилъ объ этомъ съ Норденшельдомъ и Г....»

«Солнце новаго года восходитъ для финляндскаго народа покрытымъ облакомъ, но «еще не все погибло». Вы (финляндцы) еще слишкомъ тяжело переваримый кусокъ для русскаго орла, еще что нибудь да значитъ противъ восточнаго варварства высокая культура, вѣковыя общественныя формы и спокойная крѣпкая выносливость финляндскаго народа».—Та же мысль повторена въ другомъ письмѣ: «О если бы всѣ были столь же мужественны (какъ ты), тогда бы «Nashebratten» (наши братцы) имѣли въ Финляндіи окуня, котораго имъ никогда не ошелушить».

18 сентября 1902 г., шведъ спрашивалъ финляндца: «вопросъ, который ставится не для отвѣта. Вы навѣрно охранили ваши тайные архивы. Не было ли бы разумно внѣ страны учредить нѣчто въ родѣ центральнаго архива для важныхъ документовъ, дабы они были ограждены отъ уничтоженія и въ то же время подъ руками, когда понадобятся».

Архивъ агитаторовъ устанавливаетъ, что они проявили особенно выдающуюся энергію по заграничной пропагандѣ. Въ мартѣ 1902 г. «Мехелинъ далъ блестящій банкетъ, на которомъ сказалъ великолѣпную рѣчь». Извѣстный Норденшельдъ много хлопоталъ о томъ, чтобы разныя статейки, напечатанныя на иностранныхъ языкахъ, были разосланы лицамъ, имѣвшимъ большое вліяніе. Въ апрѣльскомъ письмѣ (1899 г.), шведъ сообщалъ въ Гельсингфорсъ: «Я какъ разъ теперь въ разгарѣ работы по отправкѣ тѣхъ брошюръ, разсылку которыхъ я принялъ на себя. Онѣ выпускаются въ маленькихъ изящныхъ изданіяхъ и посылаются всевозможнымъ вліятельнымъ лицамъ Европы въ области политики, дипломатіи, литературы, науки, журналистики и пр.».—По разсылкѣ же брошюръ, составленныхъ финляндцами для созданія общественнаго мнѣнія Запада, трудились очень многіе, вплоть до одной европейской дамы, которую въ письмахъ называютъ «принцессой». Она распространяла ихъ цѣлыми тюками, забо-

тясь о томъ, чтобы онѣ попадали въ руки знатныхъ особъ и, между прочимъ, лицъ «княжескихъ домовъ Германіи». О ея рвеніи въ одномъ письмѣ (отъ 11 іюля 1900 г.) говорится: «Но знаешь-ли, есть женщина, которая въ дѣлѣ созданія этого (европейскаго) мнѣнія сдѣлала гораздо болѣе, чѣмъ многіе мужчины... Если твоя жена съ ней въ перепискѣ, то попроси ее передать ей отъ меня, что если общественное мнѣніе Европы не могло повліять на положеніе дѣла, то это ни въ какомъ случаѣ не ея вина».

Сама о своей дѣятельности, она писала въ двухъ письмахъ, относящихся къ 1899 г., слѣдующее: «Я пришлю тебѣ на этихъ дняхъ нѣсколько номеровъ «Reinischer Kurier»; это одна изъ немногихъ нѣмецкихъ газетъ, которая приблизительно недѣлю тому назадъ не имѣла ни одной статьи о Финляндіи; это меня печалило, и я попросила редакцію этой газеты перевести одну отличную статью отъ 30 марта изъ «Journal de Genève»; сперва не совсѣмъ-то были согласны, ибо говорили, это могло бы задѣть значительное число русскихъ, находящихся здѣсь; я провела все-таки свою волю и теперь чувствую себя очень гордой тѣмъ, что сегодня утромъ я увидѣла уже третью статью въ этой газетѣ о вашей странѣ».

«Нѣсколько дней тому назадъ я получила отъ Адольфа Норденшельда 40 изъ тѣхъ брошюръ, которыя ты навѣрно знаешь и напечатаны въ Стокгольмѣ: «Le droit de la Finlande et le manifest du Tzar». Эти брошюры Адольфъ просилъ меня раздать, если представится случай. Я отправила уже нѣкоторыя монархамъ разныхъ странъ; одинъ знатный голландецъ, который теперь находится здѣсь и котораго мы знаемъ, живо интересующійся дѣломъ Финляндіи, содѣйствовалъ этимъ посылкамъ. Онъ былъ прежде придворнымъ въ Голландіи и знаетъ весь свѣтъ. Высокопоставленной русской дамѣ, имѣющей благородныя либеральныя воззрѣнія, я также послала экземпляръ, а изъ газетъ—«Journal de Genève». Мой мужъ, который всѣмъ своимъ горячимъ сердцемъ и присущимъ ему чувствомъ справедливости страдалъ вмѣстѣ со мной за Финляндію, написалъ со мной сообща г. X... длинное письмо, въ которомъ онъ такъ тепло просилъ склонить сердце къ Финляндіи и въ то же время съ полнымъ знаніемъ дѣла, никого не задѣвая, нарисовалъ г. Z... полную картину бѣдственнаго вашего положенія»...

«Мой мужъ и я, послѣ послѣдняго письма къ тебѣ, написали еще массу писемъ разнымъ лицамъ, писемъ, которыя мы считали полезными для блага Финляндіи и всегда прилагали къ нимъ извѣстную брошюру на французскомъ или на нѣмецкомъ языкѣ; нѣкоторыя газеты также получили маленькія статейки. Во всемъ, что дѣлаешь, необходимо быть очень осторожнымъ, чтобы продолжать приносить пользу,

а не раздражать. Мой мужъ имѣетъ такой необыкновенный талантъ и въ рѣчахъ, и въ письмахъ выражать свои хорошія благородныя мысли, а онъ исполненъ вѣдь горячаго участія къ Финляндіи. Когда-нибудь я съ путешествующимъ пришлю нѣсколько его писемъ, ибо начинаешь вѣдь бояться привидѣній, при мысли, что письма такъ часто вскрываются. Какъ тебѣ извѣстно, посылается на Гаагскую конференцію профессоръ С., онъ получилъ письмо и полонъ сочувствія къ Финляндіи, но полагаетъ, что финляндскій вопросъ не можетъ быть возбужденъ на самой конференціи, но внѣ ея, вполнѣ естественно, и можетъ быть будетъ не безполезно, если здѣсь соберутся вмѣстѣ всѣ эти хорошо подготовленные и большею частью не сочувствующіе несправедливостямъ къ Финляндіи».

Въ началѣ 1900 г. та же сотрудница финляндскихъ агитаторовъ-пропагандистовъ сообщила: «Я часто анонимно получаю цѣлыя партіи брошюръ изъ Парижа и Брюсселя и стараюсь ихъ распространить, но это не всегда такъ легко; нельзя также надоѣдать».

Изъ заграничныхъ выдумокъ наиболѣе нашумѣло посольство ученыхъ. Въ іюнѣ 1899 г. въ Петербургѣ неожиданно появилась своеобразная депутація, во главѣ которой находился французъ сенаторъ Траріе (L. Trarieux). Депутація привезла 12 адресовъ, покрытыхъ 1050 подписями и пыталась проникнуть во дворецъ Всероссійскаго Монарха. Она обращалась къ министру Двора, къ министру внутреннихъ дѣлъ и къ дворцовому коменданту, но безуспѣшно. Никто не пожелалъ оказать своего содѣйствія странному представительству. Траріе горячился на невниманіе министровъ къ депутаціи, но ничто не помогло[359]). Аудіенція была, конечно, отклонена. Представители отъ Европы хотѣли просить, чтобы у финновъ, «самыхъ лойяльныхъ и самыхъ законопослушныхъ русскихъ подданныхъ», не отнимали ихъ вольностей и основныхъ законовъ, которымъ якобы угрожалъ манифестъ 3 февраля.

Въ исторіи этого своеобразнаго адреса, составленной финляндцами, говорится, что «среди цвѣта интеллигенціи» Запада возникла одновременно мысль составить международный адресъ. Можно ли повѣрить такому заявленію, объ одновременномъ возникновеніи мысли объ адресѣ въ разныхъ государствахъ? Вскорѣ движущія пружины обнаружились. Оказывалось, что и идея, и исполненіе ея принадлежали самимъ же финляндцамъ.

Посольство ученыхъ вернулось домой черезъ Финляндію, гдѣ его сочувственно встрѣчали и провожали обѣдомъ и рѣчами, а печать въ своихъ отчетахъ называла депутацію то «международной» и «культурной», то, наконецъ, «великой».

Въ Гельсингфорсѣ въ честь международной депутаціи данъ былъ

завтракъ. Въ своей рѣчи на французскомъ языкѣ статскій совѣтникъ Estlander высказалъ между прочимъ: «Даже на родномъ языкѣ мнѣ не достало бы словъ выразить вамъ тѣ чувства благодарности, удивленія и почтенія, кои вызваны у всѣхъ гражданъ этой страны рѣшеніемъ вашимъ... внести слово образованной Европы въ нашъ жизненный вопросъ. Мы не можемъ представить въ нашей исторіи никакихъ военныхъ подвиговъ, не сдѣлали мы также никакихъ важныхъ вкладовъ въ культуру, но все же мы сдѣлали, что могли, чтобы воспользоваться плодами западно-европейской культуры». Сенаторъ Trarieux началъ свою отвѣтную рѣчь провозглашеніемъ тоста въ честь Великаго Князя Финляндіи. «Мы не имѣли намѣренія, говорилъ ораторъ, проѣхать по вашей прекрасной странѣ, въ качествѣ горячихъ агитаторовъ; мы прибыли, какъ мирные посланники интеллектуальнаго міра Европы. Намъ, правда, не посчастливилось въ нашей миссіи, но мы сдѣлали, что могли. Мы посланники правосудія, представители вѣчныхъ принциповъ истины и просвѣщенія. Мы, свободные, привыкшіе любить свободу, знаемъ, какъ приходится страдать, когда предстоитъ лишиться свободы, лишиться своей личности»... Профессоръ Söderhjelm, принимавшій особенно горячее участіе въ адресѣ, пилъ—«за защитниковъ слабаго въ мірѣ»[360]).

Послѣ совѣщанія въ Стокгольмѣ депутаты составили протоколъ о своей одиссеѣ и постановленіе, полное тончайшаго яда ихъ дипломатическаго ума, о томъ, чтобы сдать адресы на храненіе въ Гаагскій архивъ.

Одинъ изъ депутатовъ, профессоръ ванъ-деръ-Флюгтъ, выпустилъ особую книгу «Pour la Finlande», въ которой чрезвычайно напыщенно описываетъ 34 часа пребыванія въ Финляндіи. Этотъ короткій срокъ богатъ, по его словамъ, «самыхъ захватывающихъ событій». Населеніе, благодаря сѣти телефоновъ, успѣло приготовиться къ «манифестаціи національной скорби». Манифестація поражала «своимъ сдержаннымъ паѳосомъ и была «величава» единодушіемъ; благодарность Европѣ была выражена населеніемъ благородно, грандіозно и трогала до «слезъ». Финляндцы встрѣчали представителей Европы, маханіемъ платковъ, пѣніемъ «гимна», подношеніемъ цвѣтовъ. Въ Або дамы были въ траурѣ, бургомистръ молча пожалъ руку Траріе. Опять гимнъ. «Ахъ, если бы мое перо,—восклицаетъ авторъ,—было въ силахъ передать точно этотъ моментъ, описать это зрѣлище, заставить эти звуки снова раздаться». «Само небо захотѣло принять участіе въ этомъ концертѣ». По словамъ восторженнаго голландца, пріемъ въ Маріегамнѣ оказался еще болѣе задушевнымъ. «Тщетно ищешь въ исторіи нѣчто, соотвѣтствующее видѣнному нами здѣсь»...[361]).

Среди подписавшихъ адресъ находятся нѣсколько спеціалистовъ

международнаго и государственнаго права, но большинство представителей «высшей умственной культуры»,—химики, физики, богословы, композиторы, адвокаты, смотрители музеевъ, библіотекари, директоры желѣзныхъ дорогъ и т. п. Всѣ они пожелали возвысить свои голоса «во имя началъ права и справедливости».

Финляндскіе писатели поспѣшили оповѣстить міръ о небываломъ явленіи и придать исключительное значеніе «культурному адресу». Теперь однако выяснилось, что осуществленіе адреса «ученыхъ» принадлежитъ финляндцамъ, преимущественно Конни Цилліакусу и извѣстному путешественнику А. Норденшельду[362]). Кромѣ того, извѣстно, что въ Германію и Англію посылался финляндскій профессоръ, для окончательнаго уясненія, въ какомъ положеніи находилось тамъ дѣло международнаго адреса. Имѣется основаніе утверждать, что они же очень предупредительно составили для знаменитостей Запада трафаретъ текста для адресовъ. Наше заявленіе основано на изумительныхъ совпаденіяхъ, встрѣчающихся въ адресахъ разныхъ странъ. Въ адресѣ Франціи говорится, напримѣръ, о «чувствахъ скорби и удивленія», испытанныхъ французами при чтеніи петиціи отъ 21 февраля 1899 г., въ которой больше полумилліона финляндцевъ просили о сохраненіи въ цѣлости правъ и привилегій, гарантированныхъ въ Борго въ 1809 г., а также Фридрихсгамскимъ договоромъ и, наконецъ, подтвержденныхъ всѣми Императорами при вступленіи на престолъ. Въ адресѣ Англіи значится: «Съ живымъ волненіемъ узнавъ о петиціи 21 Февраля 1899 г., съ которымъ болѣе полумилліона финляндскихъ мужчинъ и женщинъ обратились къ Монарху съ просьбой о сохраненіи ихъ правъ и привилегій, удостовѣренныхъ... на сеймѣ въ Борго и при мирномъ договорѣ въ Фридрихсгамѣ, а затѣмъ подтвержденныхъ всѣми» Императорами Россіи... Въ адресѣ Венгріи сказано: «съ живѣйшимъ волненіемъ и братскимъ сочувствіемъ прочли мы адресъ болѣе чѣмъ полумилліона финляндскихъ гражданъ отъ 21 февраля 1899 г.».

Возьмемъ еще адресъ Германіи. Въ немъ отмѣчено:—«(финскій) народъ находится нынѣ подъ угрозой серьозной опасности лишиться своей индивидуальности, а этимъ и важнѣйшаго двигателя экономической и духовной своей дѣятельности. Венгерцы тоже дрожатъ, «видя въ проектируемыхъ реформахъ опасность, угрожающую правовому сознанію и могущую въ самомъ основаніи подорвать всѣ жизненные интересы финновъ» и т. д.

Болѣе чѣмъ очевидно, что все это слова и мысли не англичанъ, нѣмцевъ и мадьяръ, а самихъ финляндцевъ. Они неоднократно повторяли ихъ на множество ладовъ. Во всеподданнѣйшемъ представленіи финляндскаго сената читаемъ, напримѣръ: «.... такое отступленіе вы-

зоветъ глубокую скорбь и уныніе въ средѣ финскаго народа и ослабитъ ревность въ дѣлѣ развитія образованія и благосостоянія»... Титулъ Государя въ адресѣ также финляндской формы «Императоръ, Великій Князь».

Вообще, прочтя подрядъ адресы ученыхъ Европы, нельзя не замѣтить, что они проникнуты духомъ финляндцевъ и внушены однимъ и тѣмъ-же источникомъ.

Но помимо приведеннаго нагляднѣйшаго доказательства, имѣются письма стокгольмскаго знакомаго извѣстнаго финляндскаго агитатора, въ которыхъ сообщается (6 мая 1899 г.): «Какъ ты знаешь, (спроси, впрочемъ, финляндца С. хорошо освѣдомленнаго), готовится адресъ Царю отъ интеллигенціи всей Европы, адресъ свѣтилъ съ небольшимъ числомъ именъ. Объ этомъ я теперь ежедневно совѣщаюсь съ А. Норденшельдомъ и другими. Идея представляется мнѣ величественной. Когда Конни Цилліакусъ прибудетъ сюда, дѣло будетъ поставлено на серьезную почву». Въ письмѣ отъ 16-го того же мая шведъ писалъ изъ Стокгольма: «Я какъ разъ въ разгарѣ работы по большому адресу Царю. Я послалъ С. составленный мною и Гейденстамомъ проектъ шведскаго текста. Не совсѣмъ доволенъ концомъ. Подумай съ С. и пришли возможно скорѣй вашъ проектъ».

Изъ исторіи возникновенія адреса извѣстно еще слѣдующее: корреспондентъ изъ Вѣны въ «Standard» (7 апр. 1899 г.) предупредилъ, что финляндская агитація работаетъ заграницей и чтобы не оказывать ей поддержки, и что мѣры по руссификаціи находятся въ связи съ отдѣленіемъ Норвегіи отъ Швеціи.

Въ статьѣ «Ungarn für Finland» (въ газетѣ «Budapester Tageblatt») говорилось, что финляндскія женщины просили участія Европы и приняли мѣры у вліятельныхъ особъ всѣхъ странъ, чтобы онѣ ходатайствовали передъ могущественнымъ Царемъ за маленькую свободолюбивую Финляндію. Примѣрно шесть недѣль тому назадъ во всѣхъ большихъ европейскихъ городахъ появились таинственныя дамы, кои организовали комитеты, чтобы создать большое движеніе. Центромъ движенія является Стокгольмъ, гдѣ во главѣ стоятъ Норденшельдъ и Нансенъ (?)[363]).

Вся депутація состояла изъ шести человѣкъ; по трое изъ нихъ—Норденшельдъ (изъ Стокгольма), Бреггеръ (изъ Христіаніи) и Норманъ-Хансенъ (изъ Копенгагена)—представители скандинавскихъ странъ, а Норденшельдъ кромѣ того, какъ извѣстно, финляндецъ по рожденію и воспитанію, перешедшій затѣмъ въ подданство Швеціи. Слѣдовательно, въ Европѣ нашелся одинъ сенаторъ дрейфуссаръ и два ученыхъ, пожелавшихъ рекламировать свое имя поѣздкой въ Россію.

Члены депутаціи громко и развязно именовали себя «вѣстниками

идеи справедливости», «мирными послами европейской интеллигенціи», «носителями гуманныхъ идей» и т. п. Самозванныхъ пословъ въ Россіи не приняли, такъ какъ нашли невозможнымъ дозволить вмѣшательство иностранныхъ подданныхъ въ дѣла внутренняго управленія.

Норманъ-Хансенъ не желалъ признать всей неумѣстности поступка депутаціи и впослѣдствіи пытался дать доказательство правоты своего поведенія. Онъ придумалъ слѣдующее, вызывающее улыбку, объясненіе. «Всякое вмѣшательство во внутреннія дѣла Россіи,—писалъ онъ,—совершенно чуждо нашимъ намѣреніямъ, но мы усматриваемъ въ вопросѣ о существованіи или несуществованіи цѣлой націи дѣло, касающееся всего человѣчества»...[364])

Профессоръ ван-деръ-Флюгтъ въ рѣчи, произнесенной въ Гельсингфорсѣ, выразилъ мысль, что такъ какъ они напрасно стучались въ дверь русскаго правительства, то обратятся къ «ея величеству европейской печати». Печать не заставила себя долго ждать и откликнулась. Достойный отвѣтъ себѣ, Норманъ-Хансену и товарищамъ своимъ Флюгтъ прочелъ въ независимыхъ и правдивыхъ сужденіяхъ той-же Европы, непрошенными представителями которой явились «ученые».

Одна французская газета укоряла г. Траріе, поѣхавшаго поучать русскихъ, какъ надо управлять Финляндіей. Другая—говорила, что двери передъ этими «навязчивыми» господами закрылись съ презрѣніемъ, ибо нельзя же въ самомъ дѣлѣ дозволить всякимъ чужеземцамъ вмѣшиваться въ свои внутреннія дѣла. Та-же редакція признавала, что урокъ симъ странствующимъ профессорамъ былъ данъ вполнѣ заслуженный (une leçon meritée). Съ юридической точки зрѣнія такія депутаціи совершенно недопустимы, прибавляетъ французская газета («La Fronde»). Нѣкоторые французскіе органы высказали свое неудовольствіе въ весьма рѣзкомъ тонѣ: «Спрашиваешь себя, что преобладаетъ въ республиканцахъ: глупость или дурное воспитаніе, такъ какъ они остановились на мысли вмѣшаться въ слѣдующее дѣло»...[365]) затѣмъ идетъ описаніе депутаціи.—Изъ нѣмецкихъ органовъ печати также многіе возмущены «неуклюжей выходкой представителей умнаго міра». Одна газета разразилась по этому поводу весьма ядовитой и мѣткой статьей, озаглавленной «Pilgerfahrten politischer Delettanten» («Паломничество политическихъ дилетантовъ»). Газета называетъ это паломничество «грандіознымъ политическимъ безобразіемъ» и «очень вредной манифестаціей», которыя никоимъ образомъ не согласуются съ принятою международною вѣжливостью. Далѣе та же газета справедливо задается вопросомъ о томъ, куда могла бы завести вообще эта дипломатія адресовъ? Въ видѣ примѣра газета продолжала: представьте себѣ только международную депутацію, которая годъ тому на-

задъ явилась бы къ императору Вильгельму, по поводу высылокъ изъ Шлезвига. Этихъ примѣровъ можно привести сколько угодно.—Почему ученое посольство не снарядилось въ Великобританію для вразумленія англичанъ, какъ имъ слѣдуетъ относиться къ ирландскому вопросу и къ Трансваалю? Почему представители правды и справедливости не поѣхали въ Стокгольмъ для поученія шведовъ, какъ вести себя по отношенію къ Норвегіи? Почему эти, болѣющіе за финляндцевъ, мужи науки не подняли своего голоса за угнетаемыхъ Австріей славянъ, за эльзасцевъ, которымъ Берлинъ навязываетъ свои порядки?»[366]). Газета «Berliner Neueste Nachrichten» (бывшій органъ Бисмарка) осудила германскихъ ученыхъ, не желая вѣрить, что они настолько лишены здраваго государственнаго смысла, и признала, что «съ точки зрѣнія государственныхъ русскихъ интересовъ совершенно понятны мѣропріятія, кои имѣютъ цѣлью покрѣпче привязать Финляндію къ Россіи». «Что, въ самомъ дѣлѣ, сказали бы эти же господа, если бы, напримѣръ, чешскіе и галицкіе ученые, соединившись съ англичанами и французами, пожелали бы поднести Германскому императору адресъ, насчетъ отношеній польскихъ или датскихъ подданныхъ къ Прусской коронѣ. Они бы негодовали и предали поступокъ порицанію».

Попутно между нѣмецкими и англійскими газетами возникли нѣкоторые счеты. Императоръ Вильгельмъ хотѣлъ принять бурскихъ генераловъ Бота, Девета и Деларея. Лондонскія газеты возмутились однимъ слухомъ о возможности такого событія. «Какое дѣло Германіи,—писали онѣ тогда,—до нашихъ Трансвааля и Оранжевой колоніи?.. Что было бы, если бы мы приняли въ Лондонѣ поляковъ изъ Познаніи? На это «Berliner Tageblatt» отвѣтила указаніемъ на «удивительную забывчивость» англичанъ. «Развѣ года два тому назадъ депутація изъ Финляндіи не встрѣтила въ лондонскомъ обществѣ хорошаго пріема и помощи въ доведеніи ея жалобъ до общаго свѣдѣнія».

Министръ народнаго просвѣщенія Австріи выразилъ ректору вѣнскаго университета «порицаніе за то, что нѣкоторые профессора подписали международный адресъ».

Миланская газета «Perseveranza» (№ 14275) также осудила вмѣшательство международной депутаціи во внутреннія дѣла Россіи, назвавъ его «безусловно неприличнымъ и безтактнымъ». Можно ли сравнить процвѣтающую Финляндію съ нищенствующею Сициліею. Ученому профессору Италіи Брусу поэтому отвѣтили: тамъ болѣе мѣста «могущественнымъ симпатіямъ ученаго міра».

Даже высокопоставленные русскіе друзья финляндцевъ считаютъ, что, выписавъ эту иностранную депутацію, они учинили «великую глупость»[367]).

Остается прибавить, что ученые Запада не вполнѣ безкорыстно

устроили демонстрацію противъ Россіи своими адресами. Нѣмцы находили, что шведы и финны Великаго Княжества выработали духовную культуру, которая въ основѣ вполнѣ германская. Мысль о подпискѣ на адресъ въ пользу Финляндіи вызвана была негодованіемъ противъ русской политики. Но для германскихъ участниковъ этого предпріятія къ указанной причинѣ присоединилось сознаніе, что Финляндія является на сѣверѣ послѣднимъ оплотомъ для германской культуры противъ славянскаго натиска, по направленію къ Сѣверному морю: славянство стремится достичь открытаго моря, сокрушивъ скандинавскія государства... Тотъ, кто вѣритъ, что истинный міровой прогрессъ обусловленъ поступательнымъ движеніемъ и побѣдой германскихъ идей, тотъ поймётъ смыслъ проявленія участія къ народу, національный писатель котораго, Рунебергъ, заставляетъ германское сердце биться столь-же сильно, какъ и лучшій изъ нѣмецкихъ поэтовъ»[368]).

Финляндцы жаловались, что европейская печать въ началѣ не удѣлила дѣлу депутаціи столько горячаго сочувствія, сколько оно заслуживало. Когда депутація покинула Петербургъ, публицистъ Финляндіи со вздохомъ воскликнулъ: замолкли погребальные звуки еще надъ одной разбитой надеждой. Но общими результатами своей новой выходки финляндцы тѣмъ не менѣе остались довольны. Главная цѣль ученыхъ была достигнута: ихъ воззрѣнія сдѣлались извѣстными и благодаря этому опечаленные финляндцы получили сильную нравственную поддержку, писалъ ихъ историкъ[369]).

Петербургъ, видимо, былъ смущенъ неожиданнымъ прибытіемъ небывалаго посольства «отъ принциповъ справедливости, истины и просвѣщенія» и нѣсколько растерялся. Редакціи, исключая одной, молчали. Тутъ, вѣроятно, сказалось давнишнее раболѣпное преклоненіе русскихъ передъ всѣмъ, что исходитъ съ Запада...

Петербургъ былъ и остается «операціоннымъ базисомъ» всѣхъ окраинскихъ политиковъ, а потому въ почвѣ этой космополитической столицы Имперіи также необходимо искать корней того партикуляризма и той сепаратистской тенденціи, которые сильно разъѣдаютъ нашъ государственный организмъ. Въ Петербургѣ недостаточно внимательно относились къ политической исторіи Россіи и мало считались съ національными чувствами и потребностями. Всѣхъ въ свое время воспламеняла національная идея, но менѣе всего членовъ петербургскихъ сферъ. Всѣ предъявляли требованія, исходившія изъ этой идеи, но только не Петербургъ. Въ немъ всегда царило или какое-то безразличіе, или путаница во взглядахъ особенно на наши главныя окраины.

Въ сѣверной столицѣ Русскаго Царства никогда не хватало

нравственной силы, при большихъ матеріальныхъ средствахъ, для поддержанія своего господствующаго значенія. Петербургскія сферы готовы были идти чуть-ли не въ услуженіе къ культурнымъ окраинамъ и отказаться отъ своей собственной политики, такъ какъ имъ «мысль о русскомъ государствѣ для русскаго народа» казалась узконаціональной. Они точно просили у окраинъ снисхожденія къ Россіи разными уступками[370]).

Такъ повелось у насъ со времени Императора Александра I, который, по словамъ Императора Николая I, сдѣлалъ для поляковъ «болѣе, чѣмъ слѣдовало сдѣлать русскому Императору; Онъ былъ расположенъ къ нимъ болѣе, чѣмъ къ собственнымъ подданнымъ»[371]). Съ тѣхъ поръ въ Петербургѣ не прекращались жалобныя рѣчи о «угнетенныхъ» полякахъ и «бѣдныхъ» финляндцахъ. Нѣкоторые тамъ находили, что «Россія слишкомъ варварская, и по самодержавію, и по своему православію, чтобы имѣть право подчинять себѣ національности болѣе либеральныя».

Поэтому въ извѣстные періоды достаточно было появленія въ Петербургѣ одного умнаго и энергичнаго поляка или финляндца, въ родѣ Адама Чарторыйскаго, гр. Густава Морица Армфельта, маркиза Велепольскаго и др., чтобы направить дѣятельность нѣкоторыхъ учрежденій и даже политику Россіи, согласно своему желанію. Велепольскаго, напримѣръ, всюду принимали. Онъ удостоился аудіенціи у Государя, онъ появлялся въ домахъ лорда Нэпира, Фурнье, кн. А. М. Горчакова, канцлера Нессельроде, гр. Д. Н. Блудова, и наконецъ, во дворцахъ великой княгини Елены Павловны и великаго князя Константина Николаевича. Ранѣе отвергнутый его проектъ, объ отдѣленіи военнаго управленія отъ гражданскаго, прошелъ при его петербургскихъ хлопотахъ благосклонно, хотя несомнѣнно былъ написанъ въ польскомъ духѣ. Въ Царствѣ Польскомъ сидѣлъ русскій намѣстникъ, а въ Петербургѣ интриговалъ польскій магнатъ. На постъ главноуправляющаго гражданскою частью предполагался Н. А. Милютинъ, котораго уже вызвали изъ-заграницы, но Велепольскій быстро отодвинулъ этого кандидата и выдвинулъ новую комбинацію: великій князь Константинъ Николаевичъ—намѣстникъ, а онъ, Велепольскій, во главѣ гражданскаго вѣдомства. Черезъ пять дней послѣ выстрѣла въ Лидерса, великій князь находился уже въ Варшавѣ и на слѣдующій день въ него стрѣляетъ польскій фанатикъ. Князь А. М. Горчаковъ спѣшитъ утѣшить Велепольскаго письмомъ, что мы, русскіе, не смѣшиваемъ націи съ преступленіемъ, опозорившимъ Варшаву. «Прошу васъ выпрямиться во всю высоту вашей энергіи... вы обезпечите себѣ прекрасную страницу въ исторіи»...

Валуевъ въ свое время носился съ проектами Старжинскаго о

возстановленіи Литвы, увѣряя, что иначе края нельзя успокоить.

Поляки побѣдоносно продолжали шествіе по пути, расчищенному заботами ихъ соотечественниковъ въ Петербургѣ. Петербургъ хотѣлъ успокоить Польшу уступками и поляки вынуждены были, наконецъ, крикнуть своимъ недогадливымъ радѣтелямъ: Да мы не хотимъ вовсе уступокъ! Мы добиваемся разрыва!![372])

Петербургъ противодѣйствовалъ трудной работѣ гр. М. Н. Муравьева, не умѣя при этомъ различить, что онъ боролся противъ измѣнниковъ, а не поляковъ, противъ враговъ государства, а не мирныхъ жителей.

Петербургъ, въ которомъ всегда чувствовалась «слабость національнаго духа», склоненъ былъ къ политикѣ «примиренія» и полумѣръ, почему возникали постоянныя колебанія, нерѣшительность и дряблость въ окраинской политикѣ. Представители нашей дипломатіи не желали, чтобы Россія рисовалась въ глазахъ Европы какимъ-то варваромъ, вѣчно давящимъ окраины, почему Петербургъ занятъ былъ преимущественно наблюденіемъ барометра европейской общественности и почти утратилъ истинный практическій патріотизмъ.

А между тѣмъ замѣчено было, что по мѣрѣ уступокъ со стороны Россіи, требованія окраинцевъ становились смѣлѣе и обширнѣе. Игра въ великодушіе ни разу еще не дала хорошихъ плодовъ въ политикѣ. Даже часть поляковъ сѣтовала на неумѣстную галантность и колебанія русскихъ властей, и польскій историкъ Козьмянъ не разъ указывалъ въ своемъ сочиненіи («Rzecz o roku 1863») на удивительный фактъ постоянныхъ расшаркиваній русскихъ властей передъ поляками въ Варшавѣ, наканунѣ возстанія. И нельзя не поражаться, видя эти неумѣстныя послабленія, робкія заигрыванія и даже искательства, недостойныя сильной власти,—прибавляетъ русскій критикъ польскаго историка[373]).

Все кончилось тогда возстаніемъ, пламя котораго пришлось гасить обильными потоками русской крови.

Дѣла Финляндіи также вершались въ Петербургѣ, почему поѣздки финляндскихъ дѣятелей въ столицу Имперіи установились давно и учащались особенно въ тѣ періоды, когда у генералъ-губернаторской власти стояли лица энергичныя и умныя, или когда выдвигались наиболѣе серьезные для края вопросы. Въ тѣ дни, когда гельсингфорскіе политики узнали, что А. А. Закревскій—лицо вліятельное при дворѣ и что статсъ-секретаріатъ отодвинутъ имъ на второй планъ,—сенаторы рѣшили чаще навѣдываться въ Петербургъ, чтобы поддержать значеніе молодой конституціи. Разгонъ между Гельсингфорсомъ и Петербургомъ былъ такъ великъ, что далъ поводъ одному

финляндцу сказать: «весь экономическій департаментъ сената находился въ настоящее время на большой дорогѣ». Періодъ времени съ 1899 по 1904 г. былъ полонъ реформъ, а у власти стоялъ рѣдкій по энергіи дѣятель Николай Ивановичъ Бобриковъ, почему финляндскіе визиты почтенія къ петербургскимъ особамъ и администраторамъ не прекращались. Нѣкоторые финляндцы создали изъ посѣщенія Петербурга родъ спеціальности и особой службы, которую исполняли настолько ретиво, что иногда отлучались для этого изъ Гельсингфорса безъ разрѣшенія начальства.

Въ Петербургѣ финляндскіе ходатаи дѣйствовали разными способами. Одни развозили книги и брошюры, полезныя для поднесенія высшимъ и вліятельнымъ особамъ, другіе—искали новыхъ покровителей, но главнымъ пріемомъ являлась устная пропаганда финляндскихъ идей, сѣяніе слуховъ и принесеніе жалобъ. «Здѣсь (въ Гельсингфорсѣ) всѣ кричатъ о предстоящей поѣздкѣ Карамзиной въ Петербургъ, съ цѣлью мольбы объ удаленіи ненавистнаго генералъ-губернатора. Съ какимъ бы наслажденіемъ, прибавляетъ Н. И. Бобриковъ, я удовлетворилъ такому повидимому единодушному финляндскихъ главарей желанію» (19 апрѣля 1900 г.). Разнося по Петербургу нужныя вѣсти, враги генералъ-губернатора увѣрили, напр., своихъ слушателей, что онъ воспретилъ исполненіе финляндскаго «гимна» «Вортъ-ландъ». «Очевидно нелѣпость подобнаго слуха есть слѣдствіе интриги финляндскихъ крысъ и мышей,—писалъ Н. И. Бобриковъ къ В. К. Плеве. Считаю долгомъ приложить при семъ документы, способные опровергнуть эту наглую клевету» (22 февраля 1900 г.). Документы устанавливали, что генералъ-губернаторъ распорядился, дабы военные оркестры не принимали участія въ политическихъ демонстраціяхъ. Газеты же края сообщили, что генералъ-губернаторъ запретилъ исполненіе патріотическихъ пьесъ. Стокгольмскій органъ пошелъ далѣе и выпустилъ статью «Бобриковъ въ качествѣ цензора музыки», съ широкими комментаріями. Поднятый шумъ оказался политическимъ маневромъ, съ цѣлью возбужденія финскаго населенія и петербургскихъ особъ противъ русской власти[374]). «Въ Петербургѣ много слуховъ одинъ другого нелѣпѣе, читаемъ въ послѣдующемъ письмѣ Н. И. Бобрикова. Говорятъ, у меня въ домѣ стекла побиты, говорятъ, сеймъ отказался отъ работы и т. п. Все это чистый вздоръ»... имъ разсчитываютъ достигнуть «перемѣны курса». Что нѣкоторые представители финляндской политики прибѣгали къ «сочиненію» исторій, видно еще изъ слѣдующаго письма генералъ-губернатора къ В. К. Плеве. «При встрѣчѣ съ министромъ Х., я не удержался, чтобы не спросить объ извѣстной на него ссылкѣ (финляндцевъ) г.г. N. и М. Министръ рѣшительно отвергаетъ самое свиданіе съ этими господами за послѣдніе шесть мѣсяцевъ. Хороши

гуси? Ихъ надо разоблачать и приводить къ одному знаменателю». (19 іюля 1901 г.).

По возвращеніи въ Гельсингфорсъ, ходатаи пускали въ ходъ новые толки. Излюбленными темами въ подобныхъ случаяхъ являлись разсказы о полномъ «fiasko генералъ-губернатора», о скоромъ его удаленіи, о «перемѣнѣ курса», о сочувствіяхъ русскаго высшаго и либеральнаго общества финляндцамъ и т. п. Въ Финляндіи жили надеждой на перемѣну курса и говорили, что генералъ-губернаторомъ будетъ назначенъ А. О. (20 октября 1902 г.).

Походы, которые велись въ союзѣ съ русскими вліятельными дѣятелями, несомнѣнно, портили кровь начальнику края и отнимали у него немало времени, хотя въ письмахъ Н. И. Бобрикова и встрѣчаются указанія на то, что «петербургскій штабъ финляндской интриги» его не тревожитъ. Интрига могла не тревожить его только потому, что онъ не позволялъ себѣ ничего противозаконнаго и безнравственнаго. Но для человѣка нашей-же плоти и духа, она не могла проходить безслѣдно. «Пожалуйста принимайте только къ свѣдѣнію доходящую до васъ въ Петербургѣ критику современной финляндской политики, писалъ Н. И. Бобриковъ генералу, подпавшему, вѣроятно, подъ вліяніе столичныхъ салоновъ. Чтобы быть серьезнымъ и полезнымъ критикомъ, надо близко изучить дѣло, а многіе-ли изъ нихъ представляютъ себѣ вѣрно здѣшнюю современную обстановку? Я дѣйствую строго по закону, по совѣсти и въ интересахъ только правды. Такое направленіе продлится столько, сколько Богу угодно будетъ держать меня въ Финляндіи» (16 марта 1900 г.). «Совѣсть меня ни въ чемъ не упрекаетъ,—значится въ большомъ письмѣ Н. И. Бобрикова къ В. К. Плеве,—и я осуществляю лишь мнѣ данную Его Величествомъ программу. Если Государь мною недоволенъ—это другое дѣло Проявленіе со стороны Его Величества недовѣрія заставитъ меня, нисколько не колеблясь, уступить занимаемый постъ другому, болѣе достойному и способному. Два года я уклонялся отъ оказанной мнѣ чести, хорошо сознавая всю трудность, а подчасъ и полную невозможность, удовлетворить современнымъ отъ края требованіямъ. Я имѣлъ счастье обо всемъ докладывать Государю еще до назначенія. Съ тѣхъ поръ ничего не случилось мною не предусмотрѣннаго. Вотъ почему всѣ невзгоды переношу съ терпѣніемъ. Петербургскихъ критиковъ-крикуновъ я хорошо знаю по своей въ столицѣ службѣ. Эти непризванные критики много говорятъ и нерѣдко кричатъ о дѣлѣ, котораго близко не знаютъ и не понимаютъ. Отъ клеветы, конечно, застраховаться весьма и весьма трудно и поэтому я дорожу лишь только довѣріемъ Государя и собственною совѣстью» (1 апрѣля 1900 г.). «Скажу совершенно откровенно, сообщалъ Н. И. Бобриковъ другому лицу, что самую злую критику

я перенесу съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, опираясь на спокойствіе совѣсти. Исторія скажетъ свое правдивое слово».

Въ Петербургѣ, среди знати и среди высшей администраціи, финляндцы всегда имѣли сильныхъ покровителей. Это хорошо было извѣстно генералъ-губернатору. Безъ петербургской помѣхи русскія дѣла въ Финляндіи несомнѣнно шли бы значительно успѣшнѣе. «Смѣю думать,—писалъ Н. И. Бобриковъ (7 сентября 1901 г.) къ В. К. Плеве,—что если бы финляндцы не имѣли покровителей свыше, то и никогда не смѣли бы рѣшиться на столь ..... и дерзкое противодѣйствіе». Несомнѣнно, что во многихъ случаяхъ союзники финляндцевъ въ Петербургѣ являлись болѣе опасными для русскаго генералъ-губернатора, чѣмъ «заговоры» гельсингфорскихъ чиновниковъ и вся интрига сторонниковъ пассивнаго сопротивленія. «Я, повѣрьте, понимаю всю тяжесть вашего положенія,—сообщалъ Н. И. Бобрикову его знакомый. Сциллы и Харибды петербугскія мнѣ извѣстны. Финляндскіе шхеры ничто въ сравненіи съ ними и страшны они только благодаря Петербургу. Имѣю полную надежду, что при вашей твердости и умѣніи русское государственное дѣло... будетъ доведено, вопреки всему, благополучно въ тихую гавань» (21 мая 1902 г.). Шведоманы работали «во всю», очевидно, разсчитывая на поддержку въ Петербургѣ, писалъ Николай Ивановичъ... «Въ Петербургѣ мало кто знаетъ истинное положеніе нашихъ здѣшнихъ дѣлъ и потому у финляндцевъ (тамъ) масса защитниковъ... (2 апрѣля 1900 г.). Финляндцы продолжаютъ упорствовать, но я убѣжденъ въ неизбѣжности ихъ сдачи, лишь бы петербургскіе политиканы не мѣшали», утверждалъ и надѣялся Николай Ивановичъ.

Своими совѣтами и дѣйствіями Петербургъ очень ободрялъ оппозицію и нерѣдко наводилъ уныніе на тѣхъ финляндцевъ, которые рѣшались примкнуть къ русской власти. Въ книгѣ шведскаго писателя Вальфрида Спонгберга имѣется указаніе на то, что извѣстный русскій писатель и многія высокопоставленныя лица (flera högt stående ryssar) рекомендовали финляндцамъ «протестовать, протестовать и не сдаваться»; а одинъ изъ сановниковъ яко-бы предостерегалъ ихъ только отъ уличныхъ безпорядковъ и грубой безтактности[375]). Впослѣдствіи о томъ-же вліятельномъ администраторѣ Н. И. Бобриковъ получилъ отъ своего знакомаго изъ Петербурга другія свѣдѣнія, которыя совпадали съ характеристикой, сдѣланной шведскимъ писателемъ. «Господинъ X. меня предупредилъ, что г. Z. orbi et urbi ругаетъ финляндское управленіе.... и говоритъ тамъ, гдѣ ему не надлежитъ говорить.... Но г. Z. при этомъ не зналъ и знать не хотѣлъ, что происходило въ Финляндіи. Должно произойти или полное отступленіе отъ нынѣшняго направленія лишенія финляндцевъ ихъ правъ, или введеніе военнаго по-

ложенія.... Одно ясно, что у финляндскаго народа отбираютъ то, что онъ имѣлъ въ теченіи ста лѣтъ и что онъ привыкъ считать своимъ правомъ.... Есть только «оффиціальная» русская литература о Финляндіи. Пускай министръ внутреннихъ дѣлъ только на одинъ мѣсяцъ разрѣшитъ русскимъ газетамъ свободное обсужденіе финляндскихъ вопросовъ и тогда мы бы увидѣли, какъ смотритъ Россія на Финляндію.... Уничтожьте въ Тамбовской губерніи, напримѣръ, земство и увидите, сколько будетъ выстрѣловъ. Финляндцы же до сихъ поръ не позволили себѣ никакого насилія. Это удивительно. Господинъ Z. говорилъ, какъ самый убѣжденный свекоманъ и не хотѣлъ слышать не только опроверженій своихъ доводовъ, но и фактовъ.... Это говорилъ не русскій государственный человѣкъ, а финляндскій.... Выйдя отъ него, я думалъ, что вышелъ изъ кабинета Мехелина или другого вождя агитаціи антирусской» (17 января 1903 г.).

Неудивительно, что такія воззрѣнія нѣкоторыхъ русскихъ сановниковъ подымали духъ сопротивленія однихъ въ Финляндіи и разбивали надежды другихъ. «Имѣлъ со мною — дѣлился со своими новостями генералъ-губернаторъ съ министромъ статсъ-секретаремъ, — продолжительный разговоръ N., видимо озабоченный перемѣною петербургской политики. Онъ опасается за успѣхъ интриги шведомановъ противъ финскаго современнаго сената и за усиленіе въ краѣ броженія, съ минуты возвращенія господъ А. и Б.» (21 марта 1902 г.). Въ строкахъ Н. И. Бобрикова, очевидно, наблюдается отраженіе ходовъ столичныхъ союзниковъ финляндцевъ.

Къ петербургскимъ настроеніямъ по необходимости внимательно присматривались и прислушивались также русскіе люди, несшіе тяжелую службу среди нерасположенныхъ къ нимъ финляндцевъ. Русскихъ, конечно, радовало опредѣленное направленіе въ исполненіи намѣченной программы; при иныхъ условіяхъ положеніе ихъ становилось невыносимымъ. Иногда Н. И. Бобриковъ сообщалъ въ Гельсингфорсъ свои петербургскія впечатлѣнія и всякое благопріятное извѣстіе неизмѣнно рождало сочувственный откликъ радости въ его немногочисленныхъ сотрудникахъ. «Знайте, что свыше указанное направленіе твердое», писалъ начальникъ. «Очень счастливы, что курсъ твердъ». «Очень счастливъ, что вы довольны Петербургомъ и твердостію курса. Это извѣстіе придаетъ бодрость и увеличиваетъ энергію», отвѣчали ему ободренные подчиненные (9 марта 1903 г.). «У васъ надо всѣмъ учиться твердости и стойкости въ проведеніи разъ намѣченной программы» (22 апрѣля 1902 г.), признавались чистосердечно его сотрудники. Благодаря такимъ качествамъ, Н. И. Бобриковъ не разъ доставлялъ своимъ помощникамъ и русской колоніи удовольствіе и полное удовлетвореніе по перенесеннымъ трудамъ.

Въ свою очередь и они спѣшили подѣлиться съ нимъ хорошими вѣстями. 30 декабря 1903 г. Николай Ивановичъ получилъ изъ Петербурга слѣдующее сообщеніе: «Общее мое впечатлѣніе такое — въ настоящее время уже достаточно много лицъ, которыя громко говорятъ, что ваша политика приноситъ плоды, что успокоеніе края очевидно и что поэтому нужно признать, что вы идете по вѣрному пути. Годъ тому назадъ такихъ голосовъ почти нигдѣ не было слышно». Настроеніе въ непостоянномъ Петербургѣ часто колебалось и мѣнялось, не только у представителей аристократіи, но и въ средѣ администраторовъ. Сегодня особы были одного мнѣнія, завтра—другого. То они негодовали на новыя разоблаченія по финляндскому вопросу, то горячились, что съ финляндцами продолжаютъ разговаривать «въ бѣлыхъ перчаткахъ» и запрашиваютъ ихъ мнѣнія по вопросу объ оборонѣ края. Съ шумомъ и толками частныхъ людей можно было еще мириться. Хуже вліяла неустойчивость административныхъ верховъ. «Самое опасное въ такое время, которое вы переживаете, — писалъ къ Николаю Ивановичу (12 марта 1899 г.) одинъ изъ его доброжелателей, — это — колебанія, какъ на мѣстѣ, такъ въ особенности въ Петербургѣ»...

9 ноября 1903 г. Николай Ивановичъ получилъ изъ Петербурга письмо отъ своего знакомаго В. В., въ которомъ заключалось серьезное указаніе, вполнѣ подтвердившееся впослѣдствіи: «Перемѣна направленія въ финляндскомъ и еврейскомъ вопросахъ была бы несчастіемъ потому еще болѣе, что оба они связаны съ революціоннымъ движеніемъ въ Россіи».

Самъ Николай Ивановичъ не проявлялъ ни малѣйшихъ колебаній и совершенно не склоненъ былъ къ измѣненію того направленія, котораго онъ держался и которое считалъ единственно правильнымъ и потому его положеніе являлось особенно труднымъ среди разныхъ вѣяній и теченій. Онъ видѣлъ также, что въ Петербургѣ финляндцы прочно укрѣпились въ своемъ форпостѣ — статсъ-секретаріатѣ. Туда стекалось все недовольство на него; тамъ обдумывались наиболѣе опасные планы противодѣйствія его начинаніямъ. А всего печальнѣе было то, что въ стѣнахъ этого ближайшаго къ Верховной власти финляндскаго учрежденія въ теченіи многихъ десятилѣтій не было души, сочувствующей государственно-объединительнымъ реформамъ. Со времени Ребиндера и графа А. Армфельта статсъ-секретаріатъ былъ неизмѣннымъ оплотомъ финляндскихъ политиковъ[376]).

Гр. А. Армфельтъ и Шернваль-Валленъ, по признанію финляндскихъ писателей, отличались большими способностями лавировать среди столичныхъ теченій. Финляндцы, ведшіе политику окраины въ Петербургѣ, должны были отгадывать, что по времени является модным.

Иногда вѣрнѣе было эксплоатировать «народное недовольство», въ другихъ случаяхъ—«неразрывное соединеніе Финляндіи съ Россійской Имперіей». Снельманъ придумалъ указывать на обязанность Россіи быть великодушной по отношенію къ Финляндіи и не разорять ее. Армфельтъ и его помощникъ особенно заботились о томъ, «чтобы со стороны финляндцевъ не допускалось ничего, что могло бы вызвать неудовольствіе гуманнаго Монарха, отъ доброй воли котораго въ столь значительной степени зависѣло дальнѣйшее развитіе края». «Какъ Армфельтъ, такъ и Шернваль-Валленъ,—пишетъ финляндскій историкъ,—въ высокой степени обладали тою находчивостію и тѣми изящными манерами, которыя столь необходимы для людей высокопоставленныхъ, почему имъ и удавалось осуществить многое, что для иныхъ, менѣе свѣтскихъ людей, поставленныхъ въ такое-же положеніе, могло бы оказаться не по силамъ, хотя бы послѣдніе и обладали болѣе солидными познаніями[377]).

Видимо, что статсъ-секретаріатъ выработалъ извѣстныя традиціи, которымъ неуклонно слѣдовали финляндскіе дипломаты, и кромѣ того онъ ревниво оберегалъ свое положеніе, какъ центра окраинской политики.

Такимъ онъ оставался и въ первые годы бобриковскаго генералъ-губернаторства. Изъ переписки руководителей финляндской смуты видно, что въ статсъ-секретаріатъ обращались нерѣдко какія-то таинственныя личности за справками о проектируемыхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ. Все, что дѣлалось въ статсъ-секретаріатѣ, неизбѣжно становилось общимъ достояніемъ финляндскихъ политическихъ дѣятелей и редакцій. Даже В. К. Плеве не удалось вполнѣ пересоздать этого оплота обособленниковъ. «Считаю необходимымъ, писалъ генералъ-губернаторъ, передать вамъ выписку изъ стокгольмской газеты «Aftonbladet», изъ которой очевидно, что изъ состава статсъ-секретаріата еще не изгнаны всѣ измѣнники... Повѣрьте, что пока будутъ шведы—держать секреты немыслимо». Дѣло на этотъ разъ было столь секретно, что о немъ не зналъ даже директоръ канцеляріи генералъ-губернатора (16 октября 1901 г.). Сенаторъ, предназначенный къ высылкѣ, узналъ объ этомъ, хотя оффиціальной переписки о немъ еще не было. «Я навѣрное знаю,—говорилъ сенаторъ двумъ своимъ коллегамъ,—что обо мнѣ былъ докладъ Государю, откуда-же я это знаю, не считаю себя въ правѣ вамъ сказать». Бывали и такіе случаи, что заграничныя агентства узнавали о распоряженіяхъ русской власти ранѣе, чѣмъ свѣдѣнія о нихъ доходили до главнаго начальника края. При содѣйствіи бывшаго товарища министра статсъ-секретаря графа К. Армфельта, агитаторы надѣялись поднести Монарху такъ-называемый адресъ ученыхъ Европы, который они сами прозвали «междуна-

родной бомбой.» Гр. К. Армфельтъ принималъ близко къ сердцу и другія дѣла финляндцевъ, за что ему «сограждане, депутаціи финскихъ людей и сеймовые депутаты» выразили «горячую благодарность за пламенныя патріотическія чувства и за благородный порывъ содѣйствовать разрѣшенію вопроса, который разбился о роковой формализмъ.» (20 марта 1899 г.).

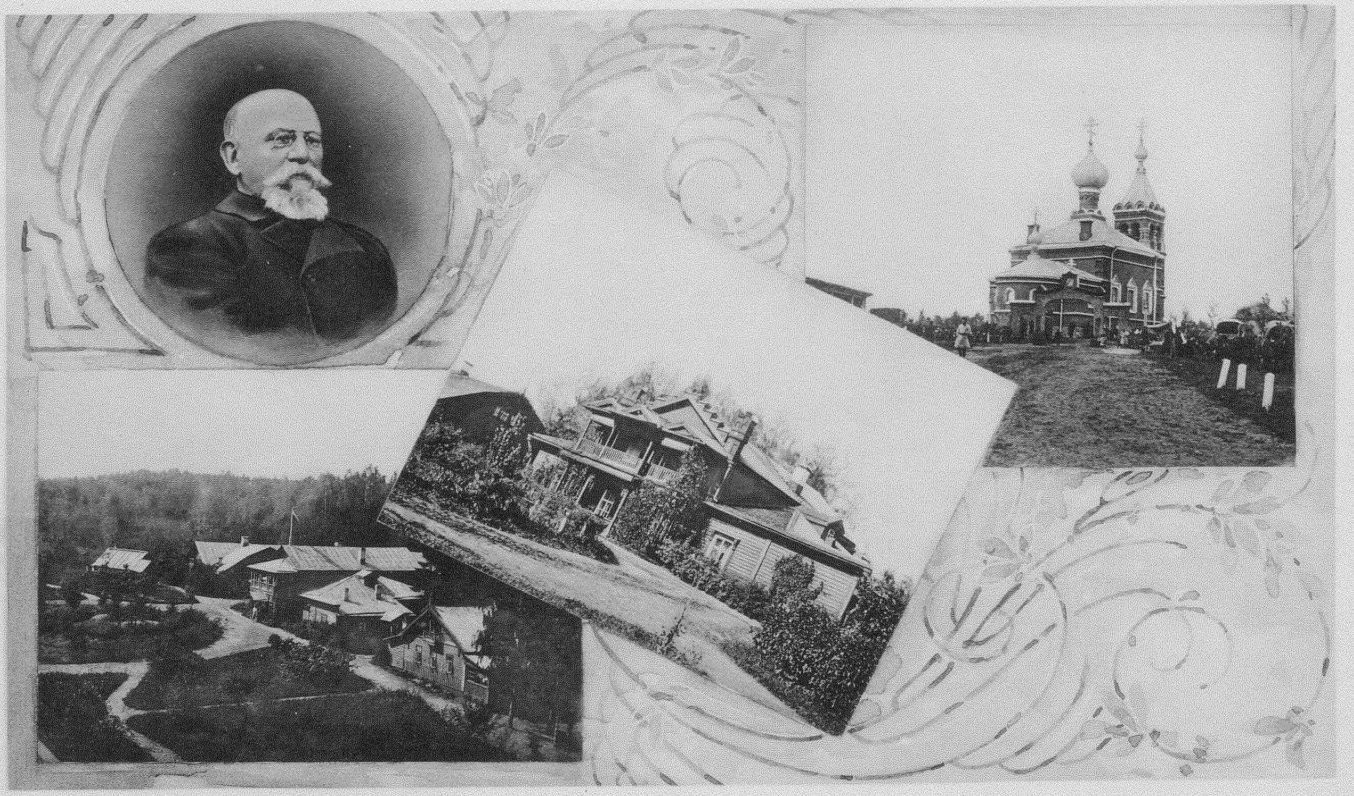
Иногда дѣйствія «петербургскихъ шведовъ», какъ называлъ ихъ генералъ-губернаторъ, очень существенно подрывали русскіе интересы. Во время голода въ сѣверныхъ губерніяхъ Финляндіи (1902—1903 г.), въ Гельсингфорсѣ дѣйствовалъ какой-то своеобразный центральный комитетъ. Во главѣ его находились лица, ушедшія демонстративно въ отставку. Неизвѣстно, кѣмъ комитетъ былъ организованъ и кѣмъ утвержденъ, такъ какъ устава онъ не имѣлъ. Петербургъ, съ своей стороны, пожелалъ оказать посильную помощь бѣдствующимъ финляндцамъ. Въ статсъ-секретаріатѣ остановились на мысли учредить особый комитетъ для сбора пожертвованій. Когда генералъ-адъютанту К. О. Кремеру, предсѣдателю Россійскаго Краснаго Креста, «предложили встать во главѣ комитета при статсъ-секретаріатѣ по сбору пожертвованій, то онъ поставилъ условіемъ своего согласія, чтобы деньги направлялись прямо въ центральный Гельсингфорскій комитетъ. Это условіе было принято (16 января 1903 г.). Оно, видимо, очень огорчило начальника края, такъ какъ онъ писалъ по этому поводу: «Петербургскіе шведы, интригуя противъ генералъ-губернатора, направляютъ пожертвованія въ пользу голодающихъ финляндцевъ не въ мою канцелярію или въ отдѣлы Краснаго Креста, что было бы естественно, а невѣдомому центральному комитету, дѣйствующему безъ разрѣшенія моего и даже безъ устава». А онъ (центральный комитетъ) «способенъ русскія жертвы употребить во вредъ ихъ жертвователей, на поддержку броженій». Если бы деньги шли черезъ русскія руки, «бѣдняки знали бы своихъ русскихъ благодѣтелей» ... (20 февраля 1903 г.). Вскорѣ выяснилось, что даже среди финляндцевъ Гельсингфорскій центральный комитетъ не пользовался полнымъ довѣріемъ согражданъ. Такое недовѣріе было открыто выражено въ полемикѣ, возникшей по вопросу о его безконтрольной дѣятельности. Въ «Hufvudstadsbladet» отмѣчено было, что среди рабочихъ раздавались жалобы на то, будто бы «господа» присвоили себѣ часть денегъ, собранныхъ въ краѣ въ пользу голодающихъ[378]).

Несмотря на все это въ Гельсингфорскій центральный комитетъ были переданы 25 тыс. рублей изъ Россійскаго Общества Краснаго Креста. Мы уже не говоримъ о другихъ крупныхъ пожертвованіяхъ.

Русское чувство, конечно, было уязвлено подобнымъ распоряженіемъ. Въ Финляндіи существовало десять отдѣловъ Россійскаго Крас-

наго Креста и предсѣдатель его обошелъ ихъ своими прямыми дѣйствіями по благотворительности! Для цѣлей же сближенія финновъ съ русскими было бы особенно полезно передавать русскія деньги черезъ русскія же учрежденія. Неудивительно, что генералъ-губернаторъ писалъ тогда: «Дѣло шло бы лучше, если бы... не кидали въ колеса палокъ».

Періодическая печать, какъ орудіе политической борьбы, не была обойдена и забыта. Въ Петербургѣ имѣется уже польскій органъ «Край», нѣмецкіе «Zeitung» и «Herold» для того, чтобы давать тонъ русскому общественному мнѣнію. Финляндцы не разъ добивались того же (въ восьмидесятыхъ годахъ В. Головинъ и Фразеръ, въ послѣднее время Гренгагенъ); но такъ какъ это имъ не удавалось, то они пользовались русскими изданіями. Во всѣхъ почти либеральныхъ редакціяхъ Петербурга сотрудничали финляндцы. Въ «Вѣстникъ Европы» посылали свои статьи Л. Мехелинъ, Р. Германсонъ, И. К. Ирье-Коскиненъ, Игельстремъ; въ «Сѣверномъ Курьерѣ» и въ «Вѣстникѣ Всемірной Исторіи» работалъ Сандръ (Тавастшерна); въ «Русскомъ Трудѣ»— Укко, въ «Мірѣ Божіемъ» — Фирсовъ (Форселлесъ); въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» въ одно время печатались дословные переводы статей «Nya Pressen» и т. д. Кромѣ того финляндскія идеи распространялись въ нашей печати довольно многочисленными русскими перьями. Вообще въ теченіи 1898 — 1904 гг. финляндцы старались ознакомить Россію со своими политическими воззрѣніями и приняли мѣры къ тому, чтобы русское общество и русскія власти смотрѣли на финляндскія дѣла финляндскими глазами. Съ русской точки зрѣнія финляндскія дѣла освѣщались относительно рѣдко и робко.—«Смѣть свое сужденіе имѣть» дерзали немногіе...



Виды Ульяновки—имѣнія Н. И. Бобрикова.

XII. Печать.

Изъ письма Н. И. Бобрикова отъ 21 марта 1900 г.

«Лучшею и наиболѣе дѣятельною пособницею агитаторовъ явилась мѣстная печать. Ее едва ли даже правильно назвать пособницей, такъ какъ она въ сущности представляетъ собою одинъ изъ главныхъ очаговъ всѣхъ безпорядковъ въ краѣ. Газеты поддерживали и пропагандировали недовольство, развивали ложный патріотизмъ, подготовляли оппозицію, скрывали отъ русской власти разныя преступныя затѣи, подстрекали народъ къ выселенію, а также къ преслѣдованію коробейниковъ и вообще къ мелочному, но крайне назойливому, гоненію противъ всего русскаго». Въ этихъ строкахъ отчета (15 октября 1902 г.) генералъ-губернатора заключается краткая характеристика финляндской печати.

Въ другомъ документѣ того же 1902 г. Н. И. Бобриковъ, коснувшись печати, писалъ: «На первыхъ же порахъ управленія краемъ, мною было замѣчено, что наиболѣе вредитъ Финляндіи ея собственная періодическая печать. Всѣ редакціи газетъ ставили себѣ обязанностью, при каждомъ удобномъ случаѣ, воспроизводить ученіе о финляндской «государственности» и напоминать, что требованія и интересы Финляндіи совершенно различны отъ требованій и интересовъ Россіи. Въ послѣдней всегда старались видѣть иностранную державу. Свѣдѣнія о ней давались газетами въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ,

причемъ они печатались обыкновенно въ особомъ отдѣлѣ, который помѣщался на послѣдней страницѣ передъ объявленіями. Россія часто даже не называется по имени, а отмѣчается, какъ «восточная сосѣдка». Все это до такой степени усвоено финляндцами, что Петербургскую губернію они часто называютъ Ингерманландіей. Къ этому надо присоединить еще дерзкій и заносчивый тонъ, усвоенный газетами, который крайне дурно вліялъ на постоянныхъ читателей. Изъ печати Имперіи систематически и тенденціозно выбиралось только то, что могло внушать нерасположеніе къ русскому дѣлу, русскому народу и къ православной вѣрѣ[379]). Затѣмъ я замѣтилъ, что крупнѣйшія историческія событія Россіи, ея политическія торжества и т. п. никогда не дѣлались событіями и торжествами Финляндіи.

«По отношенію къ высшимъ финляндскимъ властямъ газеты держали себя весьма непристойно. Въ очень прозрачныхъ иносказательныхъ разсказахъ встрѣчались грубыя издѣвательства надъ сенаторами и статсъ-секретаремъ Финляндіи. Не говорю уже о тѣхъ карикатурахъ, въ которыхъ они дѣлали намеки на меня, такъ какъ все, касавшееся моей личности, я оставлялъ безъ всякихъ взысканій».

Таково было первое впечатлѣніе, полученное генералъ-губернаторомъ Бобриковымъ, при ознакомленіи съ финляндской повременной печатью. Оцѣнка его, по обыкновенію, вѣрная, такъ какъ основана на большомъ матеріалѣ и вполнѣ подтверждается дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ направленія политической литературы края.

Перебирать и характеризовать статьи газетъ не имѣется, конечно, возможности, а потому необходимость побуждаетъ перейти къ литературнымъ сборникамъ. Обзоръ ихъ дастъ представленіе о томъ направленіи, которое господствовало во всей мѣстной печати. Вся она походила на одно лицо и разнилась большей или меньшей рѣзкостью тона.

Одному изъ издателей пришла мысль устроить нѣчто въ родѣ плебисцита и допросить публицистовъ и политическихъ дѣятелей о современномъ положеніи Великаго Княжества и о тѣхъ мѣрахъ, которыми слѣдуетъ, по ихъ мнѣнію, исправить недочеты «государственнаго корабля» Финляндіи, сдѣлать его болѣе устойчивымъ въ бурю, которая внезапно налетѣла, и добиться его возвращенія въ тихую гавань. Составился сборникъ патріотическихъ статей «За Родину» (För Fosterlandet). Поступившія статьи и замѣтки полны указаній на «безпокойное время», на «крестовый походъ», воздвигнутый на Финляндію, на «восточные» вихри и морозы, грозящіе уничтожить конституціонные посѣвы, на реакцію, поставившую «силу выше закона» и стремящуюся «уничтожить національное существованіе финновъ» и т. п. «Такъ мы, финны, понимаемъ нынѣшнее положеніе». «Въ этихъ стремленіяхъ

мы видимъ огромную несправедливость, совершаемую великой націей, такъ какъ мы не погрѣшили передъ человѣчествомъ и не нарушили своихъ обязательствъ по отношенію къ Россіи».

Современное положеніе Финляндіи одинъ изъ виднѣйшихъ писателей края, Э. Эркко, обрисовалъ въ этомъ сборникѣ въ разсказѣ «Что предстоитъ сдѣлать»? въ такомъ видѣ: «Финскій народъ похожъ на проѣзжаго ограбленнаго юношу... Онъ ѣхалъ въ городъ по свѣтлой дорогѣ, думая о любимомъ клочкѣ земли и о родныхъ... Онъ мечталъ о счастьи, онъ пѣлъ о будущемъ и о надеждѣ. Онъ зналъ, что по сосѣдству находились завистливые люди, которые ненавидѣли его. Онъ слышалъ по пути угрожающіе крики и иногда вздрагивалъ, но не боялся, ибо вѣрилъ въ людское добро... Стемнѣло; начался подъемъ въ гору; неожиданно нѣсколько разбойниковъ напали на юношу и избили его, отобрали лошадь и повозку и уѣхали, презрительно смѣясь... Юноша очнулся; онъ сохранилъ жизнь. Что предстояло дѣлать? У него осталась свѣтлая голова, добрая воля и двѣ сильныхъ руки. Онъ выстроилъ свой домъ, оправился и вновь принялся за культурную работу»...

Совѣты, предложенные авторитетами, къ которымъ обратился составитель сборника «За Родину», не идутъ въ большинствѣ случаевъ далѣе общихъ мѣстъ и словъ. Всѣ признаютъ необходимость отстаивать прежніе устои общественной и политической жизни, необходимость оберечь доставшееся народу наслѣдство и ни подъ какимъ видомъ не уступать ничего изъ положеній основныхъ законовъ. Далѣе выражены пожеланія улучшить соціальное положеніе, прекратить пьянство, поднять нравственность, расширить образованіе и т. п. Одни радовались и утѣшались тѣмъ, что событія послѣдняго времени обратили на Финляндію вниманіе Европы и Америки. Другіе утверждали, что русскіе умышленно разослали по краю коробейниковъ, которые, «подобно стаѣ голодныхъ волковъ», рыскали по Финляндіи и, слухами о надѣлѣ землею, смущали народъ обѣщаніями и подкупами, угрозами и наказаніями, т.-е. темными и сомнительными средствами русскіе желали вызвать смуту и безпорядки въ Финляндіи. Третьи не безъ наивности писали: «Мы, малый народъ, мы ничего иного не желаемъ въ мірѣ, какъ развивать, подъ кровомъ нашихъ законовъ, наши особенности, дарованныя намъ Богомъ».

Въ то время, когда всѣ финны заняты были патріотической работой, направленной противъ русскихъ требованій, самый талантливый изъ финскихъ беллетристовъ Іогани (Юхани) Ахо (Бруфельтъ) не пожелалъ, конечно, сидѣть сложа руки и потому написалъ рядъ басенъ и мелкихъ нравоучительныхъ разсказцевъ отчасти для ободренія согражданъ, отчасти для характеристики отношеній къ нимъ русскихъ.

Тамъ, гдѣ сознательно вводится политическая «тенденція», напрасно, конечно, искать прелестей свободнаго творчества и поэтическихъ красотъ; дѣланность и искусственность непріятно сквозятъ весьма часто на его страницахъ и нѣтъ возможности отдѣлаться отъ «бѣлой нити», которой всѣ они сшиты.

Два сборника мелкихъ разсказовъ Ахо назвалъ «Можжевельникомъ». Свойствами можжевельника авторъ охарактеризовываетъ финскій народъ. Можжевельникъ пріютился на каменистомъ пригоркѣ. Молнія дробитъ въ щепы сосны, но можжевельникъ ею не повреждается. Боевые кони топчатъ его, колеса лафетовъ пригибаютъ къ землѣ, можжевельникъ не переламывается и по прошествіи нѣкотораго времени можно видѣть его крѣпкій стволъ вновь выпрямленнымъ. Финны умно сдѣлали, что выбрали для себя каменистую мѣстность, на которой въ состояніи расти только можжевельникъ. «Что касается восточныхъ друзей финновъ, то они (русскіе) прошли плугомъ только до тѣхъ мѣстъ, гдѣ можно было развести огороды и они удовольствовались тѣмъ, что понастроили себѣ каменныхъ оградъ съ церквами... Для чужихъ поселенцевъ наша земля была слишкомъ твердымъ орѣхомъ»...

«У тѣхъ изъ нашихъ братьевъ, которые выбрали себѣ для жилья мягкіе луга, чужія колеса врѣзали въ эти луга глубокія колеи... Моисей, приведшій финновъ на ихъ настоящее мѣстопребываніе, очевидно, зналъ ту можжевеловую натуру, которою обладалъ его народъ», поясняетъ авторъ...

«Можжевельникъ»—сборникъ маленькихъ поэмъ въ прозѣ; написаны онѣ въ иносказательной формѣ и дышатъ оппозиціоннымъ настроеніемъ. Сами финляндцы признали сборникъ «вкладомъ въ публицистику по великимъ вопросамъ и событіямъ дня». Годеньельмъ[380]) въ своемъ учебникѣ по исторіи финской литературы говоритъ, что «поводомъ къ этимъ разсказамъ послужили нынѣшнія политическія событія», т.-е. событія послѣднихъ лѣтъ. Подъ вліяніемъ минувшихъ событій, авторъ выясняетъ силу сопротивленія и твердость духа своего народа. Чтобы составить себѣ представленіе о духѣ и направленіи разсказовъ I. Ахо, передадимъ краткое содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Помѣщикъ владѣетъ двумя имѣніями: Пельтола (поле, равнина, Россія), и Корпела (лѣсъ, Финляндія). Въ Корпела нѣсколько лѣтъ не имѣлось управляющаго; наконецъ, баронъ рѣшился послать туда управляющаго (Н. И. Бобрикова), который раньше завѣдывалъ значительными имѣніями у высокопоставленныхъ господъ. Управляющій обѣщалъ завести новые и лучшіе порядки. Пріѣхалъ онъ въ Корпела и былъ встрѣченъ мужиками подобающимъ образомъ. Мужики ждали отъ него благодарности за содержаніе дороги въ надлежащемъ порядкѣ;

но вмѣсто того они получили «нагоняй». Управляющій нашелъ дорогу не въ мѣру длинной и предложилъ выпрямить ее. Кромѣ того, онъ усмотрѣлъ, что обыватели Корпела черезчуръ долго жили по своему усмотрѣнію и стали даже считать землю своей собственностью. Между тѣмъ, баронъ приказалъ, чтобы пограничное владѣніе Корпела было тѣсно объединено съ Пельтола, чтобы между этими имѣніями установилась неразрывная связь, чтобы обыватели Корпела также горячо любили ширь земель Пельтола, какъ любятъ клочки своей маленькой землицы. «Чтобы облегчить вамъ это дѣло и чтобы внушить вамъ надлежащее понятіе о томъ, чего требуетъ ваше положеніе,— говорилъ управляющій,—я предприму пересмотръ вашихъ контрактовъ и вычеркну изъ нихъ всѣ параграфы, которые не согласуются съ интересами и достоинствомъ Пельтола»...

Вѣроятно, опасаясь, что мораль сего разсказа для многихъ окажется недостаточно ясной, I. Ахо присоединилъ къ нему еще нѣсколько другихъ въ томъ же родѣ. Такъ въ разсказѣ «Хозяинъ и работникъ» (торпарь) авторъ повѣствуетъ о томъ, что владѣлецъ «Русскаго двора» (Ryssgård), усмотрѣвъ, что его работникъ Finnbacke Finne (финнъ изъ «Финскаго пригорка») излишне засидѣлся на одномъ мѣстѣ, порѣшилъ выселить его, несмотря на то, что онъ аккуратно платилъ аренду и исправно отбывалъ поденщину. «Здѣсь мы—говорилъ работникъ своей женѣ—расчистили пустыню, воздѣлали лугъ, вспахали поле, высушили болото... Трудно жилось здѣсь въ первые годы, а теперь, когда мѣсто устроено, когда начинаешь пожинать плоды своихъ трудовъ, хозяинъ намѣренъ отнять у насъ мѣсто... Напрасно надѣяться, ибо такимъ же образомъ онъ поступилъ съ прежними своими работниками»... Жена отказывается вѣрить, ссылаясь на договоръ, закрѣпленный рукопожатіемъ.—Да! договоръ былъ заключенъ, но на словахъ, а теперь—возражаетъ мужъ—требуютъ предъявить письменный контрактъ, а такого не было составлено, и если поэтому хозяинъ захочетъ выслать насъ, то ни плачъ, ни жалобы не помогутъ. Сила на его сторонѣ...

«Морозъ съ востока». Морозъ появляется обыкновенно съ сѣвера, но не всегда, иногда говорятъ о морозѣ съ востока (т. е. изъ Россіи). Одинъ изъ крестьянъ Финляндіи объяснялъ автору разсказа, что здѣсь постоянно надо опасаться мороза, такъ какъ сюда онъ приходитъ съ востока и притомъ почти всегда неожиданно. Около усадьбы болото. А развѣ нельзя его высушить? Кто же въ состояніи осушить бездонную лужу и расчистить столѣтнюю пустыню. Средства нашей усадьбы для этого совершенно недостаточны. И если теперь насъ посѣтитъ морозъ, то послѣдній посѣвъ будетъ уничтоженъ...

Большой популярностію пользовался разсказъ I. Ахо «Если ты

потушишь, я засвѣчу». Темная зимняя ночь. Въ маленькой и низкой избѣ виденъ свѣтъ лампы и люди радостно ждутъ наступленія утра. Злой бѣсъ тьмы бросился, однако, въ избу и потушилъ огонь. Явился геній свѣта и сказалъ: если ты потушишь, я зажгу. Засвѣтили свѣчку. Духъ тьмы вернулся и потушилъ ее. Зажгли лучину. Духъ зла погасилъ ее. Зажгли огонь въ печкѣ. Духъ тьмы хотѣлъ потушить, но чѣмъ болѣе онъ дулъ, тѣмъ болѣе разгоралось пламя. Пока онъ возился у печки, настало утро. Засіяло солнце...

Но особенно грубой тенденціей и недоброжелательствомъ къ русскимъ отличаются разсказы Ахо «Тройка» и «Лѣсная ворона». Разыгралась вьюга. Финны на лыжахъ совершали свой путь. Вдругъ они заслышали шумъ, гамъ и звонъ курьерскаго колокольчика. Въ сугробѣ застряла кибитка, широкая, какъ барка; всю корму занималъ очень полный бородатый господинъ съ блестящими пуговицами. Лошади также утопали въ снѣгу; оглобли были переломлены, возжи спутаны. Господинъ что-то рычалъ на своемъ непонятномъ языкѣ. Кучеръ нѣсколько говорилъ по-фински. «Что-же вы стоите,—кричалъ кучеръ финнамъ,—поставьте сани на дорогу! Помогите лошадямъ!—«Валяйся тутъ, пока твоя кровь не остынетъ. Здѣсь проходятъ только съ ласковыми словами и приличнымъ поведеніемъ».—«Черти, протяните руки и вытащите меня хотя на дорогу». Кучера вытащили лишь тогда, когда онъ заговорилъ съ ними ласковѣе. «Вотъ такъ хорошо!» Теперь кучеръ принялся разглагольствовать. Онъ объяснилъ, что баринъ выѣхалъ только для того, чтобы похвастать упряжкой, досадуя на финновъ, восхваляющихъ своихъ лошадей. «Я-де предупреждалъ барина, что въ Финляндіи съ такой кибиткой и такими лошадьми не справиться даже въ обыкновенную зиму, не только въ такую, какъ нынѣшняя. Баринъ заупрямился и мы поѣхали. Теперь ему не позволяетъ его гордость и достоинство повернуть назадъ. Попросите его, покланяйтесь ему, встаньте на колѣна—и вы избавитесь отъ него. Такъ я поступаю съ нимъ». Финны, конечно, на это не согласились. «Попросите насъ, какъ слѣдуетъ, тогда, пожалуй, поможемъ вамъ; но принудить насъ нельзя! Здѣсь (въ Финляндіи) не дозволяется ѣздить въ такихъ широкихъ саняхъ, какъ ваши; по нашему закону полдороги слѣдуетъ оставлять для встрѣчныхъ». «Не будьте глупы,—говорилъ кучеръ,—въ Петербургѣ господа не будутъ справляться съ вашими постановленіями и не уменьшатъ ширины своихъ саней, а заставятъ васъ уширить ваши дороги». Однако, финны не послушались, такъ какъ старшій въ ихъ средѣ заявилъ, что нельзя уступить: уступите сегодня одному, завтра десять другихъ будетъ на вашей шеѣ. Крестьяне собрались уйти и оставить путешественниковъ въ сугробахъ. Господинъ заговорилъ тогда мягче и дружественнѣе, а кучеръ пояснилъ, что «васъ вѣдь

просятъ!» «Такъ бы и повели себя съ самого начала», — замѣтилъ финнъ. Господину была оказана нужная помощь; ему одолжили лучшія сани съ ближайшаго двора, а кучеръ, не предупредивъ барина, незамѣтно повезъ его обратно, навѣсивъ, однако, свои колокольчики и бубенчики, дабы встрѣчные не подумали, что они ѣдутъ на финской подводѣ. Кучеръ же увѣрялъ крестьянъ, что баринъ, прученный ими, болѣе не пріѣдетъ къ нимъ. Едва кучеръ очутился въ саняхъ, какъ не замедлилъ крикнуть: «Съ дороги!!! Погодите, въ другой разъ мы себя здѣсь покажемъ! Будете насъ по дорогамъ встрѣчать, снявши шапки и козырять!» «Ладно,—думали крестьяне,—пріѣдете тихо, будете приняты друзьями, а съ дерзкими мы...» На этомъ обрывается разсказъ.

«Лѣсная ворона», которая правитъ и властвуетъ въ отдаленныхъ отъ селеній мѣстахъ, слишкомъ падка на птичьи гнѣзда. У нея, правда, было бы довольно и другой пищи, но разъ попробовавъ сладкаго, она не хочетъ ничего другого, кромѣ голыхъ птенчиковъ—еще лучше, если у нихъ уже появился пушокъ, такъ что они слегка въ глоткѣ производятъ щекотаніе. Она привыкла проглатывать ихъ цѣликомъ. «Вѣдь я ихъ не убиваю, а глотая живьемъ, помѣщаю лишь въ болѣе теплое гнѣздо»—говоритъ она обыкновенно въ свое оправданіе, если кто выражаетъ ей свое порицаніе за это. Когда такая пища въ лѣсу оскудѣла, лѣсная ворона направилась въ село, выжидаетъ удобный моментъ и похищаетъ одного птенчика. Но ласточки двора поднимаютъ такой крикъ, такую тревогу, что не только присоединяются къ нимъ ласточки изъ другихъ дворовъ, но также и другія птицы. Тучею кружась около вороны, онѣ даже осмѣливаются наносить ей удары клювами и когтями. «Мало однако она обращаетъ вниманія на клювы и когти: они не проймутъ ее черезъ ея толстый сѣрый кафтанъ, но эти голоса, этотъ крикъ ее раздражаютъ. Они вызываютъ вниманіе всего свѣта, обращаютъ взоры всѣхъ на неудавшуюся попытку... Она думала сдѣлать это втайнѣ и вдругъ такой позоръ... даже курицы кудахчутъ, пѣтухи покрикиваютъ, гуси гогочутъ». Ворона не знаетъ, куда скрыться отъ позора. Изъ этого разсказа вытекаетъ такое нравоученіе, что если всѣ маленькія птички вполнѣ единодушны, вороны ничего не могутъ сдѣлать имъ».

Есть въ этомъ разсказѣ и другой выводъ: нужно прокричать на весь міръ о чинимыхъ якобы притѣсненіяхъ и тогда дѣло будетъ спасено [381]).

I. Ахо типичный представитель того направленія, которое рѣшительно господствуетъ въ финляндской литературѣ. Съ одной стороны мечты о великомъ будущемъ Финляндіи (какъ въ «Снахъ молодости»; стр. 54 сей книги), съ другой—напряженіе всѣхъ духовныхъ и ма-

теріальныхъ силъ для того, чтобы не допустить государственно-политическаго сближенія ея съ Россіей. Внѣ этихъ темъ, нѣтъ ничего—достойнаго для разработки финляндскихъ художниковъ. Иными сюжетами вниманія публики края нельзя привлечь.—Финновъ «одушевляетъ мысль о томъ, что ихъ племя должно развиться въ особую націю, которая сама опредѣлитъ свою историческую судьбу и создастъ себѣ свою собственную культуру... необходимую также для Европы» [382]). Въ то же время финны восторгаются всякимъ указаніемъ на возможность борьбы съ русскими, чтобы не подпасть ихъ губительному вліянію.

«Uusi Suometar», въ статьѣ «Какова истинно финская точка зрѣнія?», говорится о разсказахъ Ахо такъ: «Каждый изъ насъ еще помнитъ, съ какимъ восторгомъ въ 1899 году было встрѣчено появленіе «Можжевельника» [383]). Каждый чувствовалъ, что въ этихъ разсказахъ говоритъ чисто финская душа. Наиболѣе всего въ нихъ намъ понравилось изображеніе финской стойкости, финскаго стремленія найти возможность къ существованію и работать въ пользу этой возможности во время противодѣйствія и угнетенія» (причиняемаго русскою властью). Описывая зданія Гельсингфорса въ разсказѣ «Домой» (Kotiin), Ахо говоритъ: «Всѣ они имѣютъ основаніемъ финскій крѣпкій сѣрый гранитъ, который не сыплется въ море, а, напротивъ, шагъ за шагомъ отгоняетъ волны моря все дальше отъ себя.» «Всѣ зданія, дѣйствительно, малы, но за то они свои и прочны. Мы въѣлись изо всѣхъ силъ въ земную кору, что верескъ, и у того, кто вздумалъ бы насъ отодрать отъ нея, остались бы въ рукахъ верхушки, корни же притаились бы въ землѣ для того, чтобы пустить новые ростки. И когда это знаешь, и взглянешь на этотъ спокойный, теплый, синій небесный сводъ надъ твоей головой, тогда и почувствуешь, что Финляндія вовсе не слабѣе другихъ странъ, и что положеніе ея вовсе не такъ ужъ безнадежно»...

Нѣкоторые разсказы Ахо ставятся финляндцами наряду съ «Книгой о нашей родинѣ» («Maamme kirja») Топеліуса и «Разсказами прапорщика Столя» Рунеберга [384]). Сенатъ (въ 1905 г.) постановилъ выдавать Ахо (и Эркко) пенсію за литературныя заслуги.—Рунебергу воздвигнутъ памятникъ; Ахо награжденъ національнымъ даромъ. Оба они войдутъ, конечно, и переполнятъ собою христоматіи. Подняли они значеніе своихъ произведеній въ глазахъ финскаго народа прежде всего, несомнѣнно, большими талантами. Это безспорно. Но также безспорно, что въ краѣ ихъ особенно цѣнятъ за горячій патріотизмъ. Основа же этого патріотизма у того и другого—борьба съ русскими и противодѣйствіе правительственнымъ мѣропріятіямъ, исходящимъ изъ Имперіи и имѣющимъ въ виду интересы Россіи. Легко себѣ представить то поколѣніе финновъ, которое возростетъ на идеяхъ, копи

проникнуты сборники разсказовъ «Фенрика Столя» и «Можжевельника».

Приподнятый патріотизмъ свойственъ малымъ народностямъ, дорожащимъ самостоятельнымъ развитіемъ своихъ духовныхъ силъ. Самымъ «необузданнымъ выразителемъ этого патріотическаго чувства является Іогани Ахо». У него это чувство сквозитъ во всемъ, въ описаніи природы и въ картинахъ финляндской жизни. «Говоритъ-ли онъ о холодномъ восточномъ вѣтрѣ, несущемъ губительный морозъ на поля, только что покрытыя вешними всходами,—вы чувствуете въ этой реальной картинѣ аллегорію иныхъ отношеній, общественныхъ и политическихъ:... находитъ-ли онъ въ карманѣ клочекъ старой газеты, она начинается словами: «тяжелое время переживаетъ теперь Финляндія; уныніе наполняетъ душу» [385])...

Въ Финляндіи трудно назвать выдающагося писателя безъ «тенденціознаго творчества». Всѣ они возводятъ въ культъ любовь къ своей національности и въ этомъ отношеніи не знаютъ, кажется, мѣры. Браузеветтеръ [386]) утверждаетъ даже, что «любовь къ родинѣ у финляндцевъ въ наивысшемъ своемъ развитіи приводитъ къ отрицанію всемірной культуры». Они, кажется, не допускаютъ и не признаютъ ничего болѣе высокаго, чѣмъ идея національности. Въ атмосферѣ узкаго націонализма нѣкоторые финляндцы уже почувствовали себя дурно. Одному изъ нихъ, талантливому писателю К. Тавастшерна, жизнь финновъ начала казаться мелочной и бѣдной идеями; онъ жаловался «на узкость и ограниченность идеаловъ и умственнаго ихъ кругозора». Узко-національное направленіе можетъ явиться помѣхой къ дальнѣйшему развитію. Опасно замыкаться въ любованіи однѣми собственными добродѣтелями.

Кажется литературой стали уже злоупотреблять для политической пропаганды. «Одушевленіе тѣми или иными политическими планами,— доказывалъ К. Тавастшерна, — нерѣдко имѣетъ своимъ источникомъ только эгоизмъ или жажду извѣстности». «Народничество иногда mot d'ordre извѣстной партіи, въ которомъ участіе сердца не имѣетъ почти никакого значенія» [387]). Узко-національное чувство заставляетъ ихъ относиться враждебно къ чужеземному. А сознаніе мнимаго или дѣйствительнаго превосходства передъ русскими усиливаетъ это чувство. Весь патріотизмъ финляндцевъ—патріотизмъ провинціальный, своего прихода, почему не можетъ пользоваться особымъ русскимъ сочувствіемъ. Кромѣ того, онъ подогрѣтъ однимъ источникомъ — противодѣйствія стремленіямъ Россіи приблизить финновъ къ остальнымъ подданнымъ Имперіи и желаніемъ финновъ создать изъ Великаго Княжества нѣчто самостоятельное, которое бы «само опредѣлило свою историческую судьбу».

Любовь къ родинѣ у финляндцевъ начинаетъ проявлять признаки болѣзненности и нетерпимости. «Ихъ ревнивая любовь къ этой бѣдной родинѣ въ каждомъ непривѣтливомъ словѣ, въ каждомъ рѣзкомъ приговорѣ видитъ оскорбленіе единственнаго сокровища, ради котораго живутъ и готовы умереть» [388]).

Естественно, что въ періодъ реформъ 1898—1904 г.г. остріе сатиры было направлено на все русское. Сатирическіе журналы «Fyren» и «Matti Mekkäläinen» запестрѣли карикатурами на злобу дня. Легкимъ игривымъ остроуміемъ финляндцы никогда не отличались; добродушнаго и участливаго отношенія къ русскимъ въ нихъ не наблюдалось. Все это привело къ тому, что высмѣиваніе русскаго направленія и нашихъ дѣятелей носило отпечатокъ какой-то особой тяжеловѣсности, а шутка нерѣдко граничила съ грубостью, злобой и неуваженіемъ. Рѣдко текстъ и рисунки юмористическихъ листковъ попадали въ цѣль, рѣдко были изящны и соотвѣтствовали своему назначенію. «Matti Mekkäläinen» (1899 г. № 19) помѣстилъ каррикатуру слѣдующаго вида: священникъ о трехъ головахъ; на средней головѣ цилиндръ; на груди наперсный крестъ, а изъ-подъ рясы виденъ хвостъ и нога съ копытомъ.

Россію и Финляндію изобразили въ сказкѣ «о Медвѣдѣ и Скалѣ». Старый, большой, сильный медвѣдь, съ грубой шерстью, гордость котораго росла съ тяжестью лапы, обшаривъ югъ, устроилъ себѣ берлогу на сѣверѣ, которую пытался расширить и углубить. Во время этой работы онъ наткнулся на скалу. Медвѣдь пренебрежительно толкнулъ ее мордой. Скала не подалась. Онъ налегъ всѣмъ тѣломъ; но она не пошевельнулась. Онъ нашелъ упоръ для ногъ и тѣмъ не менѣе скала оставалась на прежнемъ мѣстѣ. Желчь вскипѣла въ немъ. Онъ принялся кусать и царапать, поносилъ и злословилъ скалу—ничто не помогало. Лѣсной пригорокъ засмѣялся. Медвѣдь, однако, въ концѣ концовъ подкопалъ камень, расшаталъ и сдвинулъ его, но самъ былъ придавленъ его тяжестью: лапа попала подъ утесъ и, по прошествіи нѣкотораго времени, медвѣдь лежалъ мертвымъ...

Подобные сатирическіе разсказы занимали и авторовъ, и публику.

Еще образчикъ финляндской сатиры того времени. Одна газета писала: «Долой оружіе! (Ned med vapen!). 21 августа въ Красномъ Селѣ 1070 молодыхъ людей произведены въ офицеры». Эти строки появились вскорѣ послѣ Гаагской конференціи.

Вопросъ о печати и цензурѣ многократно разсматривался въ повременныхъ изданіяхъ и на сеймахъ. Пререканія изъ-за печати съ властью никогда не прекращались. Не было царствованія, не было генералъ-губернатора, которыми подцензурная печать осталась бы довольна. Въ періодъ времени съ 1898 по 1904 г. отношенія между

печатью и властью особенно обострились, вслѣдствіе того, что правительство проводило реформы, которыя финляндцы рѣшились не принимать.

Сеймъ 1900 г. «заявилъ о потребности въ изданіи, при участіи земскихъ чиновъ, закона о свободѣ печати». Сеймъ желалъ измѣненія устава о печати въ томъ смыслѣ, чтобы издатели не лишались права на изданіе иначе, какъ по суду. Въ своихъ мотивахъ земскіе чины указали на вредъ и неумѣстность цензуры въ странѣ, гдѣ населеніе пользуется общиннымъ и политическимъ самоуправленіемъ. Цензура, писали они, порождаетъ недовѣріе между правящими и управляемыми, «она ослабляетъ чувство отвѣтственности у власти», «она—учрежденіе враждебное просвѣщенію»[389]). Сеймъ указывалъ затѣмъ на ненормальность права лишать финляндскаго гражданина административнымъ порядкомъ предоставленнаго ему разрѣшенія издавать періодическое изданіе, и кромѣ того сеймъ находилъ, что законы эти (31 мая 1867 г., 18 іюня 1871 г. и 29 января 1900 г.) «примѣнялись съ излишней безпощадностью и непониманіемъ истинныхъ нуждъ и пользы края». Сеймъ поднялся также противъ того особаго совѣщанія по дѣламъ о печати, которое было учреждено при генералъ-губернаторѣ, исходя изъ предположенія, что русскіе члены его плохо владѣютъ мѣстными языками, незнакомы съ духомъ и направленіемъ финляндской печати, а у «высокаго сановника»—генералъ-губернатора «слишкомъ много служебныхъ обязанностей», чтобы онъ былъ въ состоянін охранить права свободнаго слова, «будучи незнакомъ съ мѣстными языками, воззрѣніями населенія и правовымъ порядкомъ».

«Взаимодѣйствіе, которое должно существовать между правительствомъ и народомъ въ конституціонной странѣ, осуществляется естественно черезъ посредство бодрствующей и полной патріотизма періодической печати». Поэтому сеймъ усматривалъ въ цензурныхъ взысканіяхъ «непониманіе задачъ періодической прессы» въ Финляндіи. Особенно недовольны были земскіе чины тѣмъ, что воспрещено было газетамъ касаться вопроса о политическомъ положеніи Финляндіи, которое онѣ систематически и предвзято перетолковывали далеко не согласно съ исторической правдой.

Ораторы сейма,—поясняя положеніе печати въ краѣ и основанія своего ходатайства «не лишать правъ на изданіе органовъ печати иначе, какъ по суду», — говорили, что, «заглушая печатное слово, власть подрываетъ довѣріе къ себѣ, столь нужное ей для осуществленія многосложныхъ обязанностей», что «общее мнѣніе больше не дастъ себя руководить такимъ грубымъ средствамъ, какъ цензура». Другой призналъ, что «не самое право пріостанавливать газеты вредно, а злоупотребленіе этимъ правомъ». Третій ораторъ выступилъ съ филиппи-

кой противъ совѣщательнаго комитета, сказавъ, что «какъ бы безжалостно онъ ни дѣйствовалъ, не въ состояніи подавить финляндское общественное мнѣніе: оно рвалось бы изъ устъ каждаго человѣка, хотя бы не осталось ни одной газеты». «На оффиціальныя газеты будутъ смотрѣть съ величайшимъ недовѣріемъ и считать орудіемъ для скрыванія истины». Вспомнили депутаты и слово англійскаго государственнаго дѣятеля: «если бы лишили народъ всѣхъ его правъ и преимуществъ, но оставили бы ему свободу печати, то все было бы еще спасено. Нѣкоторые депутаты выразили свои мнѣнія въ весьма рѣзкой формѣ, хотя при этомъ отнюдь не вѣщали какой-либо непререкаемой истины. «Нынѣшній генералъ-губернаторъ, кажется, не считаетъ себя финскимъ должностнымъ лицомъ. Этому именно и слѣдуетъ, по всей вѣроятности, приписать то обстоятельство, что онъ не желаетъ примѣняться къ существующимъ въ краѣ законамъ... Тотъ способъ управленія, который теперь примѣняется генералъ-губернаторомъ, вполнѣ очевидно доказываетъ его неспособность понять то положеніе, которое онъ занимаетъ, а также неспособность слѣдовать Высочайше даннымъ ему Монархомъ предписаніямъ»[390]).

Сеймъ, разсмотрѣвъ вопросъ о печати, высказалъ много правильныхъ положеній, но весь его обзоръ и всѣ его заключенія не могутъ быть признаны всесторонними и безпристрастными. Тонъ его рѣчей вышелъ далеко за предѣлы дозволеннаго. Сеймовый уставъ «не давалъ права депутатамъ подрывать довѣріе населенія къ представителямъ власти въ краѣ и тѣмъ совершать проступокъ противъ закона». Сеймъ Финляндіи не есть парламентъ, «предъ которымъ отвѣтственны и критикѣ котораго подлежатъ всѣ власти въ краѣ». Весь вопросъ о печати и цензурѣ совершенно не подлежалъ вѣдѣнію сеймовыхъ представителей. Они постоянно говорятъ о необходимости соблюденія закона и въ то же время сами подавали нежелательный примѣръ его открытаго нарушенія[391]). Въ рескриптѣ 1872 г., по поводу подобнаго же домогательства земскихъ чиновъ, указано было, что «законы о печати должны быть причислены къ тѣмъ, которые зависятъ исключительно отъ Верховной Власти и не подлежатъ вѣдѣнію сейма»[392]). Но помимо всего этого, въ вопросѣ о финляндской печати имѣется цѣлый рядъ весьма серьезныхъ обстоятельствъ, которыя обойдены сеймомъ и не принимались во вниманіе другими критиками, неблагопріятно настроенными противъ русской власти, каковыя обстоятельства исторія не въ правѣ замалчивать. Въ данномъ вопросѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, кромѣ стороны мѣстной, исключительно финляндской, имѣется сторона болѣе существенная—общегосударственная.

Уже гр. Бергъ, управлявшій краемъ въ пятидесятыхъ годахъ, указалъ на трудность регулировать печать Финляндіи, вслѣдствіе распо-

ложенія края между Россіей и Швеціей. Швеція старалась поддержать и воскресить скандинавскія воспоминанія и симпатіи. Кромѣ того, самый режимъ управленія финляндской окраиной очень своеобразенъ и во многомъ различается отъ русскаго. Согласовать требованія сторонъ поэтому крайне затруднительно.

Финляндія давно и сильно рвалась къ свободѣ слова и къ освобожденію печати отъ административной власти; но въ то же время ея изданія вели политическую агитацію, которую русское правительство не могло одобрить. Постоянный газетный походъ, съ желчными осужденіями всѣхъ нововведеній нашей власти, конечно, вліялъ на неопытную молодежь и впечатлительныхъ читателей, довѣрявшихъ печатному слову. Въ газетныхъ редакціяхъ загоралась уже заря будущей смуты и неповиновенія. Тонъ, также давно усвоенный мѣстными изданіями, не могъ располагать русскую власть въ пользу финляндскихъ домогательствъ. Еще въ шестидесятыхъ годахъ одинъ москвичъ, другъ гр. А. Армфельта, писалъ: «Трудно одобрить ту страстность, съ которой ваши публицисты принялись проповѣдывать сепаратизмъ и обособленіе Финляндіи, допуская при этомъ выраженія, долженствующія убѣдить каждаго во враждебномъ отношеніи мѣстнаго населенія къ русскимъ, т. е. къ тому народу, который до настоящаго времени вовсе даже не вмѣшивался въ дѣла края. Финляндія — страна, покоренная русскимъ оружіемъ, уступленная Россіи Швеціей на основаніи формальнаго договора и составляющая, слѣдовательно, нераздѣльную часть великой державы. Императоръ Александръ I оставилъ неприкосновенными нѣкоторые законы края, равно какъ внутренній порядокъ его управленія, и Россія одобрила благородный и великодушный образъ дѣйствій своего монарха. Но Россія никогда не будетъ смотрѣть хладнокровно на попытки проповѣдывать сепаратизмъ и обособленіе; такихъ домогательствъ не потерпитъ русскій Государь и не можемъ допустить мы, вѣрные подданные русскаго Царя».

Другая особенность финляндскихъ газетъ заключалась въ слѣдующемъ: «У нашей печати, находящейся въ рукахъ высшаго класса,— писалъ финнъ,—вошло въ обычай утаивать все то, что исходитъ хорошаго съ русской стороны, и въ то же время изображать чернѣе чернаго всѣ тѣневыя стороны». Любимой темой финляндскихъ газетъ было нанизываніе отрицательныхъ сторонъ русской жизни и государственныхъ неурядицъ, чиновничьихъ злоупотребленій и т. п. Мутной пѣны въ обширномъ океанѣ русской жизни было много и тема оказалась поэтому благодарной. Оборванцы и хулиганы Максима Горькаго явились также желанными гостями для издателей. Газеты по всѣмъ вопросамъ государственной жизни вели дѣло такъ, что возбуждался лишь антагонизмъ къ Россіи. «Степень политическаго безпри-

страстія и пріемы финляндской печати заставляли вообще желать многаго».

Когда главная шведоманская газета «Nya Pressen» была воспрещена навсегда, длинный обвинительный актъ ея провинностей былъ напечатанъ. Оказалось, что она постоянно порицала дѣйствія Верховной власти и пыталась противодѣйствовать имъ, призывала къ агитаціи, возбуждала непріязненныя отношенія къ русскимъ, тенденціозно подбирала извѣстія изъ Россіи, составляя нѣчто въ родѣ уголовной хроники, стремилась бойкотировать группу лицъ, принадлежащихъ къ власти и т. п. Въ томъ-же въ большей или меньшей мѣрѣ повинны были остальныя изданія края[393]).

На мѣстную печать жаловались генералъ-губернатору сами финляндцы. «Сенаторъ Тудеръ пишетъ мнѣ, что оскорбленія, наносимыя лицамъ, преданнымъ правительству, тѣмъ для нихъ чувствительнѣе, что остаются совершенно безнаказанными».

Печатью пользовались и для того, чтобы дискредитировать русскую власть. «Сеймъ, — сообщалъ генералъ-губернаторъ министру статсъ-секретарю, — поспѣшилъ отпечатать свои преступныя претензіи и направленный противъ меня обвинительный актъ; онъ сообщилъ ихъ въ газеты для обнародованія къ прямому ущербу генералъ-губернаторской власти и достоинства»... (24 мая 1900 г.). Подобныя обстоятельства неизбѣжно требовали вмѣшательства цензуры. «Хотя преслѣдованіе газетъ и цензоровъ не дастъ существенныхъ результатовъ, но всетаки мы должны карать виновныхъ, руководясь только указаніями совѣсти», находилъ Н. И. Бобриковъ, обсуждая вопросъ со своимъ помощникомъ. «Строгость къ печати есть благо финскаго народа», прибавилъ онъ въ другомъ письмѣ (18 августа), такъ какъ находилъ, что газеты прежде всего вредили своими выходками интересамъ края.

Русская власть желала, чтобы печатнымъ словомъ не злоупотребляли, чтобы слово не направлялось въ цѣляхъ политики сепаратизма, чтобы оно не вырывало пропасти между коренной Россіей и Финляндіей, наконецъ, власть требовала большей сдержанности въ выраженіяхъ. Циркуляромъ воспрещено было (въ 1900 г.) цензорамъ пропускать статьи, толковавшія отношенія Финляндіи къ Россіи не согласно съ манифестомъ 3 (15) февраля 1899 г. Но цензорами были финляндцы и они сочувствовали своимъ газетамъ. «Пришлось мнѣ, писалъ начальникъ края къ В. К. Плеве, уволить предсѣдателя главнаго управленія по дѣламъ печати, мною неоднократно уличеннаго въ измѣнѣ русскимъ интересамъ» (16 ноября 1899 г.).

Газеты часто не подчинялись предъявленнымъ требованіямъ. Редакторы пытались игнорировать даже самыя запрещенія. Временно

пріостановленныя газеты въ первое время стали выпускать «летучіе листки» подъ разными названіями, преимущественно птицъ. Появились «птичьи листки». «Намъ надо исподволь устранить эту насмѣшку», писалъ Н. П. Бобриковъ 7 іюля 1899 г. Н. Н. Шипову. Пришлось новыми распоряженіями пресѣчь обходъ закона. Рѣшено было подвергать отвѣтственности также и типографіи за печатаніе подобныхъ «летучихъ листковъ».

Когда-же газеты послѣ того подверглись карѣ, онѣ стали доказывать несправедливость ея тѣмъ, что къ области печатнаго слова русская власть не примѣняла основного принципа свободы промышленной дѣятельности, священнаго права собственности и права на трудъ. «Газеты упускали при этомъ изъ виду, что агитація печати могла сказаться для страны худшими бѣдствіями, чѣмъ основанное на законѣ нарушеніе права собственности того или иного редактора, или хотя бы временное матеріальное неудобство для читателей газетъ»[394]).

Изобрѣтая средства для борьбы съ властью, нѣкоторые редакторы просили объ утвержденіи устава новаго акціонернаго общества страхованія финскихъ газетъ отъ цензуры. Этимъ, очевидно, имѣлось въ виду нейтрализировать наказаніе. Генералъ-губернаторъ, въ силу мѣстнаго закона, имѣлъ право карать и потому попытки частныхъ лицъ облегчить наказаніе являлись сами по себѣ противозаконными. Проектъ не удостоился, конечно, утвержденія.

Для воздѣйствія на русскую власть, мѣстные дѣятели прибѣгали къ депутаціямъ, которыя, однако, къ цѣли не приводили, хотя финляндцамъ представлялось, что онѣ яко бы смягчили «инквизиціонное рвеніе» генералъ-губернатора. Послѣ запрещенія одной сѣверной газеты, къ генералъ-губернатору явилась депутація крестьянъ. Начальникъ края спросилъ ихъ: дорогъ-ли всѣмъ ея членамъ законъ и желаютъ-ли они быть во всемъ послушными его требованіямъ? Они отвѣтили, конечно, утвердительно. Генералъ-губернаторъ продолжалъ, что и ему лично законъ дорогъ и именно этотъ законъ вызвалъ примѣненіе карательныхъ мѣръ. Финляндскіе писатели поспѣшили заявить, что закона генералъ-губернаторъ не понимаетъ и неправильно толкуетъ его. Депутаціи отъ крестьянъ умножились. Зная ихъ происхожденіе и желая прекратить подобныя хожденія, генералъ-губернаторъ предложилъ имъ обращаться къ начальникамъ губерній, а самъ сталъ принимать лишь ихъ письменныя заявленія. Какъ создавались депутаціи, можно догадаться изъ слѣдующаго примѣра. Генералъ-губернаторъ запросилъ мнѣніе сената объ оффиціальныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Объ этомъ, конечно, всюду узнали и сейчасъ-же явились представители отъ крестьянъ, въ уста которыхъ вложенъ былъ отрицательный отвѣтъ по дѣлу.

По запросу о губернскихъ вѣдомостяхъ въ Финляндіи воздѣйствіе при посредствѣ крестьянской депутаціи было совершенно излишнимъ. Вопросъ былъ возбужденъ генералъ-губернаторомъ. Мѣстныя власти и учрежденія отвѣтили отрицательно, ссылаясь весьма основательно на то, что старые оффиціальные органы никогда не пользовались успѣхомъ въ Финляндіи, не смотря на дававшіяся имъ преимущества. «Газета, которая издается по приказанію начальства и которая не можетъ свободно обсуждать общественные вопросы, встрѣчаетъ недовѣріе въ обществѣ». «Безъ живого общенія между газетой и читателемъ ничего нельзя достигнуть въ Финляндіи». Подписчиками оффиціальныхъ изданій оставались только казенныя учрежденія и должностныя лица. Взаимодѣйствіе между печатью и обществомъ возникаетъ при свободной конкуренціи органовъ печати[395]). Отвѣты убѣдили генералъ-губернатора въ полной нецѣлесообразности оффиціальныхъ губернскихъ вѣдомостей для Финляндіи и онъ сейчасъ же отказался отъ своего плана.

Въ періодъ объединительныхъ государственныхъ реформъ, отзывчивость печати возросла и вся она, по заявленію финляндскаго публициста, перешла въ оппозицію, разоблачая несостоятельность и «нечестность русскихъ софизмовъ»[396]).

Когда предупрежденія и запрещенія сыпались на головы однихъ редакторовъ, то другіе видѣли въ этомъ напоминаніе и устрашеніе и, не желая прослыть трусами, упрямо продолжали свои рѣзкія критики и задорныя заявленія.

Все вновь и вновь вызывало вмѣшательство генералъ-губернатора, считавшаго себя отвѣтственнымъ за край. При перечисленныхъ условіяхъ, онъ вынужденъ былъ усилить цензуру.

Объ этомъ Н. И. Бобриковъ разсказываетъ слѣдующее: «Прежде чѣмъ прибѣгнуть къ карательнымъ мѣрамъ, я пытался воздѣйствовать на редакторовъ совѣтами и предупрежденіями. Затѣмъ мнѣ пришлось терпѣливо дѣлать предостереженія; но все напрасно. Чтобы избѣгнуть упрека въ строгости, я доходилъ до того, что не прекращалъ изданія по пятому, шестому и даже седьмому предостереженію. Я уже сталъ опасаться, что такая мягкость можетъ подорвать престижъ власти. Убѣдившись, наконецъ, что мѣрами кротости нельзя образумить финляндскія газеты, я рѣшился пріостанавливать ихъ изданіе временно и навсегда».

«Прежде чѣмъ перейти къ этимъ мѣрамъ взысканія, по моему ходатайству, учреждено было (въ февралѣ 1899 г.) особое совѣщаніе по дѣламъ печати, на которое возлагалась обязанность разсматривать мѣстныя газеты и докладывать мнѣ свое мнѣніе о болѣе выдающихся по дерзости статьяхъ. Это коллегіальное учрежденіе своими заключе-

ніями должно было содѣйствовать мнѣ въ оцѣнкѣ газетныхъ статей и оградить отъ возможныхъ ошибокъ.

Такое простое и съ добрыми намѣреніями учрежденное совѣщаніе вызвало недовольство финляндцевъ. Совѣщаніе находили незаконнымъ. Въ немъ, говорили они, генералъ-губернаторъ искалъ новую опору: «точно лакеи могутъ уменьшить отвѣтственность своего барина». Финляндскіе взгляды просто смѣшны,—писалъ по поводу совѣщанія Н. И. Бобриковъ. «Меня критикуютъ за учрежденіе совѣщательнаго комитета по дѣламъ печати, указывая тѣмъ какъ бы на обязательность генералъ-губернатора даже и за совѣтами обращаться исключительно къ мѣстнымъ учрежденіямъ» (29 мая 1900 г.).

Частныя письма Н. И. Бобрикова свидѣтельствуютъ, что мѣстная печать причиняла ему не мало заботъ и огорченія. «Прессою я недоволенъ, но стараюсь, при всемъ томъ, быть къ ней снисходительнымъ» (22 февраля 1900 г.). «Несмотря на мое миролюбіе и снисходительность, чуть ли не переходящія въ слабость, приходится ссориться съ газетами, позволяющими себѣ наглую ложь и дерзость, разсчитывающими на безнаказанность въ силу сеймоваго періода» (февраль 1900 г.).

Въ числѣ первыхъ изданій, подвергшихся запрещенію, находились газеты «Wiborgsbladet» и «Nya Pressen». Газетѣ «Wiborgsbladet» въ 1899 г. было объявлено три предостереженія, въ 1900 г.—два предостереженія, а затѣмъ замѣненъ отвѣтственный редакторъ, и наконецъ, пріостановлена на одинъ мѣсяцъ. Въ 1901 г. вновь она получила предостереженіе и, наконецъ, вынуждены были закрыть ее, т.-е. снять этого часового, охранявшаго «постъ противъ Востока», какъ выразилась сама редакція. Главный органъ шведомановъ «Nya Pressen», по словамъ генералъ-губернатора, «стоитъ близко къ сенату... Газета вообще крайне вредная и поэтому уже подвергалась до 8 разъ взысканіямъ» (11 марта 1900 г.).

До принятія столь строгой мѣры, какъ прекращеніе газеты, Н. И. Бобриковъ совѣтовался съ министромъ статсъ-секретаремъ. «Нѣкоторыя статьи «Nya Pressen»—отвѣчалъ В. К. Плеве,—конечно имѣютъ вполнѣ агитаціонный характеръ». Газета эта давала тонъ «всему оппозиціонному движенію..... Временное пріостановленіе, слѣдовательно, этой газеты, какъ предвѣстникъ совершеннаго прекращенія, весьма желательно. По моему темпераменту я сторонникъ сильныхъ мѣръ, изрѣдка принимаемыхъ, и противникъ частыхъ вивиссекцій, иногда мелкаго колибра. Мнѣ думается, что первыя отрезвляя, устрашаютъ, а вторыя, медленно раздражая, пріучаютъ къ недовольству (?) къ власти и въ концѣ концовъ вполнѣ къ ней отрицательному отношенію. Поэтому тронуть столпъ газетной революціи очень хорошо». Въ

одной статьѣ «Nya Pressen» Вячеславъ Константиновичъ усмотрѣлъ «апологію противоправительственной демонстраціи и дѣятелямъ ея она придаетъ характеръ народныхъ героевъ». (12 марта 1900 г.).

«За критику моихъ распоряженій, даже основанную на клеветѣ, я еще не покаралъ ни одной газеты, — писалъ Н. И. Бобриковъ министру статсъ-секретарю,—что вамъ можетъ служить подтвержденіемъ моей къ нимъ снисходительности въ то время, какъ эта же пресса считаетъ меня своимъ злѣйшимъ врагомъ» (28 ноября 1899 г.). Не карая газеты за несдержанное отношеніе лично къ нему, Н. И. Бобриковъ разсуждалъ такъ: «Мы съ вами (т.-е. помощникомъ генералъ-губернатора) занимаемъ боевые посты и поэтому не должны огорчаться мелкими уколами» (22 сентября 1900 г.).

У Н. И. Бобрикова въ первое время мелькала мысль о необходимости опровергать нелѣпыя газетныя статьи особенно заграничной печати, чтобы возстановить истину, но мысль эту скоро онъ оставилъ, «сознавая, что даже и такое разъясненіе не вразумитъ заблудшихъ и едва ли положитъ конецъ агитаціи». Въ своемъ органѣ—«Финляндской Газетѣ»—онъ, избѣгая всякой полемики, приказывалъ иногда, въ виду ходившихъ нелѣпыхъ слуховъ или особенно злостныхъ извращеній фактовъ, дать правдивое описаніе событія.

Бывали краткіе періоды, когда казалось, что печать готова сбавить тонъ и слѣдовать голосу благоразумія. О подобной надеждѣ сообщилъ однажды помощникъ генералъ-губернатора. «Очень буду радъ умиротворенію печати, отвѣтилъ Н. И. Бобриковъ, но откровенно говоря, ея миролюбію не вѣрю» (17 іюля 1900 г.).

Постоянное недовольство газетами естественно привело къ мысли о необходимости пересмотра законодательства о печати. Генералъ-губернаторъ возбудилъ этотъ вопросъ, но надлежащаго рѣшенія онъ не получилъ, несмотря на то, что и В. К. Плеве тогда же предлагалъ пересмотръ цензурнаго устава, «чтобы выйти изъ лабиринта темныхъ текстовъ и разныхъ крючковъ» (30 мая 1900 г.).

«Нельзя отрицать, сознавалъ самъ генералъ-губернаторъ, что болѣе строгія цензурныя мѣры содѣйствовали увеличенію нелегальной подпольной литературы. Это можно было предвидѣть; но изъ двухъ золъ приходилось избрать меньшее. Вредъ, приносимый подпольными листками, несомнѣнно, менѣе того, который приносили разнузданныя мѣстныя газеты своей ежедневной открытой пропагандой. На подпольныхъ изданіяхъ всетаки лежитъ печать противозаконности и это обстоятельство побуждаетъ населеніе менѣе слѣдовать ихъ указаніямъ. Кромѣ того, въ видахъ ограниченія распространенія такихъ изданій, мною были приняты возможныя мѣры».

Въ теченіе 1902 г. среди народа распространены были брошюры:

«Различныя мѣры обрусѣнія», «Большая политическая опасность на сѣверѣ», «О нѣкоторыхъ постановленіяхъ, изданныхъ 20 сентября 1902 г.» «Положеніе должностныхъ лицъ», «Разговоръ на церковной горѣ», «Вертоградъ Моава», «Вонъ изъ Финляндіи», «Будущность Финляндіи зависитъ отъ народа». Изъ брошюръ, распространенныхъ нелегальнымъ образомъ въ 1903 г., извѣстны: «Нѣсколько словъ о теперешнемъ положеніи», «Не на томъ пути», «Бѣда въ рукахъ», «Святость закона», «Народный Катехизисъ», «Совѣты и наставленія, касающіеся призыва», «Что ожидаетъ финскаго солдата въ русскихъ войскахъ» и др.

Было и другое послѣдствіе стѣсненія общественнаго слова. Съ одной стороны оно усилило заграничныя симпатіи къ финляндцамъ, а съ другой—сами финляндцы увеличили свое расположеніе къ «пострадавшимъ» редакторамъ, коихъ чествовали «банкетами симпатій». Подписка росла на воспрещенную газету, чтобы тѣмъ субсидировать ее. Это скоро вошло въ обычай. Въ «дни печати», устроенные во всей Финляндіи, 145000 марокъ поступило въ пенсіонную кассу публицистовъ. «Благодаря преслѣдованію, значеніе прессы, навѣрное, возросло въ Финляндіи»[397]), заключаетъ публицистъ края. Сторонники свободы слова убѣждены, что «ничто такъ не содѣйствуетъ распространенію дурной славы, какъ скованная по рукамъ и ногамъ пресса». Они, конечно, правы. Въ «преслѣдованіи» печати надо поэтому искать одну изъ главныхъ причинъ непопулярности Н. И. Бобрикова среди западно-европейскаго общества и либеральной части Россіи.

Приговоръ общества основанъ на голомъ фактѣ. Общество не вникаетъ въ подобныхъ случаяхъ въ подробности дѣла и не желаетъ знать дѣйствительныхъ мотивовъ, побудившихъ начальство прибѣгнуть къ карательнымъ мѣрамъ. Общество въ такомъ вопросѣ ни на что не обращаетъ вниманія и ничего не желаетъ принять въ разсчетъ. Свободы печати оно ждетъ давно и болѣзненно. «Запрещеніе нѣкоторыхъ газетъ, писалъ Н. И. Бобриковъ, вызвало рядъ упрековъ на меня въ печати, которая не желала замѣтить, что въ общемъ выводѣ я разрѣшилъ къ выпуску большее число изданій, чѣмъ запретилъ ихъ. Сеймъ (1904—1905 г.) подсчиталъ, что въ 1899 г. было запрещено навсегда 4 газеты и 17 газетъ постигло временное запрещеніе; въ послѣдующіе года (до 1 февраля 1905 г.) запрещено было навсегда 20 газетъ и 47 разъ послѣдовали пріостановки разныхъ періодическихъ изданій. Далѣе тотъ же сеймъ указываетъ, что съ 1900 г. по 1905 г. изъ 190 прошеній о разрѣшеніи издавать газеты и разные повременники уважено было 95. Слѣдовательно, закрылось навсегда 24 газеты, а дано было разрѣшеніе на открытіе 95 новыхъ изданій.

Заграничная литература о Финляндіи періода смуты весьма обширна. Но огромное большинство книгъ и статей, появившихся въ это время въ Европѣ и Америкѣ, принадлежитъ финляндскимъ авторамъ или непосредственно внушены ими.

Финляндцы не въ первый разъ сами создавали общественное о себѣ мнѣніе Европы и прибѣгали къ помощи заграничной печати. Пріемъ этотъ для нихъ не новый. Онъ практиковался въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, когда Эмиль фонъ-Квантенъ (подъ псевдонимомъ Peder Särkilax) выпустилъ свои брошюры «Fennomani och Skandinavism», а затѣмъ серію политическихъ статей «Finska förhållanden». Позднѣе M-r le colonel Becker издалъ въ Парижѣ свою брошюру «La Finlande indépendande et neutre», въ которой рекомендовалъ финнамъ серьезно подумать о своемъ положеніи. Въ 1863 г. финляндцы фабриковали тенденціозныя корреспонденціи о своихъ и русскихъ дѣлахъ и разсылали ихъ по иностраннымъ газетамъ: «Times», «Morning Post», «Siècle», «Temps» и др. Косвенными союзниками ихъ были въ одно время анархистъ Бакунинъ и Герценъ (сынъ).

Въ 1890 г. въ Финляндіи вновь возникла мысль основать общество для распространенія за границею правильныхъ понятій о политическомъ положеніи Финляндіи и ея правахъ. Послѣ распубликованія манифеста о почтовомъ объединеніи, въ Гельсингфорсѣ и другихъ городахъ ходили по рукамъ листки и брошюрки: «Взглядъ на положеніе въ краѣ» и «Возраженіе» («Blick på ställningen i landet», «Bemötande» и др.), въ которыхъ указывалось, какъ на достойное патріотическое дѣло, основаніе союза писателей, съ цѣлью опроверженія неправильныхъ свѣдѣній о Финляндіи. Подобныя воззванія и затѣмъ появленіе огромнаго числа замѣтокъ и корреспонденцій въ иностранной печати показываютъ, что мысль эта была осуществлена въ періодъ управленія Н. И. Бобрикова, если не въ видѣ особаго бюро или союза писателей, то усерднаго снабженія заграничныхъ изданій всякаго рода сообщеніями. Благодаря присущей энергіи, своимъ богатствамъ и родственнымъ связямъ, шведоманы могли собрать сообщниковъ и поддерживать международную пропаганду, которая заставила принимать ихъ чувства за чувства всего населенія. (L'Eclair 23 іюня 1904 г.). Заграничная печать никогда не отличалась особымъ расположеніемъ къ Россіи, почему охотно стала распространять всякія свѣдѣнія, рисующія въ неблагопріятномъ освѣщеніи наши порядки и нашихъ властей. Финляндія дала заграничнымъ газетамъ лишній поводъ для нападокъ. Съ наибольшей готовностью и постоянствомъ отнеслись къ дѣлу Финляндіи соціалистическія и анархическія изданія разныхъ странъ. При всякомъ новомъ русскомъ узаконеніи они дружно кричали: Finis Finlandiae! Усердіе поставщиковъ извѣстій и ихъ загра-

ничныхъ вѣстовщиковъ не знало часто должной мѣры. Всякая мелочь мѣстнаго финляндскаго муравейника превращалась въ событіе европейской важности. Не только смѣна губернатора, но даже гельсингфорскаго полиціймейстера, приравнивалась къ событіямъ едва-ли не равнымъ смѣнѣ лондонскаго лорда-мера или назначенію новаго намѣстника въ Эльзасъ; закрытіе ничтожнаго газетнаго листа оповѣщалось спеціальной статьей и т. п. Вопросъ объ эмиграціи въ теченіи двухъ мѣсяцевъ не сходилъ со страницъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ органовъ, тогда какъ Германія нисколько не могла быть заинтересована подобнымъ дѣломъ. Небылицы въ заграничныхъ изданіяхъ въ изобиліи чередовались съ крупицами правды.

Заграничныя редакціи многократно указывали на истинный источникъ литературной пропаганды на Западѣ, но въ русскомъ обществѣ, по свойственной ему безпечности, этому обстоятельству не придали въ свое время надлежащаго значенія. Въ распространенной парижской газетѣ «Le Journal» (16—28 іюня 1899 г.). A. Seiscy писалъ: «Съ нѣкотораго времени начались старанія вовлечь французскую печать въ рѣшительную кампанію противъ Россіи и ея Государя по поводу Финляндіи. Попытки такого рода сдѣланы были въ каждой газетѣ; документы и записки были раздаваемы людьми, въ общемъ весьма симпатичными и потому привѣтливо принимаемыми. Образъ веденія этой кампаніи англійскою и нѣмецкою печатью, характеръ важнѣйшихъ органовъ, поддерживавшихъ притязанія финляндцевъ, заставили насъ, однако, быть на-сторожѣ. Мы захотѣли освѣдомиться, выслушавъ объ стороны, и составить себѣ обоснованное сужденіе. Мы полагаемъ теперь, что недальновидность гельсингфорскихъ патріотовъ, примѣръ «сосѣдней шведо-норвежской уніи, воспоминанія о посредничествѣ по дѣлу Польши, повели къ неточнымъ выводамъ и ожесточили распрю, не уясняя дѣла». «Saturday Review» не разъ благодарила финляндцевъ за присылки въ редакцію разныхъ брошюръ и «документовъ по исторіи борьбы въ 1899 г. маленькаго финляндскаго парламента съ русскимъ всемогуществомъ». Изъ Вѣны было сообщено о томъ, что тамъ по редакціямъ разносились статьи и брошюры преимущественно финляндцемъ, посвятившимъ себя ученымъ изысканіямъ[398]). Нѣмецкія изданія также не скрывали, что письма получались ими «Изъ Гельсингфорса», «Изъ Финляндіи». «Königsberger Hartungsche Zeitung» (августа 1900 г.) удостовѣрила, что «изъ Финляндіи вновь посыпались въ западно-европейскую прессу жалобы на русскія притѣсненія. Такая пропаганда велась съ большою ловкостью съ самаго начала примѣненія русскихъ мѣропріятій, и, въ результатѣ, повсюду скорбѣли о судьбѣ маленькаго народа, у котораго отнималась свобода и національное чувство котораго оскорблялось распоряженіями, имѣвшими

цѣлью окончательное претвореніе финской національности въ русскомъ народѣ»[399]).

«Когда, почти годъ тому назадъ, читаемъ въ «Gaulois» отъ 23 іюня 1904 г., было предложено объяснить дѣйствительное положеніе Финляндскаго вопроса, столь мало понятнаго, такъ неточно извѣстнаго за-границей, особенно благодаря старательному искаженію его революціоннымъ элементомъ Финляндіи, мы не задумались поддержать то мнѣніе, что причины финляндской агитаціи не слѣдовало искать въ патріотическомъ негодованіи народа, оскорбленнаго будто бы въ своихъ исконныхъ правахъ, но вѣрнѣе въ скрытной и продолжительной дѣятельности извѣстныхъ заграничныхъ теченій, изощрявшихся надъ неуравновѣшенными умами, испорченными ошибочными взглядами на жизнь, вслѣдствіе недостаточнаго образованія, неутоленнаго честолюбія и, быть можетъ, постоянныхъ неудачъ».

Необходимо сказать, что и помимо сихъ указаній заграничныхъ газетъ, сами финляндцы часто не скрывали того, что они являлись авторами статей и корреспонденцій европейской печати. Нерѣдко они подписывали статьи полными именами; напримѣръ, Л. Мехелинъ и Эдв. Бергъ въ «Revue Politique et Parlamentaire», I. H. Рейтеръ въ «The Nineteenth Century» и «Contemporary Review», баронъ Виллебрандъ въ «Indépendance Belge», Эдв. Вестермаркъ и Н. Р. ав-Урсинъ «L'humanité Nouvelle», проф. Ренваль въ «Nouvelle Revue» и др. Въ другихъ случаяхъ подъ статьями также опредѣленно значилось: «Finlander» («Times» февр. 1899 г.), «Von einem Finländer» (Die Zeit—въ Вѣнѣ), «Fennicus» («National Review» 1900 д.) и т. п.

Наконецъ, чтобы устранить малѣйшее сомнѣніе относительно того, кому Россія обязана созданіемъ общественнаго мнѣнія Европы по финляндскому вопросу, достаточно привести нѣсколько строкъ изъ писемъ извѣстныхъ уже знакомыхъ, которые часто писали другъ къ другу. Въ ноябрѣ 1898 г. шведскій подданный писалъ своему пріятелю въ Финляндію: «Не находишь ли ты, что наступило время хорошо о р г а н и з о в а н н ы м ъ г а з е т н ы м ъ п о х о д о м ъ обратиться къ Европѣ. Правда, что Мехелинъ и другіе пишутъ брошюры и ученыя журнальныя статьи, но здѣсь слѣдовало бы, представляется мнѣ, въ популярно изложенныхъ статьяхъ въ газетахъ и журналахъ и маленькихъ брошюрахъ обратиться непосредственно къ общественному мнѣнію». 11-го марта 1899 г. онъ вновь напоминаетъ: «Не слѣдуетъ ли теперь предпринять э н е р г и ч н ы й п о х о д ъ въ Европу».

Походъ этотъ былъ правильно организованъ и велся долго и упорно. Финляндцы, конечно, лучше другихъ знали, когда для нихъ было полезно усилить боевую тревогу. Послѣ массоваго адреса, во время сейма, при прибытіи интернаціональной депутаціи, въ моментъ

усиленія эмиграціи, во дни Гаагской конференціи и т. п. потокъ статей и телеграммъ усиливался. Финляндскіе агитаторы разсылкою корреспонденцій имѣли въ виду пріобрѣсти симпатіи для Финляндіи среди населенія западно-европейскихъ государствъ, воздѣйствовать общественнымъ мнѣніемъ цивилизованнаго міра на русское правительство и поддержать въ своихъ согражданахъ духъ сопротивленія. «Намъ остается— (писали финляндцы, напримѣръ, въ «Daily Graphic») просить помощи у Англіи и Европы, въ надеждѣ, что ваши протесты окажутъ воздѣйствіе на русское общественное мнѣніе и помогутъ понять то зло, которое совершается именемъ монарха»[400]). Въ корреспонденціи изъ Або, была выражена надежда, что «Европа не останется праздной зрительницей происходящаго нынѣ уничтоженія финляндскихъ правъ»[401]).

Финляндцы упорно преслѣдовали свою цѣль, не желая знать, что невмѣшательство во внутреннія дѣла другихъ государствъ сдѣлалось основнымъ принципомъ европейской политики.

Симпатіи западныхъ народовъ къ Финляндіи обусловливались въ значительной мѣрѣ ихъ расположеніемъ къ конституціонной формѣ правленія и родствомъ ктльтуръ, а также традиціоннымъ нерасположеніемъ въ Россіи. Но кромѣ того, финляндцы знали, чѣмъ можно было «взять» Европу и купить ея расположеніе и потому они передъ либеральнымъ Западомъ обильно сѣяли либеральныя слова, рисуя себя сторонниками свободы слова, бойцами за національныя начала и культурные успѣхи, страдальцами за справедливость, угнетенными насиліемъ, произволомъ и варварствомъ русскаго бюрократизма.

Въ началѣ подъемъ оппозиціонныхъ чувствъ въ Финляндіи и симпатій въ Европѣ были столь велики, что Харри (Гаральдъ) Перроту удалось основать въ Англіи журналъ «Finland an English» (Journal devoted of the cause of the Finnish people). Статьи его были почти сплошь финляндскаго происхожденія.

Чтобы не дать ослабнуть интересу къ Финляндіи и будить вниманіе Европы, брошюрамъ и статьямъ давались кричащія заглавія: «Финляндскій разгромъ» (1900 г.), «Русская политика насилія въ Финляндіи» (Берлинъ 1902 г.), «Растлѣніе гельсингфорской полиціи», «Ужасное положеніе»—(Ett ödesdigert läge, Uppsala, 1899 г.), «Государственный переворотъ въ Финляндіи 1899 г.»—(Statskuppen i Finland Stockholm. 1889 г.), «О неправильныхъ дѣйствіяхъ въ финляндскомъ управленіи» — (Om missriktningar i Finlands förvaltning, Stockholm, 1900 г.), «Переломъ», (Brytningstider. En historia från Finland. Pekka Malm. Stockholm 1901 г.), «Сцены изъ февральской революціи въ Финляндіи. Насиліе и законъ» (Våld och lag. Scener från februarirevolutionen i Finland, Stockholm 1902 г.) и т. п.

Подъ подобными же зазывающими заглавіями появлялись и ста-

тьи въ журналахъ и газетахъ Запада. «Le droit des faibles», «Finland in Gefahr», «Finlands hämd» (Месть Финляндіи), «Une nation en deuil», «Un coup d'Etat», «Storm-Glouds in Finland», «Finlands Ende», «Finland and the Czar», «Le tzar et la Finlande», «Statskuppen i Finland och den nationella ryska eröfringspolitiken». («Государственный переворотъ въ Финляндіи и русская національная политика завоеванія»). «Въ странѣ, покрытой трауромъ».

Въ названіяхъ, конечно, отразился тотъ духъ, которымъ проникласъ заграничная литература. Содержаніе оправдывало боевыя заголовки. Чего только не распространили тогда заграницей! Утверждали, что въ Гельсингфорскомъ университетѣ преподаваніе введено на русскомъ языкѣ[402]), что сенатъ высказался за опубликованіе «манифеста 3 февраля подъ сильнымъ внѣшнимъ давленіемъ», ибо русскимъ войскамъ розданы были боевые патроны и люди держались въ казармахъ въ полной готовности къ выступленію по первому приказанію[403]). Было сообщено, что «походъ противъ свободы финляндской печати дошелъ до того, что осталась только одна маленькая шведская газета, выходящая въ Гельсингфорсѣ». Міръ былъ оповѣщенъ телеграммами о томъ, что учительская семинарія въ Сердоболѣ и Политехническій институтъ въ Гельсингфорсѣ закрыты, что сорокъ три пастора уволены отъ должностей, что всѣ власти и суды подверглись обрусѣнію. Описывая уличные безпорядки 18 апрѣля, журналистъ называетъ событіе «казачьимъ насиліемъ» и по этому поводу изощряется въ историческихъ выводахъ, говоря, что благословеніемъ объединительныхъ реформъ является въ Финляндіи русскій языкъ, гнилое русское чиновничество, глупая и жестокая полиція 3-го отдѣленія... Писали, что Россія ставитъ казаковъ въ каждый финляндскій городъ, или даже на каждую желѣзнодорожную станцію и расправляется со всѣмъ и вся нагайкою. Разсказывалось, что въ финляндскихъ деревняхъ ходили тревожные слухи о томъ, что скоро будутъ закрыты всѣ школы, что чиновники и газетные дѣятели, защищающіе конституцію, подвергнутся тюремному заключенію, что жизнь финскаго народа становится все болѣе и болѣе невыносимой и т. п.[404]). Континентальныя газеты утверждали, что ударъ финляндской автономіи явился послѣдствіемъ личныхъ счетовъ между тремя русскими государственными дѣятелями. Въ западныхъ изданіяхъ повторяли затѣмъ,—отчасти, вѣроятно, со словъ, сказанныхъ Л. Мехелинымъ на сеймѣ 1900 г.,—несообразность о томъ, что генералъ-губернаторъ стремится озлобить жителей своими распоряженіями и вызвать въ нихъ раздраженіе»[405]), что Россія «готовится нанести послѣдній смертельный ударъ Финляндіи»[406]). Мѣропріятія русскаго правительства называли агрессивными и разрушительными. «Грубой силой противъ физически слабаго и оффиціальной ложью загра-

ницею—вотъ какими средствами русское правительство желаетъ достичь цѣли—уничтоженія политическаго и національнаго существованія Финляндіи»,—писалъ Axel Lille[407]). И такъ далѣе.

Картина Финляндіи получалась исключительно мрачная: состояніе населенія рисовалось невыносимо тягостнымъ. Всѣ вѣрили подобнымъ сообщеніямъ, такъ какъ знали, что они исходили изъ финляндскаго источника. Получалось удручающее впечатлѣніе. А въ дѣйствительности все являлось недобросовѣстнымъ измышленіемъ, сочиненнымъ, для возбужденія чувства состраданія къ финляндцамъ.

Финляндцы трудились не напрасно. Силу и значеніе печатнаго слова они знали. Благодаря собственнымъ стараніямъ и обильной помощи ихъ друзей, финляндскій вопросъ сдѣлался столь же извѣстнымъ въ Европѣ, какъ любая война или иной большой политическій конфликтъ. Число туристовъ въ Финляндіи увеличилось и ихъ описанія вновь умножили литературу о краѣ. Свѣдѣнія о Финляндіи достигали Южной Америки и Южной Африки[408]).

Сочувствіе къ Финляндіи было возбуждено. А «симпатіи заграницы,—пишетъ финляндецъ,—всегда были для насъ всѣхъ большимъ благотворнымъ утѣшеніемъ во многихъ трудныхъ минутахъ»[409]).

Финляндцы добились, слѣдовательно, того, что ихъ пожалѣли и о нихъ узнали повсюду. Но какова цѣна всего этого въ глазахъ тѣхъ спокойныхъ и безпристрастныхъ, мнѣніе которыхъ только и можетъ имѣть значеніе при разсмотрѣніи финляндскаго вопроса?

На вѣсахъ неподкупной исторіи вся шумиха западной печати будетъ значить очень мало. Изданія Европы сыграли плохую роль, отразивъ не свое, а чужое мнѣніе. «Благодаря этому, спорный вопросъ получилъ крайне одностороннее освѣщеніе. Вездѣ безконечныя повторенія однихъ и тѣхъ же мотивовъ и темъ, въ легкой переработкѣ, достаточной однако для указанія на общій источникъ, разбросанныхъ по всѣмъ иностраннымъ газетамъ замѣтокъ и статей»[410]). Эхо финляндскихъ голосовъ раздавалось повсюду. Ихъ преимущественно интересовали разные параграфы «основныхъ законовъ» и они комментировали ихъ словами гельсингфорскихъ редакцій. Нерѣдко встрѣчаются дословные переводы фразъ и положеній, которыя можно назвать избитыми и трафаретными.

Не вся, конечно, западно-европейская печать подпала вліянію финляндцевъ и не всѣ ученые и публицисты были враждебны Россіи. Многіе писатели и редакціи разбирались въ нашумѣвшемъ вопросѣ самостоятельно и высказали рядъ мыслей и заключеній, въ которыхъ финляндцы прочтутъ осужденіе своего поведенія.

Какъ только появлялась статья, говорившая не въ пользу финляндцевъ, они обязательно утверждали, что она инспирирована рус-

скими. Перья, писавшія за Россію, назывались подкупленными (lejda pennor). Мы, напротивъ, знаемъ безразличіе русскаго правительства въ подобныхъ дѣлахъ и упрекали его въ бездѣйствіи и равнодушіи къ собственнымъ интересамъ. Когда «Kölnische Zeitung», «Berliner Lokalanzeiger», «Journal des Débats» и «La Dépêche» стали толковать реформы съ русской точки зрѣнія, то они, конечно, потеряли всякое значеніе въ глазахъ финляндцевъ.

Изъ отдѣльныхъ лицъ, имѣвшихъ мужество своими глазами взглянуть на финляндскія дѣла, а не черезъ подставляемые мѣстные очки, назовемъ Генри Нормана («All the Russian»), нѣмецкаго публициста П. Рорбаха, Стэда, барона фонъ-Фалькенеггъ, проф. Рема (изъ Эрлангена) и др.

Henry Norman сначала въ журналѣ «Scribner Magazine», а затѣмъ въ книгѣ «All the Russian», коснулся разныхъ сторонъ финляндскаго вопроса. Сущность недоразумѣній, по его мнѣнію, заключается въ столкновеніи противоположныхъ интересовъ и, понятно, Россія, въ качествѣ великой державы, является собственнымъ судьей въ этомъ вопросѣ. Въ политикѣ все зависитъ отъ «категорическаго требованія національнаго интереса... Но кто же можетъ опредѣлить, что требуетъ національное благополучіе и безопасность Россіи? Очевидно, сама Россія». Не надо забывать,—писалъ онъ,—что подъ русской властью Финляндія достигла большаго преуспѣванія. Финляндія не испытала тягости, связанной съ обязанностію національной защиты. Если бы Финляндія была независима, и ей приходилось бы держать наготовѣ всю армію и флотъ, то ея бюджетъ представлялъ бы иную картину»...

«Нѣтъ, конечно, сомнѣнія въ томъ, что военная служба въ Россіи окажется не по вкусу финляндскому крестьянину. Но совершенно также не мила она и для всякаго другого русскаго крестьянина. Нѣтъ страны, гдѣ бы мужикъ радовался принудительной военной службѣ». Финляндцы, кромѣ того, избалованы были изъятіями, совершенно неизвѣстными ни русскимъ, ни нѣмцамъ, ни французамъ. «Но лишеніе этого изъятія слѣдовало бы скорѣе понимать въ смыслѣ уничтоженія допущенной привилегіи, чѣмъ какъ проявленіе несправедливости. Положительно непонятно, почему финляндцы должны, въ силу своей конституціи, составлять такое изъятіе изъ общаго государственнаго порядка?»

Стараясь быть безпристрастнымъ Генри Норманъ дѣлаетъ замѣчанія обѣимъ сторонамъ. Онъ находитъ, что русская администрація допустила не мало ошибокъ и не проявила должнаго такта, а «финляндцы показали себя столь упорными, относились съ такимъ пренебреженіемъ къ русскимъ чувствамъ и нуждамъ, обнаружили въ дѣй-

ствительности, такую враждебность къ русскимъ, что дали оружіе въ руки тѣхъ, кто объявлялъ ихъ и раньше несомнѣнными врагами Россіи». Англійскій публицистъ осудилъ поэтому финляндцевъ «за ихъ нетерпимость и неуваженіе чувствъ русскихъ» и въ тоже время онъ взываетъ къ англичанамъ, прося не ухудшать положенія Финляндіи своими подстрекательствами и нападками на Россію. «Не забудьте, что русскіе также мало любятъ брань и обвиненія, какъ и мы сами и, какъ и мы, лишь утверждаются ими въ своихъ рѣшеніяхъ»[411]).

Говоря о «нарушеніи финляндской конституціи», Норманъ напоминаетъ порицателямъ Россіи нѣкоторые эпизоды изъ исторіи Европы, а именно о томъ, что Германія нарушила свои обѣщанія по отношенію къ Даніи, Франція не исполнила своихъ обязательствъ по отношенію къ Мадагаскару; Англія много разъ клялась очистить Египетъ, Соединенные Штаты торжественно обѣщались даровать полную независимость Кубѣ и т. д. Въ дѣлахъ, касающихся жизненныхъ вопросовъ государства, «все заключается въ результатѣ, или, вѣрнѣе говоря, въ force majeure, называемой національными интересами чрезвычайной необходимости. Передъ лицомъ такихъ причинъ всѣ обѣщанія вѣтеръ и всѣ трактаты лишь чернильныя пятна на бѣлой бумагѣ»,— разсуждаетъ членъ великобританскаго парламента.

Другой англичанинъ—В. Т. Стэдъ,—рекомендующій себя старымъ испытаннымъ другомъ Россіи,—нашелъ сперва законодательный актъ 3 февраля 1899 г. «безупречнымъ по отношенію къ Финляндіи», а впослѣдствіи рисовалъ русскую политику въ Финляндіи «плачевной». Прежде, говоритъ Стэдъ, доброжелатели Россіи всегда указывали на Финляндію, какъ страну, гдѣ принципъ Самодержавія прекрасно уживался съ самымъ широкимъ мѣстнымъ самоуправленіемъ. Потомъ «политика Бобрикова испугала Европу видѣніями «казацкаго деспотизма» и Россія большой цѣной будетъ платить въ теченіи многихъ лѣтъ «за революцію, недавно происшедшую въ русско-финляндскихъ отношеніяхъ». При помощи генерала Бобрикова финскому населенію навязали военный законъ, который ежегодный контингентъ рекрутъ увеличилъ во много разъ. Финляндія была единственной страной «избавленной отъ проклятія милитаризма», а новый «налогъ крови» сдѣлалъ то, что въ Гаагѣ имя Финляндіи произносится съ большой грустью. Лично Стэдъ не придалъ значенія тревогѣ, возникшей во всей Скандинавіи по поводу «руссификаціи Финляндіи», но тѣмъ не менѣе говоритъ, что генералъ Бобриковъ, благодаря своей дѣятельности въ Финляндіи, побудилъ несчастное населеніе Швеціи подвергнуться тяжелому обложенію для оплаты новыхъ вооруженій. И, наконецъ, Стэдъ опечаленъ тѣмъ ущербомъ, который причинитъ Россіи во всемъ свѣтѣ эмиграція изъ Финляндіи.

В. К. Плеве отвѣтилъ на это письмо (стр. 103 и 219). Возникла полемика, которая наглядно показала, что заграницей не только не понимаютъ «финляндскаго вопроса», но и не желаютъ вникнуть въ него. Н. И. Бобриковъ усмотрѣлъ, что Стэдъ—«непризванный судья, обнаружилъ отсутствіе самыхъ элементарныхъ о нашей финляндской политикѣ свѣдѣній» (15 авг. 1903 г.).

Недавно русская публика ознакомилась съ книгой Фрэнсиса Скрина «Ростъ Россіи». Изучая исторію Россіи, этотъ англичанинъ старался вникнуть также и въ дѣла Финляндіи или «Русской Шотландіи». Онъ признаетъ населеніе отважнымъ и прославившимся культурностью и дѣловой настойчивостью. «Финляндцы по крайней мѣрѣ на тридцать лѣтъ опередили своихъ русскихъ соотечественниковъ во всѣхъ приложеніяхъ матеріальной цивилизаціи». Въ числѣ преимуществъ, которыми изъ всѣхъ принадлежащихъ Имперіи странъ, пользуется одна только Финляндія, Скринъ отмѣчаетъ представительныя учрежденія и сравнительную легкость военнаго и фискальнаго бремени. «Но благодаря преувеличенному національному чувству, раздутому уступками Александра II, любимцы послѣдняго не всегда помнятъ о щекотливости своихъ сосѣдей и покровителей. Справедливо гордясь высшей цивилизаціей, они стали склонны третировать гигантскую Имперію, какъ равную себѣ или низшую... Православіе стало роптать противъ свободы, которою пользуются лютеранскіе пасторы... Армія и бюрократія стали требовать себѣ доли въ привилегіяхъ, которыми пользуются финляндскіе подданные Русскаго Царя. Купцы стали жаловаться на вредъ, приносимый имъ контрабандистами...

«Вообще у Царя были серьезныя причины для того, чтобы прислушиваться къ сѣтованіямъ консервативной печати. Финляндія тайно, но сильно симпатизируетъ Швеціи... а въ войнѣ Россіи съ Германіей Швеція, конечно, окажется не на сторонѣ русскихъ». Финляндія можетъ сдѣлаться «самымъ слабымъ мѣстомъ въ оборонѣ Имперіи».

Генералу Бобрикову поручено было объединить Великое Княжество съ Имперіей. «Выборъ дѣятеля для такой деликатной задачи былъ не особенно удаченъ. Ген. Бобриковъ—человѣкъ чисто-военный, незнающій ни языка, ни обычаевъ Финляндіи и притомъ непосвященный въ дипломатическія хитрости. Такимъ народомъ, какъ финляндцы, можно управлять только съ помощью такта и симпатіи... «Отъ такой страны силою невозможно добиться повиновенія».

... Во всей Европѣ началась бумажная война. Новой литературой вопроса можно наполнить цѣлую библіотеку.

...Нѣчто похожее на положеніе Финляндіи встрѣчается только въ индійскихъ феодальныхъ владѣніяхъ, «терпимыхъ англичанами по необходимости».

Партизанамъ финскихъ претензій, по мнѣнію Скрина, «не хватаетъ умѣренности»; но и сторонники русской власти едва-ли вполнѣ правы... «Адвокаты русской власти стали-бы на болѣе твердую почву, если-бъ оперлись на правило: Salus populi suprema lex, и заявили, что привилегіи, данныя однимъ изъ русскихъ государей, могутъ быть вполнѣ законно отняты другими, если общее благо потребуетъ болѣе тѣснаго соединенія между народами, подвластными его скипетру».

«Вообще нельзя не признать, что въ финляндскомъ вопросѣ обѣ стороны надѣлали много ошибокъ. Перегрѣтый патріотизмъ заставилъ финляндцевъ позабыть о старыхъ благодѣяніяхъ и о необходимости жить въ мирѣ съ своимъ могучимъ сосѣдомъ. А Россія несомнѣнно могла бы достичь своей цѣли чисто легальными средствами, взывая къ непоколебимой вѣрности финскаго народа».

Политическій писатель Германіи баронъ фонъ-Фалькенеггъ, постоянно отзывавшійся на «злобу дня», высказался также и по финляндскому вопросу въ брошюрѣ «Die Finnische Frage in Völker und staatsrechtlicher Beleuchtung», въ которой первыя страницы посвятилъ разсмотрѣнію принципіальной проблемы о политической справедливости. «Macht geht vor Recht», а потому въ политикѣ, по его мнѣнію, надо быть сильнымъ и никто не станетъ оспаривать затѣмъ и права народа. Завоеванныя провинціи должны роковымъ образомъ подвергнуться ассимилирующему процессу. При этомъ не обходится безъ страданій, вызываемыхъ противорѣчіями между требованіями государственнаго единства и самолюбіемъ покоренныхъ народностей. У всякой націи имѣется свой «вопросъ», своя «заноза въ тѣлѣ»: у Пруссіи—польскій вопросъ, у Англіи—ирландскій, у Австріи—чешскій и т. д. Берлинскій публицистъ смотритъ на финляндскій вопросъ, какъ на вопросъ шведо-финскій и говоритъ, что «руссификація» страшна шведамъ Финляндіи, не желающимъ потерять своего политическаго верховенства въ краѣ. Но разъ жребій войны поставилъ Финляндію въ подданническія отношенія къ Россіи, то государство, имѣющее всѣ законныя, верховныя права, т.-е. права суверенитета, можетъ осуществлять ихъ въ присоединенной провинціи. Отсюда—финляндскій вопросъ сводится барономъ Фалькенеггомъ къ вопросу русскаго управленія, «die finnische Frage,—говоритъ онъ,—ist eine russiche Verwaltungsfrage».

Изъ самостоятельныхъ мнѣній, высказанныхъ въ періодической печати, нѣкоторыя заслуживаютъ быть отмѣченными. «Daily Chronicle» доказывала, что на финляндскій вопросъ установился невѣрный взглядъ у англичанъ, и что у финляндцевъ нѣтъ основаній быть недовольными и они не проявляли бы никакого недовольства, если бы не были подстрекаемы нѣмецкой дипломатіей... Россія была въ

правѣ поступать такъ, какъ поступала... Когда все закончится положеніе Финляндіи въ будущемъ окажется очень хорошимъ. Послѣ начала войны съ боерами, интересъ въ Англіи къ Финляндіи сильно охладѣлъ.

«Конечно, писала норвежская «Morgenbladet», нынѣшнее отношеніе къ Финляндіи не дѣлаетъ чести Россіи. Но развѣ европейскія націи, которыя считаютъ себя болѣе культурными, чѣмъ мы, не имѣютъ своихъ грѣховъ, можетъ быть, крупнѣе нашихъ? Я только повторю слова, сказанныя мнѣ недавно однимъ датчаниномъ: «Если бы жители Шлезвига пользовались такой свободой, какая предоставлена нынѣ Финляндіи, то они на колѣняхъ благодарили бы Провидѣніе!»

Нерѣдко иностранцы защищали дѣло нашего правительства съ большей энергіей и аргументаціей, чѣмъ собственныя газеты особенно космополитическаго лагеря. Въ 1901 г. возникла полемика между шлезвигской газетой—«Flensborg Avis» и датской—«Politiken», которая по непонятной намъ причинѣ относилась къ Россіи съ шипящимъ озлобленіемъ. Первая изъ нихъ вспомнила то время, «когда началось сближеніе между Швеціей и Германіей, когда шведская и отчасти также финляндская печать заодно съ германской не находили конца возмутительнымъ сѣтованіямъ на то, что пришлому классу нѣмецкихъ помѣщиковъ болѣе не дозволяется притѣснять коренного населенія въ русскихъ прибалтійскихъ губерніяхъ, и когда, въ то же время, нѣкоторые финляндцы обнаружили склонность относиться къ Россіи, какъ самые красные норвежцы относятся къ Швеціи, то слѣдовало ожидать, что въ Россіи не пожелаютъ оставить Финляндію въ положеніи почти полной независимости. Такая политика могла бы, при случаѣ, создать враждебное государство подъ самыми стѣнами русской столицы. Такимъ образомъ, симпатія Швеціи къ Германіи сыграла роль гвоздя къ гробу политической свободы Финляндіи... Слѣдовательно, шведамъ не приходится ожидать особой предупредительности со стороны русскихъ къ финляндцамъ шведскаго происхожденія... Шведы бросили огонь въ соломенную избушку финляндской свободы.

Въ политикѣ Россіи «Flensborg Avis», ничего угрожающаго мѣстной національности и языку не усматривала. Печать края не подвергнута запрещенію, но запрещаются изъ политическихъ основаній лишь нѣкоторыя отдѣльныя газеты. Процессіи, публичныя чтенія, празднества, пѣніе и т. п. дѣйствительно запрещаются, но не съ цѣлью преслѣдованія національнаго языка, а опять-таки изъ политическихъ соображеній. Во всѣхъ этихъ мѣропріятіяхъ, хотя они и достойны осужденія, все же нѣтъ и признака того, что можно было бы назвать притѣсненіемъ родного языка населенія... Русскій языкъ преподается, какъ иностранный... Заведя рѣчь о новомъ законѣ по рус-

скому языку, «Flensborg Avis» заявила, что постановленія его не касаются самаго населенія. Дойдя до манифеста 3 февраля 1899 г. газета отмѣтила: «на основаніи сеймоваго устава разсмотрѣнію сейма подлежатъ спеціально финляндскіе вопросы». Остается спорнымъ, какіе вопросы слѣдуетъ считать спеціально финляндскими и какіе—общегосударственными; при этомъ финляндцы обыкновенно основываются на старыхъ основныхъ законахъ Финляндіи, т.-е. на шведскихъ основныхъ законахъ, по которымъ сословія Финляндіи имѣли право участія на риксдагѣ Швеціи. Такъ какъ никто въ данное время не рѣшится утверждать, что финляндцы имѣютъ неоспоримое право, согласно основнымъ законамъ, участвовать на риксдагѣ въ Стокгольмѣ, то съ полнымъ основаніемъ можно сказать, что эти старые шведскіе законы не являются дѣйствующими основными законами Финляндіи, даже если бы можно было заявлять, что и подъ владычествомъ Россіи объемъ финляндскихъ правъ долженъ остаться прежнимъ»[412]).

Не лишено серьезнаго смысла, наконецъ, и слѣдующее замѣчаніе шлезвигской газеты. «Финляндцы не должны забывать, что русская власть должна также оставаться вѣрной принципу историческаго развитія государства, нераздѣльную часть которой составляетъ Великое Княжество».

Въ 1904 г. «Flensborg Avis», вновь вернулась къ финляндскому вопросу и провела параллель между Финляндіею и сѣвернымъ Шлезвигомъ. «Финляндія гораздо болѣе свободна и самостоятельна, чѣмъ любая иная часть Россійскаго Государства. Можно покамѣсть сказать только, что теперешній русскій крутой режимъ еще долго не достигнетъ прусскаго насильственнаго режима въ Шлезвигѣ.

Нерѣдко органы печати Запада предостерегали финляндцевъ отъ увлеченія оппозиціей Россіи и рекомендовали своимъ правительствамъ извѣстныя мѣры предосторожности.

«Neue Preussische Kreuz-Zeitung» писала: «Ни одно правительство не согласится ради Финляндіи стать въ натянутыя отношенія съ Россіей. Невмѣшательство во внутреннія дѣла другихъ государствъ давно уже сдѣлалось основнымъ принципомъ европейской государственной политики. Финляндцы слишкомъ высоко оцѣниваютъ (überschätzen) свое значеніе въ мірѣ, если хоть на одну минуту вѣрятъ въ нѣчто болѣе, чѣмъ платоническое сочувствіе къ нимъ... Къ тому-же, нельзя сказать, чтобы политика руссификаціи Финляндіи выразилась до сихъ поръ въ какихъ-либо особенныхъ крайностяхъ. Неоспоримаго вреда до сихъ поръ еще не принесено, такъ какъ самостоятельность финляндскаго государственнаго устройства (Staatswesens) съ формальной стороны еще не подверглась нападеніямъ и страна еще не вошла въ русскій таможенный союзъ (Zollverein)».

«Perseveranza», держащаяся либеральныхъ принциповъ, заявила, что финляндцамъ нѣтъ причинъ—ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ—видѣть какія-либо угрозы ихъ положенію со стороны Россіи.

Кромѣ статей въ періодическихъ изданіяхъ, возникъ цѣлый потокъ брошюръ и книгъ (перечень ихъ приводится въ примѣчаніи).

Нѣкоторыя изъ сихъ брошюръ—дословный переводъ финляндскихъ статей; въ другихъ—сосредоточены были грубыя инсинуаціи по адресу Россіи и свѣдѣнія о «насильственномъ обрусѣніи» Финляндіи, производящемся якобы по внушенію русской реакціонной партіи, требующей уничтоженія края. Эта категорія — сплошные памфлеты. Третьи брошюры — переводы на разные языки финляндскихъ оффиціальныхъ постановленій и изданій: манифеста 3 февраля 1899 г., заключенія чрезвычайнаго сейма и т. п.

Огромное число заграничныхъ изданій составлены по одной программѣ. Въ началѣ обыкновенно обрывки изъ финляндской исторіи, преимущественно изъ періода покоренія края, затѣмъ разсказы о сеймѣ въ Борго, о клятвенномъ утвержденіи «великой хартіи», объ основныхъ законахъ 1772 и 1789 г.г. Все это въ иностранныхъ брошюрахъ служитъ канвой разсказа; историческія справки и даже самое изложеніе—тождественны съ тѣмъ, что находится въ финляндскихъ газетахъ и книгахъ. Тѣ-же выраженія и мысли, даже заглавія одинаковы («Походъ противъ Финляндіи», «Національный адресъ» и т. п.).

Повторяя доводы и воспроизводя воззрѣнія финляндцевъ, заграничныя изданія неизбѣжно повторяли и разныя ихъ измышленія о томъ, напримѣръ, что сенатъ края не былъ запрошенъ по уставу о воинской повинности, что уставъ этотъ преслѣдовалъ не военныя, а политическія цѣли, что русскіе притѣсняли лояльнѣйшій народъ въ мірѣ, который въ 1812 г. своими войсками охранилъ сѣверную столицу... Даже писатели съ такими именами, какъ Anatole Leroy Beaulieu, поддались общему искушенію и переписывали своими руками несообразности о томъ, что «нынѣшняя политика русскихъ въ Финляндіи направлена къ уничтоженію финской націи», что русское правительство «дѣлаетъ всевозможное для подстрекательства финской и шведской національностей другъ противъ друга» и т. п.

Типичнымъ заграничнымъ изданіемъ періода финляндской смуты представляется книга «Россія наканунѣ двадцатаго столѣтія» (Russland am Vorabend des zwanzigsten Jahrhunderts), которую молва приписывала перу виднаго русскаго ученаго. Она появилась въ Берлинѣ и сплошь неблагопріятна для русской политики. Одна треть книги посвящена «финляндскому вопросу», при чемъ почти рабски воспроизводятся положенія финляндскихъ писателей. Со словъ финляндцевъ авторъ сообщаетъ, что Финляндія не Рос-

сія, что «при Николаѣ I Финляндія была вовлечена въ Восточную войну, во имя интересовъ совершенно ей чуждыхъ», что въ 1878 г. уставъ о воинской повинности былъ введенъ по договору, на основаніи обоюдныхъ уступокъ, что Орденъ былъ возведенъ въ придворный чинъ за то, что началъ походъ противъ Финляндіи, что русскихъ шпіоновъ, разсылаемыхъ по всей странѣ въ видѣ странствующихъ торговцевъ, населеніе не хочетъ принимать, а финская казна принуждена кормить ихъ на свой счетъ... «Если бы въ двѣнадцатомъ году недовольная область стремилась вновь присоединиться къ Швеціи и русское правительство принуждено было бы держать тамъ большее или меньшее количество войска, то исходъ войны могъ бы быть иной». И такъ далѣе.

Послѣднее положеніе явилось ходячею монетою, которою пользуются и русскіе и иностранные наши недоброжелатели, при оцѣнкѣ историческихъ заслугъ финляндцевъ, заслугъ недостаточно якобы признанныхъ въ Россіи. Фактически безопасность со стороны Финляндіи была обезпечена Абоскимъ трактатомъ; кромѣ того, войною страна была разорена и она имѣла только 3600 чел. войска, незадолго передъ тѣмъ сформированнаго, изъ котораго 1200 чел. находились въ Петербургѣ для гарнизонной службы. Такая горсть мало обученныхъ солдатъ не могла поколебать большихъ политическихъ вѣсовъ того времени.

Исходная точка автора «Россія наканунѣ двадцатаго столѣтія» въ финляндскомъ вопросѣ та, что исторія Великаго Княжества «съ полной очевидностію доказываетъ преимущество конституціоннаго правленія передъ неограниченнымъ монархическимъ». Тезисъ, выраженный въ этихъ словахъ, давно уже является тайной и явной причиной особаго вниманія къ «финляндскому вопросу». Поэтому создается догадка, что книга написана программно, съ цѣлью пропагандировать конституцію на примѣрѣ Финляндіи. Для ясности необходима маленькая справка.

Въ 1896 г. главный штабъ революціонной пропаганды въ Россіи основалъ въ Цюрихѣ журналъ «Russische Zustände, unparteiscbeMonats-Revue. Зарубежная агитація выступила тогда съ новой программой, предназначавшейся въ руководство не только зарубежнымъ агитаторамъ, но и въ назиданіе «всѣмъ представителямъ русской оппозиціи». Программу обнародовали въ Женевѣ. Въ ней указывались не только цѣли легальной агитаціи, но также техническая сторона и способы ея веденія. Цѣль пояснялась изреченіемъ: delenda est Carthago. Подъ этимъ нужно было разумѣть, конечно, абсолютизмъ. Рекомендовалось не попадаться на удочку либеральныхъ реформъ, а, «опираясь на уступки и послабленія правительства, вести по всей Россіи усиленную агитацію»[415]).

Пріемы рекомендовались какъ активные, такъ и пассивные. Примѣръ активной агитаціи: надо дразнить общество, указывая на какія-нибудь спеціальныя льготы одной части населенія. Такими подходящими objectum ad demonstrandum признавались болгарская и финляндская конституціи. Руководители разсуждали такъ: надо напоминать насколько дарованіе Императоромъ Александромъ II конституціи болгарскому народу содѣйствовало тогда развитію и распространенію въ русскомъ обществѣ конституціонныхъ идей и требованій. Для Тверскаго и Харьковскаго земства болгарская конституція послужила исходной точкой для требованія всероссійскаго земскаго собора. Чѣмъ мы, русскіе, хуже болгаръ? кричали тогда; а теперь надо кричать: «чѣмъ русскіе хуже финляндцевъ?» Эту фразу надо повторять вездѣ, популяризируя эту идею въ печати, салонахъ, бесѣдахъ. Повтореніе и напоминаніе о финляндской конституціи признавалось особенно полезнымъ среди русской интеллигенціи. Надо при всѣхъ подходящихъ случаяхъ «наглядно выставлять на видъ передъ своими читателями или слушателями тотъ порядокъ и благоустройство, которымъ конституціонная Финляндія, какъ извѣстно, такъ выгодно отличается отъ Россіи съ ея неурядицами и анархіей. Первая задача, слѣдовательно, такова: нужно расхваливать на всѣ лады «образцовый порядокъ» и «благоустройство Финляндіи, начавъ хотя бы съ желѣзныхъ дорогъ и, идя далѣе, при посредствѣ «эзіопскаго языка», пояснять, что вся финляндская благодать проистекаетъ изъ «правоваго порядка».

Положенія этого политическаго катехизиса, видимо, глубоко запали въ сердца многимъ русскихъ и въ томъ числѣ составителя компилятивной книги «Россія наканунѣ двадцатаго столѣтія».

Нашимъ либеральнымъ органамъ рекомендованный пріемъ былъ извѣстенъ и практиковался именно на Финляндіи. Во время одной полемики ветеранъ либераловъ писалъ: «...Мы думаемъ даже, что слишкомъ настаивать на документахъ и обязательствахъ прошлаго на буквальныхъ толкованіяхъ историческихъ актовъ, манифестовъ и обѣщаній, — было бы ошибкой со стороны финляндскихъ публицистовъ. Къ области публичнаго права, государственнаго и международнаго, господствуетъ элементъ цѣлесообразности, движенія и развитія; нѣтъ такихъ торжественныхъ обязательствъ и соглашеній, которыя не уничтожались бы и не измѣнялись бы съ теченіемъ времени, даже независимо отъ внѣшнихъ политическихъ событій и переворотовъ. Гдѣ теперь обязательная сила актовъ вѣнскаго конгресса, относящихся къ тому же періоду, какъ и акты, касающіеся основанія нынѣшняго Великаго Княжества Финляндскаго? Что сталось съ постановленіями парижскаго трактата, съ обязательствами Пруссіи относительно сѣверной части Шлезвига, даже съ нѣкоторыми важными рѣ-

шеніями послѣдняго берлинскаго конгресса, напримѣръ, относительно Восточной Румеліи, реформъ въ Арменіи и др.

«Финляндскіе публицисты имѣютъ предъ собою легкую и благодарную задачу, несравненно болѣе важную, чѣмъ такое или иное истолкованіе текстовъ: они могутъ указать на экономическое и культурное развитіе, достигнутое Финляндіею при дѣйствіи существующихъ особыхъ законовъ, на образцовое финансовое состояніе страны, на ея желѣзнодорожные и иные порядки, на процвѣтаніе ея учебнаго дѣла, на общій бытъ ея населенія, и затѣмъ сопоставить съ этимъ положеніе другихъ областей имперіи, несравненно болѣе богатыхъ по природѣ (какъ, напр., Кавказъ) и однако поглощающихъ ежегодно десятки милліоновъ изъ общаго государственнаго казначейства, безъ особенной пользы для благоустройства и благосостоянія населенія. Уже одинъ тотъ фактъ, что бѣдная Финляндія, развиваясь болѣе или менѣе самостоятельно, не требуетъ никакихъ приплатъ отъ казны и доставляетъ государству однѣ лишь выгоды, тогда какъ богатый Кавказъ дорого обходится всему народу и даетъ лишь дефицитъ, а малонаселенныя области, вродѣ Туркестанскаго или Амурскаго края, просто разоряютъ казну при обычной системѣ нашего сложнаго бюрократическаго управленія,—уже этотъ одинъ фактъ рѣшаетъ спорные вопросы въ пользу Финляндіи съ гораздо большею несомнѣнностью, чѣмъ всякіе исторические документы, истолковываемые теперь г. Ординымъ и его оппонентами. Финляндскіе законы и учрежденія оказались въ высшей степени цѣлесообразными и выгодными, не только съ финляндской, но и съ русской точки зрѣнія,—вотъ тотъ главный и непоколебимый доводъ, на который могутъ твердо опираться финляндскіе публицисты»[416]).

Спеціальная литература о политическомъ и автономномъ положеніи Финляндіи также возросла въ періодъ 1899—1904 г.г. Этому тоже содѣйствовали сами финляндцы. Сперва они заботливо переводили свои сочиненія на иностранные языки, а затѣмъ, благодаря наличности готоваго матеріала, въ изобиліи появились дешевыя компиляціи. Труды Л. Мехелина «Précis du droit public du Grand Duché de Finlande» (1886 г.), «La question finlandaise», профессора І. Даніельсона—«Соединеніе Финляндіи съ Россійскою Державою», «Внутренняя самостоятельность Финляндіи» Р. Германсона, «Государственно-правовое положеніе Финляндіи», были распространены по Европѣ и ими преимущественно воспользовались западно-европейскіе ученые и публицисты. Самостоятельной и всесторонней разработки вопроса почти ни у одного изъ западныхъ писателей не наблюдается. Норвежецъ Гетцъ, датчанинъ Нюхольмъ, французъ Фр. Деспанье и др. компилировали и переписывали по финляндскимъ источникамъ; но даже составители болѣе солидной по объему книги, какъ «La situation po-

litique de la Finlande», изданной журналомъ, претендующимъ на авторитетъ въ международныхъ вопросахъ—«Revue de droit international et de législation comparée» (за 1900 г.)—признаются, что у нихъ находились «передъ глазами сочиненія J. R. Danielson'a въ англійскомъ переводѣ».

Въ тѣхъ, крайне рѣдкихъ случаяхъ, когда ученые Запада самостоятельно принимались за изслѣдованіе юридической природы отношеній Финляндіи къ Россіи, неизбѣжно открывалась какая-нибудь интересная особенность, неуказанная въ заготовленныхъ для Европы финляндскихъ коментаріяхъ. Въ видѣ примѣра можно указать на выводы Рема («Deutsche Juristen-Zeitung»).

Въ періодъ усиленнаго противодѣйствія объединительнымъ реформамъ, своего рода обѣтованной землей для финляндцевъ явилась Швеція: она расположена около Финляндіи и въ ней находился готовый печатный станокъ на языкѣ культурныхъ финляндцевъ; въ Швеціи имѣлся, наконецъ, готовый и обширный кругъ давно сочувствовавшихъ имъ людей. Все это дѣлало сосѣднюю Скандинавію исключительно удобной для перенесенія въ ея предѣлы центра литературной оппозиціи.

Вскорѣ Финляндія наполнилась запрещенными произведеніями стокгольмскаго книжнаго рынка. Нѣкоторыя изданія печатались, въ видахъ удобства пересылки, на шелковистой бумагѣ; другія предназначались исключительно для распространенія въ Финляндіи «среди широкихъ народныхъ массъ». Брошюрки и листки печатались нерѣдко въ значительномъ количествѣ. Извѣстно, что возраженіе на статью шведскаго профессора Гаральда Іерне было напечатано въ 20 тыс. экземплярахъ.

Въ Стокгольмѣ появилась брошюра «Реляція объ обрусительныхъ мѣрахъ лѣта 1900 г.», въ которой Борнъ, К. Маннергеймъ, І. Кастренъ, Арвидъ Неовіусъ и Евг. Вольфъ давали совѣты относительно противодѣйствія русскимъ требованіямъ и способовъ обхода всѣхъ послѣднихъ законоположеній. Вмѣсто публичныхъ собраній они рекомендовали устраивать частныя сборища; коробейниковъ предлагали бойкотировать; почтовыхъ марокъ новаго образца не наклеивать; жандармовъ игнорировать и т. п. По воззрѣніямъ этихъ учителей безнравственности и беззаконности, чиновники, до примѣненія постановленій и указовъ, имѣютъ право и обязанность изслѣдовать, насколько законно ихъ происхожденіе. Если постановленія и указы, по личному воззрѣнію чиновника, противозаконны или изданы не въ томъ порядкѣ, въ какомъ ему представляется, что они должны быть изданы, онъ мо-

жетъ не исполнять ихъ. Эта своеобразная теорія насаждалась въ Финляндіи профессоромъ Р. фонъ-Вреде уже въ 1897 г. въ сеймовой аудиторіи среди представителей Финляндіи.

Въ Стокгольмѣ была напечатана также брошюра анонимнаго финляндскаго автора «Призывъ къ защитѣ родины», въ которой Россія названа «нашъ старый, вѣчный, восточный врагъ». Все предлагаемое авторомъ можно резюмировать такъ: «не содѣйствовать, не слушаться, не признавать» русскаго правительства.

Членъ шведоманской оппозиціи Nemo (за каковымъ псевдонимомъ скрывался бывшій финляндскій сенаторъ) издалъ въ Стокгольмѣ маленькую брошюрку «Vika eller stå?» («Стоять или уступить?»). Онъ исходилъ изъ того положенія, что русская политика по отношенію къ Финляндіи не случайнаго характера и, съ уходомъ со сцены дѣятелей русскаго агрессивнаго направленія, она не измѣнится. Русская политика имѣетъ своимъ краеугольнымъ камнемъ принципъ государственнаго единства. Этотъ принципъ совершаетъ свое торжественное шествіе по всему свѣту и называется имперіализмомъ. Тому же принципу приносятъ жертву Англія, Америка и другія высоко культурныя государства. По мнѣнію Nemo, русскій государственный механизмъ въ своемъ движеніи сокрушаетъ всякую автономію, уничтожаетъ всякое національное самосознаніе, финскую гражданственность, «общественное бытіе — всѣ финскіе посѣвы». Отсюда Nemo приходитъ къ тому выводу, что Финляндія должна бороться и противодѣйствовать, а не идти на уступки. «Надо сохранить въ нашемъ народѣ,—пишетъ онъ,—желаніе и способности «воспользоваться измѣнившимися обстоятельствами, если они когда-либо настанутъ».

Какъ далеко заходили вожделѣнія финляндцевъ, показываетъ журналъ «Nordisk Revy» (1903, № 3), основанный въ Швеціи и редактированный сперва бывшимъ издателемъ газеты «Nya Pressen»—Акселемъ Лилле, и затѣмъ главнымъ его сотрудникомъ—Конни Цилліакусомъ. Въ статьѣ «Касается-ли обрусительная политика въ Финляндіи Скандинавскаго Сѣвера?», авторъ ея,—рекомендованный особымъ примѣчаніемъ журнала, какъ выдающійся финскій офицеръ и дипломатъ,—доказываетъ желаніе Россіи приблизиться къ Атлантическому океану у Норвежскаго берега. Прежнія попытки и дипломатическіе походы Россіи въ этомъ направленіи не удались, почему она задумала достичь цѣли путемъ обрусѣнія Финляндіи. «Въ будущей войнѣ русскія силы неизбѣжно перейдутъ границу Швеціи у Торнео. Въ дальнѣйшемъ движеніи они наткнутся на крѣпость Боденъ. Но ея мало! Необходимо,—совѣтуетъ финскій патріотъ будущей союзницѣ Швеціи,—воздвигнуть вокругъ Бодена временныя укрѣпленія. Послѣ реформы, армія Швеціи возрастетъ къ 1908 г. до 100.000 штыковъ,

7.000 сабель и 288 орудій. Но и этого мало! Надо организовать партіи добровольцевъ зимой—на лыжахъ, лѣтомъ—на велосипедахъ. Сильный ледоколъ долженъ бороздить ледъ въ замерзающемъ Кваркенѣ; Швеція обязана примириться съ Норвегіей, и только при такихъ условіяхъ нашествіе русскихъ, при ихъ плохомъ интендантствѣ, не явится опаснымъ. Такимъ образомъ финскій патріотъ и русскій подданный давалъ сосѣдкѣ Швеціи военный совѣтъ, какъ одолѣть Россію. Ясно, что у автора статьи было уже потеряно сознаніе различія между патріотизмомъ и измѣной.

Шведы, съ своей стороны, также занялись планами будущей войны «съ восточной жадной (glupska) сосѣдкой Россіей» и популяризовали свои мысли путемъ романа Эрика Драке—«Съ оружіемъ въ рукахъ» (Med vapen i hand, 1902 г.). Читатель предупреждается авторомъ, что описанное событіе можетъ послѣдовать въ любой день. Что же касается военной стороны дѣла, то Драке признается, что разрабатывалъ ее въ сотрудничествѣ съ опытнымъ шведскимъ стратегомъ. Война эта должна сильно поднять патріотизмъ шведовъ; русскіе потерпятъ неудачи на сушѣ и водѣ, несмотря на то, что имъ первоначально удастся захватить Стокгольмъ и проникнуть далѣе въ глубь страны. Морскія силы шведовъ будутъ объединены съ флотомъ Англіи и русскія суда подвергнутся полному уничтоженію. Норвегія примкнетъ къ Швеціи и при отступленіи русскимъ придется очутиться между двухъ огней. На обратномъ пути русскія войска застанутъ Финляндію охваченной пламенемъ возстанія. Финнамъ помогутъ кромѣ того фанатики-поляки. Десантъ англичанъ, высаженный на берега Финляндіи, пройдетъ по краю до Выборга, который, послѣ недолгой осады, вынужденъ будетъ сдаться. Дорога къ Петербургу освободится и Россія вынуждена просить мира, чтобы спасти свою столицу. Финляндія объявляется республикой, на подобіе швейцарской.

Прибавимъ кстати, что воинственные клики раздаются не только въ беллетристическихъ произведеніяхъ Швеціи, но и въ книгахъ ученыхъ. Недавно извѣстный путешественникъ Свенъ Гединъ поднялся во весь ростъ и громко сталъ взывать къ соотечественникамъ о необходимости скораго вооруженія арміи и флота, такъ какъ Россія готова не сегодня, такъ завтра двинуться на Скандинавскій полуостровъ, нуждаясь въ доступѣ къ Атлантическому океану[417]).

Въ «руссификаціи» Финляндіи шведы также усматриваютъ систематическое приближеніе Россіи къ ихъ областямъ. Это побудило ихъ правительство строить крѣпости и вооружаться. Такъ какъ въ Швеціи даже крестьяне заняты политикой, то населеніе воспитывается въ виду этого въ духѣ нерасположенія къ Россіи.

Періоды общественнаго броженія всегда отмѣчены быстрымъ раз-

витіемъ нелегальной литературы. Такъ случилось и теперь. Разновременно было основано нѣсколько подпольныхъ изданій, выходившихъ въ видѣ летучихъ листковъ: «Vårt Land» (1899), «Cirkulär bref» (1899), «Nyländska Posten». Особенно благопріятной для роста этихъ плевелъ литературы оказалась общественная почва Швеціи. Изъ періодическихъ подпольныхъ изданій болѣе извѣстны: «Свободное Слово», «Безцензурныя Сообщенія», «Новости Недѣли» и др. («Fria Ord», «Censurfria Meddelanden», «Veckans Nyheter», «Maanantaina», «Keskioilkona» и «Vapaita lehti»). Имѣется основаніе предполагать, что на финскомъ языкѣ издавалось только одно нелегальное періодическое изданіе, которому мѣняли названіе. Въ этихъ нелегальныхъ изданіяхъ не останавливались, конечно, передъ уклоненіемъ отъ истины, передъ клеветою и запугиваніями, такъ какъ статьи ихъ предназначались преимущественно для такой среды, которая мало была подготовлена къ критической оцѣнкѣ печатнаго слова.

Между этими періодическими изданіями наибольшую извѣстность пріобрѣла газетка «Fria Ord» (Свободное Слово). Ея редакція объявила русское правительство и финляндскій сенатъ вреднѣйшими врагами Великаго Княжества, а «пассивное сопротивленіе», съ постепеннымъ переходомъ къ необходимой оборонѣ и активному сопротивленію, она признала наиболѣе цѣлесообразнымъ орудіемъ борьбы съ ними. «Лишь болѣе широкое примѣненіе принципа сопротивленія можетъ спасти страну,—писала она въ 1900 г. ...Наше сопротивленіе должно заключаться въ систематическомъ вытѣсненіи всего русскаго, а именно: слѣдуетъ избѣгать употребленія новыхъ марокъ, нужно обходить магазины, имѣющіе русскія вывѣски, надо воздержаться отъ употребленія предметовъ, носящихъ русскіе этикеты; обиходныя русскія слова «извозчикъ», «лавка» и т. п. слѣдуетъ замѣнить другими... Единодушіемъ сопротивленія листокъ надѣялся повліять на русскую власть и показать ей всю безполезность изданныхъ ею постановленій. Очень часто «Fria Ord» жаловалась на сенатъ, говоря, что его уступчивость, вмѣстѣ съ партійными распрями, ослабляетъ энергію народа.

Чтобы повліять на косную массу населенія, нелегальная печать взапуски распространяла небылицы о томъ, что русское правительство уничтожаетъ финскую государственную самостоятельность, финское гражданское существованіе, въ качествѣ отдѣльной націи, готовится изводить финновъ назначеніемъ ихъ въ русскую военную службу и т. д. «Всякою уступкою будетъ въ сущности одобренъ манифестъ 3 февраля и признана власть самодержавія въ общемъ законодательствѣ. Нечего бояться раздраженія. Эти власти не вѣчны. Намъ свидѣтельствуютъ многіе признаки, что онѣ находятся наканунѣ крушенія, и каждая неудача, каждое осложненіе, вызываемое ихъ политикой, въ

состояніи лишь ускорить ихъ паденіе, тогда какъ уступчивость придаетъ ихъ политикѣ видъ успѣшности въ глазахъ тѣхъ, кому принадлежитъ право санкціонировать образъ дѣйствія этихъ властей».

На страницахъ «Fria Ord» появился «Народный Катехизисъ», совершенно напоминающій собою революціонный катехизисъ Польши 1863 г. Финляндскій катехизисъ (1902 г.) также составленъ въ вопросахъ и отвѣтахъ и съ молитвой кощунственнаго характера. О направленіи катехизиса и его цѣли можно судить по слѣдующимъ его наставленіямъ.

«Развѣ конецъ общаго разрушенія финскихъ законовъ такъ близокъ? Да, рѣшай самъ! Раньше ты законы для себя самъ издавалъ—теперь настало другое время! Раньше ты свободно могъ говорить подъ защитою своихъ законовъ — теперь за это наказываютъ! Раньше ты могъ говорить на своемъ родномъ языкѣ—теперь вездѣ слышится чужой языкъ! Раньше тебя судили судьи, которыхъ нельзя было устранить—теперь невинно тебя могутъ посадить въ тюрьму задариваемыя, низменныя должностныя лица! Раньше ты одинъ торговалъ въ своей странѣ дозволеннымъ товаромъ – теперь же устраняютъ тебя алчные чужестранцы! Раньше защищали страну собственные сыны страны—теперь проживаютъ, въ украденныхъ у насъ казармахъ, чужія войска. Раньше у насъ процвѣтала правда и честность—теперь же открылся прямой путь для лжи и закононарушенія.

«... Запечатлѣй, прежде всего, въ своей памяти очертанія Іуды, помни его не только дома, но и въ дорогѣ, а также когда ложишься спать и когда встаешь со сна.

«Пріобрѣти себѣ фотографію измѣнника для того, чтобы при встрѣчѣ его, поступить съ нимъ, какъ сказано будетъ ниже.

«Что же касается до чужестранныхъ купцовъ, которые у насъ, на основаніи незаконнаго постановленія, повсюду въ краѣ производятъ торговлю, а равно тѣхъ русскихъ торговцевъ, которыхъ нынѣ такъ много расплодилось на гельсингфорскомъ рынкѣ и на площадяхъ, то тебѣ не слѣдовало бы имѣть съ ними никакого дѣла. Особенно надо на все это обратить особенное вниманіе нашихъ школьниковъ. Проходи ты, школьникъ и школьница, мимо его яблокъ и мороженаго, щекочащихъ ваши нервы, а вы, хозяйки, прекратите покупать у этихъ, грязно-сальныхъ, восточныхъ пришельцевъ.

«Необходимо, чтобы наши власти прекратили бы безчинства, которыя происходятъ во время прогулокъ русскихъ войскъ, такъ такъ они, во время прогулки мимо мирныхъ домовладѣльцевъ, позволяютъ себѣ горланить свои безнравственныя пѣсни.

«Городскому начальству слѣдуетъ также настойчиво требовать, чтобы городскіе площади и рынки не уступались бы русскимъ вой-

скамъ для обученія солдатъ, что во многихъ мѣстахъ случается. Этотъ слабый надзоръ вообще порицаемъ.

«Съ подлымъ чужеземцемъ, который дѣйствуетъ противъ своей совѣсти, нужно обходиться какъ съ прохвостомъ.

«Въ разговорѣ съ чужеземцемъ будь остороженъ, не довѣряйся ему слишкомъ.

«Если ты заводчикъ, фабрикантъ, оптовый торговецъ и т. п., то не унижайся, для собственной выгоды, вступать въ сдѣлку съ восточными сосѣдями, это умаляетъ наши принципы и направлено противъ финляндскаго закона и постановленій.

«Если ты любишь родину, то никогда не бери стипендіи для изученія русскаго языка. Прохвостъ тотъ человѣкъ, который протягиваетъ руку къ подобнымъ деньгамъ. Но такихъ въ настоящее время много.

«Крѣпко вѣрь въ то, что Финляндія еще разъ, какъ неоднократно и раньше, сдѣлается свободною и облагороженною отъ нынѣшняго гнета.

«Катехизисъ» кончается молитвой... Соотечественникъ преклони колѣни и проси о дарованіи защиты нашей родинѣ, «гдѣ дома разрушены, жены похищены, дочери посрамлены, сыновья и внуки застрѣлены».

«Хороши лойяльные финляндцы съ имъ даннымъ катехизисомъ! воскликнулъ генералъ-губернаторъ. Въ Имперіи о нихъ не имѣютъ понятія. Слава Богу, что удалось снять покровы» съ этихъ господъ (29 апв. 1903 г.).

Враждебность къ Россіи на страницахъ періодическихъ изданій финляндцевъ приняла вскорѣ такіе размѣры, что власть Швеціи вынуждена была подвергнуть судебной отвѣтственности редактора «Veckans Nyheter». Эта газета, глумясь надъ русскими, открыто проповѣдывала возстаніе въ Финляндіи. Ей казалось, что насталъ самый удобный моментъ для сверженія «русскаго ига». Шведы приглашались воспользоваться тяжелыми обстоятельствами Россіи и вернуть себѣ Финляндію. Противъ такихъ статей возстали нѣкоторыя шведскія и норвежскія газеты и напомнили финляндскимъ революціонерамъ, что имъ не слѣдуетъ нарушать своими преступными подстрекательствами законовъ гостепріимно пріютившей ихъ страны. Когда же министръ юстиціи возбудилъ противъ газеты уголовное преслѣдованіе, то тѣ же изданія одобрили это распоряженіе, находя, что давно пора положить предѣлъ преступной агитаціи противъ Россіи. Такое отношеніе серьезной шведской и норвежской печати къ финляндской агитаціи возмутило финляндскихъ выходцевъ и они стали въ своихъ органахъ обвинять эту печать въ трусости и раболѣпствѣ передъ Россіей.

Тонъ «Nordisk Revy» былъ настолько раздражителенъ, что шведская газета признала за лучшее отказать отъ квартированія этому агитаціонному очагу въ Швеціи. Другая шведская редакція[418]) нашла невыгоднымъ впускать энергичныхъ борцовъ въ Швецію, чтобы не дать Россіи повода вмѣшаться во внутреннія дѣла Скандинавіи. Они не должны пользоваться нашею страною, какъ базисомъ для своей агитаціи. Третьи[419]) высказали осужденіе шведской поддержкѣ агитаціи, «которая по многимъ причинамъ неудобна и не можетъ служить Финляндіи на пользу». Шведскія типографіи печатали для финляндцевъ явно революціонныя произведенія, тогда какъ по шведскому закону печатаніе ихъ запрещается подъ страхомъ наложенія на ослушниковъ соотвѣтствующей кары[420]).

Въ шведскихъ газетахъ появились (въ 1902 г.) статьи[421]): «Опасные финны», «Неприличная финская агитація» и т. п., въ которыхъ взывали къ своему правительству, съ увѣщаніемъ обратить вниманіе на «волну финской литературы», которая поднялась въ Швеціи и разливается по Финляндіи. Мы должны «пещись о согласіи» съ сосѣдомъ, говорила газета. «Мы того убѣжденія, что подобное агитаторское поведеніе финляндскихъ гражданъ въ Швеціи не должно имѣть мѣста. Каждый долженъ помнить, что интернаціональныя условія чувствительны. Наше правительство должно тщательно заботиться о доказательствахъ, что мы строго нейтральный народъ, желающій стоять въ дружественныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ націямъ и не менѣе къ великому сосѣду на Востокѣ». «...Мы должны избѣгать вмѣшательства въ это дѣло,—читаемъ въ другой шведской газетѣ,—ибо помочь Финляндіи мы не можемъ и только напрасно вносимъ разладъ въ наши отношенія съ русскимъ народомъ, что не можетъ быть намъ желательно»[422]).

Подобныя заявленія особенно пріятно было слышать русскимъ, болѣе другихъ желающимъ добрыхъ отношеній ко всѣмъ, а въ томъ числѣ и къ близкой Швеціи. Но, къ сожалѣнію, далеко не всѣ газеты Швеціи проникнуты были благоразумной сдержанностію и элементарными правилами приличія къ сосѣднему государству.

Швеція сочувствовала Финляндіи въ ея борьбѣ противъ русскихъ объединительныхъ мѣропріятій и свои чувства и воззрѣнія высказала весьма опредѣленно. Въ дни нашего домашняго спора съ Финляндіей, большая часть шведской печати была къ услугамъ нашихъ окраинскихъ политикановъ и агитаторовъ и сама сочилась враждебностью къ Россіи[423]). Публика въ городскомъ ресторанѣ Стокгольма демонстративно требовала исполненія «Бьернеборгскаго марша» и «Вортъ-ландъ». «Финская народная пѣсня печальна, писали въ Стокгольмѣ, она плачетъ. Финскую плачущую народную пѣснь мы понимаемъ».

«О Финляндіи стоитъ подумать Швеціи» (Finland-der är något att tänka på för Sverige). «Беззаконія въ Финляндіи», «Новыя превышенія власти въ Финляндіи», «Финляндія подъ кнутомъ», «Судъ подъ лапой русскаго медвѣдя» и т. п.[424]) — таковы заглавія, коими привлекалось вниманіе читателей къ финляндскимъ дѣламъ. Губернаторъ N. N. «грозитъ нагайками и штыками»—оповѣщали газеты, сами отлично зная цѣну подобнымъ сообщеніямъ. «Nya Daglig Allehanda» не забыло, конечно, что оно писало о «Русскихъ сановникахъ» (13 октября 1902 г., № 235). Многія статьи газетъ не могутъ быть нами даже названы здѣсь... Г. Georges въ брошюрѣ «Politiska reflektioner», указывая на подобныя же вылазки, производитъ имъ свою правдивую оцѣнку. «Если бы симпатіи Швеціи родственному краю Финляндіи внушались только горемъ и сочувствіемъ, то противъ нихъ нечего было бы возразить; къ несчастью, здѣсь нельзя было замѣтить ни капли горя, а только злобу и издѣвательство... Въ эти дни озлобленія говорились слова прямо невѣроятныя, такія, которыхъ никто не дерзнетъ повторить въ здравомъ умѣ. Если правительство соединенныхъ королевствъ не подавало голоса во время финляндскихъ событій, то это понятно; но въ видахъ полнаго безпристрастія ему слѣдовало бы по мѣрѣ возможности препятствовать безсовѣстной дерзости нѣкоторыхъ органовъ. Правительство отнюдь не должно терпѣть, чтобы ежедневная печать оскорбляла иностранныя державы»... «Разсмотрѣвъ въ сжатомъ видѣ прошедшее время, мы должны установить,—пишетъ Georges,—что несмотря на всѣ услуги, оказанныя намъ Россіей, несмотря на ея неизмѣнно-доброжелательное отношеніе, населеніе и печать Швеціи и Норвегіи непрерывно держались системы поруганія, каковая система сама по себѣ недостойна, но прежде всего опасна».

Въ виду хорошихъ отношеній Россіи къ Швеціи, въ нашей печати высказано было желаніе, чтобы стокгольмскія и другія изданія оставили свой нерѣдко задорный тонъ и перестали вмѣшиваться въ наши домашнія дѣла съ Финляндіей. «Въ порядкѣ природы, — справедливо сказала одна шведская газета, — что мы должны придти все въ болѣе и болѣе близкое сношеніе съ Россіей въ области торговли, мореходства и вообще мирнаго развитія. Доброе сосѣдское согласіе— національное богатство, которому каждый, по мѣрѣ своихъ средствъ, обязанъ содѣйствовать. Эта наша національная политика не препятствуетъ намъ обсуждать внутреннія условія Россіи и русскія стремленія, насколько такая критика согласуется съ интернаціональнымъ тактомъ. Но она возлагаетъ на насъ обязанность быть на стражѣ по отношенію къ разнымъ слухамъ и обвиненіямъ, оскорбительнымъ для этой державы: если оскорбленія будутъ продолжаться безпрепятственно,

то въ концѣ концовъ они должны породить неудовольствіе и недовѣріе тамъ, гдѣ шведское имя встрѣчало доброжелательство и довѣріе...»

Несмотря на то, что Россія въ теченіи цѣлаго столѣтія ни разу не дала ни малѣйшаго серьезнаго повода соединеннымъ королевствамъ Скандинавіи сомнѣваться въ ея самой искренней и миролюбивой политикѣ, періодическая печать Швеціи и Норвегіи тѣмъ не менѣе неустанно пугала своихъ читателей «привидѣніями среди яснаго дня» и «каждый вечеръ указывала пальцемъ на востокъ въ туманное море и выкликивала воинственныя, вызывающія рѣчи». Шведы и норвежцы до такой степени привыкли къ подобнымъ статьямъ, что если бы онѣ неожиданно прекратились, то населеніе вѣроятно растерялось. Нигдѣ въ Россіи нельзя наблюсти ни малѣйшаго проявленія вражды къ Швеціи и Норвегіи; во всей нашей печати нѣтъ ни одного періодическаго изданія, недружелюбно настроеннаго противъ нихъ. Напротивъ, всюду у насъ распространено чувство полнаго уваженія къ немногочисленнымъ, но высококультурнымъ народностямъ Скандинавіи; всѣ органы русской печати съ охотой отмѣчаютъ ихъ успѣхи, особенно въ области народнаго образованія и борьбы съ пороками. Описанія путешествій (доктора А. В. Елисѣева, Ев. Маркова, Коптева, Л. Л. Толстого и др.) по скандинавскимъ странамъ согрѣты самыми теплыми чувствами симпатіи и расположенія. Но шведы насъ не переводятъ и не читаютъ. Они систематически культивируютъ у себя чувства озлобленія къ Востоку. Главная ихъ издательская фирма «Альбертъ Боннье» въ теченіи долгихъ лѣтъ подбираетъ книги съ неодобрительными отзывами о Россіи; нѣкоторыя ихъ газеты, какъ напримѣръ, «Aftonbladet», начиная съ пятидесятыхъ годовъ изо дня въ день разводятъ свои типографскія чернила желчью; въ публичныхъ чтеніяхъ звучитъ дурная нота рѣзкой критики; беллетристика угощаетъ широкій кругъ читателей романами, въ которыхъ Россія и русскіе рисовались не въ привлекательномъ свѣтѣ; политическія брошюры кричатъ «О величайшей опасности, угрожающей Сѣверу», о «Правѣ и насиліи» и т. п.

«Aftonbladet» оставаясь вѣрной своей традиціи, первая отправила въ дни финляндской смуты спеціальнаго корреспондента въ Гельсингфорсъ и вскорѣ стала печатать на французскомъ языкѣ «Un coup d'Etat» (апр. 1899 г.). Другая газета («Dagens Nyheter») также отправила своего представителя, дабы онъ былъ свидѣтелемъ ожидавшейся революціи, но газета эта скоро и честно предостерегла своихъ читателей отъ увлеченія финляндскими дѣлами.

XIII. Особыя полномочія.

За чрезмѣрную строгость можетъ быть придется еще сильнѣе здѣсь отвѣчать, но я готовъ претерпѣть ихъ ради твердаго убѣжденія необходимости строгихъ мѣръ.

Изъ письма Н. И. Бобрикова отъ 10 октября 1901 г.

Былъ бы счастливъ

малѣйшаго момента, когда бы я могъ,

по совѣсти, просить у Государя для

Финляндіи милости и снисхожденія.

Изъ письма Н. И. Бобрикова отъ 2 мая 1903 г.

Исполненіе правительственной программы поставило генералъ-губернатора въ весьма затруднительное положеніе. На государственно-объединительныя требованія въ Финляндіи отвѣтили пассивнымъ сопротивленіемъ, которое временами переходило въ активное противодѣйствіе и повергло страну въ смуту. Начальнику края надо было проводить реформы, унимать крамолу и оберечь неповинное населеніе, а надлежащей власти у него не было. Магистраты и воинскія присутствія, чиновники и судьи громко и вызывающе заявляли о своихъ отказахъ исполнить самые умѣренные отъ нихъ требованія. Въ краѣ «безнаказанно существовало темное общество». Сенатъ, губернаторы и прокуроръ отказывались разслѣдовать нити агитаціи. Генералъ-губернатору доносили о ежедневныхъ почти демонстраціяхъ. Нѣкоторые сенаторы, успокаивая его, говорили, что онъ «прекратятся съ окончаніемъ сейма и по выясненіи безцѣльности достиженія желаемой вожаками перемѣны въ управленіи краемъ». Статсъ-

дама Аврора Карамзина, пользуясь своимъ положеніемъ и обширными связями, приняла мѣры противъ генералъ-губернатора, написавъ въ Петербургъ слезное моленіе.

Что оставалось дѣлать генералъ-губернатору? Какъ и чѣмъ было заставить чиновниковъ исполнять ихъ обязанности? Назначить разслѣдованіе? Но его будутъ производить ихъ единомышленники и пріятели. Предать суду? Но старый, формальный и политиканствующій судъ ихъ оправдаетъ и «скандалъ» увеличится. Кромѣ того, нужно было предать суду пѣлые гофгерихты, магистраты, призывныя присутствія. Въ письмѣ къ министру статсъ-секретарю генералъ-губернаторъ призналъ поэтому свое положеніе «безпомощнымъ» (11 марта 1900 г.). Всѣ видѣли въ немъ какого-то Чингизъ-хана, готоваго превратить Финляндію въ пустыню. Между тѣмъ, Н. И. Бобриковъ жилъ надеждой, что «избранный имъ» путь «все-таки когда-нибудь приведетъ къ желанному умиротворенію и безъ примѣненія чрезвычайныхъ мѣръ», — какъ значится въ его скромномъ дневникѣ. «Съ Божьей помощію надѣюсь на постепенное умиротвореніе», писалъ онъ В. К. Плеве 4 октября 1899 г.

Легко себѣ представить, что передумалъ и перечувствовалъ генералъ-губернаторъ, когда вокругъ бушевали мутныя волны новой для него финляндской жизни. Онъ весь—со своими думами, заботами, чувствами—въ своихъ письмахъ. Занимавшіе его вопросы неизбѣжно отражались въ нихъ. Обращаясь къ письмамъ, мы видимъ, что смута въ краѣ явилась для него кошмаромъ, лишившимъ его покоя, почему она заняла видное мѣсто въ его перепискѣ. Передъ генералъ-губернаторомъ проходили новыя и новыя ухищренія агитаторовъ. Предупредить зло обыкновенными средствами оказалось невозможнымъ. Онъ проявилъ много терпѣнія, уговаривалъ и убѣждалъ, но слова не помогли. Пока обдумывалась одна мѣра пересѣченія зла, нарождалась необходимость второй, третьей и т. д.

Примѣръ неповиновенія былъ поданъ сенатомъ, который тормозилъ распубликованіе царскихъ повелѣній. «Противодѣйствіе сената должно быть сломлено во чтобы то ни стало», настаивалъ Н. И. Бобриковъ въ письмѣ къ В. К. Плеве (31 декабря 1899 г.). Генералъ-губернаторъ вступилъ въ переписку съ сенатомъ, но указанія оффиціальныхъ бумагъ пользы не принесли. Нужно было отыскать мѣру, могущую остановить сенатъ. «Считаю святымъ долгомъ сломить упорство безсмысленное и съ этою цѣлью предлагаю, въ случаѣ его доведенія до дерзости, уволить отъ службы сенаторовъ, голоса которыхъ будутъ принадлежать оппозиціи», читаемъ въ его письмѣ къ министру статсъ-секретарю (14 іюня 1900 г.). Въ это же время у Н. И. Бобрикова возникла мысль о замѣнѣ финляндскихъ сенаторовъ русскими людьми.

Изводящая волокита, которую сенатъ начиналъ противъ каждаго

новаго закона и замедленія по распубликованію Царскихъ повелѣній, конечно, не могли нравиться Н. И. Бобрикову, какъ человѣку дѣловитому и аккуратному. «Не даромъ я все хлопоталъ объ отмѣнѣ вообще порядка обнародованія законовъ; предчувствіе меня не обмануло, писалъ онъ. Пока сила сената въ краѣ не будетъ уничтожена, до тѣхъ поръ русскіе интересы будутъ проникать въ окраину крайне медленнымъ ходомъ».

Событія быстро чередовались и лавина безпорядковъ катилась и росла. Это обстоятельство вызываетъ новую мысль въ начальникѣ края и онъ разновременно пишетъ къ В. К. Плеве: «Ограниченіе сепаратизма Финляндіи лучше совершить при сравнительно намъ благопріятномъ состояніи политическаго горизонта. Наше дѣло правое— я въ томъ искренно убѣжденъ» (февраль 1900 г.). «Пора уже въ самомъ дѣлѣ указать финляндскимъ заправиламъ на ихъ преступныя заблужденія, причиняющія однако же намъ заботы въ мирное время и способныя усложнить нашу оборону въ минуты войны» (3 марта 1900 г.). «Такъ или иначе, но крамола и мятежъ должны быть уничтожены, это тѣмъ легче сдѣлать уже въ настоящее время, т. е. пока настроеніе народныхъ массъ скорѣе направлено въ нашу сторону»..... (26 іюля 1900 г.). «Необходимо показать, что честные люди находятъ въ крайнемъ случаѣ поддержку въ русской государственной власти»... (14 октября 1900 г.).

Итакъ, надо ограничить сепаратизмъ; необходимо оградить честныхъ... Но какими средствами? «Власть моя неминуемо должна быть усилена настолько, чтобы ее боялись члены тайнаго враждебнаго намъ ржонда» (18 іюля 1900 г.). Власть эту тѣмъ болѣе необходимо увеличить, находилъ генералъ-губернаторъ, что «сила оппозиціи коренится въ неуязвимости Мехелина и К°» (26 іюля 1900 г.). Наконецъ, 10 октября 1901 г. Николай Ивановичъ написалъ В. К. Плеве: «Современное положеніе Финляндіи вполнѣ оправдываетъ введеніе самыхъ строгихъ административныхъ мѣръ: крамола зашла слишкомъ глубоко и погасить ее не легко. Сепаратисты разсчитываютъ на наше великодушное снисхожденіе и совершенно убѣждены въ своей безнаказанности. Наступаетъ рѣшительный моментъ, которымъ мы должны воспользоваться въ интересахъ Россіи. За усиленную охрану можетъ быть мнѣ и придется сложить здѣсь свою голову, но я готовъ жертвовать жизнью въ твердомъ убѣжденіи неизбѣжности строгихъ мѣръ. Враги наши полагаютъ, что у насъ не хватитъ силы воли дать сильный отпоръ, вслѣдствіе чего они такъ и напираютъ».

Наличныя обстоятельства все чаще и неизбѣжнѣе стали наводить начальника края на мысль о чрезвычайныхъ полномочіяхъ.

«5 (18) февраля 1901 г., во вторую годовщину обнародованія манифеста о порядкѣ изданія общеимперскихъ законовъ, въ Гельсингфорсѣ произошли уличные безпорядки, обнаружившіе недостаточность обычной полицейской и судебной охраны общественнаго спокойствія». Событія, происшедшія лѣтомъ 1901 г., показали, что агитація пыталась вовлечь населеніе Финляндіи въ преступное противодѣйствіе правительственнымъ распоряженіямъ. «Фактъ появленія второго (массоваго) адреса освѣщаетъ и подтверждаетъ основательность соображеній, требующихъ введенія усиленной охраны (22 октября 1901 г.). «Желая провѣрить свои воззрѣнія на современное положеніе края и вызываемыя имъ мѣропріятія, я неоднократно бесѣдовалъ (названо четыре имени) и всѣ единогласно признаютъ положеніе серьезнымъ и необходимость строгихъ мѣръ» (7 ноября 1901 г.).

Дѣло зашло такъ далеко, что генералъ-губернаторъ представилъ наконецъ, оффиціально свои соображенія о необходимости принятія мѣръ къ постепенному введенію въ Великомъ Княжествѣ усиленной охраны. Статсъ-секретарь В. К. Плеве не раздѣлилъ сперва его мнѣнія и полагалъ, что предстоящій пересмотръ законоположеній, касавшихся главнаго финляндскаго управленія, дастъ достаточные способы оградить общественный порядокъ и спокойствіе, не прибѣгая къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Генералъ-адъютантъ Бобриковъ не настаивалъ на немедленномъ осуществленіи сдѣланныхъ имъ предположеній и потому рѣшено было не ранѣе осени съ особою осмотрительностію приступить къ разсмотрѣнію вопроса объ исключительныхъ мѣрахъ, дабы не вызвать въ населеніи напрасной тревоги.

Въ ноябрѣ 1901 г. министръ статсъ-секретарь составилъ обстоятельный докладъ «о предоставленіи финляндскому генералъ-губернатору особыхъ полномочій по охранѣ общественнаго спокойствія». Въ краткомъ историческомъ очеркѣ указывалось, что «Финляндія составляетъ провинцію Россіи», но съ теченіемъ времени въ краѣ возникло ученіе, считающее Великое Княжество отдѣльнымъ государствомъ, а потому въ объединительныхъ реформахъ послѣднихъ лѣтъ финляндское общество усматриваетъ колебаніе коренныхъ устоевъ этой государственной жизни Великаго Княжества. Объединеніе арміи, введеніе русскаго языка въ администраціи и т. п. признается въ Финляндіи явнымъ посягательствомъ на ученіе о финляндскомъ государствѣ, почему въ общественныхъ группахъ края мѣры правительства были встрѣчены упорнымъ противодѣйствіемъ. Протестуя противъ новыхъ узаконеній, агитаторы подали два коллективныхъ адреса будто бы отъ имени всего населенія. Въ статьяхъ финляндской и заграничной печати появились многочисленныя статьи въ духѣ рѣзкаго осужденія финляндской политики русскаго правительства. Демонстра-

ціями выражалась яко-бы скорбь населенія. Устроители протестовъ воздѣйствовали на сенатъ, устраивали дни мрака и свѣта, подстрекали народъ къ массовому выселенію, побудили духовенство принять участіе въ сопротивленіи, издавали листки и брошюры съ дерзкими воззваніями и т. д.

«Въ виду приведенныхъ обстоятельствъ,—говорилось въ докладѣ,—нельзя не согласиться съ мнѣніемъ финляндскаго генералъ-губернатора о томъ, что Финляндія охвачена въ настоящее время смутою. Государственная власть не можетъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ подобныхъ безпорядковъ, такъ какъ непринятіе рѣшительныхъ противъ нихъ мѣръ, ободривъ враждебные существующему направленію элементы, побудитъ ихъ къ болѣе энергичной дѣятельности. Кромѣ того на правительствѣ лежитъ нравственная обязанность оказать защиту остающимся вѣрными своему долгу финляндцамъ, разумѣя въ ихъ числѣ нынѣшнихъ членомъ сената, равно какъ и состоящихъ на службѣ въ Финляндіи русскихъ должностныхъ лицъ».

«Между тѣмъ по существующему порядку главный представитель государственной власти въ Финляндіи не располагаетъ сколько-нибудь дѣйствительными способами для охраны общественнаго спокойствія». Полиція принимала участіе въ противоправительственныхъ демонстраціяхъ, обращеніе къ суду не достигало цѣли, ибо бойкотированіе не подходило подъ дѣйствіе уголовнаго закона, а лицъ, неявившихся къ призыву, или производившихъ безпорядки, судъ или оправдывалъ, или облагалъ ничтожными денежными штрафами.

1 и 6 февраля 1902 г. состоялось въ Петербургѣ два засѣданія Особаго Совѣщанія, въ составѣ котораго находилось восемь высшихъ сановниковъ Имперіи, и въ ихъ числѣ Н. И. Бобриковъ и В. К. Плеве. Во время преній останавливали вниманіе на разныхъ соображеніяхъ. Примкнувшіе къ большинству высказались въ томъ смыслѣ, что расшатанная организація въ Финляндіи требуетъ особой осторожности и предусмотрительности въ примѣненіи новыхъ мѣръ; что Великому Княжеству надлежало бы дать какъ бы отдыхъ отъ новыхъ преобразованій, дабы не усиливать народнаго броженія, что высылки изъ Финляндіи могутъ вызвать разныя затрудненія, что пока лучше ограничиться удаленіемъ неблагонадежныхъ чиновниковъ, и что, наконецъ, обязательныя постановленія второстепеннаго характера излишни, въ виду закона, дающаго губернаторамъ право широкаго наложенія денежныхъ штрафовъ въ административно-полицейской области. Этихъ соображеній не раздѣлилъ генералъ-губернаторъ. Въ своихъ рѣчахъ и своей «Памятной запискѣ» онъ, въ числѣ другихъ возраженій, заявилъ, что долго обдумывалъ вопросъ; совѣсть, опытъ и долгъ обязали его, наконецъ, высказать свое ходатайство объ усиленіи его власти;

ходатайство истекало изъ положенія дѣлъ въ краѣ. Броженіе усилится, но, получивъ власть, онъ съ нимъ справится. Намѣченныя исключительныя мѣры вызывались «не обычнымъ состояніемъ мирнаго общежитія, а прискорбными событіями чрезвычайнаго свойства», «горькой и неизбѣжной необходимостію». Н. И. Бобриковъ указывалъ, что эти мѣры направлены противъ тайныхъ злоумышленниковъ преимущественно образованныхъ классовъ и не коснутся трудолюбиваго и мирнаго финскаго народа. Порядокъ примѣненія высылки долженъ быть всесторонне обдуманъ, чтобы не повелъ къ серьезнымъ затрудненіямъ. Чтобы не переутомить край реформами, по иниціативѣ Н. И. Бобрикова, было уже ранѣе пріостановлено разсмотрѣніе вопросовъ о монетѣ и таможнѣ. Что же касается второстепенныхъ мѣропріятій, то они вызываются обнаруженной уже несостоятельностію судовъ и явнымъ пристрастіемъ ихъ приговоровъ. Воспрещеніемъ же пребыванія въ краѣ генералъ-губернаторъ надѣялся поднять авторитетъ мѣстной русской власти и предупредить осложненія въ многотрудномъ государственномъ управленіи и потому, по мысли Н. И. Бобрикова, надо было стремиться къ тому, чтобы предупредить возложеніе на Монарха какихъ-либо новыхъ карательныхъ обязанностей, ибо священная особа Государя должна оставаться по выраженію Бобрикова «только источникомъ высшей справедливости и безпредѣльной милости».

Члены Совѣщанія особенно внимательно и осторожно отнеслись къ своей задачѣ, имѣя въ виду, что чрезвычайныя уполномочія должны пріостановить дѣйствіе нѣкоторыхъ существующихъ въ Финляндіи порядковъ, внести извѣстныя стѣсненія въ жизнь цѣлыхъ общественныхъ группъ, а высылка изъ края встанетъ въ рѣзкое противорѣчіе съ правосознаніемъ финскаго народа.

Послѣ долгаго обмѣна мнѣній, Особое Совѣщаніе признало, что наличное положеніе дѣлъ въ Финляндіи вызываетъ необходимость принятія нѣкоторыхъ исключительныхъ мѣръ, для огражденія общественнаго порядка и на первый разъ оно склонилось къ тому, чтобы предоставить генералъ-губернатору, въ видѣ временной мѣры, право увольнять отъ службы должностныхъ лицъ; вопросъ же о высылкѣ Совѣщаніе признало необходимымъ подвергнуть еще спеціальному разсмотрѣнію.

Вслѣдствіе указаннаго разногласія и въ видахъ большей осторожности, докладу министра статсъ-секретаря «о предоставленіи финляндскому генералъ-губернатору особыхъ полномочій по охранѣ общественнаго спокойствія» не было дано, въ теченіи 1902 г., дальнѣйшаго движенія и Николай Ивановичъ преклонился предъ голосомъ большинства этихъ двухъ засѣданій.

Финляндскіе руководители движенія узнали, конечно, о томъ,

что въ Петербургѣ не согласились на введеніе усиленной охраны и потому стали дѣйствовать смѣлѣе. Агитація велась уже столь дерзко и упорно, что «въ магазинахъ раскупили весь запасъ ружей и револьверовъ», писалъ Н. И. Бобриковъ 16 апрѣля 1902 г. «Лояльные финляндцы продолжали пропаганду и, на день Св. Пасхи, устроили скандалъ въ католической церкви». Ожидались волненія на 3 мая (1902 г.), когда освидѣтельствованные должны были являться къ жеребью. Шумѣлъ главнымъ образомъ Гельсингфорсъ «съ подонками горожанъ». Генералъ-губернаторъ усилилъ гельсингфорскій гарнизонъ войсками изъ Выборга и Вильманстранда, «что оказало на умы доброе вліяніе и порядокъ на улицахъ былъ возстановленъ».

Всякаго рода демонстративныя выходки и проявленія пассивнаго сопротивленія продолжались широкой полосой. Терпѣливый и осторожный Н. И. Бобриковъ внимательно осматривался, чтобы избѣжать опрометчивыхъ распоряженій. Противоправительственное движеніе изучалось имъ во всѣхъ его проявленіяхъ, о чемъ свидѣтельствуютъ обстоятельныя ежегодныя печатныя записки, которыя подавались ему канцеляріей генералъ-губернатора. Вновь и вновь онъ приходилъ къ прежнему выводу, что «успѣхъ управленія требуетъ строгой системы и безусловной законности, не мнимой, но дѣйствительной», какъ выразился онъ въ письмѣ къ В. К. Плеве (отъ 19 марта 1902 г.). «Настаивая на твердости системы управленія... вѣрьте,—писалъ онъ министру статсъ-секретарю,—я буду первый изъ тѣхъ, которые падутъ предъ всероссійскимъ Самодержцемъ и будутъ молить Его о разныхъ для Финляндіи милостяхъ. Надо выдержать наступленіе этой отрадной минуты, а до тѣхъ поръ надлежитъ крѣпко держать курсъ» (28 марта 1902 г.). «Лучше паду, чѣмъ дамъ свое имя на посмѣяніе. Въ правотѣ и соотвѣтственности своихъ дѣйствій я проникнутъ отъ головы до пятъ. Если меня ругаютъ теперь, то, можетъ быть, оцѣнятъ послѣ смерти. Подъ вліяніемъ этихъ убѣжденій, я рѣшительно противъ уступокъ до тѣхъ поръ, пока ихъ дерзко требуютъ и, къ тому же, осмѣливаются нахально намъ грозить. У сенаторовъ узкіе и односторонніе взгляды на политику, которыхъ я не могу раздѣлять, за исключеніемъ впрочемъ двухъ-трехъ»... Въ такомъ видѣ изливалъ свои думы и чувства передъ В. К. Плеве (28 марта 1902 г.) начальникъ края.

4 и 5 апрѣля 1902 г. произошли уличные безпорядки. Въ Гельсингфорсѣ произведено было нападеніе на жандармскаго унтеръ-офицера, помощникъ полиціймейстера былъ сильно раненъ въ голову; на сенатской площади произошло такое скопленіе народа, что создалась необходимость потребовать войска. Въ Таммерфорсѣ и Выборгѣ уличные безпорядки носили также весьма угрожающій характеръ. Противодѣйствія чиновниковъ во всѣхъ учрежденіяхъ увеличивались,

сходки агитаторовъ постановили поддерживать «въ странѣ конфликтъ», чтобы «образумить властей и заставить ихъ перемѣнить политику». Всѣ подобныя обстоятельства точно роковымъ образомъ побуждали Н. И. Бобрикова идти къ крутымъ мѣрамъ, которыя совершенно не согласовались съ его природнымъ характеромъ. Не довѣряя себѣ и желая избѣжать ошибокъ, онъ часто по текущимъ вопросамъ обмѣнивался мыслями съ многочисленными администраторами. Лица, съ которыми Н. И. Бобриковъ въ это время совѣтовался и которые хорошо знали положеніе дѣлъ въ краѣ, въ одинъ голосъ поддерживали его. «Крутыя мѣры необходимы по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ... Своевременно принятыя онѣ спасутъ сотни жертвъ (12 марта 1899 г.)». 8 Февраля 1902 г. другое лицо, само стоявшее у власти, писало Николаю Ивановичу: «Необходимость примѣненія строгихъ административныхъ мѣръ, для возстановленія порядка въ краѣ, сознается здѣсь (въ Гельсингфорсѣ) не только русскими людьми, но и финляндцами, не сочувствующими агитаціи. Справедливость моего мнѣнія, вѣроятно, подтвердятъ вамъ (слѣдуютъ имена)». «Я здѣсь (въ Гельсингфорсѣ) сижу въ уединеніи, наблюдаю и думаю, какъ вы тысячу разъ правы, говоря, что безъ мѣръ рѣшительныхъ ничего сдѣлать нельзя... Пропагандируютъ неповиновеніе закону, администрація не слушается, суды безчинствуютъ, студенты и ихъ вдохновители пропагандируютъ такъ, какъ я думаю нигдѣ въ самыхъ революціонныхъ странахъ не можетъ быть допущено, а власть молчитъ, ибо сама себя обезоружила»... (2 августа 1902 г.). Третій высокопоставленный чиновникъ Финляндіи писалъ: «Да иначе и нельзя было разсуждать, такъ какъ положеніе въ краѣ было революціонное» (5 января 1903 г.). «Безъ репрессивныхъ мѣръ нельзя прекратить броженія», сказалъ В. К. Плеве (21 января 1903 г.). Къ принятію рѣшительныхъ мѣръ склонялись даже сторонніе наблюдатели. Бѣлый терроръ доказываетъ возмутительное коварство и гнусность политики шведомановъ, писала въ то же время французская газета. Авторъ увѣренъ, что во Франціи, даже при республиканскомъ образѣ правленія, не допустили бы и сотой части тѣхъ поступковъ, которые были совершены вполнѣ безпрепятственно въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ финляндскими агитаторами[425]).

«Вообще лично я врагъ крутыхъ мѣръ», писалъ Н. И. Бобриковъ еще въ мартѣ 1899 г. Въ то время, когда шла рѣчь объ административной высылкѣ, Николай Ивановичъ, какъ это видно изъ письма его къ В. К. Плеве (23 декабря 1902 г.), не терялъ надежды на то, что ему почти не придется примѣнять ее. «Къ самой высылкѣ, вѣроятно, вовсе не придется прибѣгать, если я буду облеченъ на то правомъ, или если такая мѣра была бы признана. Мехелины и его

сообщники сами уйдутъ, если я буду облеченъ дѣйствительной властью, такъ какъ они довѣряютъ силѣ моего характера».

Обстоятельства въ то же время настойчиво требовали, чтобы власть такъ или иначе проявила себя. «Темная масса, очевидно, можетъ поддаться на удочку, а моментъ для уловленія избранъ довольно удачно... Изучая обстановку и еще ближе знакомясь съ развитіемъ агитаціи, я въ предстоящій пріѣздъ въ Петербургъ, доставлю свои подробныя предположенія въ отношеніи дальнѣйшихъ дѣйствій. Сенатъ (далѣе названы и другія лица) и имъ подобные финноманы просятъ подкрѣпленій русской власти. Съ своей стороны, стремясь къ умиротворенію всею силою ума и сердца, я сочувствую финноманамъ, но на уступки въ ущербъ достоинства Имперіи идти не могу»... (18 дек. 1902 г.).

Изучивъ преступную агитацію и обдумывая мѣропріятія для успокоенія умовъ, Н. И. Бобриковъ 15 февраля 1903 г. представилъ небольшую записку «О противоправительственномъ движеніи въ Финляндіи и о мѣрахъ къ его прекращенію».

Въ исторической части записки, въ которой давалась краткая характеристика общаго состоянія края, говорилось, между прочимъ, что движеніе «поднято и раздуто мѣстными газетами и обособленниками, а послѣ упраздненія финскихъ войскъ къ нему примкнуло не мало финляндскихъ офицеровъ. Упраздненные баталіоны разошлись послѣ ряда демонстративныхъ выходокъ, прогулокъ и концертовъ... Духовенство превратило церковь въ арену политической борьбы. Въ Домѣ Божіемъ раздалась политическая проповѣдь, полились звуки военныхъ маршей и пѣсенъ возбуждающаго характера... Законопослушныхъ пасторовъ выталкивали на улицу... Общины и города, примкнувшіе къ оппозиціонному движенію, оказались почти неуязвимыми, такъ какъ ни административными мѣрами, ни судебнымъ порядкомъ ихъ нельзя было преслѣдовать. Общины перестали выбирать членовъ въ составъ призывныхъ присутствій. Секретари и врачи легко уклонялись отъ исполненія своихъ обязанностей; школьные учителя и студенты появлялись около присутствій въ дни его засѣданій, противодѣйствуя набору раздачей денегъ, совѣтовъ, эмиграціонныхъ билетовъ и паспортовъ, на случай необходимости укрыться отъ преслѣдованій полиціи. Пропаганда агитаторовъ ведется повсюду: въ частныхъ обществахъ и среди политическихъ партій, въ школѣ и университетѣ, между духовенствомъ и чиновничествомъ. Частныхъ обществъ въ Финляндіи болѣе тысячи и теперь большинство изъ нихъ превращены въ политическіе клубы. Нѣкоторые пасторы запятнали себя сборомъ денегъ для тайнаго фонда, а иные призывали свою паству къ упорной борьбѣ за родину съ врагомъ, который «отнимаетъ послѣднее отъ Финляндіи».

Преподаватели устраивали лекціи, собранія и театральныя представленія, съ цѣлью внушенія слушателямъ разныхъ завѣдомо невѣрныхъ свѣдѣній и содѣйствовали разсылкѣ нелегальной литературы. Особенное рвеніе въ дѣлѣ пропаганды проявили студенты. Ректоръ внушалъ имъ, что «политическія условія нынѣшняго положенія не могутъ быть оставлены университетомъ безъ вниманія». Въ Стокгольмѣ агитаторы стали издавать нелегальнаго характера органъ «Свободное Слово» («Fria Ord»). По Финляндіи въ чрезвычайно большомъ количествѣ распространяли всякія брошюры, отдѣльные листы и тенденціозныя картины. Всю воспрещенную литературу мѣстная таможня свободно пропускала въ Финляндію, а почтовыя отдѣленія разсылали по домамъ. Цензура небрежно относилась къ своимъ обязанностямъ. Толки о подготовкѣ возстанія усилились. Съ населенія были собраны огромныя деньги, прямое предназначеніе коихъ оставалось невыясненнымъ. Продажа оружія усилилась. Народъ обучали стрѣльбѣ»...

Впослѣдствіи, въ другой оффиціальной «запискѣ» (отъ 21 февраля 1904 г.), дорисована общая картина смуты по статистическимъ даннымъ. Оказывается, что въ теченіи 1903 г. «около двухсотъ человѣкъ, кои могутъ быть названы поименно, занимались агитаціей, со спеціальной цѣлью не дать осуществиться призыву. Тайныхъ сходокъ произошло до 22. По разнымъ случаямъ произведено было до 30 демонстрацій. Подпольной литературы, въ видѣ брошюръ, книгъ и—главнымъ образомъ—отдѣльныхъ листковъ, конфисковано 1.973 экземпляра. Извѣстно 93 отдѣльныхъ названія сихъ нелегальныхъ изданій. Сумма денегъ, собранная на агитацію, не установлена, но извѣстно, что сенаторъ N. роздалъ изъ нея 3.208 мар., а одинъ графъ и одинъ коммерціи совѣтникъ пожертвовали по 20.000 марокъ каждый. Среди духовенства замѣчено было 6 случаевъ содѣйствія противоправительственному движенію, въ университетѣ—26, въ школахъ—31, среди служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ—12, на почтѣ—8, таможня задержала 14 разъ запрещенныя книги и вещи, цензура 10 разъ обнаружила свою небдительность, 18 чиновъ администраціи содѣйствовали крамолѣ. Судъ допустилъ 6 нарушеній и изъ его членовъ уволены за противодѣйствіе законамъ послѣдняго времени 34 человѣка. Изъ отдѣльныхъ членовъ общинъ провинилось также 34 человѣка»... Главному начальнику края, не имѣвшему никакой фактической власти, приходилось быть зрителемъ этого общаго настроенія и лишь удостовѣрять совершившіяся событія.

«Значительнымъ утѣшеніемъ,—писалъ генералъ-губернаторъ въ запискѣ отъ 15 февраля 1903 г.,—является поведеніе населенія: въ огромномъ своемъ большинствѣ оно не сочувствуетъ революціонному движенію и не высказываетъ недовольства реформами послѣдняго времени».

«Все вышеизложенное ясно показываетъ, что мѣстная русская власть, по прежнему, остается безсильною передъ наростающей и крѣпнущей крамолой, которая за истекшее время успѣла пріобрѣсти средства, организацію и опытность. Суды, администрація, университетъ, городскіе магистраты и сельскія общины, духовенство—все находится подъ значительнымъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ тайнаго патріотическаго союза агитаторовъ».

Далѣе въ запискѣ идетъ перечень общихъ мѣръ, кои генералъ-адъютантъ Бобриковъ признавалъ соотвѣтственными для противодѣйствія крамолѣ. Онѣ въ сущности сводятся къ развитію и подкрѣпленію въ нѣкоторыхъ частяхъ извѣстной его политической программы, такъ какъ тутъ отмѣчено было: введеніе въ администрацію русскихъ людей, преобразованіе судовъ, реформа учебнаго дѣла и т. п. Въ ряду же карательныхъ мѣръ названо: увольненіе чиновниковъ безъ пенсіи, усиленіе власти губернатора, а далѣе говорилось: «Продолжаю утверждать, что безъ временнаго, хотя бы и ограниченнаго, распространенія на Великое Княжество положенія объ усиленной охранѣ, а также безъ увеличенія чиновъ корпуса жандармовъ въ краѣ, особенно въ портовыхъ городахъ, едва ли явится возможность пресѣчь нынѣшнюю крамолу, которая обладаетъ значительными интеллектуальными и матеріальными средствами».

Съ этой немногочисленной оффиціальной перепиской чередовался частный обмѣнъ мнѣній... «Пока не будетъ высылки, нельзя отдѣлаться отъ злыхъ геніевъ Финляндіи». Такъ рисовалось Н. И. Бобрикову положеніе дѣла въ ноябрѣ 1902 г. Но вновь обдумавъ тяжелую мѣру, онъ писалъ В. К. Плеве (12 марта 1903 г.): «За высылку я не такъ стою, какъ за всѣ прочія мною намѣченныя (въ запискѣ 15 февраля) мѣры, хотя и увѣренъ въ ея дѣйствительности»...

Съ декабря 1902 г. въ Петербургѣ опредѣленно стали склоняться къ усиленію генералъ-губернаторской власти. 22 декабря 1902 г. В. К. Плеве писалъ Н. И. Бобрикову: «При моемъ послѣднемъ докладѣ я имѣлъ возможность всеподданнѣйше доложить, что бороться съ агитаціею шведомановъ безъ мѣръ строгости немыслимо». О высылкѣ особенно рѣшительно заговорили въ январѣ 1903 г. Одинъ изъ финляндскихъ дѣятелей тогда же высказался, что «безъ мѣръ строгости обойтись невозможно и когда ему сказали, согласенъ ли онъ, чтобы въ разговорѣ съ Плеве, сослались на такое его мнѣніе, то онъ уполномочилъ на это помощника генералъ-губернатора» (2 января 1903 г.). Однако воздѣйствовать на Вячеслава Константиновича не представлялось уже надобности. «Въ это время Плеве заявилъ, что онъ совершенно присоединился и теперь присоединяется къ проектированной генералъ-губернаторомъ мѣрѣ, въ силу которой начальникъ края

былъ бы уполномоченъ на административную высылку»... «Отказъ прошлою весною генералъ-губернатору въ правахъ административной высылки,—по мнѣнію Плеве,—надлежитъ признать ошибкою, такъ какъ главари воспользовались предоставленною имъ свободою во вредъ порядку... (21 января 1903 г.).

Генералъ-адъютантомъ Бобриковымъ по прежнему руководило въ данное время желаніе умиротворить край съ наименьшими жертвами. Съ переходомъ къ намѣченнымъ мѣрамъ высылки, лишенія пенсій и пр., а также созданія кадра чиновниковъ—«я не сомнѣваюсь,—писалъ онъ, что Финляндія постепенно войдетъ въ желаемое русло именно на благо финскаго народа, въ своей массѣ мирнаго и преданнаго Самодержавному Царю» (9 января 1903 г.). «Чѣмъ будетъ жертвъ меньше, тѣмъ, конечно, лучше. Я былъ бы счастливъ, если ихъ совсѣмъ не было бы. Выгонять не очень-то отрадно, но приходится оберегать близкую нашимъ русскимъ сердцамъ Финляндскую окраину (8 апрѣля 1903 г.). «Чѣмъ съ меньшими жертвами, повторяетъ онъ, удастся достигнуть умиротворенія края, тѣмъ болѣе буду чувствовать себя счастливымъ. Никогда не былъ звѣремъ и впредь имъ быть не хочу... (21 апрѣля 1903 г.). Но «сознавать свое безсиліе при видѣ нечестныхъ негодяевъ, согласитесь, не легко» (19 марта 1903 г.).

27 марта (9 апрѣля) 1903 г. послѣдовалъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ на имя финляндскаго генералъ-губернатора: «Въ заботахъ о тѣснѣйшемъ государственномъ сплоченіи Державы Нашей, Мы предначертали мѣропріятія по объединенію Великаго Княжества Финляндскаго съ коренными частями Имперіи, но исполненіе этихъ мѣръ встрѣтило въ части населенія Финляндіи дерзновенное противодѣйствіе. Злонамѣренные люди, съ цѣлью увлечь на путь сопротивленія правительству мирное населеніе, не склонное слѣдовать ихъ наущеніямъ, дозволили себѣ дѣйствія, нарушившія спокойное теченіе жизни и даже не остановились передъ открытымъ насиліемъ въ отношеніи лицъ, вѣрныхъ своему долгу. При обычныхъ условіяхъ, поколебленный подобными дѣйствіями порядокъ могъ бы быть возстановленъ привлеченіемъ виновныхъ къ судебной отвѣтственности и другими, указанными въ общихъ законахъ, способами. Нынѣ, однако, сіи способы являются непримѣнимыми, такъ какъ нѣкоторыя должностныя лица, а въ особенности судебныя установленія не только не содѣйствуютъ охраненію общественнаго порядка, но нерѣдко сами подаютъ пагубный примѣръ неповиновенія закону. Желая возстановить порядокъ въ Финляндіи и оградить законопослушный народъ отъ вліянія крамолы, Мы признали за благо временно, на три года, предоставить высшимъ правительственнымъ властямъ Великаго Княжества Финляндскаго особыя полномочія по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія.

Полномочія эти перечислены въ Постановленіи, Нами 20-го марта (2-го апрѣля) сего года утвержденномъ»... Въ силу этихъ полномочій генералъ-губернатору предоставлялось закрывать гостинницы, книжные склады вообще торговыя и промышленныя заведенія, воспрещать общественныя и частныя собранія, закрывать частныя общества и главное—«воспрещать пребываніе въ Финляндіи лицамъ, признаннымъ имъ вредными для государственнаго порядка или общественнаго спокойствія».

Четыре года боролись съ агитаціей и такъ какъ главари ея оставались безнаказанными, при невозможности достичь ихъ, то въ народѣ поселялось уже убѣжденіе въ законности ихъ дѣйствій. Послѣ Царскаго слова политическія тучи разрѣшились накопленнымъ электричествомъ, воздухъ очистился и многіе вздохнули свободнѣе. «Съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія прочиталъ я ваше письмо и временное Высочайшее постатовленіе о расширеніи правъ генералъ-губернатора, писалъ одинъ изъ близкихъ къ Н. И. Бобрикову администраторовъ, много выстрадавшій въ Финляндіи во время безпорядковъ. Выраженія удовлетворенія получены были также изъ финляндской среды. Вотъ нѣсколько строкъ изъ письма финляндца: «Не могу не выразить свое искреннее сочувствіе и свою радость, по случаю даннаго Вашему Высокопревосходительству Высочайшею волею усиленнаго права, давно—давно желаннаго и ожидаемаго для счастья и успокоенія края и его мирныхъ жителей и для усмиренія и уничтоженія дерзкихъ бунтовщиковъ, для блага и возстановленія власти Россіи и законности и порядка въ Финляндіи и, наконецъ, для поддержки законной власти Царя и поддержки преслѣдуемыхъ, угнетенныхъ и беззащитно страдающихъ вѣрныхъ подданныхъ и слугъ Государя»... (6—19 апр. 1903 г.). Въ виду этого генералъ-губернаторъ имѣлъ основаніе написать министру статсъ-секретарю: «Высылка производитъ свое впечатлѣніе и честные финляндцы подняли свои головы» (2 мая 1903 г.). «Политическое въ краѣ броженіе постепенно затихаетъ и я вполнѣ увѣренъ, что современная система управленія, на зло крамольниковъ и Стэдовъ, должна дать благіе результаты» (1 декабря 1903 г.)

И она давала ихъ. Край несомнѣнно успокаивался. Многіе почувствовали облегченіе. Только не начальникъ края. Новая мѣра легла на него всею тяжестью своихъ послѣдствій. Онъ все это зналъ и все предвидѣлъ и сознательно, въ силу крайней необходимости, обрекъ себя на страданія. Въ одномъ оффиціальномъ документѣ отъ 21 февраля 1904 г. читаемъ по этому поводу слѣдующія знаменательныя его строки: «За долгіе годы смута успѣла пустить столь глубокіе корни, что обычной власти генералъ-губернатора оказалось уже недостаточно для обузданія крамольниковъ, которые ходили съ подня-

тыми головами, бросая вызывающіе взгляды на мѣстныхъ властей, клеймя сенаторовъ «измѣнниками» и грубо бойкотируя русскихъ, увѣренные въ томъ, что если полиція привлечетъ ихъ къ отвѣтственности, то судъ ихъ оправдаетъ. Въ этихъ крайне непріятныхъ и стѣсненныхъ обстоятельствахъ, видя, что лойяльный финскій народъ сбивается съ толку и краю грозитъ серьезная опасность отъ постояннаго пренебреженія закономъ и властями, я вынужденъ былъ возобновить мое ходатайство о предоставленіи генералъ-губернатору временныхъ чрезвычайныхъ полномочій, чтобы избавить правительство отъ необходимости примѣненія болѣе серьезныхъ мѣръ, для охраненія государственной цѣльности и безопасности. Трудно мнѣ было рѣшиться на этотъ шагъ, такъ какъ я отлично понималъ и значеніе чрезвычайныхъ мѣропріятій, и то неблагопріятное впечатлѣніе, которое они всегда вызываютъ въ обществѣ. Но другого исхода не представлялось. Крайность положенія настойчиво требовала экстренныхъ и рѣшительныхъ мѣръ. Все это было взвѣшено и принято мною во вниманіе, но вѣрноподданническій долгъ обязывалъ меня испытать всѣ средства, для предотвращенія зла, которое стало грозить гибелью цѣлой окраинѣ, расположенной у самыхъ воротъ столицы Имперіи и потому требующей особеннаго попеченія и вниманія. Я твердо помнилъ также, что большинство членовъ Особаго Совѣщанія, состоявшагося 1 и 6 февраля 1902 года, высказалось противъ своевременности примѣненія чрезвычайныхъ мѣропріятій. Но сгруппировавшіяся новыя обстоятельства все нагляднѣе, все яснѣе показывали, что если не приступить теперьже къ искорененію зла самыми рѣшительными средствами, то будетъ поздно и всякое уваженіе къ власти окажется въ Финляндіи потерянымъ».

Ни малѣйшей жестокости или суровости въ характерѣ Н. И. Бобрикова не было. Только сознаніе необходимости побуждало его прибѣгать къ взысканіямъ. Это видно изъ слѣдующихъ его строкъ, адресованныхъ (4 ноября 1899 г.) къ В. К. Плеве: «Повторяю, наказывать никого не надо, такъ какъ было бы уже поздно и не принесло бы особой пользы. Былъ бы счастливъ наступленію момента, когда бы я могъ, по совѣсти, просить у Государя для Финляндіи милости и снисхожденія» (2 марта 1903 г.).

Одно очень извѣстное въ Петербургѣ лицо (нынѣ покойное) рекомендовало Н. И. Бобрикову въ разгарѣ смуты попытаться тѣмъ не менѣе достигнуть цѣли «нѣкоторыми миролюбивыми мѣрами». На это послѣдовалъ отвѣтъ, ярко обрисовывающій Николая Ивановича, какъ государственнаго дѣятеля: «Радъ слѣдовать вашему совѣту, совпадающему и съ моимъ личнымъ на дѣло воззрѣніемъ, но покупать миръ цѣною недостойныхъ уступокъ и поблажекъ—выше моихъ силъ. Ста-

раюсь дѣйствовать мягко и примѣняю бархатныя формы, но противъ рутины и клеветы всего этого мало. Орудующая здѣсь партія свекомановъ, пользуясь непорядками въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Имперіи, грубо требуетъ унизительныхъ для русскаго имени уступокъ. Чтобы отвѣчать желаніямъ сепаратистовъ, надо жертвовать интересами Россіи и Ея Державнаго хозяина. На подобную мерзость я не способенъ и лучше переберусь въ свою новгородскую деревушку, испросивъ объ избраніи мнѣ преемника, болѣе соотвѣтствующаго условіямъ обстановки. Я никогда не былъ злымъ и, вѣрьте, мое сердце и совѣсть теперь болѣе спокойны, чѣмъ когда-либо»... (3 мая 1902 (?) г.). Тѣ же мысли встрѣчаются въ одномъ письмѣ Николая Ивановича къ В. К. Плеве: «Отъ природы я человѣкъ не злой и искренно радъ былъ бы здѣсь всѣхъ восхищать предупредительною любезностію, но мѣшаетъ мнѣ чувство долга, преданность Царю и Россіи, вынуждающія слѣдовать указаніямъ не сердца, а ума» (19 марта 1903 г.).

Разсчетъ Н. И. Бобрикова не оправдался. Ему представлялось, что мѣра устрашитъ революціонеровъ и ее почти не прійдется примѣнять. Однако, списокъ удаляемыхъ изъ края быстро увеличивался, вслѣдствіе упорства финляндцевъ и ихъ ложнаго патріотизма. Борьба утомляла его и ему хотѣлось снять и съ себя, и съ другихъ гнетъ новой кары.

Строгая, хотя и вынужденная, мѣра русскаго правительства дала западной печати новый поводъ для злобы и негодованія. Наиболѣе свирѣпствовали, по обыкновенію, соціалистическіе органы. Представитель ихъ въ Швеціи писалъ: «Не только въ Финляндіи, но и во всемъ мірѣ, а въ особенности, въ Скандинавіи, фамилія Бобрикова составляетъ понятіе о грубости и жестокости въ самомъ безпощадномъ смыслѣ этихъ словъ» [426]). Однако среди хора негодовавшихъ слышались иногда и противоположныя мнѣнія. «La Figaro» помѣстила статью «Aux détradeurs de la Russie» («Хулителямъ Россіи»), въ которой, коснувшись высылки, газета заявила: «Удивительно не то, что русская власть рѣшилась наконецъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, а то, что она не примѣнила ея еще три года тому назадъ. Партія оппозиціи ввела бѣлый терроръ. Старофинны объявлены были «врагами и измѣнниками родины». Глава ихъ Ирье-Коскиненъ обезславленъ[427])...

Оппозиціонные элементы, удаленные изъ края, водворились преимущественно въ Швеціи, гдѣ они пытались заручиться содѣйствіемъ вліятельной газеты, предлагая ей большія деньги, но безрезультатно. Аксель Лилле, І Кастрéнъ, Конни Цилліакусъ вступили сотрудниками въ разныя изданія и повели систематическую кампанію противъ русской политики [428]).

Поведеніе поселившихся финляндцевъ было такого рода, что шведское правительство предложило оффиціальнымъ газетамъ вѣжливо, но въ рѣшительной формѣ, предупредить финляндскихъ гостей, что шведы «не видятъ возможности принять участія въ проявившихся попыткахъ нравственнаго воздѣйствія на русскія правительственныя сферы, не желая ни въ какомъ случаѣ оказывать содѣйствія систематической травлѣ противъ Россіи».

Газета Швеціи «Ledstjärna» написала: «Никто не мѣшаетъ финляндцамъ поступать, какъ имъ угодно для блага своей страны, но что мы въ Швеціи можемъ и должны требовать отъ этихъ нашихъ финскихъ друзей, это—чтобы они не компрометировали ту страну, въ которой они живутъ и которая для большинства изъ нихъ болѣе уже не можетъ быть и никогда не станетъ, чѣмъ раньше была—ихъ отечествомъ»[429]). Другая газета Швеціи напомнила финляндскимъ застрѣльщикамъ тотъ историческій фактъ, что въ сферѣ политической отношенія между финляндцами и шведами никогда не были отмѣчены со стороны первыхъ особенной уживчивостію и патріотизмомъ.

Въ отвѣтъ появилось «открытое заявленіе», за подписями 9 изгнанныхъ, изъ котораго видно, что они старались отвергнуть обвиненіе «въ заговорѣ противъ государственной безопасности и общественнаго порядка». Но изъ объясненія въ то-же время выходило, что они руководились идеей «личной уніи» Россіи и Финляндіи. А эта идея ведетъ къ разложенію установленнаго государственнаго порядка. Оправдывавшіеся явно показали затѣмъ, что не признаютъ русской государственной власти и ея правъ въ предѣлахъ Финляндіи. Эту-то свою точку зрѣнія они и пытались распространить среди финскаго населенія. У одного изъ финляндцевъ, оправдывавшагося въ норвежскихъ газетахъ, появилось довольно безтактное заявленіе о томъ, что попытки русскихъ уничтожить финляндцевъ встрѣтятъ такое-же упорное сопротивленіе, какое финская нація оказывала своимъ скандинавскимъ угнетателямъ, въ теченіе семи вѣковъ зависимости отъ нихъ». Такое откровеніе, конечно, пролило свѣтъ на современное ихъ дѣло и показало удивительную растяжимость ихъ политическихъ вѣроученій. При наличности такого самовозвеличенія, которому предавались господа финляндцы, нельзя было претендовать на желаніе хозяевъ-шведовъ дать понять покровительствуемымъ ими финляндцамъ, что не подобаетъ «вести себя подъ чужой кровлей съ такою-же непринужденностію, какъ въ четырехъ стѣнахъ, своего собственнаго дома».

О тонѣ, въ которомъ объяснялись тогда финляндцы, даютъ понятіе слѣдующіе отрывки: Въ открытомъ письмѣ Конни Цилліакуса къ В. К. Плеве, этотъ публицистъ заявилъ: «Это вы открыли намъ, финнамъ, глаза на необходимость грядущей революціи, которая по-

Зданіе финляндскаго сената. Въ немъ 3 іюня 1904 г. былъ смертельно раненъ генералъ-губернаторъ Н. И. Бобриковъ.

кончитъ съ тѣмъ пятномъ для человѣчества, которое называется Русскимъ Царствомъ»[430]). Въ другой газетѣ значилось: «Высылка примѣняется теперь въ Финляндіи безъ разбора. Бобриковскій режимъ можно уподобить пьяному человѣку, который въ дикомъ бѣшенствѣ бьетъ все вокругъ себя, бьетъ, чтобы бить, не разбирая, кого и за что»[431])...

Финляндцы въ Швеціи очень развязно говорили «отъ имени Финляндіи». «Отъ имени Финляндіи» они благодарили Бьернштерне-Бьернсона за постыдно грубое стихотвореніе «При полученіи послѣдней почты изъ Финляндіи»[432]). Отъ «имени Финляндіи» они протестовали, узнавъ о выраженіи сенатомъ вѣрноподданническихъ чувствъ.

Въ столицѣ Швеціи высланные образовали нѣчто въ родѣ подпольнаго революціоннаго правительства. Изъ Финляндіи туда вызывались единомышленники за приказаніями. Изгнанники придумывали способы для поддержанія эмиграціи изъ Финляндіи и пассивнаго сопротивленія, для широкаго распространенія нелегальной литературы и т. п. Въ сентябрѣ 1903 г., въ Стокгольмѣ состоялось совѣщаніе объ образованіи особаго синдиката или «кредитнаго общества», для служенія антиправительственнымъ политическимъ цѣлямъ. Наконецъ, одна часть стокгольмскаго кружка обдумывала «боевую организацію», по образцу созданной русскими революціонерами.

Въ концѣ 1904 г. удаленнымъ разрѣшено было возвратиться въ Финляндію. Нѣкоторые добровольно остались заграницею, продолжая изданіе «Fria Ord» и содѣйствуя развитію активнаго сопротивленія, въ союзѣ съ русскими соціалъ-революціонерами и представителями отъ польскихъ, армянскихъ, грузинскихъ, литовскихъ и бѣлорусскихъ федерацій, демократическихъ партій, «громады» и т. п. Одна прокламація слѣдуетъ за другой отъ сихъ объединенныхъ подпольныхъ центральныхъ комитетовъ. Финляндія имѣетъ въ виду сохранить «за собою положеніе автономно-конституціоннаго государства» и достигнуть созыва «учредительнаго собранія», выбраннаго согласно всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія (Proklamation № 6).

XIV. Признаки замиренія.

С борьбой помощью партіи за
постепенное умиротвореніе.

Изъ письма Н. И. Бобрикова отъ 23 октября 1901 г.

Вопросъ о будущ.
вій ст-ти, которые падутъ через всю
сѣверн. Финляндіи и будутъ имѣть ре-
зультатомъ ея фактическое умиротвореніе.

Изъ письма Н. И. Бобрикова отъ 11 августа 1902 г.

Броженіе умовъ въ Финляндіи привело къ «великому расколу», т.-е. къ тому, что въ краѣ ясно обозначилось два теченія, кои нельзя было скрыть ни отъ заграничныхъ друзей, ни отъ «восточнаго сосѣда». Одни объявили себя сторонниками «пассивнаго сопротивленія» и всяческаго противодѣйствія объединительнымъ реформамъ, а другіе—сторонниками политики сената и готовыми на извѣстныхъ условіяхъ примириться съ русскими требованіями.

Въ виду этого, дѣйствительное положеніе въ Финляндіи, за разсматриваемый періодъ 1898—1904 г.г., будетъ тогда лишь правильно и полно представлено, когда къ нашему описанію присоединимъ еще очеркъ того, что сдѣлано было самими финляндцами для прекращенія броженія. А въ этомъ направленіи ими было сдѣлано не мало существеннаго.

Агитаторы въ 1899 г. выросли точно изъ земли. Они съ такой силой вырвались наружу и «бросились спасать отечество отъ мнимой опасности», что общество, не успѣвшее опомниться и оглянуться на первыхъ порахъ, вполнѣ и безмолвно покорилось ихъ требованіямъ.

Оппозиціонному направленію, подготовленному печатью, поддались въ первое время всѣ, даже сенатъ и часть духовенства. По указкѣ кучки руководителей исполнялось все: организовалось дѣло массоваго адреса, преслѣдовались коробейники, устраивались разныя манифестаціи, праздникъ печати, демонстраціи и т. п. Одни оказались точно загипнотизированными, другіе—явно терроризированными. Обычное благоразуміе финляндцевъ точно куда-то скрылось. Но съ теченіемъ времени беззастѣнчивость крамольниковъ приняла такіе размѣры, что дальнѣйшее безмолвное преклоненіе передъ ними стало оскорблять даже непритязательную совѣсть тѣхъ, которые въ первое время были ихъ союзниками.

Въ «Финляндскую Газету» (1901, № 178) прислано было письмо изъ Стокгольма, въ которомъ говорилось: «Нѣтъ достаточно сильныхъ словъ для осужденія дѣятельности агитаторовъ, коей плоды проявляются въ противодѣйствіи всему, что называется порядкомъ, и всѣмъ властямъ лишь потому, что онѣ—власти, и хотя бы ихъ мѣропріятія являлись самыми мудрыми и полезными. Все это свидѣтельствуетъ о печальной и доходящей до абсурда спутанности понятій. Съ сознаніемъ собственнаго превосходства, не признающаго никакихъ границъ, эти господа присваиваютъ себѣ судейскую власть надъ всѣмъ прошедшимъ и настоящимъ, и съ крайне характернымъ для нихъ своенравіемъ изрекаютъ приговоры надъ всѣмъ, кого сами въ своей непогрѣшимости признаютъ виновными, клеймя ихъ «преступниками противъ финляндскаго закона и права», забывая о всѣхъ требованіяхъ упорядоченной жизни, труда и долга, пренебрегая законами здравой логики».

Изъ оцѣпенѣнія финляндское общество выведено было отчасти чрезвычайными полномочіями, данными начальнику края, отчасти проснувшимся благоразуміемъ самихъ финновъ.

Когда главарямъ смуты, по силѣ новаго закона 20 марта 1903 г., предложено было оставить край, «тонъ всей агитаціи сразу понизился», какъ писалъ Н. И. Бобриковъ. «Видно было, что безнаказанно орудовавшіе крамольники тяжело приходились самому населенію, которое по собственному почину не могло, однако, поднять противъ нихъ своего голоса. Ни протестовъ, ни малѣйшихъ попытокъ отстоять выселяемыхъ не было сдѣлано, что убѣждаетъ,—прибавлялъ генералъ-губернаторъ,—въ слабой органической связи ихъ съ народною массою. Выѣздъ ихъ сопровождался только обычными демонстративными выходками кучки ихъ сторонниковъ, чему я даже не препятствовалъ». Иначе говоря, главари смуты настолько сразу потеряли почву подъ ногами, что безпрекословно выѣхали изъ страны, по первому приказанію властей, хотя эти агитаторы все время про-

повѣдывали неповиновеніе и сопротивленіе. Отсюда начальникъ края въ правѣ былъ заключить, что первое же примѣненіе строгаго закона «произвело отрезвляющее впечатлѣніе на населеніе и глумленіе надъ распоряженіями власти прекратилось. Многіе въ Финляндіи вздохнули свободнѣе».

И дѣйствительно, послѣ закона 20 марта 1903 г. примѣры демонстративныхъ выходокъ значительно сократились; чиновники перестали вызывать прежнія осложненія, о политиканствовавшихъ судьяхъ свѣдѣнія уменьшились. Въ Нюландской губерніи, послѣ примѣненія (въ декабрѣ 1903 г.) энергичныхъ мѣръ и высылки двухъ лицъ, противодѣйствовавшихъ призыву, на другой же день не только состоялось призывное присутствіе, но выражена была признательность за изгнаніе членовъ, смущавшихъ общину. Вѣсть о высылкѣ одного дѣятеля принята была окрестными крестьянами съ радостью, которую выражали мѣстному ленсману. Сельскія общинныя собранія вновь сдѣлались людными. Магистраты Ганге, Борго и Ловизы ранѣе отказывались предоставить помѣщеніе для призывнаго присутствія, а послѣ обнародованія закона 20 марта 1903 г. по первому требованію находили нужныя помѣщенія. Призывъ во всей Финляндіи прошелъ въ установленномъ порядкѣ. И такъ далѣе. Все это произошло вслѣдствіе того, что полномочіями, данными генералъ-губернатору, удалось разсѣять главныя гнѣзда революціи и у начальника края оказались въ рукахъ средства побудить всѣхъ исполнять требованія закона.

Власти помогъ, слѣдовательно, законъ, правда суровый, но неизбѣжный, такъ какъ иного выхода изъ положенія, созданнаго смутой, не было, когда чиновники противодѣйствовали распоряженіямъ власти, губернаторы скрывали происходившее движеніе, судьи не судили, пасторы агитировали, офицеры демонстративно оставили полкъ.

Добровольное содѣйствіе благоразумныхъ элементовъ финскаго общества явилось не сразу.

Первыми опомнились финноманы. Они увидѣли, что «народъ началъ терять всякую вѣру въ законопослушаніе» и поняли, что Россія отвѣтила такъ, какъ финляндцы не ожидали: должностныя лица стали терять свои мѣста, нѣкоторые чиновники лишились пенсіи, а главное—явилось опасеніе за созывъ будущаго сейма. «Мы изъ трехлѣтняго опыта ясно видимъ, куда насъ ведетъ упрямство». Органъ финномановъ «Uusi Suometar» имѣлъ смѣлость заявить, что уличные безпорядки были дѣломъ «нѣкоей кучки». «Теперь однако кажется, будто изнутри, продолжала газета, хотятъ поколебать равновѣсіе. Мы не знаемъ, какія силы тутъ дѣйствуютъ, но ихъ вліяніе все яснѣе выступаетъ наружу, такъ что напрасно замалчивать ихъ и тѣмъ обманывать себя и другихъ... Неужели мы намѣрены и далѣе

сносить, чтобы какая-то невѣдомая партія своими распоряженіями стѣсняла дозволенныя дѣйствія въ нашей частной жизни [433]). ...Уже второй годъ нѣкая кучка сосредоточила свои усилія на полной терроризаціи убѣжденій гражданъ»...

За гельсингфорской газетой послѣдовали другія. «Uusimaa» и «Uusi Aura» также признали, что въ краѣ орудуетъ «кагалъ», «тайная власть», «агитаторы», «шведоманы—викинги».

Заявленіе главной финской газеты вызвало со стороны нѣсколькихъ представителей «викинговъ» (К. Антель, Т. Седергольмъ, З. Шюбергсонъ, Р. А. Вреде и др.) протестъ, въ которомъ они утверждали, что въ краѣ нѣтъ никакого тайнаго сепаратистскаго правительства, никакого тайнаго сепаратистскаго общества. Они протестовали противъ «унизительныхъ и ложныхъ обвиненій, обрушивающихся на весь финскій народъ».

Факты громко говорили за себя и протестомъ ихъ невозможно было уже ни уничтожить, ни перетолковать. Что же касается народа, т.-е. крестьянъ и рабочихъ, то справедливость требуетъ отмѣтить, что его никто не обвинялъ ни въ участіи въ манифестаціяхъ, ни въ затѣяхъ «свѣта и тьмы»; напротивъ, было замѣчено его отсутствіе. Дѣйствовала кучка, а не народъ.

Впослѣдствіи заявленіе «Uusi Suometar'a» о кагалѣ было неоднократно повторено и подкрѣплено разными соображеніями, хотя въ данномъ случаѣ они и не требовались, такъ какъ заявленіе исходило отъ мѣстныхъ жителей, которые, конечно, знали эту кучку агитаторовъ. Въ Выборгѣ цѣлая сходка удостовѣрила, что «въ роли представителя народа выступила, безъ всякаго на то полномочія и не неся никакой отвѣтственности, нѣкая группа лицъ, которая стала давать свои совѣты, какъ правительству, такъ и народному представительству.

Эта группа организовалась въ то время, когда задуманъ былъ народный адресъ. Эти новые «сами себя выбравшіе» руководители захватили власть и назойливо преслѣдовали непокорныхъ. Они оказались настолько вліятельными, что съ ихъ голоса вначалѣ говорили сеймъ, сенатъ и губернаторы; передъ ними раболѣпствовали судьи, чиновники и часть духовенства.

Выборгская газета зло осмѣивала эту кучку. «Съ національнымъ катехизисомъ въ красной обложкѣ подъ мышкой, они ходятъ съ мѣста на мѣсто, объявляя всѣхъ прочихъ гражданъ подлецами, обманщиками и разбойниками... Вмѣсто взаимнаго довѣрія они сѣютъ раздоръ и вмѣсто духа общности поселяютъ ядъ вражды... Ходятъ эти господа съ паспортами въ карманахъ, норовя при малѣйшей личной опасности улизнуть за границу. Провозглашая себя дѣйствующими во имя

«свободы и патріотизма», эти общественные бѣсноватые хотятъ уничтожить «всякое самостоятельное мышленіе», требуя, чтобы каждый подчинялся ихъ «анонимному террору»...

Надъ представителями тайнаго патріотическаго союза иронизировали и другія газеты края.

Естественно, что разоблаченіе обострило отношенія между политическими лагерями. «Uusi Suometar» подверглась бойкоту. Начали съ того, что въ шведоманскомъ органѣ помѣстили воззваніе, не давать ей объявленій. «Uusi Suometar» не осталась въ долгу и сдѣлала цѣлый рядъ новыхъ поучительныхъ разоблаченій, указавъ на такіе факты, которые старательно скрывались отъ русскихъ глазъ, въ надеждѣ увѣрить начальника края и петербургскія сферы въ томъ, что весь народъ, какъ одинъ человѣкъ, возсталъ противъ реформъ. «Uusi Suometar» указала, съ какой легкостью въ Финляндіи собираются подписи подъ разными адресами. «За послѣднее время на листахъ, безъ имени, но со всякимъ вздоромъ, собираютъ подписи для разныхъ отзывовъ, дѣйствительной цѣли и подлинности которыхъ не считаютъ даже нужнымъ пояснять или чѣмъ-либо подтверждать»[434])... Если можно оказать услугу такой бездѣлицей, думаютъ люди, то почему же не подписать.

«Если вникнемъ въ дѣло поглубже,—писалъ финнъ,—то станетъ несомнѣннымъ, что мы (финляндцы) сами отчасти создали наше нынѣшнее затруднительное положеніе: мы свыше мѣры воспользовались случайно выгодною для насъ обстановкою, когда въ 1877—1878 г.г. состоялось разрѣшеніе вопроса о воинской повинности, и постоянно, къ мѣсту и не къ мѣсту, указывали на обособленное положеніе края»... «Спорные политическіе вопросы не разрѣшаются изворотливымъ словопреніемъ передъ уѣзднымъ судомъ». Что же дѣлали финляндцы? Они ребячески легкомысленно цитировали форму правленія 1772 г. и другіе шведскіе законы [435]).

Въ томъ же смыслѣ высказались многіе провинціальные органы Финляндіи, такъ какъ внушительная строгость и серьезное значеніе рескрипта 27 марта 1903 г. и другихъ актовъ не ускользнули отъ общаго вниманія. «Тотъ, кто серьезно обдумывалъ происходящее, не станетъ удивляться тому, что случилось. Отвѣтственность должны за все нести сами же финляндцы», разсуждали въ мѣстныхъ редакціяхъ, которыя въ то же время удостовѣряли, что «въ провинціи уже сталъ сильно раздаваться голосъ протеста, свидѣтельствующій, что народъ понялъ, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ можетъ повести прививаемая агитаторами взаимная ненависть и недовѣріе къ мѣстному правительству» [436]).

Въ газетахъ указывалось, что стремленіе «пассивнаго сопро-

тивленія» лишено характера партійной борьбы. Эти лица задались цѣлью «возбудить народъ противъ правительства». Другіе уже пророчили, что «исторія осудитъ нынѣшнюю оппозиціонную тактику», которая «разобьетъ весь народъ на враждующія между собою фракціи». Третьи, видя, что объединительныя реформы въ глубь мѣстнаго самоуправленія не проникаютъ, скромно благодарили судьбу уже за одно то, что у нихъ «имѣется свое собственное правительство».

Таковъ былъ голосъ печати въ разныхъ частяхъ Финляндіи и онъ даетъ основаніе къ выводу, что недовольство пассивнымъ сопротивленіемъ широко распространилось и выражалось искренно и непринужденно [437]).

Партійныя несогласія росли. Причинъ раздора было много. Раздѣляли финляндцевъ въ тѣ дни и «большіе политическіе вопросы», и мелкія домашнія дѣла. Во время взаимныхъ пререканій, устами финляндцевъ было высказано много полезнаго для оцѣнки истиннаго положенія въ краѣ. Много было сдѣлано такихъ признаній, которыя при обыкновенныхъ условіяхъ не попали бы на столбцы газетъ. Клубокъ событій разматывался и истина стала выясняться, въ виду того, что начали подавать свои голоса «очевидцы» и участники событій, а не русскіе наблюдатели. Трехлѣтній гнетъ «тайнаго патріотическаго союза» принесъ свои горькіе плоды. Терпѣливые и молчаливые финны заговорили. Описаніе смутныхъ финляндскихъ дней, благодаря указанному обстоятельству, значительно облегчилось, и историку во многихъ случаяхъ остается воспроизвести слова и статьи самихъ финляндцевъ и сопоставлять ихъ собственныя мнѣнія. Ихъ показанія имѣютъ, конечно, особую цѣнность.

Пока финляндцы боролись съ русскими, мнѣнія ихъ относительно цѣли и средствъ не расходились. Финноманы и шведоманы одинаково признавали правильнымъ травить коробейниковъ, какъ дикихъ звѣрей, преслѣдовать русскихъ публицистовъ, бойкотировать «Финляндскую Газету» и т. п. Но когда бойкоту подверглись газета «Uusi Suometar» и брошюра профессора Даніельсона «Въ какомъ направленіи?», когда адресы порицанія стали подносить мѣстнымъ сенаторамъ, когда сѣдого и заслуженнаго вождя финномановъ, Ирье-Коскинена, съ глумленіемъ привлекли къ суду, когда почтеннаго и заслуженнаго президента гофгерихта Стренга грубо преслѣдовали и въ Гельсингфорсѣ, и въ Або, многіе финны заговорили инымъ языкомъ. Они нашли тогда для всего и достойное слово негодованія, и справедливое чувство осужденія. Они стали громить и стыдить книжныхъ торговцевъ, которые вздумали творить высшій судъ надъ брошюрой историка, занимавшаго каѳедру въ университетѣ. Сенаторы возмутились, когда къ нимъ явились съ улеаборгскимъ адресомъ—осужденія, но молчали, когда массовымъ адре-

сомъ осуждалось русское правительство, исполнительными органами котораго они являлись на финляндской почвѣ. Имена мѣстныхъ жителей, работавшихъ и печатавшихъ свои объявленія въ «Финляндской Газетѣ», оглашались для бойкота во всеобщее свѣдѣніе въ мѣстной печати; но газета «Uusi Suometar» зашумѣла и замѣтила несправедливость только тогда, когда нѣкоторыя торговыя фирмы, адвокатскія конторы и страховыя общества прекратили давать ей свои объявленія, а банки закрыли кредитъ ея сотрудникамъ. Гельсингфорскіе викинги душили свободу слова у своихъ газетныхъ противниковъ; они грозили взысканіемъ банковыхъ ссудъ, лавочнику — порчей телефона и т. д. «Самъ по себѣ бойкотъ, примѣняемый ко всѣмъ желающимъ подчиниться требованіямъ Россіи, доказываетъ, что сепаратистскія тенденціи имѣли въ краѣ много противниковъ, признающихъ въ этомъ движеніи серьезную опасность для Финляндіи» [438]).

Въ краѣ все рѣзче и рѣзче стали обозначаться два теченія. «Uusi Suometar» опредѣленно перешла въ лагерь умѣренныхъ и сторонниковъ порядка. У нея хватило гражданскаго мужества напечатать (26 октября нов. ст. 1902 г.) воззваніе, за подписью шестидесяти лицъ, обращенное къ молодымъ людямъ съ увѣщаніемъ исполнить свой долгъ и явиться къ призыву. Такъ какъ газеты въ Финляндіи, вслѣдствіе большой грамотности, играютъ огромную роль, то серьезное значеніе воззванія очевидно.

Всякое начало трудно. Но стоило только нѣкоторымъ лицамъ, обладавшимъ твердымъ характеромъ, самостоятельно высказаться по текущимъ событіямъ, какъ въ разныхъ концахъ Финляндіи послышались отклики.

Реакція противъ системы «пассивнаго сопротивленія» явно обнаружилась въ началѣ 1902 г. Колебанія наблюдались и ранѣе, но благомыслящее направленіе не сразу вырвалось на свободу изъ кабалы агитаціи. Колебанія отражались также и въ частной перепискѣ Н. И. Бобрикова, которая вообще является весьма чувствительнымъ показателемъ всякихъ перемѣнъ въ краѣ. «Г. Z. ведетъ себя настолько неприлично, что даже сенатъ проситъ о безотлагательномъ и временномъ его замѣщеніи»,—писалъ (3 дек. 1899 г.) генералъ-губернаторъ министру статсъ-секретарю. Финляндецъ NN «открыто порицалъ и теперь критикуетъ невозможныя претензіи сепаратистовъ» (октябрь 1900 г.). «Число благоразумныхъ людей какъ будто стало увеличиваться, но боятся себя выдать наружу» (7 октября 1900 г.). «Смѣю думать, что твердая система дастъ свои плоды, и я замѣчаю уже въ настоящее время, сравнительно, не столь дерзкое настроеніе» (2 ноября 1900 г.). Въ такомъ видѣ представлялось положеніе въ краѣ по письмамъ Н. И. Бобрикова къ В. К. Плеве. «Очень радъ,—писалъ Н. И.

Бобриковъ (27 марта 1903 г.) одному изъ своихъ подчиненныхъ,— что настроеніе у васъ болѣе мирное. Дай Богъ, чтобы здравый смыслъ постепенно возвращался въ умы легковѣрныхъ и да водворится та тишина въ губерніи, какою постоянно отличались с.-михельцы». «Теперь здѣсь повсюду тише, но прочности мира я не вѣрю» (7 іюня 1902 г.). Прочнаго мира дѣйствительно не было, но протестъ противъ пассивнаго сопротивленія съ этого времени уже не прерывался. А «признаніе факта есть начало истины»,—говаривалъ Томасъ Карлейль и съ его словъ любилъ повторять финляндецъ Снельманъ.

Въ началѣ 1902 г. высшіе представители духовной власти, архіепископъ и епархіальныя духовныя консисторіи признали, что на духовенствѣ лежитъ обязанность исполнить требованіе законной свѣтской власти, и потому они начали успокоительное воздѣйствіе на населеніе. Архіепископъ Іогансонъ напечаталъ въ «Uusi Suometar» воззваніе къ народу, указывая, что финнамъ «не удастся достигнуть отмѣны устава о воинской повинности, но, навѣрное, можно разсчитывать на нѣкоторыя измѣненія въ немъ. Мы надѣемся, что финскимъ солдатамъ не придется въ мирное время служить за предѣлами отечества... Но упорнымъ сопротивленіемъ не добиться измѣненія къ лучшему».

Благомыслящіе дѣятели финноманской печати осудили отказъ лютеранскаго духовенства опубликовать утвержденный властью законъ. «Случайнымъ воспрепятствованіемъ чтенію въ церкви нельзя лишить узаконеніе его дѣйствительной силы».

Святыня Божьяго храма оскорблялась. Чтобы впредъ избѣгнуть этого, финскія газеты писали: Пасторамъ надлежитъ пещись о духовномъ развитіи отдѣльнаго лица и сторониться, при исполненіи своихъ церковныхъ обязанностей, отъ вмѣшательства въ политическіе и соціальные вопросы [439]).

80-лѣтній пасторъ Густавъ Дальбургъ изъ г. Або въ брошюрѣ на финскомъ языкѣ («Современные вопросы», Nykyajan kysymyksia) также опровергалъ распространившееся мнѣніе, будто постановленіе властей не имѣетъ законной силы, если его не выслушаютъ или не пожелаютъ выслушать въ церкви. Особенно онъ возсталъ противъ «общественнаго мнѣнія», которому навязывали руководящую роль. То общественное мнѣніе, которое преслѣдуетъ ближняго, не скупится на ложь, бойкотированье, оскорбленіе и изгнаніе противорѣчитъ 7 и 8 заповѣдямъ. «Кто далъ общественному мнѣнію право быть въ одно и тоже время доносчикомъ, обвинителемъ, судьею и палачемъ» [440])?

Въ концѣ декабря 1902 г. старо-финноманы распространили брошюру-воззваніе «Пробудись, Финляндія!»—въ которой указывалось, что пропаганда велась въ краѣ «нѣкоей гельсингфорской комиссіей», при помощи произведеній печати и странствующихъ агитаторовъ. «Про-

паганда зашла далеко за предѣлы, допустимые съ точки зрѣнія охраны общественнаго порядка. Это правильно организованное возбужденіе умовъ». Это движеніе старо-финноманы признавали болѣе вреднымъ, чѣмъ состоявшіяся «незаконныя» мѣропріятія. Расколъ въ краѣ вызвалъ необходимость новой усиленной мобилизаціи въ лагерѣ смуты. 12 ноября (н. ст.) партія шведомановъ устроила смотръ своимъ силамъ. Но такъ какъ не всѣ средства борьбы занесены были въ протоколъ, то перечень дополнила въ своихъ откровеніяхъ стокгольмская газета («Fria Ord»), сказавъ, что «необходимо прибѣгнуть къ положительному воздѣйствію силой: око за око, зубъ за зубъ». Сходка шведомановъ, въ числѣ другихъ средствъ борьбы, постановила избирать на общественныя и иныя довѣренныя должности только своихъ единомышленниковъ. По этому поводу въ воззваніи «Пробудись, Финляндія» читаемъ: «Это просто означаетъ, что всѣ общины Финляндіи должны присягнуть этимъ вожакамъ и стать въ оппозицію нынѣшнему правительству въ краѣ. Эта затѣя, впрочемъ, не совсѣмъ нова. Вся страна уже давно раздѣлена на административные округи, изъ которыхъ каждый имѣетъ особаго начальника, получающаго указанія изъ Гельсингфорса. Общинное самоуправленіе и политическая свобода всего народа должны быть принесены въ жертву партіи... Такой организованный терроръ устраивается будто бы во имя закона и права». Но самимъ гражданамъ не дозволяется судить о законѣ и правѣ, а также о современныхъ условіяхъ; имъ можетъ давать толкованіе только безыменное правленіе, которое хочетъ забрать въ свои руки дѣйствительное управленіе страною» [441]).

Въ темные дни смуты, изъ отдѣльныхъ лицъ наиболѣе гражданскаго мужества проявили сенаторъ Ирье-Коскиненъ, профессоръ Даніельсонъ и публицистъ Мерманъ.

Первому изъ нихъ пришлось выступить съ особымъ мнѣніемъ уже въ 1899 г. въ сенатѣ, когда прокуроръ далъ неправильное заключеніе о манифестѣ 3 февраля. Ирье-Коскиненъ подалъ тогда свой голосъ за распубликованіе новаго закона, находя это болѣе благоразумнымъ и выгоднымъ для своей родины. Газеты края осудили поведеніе маститаго главы финномановъ «въ историческомъ засѣданіи сената», но Ирье-Коскиненъ этимъ не смутился. Подавъ въ отставку, онъ занесъ свой протестъ въ журналъ (см. стр. 250). Сторонники протестовъ въ своемъ озлобленіи усмотрѣли, что Ирье-Коскиненъ «измѣнилъ» государству, что онъ, какъ «парламентскій министръ», не въ мѣру преклонился предъ русскою властью и т. п. Его портретъ не сходилъ со страницъ сатирическаго изданія, его домъ былъ снаружи опачканъ символическими рисунками, стараго заслуженнаго дѣятеля преслѣдовали самымъ безчеловѣчнымъ образомъ.

Запугать политическаго бойца дурными выходками, конечно, нельзя было и онъ, видя, что его соотечественники выходили на ложный путь, продолжалъ свои увѣщанія и разоблаченія. Когда Ирье-Коскинену исполнилось 70 лѣтъ, то онъ, по поводу поздравленій и пожеланій друзей, напечаталъ открытое письмо, въ которомъ, между прочимъ, высказалъ: «Ни для кого теперь не составляетъ секрета, что большая многоглаголивая клика, выдаваемая за общественное мнѣніе, требовала, чтобы сенатъ не смѣлъ публиковать манифеста (о русскомъ языкѣ) и вышелъ въ полномъ составѣ въ отставку. Многіе изъ финноманской партіи явно раздѣляли это мнѣніе или же своимъ молчаніемъ одобрили его». Такимъ путемъ образовалась громадная волна насмѣшекъ и хулы, которая обрызгивала тѣхъ сенаторовъ, которые думали иначе о своемъ долгѣ по отношенію къ краю и народу... Этимъ же путемъ пытались создать настоящій общественный терроръ, который, по мнѣнію Коскинена, можетъ оказаться только гибельнымъ для Финляндіи. Своимъ молчаніемъ финская партія содѣйствовала настоящему печальному положенію дѣлъ въ краѣ. «Я не раздѣляю воззрѣній этого большинства. Какъ и прежде (во дни появленія манифеста 3 февраля 1899 г.), я утверждаю, что сенатъ не имѣетъ никакого законнаго основанія отказать въ распубликованіи Царскаго повелѣнія (о введеніи русскаго языка въ дѣлопроизводство края). Что касается ухода нѣкоторыхъ сенаторовъ, то я нахожу, что тѣ изъ нихъ, которые остались на своихъ мѣстахъ, оказали большую услугу финскому народу, чѣмъ тѣ, которые ушли въ отставку».

Приведенное письмо одно изъ послѣднихъ произведеній Ирье-Коскинена. Онъ вскорѣ умеръ. Политическая вражда была настолько поднята, что она не улеглась даже у его свѣжей могилы. Большая часть студентовъ гельсингфорскаго университета отказалась почтить похороны Ирье-Коскинена, изъ нежеланія восхвалять политику его послѣднихъ лѣтъ. Въ партійномъ и политическомъ ослѣпленіи они забыли прежнія заслуги бойца за финскій языкъ, за финскія начала; забыты его труды по исторіи Финляндіи, по учрежденію финскихъ школъ и т. п. «Uusi Suometar» сказало по этому поводу: «Горе тому народу, чья молодежь не умѣетъ цѣнить первыхъ защитниковъ своей національности!» Были и другіе болѣе рѣзкіе отзывы о поведеніи студентовъ. Профессоръ Даніельсонъ, оцѣнивая значеніе послѣдняго періода дѣятельности Ирье-Коскинена, сказалъ, что идея его несомнѣнно получитъ полное признаніе нелицепріятнаго потомства. А идея эта сводилась къ тому, что финскій народъ обязанъ напрячь всѣ свои силы и согласиться даже на величайшія жертвы, съ цѣлью возстановить мирныя сношенія съ своимъ Государемъ и такимъ образомъ вернуться къ нормальнымъ условіямъ своего существованія» [442]).

Профессоръ Даніельсонъ въ разгарѣ борьбы выступилъ съ брошюрой «Въ какомъ направленіи?» («I hvilken riktning?» 1902 г.). Онъ также высказалъ нѣсколько забытыхъ истинъ и сдѣлалъ нѣсколько возраженій противъ необузданнаго «пассивнаго сопротивленія», къ которому агитаторы стремились привлечь сенатъ, судей и всѣхъ чиновниковъ края. «Форма правленія 1772 г.—читаемъ въ его брошюрѣ,—признаетъ всѣхъ чиновниковъ слугами Государя. Ни въ этой «формѣ» и ни въ какомъ позднѣйшемъ изъ коренныхъ законовъ нашего края не содержится ни единой статьи, которая давала бы этимъ слугамъ право отказывать Государю въ своемъ содѣйствіи для приведенія въ исполненіе его повелѣній». Чиновники или повинуются, или оставляютъ службу. Таковъ выводъ изъ основныхъ законовъ. Въ парламентскихъ государствахъ на министровъ возлагается обязанность изслѣдовать законность постановленій главы исполнительной власти. Коренные же законы Финляндіи не даютъ чиновникамъ, которыхъ Государь обязываетъ объявлять свои повелѣнія, права изслѣдованія законности сихъ повелѣній.

Этими словами финляндскаго историка осуждено поведеніе сенаторовъ, отказавшихся немедленно распубликовать манифестъ 3 февраля 1899 г. и законоположеніе 1900 г. о русскомъ языкѣ. Напомнимъ, что сенатъ Финляндіи именуется Императорскимъ. Члены этого административнаго учрежденія, получивъ повелѣніе Императора, конечно обязаны были, не входя въ оцѣнку повелѣнія, распубликовать его немедленно.

Осудилъ Даніельсонъ также и политиканствующіе суды своей родины, сказавъ, что «краснѣлъ» за нихъ и «живо чувствовалъ» справедливость словъ другого финляндца, сенатора Грипенберга (Nemo), также указывавшаго на ихъ паденіе.

Профессоръ Даніельсонъ рѣшился затѣмъ напомнить своимъ соотечественникамъ, что «интересы Россіи и Финляндіи въ существѣ своемъ гармоничны», и что онъ «съ благодарностію» вспоминаетъ періодъ ихъ совмѣстной политической жизни и признаетъ его «истиннымъ благословеніемъ» для родного своего края.

Наконецъ, онъ смѣло высказалъ свое опасеніе по поводу того, что возникшій «конфликтъ» затянулся слишкомъ долго и разногласіе между властью и народомъ въ Финляндіи опаснѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, такъ какъ изъ внутренняго вопроса можетъ возникнуть «международный» и тогда постановленія финскихъ законовъ не будутъ уже приняты во вниманіе. Въ виду этого, онъ усиленно рекомендовалъ сохраненіе «моста» между Монархомъ и населеніемъ и не порывать «узъ довѣрія, доселѣ связывавшихъ Правителя съ народомъ».

Много невзгодъ пришлось вынести Даніельсону за свои правдивыя и трезвыя слова.

За Даніельсономъ послѣдовалъ старецъ Агатонъ Мерманъ. Въ 1903 г. онъ издалъ брошюру «Наблюденія націоналиста». Его, какъ и многихъ другихъ собратьевъ по перу, мучилъ вопросъ: покориться или сопротивляться? Въ этомъ вопросѣ крылась вся злоба дня. Сенатъ не одобрилъ программы пассивнаго сопротивленія; огромное большинство населенія также признало ее односторонней партійной политикой. Не успокаивались только шведскіе круги и вышедшее изъ ихъ среды чиновничество.

Хладнокровно оцѣнивая русскія требованія, предъявленныя Финляндіи, А. Мерманъ заявилъ, что «высшіе финскіе чины безъ исключенія того мнѣнія, что никакого пагубнаго для нашей національности рѣшенія не было и нѣтъ» у русской власти. «Съ достовѣрностью извѣстно, что высшая русская власть принципіально не сочувствуетъ крутымъ мѣрамъ».

Послѣ этого «націоналистъ» очень наглядно доказываетъ, что «сопротивленіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно примѣнялось, совершенно негодно и вредно для народа». Въ подтвержденіе своей мысли, онъ показываетъ, къ какимъ послѣдствіямъ привело сопротивленіе. Чрезвычайному сейму 1899 г. было предложено высказаться о русскомъ проектѣ устава о воинской повинности. Требовалось, чтобы финляндцы приняли пропорціональное съ русскими участіе въ содержаніи военной силы и отмѣнили вредныя въ военной сферѣ различія между финнами и русскими. Органъ шведоманскихъ чиновниковъ «Nya Pressen» отъ имени всего народа возсталъ противъ измѣненій... «Менѣе сильный и раздражительный тонъ былъ бы болѣе умѣстенъ... Но она не въ состояніи была уразумѣть, что надменный, для противника оскорбительный, тонъ не всегда выгоденъ для рѣшенія важныхъ дѣлъ». Въ увлеченіи тогда превозносили патріотическое мужество «Nya Pressen». За газетой пошли особенно дворяне и горожане сейма. Но, какъ теперь оказалось, громкая полемика «Nya Pressen» повредила дѣлу. Реформа кончилась упраздненіемъ «финской арміи», а между тѣмъ раньше ни въ русскихъ комиссіяхъ, ни на сеймѣ даже и рѣчи не заводили объ упраздненіи. «Причину такого оборота слѣдуетъ искать въ самой Финляндіи», справедливо замѣчаетъ «націоналистъ». Датскія и особенно шведскія газеты въ «пристрастныхъ статьяхъ» трубили на весь міръ «о положеніи дѣлъ въ нашемъ краѣ; въ нихъ хвастливо намекали на то, что Финляндія можетъ выставить свыше 100,000 обученнаго войска, что недостатка въ деньгахъ нѣтъ, оружіе можетъ быть добыто и т. д.». Къ этому присоединились выраженія неудовольствія въ краѣ, манифестаціи и пр. И въ результатѣ финскіе стрѣлковые баталіоны исчезли съ лица земли. Офицеры драгунскаго полка вздумали вмѣшаться въ политику своимъ протестомъ

и полкъ былъ расформированъ съ военной быстротой. Таковы первые результаты неразумнаго сопротивленія.

Въ «Наблюденіяхъ націоналиста» слѣдуютъ затѣмъ указанія на «бахвальныя» статьи шведской газеты «Aftonbladet», припоминаются апрѣльскіе уличные безпорядки, клевета и оскорбленіе собственныхъ согражданъ, протесты гофгерихтовъ и служащихъ. «Націоналистъ» признаетъ, что положеніе финляндскихъ должностныхъ лицъ было такое, что «подобнаго не сыскать во многихъ изъ самыхъ свободныхъ странъ Европы». «Не подлежитъ сомнѣнію, — продолжаетъ онъ,—что новыя постановленія объ увольненіи должностныхъ лицъ, безъ суда, явились въ видѣ прямого отвѣта на отказъ гофгерихтовъ и кажется несомнѣнно также то, что эти постановленія, вслѣдствіе всеобщаго и нескрываемаго присоединенія чиновниковъ къ оппозиціи, получили гораздо болѣе строгую форму и болѣе широкую цѣль, чѣмъ сначала было предположено».

«Націоналистъ» Мерманъ проявилъ настолько гражданскаго мужества, что дерзнулъ признать требованія нашего правительства по русскому языку, при занятіи чиновниками высшихъ мѣстъ, «вполнѣ умѣренными». Газета «Uusi Suometar» поддержала его, заявивъ, что едва-ли финская «національность потеряетъ что-либо отъ того, что нѣкоторое бо́льшее число чиновниковъ, чѣмъ теперь, будутъ знать русскій языкъ».

Продолжая клеймить спокойной и трезвой критикой дѣятельность шведомановъ, А. Мерманъ говоритъ: «необходимо помнить, что мы (финны) не можемъ жить иначе, какъ въ согласіи съ могучимъ Россійскимъ государствомъ. Болѣе слабые, мы зависимъ отъ русскихъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ они отъ насъ». А потому составитель брошюры «Наблюденія націоналиста» дѣлаетъ слѣдующее прекрасное заявленіе: «Прежде всего было бы желательно, чтобы въ частной жизни обоюдное пониманіе и дружескія отношенія получили большее вліяніе, чѣмъ до сихъ поръ. Все оживляющая торговля представляетъ наилучшіе для того случаи. Много недоразумѣній безъ сомнѣнія можно было избѣжать, если бы обѣ націи не оставались другъ для друга совершенно чужими».

Теплыя и справедливыя слова Мермана нашли откликъ въ доброжелательномъ и мирномъ сердцѣ русскихъ людей. Россія всегда готова заключить въ свои родственныя объятія сестру-Финляндію, да нагроможденныя столѣтіемъ недоразумѣнія тому служили помѣхой.

Въ 1903 г. А. Мерманъ составилъ особое «Слово народу», въ которомъ выразилъ сожалѣніе, что чрезвычайный сеймъ не одобрилъ во всѣхъ существенныхъ пунктахъ предложеній правительства по уставу о воинской повинности. Мерманъ высказалъ тогда-же похвалу явившимся къ призыву новобранцамъ.

Станъ революціонеровъ пытался заглушить этотъ голосъ. Не уступать нужно было, кричали они («Fria Ord» 11 іюля 1903 г.). а «понудить» правительство отмѣнить свои незаконныя распоряженія.

Тѣмъ не менѣе ряды спокойныхъ и здравомыслящихъ продолжали пополняться. За единичными личностями послѣдовали цѣлые кружки единомышленниковъ. Начались сходки старо-финномановъ, доклады и резолюціи которыхъ имѣютъ, конечно, существенный интересъ. Въ концѣ 1902 г. (26 дек. 1902 — 8 янв. 1903 г.) съѣхались финноманы въ Выборгѣ. Они рѣшили противодѣйствовать бойкоту, переходившему, вслѣдствіе шведоманскихъ подстрекательствъ, всякіе предѣлы. Бойкотъ сталъ отравлять жизнь всѣмъ порядочнымъ и независимымъ людямъ. Сходъ постановилъ, кромѣ того, содѣйствовать исполненію призыва и выразить довѣріе правительству и его реформамъ.

Одинъ изъ ораторовъ этого съѣзда представилъ весьма интересную историческую справку о явныхъ и закулисныхъ событіяхъ послѣднихъ лѣтъ. Ораторъ указалъ, между прочимъ, что въ 1891 г., когда возбужденъ былъ вопросъ о почтовомъ объединеніи, шведская партія требовала, чтобы члены сейма ополчились противъ правительства; финская партія напротивъ рекомендовала осторожность и осмотрительность. Согласія во взглядахъ партій не было достигнуто. Тогда вождь старо-финномановъ предложилъ своимъ единомышленникамъ дѣйствовать въ этомъ вопросѣ до конца согласно своимъ убѣжденіямъ, независимо отъ того, послѣдуетъ ли за ними другая партія или нѣтъ. Благоразуміе финновъ восторжествовало. А теперь десятилѣтній опытъ показалъ уже, «что подчиненіе нашей почты русскимъ должностнымъ лицамъ совершенно не было такъ опасно, какъ это предполагали вначалѣ» и какъ о томъ кричали органы шведомановъ [443]).

Въ 1899 г. повелѣно было созвать экстренный или чрезвычайный сеймъ. На его заключеніе переданъ былъ одинъ только законъ о воинской повинности. Земскіе чины,—продолжаетъ тотъ же ораторъ выборгскаго съѣзда,— дали крайне дерзкій отзывъ и выступили вмѣстѣ съ тѣмъ съ разными непрошенными поученіями. Умѣренныхъ финновъ шведская партія клеймила «измѣнниками» отечества. По этому поводу ораторъ сходки очень кстати напоминаетъ забытое мнѣніе сейма 1877 года. Оказывается, что сами земскіе чины тогда говорили и писали, что по прошествіи нѣкотораго времени уставъ о воинской повинности Финляндіи будетъ подлежать пересмотру и въ такомъ случаѣ слѣдуетъ имѣть въ виду, что во всѣхъ соединенныхъ государствахъ объединеніе воинскаго устава составляетъ необходимость. Земскіе чины 1899 г. умышленно игнорировали это обстоятельство, да кромѣ того не хотѣли понять, что настойчивое сопротивленіе всегда раздражаетъ».

Но какъ же могло случиться, что болѣе благоразумные и спокойные финны также подписали грубый и заносчивый отвѣтъ сейма? По этому поводу ораторъ выборгской сходки разсказалъ слѣдующее. Въ періодъ сеймовой сессіи, партіи имѣли свои отдѣльныя засѣданія. На собраніи финномановъ склонялись къ тому, чтобы уступить русскимъ требованіямъ и тѣмъ выговорить себѣ право не назначать финскихъ юношей въ русскія войска. Но въ то же время обѣими партіями края были приняты окончательно два рѣшенія: сохранить въ тайнѣ совѣщанія сейма и членамъ сейма держаться «какъ одинъ человѣкъ». Благодаря тому, что отъ земскихъ чиновъ требовалось единодушіе, финской партіи пришлось шагъ за шагомъ отступать отъ своего первоначальнаго благоразумнаго взгляда. «Когда теперь просматриваешь стенографическія записки финской партіи, — продолжаетъ ораторъ,— то во многихъ отношеніяхъ замѣчаешь, что новое воинское постановленіе было бы достигнуто нами въ желательномъ видѣ, если бы не существовало это несчастное стремленіе къ достиженію единодушія».

Сеймъ надѣялся «стойкостью взгляда» заслужить благодарность народа; но до сихъ поръ результатами его дѣйствій, по мнѣнію цитируемаго нами финна, явились: февральскій манифестъ, оффиціальное указаніе на «неосторожныя» заявленія сейма 1877 г. и упраздненіе финскихъ войскъ. Этотъ послѣдній «сильный отвѣтъ со стороны Россіи» былъ полной неожиданностью для финляндцевъ. Помимо этого, шведская партія довела до того, что «ни одинъ изъ членовъ Государственнаго Совѣта не могъ цѣликомъ защищать предложенія сейма».

Всѣ эти признанія въ устахъ финляндца, конечно, знаменательны.

14 Января (н. ст.) 1903 г. состоялось собраніе приверженцевъ партіи старо-финномановъ въ Або (150 чел.), 6 (19) марта — въ гор. С. Михелѣ, 7 апрѣля 1903 г. въ Куопіо. Ими руководило желаніе вернуть народъ къ болѣе мирному и сносному положенію, путемъ противодѣйствія пассивному сопротивленію. Злословіе и посрамленіе агитаторами правительственныхъ лицъ они считали гибельнымъ и неблагороднымъ. Въ призывномъ дѣлѣ считали необходимымъ придержаться требованій правительства...

20 апрѣля 1903 г. состоялась народная сходка въ Іоэнсу. Члены ея (136) выразили пожеланія, чтобы: 1) цензурныя строгости были смягчены; 2) призывные исполнили свой долгъ; 3) соотечественники не позволяли мнимому общественному мнѣнію удерживать ихъ отъ соисканія государственныхъ должностей и 4) наконецъ было высказано одобреніе умѣренной партіи; въ пассивномъ противодѣйствіи видѣли необузданность и безразсудность [444]).

Въ концѣ апрѣля 1904 г. состоялась новая сходка старо-финномановъ. На этотъ разъ единомышленники, болѣвшіе душой за взбало-

мученную родину, съѣхались въ Улеоборгѣ. Результатомъ съѣзда явилось воззваніе, въ которомъ говорилось: «Отказываясь повиноваться приказаніямъ правительства, населеніе Финляндіи преступило границы, предопредѣленныя для него правительственнымъ закономъ и божественнымъ міровымъ строемъ... Никакіе переговоры о мирѣ невозможны, если мы, со своей стороны, ни въ чемъ не сдѣлаемъ уступокъ. Разъ мы стремимся къ возстановленію порядка, зиждущагося на основныхъ законахъ, созывъ сейма для насъ безусловно необходимъ. Но нынѣшнее упорное сопротивленіе не ведетъ къ достиженію этой цѣли».

Необходимо, по мнѣнію старо-финномановъ, чтобы граждане предостерегали другъ друга отъ необдуманныхъ въ политическомъ отношеніи поступковъ, не противились производству призывовъ, ибо отказъ отъ признанія новаго устава о воинской повинности ни въ какомъ случаѣ не поведетъ къ его отмѣнѣ. «Однимъ изъ условій здоровой національной жизни и преуспѣянія народа есть исполненіе 4 заповѣди, предписывающей уважать правительство и повиноваться ему»... Наконецъ, «нельзя ждать уваженія со стороны противниковъ, или даже сторонниковъ, если, хотя бы исключительно для хорошей цѣли, прибѣгать ко лжи и клеветѣ» [445]).

Слѣдовательно, какъ только народъ остался безъ террористовъ-руководителей, дѣло пошло лучше. Трезвый взглядъ финскаго народа нашелъ правильный выходъ изъ того положенія, въ которое было поставлено населеніе. Съ этими трезвыми голосами, исходившими изъ среды финновъ, должны были считаться лица крайне-оппозиціоннаго настроенія.

Болѣе другихъ мутили общество, конечно, «пассивисты». Чтобы ихъ голоса не были заглушены, они завели подпольные органы печати: «Новости Дня», «Свободное Слово» и др., ставшіе внѣ воздѣйствій цензуры. Агитаторы требовали, чтобы всякій патріотъ подписался на ихъ нелегальныя изданія. Изъ рѣчей ораторовъ названныхъ сходокъ и изъ статей финноманской печати «пассивисты» узнали мнѣніе о себѣ собственныхъ согражданъ.

Особенно серьезнаго врага газета «Fria Ord» встрѣтила въ лицѣ редакціи «Uusi Suometar». «Считаютъ едва ли не преступленіемъ,—говорила она,—публично упоминать о томъ, что въ Стокгольмѣ еженедѣльно издается и распространяется по всей Финляндіи органъ «пассивнаго сопротивленія», будто бы задающійся цѣлью поддержать «нравственную силу финскаго народа». Упоминаніе—приравнивалось доносу. Дѣло не въ строгости нынѣшней цензурной системы. «Fria Ord» желательно быть подпольнымъ изданіемъ, дабы съ большей беззастѣнчивостью наносить личныя оскорбленія всѣмъ не раздѣлявшимъ воззрѣній редакторовъ этого листка. Далѣе газета финномановъ удосто-

вѣрила, что «Fria Ord» клеймила сенаторовъ измѣнниками, что «Народный катехизисъ»,—это наиболѣе печальное свидѣтельство разгара партійныхъ страстей,—было отпечатано въ подлинникѣ въ стокгольмскомъ нелегальномъ изданіи шведомановъ.

Съ одной стороны жалобы газеты «Fria Ord» на «ослабленіе національнаго духа» и на трусость населенія, а съ другой открытое осужденіе подпольнаго изданія главнымъ органомъ старо-финномановъ являются, конечно, новымъ показателемъ значительнаго успѣха умѣреннаго или примирительнаго направленія.

Это разоблаченіе по адресу печати агитаторовъ составляетъ также серьезную заслугу финской партіи.

«Общество, которое намѣрено жить и развиваться, не должно вѣрить такимъ летучимъ листкамъ и брошюрамъ, внушала «Uusi Suometar».

Главный органъ финномановъ былъ поддержанъ въ его походѣ противъ нелегальныхъ редакцій нѣкоторыми финскими собратьями по перу, которые указывали, что летучіе листки «напрасно запутываютъ внутреннее положеніе въ краѣ... Бросаютъ со всѣхъ сторонъ въ лицо оскорбленія, подчасъ наносимыя анонимно». Когда рѣчь зашла о доносахъ и раздорахъ между партіями, финская газета написала: «Теперь распространители «летучихъ листковъ и различныхъ теорій и воздушныхъ замковъ» увидѣли и обратную сторону медали... Они обречены были испробовать на себѣ тотъ кнутъ, который они хотѣли направить на чужую спину» [446])...

По заявленію пастора Бергрота, финскія подпольныя изданія долго мѣшали полному умиротворенію края и потому онъ высказалъ пожеланіе, чтобы изданія ихъ скорѣе прекратились «въ интересахъ публики».

Подобно тому, какъ осуждена была нелегальная литература, подверглись порицанію системы бойкота и пассивнаго сопротивленія. Примѣненіе бойкотированія оказалось теперь, по трезвымъ воззрѣніямъ финновъ, нелѣпымъ, недобросовѣстнымъ и признакомъ нравственнаго паденія. Развѣ это не равносильно тому, говорили они, что кто-нибудь, держа въ рукѣ кошелекъ съ золотомъ, сказалъ бы: если поступишь согласно моему приказанію, получишь эти деньги, если же будешь дѣйствовать сообразно со своими убѣжденіями, то не только ничего не получишь, но вдобавокъ будешь еще разоренъ» [447]).

Нѣкто Михаилъ Гейкура печатно признавался, что онъ сперва явился сторонникомъ пассивнаго сопротивленія. Однако событія убѣдили его, что онъ сдѣлалъ ложный шагъ и потому всенародно покаялся, призывая новобранцевъ исполнить свои обязанности; «теперь я вполнѣ признаю, что продолжительное упорное сопротивленіе

можетъ происходить только во вредъ народу. Финскій народъ, укроти, наконецъ, свои страсти, удержи свой фанатизмъ! Да уяснитъ себѣ, наконецъ, народъ своимъ здравымъ разсудкомъ, куда можетъ завлечь его упорное неповиновеніе» [448]).

Итакъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что произошелъ поворотъ во мнѣніяхъ многихъ финляндцевъ. Послѣ предоставленія генералъ-губернатору чрезвычайныхъ полномочій, мѣстное населеніе убѣдилось, что и на агитаторовъ имѣется управа. Въ первые годы магистраты, губернаторы изъ финляндцевъ, гофгерихты, суды проявили неслыханное своеволіе и обуздать ихъ начальникъ края оказался безсильнымъ. Конечно, на населеніе такое положеніе вліяло самымъ деморализирующимъ образомъ. Н. И. Бобриковъ понялъ общее настроеніе. Оно отразилось въ его письмѣ (отъ 9 января 1903 г.). «Оставлять безъ преслѣдованія агитаторовъ, цѣлые магистраты и гофгерихты»,—писалъ онъ,—нельзя было, потому, что это «ободряло негодяевъ и понижало довѣріе къ силѣ русской власти, ей преданныхъ или еще колеблющихся».

Безцеремонность и разнузданность агитаторовъ до такой степени возмущала нѣкоторыхъ благонамѣренныхъ финляндцевъ, что они стали являться къ Николаю Ивановичу и просить его «о принятіи болѣе суровыхъ мѣръ, до высылки и лишенія пенсій включительно». Николай Ивановичъ взялся передать ихъ точку зрѣнія В. К. Плеве, такъ какъ финляндцы «сами опасались съ этою цѣлью лично явиться» къ нему (9 января 1903 г.).

Плоды совмѣстнаго вліянія чрезвычайныхъ мѣръ и сторонниковъ порядка изъ финноманской среды сказались весьма наглядно.

«Настроеніе въ Гельсингфорсѣ и вообще въ Финляндіи, — сообщалъ генералъ-губернатору (3 (16) августа 1903 г.) прокуроръ сената Э. Іонсонъ—по моему такое, что призывъ въ будущемъ году по всей вѣроятности пойдетъ нормальнымъ ходомъ. Могутъ и быть случаи агитаціи, но безъ результата. Здравый умъ финскаго народа одержитъ верхъ надъ агитаторами». Предположеніе его вполнѣ оправдалось. Призывъ, дѣйствительно, прошелъ вполнѣ успѣшно. «Кромѣ того, какъ только народъ освободился отъ гнета агитаторовъ,—писалъ Н. И. Бобриковъ,—онъ сталъ въ однихъ мѣстахъ выдавать подстрекателей, въ другихъ—общины потребовали, чтобы штрафы взыскивались исключительно съ виновныхъ властей», а не раскладывались безъ разбора на всѣхъ членовъ общины. Кромѣ того, населеніе въ громадномъ числѣ, принося раскаяніе, стало просить о помилованіи, за неисполненіе имъ закона о воинской повинности и Н. И. Бобриковъ освободилъ отъ отвѣтственности болѣе $2^1/_2$ тыс. человѣкъ, зачисливъ ихъ въ ополченіе.

Въ одномъ прошеніи, поданномъ генералъ-губернатору, причины неявки къ призыву пояснялись такъ: «мѣстные господа и студенты подстрекали призывныхъ не являться къ призыву»... Предсѣдатель общины запрещалъ вообще молодежи являться къ призыву, говоря, что подобная неявка наказанію не подлежитъ, но принесетъ пользу не только имъ самимъ, но и всей Финляндіи [449]).

Изъ интеллигентной среды также нѣкоторые покаялись. Регистраторъ губернскаго управленія, нотаріусъ гофгерихта, пасторъ Велинъ и нѣкоторые студенты принесли повинную. Одинъ студентъ, подавъ прошеніе о сложеніи съ него вины, писалъ: «Я не только безусловно поступилъ неправильно, но и чрезвычайно легкомысленно, не явившись на призывъ, подавъ тѣмъ дурной примѣръ для менѣе образованныхъ товарищей по призыву, такъ что въ виду нашего непослушанія благорасположеніе Его Императорскаго Величества, нашего великодушнаго Царя, сильно поколебалось и мирное развитіе края пріостановилось» (іюль 1903 г.).

О помилованіи стали ходатайствовать, наконецъ, цѣлыя общины. Изъ Тюсьбю (20 сентября н. ст. 1903 г.) поступила просьба отъ общины за подписью 174 лицъ о сложеніи съ нихъ штрафа, при этомъ они высказались, что мы «не раздѣляемъ распространяемыхъ зловредныхъ модныхъ мыслей относительно незаконности изданія Его Императорскимъ Величествомъ закона о воинской повинности». Итиская община большинствомъ 374 голосовъ рѣшила донести Государю о своемъ заблужденіи. Прошеніе отъ Гельсингфорской общины было покрыто 243 подписей. Въ немъ говорилось, что предсѣдатель общиннаго собранія «даже не желалъ выслушать мнѣніе общины, зная, что своими противозаконными рѣшеніями не могъ бы затемнить здравый смыслъ народа и тѣмъ наложить на него революціонное клеймо въ глазахъ всего цивилизованнаго міра и Всемилостивѣйшаго Монарха». Далѣе дѣлалось увѣреніе, что если бы публикаціи производились правильно и внушалась гражданамъ суть дѣла, то населеніе «навѣрно исполнило бы свою вѣрноподданническую обязанность». Виновные просили прощеніе и не желали «принять на себя проступки революціоннаго сословія». Общины удостовѣрили, что въ киркахъ не дѣлалось публикаціи о созывѣ общинныхъ собраній и протоколы собраній составлялись нѣсколькими «господами» безъ вѣдома общинъ [450]).

Вошедшіе въ норму призывы опечалили тѣхъ, которые надѣялись, что финскій народъ еще разъ сумѣетъ пойти по вѣрному пути. Надежды разсыпались прахомъ и они съ горечью должны были сознать, что финскому народу многаго недостаетъ для поддержанія пассивнаго сопротивленія. Такъ писалъ шведоманъ въ журналѣ «Сѣверное Обозрѣніе» (Nordisk Revy). Авторъ статьи погружается затѣмъ въ раз-

думье передъ вопросами о причинахъ такого паденія народа, не зная, является ли оно слѣдствіемъ пониженія нравственности (moralisk degeneration), или симптомомъ болѣзни, которую возможно еще излечить. Причину не легко было уразумѣть, въ виду блестящаго (отрицательнаго) прошлогодняго хода призыва и потому еще, что результатъ призыва 1902 г. былъ достигнутъ почти однимъ простымъ воззваніемъ къ народу и молодежи, безъ особенно большой пущенной въ ходъ агитаціи (utan någon i stor skala igångsatt agitation). Авторъ кончаетъ озлобленнымъ выпадомъ противъ старо-финномановъ и духовенства, которыхъ считаетъ главными виновниками контръ-агитаціи [451]).

Огромное число фактовъ, однородныхъ съ приведенными, не прошли незамѣченными. Смѣна настроенія была настолько велика, что ее отмѣтила «Stockholms Dagblad», въ которой читаемъ: «Необходимо признать, что теперь начинаетъ до нѣкоторой степени преобладать мнѣніе, что благо родины нельзя видѣть въ пассивномъ сопротивленіи, доведенномъ до крайности»... Въ концѣ мая (1904 г.) та же газета заявила: «ходъ призыва свидѣтельствуетъ, что большинство населенія не примкнуло къ пассивному сопротивленію»... Въ этомъ «надлежитъ признать блистательную побѣду правительства». Нѣкоторые изъ отказавшихся въ прошломъ году явиться къ призыву заявили теперь желаніе отбыть ее. Успѣхъ призыва газеты Швеціи приписали національному характеру финскаго народа. Финнъ крайне неохотно выступаетъ противъ предписаній правительства» [452]).

Такимъ образомъ, въ Финляндіи былъ ясно обозначившійся періодъ, когда не оппозиціонная партія опредѣляла ходъ внутренней жизни въ Великомъ Княжествѣ. Корреспондентъ «Svenska Dagbladet», со словъ одного финляндскаго сенатора, описалъ общее настроеніе въ слѣдующемъ видѣ: «Если бы положеніе дѣлъ не запутывалось шведоманской и младо-финской партіями,—говорилъ сенаторъ,—въ странѣ водворился бы миръ и исключительные законы были бы мало-по-малу отмѣнены». Сенаторъ не ожидалъ ни отмѣны манифеста 3 февраля 1899 г., ни отмѣны устава о воинской повинности. «Не смотря па это, финскій народъ все же можетъ жить собственною жизнью и развивать свою культуру на самобытной національной основѣ». Наоборотъ, если бы сенатъ ушелъ въ отставку, какъ того желали шведоманы, дни его были бы сочтены «и будущность Финляндіи омрачена» [453]).

Одна изъ финскихъ газетъ, подводя общіе итоги движенію, усмотрѣла, что успѣхи агитаторовъ, по сопоставленію ихъ съ затраченными трудами и усиліями, довольно ничтожны. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имъ слѣпо повиновались, преимущественно въ приморскихъ городахъ, большихъ фабричныхъ центрахъ и безпокойномъ прибрежьи Эстерботніи, которая давно уже стремилась въ Америку. Тамъ же, гдѣ

населеніе жило земледѣліемъ и привыкло разсчитывать только на самого себя, призывы агитаторовъ прозвучали напрасно. Слѣдовательно, то единодушіе населенія, о которомъ возвѣщали члены «тайнаго патріотическаго союза» въ своихъ и чужихъ газетахъ, являлось очевидно измышленнымъ, съ цѣлью большаго воздѣйствія на русскія власти [454]).

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ населеніе оставалось не захваченнымъ агитаціонной горячкой, оно высказало вѣрное пониманіе своихъ интересовъ и вовсе не чуждалось русскихъ государственныхъ требованій. Жители общины Суоярви Куопіоской губ. (смежной съ русскими губерніями) на общинномъ собраніи постановили, напримѣръ, ходатайствовать передъ мѣстнымъ губернаторомъ о томъ, чтобы въ училищахъ, содержащихся на счетъ общины, преподавался впредь русскій языкъ и чтобы все преподаваніе велось на половину на русскомъ языкѣ [455]). Въ другихъ частяхъ Великаго Княжества финны въ разгарѣ пропаганды стали просить о принятіи ихъ дѣтей въ русскую школу, исходя изъ того положенія, что ихъ сыновьямъ придется служить въ русскихъ войскахъ. Такіе случаи повторились въ школахъ Сердоболя, Тавастгуса, Або, Гельсингфорса, Теріоки и С.-Михелѣ.

При назначеніи г. Ланга и. д. Абоскаго губернатора, группа гражданъ привѣтствовала его и выразили признательность правительству и усердное упованіе, что оно утвердитъ Ланга главою губерніи. Генералъ-губернаторъ отмѣтилъ: «утѣшительно» и впослѣдствіи представилъ г. Ланга къ утвержденію и тѣмъ показалъ, что желаніе населенія охотно исполняется русскою властью, когда къ тому представляется возможность.

Въ 1903 г. Н. И. Бобриковъ далъ оффиціальное разрѣшеніе устроить всенародное чествованіе Рунеберга. Это обстоятельство также служитъ извѣстнымъ показателемъ общественнаго настроенія края. Разрѣшая чествованіе генералъ-губернаторъ тѣмъ самымъ засвидѣтельствовалъ съ одной стороны, что объединительныя мѣропріятія не посягаютъ на національность финскаго народа [456]), а съ другой—что русская власть надѣялась тогда уже на то, что празднество не будетъ носить характера политической противоправительственной манифестаціи, каковымъ оно усиленно окрашивалось въ предыдущіе годы.

Отношеніе массы населенія къ русской власти, не смотря на агитацію, на искуственно поднятую эмиграцію и соціальное движеніе, надо признать вообще удовлетворительнымъ. Народъ стоялъ далеко отъ политики, спокойно занимаясь своимъ дѣломъ и, если бы его не смущали руководители пассивнаго сопротивленія и революціонеры, онъ безъ протеста принялъ бы нововведенія послѣднихъ лѣтъ и безъ особыхъ осложненій исполнилъ обязанности по призывамъ.

«Мое заключеніе состоитъ въ томъ—писалъ Н. И. Бобриковъ,—

что твердая политика Государя должна увѣнчаться успѣхомъ; народъ не пойдетъ за агитаторами, которые, по необходимости, должны будутъ смириться. ...Протеста сейма, къ слову сказать, я рѣшительно не стѣсняюсь, близко видя дѣйствительное настроеніе народа». «На этихъ дняхъ я принималъ войсковыхъ начальниковъ, подчиненные части которыхъ квартируютъ въ Улеаборгѣ, Николайштадтѣ, Куопіо, С.-Михелѣ, Выборгѣ и Фридрихсгамѣ. Всѣ единогласно свидѣтельствуютъ о ласковомъ отношеніи къ войскамъ простого народа и низшихъ слоевъ городского населенія. Не такъ отзываются о мѣстной интеллигенціи, проявляющей скорѣе надменное къ воинскимъ чинамъ пренебреженіе». «Народъ безусловно преданъ Его Величеству въ своей массѣ, чему получаю съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе вѣскія подтвержденія». Прислуга одного изъ высланныхъ прямо заявила, что его «давно слѣдовало арестовать и прогнать изъ края». Таковы отзывы, встрѣчающіеся въ письмахъ генералъ-губернатора.

Рабочіе г. Гельсингфорса нуждались въ кускѣ хлѣба. Городскія власти не подали имъ помощи. Депутація рабочихъ не была принята городскими уполномоченными, которые собрались на засѣданія лишь черезъ три недѣли. Одна газета сдѣлала упрекъ по адресу уполномоченныхъ и разныхъ союзовъ, которые находили средства на содержаніе «агитаціонныхъ курсовъ» и платили спеціальнымъ агитаторамъ по 75 мар. въ мѣсяцъ, а своихъ нуждающихся не поддерживали. Узнавъ о положеніи рабочихъ, Н. И. Бобриковъ приказалъ немедленно организовать выдачу даровыхъ обѣдовъ. Все было устроено живо и прекрасно. Нуждающимся помогли. Въ страстную субботу (1903 г.) Николай Ивановичъ объѣхалъ всѣ три столовыя, устроенныя въ русскихъ казармахъ. «Отъ умиленія народъ просто плакалъ, трогая насъ русскихъ, до глубины души», сообщалъ онъ затѣмъ своему знакомому (8 апрѣля 1903 г.).

Вотъ живые примѣры, указывающіе, что Николай Ивановичъ стремился завоевать народъ сердцемъ... преслѣдуя все ту же завѣтную цѣль—«сплоченіе русскаго царства». Народная масса чутка. Сердце подсказало, что Н. И. Бобриковъ ей не врагъ, а благодѣтель и покровитель. Не забудемъ, что только при немъ финскій языкъ увидѣлъ себя вполнѣ равноправнымъ со шведскимъ въ оффиціальной жизни края. Воспитательныхъ и просвѣтительныхъ нуждъ финновъ Н. И. Бобриковъ не игнорировалъ. Все, что шло на пользу края и не противорѣчило общегосударственнымъ интересамъ, находило въ немъ радушную поддержку.

Враги русскаго дѣла скоро оцѣнили правильность и сердечность его дѣйствій, почему поспѣшили очернить каждый его шагъ въ глазахъ простодушнаго населенія. Николай Ивановичъ велѣлъ накормить

рабочихъ. Это хорошее и христіанское дѣло «Новости Недѣли» назвали «печальной комедіей»... и заявили: «Неужели дошло такъ далеко, что Финляндія должна просить хлѣба у своихъ горьчайшихъ непріятелей»... Н. И. Бобриковъ посѣтилъ канцелярію генералъ-губернатора и, конечно, вполнѣ искренно выразилъ желаніе, чтобы русскіе чины ея изучали финскій языкъ. «Это попытка подкупить старо-финномановъ»; «это новая ловушка»... кричали въ печати. Послѣ смерти Н. И. Бобрикова стокгольмская газета, вспоминая старую исторію рабочихъ, не постѣснилась украсить ее новыми гнусными измышленіями. Она утверждала, что «вслѣдствіе суровой зимы, въ началѣ 1904 г. царила нужда въ работѣ. Сенатъ организовалъ общественныя работы съ платою 2:50 мар. въ день. Но въ то же время Бобриковъ накрылъ въ казармахъ столы и свободный къ нимъ доступъ имѣли всѣ, причемъ гостямъ предлагалась водка. Конечно, къ Бобрикову шли и кричали «ура», не только безработные, но оставили свои заведенія и тѣ, кто имѣлъ занятіе. А Царю доносили, что финскій народъ чувствовалъ себя особенно счастливо подъ русскимъ владычествомъ и всему свѣту возвѣщалъ служебный телеграфъ, что финны оставили всякое сопротивленіе». «У насъ тихо, писалъ Н. И. Бобриковъ, и только иностранная печать выдумываетъ разный вздоръ и клевещетъ на бѣдный финскій народъ» (16 ноября 1903 г.).

Въ іюнѣ 1900 г. городское населеніе Сердоболя вышло на встрѣчу генералъ-губернатора съ криками «элякээнъ» «...И особенно знаменательно — свидѣтельствуетъ начальникъ края — это устроенная мнѣ овація при отъѣздѣ изъ Вильманстранда, съ участіемъ не только войскъ, но и едва-ли не всего мѣстнаго населенія»... «Великимъ мнѣ утѣшеніемъ служитъ народная масса, оказывающая мнѣ сочувствіе при удобномъ случаѣ, — писалъ Николай Ивановичъ.—По дѣламъ службы я только-что посѣтилъ С.-Михель, Выборгъ и Фридрихсгамъ; не только въ городахъ, но и станціяхъ собирался народъ, привѣтствуя меня криками «элекээнъ» и маханіемъ платковъ»... (9 мая 1903 г.). Вотъ еще нѣсколько словъ, записанныхъ Н. И. Бобриковымъ въ его дневникѣ: «Народная масса вообще стоитъ за русскую власть и тѣмъ причиняетъ мѣстнымъ вожакамъ большое горе... Народъ не смѣетъ проявить наружу своихъ чувствъ, находясь въ кабалѣ у мѣстныхъ землевладѣльцевъ и хозяевъ фабрикъ и заводовъ, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ агитаторовъ».

Полное подтвержденіе мыслей начальника края находимъ въ заявленіяхъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ русскихъ губернаторовъ. Одинъ изъ нихъ (17—30 сентября 1903 г.) писалъ: «Изъ частыхъ моихъ общеній съ населеніемъ я вынесъ глубокое убѣжденіе, что финское населеніе никогда не сочувствовало организованной революціонной партіей

политикѣ противодѣйствія, и если слѣдовало указанной агитаціей программѣ, то лишь уступая принужденіямъ и насиліямъ сепаратистовъ, которые, имѣя на своей сторонѣ администрацію, суды и школы, могли разными обманными способами и даже силой увлекать мирный народъ на путь сопротивленія правительству». «Напрасно агитація въ подкупленной ею заграничной прессѣ и въ подпольно распространенныхъ въ краѣ брошюрахъ и газетахъ старается убѣдить, что финскій народъ сознательно и единодушно слѣдуетъ политикѣ «пассивнаго сопротивленія»... Другой изъ русскихъ губернаторовъ сообщилъ въ 1902 г., что «масса финляндскаго населенія, издавна гордившаяся своею лояльностью, остается таковою же и теперь, а если и поддается вліянію агитаціи, то потому лишь, что вѣками пріучена повиноваться» мѣстной интеллигенціи. Третій русскій губернаторъ доносилъ: «Первые подготовительные шаги къ призыву показываютъ уже, что сопротивленіе закону о воинской повинности очень ослабѣло. Насколько измѣнилось настроеніе, въ особенности въ шведскихъ общинахъ, меня поражало. Вездѣ увѣрили меня, что всѣ новобранцы, находящіеся въ предѣлахъ края, явятся къ призыву и что шведская агитація противъ призыва потеряла всякую силу. Недавно одинъ изъ моихъ ленсмановъ встрѣтился съ однимъ шведомъ крестьяниномъ, бывшимъ сеймовымъ депутатомъ, и онъ передавалъ ленсману, что настроеніе крестьянъ даже въ шведскихъ приходахъ противъ агитаторовъ настолько враждебно, что если бы кто-нибудь изъ нихъ явился въ деревню, то его тамъ избили бы. Вообще сопротивленіе закону о воинской повинности среди простого народа, т. е. среди крестьянства, можно считать окончательно сломленнымъ. Среди шведской партіи пассивнаго сопротивленія господствуетъ уныніе и сознаніе, что дѣло ихъ почти проиграно. Это очень ясно выражается въ тонѣ подпольныхъ газетъ, которыя сѣтуютъ на апатію общества и вмѣстѣ съ тѣмъ по обыкновенію усиленно лгутъ и ругаются. Тѣмъ не менѣе оппозиція шведской партіи еще очень сильна и она особенно чувствуется въ городѣ N., гдѣ зажиточное купечество и частью судебное вѣдомство далеки еще отъ того, чтобы отказаться отъ сопротивленія».

Одинъ изъ финновъ, писавшій въ «Финляндской Газетѣ», сообщалъ: «Я лично вполнѣ увѣренъ и на основаніи многихъ извѣстныхъ фактовъ осмѣливаюсь утверждать, что миролюбивый и покорный финскій простой народъ, за самыми ничтожнѣйшими исключеніями, отнюдь не проявляетъ и не имѣетъ никакихъ поводовъ проявлять недовольство тѣми новыми реформами и узаконеніями, которыя вводятся въ послѣднее время... Онъ не протестовалъ и не протестуетъ противъ введенія, и если въ послѣднее время, къ сожалѣнію, были по мѣстамъ нѣкоторые безпорядки и случаи неповиновенія законной власти,—объ-

являемыя газетами и сотрудниками агитаціи, якобы, народнымъ недовольствомъ новыми реформами и протестомъ противъ введенія ихъ,— то эти печальныя явленія на самомъ дѣлѣ исходили вовсе не отъ народа и отнюдь не по его почину, а по наущенію темныхъ людей. возмутителей изъ привилегированныхъ сословій».

Такое отношеніе финскаго народа къ русской власти не согласовалось съ желаніями многихъ. На сеймѣ, созванномъ послѣ смерти Н. И. Бобрикова, раздались рѣзкіе протесты противъ всѣхъ его объединительныхъ мѣропріятій. Финляндская печать и нѣкоторыя русскія изданія желали видѣть въ рѣчахъ сеймовыхъ ораторовъ—истинный голосъ финскаго народа. Напрасный трудъ! Сеймъ до сихъ поръ никогда не былъ отраженіемъ воли населенія Финляндіи и не можетъ имъ быть по своему составу... Кромѣ того, спеціально о сеймѣ 1904 г. имѣется свидѣтельство одного изъ его членовъ, профессора Пальмéна. Во время засѣданія духовнаго сословія онъ заявилъ, что на сеймѣ орудовала таинственная группа. Рѣшенія вырабатывались внѣ сеймовыхъ комиссій и предлагались сословіямъ, какъ безусловное приказаніе къ исполненію. «Невѣдомый кружокъ, не имѣющій полномочія отъ земскихъ чиновъ и частью стоящій внѣ сейма, подготовлялъ дѣла и отдавалъ приказы», сказалъ ораторъ [457]). Вотъ, слѣдовательно, къ чему сводится система нынѣшняго финляндскаго представительства, и вотъ что хотятъ выдать за голосъ финскаго народа. Чтобы произнести то, что сказалъ баронъ Пальменъ надо быть вполнѣ увѣреннымъ въ правотѣ своихъ словъ.

Для уясненія истиннаго отношенія финскаго народа къ Россіи умѣстно напомнить еще интересные разговоры, записанные русскимъ публицистомъ, всегда симпатизировавшимъ финляндцамъ и ихъ порядкамъ, но стоявшимъ далеко отъ всякихъ теченій мѣстной политики. Объѣзжая Финляндію, ему случилось попасть въ маленькій городокъ въ центрѣ края и тамъ пасторъ - шведъ держалъ ему такую, примѣрно, рѣчь: «Моя обязанность заключается не въ одномъ только выполненіи духовныхъ требъ. Нѣтъ, на мнѣ лежитъ также долгъ воспитывать свою паству въ духѣ ея національнаго самосознанія. Что такое финнъ, простой, грубый финнъ? Это — мужикъ безъ собственной мысли и безъ убѣжденій. Ему все равно, кто облагородитъ его цивилизаціей: шведы или русскіе. Его идеалъ—быть сытымъ и имѣть про черный день нѣсколько марокъ. Ко всему остальному онъ относится совершенно равнодушно... Онъ по невѣжеству и прирожденной флегмѣ не хочетъ понять, кто его настоящій другъ и кто о немъ печется. Нужно много мужества и силъ для того, чтобы держать это мужичье въ рукахъ и направлять его на должный путь. Дайте ему волю, лишите его проповѣди пастора и онъ тотчасъ-же перейдетъ, не задумываясь, на сторону Россіи и за кусокъ матеріальнаго русскаго хлѣба про-

дастъ всѣхъ тѣхъ, кто сотни лѣтъ кормилъ и кормитъ его пищей духовной. Это еще благо, что финнъ лишенъ возможности пить такъ, какъ пьютъ у русскихъ. О, допусти только его разгорячить свой мозгъ такимъ возбудителемъ, какъ алкоголь, онъ открыто и упрямо начнетъ твердить, что въ Петербургской губерніи онъ чувствуетъ себя вольнѣе и свободнѣе, чѣмъ у себя на родинѣ... Вотъ почему я каждую свою проповѣдь начинаю святыми и мудрыми словами: «Не упивайтеся виномъ»... и кончаю изреченіемъ: «Блаженъ, кто не пьетъ вовсе: онъ вѣрный и истинный сынъ своей родины!»...

Слова пастора въ значительной мѣрѣ освѣщаютъ вопросъ духовнаго сближенія. Мысли пастора повторилъ русскому изслѣдователю интеллигентъ Финляндіи, сказавъ: «...Если-же, не дай Богъ, мужикъ-финнъ разберединтъ свою нервную систему, то онъ разсоритъ и тѣ немногіе идеалы, которые наслѣдовалъ отъ дѣдовъ и отцовъ, обезличится, забудетъ уроки исторіи и пожалуй начнетъ заимствоваться вашими русскими идеалами. Онъ не сообразитъ того, что русскій крестьянинъ—на половину варваръ и станетъ тянуться къ вамъ... Впрочемъ, онъ и теперь уже тянется... Нѣтъ, нашему народу пить нельзя»...

Вопросъ о воззрѣніяхъ финскаго народа на русскихъ такой важности, что охотно пополняемъ его эпизодомъ, описаннымъ на столбцахъ мѣстной газеты младо-финскаго направленія («Karjala» № 77, 1905 г., 2 апр.). «Разговариваютъ между собою, собравшіеся по случаю уплаты податей, яскисскіе крестьяне (Яскисъ—приходъ, прилегающій къ Иматрѣ). Разговоръ идетъ въ такомъ родѣ. «Что-то подѣлываютъ теперь на сеймѣ? Такъ много тамъ шумятъ изъ-за этихъ «законныхъ порядковъ»... Лучше было бы, если бы порядки оставались тѣ же, что и до настоящаго времени, потому что если вернуть прежніе законные порядки, то «эти господа-шведы опять покажутъ свою спесь». А теперь то какъ было хорошо съ нынѣшними господами!.. Лучше бы было, если бы эти времена держались; тогда бы арестовали этого сына доктора; вѣдь онъ «чертовъ-мошенникъ» опять рѣшился явиться сюда, чтобы возбуждать народъ... И тотъ Виртанекки! По моему, и онъ прежде былъ такимъ шведомъ, а теперь онъ сталъ лучше. Онъ былъ бы одинъ изъ лучшихъ учителей, если бы зналъ русскій языкъ и могъ бы учить русскому языку въ школѣ... И наши господа уже многіе стали хорошими—хотя еще не всѣ. Въ послѣднее время они стали въ такія хорошія отношенія съ русскими господами, которые по моему—въ десять разъ лучше нашихъ прежнихъ господъ. Не надѣлали бы имъ лишь хлопотъ эти «законные порядки»...

Финская газета, помѣщая характерный разговоръ крестьянъ, имѣла, очевидно, цѣлью показать, какъ мало еще они развиты въ политическомъ отношеніи, и какъ настоятельно необходимо принять мѣры къ

искорененію подобнаго непатріотическаго образа мыслей, способнаго одобрить мѣропріятія бобриковскаго времени. Людямъ же, стоящимъ на общегосударственной точкѣ зрѣнія и видящимъ благо въ политическомъ объединеніи Великаго Княжества съ Россіей, дается новый случай заглянуть въ глубь финскаго народнаго міровоззрѣнія.

Въ январѣ 1904 г. неожиданно вспыхнула японская война. Сенатъ въ телеграммѣ Государю Императору выразилъ вѣрноподданническія чувства края: «Сливаясь во едино съ истинно русскими людьми въ чувствѣ, Императорскій финляндскій сенатъ и все населеніе Великаго Княжества осмѣливаются повергнуть къ стопамъ Вашего Величества, предъ долготерпѣніемъ и миролюбіемъ Котораго должны преклоняться всѣ честные и благомыслящіе граждане, непоколебимую преданность и беззавѣтную любовь къ Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, и къ великой Россіи, честь и слава которой всѣмъ намъ, вѣрноподданнымъ Вашимъ, близки и дороги. Горячо молимъ Всевышняго о дарованіи Вамъ и державѣ Вашей побѣды надъ вѣроломнымъ и наглымъ противникомъ».

Военныя невзгоды Россіи вызвали въ Финляндіи живой откликъ братскаго сочувствія[458]): финны дѣлали пожертвованія на нужды войны, женщины вступали въ ряды сестеръ милосердія, не мало лицъ изъ мѣстнаго простонародія просилось въ составъ добровольческихъ партій, на театръ военныхъ дѣйствій отправленъ былъ хорошо оборудованный финляндскій лазаретъ.

Черезъ недѣлю послѣ первой патріотической манифестаціи сената, состоялась вторая. Сенатъ просилъ повергнуть къ стопамъ Монарха слѣдующее всеподданнѣйшее представленіе:

«Вседержавнѣйшій, Всемилостивѣйшій Государь Императоръ и Великій Князь! Въ настоящую годину испытаній, когда весь русскій народъ собирается вокругъ своего Возлюбленнаго Монарха, дабы вмѣстѣ съ Нимъ нести тяготы и облегчать послѣдствія войны, разразившейся вопреки волѣ Вашего Императорскаго Величества на Дальнемъ Востокѣ, сенатъ чувствуетъ глубокую и непреодолимую потребность явить также и со стороны Финляндіи хотя бы скромное доказательство сочувствія успѣхамъ русскаго оружія и желанія смягчить тяжелую участь потерпѣвшихъ на полѣ брани, какѣовыми чувствами искренно проникнуты всѣ слои населенія. Поэтому сенатъ осмѣливается всеподданнѣйше ходатайствовать о Всемилостивѣйшемъ Вашего Императорскаго Величества разрѣшеніи сенату отчислить въ Высочайшее Вашего Величества распоряженіе одинъ милліонъ изъ сбереженій финляндскихъ статныхъ суммъ. Сенатъ пребываетъ съ глубочайшимъ вѣрноподданическимъ благоговѣніемъ, преданностью и усердіемъ».

Въ подобныхъ явленіяхъ, несомнѣнно, сказывались признаки за-

лога братскаго единенія финновъ съ русскими, котораго добивается русская политика послѣднихъ лѣтъ. Въ эти минуты испытаній Россіи не унялись только крайніе и непримиримые. Удаленные изъ края «крамольники, руководимые своимъ королемъ», выразили сперва протестъ противъ телеграммъ сената, настаивая на томъ, что онѣ не являются истиннымъ отраженіемъ настроенія Финляндіи, а затѣмъ высказали свою надежду, что неудачный для Россіи исходъ войны въ состояніи будетъ «возвратить Финляндіи ея законныя права».

«Теперь шведоманы въ душѣ злорадствуютъ нашимъ неудачамъ, значится въ письмѣ Н. И. Бобрикова, но зато финны, съ сенатомъ во главѣ, идутъ на встрѣчу. Адресъ сената есть явленіе все-таки отрадное и многознаменательное... (3 февр. 1904 г.) «У насъ повсюду манифестаціи и, по примѣру сената, финны намъ явно сочувствуютъ. Конечно, я извлеку для Святой Руси пользу изъ современнаго единодушія и постараюсь закрѣпить связь на почвѣ Краснаго Креста. Было ли-бы все это, если-бы Мехелинъ съ К° не былъ удаленъ (8 февр. 1904 г.)

15 мая 1904 г. Н. И. Бобриковъ сообщилъ В. К. Плеве: «Не слова, а факты свидѣтельствуютъ о наступленіи въ Финляндіи болѣе мирнаго теченія жизни. Призывъ много лучше нормальнаго и созывъ сейма внѣ сомнѣнія. Финляндскій сенатъ, кропотливый въ работѣ, идетъ мнѣ во всемъ прочемъ на встрѣчу. Его преданность Государю и Россіи заявляется имъ уже открыто»...

Большимъ и труднымъ являлся еще вопросъ объ очередномъ сеймѣ 1904 г. Мнѣнія въ краѣ раздѣлились. Въ мартѣ 1903 г. при «Uusi Suometar» разослано было «Воззваніе», имѣвшее цѣлью повліять на населеніе, дабы оно исполнило воинскую повинность. Покорность населенія нужна была для полученія сейма 1904 г. А сеймъ желали для того, чтобы «финскій народъ совмѣстно съ Государемъ и Великимъ Княземъ «условились», какъ возвратиться къ нормальному положенію. Правительство увѣдомило, что сеймъ будетъ созванъ, при условіи возстановленія въ краѣ надлежащаго порядка и спокойствія. Генералъ-губернатору предписано было окончательно высказаться по этому дѣлу къ 10 іюня 1904 г.

Ключъ къ созыву земскихъ чиновъ переданъ былъ такимъ образомъ въ руки самого народа («Uusi Aura»). «Существованіе сейма—заявила газета «Wiipuri»—поставлено въ зависимость отъ поведенія самого народа, отъ его миролюбія и отъ успокоенія страстей».

Шведоманы и агитаторы остались недовольны такой постановкой вопроса о сеймѣ. «Мы хорошо знаемъ, что есть лица, не признающія болѣе никакого значенія за нашимъ сеймомъ» (читаемъ въ «Uusi Aura»). Шведоманы,—подававшіе свои мнѣнія при посредствѣ

«Göteborgs H. och. S. Tidning», — злобствовали и пытались представить все въ черномъ цвѣтѣ. «Конечно еще не сказано, что обѣщаніе (русскаго правительства) будетъ выполнено».

«Политики осторожности» не постыдятся поставить народное представительство въ полную зависимость отъ «генералъ-губернатора». «Генералъ-губернаторъ найдетъ удобный поводъ вмѣшаться въ дѣло; онъ удалитъ оппозиціонные элементы; онъ приложитъ всѣ усилія, чтобы совершенно лишить сеймъ его нынѣшняго значенія». «Отъ конституціи сенатъ уже фактически отказался»... Въ виду подобныхъ соображеній, корреспондентъ «Göteborgs H. och. S. Tidning» склонялся къ тому, что лучше было бы устроить нѣкоторый перерывъ въ народномъ представительствѣ Финляндіи [459]).

5 и 6 декабря 1903 г. въ Гельсингфорсѣ засѣдали сторонники старо-финномановъ. Собраніе ихъ приняло резолюцію, что созывъ сейма необходимъ ради правильнаго хода внутренней жизни края, а также «въ цѣляхъ возстановленія согласія между Государемъ и народомъ, путемъ изысканія способовъ, какъ обезпеченія внутренней самостоятельности края, такъ и удовлетворенія потребности въ государственномъ объединеніи» [460]).

Ничего подобнаго ранѣе въ Финляндіи не говорили.

Трезвые и спокойные голоса населенія были приняты во вниманіе Н. И. Бобриковымъ. Онъ видѣлъ, что мутитъ народъ кучка непримиримыхъ отщепенцевъ. Онъ полагалъ, что есть надежда наладить дѣло въ краѣ и водворить порядокъ путемъ сейма, почему не только подалъ свой голосъ за его созывъ (1904 г.), но началъ дѣлать нужныя приготовленія. Въ его бумагахъ отыскался даже набросокъ рѣчи для этого сейма.

Одно лицо, съ которымъ Н. И. Бобриковъ переписывался по вопросу о сеймѣ, сообщая свое мнѣніе, заявилъ, что созывъ земскихъ чиновъ Финляндіи имѣетъ и свои положительныя, и свои отрицательныя стороны. Тѣ и другія были подробно перечислены. Противъ созыва оказалось болѣе доводовъ. Корреспондентъ указалъ, что оппозиція вновь сплотится и оживетъ на сеймѣ, а агитаторы будутъ смѣлѣе дѣйствовать, что финляндцы по ихъ упорству ни на какія уступки не пойдутъ, что сеймы, начиная съ 1863 г. никогда не были благосклонны къ русскимъ правительственнымъ требованіямъ, а въ послѣднее десятилѣтіе проявили особенно много заносчивости и даже дерзости. Поведеніе земскихъ чиновъ 1899 г. было осуждено особымъ рескриптомъ (отъ 8 іюня 1899 г.). При такихъ условіяхъ, созывъ сейма 1904 г. можетъ явиться своего рода поощреніемъ прежней дѣятельности земскихъ чиновъ и показать, что правительство какъ бы примирилось съ вызывающимъ тономъ сеймовыхъ ораторовъ. Главари

смуты могутъ опять столковаться и захватить въ свои руки инищіативу новаго сопротивленія.

Рядъ этихъ доводовъ нисколько не поколебалъ генералъ-адъютанта Н. И. Бобрикова и онъ, вопреки имъ, склонился къ созыву сейма въ виду слѣдующихъ двухъ соображеній. Изъ всего описаннаго примирительнаго движенія Н. И. Бобриковъ дѣлалъ тотъ правильный выводъ, что «острый періодъ финляндской смуты пережитъ» и «признаки ослабѣвающей агитаціи на-лицо». Далѣе этого онъ не шелъ.

Всѣмъ приведеннымъ обстоятельствамъ надо дать надлежащую оцѣнку. Какъ бы ни смотрѣть на нихъ, на какихъ бы вѣсахъ ни взвѣшивать, они имѣютъ свое серьезное значеніе. Прежде всего они показываютъ, что огромное большинство спокойнаго населенія Финляндіи въ извѣстной мѣрѣ мирилось съ русскими государственными требованіями, понявъ ихъ неизбѣжность и справедливость. Большинство населенія сознало, что бобриковскій режимъ не грозитъ Финляндіи, ни ломкой ея учрежденій, ни обрусѣніемъ народа. Населеніе почувствовало, что Н. И. Бобриковъ не сходилъ съ почвы закона и не переступалъ указаній совѣсти. При всѣхъ усиліяхъ, агитаторы не въ состояніи были дать населенію примѣровъ несправедливости бобриковской системы. Будь иначе, народъ не успокоился бы, такъ какъ онъ ревнивъ къ своимъ интересамъ и чувство справедливости въ немъ глубоко заложено. Но въ томъ то и дѣло, что къ истиннымъ интересамъ Финляндіи русское правительство прикасалось на основаніи точной законности и строгой справедливости. Жало клеветы агитаторовъ поэтому притупилось и масса населенія осталась спокойной. Бушевали властолюбивые элементы. И вообще слѣдуетъ прибавить, что «между русскими и финляндцами никогда не было ни племенной, ни религіозной, ни иной розни; всѣ же недоразумѣнія послѣдняго времени исходили отъ людей, относящихся одинаково злобно, какъ къ русскому, такъ и финскому народу, и дѣйствующихъ такъ изъ личныхъ эгоистическихъ цѣлей» [461]).

Къ политикѣ Бобрикова стали нѣсколько примыкать старо-финноманы. Въ ихъ дѣйствіяхъ была, конечно, примѣшана очень значительная доза эгоистическихъ и личныхъ разсчетовъ, но тѣмъ не менѣе, ихъ заявленія и протесты противъ бойкота и подпольныхъ изданій, а также основной мотивъ ихъ съѣздовъ, конечно, имѣли своимъ источникомъ лучшія общечеловѣческія чувства: справедливость, желаніе мира и порядка, любовь къ родинѣ, уваженіе къ закону и почитаніе власти.

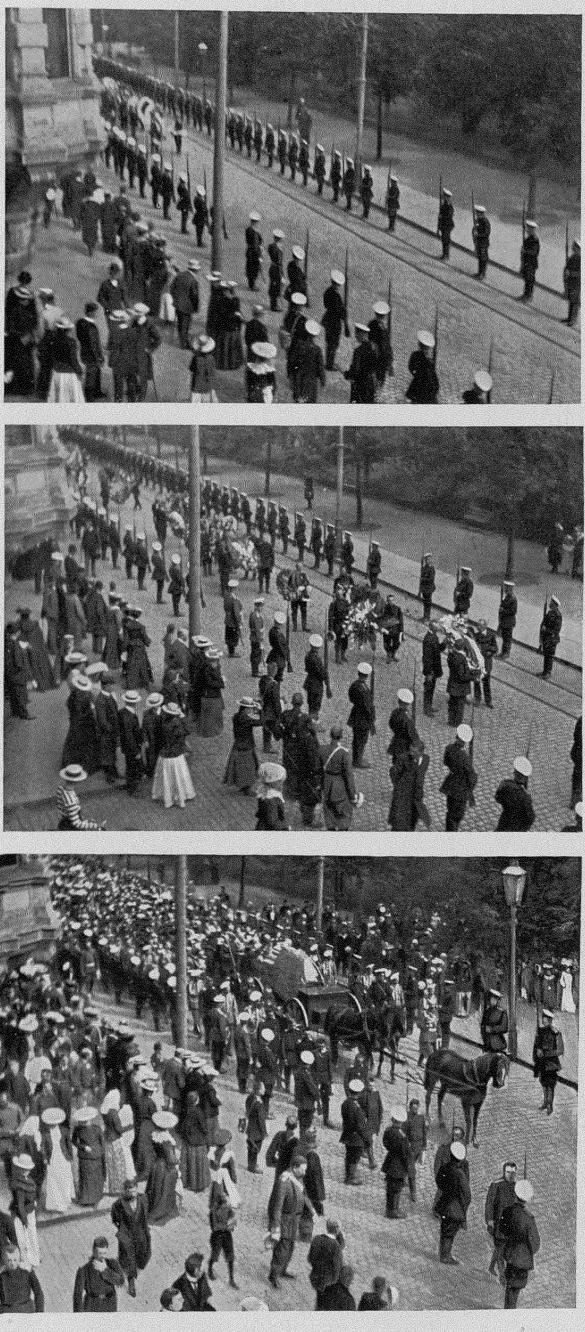
Давно уже указывалось, что было бы ошибкой полагать, что финноманы сочувствовали направленію объединительной политики и готовы были содѣйствовать ея успѣху. Нѣтъ. Для блага народа финноманы смирились передъ силою и въ то же время открыто признали извѣстныя требованія правительства основательными. Въ ихъ средѣ бродитъ созна-

ніе, что процвѣтаніе и счастье Финляндіи возможно только въ ея единеніи съ Россіей и потому они уменьшили и смягчили противодѣйствіе.

Излишне было пояснять Н. И. Бобрикову, что финноманы наши единомышленники лишь до извѣстныхъ предѣловъ и исключительно по нѣкоторымъ вопросамъ. Старофинноманы, или партія примиренія, не друзья намъ, они лишь «невольные союзники» [462]). Старофинская партія желала, чтобы призывъ былъ исполненъ «на этотъ разъ», дабы получить возможность созыва сейма. Исполненіе воинской повинности не означало собою признанія или законности новаго устава. Партія эта признавала отдѣльные параграфы устава о воинской повинности даже «гибельными для финскаго народа», подразумѣвая, напримѣръ, возможность назначенія финновъ въ русскія войска. Старофинская партія, вмѣстѣ съ другими, отрицала правомѣрность закона 3 февраля 1899 г. И. т. д. Финноманы лавировали до поры до времени, но не примирялись вполнѣ и окончательно съ проведеніемъ въ жизнь русскихъ объединительныхъ реформъ. Генералъ-губернаторъ былъ предупрежденъ письмомъ, что старофинноманы, съ сенатомъ во главѣ, стремились не къ введенію русскаго языка, а спекулировали только по замѣщенію должностей своими сторонниками. «Цѣна финской уступчивости мнѣ, конечно, достаточно извѣстна»,—какъ бы отвѣтилъ на это Н. И. Бобриковъ въ своемъ отчетѣ (21 февраля 1904 г.). Онъ зналъ и помнилъ, что финноманы, когда они укрѣпятся у власти, окажутъ русскому правительству такую же оппозицію, какъ оказывали шведоманы, и потому въ борьбѣ съ ними не упускалъ изъ виду главнѣйшаго—государственныхъ интересовъ Россіи и выдвигалъ ихъ на первый планъ. Уступка финномановъ, по его мнѣнію, не должна вызывать никакихъ существенныхъ уступокъ имъ съ русской стороны, т.-е. уступокъ, могущихъ отразиться на успѣхѣ осуществленія русской объединительной программы. «Всѣ партіи въ концѣ концовъ хотятъ съ насъ сорвать,—писалъ Николай Ивановичъ,—чего я не допущу, пока стою на стражѣ въ Финляндіи русскихъ интересовъ».

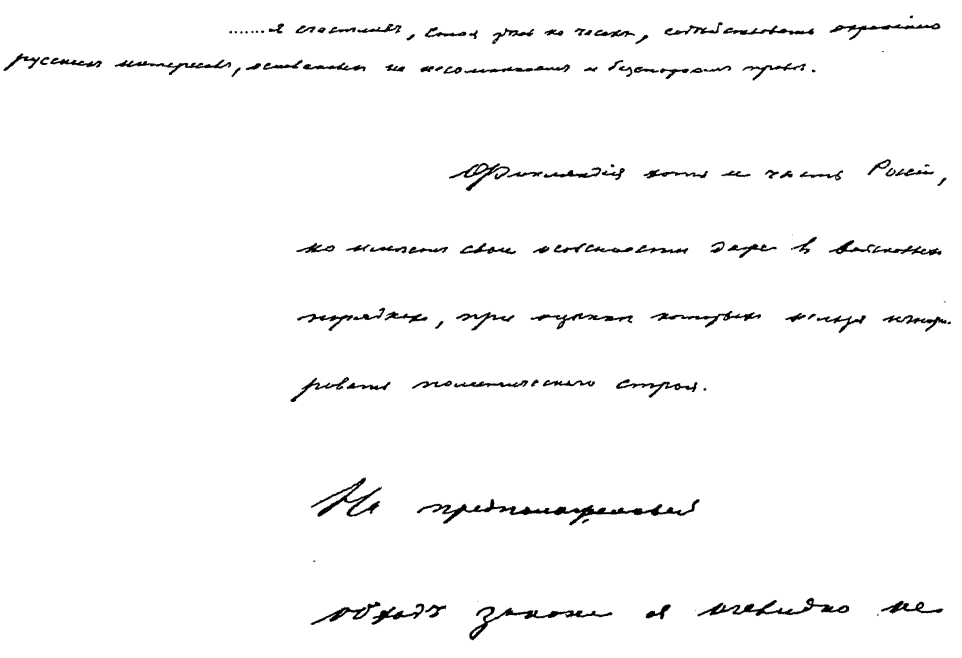
Въ письмѣ, адресованномъ одному близкому знакомому въ Петербургъ, генералъ-адъютантъ Бобриковъ, незадолго до своей трагической смерти, въ очень успокоительномъ тонѣ говорилъ о положеніи Финляндіи, подчеркивалъ свои добрыя отношенія къ сенату и вообще видно было, что онъ оставался совершенно чуждъ какой-либо тревоги за ввѣренный ему край.

Въ опасности, какъ оказалось, находилась только его собственная личность. Но самый выстрѣлъ, пресѣкшій его жизнь, не свидѣтельствуетъ ли также въ извѣстной мѣрѣ о томъ, что революціонные элементы теряли подъ собою почву и отчаявались добиться успѣха своихъ преступныхъ затѣй, путемъ увлеченія за собою массы населенія Финляндіи [463]).



Перевезеніе тѣла Н. И. Бобрикова въ Гельсингфорсѣ.

XV. Убійство генералъ-губернатора Н. И. Бобрикова.



Изъ писемъ Н. И. Бобрикова отъ 26 марта 1899 г. и 6 августа и 14 ноября 1901 г.

Генералъ-адъютантъ Н. И. Бобриковъ обладалъ качествами, необходимыми для того, чтобы занять постъ финляндскаго генералъ-губернатора. Онъ отличался широкимъ умомъ, прекрасной памятью, рѣдкимъ самообладаніемъ и чувствомъ законности. Ему свойственны были снисходительность и терпѣливость. Наконецъ, онъ проникнутъ былъ серьезностью и отвѣтственностью занимаемой высокой должности. Онъ выдвинулся, исключительно, благодаря своимъ рѣдкимъ способностямъ и рѣдкому трудолюбію. И тѣмъ не менѣе положеніе его въ Финляндіи оказалось исключительно тяжелымъ, а судьба трагической. «Не ду-

майте, писалъ онъ В. К. Плеве, чтобы мнѣ жить здѣсь (въ Гельсингфорсѣ) было пріятно; вѣрьте, съ удовольствіемъ перебрался бы въ Петербургъ не только на время, но и навсегда» (29 октября 1900 г.). «Конечно, у меня больше враговъ, чѣмъ друзей и потому я ожидаю всякихъ мерзостей»... (12 декабря 1901 г.).

Положеніе свое онъ признавалъ «крайне труднымъ» (9 мая 1903 г.). «Скорблю сердечно, что не удалось мнѣ попасть въ Кіевъ, гдѣ, конечно, я и моя семья чувствовали бы себя много лучше, чѣмъ въ Финляндіи» (22 сент. 1903 г.). Гельсингфорсъ превратился, по остроумному выраженію одного сановника, «въ осиное гнѣздо».

... «Предвижу,—сообщалъ Николай Ивановичъ въ мартѣ 1899 г.—осложненія въ личныхъ отношеніяхъ къ себѣ мѣстныхъ людей и не удивлюсь появленію и направленію противъ меня демонстрацій; но дѣйствуя по закону и по совѣсти неизмѣнно до конца, ни на іоту не измѣню разъ установленному направленію, твердо, но осторожно отстаивая дорогое намъ (русскимъ) правое дѣло. Заграничныя газеты уже переполняются извращенными изъ Финляндіи слухами и описаніями, въ которыхъ не послѣднюю роль играетъ и направленная противъ меня клевета. Я сталъ получать подметныя письма съ угрозами, но пока хладнокровно ихъ сжигаю... Храню самообладаніе и за зло стараюсь платить добромъ... Знаменательный законопроектъ (3 февраля 1899 г.) снялъ завѣсу съ финляндскихъ вожаковъ, готовившихъ святой Руси въ будущемъ серьезныя осложненія. Врагъ открытый не такъ страшенъ, какъ сокрытый»...

Мѣстная печать также много затрудняла положеніе генералъ-губернатора. «Что дѣлается въ статсъ-секретаріатѣ, — записалъ онъ въ мартѣ 1899 г. въ свой дневникъ, — то здѣсь (въ Финляндіи) быстро становится общеизвѣстнымъ, при томъ чѣмъ секретнѣе, тѣмъ скорѣе».. Та же исторія повторялась и въ Гельсингфорсѣ. «Стоитъ мнѣ подписать секретную бумагу, какъ она сенатскими чиновниками передается въ газеты, несмотря на то, что раскрытіе такимъ путемъ секрета воспрещено мѣстными законами... Приходится мнѣ много самому собственноручно писать дѣловыя бумаги, избѣгая содѣйствія въ томъ мѣстныхъ уроженцевъ. Конечно, это увеличиваетъ мой трудъ, но нечего дѣлать—иначе не буду здѣсь хозяиномъ»...

Н. И. Бобриковъ, проникнутый серьезностью возложенной на него политической задачи, работалъ, не щадя себя. Онъ изучилъ исторію края и зналъ, что на его долю выпала трудная обязанность прокладки новаго пути государственнаго единенія.

«Дѣйствуя крайне осмотрительно, безусловно законно,—читаемъ въ его дневникѣ,—считаю немыслимымъ отмѣнять разъ данныя приказанія, особенно подъ вліяніемъ угрозы, безъ какихъ-либо правди-

выхъ и крайне уважительныхъ причинъ. Служба въ войскахъ научила меня всей важности строго-точнаго исполненія разъ отданнаго распоряженія, безъ чего кредитъ начальника падаетъ, а здѣсь (въ Финляндіи) онъ нуженъ болѣе чѣмъ быть можетъ гдѣ-либо».

Зная, что въ Финляндіи наиболѣе пышно расцвѣло желаніе обособленности, а сознаніе необходимости единенія съ Россіей совершенно поблекло, легко понять, какая нужна была богатырская сила для выполненія возложенной на генералъ-губернатора задачи. У Николая Ивановича эта сила нашлась и онъ ея не пожалѣлъ. «Приходится переживать великую историческую минуту, — записалъ онъ 26 марта 1899 г. въ своемъ дневникѣ,—и я счастливъ, стоя здѣсь на часахъ, содѣйствовать охраненію русскихъ интересовъ, основанныхъ на несомнѣнномъ и безспорномъ правѣ». Чтобы отстоять часовымъ на столь отвѣтственномъ посту, нужно было имѣть много терпѣнія, выдержки и знанія. Нужныя качества онъ сталъ развивать въ себѣ рано. Уже 7 февраля 1900 г. онъ писалъ: «Приходится мнѣ запасаться все большимъ терпѣніемъ, дабы нашедшая на камень коса сама разломилась. Отъ своей системы ни на волосъ не отступлю». Въ другомъ письмѣ значится: «Переживаю тяжелое, но и интересное время. Ко всѣмъ явленіямъ мѣстной жизни отношусь все хладнокровнѣе и хладнокровнѣе... Приходится двигаться медленно и клевать зернышко за зернышкомъ» (24 января 1903 г.).

Все было финляндскими агитаторами организовано такъ, чтобы затруднить каждый шагъ начальника края, парализовать всякое его распоряженіе, портить его настроеніе и, если возможно, взять его подъ надзоръ земскихъ чиновъ. «Въ числѣ 180 петицій не мало относящихся къ области законовъ о печати. Вотъ по этому роду петицій предсѣдателю сеймовой комиссіи законовъ угодно было войти ко мнѣ съ представленіемъ о выдачѣ ему всѣхъ изданныхъ мною и главнымъ управленіемъ циркуляровъ, а также и справокъ о наложенныхъ на органы прессы взысканій (ссылка на § 40 сеймоваго устава 1869 г.). Было бы въ интересахъ государственнаго управленія неудобнымъ предоставлять сейму право какъ бы контроля за дѣйствіями генералъ-губернатора и вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣшательства въ управленіе страною» (15 марта 1900 г.). «Шесть губернаторовъ соблюдаютъ благопріятный сепаратистамъ нейтралитетъ, — сообщалъ онъ В. К. Плеве (11 мая 1902 г.),—и потому ничего не предпринимаютъ»... «Моя голова отвлечена крамолой»,—писалъ онъ своему знакомому (2 февраля 1903 г.). Подпольная и иностранная литература «способна дѣйствовать на нервы», признавался онъ въ письмѣ 12 іюня 1903 г.

Но этимъ перечень непріятностей, которыми преслѣдовали генералъ-губернатора, не оканчивается. Вокругъ него постоянно пѣнилась

и бушевала ожесточенная и неустанная борьба мѣстныхъ политическихъ партій, которая требовала напряженнаго вниманія начальника края, такъ какъ каждая изъ сторонъ желала вовлечь въ свои сѣти и планы представителя русской власти. «Шведоманы идутъ на все,—писалъ Николай Ивановичъ,—и открыто возмущаютъ народъ. Власти бездѣйствуютъ, а на сторонниковъ порядка прямо плюютъ» (16 декабря 1902 г.). Съ другой стороны, «на меня насѣдаетъ финская партія, предъявляя свои претензіи, особенно по введенію собратьевъ на должности высшаго разряда. Хотя и непріятно, но приходится давать отпоръ, предпочитая имъ честныхъ русскихъ тружениковъ (3 ноября 1903 г.). При такихъ условіяхъ нелегко, конечно, было работать и отстаивать свою позицію человѣку, болѣвшему за интересы Россіи.

Н. И. Бобриковъ сначала вполнѣ довѣрялъ ближайшимъ своимъ финляндскимъ сотрудникамъ и по ихъ рекомендаціямъ замѣщалъ вакантныя должности; но вскорѣ выяснилось, что рекомендовавшіе кандидатовъ вице-предсѣдатель судебнаго департамента, Седергольмъ, въ числѣ другихъ, демонстративно принялъ участіе въ обѣдѣ «въ честь неделикатныхъ иностранныхъ защитниковъ финляндской конституціи» (16 октября 1899 г.), а вице-президентъ хозяйственнаго департамента, К. Тудеръ, пытался вести за спиной Н. И. Бобрикова свою политику, далеко не всегда согласовавшуюся съ русскими интересами. Онъ сдѣлалъ, напримѣръ, попытку раздачи сенаторскихъ портфелей помимо Николая Ивановича; но политика К. Тудера была раскрыта. Онъ сталъ письменно сноситься съ министромъ статсъ-секретаремъ, не говоря о томъ генералъ-губернатору (20 іюля 1900 г.). Съ Седергольмомъ и Тудеромъ пришлось разстаться. «Тудеръ увѣряетъ, что рѣшился оставить службу подъ вліяніемъ болѣзни и газетной критики, но въ дѣйствительности онъ не доволенъ мною и отчасти вами (сообщалъ генералъ-губернаторъ министру статсъ-секретарю В. К. Плеве). Ему видимо хотѣлось играть ту роль, которую онъ игралъ прежде. Если бы я рѣшился уговаривать, даже совѣтовать, Карлъ Ивановичъ взялъ бы отставку обратно, но въ этомъ я былъ упорно нѣмъ... Удаленію Тудера всѣ партіи и даже русскіе люди рады. Откровенно говорю, я счастливъ отдѣлаться отъ него. Линдеръ идетъ бодро... Его здѣсь репутація безупречна (4 окт. 1899 г.). «Хотя онъ мнѣ лично Седергольмъ и симпатиченъ, но я желалъ бы отъ него отдѣлаться исключительно ради пользы русскаго дѣля (27 февраля 1900 г.). На В. К. Плеве Седергольмъ произвелъ также «прекрасное впечатлѣніе» (18 ноября 1899 г.), но его политическія воззрѣнія являлись крайними и потому министръ статсъ-секретарь склонился къ необходимости замѣстить его въ сенатѣ другимъ лицомъ.

Николай Ивановичъ тѣмъ не менѣе продолжалъ выставлять кандидатами финляндцевъ «на службу краю». Скоро истинное направленіе новаго финляндца обыкновенно обозначалось и его приходилось удалять. «Конечно, X. и Z. будутъ меня ругать на всѣхъ перекресткахъ, но я жертвую собою ради пользы службы» (1 ноября 1899 г.). Одно разочарованіе быстро слѣдовало за другимъ. «Никогда не ожидалъ, чтобы мнѣ приходилось гнать своего стараго сослуживца, съ которымъ личныя отношенія были въ сущности безупречны. Интересы службы и пользу дѣла ставлю выше даже дружбы»...—писалъ Н. И. Бобриковъ министру статсъ-секретарю (отъ 4 ноября 1899 г.). Николай Ивановичъ рисковалъ иногда брать въ Финляндію на службу даже и такихъ, о которыхъ ему товарищи говорили, что онъ «финскій фанатикъ» (6 ноября 1899 г.).

Уроки не пропали, конечно, даромъ и впослѣдствіи онъ былъ осторожнѣе. «Не могу же я въ самомъ дѣлѣ представлять въ губернаторы человѣка, отказывающагося въ заявленіи мнѣ солидарности въ политическихъ воззрѣніяхъ на современное положеніе края» (4 февраля 1900 г.). «Всѣ мѣстные люди до того заражены сепаратизмомъ, что необходимо имъ предпочитать служащихъ внѣ края» (февраль 1900 г.). «Сердце меня тянетъ къ русскимъ людямъ, а умъ подсказываетъ терпѣніе и осторожность, хотя нельзя же въ самомъ дѣлѣ русскимъ людямъ въ Финляндіи считаться иностранцами?» (февраль 1900 г.). «Финны стоятъ ближе къ народу и не столь озлобленны» и потому Н. И. Бобриковъ охотнѣе вводилъ ихъ въ управленіе (17 марта 1902 г.).

Силою обстоятельствъ пришлось думать о привлеченіи на финляндскую службу русскихъ людей. Первый выборъ Н. И. Бобрикова остановился на кандидатѣ, который зналъ шведскій языкъ и мѣстное законодательство, да кромѣ того давно занимался финляндскими дѣлами. Едва слухъ о намѣченномъ лицѣ дошелъ до мѣстныхъ редакцій, какъ газеты дружно забили тревогу. Печать представила намѣченнаго кандидата сѣятелемъ «вражды и раздора между двумя народами, согласно живущими подъ скипетромъ единаго Монарха». Не желая причинять непріятности финляндцамъ новымъ назначеніемъ, генералъ-губернаторъ уступилъ. Но та же исторія стала повторяться при каждомъ новомъ избраніи. По оцѣнкѣ финляндцевъ, никто изъ русскихъ не удовлетворялъ ихъ требованіямъ. Даже юристъ съ такой широкой государственной подготовкой, какъ В. К. Плеве и тотъ оказался забракованнымъ. При дальнѣйшихъ назначеніяхъ, аттестаціями и тревогами финляндцевъ стали поэтому пренебрегать, такъ какъ односторонность и пристрастность ихъ вскорѣ сдѣлались очевидны.

По прошествіи нѣкотораго времени Николай Ивановичъ хотѣлъ

назначить одного русскаго чиновника сенаторомъ. «О новыхъ назначеніяхъ я войду на-дняхъ и очень прошу строже отнестись къ моему выбору Z., въ смыслѣ согласованія сего назначенія съ требованіемъ закона... Вмѣстѣ съ тѣмъ, не хотѣлъ бы рѣзко нарушить обычай», писалъ онъ къ В. К. Плеве (4 октября 1899 г.). Но пока велась переписка и обдумывался новый шагъ, настроеніе сената стало спокойнѣе и генералъ-губернаторъ не настаивалъ болѣе на назначеніи русскаго. Вполнѣ же, какъ показалъ ходъ дѣла, нельзя было обойтись безъ русскихъ сотрудниковъ.

Послѣ назначенія помощника генералъ-губернатора и командующаго войсками генералъ-лейтенанта С. О. Гончарова въ военный совѣтъ, на эту должность былъ избранъ генералъ-лейтенантъ Николай Николаевичъ Шиповъ. Онъ состоялъ въ распоряженіи Его Императорскаго Высочества, главнокомандующаго войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа (род. 1846 г.). Происходитъ изъ дворянъ Московской губ. Воспитанникъ Императорскаго Александровскаго лицея. Командовалъ Кавалергардскимъ Ея Величества полкомъ, состоялъ военнымъ губернаторомъ Уральской области, командовалъ 1-й гвардейской кавалерійской дивизіей. Женатъ на фрейлинѣ Ея Императорскаго Величества Софьѣ Петровнѣ Ланской. Онъ ознакомился съ финляндскимъ вопросомъ, оцѣнилъ его, какъ человѣкъ русскій, съ точки зрѣнія общеимперскихъ интересовъ и затѣмъ уже своими мнѣніями не поступался ни во дворцѣ, ни въ высшихъ салонахъ Петербурга, ни передъ иностранными корреспондентами. Въ Финляндіи онъ видѣлъ баловня (enfant gâté) русскаго правительства. «Всякій иностранецъ-путешественникъ, утверждалъ онъ, не можетъ по совѣсти сказать, чтобы народъ этотъ въ какомъ-либо отношеніи притѣсняли». Всякій иностранецъ (говорилъ онъ датскому корреспонденту) въ Россіи принимается радушно и даже путь къ Его Величеству не длиненъ, но странно имъ претендовать на пріемъ, когда они пріѣзжаютъ учить Его въ собственномъ Его домѣ, какъ депутація Траріе—Норденшельда. Какъ предсѣдатель совѣщанія по дѣламъ печати, генералъ Н. Н. Шиповъ находилъ, что финляндскія газеты оказывали родинѣ плохую услугу, возбуждая непріязнь общества къ Россіи и къ русскимъ [464]). Этихъ воззрѣній было достаточно, чтобы онъ лишился симпатіи финляндцевъ. Н. Н. Шиповъ, какъ человѣкъ изысканной деликатности, ровный и мягкій, настолько разстроилъ свое здоровье за два года пребыванія въ Финляндіи, что вынужденъ былъ просить о предоставленіи ему другого назначенія.

Въ званіи помощника генералъ-губернатора его замѣстилъ старшій предсѣдатель С.-Петербургской судебной палаты дѣйствительный статскій совѣтникъ Владиміръ Ѳедоровичъ Дейтрихъ (род. въ 1850 г.,

происходитъ изъ дворянъ Полтавской губ.). По окончаніи Петербургскаго университета быстро сдѣлалъ свою карьеру въ министерствѣ юстиціи, при чемъ состоялъ ближайшимъ помощникомъ В. К. Плеве, при разслѣдованіи дѣла 1-го марта. На финляндскій вопросъ смотритъ также съ русской точки зрѣнія, почему особаго расположенія мѣстныхъ дѣятелей не заслужилъ и 6-го іюля 1905 г. на его жизнь было сдѣлано покушеніе. Брошенной бомбой ему причинили нѣсколько серьезныхъ ранъ.

На должность помощника командующаго войсками, послѣ Н. Н. Шипова, былъ назначенъ генералъ Н. М. Турбинъ.

Изъ русскихъ людей во время управленія Н. И. Бобрикова заняли должности губернаторовъ: генералъ-маіоръ М. Н. Кайгородовъ—Нюландскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Н. А. Мясоѣдовъ—Выборгскаго, надворный совѣтникъ Ѳ. М. Книповичъ—Вазаскаго, генералъ-маіоръ А. А. Ватаци—С.-Михельскаго и дѣйствительный статскій совѣтникъ А. А. Папковъ—Тавастгускаго. Должность директора канцеляріи генералъ-губернатора была ввѣрена полковнику генеральнаго штаба Ф. А. Зейну. На должности ландссекретарей въ пяти губерніяхъ и начальниковъ отдѣленій въ канцеляріи генералъ-губернатора были назначены уроженцы Имперіи. Мѣста нѣсколькихъ окружныхъ воинскихъ начальниковъ, полицейскихъ должностей и т. п. были также предоставлены русскимъ. Ко всѣмъ имъ Н. И. Бобриковъ отнесся съ отеческимъ попеченіемъ, помогая при первыхъ шагахъ на новомъ трудномъ поприщѣ. «Вы первый изъ кровныхъ русскихъ попадаете въ финляндскіе губернаторы, — писалъ онъ М. Н. Кайгородову,—и надѣюсь будете піонеромъ за честь и славу Россіи» (22 февраля 1901 г.). «Необходимо съ терпѣніемъ переносить всѣ мелкіе и крупные уколы» (9 іюля 1901 г.). «Тактъ и благоразуміе требуютъ осторожности и терпѣнія. Обратите вниманіе, что и я, обращаясь къ губернаторамъ по употребленію русскаго языка, не считалъ возможнымъ принуждать, а лишь просилъ содѣйствія... Нужно время для соотвѣтственнаго измѣненія закона» (23 іюля 1901 г.).

Въ выборѣ лицъ Н. И. Бобриковъ не всегда оказывался одинаково счастливъ, но преисполненъ онъ былъ самыхъ лучшихъ намѣреній. «Вѣдь онъ вялъ,—писалъ онъ объ одномъ кандидатѣ,—а современное положеніе Финляндіи требуетъ людей не только умныхъ и хорошихъ, но и энергичныхъ и смѣлыхъ» (18 августа 1901 г.). «Много ли у меня сотрудниковъ,—писалъ онъ въ первое время своего пребыванія въ краѣ (14 сент. 1899 г.), — способныхъ генералъ-губернатору дать возможность дѣйствовать энергично и съ подобающимъ успѣхомъ?»...

Уроженцы Россіи, занявшіе отвѣтственныя должности въ Фин-

ляндіи, должны были обладать твердою волею, крѣпкими нервами и, чтобы быть полезными дѣлу, проявить испытанную любовь и преданность русскому дѣлу. Ихъ положеніе было тяжелое. Въ сношеніяхъ, не говоря уже о столкновеніяхъ, съ финляндцами, они обречены были переносить косые, а подчасъ и озлобленные, взгляды, видѣть въ нихъ въ большинствѣ случаевъ противниковъ и антагонистовъ. Всѣ окружающіе ловили въ ихъ дѣйствіяхъ малѣйшіе промахи, чтобы предать гласности. Радикальная русская печать открыла свои страницы финляндцамъ, которые пытались ославить нашихъ піонеровъ-администраторовъ. Когда и это не сломило твердости нѣкоторыхъ изъ нихъ, то революціонеры взялись за револьверы и бомбы.

Самъ Н. И. Бобриковъ весь отдался финляндскому дѣлу; со дня назначенія генералъ-губернаторомъ и до часа кончины его занимали только заботы о ввѣренномъ ему краѣ. О немъ онъ непрестанно думалъ и говорилъ: «съ мыслію о немъ пилъ и ѣлъ, ложился и вставалъ». Вездѣ и всегда мысль его занята была Финляндіей. Роднымъ было трудно уловить время для переговоровъ съ нимъ о своихъ семейныхъ дѣлахъ.

Работоспособность Николая Ивановича поражала всѣхъ. Онъ отдыхалъ во время обѣда и краткаго послѣобѣденнаго сна. Даже на дневную обычную прогулку онъ бралъ нерѣдко пріѣзжаго начальника и гуляя выслушивалъ его докладъ. Его двери для всѣхъ были широко раскрыты. Никого не задерживалъ, зная цѣну времени. Обладалъ поразительной памятью и удивлялъ предусмотрительностью. «Рѣдко кто изъ нашихъ государственныхъ людей посвящалъ столько труда и усидчивости на подготовку къ предстоящей ему дѣятельности, какъ Н. И. Бобриковъ». Рѣдко кто съ такой любовью исполнялъ свои обязанности и съ такой искренностію желалъ взаимной пользы, какъ онъ. Любовь къ труду и преданность къ родинѣ дѣлала его неутомимымъ. Найти другой примѣръ столь напряженной и плодотворной дѣятельности не легко. Онъ былъ «первымъ труженикомъ среди тружениковъ». Изъ его головы исходила вся идейная сторона дѣла; онъ давалъ всему тонъ. Въ одномъ изъ писемъ къ Николаю Ивановичу его доброжелатель сѣтовалъ: «Боюсь, что вы слишкомъ много работаете, слишкомъ много собственноручно пишете. Боюсь вашего одиночества... Вы въ осадномъ положеніи»... (12 марта 1899 г.).

Изъ генералъ-губернаторовъ послѣдняго времени Н. И. Бобриковъ болѣе всего напоминалъ своими дѣйствіями І. В. Гурко: та же программа, та же опредѣленность и ясность въ требованіяхъ, та же работа съ утра до вечера. Принимая служащихъ одного вѣдомства, генералъ-адъютантъ І. В. Гурко сказалъ: «Дѣло здѣсь идетъ не о томъ, чтобы сдѣлать поляковъ русскими. Правительство не имѣетъ въ виду

подобной цѣли. Но за то съ особенной настойчивостью должно быть развиваемо и укрѣпляемо въ юношахъ убѣжденіе, что они русскіе граждане, подданные русскаго государства и останутся таковыми навѣки». Та же мысль проводилась генералъ-адъютантомъ Бобриковымъ въ его вступительной рѣчи, въ его отчетахъ, въ его бесѣдахъ. Но тутъ не было ни заимствованія, ни подражанія. Подобныя воззрѣнія вытекали сами собой изъ изученія дѣла, изъ трезвой, спокойной и естественной оцѣнки нашихъ окраинскихъ вопросовъ. Какъ Гурко въ Варшавѣ, такъ и Бобриковъ въ Гельсингфорсѣ сразу дали всему опредѣленное направленіе. При Гурко поляки, и при Бобриковѣ финляндцы знали, чего отъ нихъ желали и къ чему вела русская политика.

Добросовѣстное отношеніе къ служебнымъ обязанностямъ сказывается во всемъ. Н. И. Бобриковъ не повинность отбывалъ, а душу вкладывалъ въ дѣло. Для этого достаточно заглянуть въ его частную корреспонденцію. Она очень обширна и приходится удивляться, какъ онъ справлялся съ нею и находилъ для всего время. Въ письмахъ имѣются слѣдующія указанія: «Дѣла меня просто замучили и уже третій день сижу въ кабинетѣ съ докладчиками по десяти часовъ» (4 октября 1899 г.). «До того усталъ, что едва пишу» (24 мая 1900 г.). «Рябитъ въ глазахъ отъ многописанія» (17 іюня 1900 г.). «Здѣсь заботъ масса и нельзя оставить окраины» (30 ноября 1902 г.). «Работѣ не вижу и конца... Отпускъ уже въ карманѣ, а воспользоваться имъ не дозволяютъ крамольники»... (14 мая 1903 г.). «Хотѣлъ бы подышать Ульяновскимъ воздухомъ, но опасаюсь оставить край» (5 апр. 1904 г.). Когда же, наконецъ, онъ подымался въ свое лѣтнее убѣжище, то въ приказахъ значилось о присылкѣ къ нему важнѣйшихъ бумагъ. «...А затѣмъ въ деревню,—сообщалъ онъ знакомому,—но... безъ сдачи дѣлъ» (23 мая 1903 г.). Какой же это отдыхъ! «Пріѣхалъ въ деревню совершенно измученный и радъ отдохнуть» (19 іюля 1899 г.).

Эти короткія строки показываютъ, въ какомъ пеклѣ онъ находился. Дважды въ недѣлю новгородская почта доставляла въ Ульяновку пакеты съ важнѣйшими дѣлами. Отвѣта долго не приходилось ожидать. Въ его рабочемъ кабинетѣ бумаги не затеривались и не залеживались. Все велось и направлялось единой рукой и каждый изъ подчиненныхъ зналъ это.

Н. И. Бобриковъ дѣйствовалъ открыто. Своей программы не скрывалъ, своихъ воззрѣній не маскировалъ. Монарху онъ не только докладывалъ, онъ исповѣдывался передъ Нимъ и не разъ ходилъ къ Нему съ повинной. Конспекты личныхъ всеподданнѣйшихъ докладовъ сохранились. Всѣ аудіенціи, коихъ онъ удостоился, описаны въ его дневникѣ. Конспекты и дневникъ одинаково свидѣтельствуютъ, что Верховному Повелителю Россіи генералъ-губернаторъ докладывалъ

все, не исключая своихъ ошибокъ, жалобъ на него и злѣйшей критики западной печати. Передъ Царемъ онъ исчерпывалъ дѣло до дна. Скрывать ему нечего было, ибо онъ творилъ свое дѣло по совѣсти и искреннему убѣжденію. — Въ періодъ польской смуты, одинъ изъ русскихъ сановниковъ, желая показать, что и ему извѣстно о существованіи партіи съ разрушительными стремленіями, собирался сдѣлать объ этомъ личный докладъ Императору Александру II. Государь его остановилъ и сказалъ. «Никто подробнѣе и точнѣе Меня не знаетъ этого». Тоже самое можно повторить про финляндскія дѣла за время управленія Н. И. Бобрикова.

«Въ Финляндіи дѣла требуютъ всегда тщательнаго изученія и особой осторожности», читаемъ въ письмѣ къ В. К. Плеве (24 августа 1899 г.). «Финляндія хотя и часть Россіи, но имѣетъ свои особенности даже въ войсковыхъ порядкахъ, при оцѣнкѣ которыхъ нельзя игнорировать политическаго строя. Я привыкъ дѣйствовать осторожно вообще, а здѣсь приходится еще строже примѣнять къ дѣлу мудрую пословицу: «десять разъ примѣрь и одинъ разъ отрѣжь» (14 ноября 1901 г.). Такъ онъ и дѣлалъ.

«Лицепріятія судовъ и недостаточная преданность финскихъ войскъ—такія серьезныя обвиненія, которыя требуютъ болѣе основательныхъ и безупречныхъ фактическихъ основаній, чѣмъ это можемъ мы теперь представить», сообщалъ онъ В. К. Плеве (20 апрѣля 1900 г.). «На предположенный Р. обходъ закона я, очевидно, не согласенъ», отвѣтилъ онъ на представленную финляндцемъ комбинацію, которая не согласовалась съ мѣстнымъ постановленіемъ.

Въ своихъ отношеніяхъ къ финляндцамъ Н. И. Бобриковъ желалъ сохранить полную деликатность и не прикасаться безъ особой надобности къ національному ихъ самолюбію, или ошибочно не сдѣлать о нихъ неправильнаго заключенія. «При случаѣ, передайте мою просьбу (редактору) В. В. не печатать въ газетѣ о существованіи въ Гельсингфорсѣ народнаго ржонда... Кричать о ржондѣ неполитично... Онъ существуетъ несомнѣнно .. и я стараюсь о постепенномъ ограниченіи его вреднаго вліянія, что и достаточно» (13 февр. 1902). «Я далекъ,—читаемъ въ его дневникѣ (24 марта 1899 г.)—отъ непростительнаго и даже глупаго дразненія финляндцевъ пустяками»... «Дразнить было бы не только грѣшно, но просто глупо», значится въ его письмѣ (16 марта 1901 г.). «Старайтесь въ мѣрѣ силъ къ умиротворенію страстей и общему умиротворенію» (30 іюня 1900 г.), просилъ онъ своего помощника Н. Н. Шипова.

Обстоятельства нерѣдко вынуждали Н. И. Бобрикова на рядъ мѣропріятій, кои могутъ показаться нежелательными, даже мелочными. Онъ призналъ необходимымъ ограничить право сходокъ, обра-

тить вниманіе на вывѣски, покрой одежды у извозчиковъ, преслѣдовать траурныя марки и т. п. Конечно, лучше было бы избѣжать административныхъ распоряженій по перечисленнымъ предметамъ. Но надо знать Финляндію и помнить условія, среди которыхъ приходилось дѣйствовать русскому генералъ-губернатору. Сходками явно злоупотребляли: собирались яко-бы на праздники музыки и пѣнія, а въ сущности съ каѳедры лилась политическая пропаганда. Частныя общества превратились въ политическіе клубы. Траурными марками выражался протестъ русскому почтовому закону. И такъ далѣе. Въ жизни Финляндіи, гдѣ все охвачено было политикой, не было мелочей и всему придавалось значеніе.

Н. И. Бобриковъ проявлялъ во всемъ большую снисходительность. Онъ терпѣливо предостерегалъ газеты отъ увлеченія борьбой; первыя демонстраціи онъ оставилъ безъ всякихъ взысканій; выходки противъ своей личности онъ никогда не каралъ и т. д. Эта снисходительность и мягкость граничили со слабостію. Если бы онъ на свою отвѣтственность приказалъ закрыть первую гостинницу, грубо бойкотировавшую русскихъ, если бы онъ велѣлъ разогнать первыхъ демонстрантовъ, явившихся толпой къ памятнику Императора Александра II съ вѣнками и пѣніемъ—результатъ, вѣроятно, получился бы иной. Творцы безпорядка долго оставались безъ воздѣйствія сильной руки. Онъ точно стѣснялся наказать безцеремонныхъ или причинить непріятность уличнымъ демонстрантамъ, безъ соблюденія всей формы юридической деликатности. Въ подобныхъ случаяхъ онъ довелъ принципъ законности до крайности и вслѣдствіе того направилъ его противъ себя и въ прямой ущербъ дѣлу. Н. И. Бобриковъ надѣялся, что финляндцы оцѣнятъ его терпѣніе и голосъ благоразумія скорѣе заговоритъ въ нихъ. Вышло, къ сожалѣнію, наоборотъ: снисходительность и терпѣніе они приняли за слабость и боязнь.

Въ другой области борьбы, въ области правовой и юридической, финляндцы не были пріучены къ тому, чтобы видѣть въ русскомъ государственномъ человѣкѣ серьезнаго знатока финляндскаго вопроса. Кромѣ того, они подмѣтили извѣстную дряблость русскаго характера и много разъ видѣли непослѣдовательность нашей окраинской политики. Это неизбѣжно вело къ охлажденію ихъ отношеній къ Россіи и къ утратѣ уваженія къ ея представителямъ въ Великомъ Княжествѣ. Но Н. И. Бобриковъ не подошелъ подъ прежнюю общую мѣрку. Онъ пріѣхалъ въ край во всеоружіи широкаго знанія «финляндскаго вопроса». Упорство финляндцевъ встрѣтилось на этотъ разъ со стойкостію, послѣдовательностію, знаніемъ и «закаломъ» Бобрикова.

Въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 17 іюня 1904 г. сказано, что онъ «съ разумною твердостью исполнялъ» «возложенный на него

долгъ» и тѣмъ стяжалъ себѣ «почетное имя въ лѣтописяхъ утвержденія русской государственности на сѣверной окраинѣ». Это, конечно, безспорно.

Долго еще лица, желающія послужить дѣлу единенія этой окраины съ Россіей, должны будутъ во многомъ идти по его стопамъ, ибо финляндцы не скоро будутъ настроены такъ, чтобы стали сами содѣйствовать духовному и государственному сближенію ихъ родины съ Россіей. Когда замѣстители генералъ-адъютанта Бобрикова приступятъ къ фактическому осуществленію Высочайшихъ повелѣній—вести Финляндію къ тѣснѣйшему объединенію съ Россіей—то они вынуждены будутъ вспомнить о русской программѣ Николая Ивановича, такъ какъ программы финляндскихъ политическихъ партій къ единенію не ведутъ. Ихъ стремленія иныя. Пока финляндскіе генералъ-губернаторы будутъ руководиться исключительно желаніями сената, сейма и мѣстныхъ дѣятелей, Финляндія и Россія другъ другу братски руки не протянутъ. Это показала исторія истекшаго столѣтія. Программа Н. И. Бобрикова имѣетъ подъ собой историческое основаніе. Его начинанія имѣли глубокій смыслъ. Для достиженія духовнаго единенія и нравственной связи онъ работалъ надъ водвореніемъ государственнаго языка въ высшей администраціи и высшей школѣ, стремился къ поднятію русскихъ школъ, къ учрежденію новыхъ каѳедръ русской исторіи, русскаго права и государственности... Та-же цѣль преслѣдовалась пересмотромъ учебниковъ, пособій и книгъ для чтенія. Николай Ивановичъ понималъ, что всѣ административныя завоеванія въ Финляндіи будутъ снесены, какъ волной, мѣстной школой и печатью, если онѣ не сдѣлаются благопріятными для Россіи и не насадятъ новаго невраждебнаго намъ міровоззрѣнія. Онъ понималъ, что безъ взаимнаго довѣрія ни жить, ни работать въ Финляндіи нельзя. Онъ зналъ, что одними внѣшними мѣропріятіями сплоченія достигнуть невозможно и потому при подходящихъ обстоятельствахъ закладывалъ основы иной, болѣе прочной духовно-нравственной связи. И какъ онъ радовался, когда замѣчалъ малѣйшіе всходы на этой духовной нивѣ! Въ маѣ 1903 г. къ Н. И. Бобрикову явились вице-предсѣдатель сената съ просьбою повергнуть передъ Государемъ Императоромъ всеподданнѣйшее поздравленіе, по случаю высокоторжественнаго дня рожденія Его Величества. Редакція телеграммы была единодушно одобрена общимъ собраніемъ и вице-канцлеромъ университета, «а потому,—писалъ Н. И. Бобриковъ къ В. К. Плеве—и не могу не усмотрѣть въ ней добраго залога къ улучшенію финляндской неурядицы».

Далѣе въ томъ-же письмѣ значится: «Высылка производитъ свое впечатлѣніе и честные финляндцы подняли свои головы.... Если удастся очистить атмосферу, то очень можетъ быть удастся и не от-

мѣнять сейма 1904 г., который, къ общей радости финляндцевъ всѣхъ разрядовъ, можно будетъ созвать въ томъ-же году осенью. Былъ-бы счастливъ наступленію момента, когда-бы я могъ, по совѣсти, просить у Государя для Финляндіи милости и снисхожденія» (2 мая 1903 г.). Ему «всѣмъ сердцемъ»,—какъ читаемъ въ его дневникѣ,—хотѣлось «мирнаго закрѣпленія за Россіей ея Финляндской окраины». И общее положеніе дѣла въ краѣ приводило его къ тому глубокому убѣжденію, что «мирное завоеваніе» Финляндіи вполнѣ возможно, при «постепенномъ и твердомъ» проведеніи намѣченныхъ съ высоты Престола предначертаній». «Твердо, терпѣливо и настойчиво»,—повторяетъ онъ. «Съ Божьей помощію надѣюсь дѣло постепенно пойдетъ, согласно преподанныхъ мнѣ Высочайшихъ указаній»... «Поистинѣ тяжелое время... Искренно сознаю, что кромѣ намѣченнаго, по волѣ Государя, нѣтъ къ побѣдѣ иного пути», дѣлился онъ своими заключеніями съ министромъ статсъ-секретаремъ (14 ноября 1901 г.). «Современная картина приводитъ меня къ убѣжденію, что поворотъ политики въ сторону уступокъ и подачекъ приведетъ только къ катастрофѣ. Я отстаиваю всѣми способами старый курсъ, которому доселѣ слѣдовалъ во исполненіе Монаршей воли, объявленной мнѣ неоднократно лично и въ письменныхъ актахъ» (17 марта и 11 мая 1902 г.).

Н. И. Бобриковъ не любви финновъ добивался. Онъ, какъ І. В. Гурко, понималъ, что любовь поляковъ и финновъ дѣло сердца. Но онъ желалъ заслужить уваженіе и требовалъ отъ нихъ исполненія закона и воли Государя.

Н. И. Бобриковъ, очевидно, слѣдовалъ по вѣрному пути къ намѣченной цѣли, такъ какъ Финляндія близка была къ замиренію. Агитаторамъ не удалось серьезно поднять народъ противъ русской системы управленія краемъ. Населеніе, а также благомыслящіе и спокойные финноманы стали мириться съ естественными, неизбѣжными и справедливыми русскими государственными требованіями. Ходъ послѣдняго призыва показалъ, что народъ не желалъ болѣе быть орудіемъ «пассивнаго сопротивленія». Перемѣна въ общемъ настроеніи общества была для всѣхъ очевидна. Надъ дѣломъ умиротворенія работали уже финскія руки. Этихъ обстоятельствъ (перечень, которыхъ приведенъ на стр. 388 и послѣд.) нельзя забывать и игнорировать, такъ какъ они свидѣтельствуютъ о наступленіи кануна прекращенія тяжелыхъ для обѣихъ сторонъ недоразумѣній.

Но замиренія, при условіи принятія извѣстныхъ объединительныхъ мѣръ, не желали допустить революціонеры края, не признающіе правъ Россіи надъ Финляндіей. Торжество политики Бобрикова означало въ то-же время гибель агитаторовъ и прекращеніе шведскаго владычества въ краѣ.

Установленію нормальнаго порядка въ Финляндіи также не сочувствовали въ Швеціи. Ея оппозиціонныя партіи пугали финляндцевъ неудачей предстоящаго сейма. Послѣ смерти Н. И. Бобрикова, въ Швеціи восклицали: «неужели русское правительство рѣшилось посмотрѣть прямо въ глаза народному представительству, неужели узы любви и довѣрія будутъ снова скрѣплены между Монархомъ и народомъ, неужели вернется пора успокоенія и законности, — все, что произошло послѣ 1899 г. будетъ предано забытію и жизнь снова пойдетъ по хорошему! Нѣтъ! До всего этого далеко»! Стокгольмская газета не желала допустить мира. Это не выгодно Скандинавіи. Если бы умиротвореніе было достигнуто, русская власть одержала бы крупную побѣду и «всѣ друзья Финляндіи какъ въ самомъ краѣ, такъ и заграницей, лишились бы самаго сильнаго средства агитаціи»[465])...

Переломъ въ ходѣ финляндскаго дѣла могъ произойти на предстоявшемъ сеймѣ 1904 года, къ открытію котораго опредѣленно склонялся Николай Ивановичъ. Объ этомъ онъ писалъ въ оффиціальномъ письмѣ къ министру статсъ-секретарю. Проектъ письма былъ заготовленъ и Н. И. Бобриковъ собирался уже подписать его, но смерть помѣшала. Въ сравнительно хорошемъ результатѣ призыва онъ усматривалъ «улучшеніе, указывающее на успѣхъ въ дѣлѣ возстановленія мирнаго въ краѣ теченія жизни. Признать, однако, успокоеніе умовъ завершеннымъ, въ настоящее время еще возможнымъ не представляется», такъ какъ политическая партія продолжала свою преступную дѣятельность. Тѣмъ не менѣе при наличныхъ условіяхъ, онъ признавалъ созывъ очереднаго сейма «осуществимымъ». Тѣ же мысли находимъ и въ частной перепискѣ. Одно изъ послѣднихъ писемъ его (отъ 14 мая 1904 г.) гласило: «Призывъ совершается успѣшнѣе нормальнаго времени и все указываетъ на возможность созыва сейма. Этому послѣднему противодѣйствуютъ агитаторы, опасающіеся подъема моего чрезъ то кредита. Они силятся доказать гибель Финляндіи отъ бобриковскаго режима, а между тѣмъ народъ и громадное большинство благоразумныхъ поддерживаютъ основательность моихъ дѣйствій»...

Чтобы показать народу, что русская власть лишаетъ его исконныхъ правъ и привилегій, агитаторы не хотѣли допустить сейма. Противъ сейма они работали спеціальными воззваніями и старались при этомъ убѣдить легковѣрныхъ, что цѣль правительственной власти «заручиться одобреніемъ земскихъ чиновъ тѣхъ мѣръ, кои издавались вопреки основнымъ законамъ и чтобы такимъ образомъ народное представительство само признавало за Монархомъ право единогласно рѣшать всѣ дѣла. Назначенные правительствомъ тальманы—говорила клика—запретятъ обсужденіе политическихъ вопросовъ. Правительство станетъ дѣйствовать въ подобныхъ случаяхъ угрозой закрытія сейма

Перевезеніе тѣла Н. И. Бобрикова въ Петербургѣ съ Финляндскаго вокзала.

или даже уничтоженія всего сеймоваго института въ Финляндіи. Если такъ,—рѣшали революціонеры,—то лучше, пусть сеймовъ вовсе не будетъ, пока не отмѣнятъ постановленій «о диктаторствѣ». Если бы затѣмъ сейма въ дѣйствительности не открыли, то у сѣятелей смуты оставалась бы возможность говорить: вотъ, видите! русская власть все отнимаетъ!

Сеймъ былъ открытъ. На сеймѣ восторжествовала оппозиціонная партія и тѣмъ не менѣе нѣкоторые руководители смуты остались недовольны. «Fria Ord» (въ ноябрѣ 1904 г.) находилъ, что «побѣда опасна». «Законное представительство страны не можетъ имѣть дѣла съ революціоннымъ правительствомъ»...

Другая забота агитаторовъ сводилась къ вопросу о томъ, въ какомъ положеніи окажется финляндская оппозиція по отношенію къ оппозиціоннымъ партіямъ въ Имперіи, если въ такой моментъ, какъ теперь, она, путемъ умѣреннаго образа дѣйствія, обезпечитъ правительству сравнительное спокойствіе въ Финляндіи?» Изъ послѣдующихъ признаній, сдѣланныхъ уже послѣ смерти Н. И. Бобрикова, выяснилось, что руководители смуты по ту и по другую сторону Сестры рѣки преслѣдовали въ союзѣ одну цѣль «сверженія Самодержавія». Союзъ съ безпокойными русскими и польскими элементами не позволялъ финляндскимъ революціонерамъ вести дѣла къ замиренію въ краѣ. Обѣщаніе было исполнено, какъ показалъ послѣдующій ходъ дѣла въ Финляндіи [466]).

4 іюня Н. И. Бобриковъ предполагалъ выѣхать въ Петербургъ, чтобы покончить съ вопросомъ о созывѣ сейма, а затѣмъ въ любимую Ульяновку, «если не помѣшаетъ состояніе политическаго горизонта» (12 мая 1904 г.). Подобныхъ оговорокъ онъ не забывалъ дѣлать въ своихъ письмахъ, зная среди какихъ условій онъ жилъ и работалъ. Оговорка оказалась своевременной. Въ Петербургъ его отпустили крамольники, но уже мертвымъ...

Крамольники не желали допустить торжества «бобриковской» политики, но кромѣ того они давно увидѣли, что его умъ, послѣдовательность, настойчивость и предусмотрительность таковы, что имъ не справиться съ ними иначе, какъ при посредствѣ гнуснѣйшаго убійства изъ-за угла.

Генералъ-губернатору Бобрикову постоянно грозили и тѣмъ желали побудить его измѣнить курсъ. Письма съ угрозами стали поступать уже съ марта 1899 г. Подъ вліяніемъ угрозъ, какъ отмѣчено у него въ дневникѣ, онъ не могъ «безъ крайне уважительныхъ причинъ» отмѣнять своихъ распоряженій. Угрозы такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ пошли, вѣроятно, во вредъ Финляндіи.

Но кромѣ того, достойно ли было высшему представителю рус-

ской власти покупать покорность финляндскихъ агитаторовъ цѣною уступокъ передъ угрозами, или при посредствѣ подачекъ орудующей въ краѣ политической партіи? На уступки, при подобныхъ условіяхъ, Н. И. Бобриковъ не былъ способенъ и это тѣмъ болѣе, что онъ сознавалъ правоту своего дѣла. «Тщательное изученіе исторіи и близкое ознакомленіе съ современной въ Финляндіи обстановкою вполнѣ отвѣчаютъ Высочайше одобренной программѣ и поэтому я отъ нея отступить не могу», писалъ онъ къ В. К. Плеве (17 марта 1902 г.). «Если мои предложенія, — значится въ другомъ его письмѣ, — не состоятельны, то необходимо меня замѣнить другимъ лицомъ, болѣе прозорливымъ и способнымъ покупать миръ цѣною русскихъ интересовъ. Честь и совѣсть я ставлю выше всего, вслѣдствіе чего не отступлюсь отъ нихъ ни на іоту». «Современная критика приводитъ меня къ убѣжденію, что поворотъ въ управленіи краемъ возможенъ въ сторону справедливыхъ требованій, но отнюдь не (путемъ) уступокъ и подачекъ. Генералъ-губернаторъ не можетъ оставаться куклою и лучше его вовсе упразднить, или замѣнить такимъ, который былъ бы способенъ играть такую унизительную для русскаго человѣка роль. Желающихъ меня замѣнить, конечно, много и къ тому же новому человѣку будетъ легче вести новый курсъ, мнѣ не симпатичный», сообщалъ онъ (11 мая 1902 г.) министру статсъ-секретарю.

Высказанныя мысли не мимолетныя. Онъ ихъ повторяетъ при другихъ условіяхъ, изъ чего мы въ правѣ заключить, что Николай Ивановичъ держался ихъ твердо и они руководили его поступками. «Зубами вовсе не держусь за занимаемую должность и отъ требованій долга и совѣсти, ради какихъ бы то ни было личныхъ интересовъ, ни въ какомъ случаѣ не отступлюсь», повторялъ онъ В. К. Плеве. «Твердость моя покоится на знаніи дѣла и увѣренности, что проводимая мною Высочайше одобренная система дастъ благія для Россіи послѣдствія, при условіи ея примѣненія безъ колебаній. Время покажетъ, правъ ли я. Конечно, исправить девятидесятилѣтнюю слабость нужно время и терпѣніе».

Ясно, что Н. И. Бобриковъ имѣлъ мужество своихъ убѣжденій и всегда готовъ былъ исповѣдывать ихъ публично. Такія качества, вмѣстѣ съ искренней вѣрой въ правоту своихъ воззрѣній, должны уважаться въ человѣкѣ даже его врагами. Уступи онъ сопротивленію, финляндцы первые осмѣяли бы его. Преврати онъ должность генералъ-губернатора въ «куклу», какъ онъ выразился, русскіе были бы оскорблены своимъ представителемъ въ Финляндіи. Теперь же послѣдовательность и стойкость въ убѣжденіи навсегда обезпечили уваженіе къ его имени.

Тяжелые дни, казалось, были пережиты. Борьба стихала, смута

утратила свою остроту. Ожидался отдыхъ послѣ періода реформъ. Одинъ изъ знакомыхъ Н. И. Бобрикова сталъ мечтать о зарѣ того золотаго времени, когда финляндцы, свыкнувшись съ нововведеніями, начнутъ сближаться съ русскими. Установится взаимное пониманіе; духовный союзъ станетъ крѣпнуть и финны заживутъ въ полномъ согласіи съ русскими, какъ надлежитъ политическимъ братьямъ, которые достойны взаимнаго уваженія. Вотъ его письмо.

«Финляндія завоевана давно, но исторія ея присоединенія и фактическаго объединенія съ Россіей началась со дня вашего назначенія ея генералъ-губернаторомъ. Присоединенія, объединенія—вотъ чего не доставало. Объ этомъ говорили давно; объ этомъ думалъ Александръ I.

«Начиная съ Каткова, многіе уяснили себѣ, какія преграды отдѣляли отъ насъ Финляндію; многіе намѣчали проекты уничтоженія этихъ преградъ. Но всѣ работали лишь перьями, всѣ говорили, мечтали, но практически ничего не дѣлали. Недоставало твердой руки, которая могла бы осуществить планы теоретиковъ; не было человѣка, который взялъ бы на себя подвигъ практическаго осуществленія всего нужнаго. Однако и такой человѣкъ нашелся.

«Когда Государь послалъ васъ въ Финляндію представителемъ высшей тамъ государственной власти, то вы въ первомъ же вашемъ словѣ громко заявили, что эта власть «не допуститъ дальнѣйшаго распространенія въ краѣ всего того, чго можетъ препятствовать сплоченію великой Имперіи». Такой рѣчи ни Россія, ни Финляндія не слыхали отъ своихъ прежнихъ финляндскихъ генералъ-губернаторовъ.

«И вотъ началась новая упорная ваша работа по государственно-политическому сближенію двухъ народностей, двухъ братьевъ—россійскихъ подданныхъ, стоявшихъ въ отдаленіи другъ отъ друга по роковому и вѣковому недоразумѣнію. Русскій языкъ въ сенатѣ и въ высшей мѣстной администраціи, русская газета на общественной аренѣ, поднятіе русскихъ школъ и измѣненія нѣкоторыхъ программъ преподаванія въ финляндскихъ учебныхъ заведеніяхъ съ теченіемъ времени помогутъ сгладить сотни недоразумѣній, помогутъ финнамъ болѣе понять русскихъ и сойтись съ ними. Къ этимъ культурнымъ средствамъ сближенія, дастъ Богъ, присоединятся другіе могучіе двигатели объединенія:—соединеніе желѣзныхъ дорогъ, улучшеніе быта безземельныхъ, сліяніе экономическихъ интересовъ.

«Пройдетъ нѣкоторое время, при вашей выдержкѣ и послѣдовательности, финны во-очію увидятъ, что ваша система не имѣетъ въ виду превращенія ихъ въ православныхъ, лишенія ихъ своей національности, причиненія имъ какого-либо культурнаго или матеріальнаго ущерба, или ущерба въ ихъ преимуществахъ. Финны убѣдятся, что русская власть сердечно доброжелательна, а русскій народъ—ихъ уважаетъ и цѣнитъ.

«Такимъ образомъ въ вашей политикѣ на лицо всѣ элементы, которые должны привести не только къ присоединенію и объединенію края съ Россіей, но къ полному примиренію двухъ народностей.

«Въ день вашего Ангела—продолжаетъ составитель письма—я отъ всей души желаю вамъ достигнуть обѣихъ цѣлей — и объединенія, и примиренія. Я глубоко вѣрю въ это объединеніе и примиреніе, при благоразуміи финскаго народа и при доброжелательности русскихъ людей. Лучше и скорѣе другихъ вы способны практически осуществить эту важную государственную задачу, а потому я и горю желаніемъ, чтобы вы не ранѣе покинули финляндскую окраину, чѣмъ завершено будетъ и объединеніе, и примиреніе. Этотъ день будетъ великимъ праздникомъ для всей Россіи и этотъ день вы подарите Россіи!» (май 1904 г.).

Судьба не дала Николаю Ивановичу радости узрѣть плодовъ его тяжелыхъ трудовъ и долгихъ мучительныхъ думъ. Внутренніе враги Россіи не желали мириться съ русскими государственными требованіями.

3 іюня 1904 г., въ четвергъ, въ 11 часовъ утра, Н. И. Бобриковъ отправился на обычное засѣданіе сената. Его сопровождали губернаторъ, двѣ дочери, адъютантъ и чиновникъ особыхъ порученій. У входа въ зданіе сената онъ отпустилъ всѣхъ. Подымался онъ по внутренней лѣстницѣ сената одинъ, такъ какъ швейцаръ остался внизу. При поворотѣ въ хозяйственный департаментъ, раздались послѣдовательно три выстрѣла. Одна пуля ударилась въ орденъ и только контузила, другая скользнула вдоль шеи, третья попала въ животъ и оказалась смертельной. Генералъ-адъютантъ Бобриковъ продолжалъ свой путь и смогъ войти въ помѣщеніе департамента. Въ это время на площадкѣ лѣстницы раздались два новыхъ выстрѣла: убійца покончилъ съ собою. «Возмущенъ до глубины души злодѣйскимъ преступленіемъ», значилось въ телеграммѣ Государя Императора на имя супруги генералъ-губернатора. Н. И. Бобрикова успѣли причастить Св. Тайнъ дома и затѣмъ отнесли въ хирургическую больницу, гдѣ ему произвели трудную операцію. Пулю извлекли, но въ часъ ночи (на 4-е іюня) жизнь угасла, вслѣдствіе потери крови.

«Итакъ не стало Николая Ивановича, на дѣятельность котораго въ Финляндіи съ восхищеніемъ и свѣтлыми надеждами взирали всѣ истинно русскіе люди. Вѣчная ему память! Онъ умеръ на своемъ посту, какъ истинный христіанинъ, какъ герой и какъ великій гражданинъ». Эти золотыя слова, которыя мы находимъ въ телеграммѣ высокопреосвященнѣйшаго митрополита Антонія, продиктованы сердцемъ и дали первую вѣрную оцѣнку дѣятельности злодѣйски убитаго финляндскаго генералъ-губернатора.

Онъ палъ, какъ вѣрный сынъ и слуга Россіи. Своею кровью онъ запечатлѣлъ вѣрность долгу, преданность Царю и Родинѣ, а также послѣдовательность и неустрашимость въ проведеніи своихъ воззрѣній. Онъ палъ, какъ истинный хоругвеносецъ русской политики. Онъ палъ, какъ воинъ на передовомъ посту, но только не отъ пули врага внѣшняго, а врага внутренняго.

Убійца генерала Бобрикова—состоявшій на службѣ чиновникъ Евгеній Вольдемаръ Шауманъ. Сперва онъ занималъ маленькую должность сверхштатнаго копіиста при сенатѣ, а потомъ несъ обязанности камерфервандта въ главномъ управленіи училищнаго вѣдомства Финляндіи. Была сдѣлана попытка распространить слухъ о томъ, что убійство Н. И. Бобрикова—дѣло личной мести. Правда, что молодой убійца (род. въ 1875 г.), оказался сыномъ бывшаго сенатора Ф. В. Шаумана, котораго, за протестъ правительственной власти, лишили офицерскаго званія и изъ генералъ-лейтенанта переименовали въ тайнаго совѣтника; но затѣмъ Шауманъ самъ демонстративно вышелъ изъ числа сенаторовъ. Убійца былъ племянникомъ полковника Шаумана, который командовалъ финскимъ драгунскимъ полкомъ и лишился должности вслѣдствіе общаго настроенія, господствовавшаго въ полку и приведшаго къ его расформированію. Чувство родственной мести могло, конечно, имѣть извѣстное значеніе при рѣшимости Евгенія Шаумана убить генералъ-губернатора; но тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что убійство Н. И. Бобрикова является политическимъ преступленіемъ, а Евгеній Шауманъ—дикимъ изувѣромъ политическаго анархизма.

Мысль объ убійствѣ не разъ возникала въ средѣ финляндскихъ агитаторовъ и, видимо, что она особенно занимала ихъ въ концѣ 1903 года. Н. И. Бобриковъ зналъ объ этомъ, но вѣрилъ въ благоразуміе финляндцевъ. Ему не разъ доносили о планахъ финляндскихъ революціонеровъ, главной квартирой которыхъ сдѣлался Стокгольмъ, но онъ не терялъ самообладанія и спокойно продолжалъ идти по избранному направленію, вѣря въ правоту своего дѣла. «Настроеніе здѣсь мрачное и пока выжидательное, писалъ Н. И. Бобриковъ 19 апрѣля 1903 г. Мнѣ постоянно грозятъ мщеніемъ. Уповаю на силу Промысла, сознавая, что уберечь себя не легко». Въ ноябрѣ 1903 г. ему донесли, что революціонеры постановили не дѣлать болѣе покушенія на его жизнь, въ виду того, что они узнали о скоромъ его уходѣ изъ Финляндіи. Съ возникновеніемъ руско-японской войны, въ средѣ членовъ стокгольмскаго ржонда наблюдается замѣтное оживленіе. Опять заговорили о томъ, что «къ веснѣ слѣдуетъ непремѣнно освободиться отъ Его Высокопревосходительства генералъ-адъютанта Бобрикова или насиліемъ или интригой». Николай Ивановичъ каран-

дашемъ подчеркнулъ послѣднее слово и невозмутимо отложилъ въ сторону сдѣланное ему донесеніе...

По свѣдѣніямъ газеты «Journal» (18 іюня 1904 г.), рѣшеніе убить Бобрикова было принято на революціонномъ митингѣ 23 мая 1904 г.

Въ письмѣ Евг. Шауманъ старался внушить русской власти, что генералъ-губернаторъ обманывалъ, дѣлая лживыя представленія (на чемъ это основано?), что злоупотребленія творятся въ Финляндіи, Польшѣ и Остзейскихъ провинціяхъ, что онъ, преступникъ, дѣйствовалъ, однако, внѣ всякаго заговора; въ заключеніе просилъ Государя выяснить дѣйствительное положеніе дѣла на окраинахъ.

У Евгенія Шаумана несомнѣнно были сообщники и очагъ заговора находился въ Швеціи [467]). Уже на другой день послѣ злодѣянія, т.-е. 4-го (17) іюня, во многихъ стокгольмскихъ газетахъ была помѣщена подробная біографія убійцы, а въ одной изъ нихъ «AftonBladet», даже — его портретъ. Въ день убійства изъ Гельсингфорса въ Стокгольмъ отправился только одинъ пароходъ, отошедшій черезъ двадцать пять минутъ послѣ рокового выстрѣла. Газетѣ «AftonBladet» (2 іюля 1904 г.) извѣстно, что «съ самаго погребенія, на могилу Евгенія Шаумана, на кладбищѣ въ Мальмѣ, находящемся въ разстояніи около 1 мили отъ Гельсингфорса, друзья его возлагали цвѣты и вѣнки. Другая шведская газета [468]) сообщала, что «въ теченіе этихъ дней тайный совѣтникъ Шауманъ явился предметомъ живѣйшихъ выраженій симпатій. Со всѣхъ мѣстъ, отъ знакомыхъ и незнакомыхъ, отдѣльныхъ лицъ и группъ, отъ согражданъ и согражданокъ притекали къ нему доказательства участія и безчисленны были тѣ цвѣточныя посылки, которыя, часто анонимно, поступали къ нему. На цвѣтахъ покоилось также и тѣло молодого человѣка и гробъ его былъ украшенъ благоухающими произведеніями лѣта. Но агенты полиціи озаботились, чтобы эти изъявленія грусти и скорби родныхъ не оставались бы дольше на гробѣ. Къ отцу на слѣдующій за покушеніемъ день прибыла телеграмма съ выраженіемъ симпатіи отъ группы молодыхъ поляковъ изъ Парижа».

Нѣкоторые финляндцы радовались и вышли на улицы съ красными цвѣтами въ петлицахъ. Рестораны были полны посѣтителей съ радостными лицами (сообщалъ корреспондентъ норвежской «Morgenbladett»). Вечеромъ въ день гнуснаго убійства нѣкоторые круги Финляндіи ликовали. На одной лентѣ, которую приготовили для вѣнка преступнику, значилась признательность за честно исполненный долгъ.

Подлость убійства и гнусность ликованій усугубляются тѣмъ, что озвѣрѣвшій агитаторъ напалъ на беззащитнаго человѣка въ разгаръ войны. Ударъ нанесенъ предательски и не безъ разсчета, въ

моментъ тяжелой борьбы Россіи съ опаснымъ врагомъ. Газета финляндскихъ революціонеровъ («Veckans Nyheter»), вдохновителями которой являлись административно удаленные изъ Великаго Княжества, указывала, что японская война—самый удобный моментъ для сверженія «русскаго ига»[469]).

Если даже допустить, что Евгеній Шауманъ не былъ орудіемъ спеціальнаго заговора, то,—какъ писалъ Gaulois (23 іюня 1904 г.),—изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что «партія сепаратистовъ совершенно непричастна къ его преступленію». Россія не возложитъ на населеніе Финляндіи отвѣтственности за гибель своего доблестнаго сына. Смута вышла изъ лагеря агитаторовъ. Они и должны раздѣлить отвѣтственность за дѣяніе Евгенія Шаумана, вмѣстѣ съ тѣми заграничными газетами, которыя злоупотребляли недоразумѣніемъ, возникшимъ между финскимъ народомъ и его правительствомъ [470]) и постоянно, притворно вздыхая, приговаривали: «ces pauvres finlandais». Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что агитаторы вдохновляли Евгенія Шаумана на преступленіе. Они кричали о тиранніи Россіи; они подняли европейскую печать и создали подпольныя изданія; они плодили клевету и грубыя каррикатуры. Ихъ руками по Финляндіи разносились вредные листки и брошюры. Имъ принадлежитъ развитіе и практическое примѣненіе идеи пассивнаго сопротивленія. Настойчивѣе другихъ проповѣдывало жестокіе революціонные способы дѣйствія «Свободное Слово» («Fria Ord»). Изъ Швеціи—гнѣзда финскихъ агитаторовъ—разошлись во всѣ стороны прокламаціи. Не поэтому ли друзья финляндцевъ—шведскія газеты—такъ усердно и неприлично оправдывали впослѣдствіи убійство?

«Fria Ord» говорила именемъ шведской партіи. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ эта газета доказывала, что надо «истребить монархическій духъ», надо упразднить единодержавіе, что пассивное сопротивленіе для этого неудачно избрано, что будущее Финляндіи зависитъ отъ ближайшаго союза финляндцевъ съ русскими революціонерами и отъ введенія «боевой организаціи». «Fria Ord» находила возможнымъ звать народъ къ кулачной расправѣ, оправдывать призывы къ возстанію, пропагандировать «мзду за измѣну». Очевидно, зная о замыслѣ Евг. Шаумана, «Fria Ord» наставляла его (въ дек. 1903 г.): «Прислушайся къ голосу своей совѣсти. Этотъ голосъ тебѣ скажетъ: ты будешь героемъ, какихъ воспѣваютъ поэты. Такой человѣкъ... жертвуетъ собою ради родины, ради своей идеи... Сохрани въ себѣ сердце отрока, поющее гимнъ смерти, когда ты пойдешь на бой за отечество... Умри за это дѣло, если нужно, и твоя смертная минута будетъ легка и тысячи людей вынесутъ изъ этого утѣшеніе»[471]).

Едва-ли возможно поэтому отрицать, что почва въ Евгеніи Ша-

уманѣ для политическаго преступленія противъ Россіи была подготовлена окружающей финляндской обстановкой послѣднихъ лѣтъ. Слова нетерпимости къ Россіи постоянно носились и звучали вокругъ каждаго финляндца, слова расположенія къ ней онъ могъ услышать только, какъ рѣдчайшее исключеніе.

Н. И. Бобриковъ являлся представителемъ русской власти, но въ то же время онъ былъ представителемъ русской идеи. Въ Н. И. Бобриковѣ агитаторы не взлюбили представителя единой и недѣлимой Россіи и потому пулей мѣтили въ верховныя суверенныя права Россіи, которыхъ агитаторы не желали признавать, и противъ которыхъ подымали населеніе края.

Убійца прибѣгъ къ самосуду. Онъ, подобно ядовитымъ насѣкомымъ, умеръ на сдѣланной его жаломъ ранѣ. Ядъ, накопленный многолѣтней пропагандой не истекъ съ нимъ до послѣдней капли. Вскорѣ убили прокурора сената Іонсона и подполковника Крамаренко и сдѣлали покушеніе на жизнь Выборгскаго губернатора Н. А. Мясоѣдова, помощника генералъ-губернатора В. Ѳ. Дейтриха, на Тавастгускаго губернатора А. А. Папкова, на одного городового и жандармскаго унтеръ-офицера.

Кровь полилась по Финляндіи обильной струей... Финны справедливо гордились, что личная безопасность у нихъ была обезпечена. Благородный представитель духовной красоты финскаго народа поэтъ Захарій Топеліусъ говорилъ: «Развѣвайся, торжествуя, ты, синебѣлая ткань. Чистоту твою не запятнаетъ пурпуръ крови иначе, какъ въ вихрѣ боевомъ». Въ сторонѣ отъ міровой политики и ея суеты Финляндія пользовалась внутреннимъ и внѣшнимъ миромъ, свободой отъ воинской и государственной тягости. А на рубежѣ двадцатаго столѣтія она запятнала себя звѣрскими преступленіями, которыя явились плодомъ зловредной агитаціи [472]).

4 іюня 1904 г. скончался выдающійся человѣкъ, приковывавшій къ себѣ въ послѣдніе годы общее вниманіе.

Государь Императоръ соизволилъ осчастливить вдову Елизавету Ивановну Бобрикову телеграммой: «Съ сердечнымъ сокрушеніемъ узналъ о кончинѣ вашего мужа. Да поможетъ вамъ Господь перенести тяжкую горестную утрату. Имя Николая Ивановича Бобрикова будетъ всегда памятно истинно русскимъ людямъ». Сочувствіе «жестокому горю» было выражено: Государыней Императрицей Александрой Ѳеодоровной, Великими Князьями Владиміромъ Александровичемъ, Николаемъ Николаевичемъ, Петромъ Николаевичемъ, Сергѣемъ Александровичемъ, Великими Княгинями Елизаветой Ѳеодоровной и Александрой Іосифовной, Княгиней Милицей Николаевной, Принцемъ Але-

ксандромъ Ольденбургскимъ, Принцессой Евгеніей Максимиліановной. 9 іюня вдова генералъ-адъютанта Е. И. Бобрикова получила слѣдующую телеграмму Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны: «Pense avec la plus grande sympathie à vous dans l'affreux malheur dont vous et votre famille son frappés». Военный министръ писалъ: «Русская армія скорбитъ объ утратѣ одного изъ достойнѣйшихъ своихъ представителей, павшаго жертвою долга преданности Государю и Родинѣ».

Надъ свѣжей могилой Н. И. Бобрикова пронеслись затѣмъ тучи газетныхъ отзывовъ. Изъ отечественныхъ редакцій однѣ видѣли въ почившемъ генералъ-губернаторѣ носителя русскихъ идеаловъ на Финляндской окраинѣ, «ревнителя чести и славы Россіи», вѣрнаго слугу національной идеи, крѣпкаго и бдительнаго стража Самодержавія, а также преданнаго сына православной церкви. Другія, — когда онъ палъ жертвой финляндскихъ агитаторовъ,—побоялись скомпрометировать себя и потому ограничились агентскими телеграммами и сухими некрологами. Въ нѣкоторыхъ русскихъ изданіяхъ почтенному вождю далекихъ буровъ, Крюгеру, было удѣлено болѣе вниманія и теплоты, чѣмъ собственному представителю на ближайшей къ столицѣ окраинѣ.

Въ одномъ письмѣ (11 сентября 1903 г.) В. К. Плеве отозвался о Н. И. Бобриковѣ, какъ «начальникѣ умномъ, который, конечно, никакой исторіи изъ-за пустяковъ не сдѣлаетъ, хотя и не попуститъ никакой узурпаціи его правъ»...

Доблестно погибшій на посту финляндскій генералъ-губернаторъ Н. И. Бобриковъ «былъ однимъ изъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей, однимъ изъ крупныхъ государственныхъ умовъ, однимъ изъ талантливѣйшихъ сподвижниковъ Императора Николая II», заявилъ «Правительственный Вѣстникъ». «Московскія Вѣдомости» назвали мученически—скончавшагося Н. И. Бобрикова «образцовымъ окраинскимъ генералъ-губернаторомъ»... Окраины имѣютъ у насъ особенное государственное значеніе. Ихъ много; они разнообразны. Управлять ими очень сложная задача и Бобриковъ справлялся съ нею въ Финляндіи.

«Глубокимъ негодованіемъ отзовется въ Россіи это гнусное преступленіе,—писало «Новое Время» (4 іюня 1904, № 10.149). Оно еще разъ напоминаетъ намъ всю ненормальность того положенія вещей, которое по нашему благодушію сложилось въ Финляндіи. Генералъ-адъютантъ Бобриковъ явился во ввѣренный ему край съ ясной политической программой, весь смыслъ которой сводится къ одному—къ возстановленію и упроченію государственнаго единства Финляндіи съ остальными частями Русской Имперіи, безъ притязаній

на объединеніе, культурное или національное. Но эта программа не личный взглядъ генерала Бобрикова, а политическая программа Россіи, отъ которой она, наученная горькимъ опытомъ, ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ не отступится. Съ этой точки зрѣнія покушеніе на жизнь генералъ-адъютанта Бобрикова является не только гнуснымъ, но и безсмысленнымъ, ибо если его цѣлью было повліять на русскую политическую программу въ Финляндіи, то эта цѣль не будетъ достигнута ни въ малѣйшей мѣрѣ.

«Дѣятельность генералъ-адъютанта Бобрикова на посту финляндскаго генералъ-губернатора несомнѣнно дала весьма серьезные результаты, въ смыслѣ достиженія главной цѣли его, т.-е. русской политической программы въ краѣ. Крайніе элементы, тянувшіе Финляндію къ открытому сепаратизму, постепенно были выбиты изъ ихъ позицій, при томъ съ большой выдержкой, такъ что лишь въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ въ отношеніи ихъ принимались суровыя репрессивныя мѣры, безъ чего, разумѣется, трудно совершенно обойтись въ политической борьбѣ. Рядомъ съ этимъ въ Великомъ Княжествѣ послѣдовательно и неуклонно возрастали значеніе и сила элементовъ болѣе умѣренныхъ и благоразумныхъ, находившихъ твердую поддержку въ русской власти, и Великое Княжество, взбудораженное политическою агитаціей крайнихъ, мало-по-малу приходило въ болѣе нормальное состояніе, такъ что въ послѣднее время такъ-называемый финляндскій вопросъ почти утратилъ свою остроту. И вдругъ эти выстрѣлы въ генералъ-губернатора!

«Убить можно человѣка, но не идею, не систему».

Возвратясь вскорѣ къ оцѣнкѣ «блестящей карьеры» Н. И. Бобрикова, «Новое Время» (5 іюня, № 10.150) сказало: онъ «остался прямымъ, твердымъ, самоотверженнымъ исполнителемъ того, что отъ него требовала Высочайшая воля и долгъ вѣрноподданнаго, долгъ русскаго человѣка. Отличныя способности, необыкновенная ясность мысли и огромная выдержка характера облегчили ему осуществленіе поставленной ему задачи... Сеймъ 1899 г. былъ сплошной манифестаціей противъ русской власти»... Весь край былъ охваченъ необузданной агитаціей. Адресъ-монстръ, уличные безпорядки, судебные и сенатскіе скандалы. «Нужно было имѣть удивительную стойкость и выдержку Н. И. Бобрикова, чтобы пережить этотъ острый фазисъ всеобщей борьбы противъ него, съ непреклонною рѣшимостью идти намѣченнымъ путемъ, не уступая ни одного шага... И Н. И. Бобриковъ твердо, шагъ за шагомъ, отвоевывалъ почву у главнаго противника русской политической программы—у шведской аристократіи и интеллигенціи... Безцѣнной заслугой Н. И. Бобрикова останется навсегда то чрезвычайно важное дѣло, что онъ сумѣлъ совершить рѣ-

шительный переломъ въ направленіи финляндскихъ дѣлъ и твердою рукою положилъ первые камни въ фундаментъ русской политической программы. Его преемникамъ будетъ въ тысячу разъ легче продолжать эту важную работу».

«Петербургскія Вѣдомости» (5 іюня 1904 г., № 151) сейчасъ же послѣ смерти Н. И. Бобрикова выступили защитникомъ финляндцевъ, опасаясь, чтобы они не пострадали за политическое убійство, учиненное ихъ агитаторами. Объ интересахъ Россіи эта ходатайница, конечно, забыла; утраты, понесенной ея собственнымъ отечествомъ, она не замѣтила и, наконецъ, у нея не нашлось ни единаго слова сочувствія измѣннически убитому генералъ-губернатору!..

А между тѣмъ имя Н. И. Бобрикова «никогда не изгладится изъ благодарной памяти русскихъ людей, какъ не изгладится имя графа Михаила Николаевича Муравьева. Дѣятельность Н. И. Бобрикова и жизненный трудъ М. Н. Муравьева, заявили «Московскія Вѣдомости»... восполняютъ и объясняютъ одна другую, представляя вмѣстѣ цѣльную и вполнѣ законченную программу единственно возможной окраинской политики. Вѣрные слуги царскіе, достойнѣйшіе сыны Россіи, живые выразители русской государственной идеи, М. Муравьевъ и Н. И. Бобриковъ боролись за историческую правду... Бобриковъ закладывалъ фундаментъ русскаго государственнаго порядка на финляндской окраинѣ... Бобриковъ показывалъ финляндскимъ крамольникамъ нашу неспособность къ уступкамъ, клонящимся къ ущербу русской государственности, къ торжеству въ предѣлахъ Русской Державы не русскихъ національностей»[473]).

По финляндской оцѣнкѣ, кто не съ ними, тотъ или «своевольный солдатъ», какъ Ар. А. Закревскій, или Торквемадо, какъ графъ Бергъ, или «гонитель», какъ Бобриковъ; «сущимъ ангеломъ» для нихъ явился только безличный графъ Штейнгель, да пожалуй еще графъ Адлербергъ, которыхъ свободно могли направлять изъ финляндскаго сената и статсъ-секретаріата. Событіе 3 іюня 1904 г. ляжетъ неизгладимымъ позоромъ на Финляндію; безпримѣрное въ этой окраинѣ гнусное преступленіе — убійство изъ-за угла высшаго представителя русской государственной власти—на вѣки останется чернымъ пятномъ на страницахъ новѣйшей исторіи этого края...

Когда гробъ съ останками Н. И. Бобрикова отправляли изъ Гельсингфорса, представители города отсутствовали. Желѣзнодорожные начальники отказались ѣхать въ траурномъ поѣздѣ. По мѣрѣ удаленія поѣзда изъ мѣстности съ шведскимъ населеніемъ—толпа росла и настроеніе ея принимало характеръ, подобающій обстановкѣ.

Главныя шведскія газеты Финляндіи «Hufvudstadsbladet» и «Helsingfors Posten» (№ 162) ни разу не назвали Евгенія Шаумана именемъ

убійцы и не осудили злодѣянія 3-го іюня. Въ ихъ глазахъ онъ только gärningsman, т. е. виновникъ смерти. Въ «Hufvudstadsbladet» (№ 162) некрологъ Евгенія Шаумана былъ набранъ обыкновеннымъ крупнымъ шрифтомъ и поставленъ во главѣ некрологовъ честныхъ финляндцевъ, коимъ въ томъ же нумерѣ удѣленъ былъ лишь едва замѣтный петитъ. Въ некрологѣ ни слова нѣтъ о самомъ преступленіи и о самоубійствѣ, а говорится только о томъ, когда онъ родился, гдѣ учился и служилъ и т. п.[474]). Въ некрологѣ Н. И. Бобрикова, помѣщенномъ въ «Helsingfors Posten» говорилось: «Дать общую картину этой широко развѣтвленной, энергически проводимой дѣятельности для насъ въ настоящую минуту невозможно. Въ исторіи Финляндіи 1898—1904 годы обозначаютъ періодъ коренныхъ перемѣнъ... Современнику позволительно засвидѣтельствовать, что многія изъ этихъ реформъ остались чуждыми воззрѣніямъ финскаго народа. Время генералъ-губернатора Бобрикова навѣрно долго не забудется, каковъ бы ни былъ приговоръ исторіи». «Финляндская Газета» (№ 92), подробно разсмотрѣвъ эти некрологи, нашла «въ общемъ явное нежеланіе или нерѣшимость заклеймить убійцу и прозрачное осужденіе того, кто погибъ отъ руки этого убійцы». Въ газетѣ младофинновъ «Päivälehti» появилась статья, въ которой, въ иносказательной формѣ, выражалась надежда на торжество свѣта надъ тьмою, получившей «почти власть самодержца».

Только нѣсколько мелкихъ газетъ—«Uusi Aura» (№ 140), «Suomen Kansa» (№ 133) и «Suomalainen» (№ 67) — имѣли мужество высказаться о злодѣяніи 3 іюня. «Suomen Kansa» осудила преступленіе съ точки зрѣнія человѣческой и христіанской. Позорное дѣяніе,—сказала она,—плодъ зловредной агитаціи, агитаціи, несущей гибель... Нашъ народъ не признаетъ никакой солидарности, никакой родственной связи съ личностями, стремящимися путемъ преступленія навлечь на прошлое Финляндіи позоръ и несчастіе. «Suomalainen» выразила глубокое негодованіе, находя, что плохая услуга оказана злодѣемъ родинѣ, такъ какъ финны всегда высоко цѣнили «личную безопасность»... Газета старофинномановъ («Uusi Suometar») напомнила урокъ исторіи о томъ, что «преступленіе и насиліе ведутъ народъ только къ гибели». «Преступленіе всегда остается преступленіемъ и никакими цѣлями нельзя оправдать его».

9 іюня сенатъ обратился съ особымъ воззваніемъ къ населенію, въ которомъ выразилъ «глубочайшее свое отвращеніе къ возмутительному, не имѣющему себѣ подобнаго въ преданіяхъ страны, гнусному злодѣянію» и указалъ, «къ какимъ глубоко прискорбнымъ послѣдствіямъ уже привело производившееся въ послѣдніе годы въ Финляндіи частью злонамѣренными, частью-же заблуждающимися лицами, подстрекательство къ неповиновенію властямъ и какія опасности угро-

жаютъ странѣ въ будущемъ, если агитація будетъ продолжаться, не встрѣчая отпора».—Сенатъ призывалъ всѣхъ содѣйствовать возстановленію спокойствія, дабы не поколеблено было высокое довѣріе къ финскому народу и дабы онъ могъ продолжать пользоваться неоцѣненными благами, истекающими изъ неразрывнаго единенія съ Россійскою Державою.

Николай Ивановичъ прибылъ въ Финляндію съ искреннимъ желаніемъ послужить ей и обрѣсти въ ней свою вторую родину. Онъ проявилъ столько положительныхъ выдающихся сторонъ своего характера и сдѣлалъ такъ много добраго, что ихъ не могли не замѣтить и оцѣнить. И ихъ, конечно, замѣтили и оцѣнили. Имѣются уже отзывы большой красоты и большой цѣнности. Въ видѣ примѣра, приведемъ слѣдующія. «Svenska Dagbladet» писала, что «генералъ Бобриковъ, несомнѣнно, представлялъ собою типъ честнаго и способнаго русскаго сановника. Онъ былъ одушевленъ патріотизмомъ, который находился въ гармоніи съ истинными интересами Россіи и имѣлъ всѣ свойства лояльности». Рьяный ненавистникъ Н. И. Бобрикова, финляндскій дворянинъ Х. сказалъ: «Бобриковъ былъ очень умный человѣкъ; онъ—фанатикъ-патріотъ, который считалъ то, что онъ дѣлаетъ, полезнымъ Россіи. Такихъ патріотовъ у русскихъ мало». «Всѣ соглашаются въ томъ, что нашъ генералъ-губернаторъ мужъ энергичной дѣятельности, равнаго которому въ нашемъ краѣ рѣдко видѣли. Уже мысль объ учрежденіи земельнаго банка и рѣшеніи торпарскаго вопроса способны создать ему въ нашей средѣ прочный памятникъ»... утверждалъ «Финскій Поселянинъ»... «На сеймахъ засѣдаютъ собственники земель. Они во вѣки вѣковъ не согласятся улучшить положеніе торпарей»[475])... Финскій купецъ изъ западной Финляндіи осуждаетъ поведеніе шведской олигархіи. Они распускали по краю самые возмутительные слухи о мнимыхъ арестахъ, черныхъ каретахъ, но «Его Высокопревосходительство подъ дождемъ оскорбленій и брани сумѣлъ остаться лойяльнымъ и спокойнымъ. Въ другихъ странахъ, и подъ управленіемъ другихъ лицъ, загорѣлась бы жажда кровавой мести къ своему противнику», но Н. И. Бобриковъ былъ далекъ отъ всего подобнаго[476]). «Здѣсь (въ Гельсингфорсѣ) даже недруги отдаютъ справедливость моему терпѣнію и выдержкѣ», писалъ Н. И. Бобриковъ еще въ 1901 г. (16 марта). «Обходные пути были ему незнакомы». «Опасность своего положенія онъ всегда понималъ, но это его не страшило»[477]). Въ одномъ нелегальномъ финскомъ листкѣ значилось, что Н. И. Бобриковъ являлся человѣкомъ, который не вслѣдствіе своего происхожденія, а благодаря собственному уму проложилъ себѣ дорогу къ высокому посту; онъ былъ не бездарнымъ существомъ, какъ... (названо имя). Мнѣ казалось,—признается критикъ,—что онъ проникалъ

до глубины моей души и читалъ мои мысли... Проявленія его доброты, проявленія его личности были чрезвычайны, и остается неизвѣстнымъ, чтобы онъ сдѣлалъ въ Финляндіи, если бы нить его жизни не была оборвана»...

Такимъ образомъ даже враги Н. И. Бобрикова не могутъ отрицать, что онъ былъ цѣльнымъ человѣкомъ, начальникомъ съ опредѣленной программой, въ осуществимость которой онъ честно и глубоко вѣрилъ и проведеніемъ которой надѣялся принести пользу Финляндіи и Россіи. Въ корреспонденціи изъ Стокгольма въ германскую газету говорилось, что генерала Бобрикова ненавидѣли, какъ немногихъ въ Финляндіи, но надо ему отдать справедливость, что онъ поступалъ открыто [478]).

Руководители смуты, конечно, понимали, что рукою Евгенія Шаумана совершено дѣяніе, которое будетъ осуждено населеніемъ. Народъ вмѣстѣ съ тѣмъ могъ отвернуться отъ своихъ политическихъ авторитетовъ. Чтобы предотвратить эту опасность, составили брошюру въ оправданіе убійства, совершеннаго финляндцемъ. Это литературное произведеніе займетъ не послѣднее мѣсто въ серіи изданій эпохи броженія. Напечатали брошюру въ Стокгольмѣ, въ типографіи О. Л. Сванбека, подъ заглавіемъ: «Смерть генералъ-губернатора Бобрикова». Анонимный авторъ разсуждаетъ такъ: Слово Божіе учитъ насъ: «не убивай». Такъ мы, финляндцы, воспитаны съ малолѣтства, «но на основаніи этого мы еще не можемъ произнести окончательнаго приговора по этому дѣлу». Надо изслѣдовать, при какихъ обстоятельствахъ финская земля обагрилась кровью. Совѣтники «нашего Великаго Князя» желали вполнѣ обрусить финновъ и нашли для этого, наконецъ, «грубаго и безчувственнаго» человѣка—Бобрикова. Какъ только онъ явился въ Финляндію, мы почувствовали себя «изгнанными изъ рая въ пустыню». Уставъ о воинской повинности отмѣнили и наши сыновья принуждены подвергаться незаконнымъ осмотрамъ и присягамъ, въ которыхъ ничего не говорится объ отечествѣ, и «каждый обязанъ пожертвовать своей жизнью за незаконное дѣло, когда выйдетъ повелѣніе». Скоро преподаваніе въ школахъ будетъ происходить на русскомъ языкѣ, нашей таможнѣ и финансовому вѣдомству угрожаетъ разореніе. Наши письма открываются на почтѣ. Сотни невинныхъ людей арестованы... «Таково было время царствованія Бобрикова въ Финляндіи. Однимъ словомъ, оно было таково, какъ будто семеро злыхъ духовъ переворачивало все въ Финляндіи. Онъ помѣшалъ нашимъ разъясненіямъ и ходатайствамъ дойти до Царя. Ни въ какихъ хорошихъ начинаніяхъ заслуга не принадлежала Бобрикову. Таковъ этотъ человѣкъ».

А каковъ былъ его убійца? Онъ происходилъ изъ хорошей фа-

миліи, получилъ хорошее образованіе; онъ человѣкъ безупречный, трудолюбивый. «Однимъ словомъ—изъ лучшихъ». Онъ желалъ только, чтобы Государь переизслѣдовалъ дѣло финскаго народа. «Убійство это произошло, слѣдовательно, не изъ желанія отомстить», не изъ «ненависти или преслѣдованія, а за доброе дѣло, за весь финскій народъ». «Онъ искупилъ свою вину». Онъ зналъ заповѣдь «не убій», но ему извѣстно было и положеніе «чти отца твоего». Значитъ, мы должны сохранить все хорошее, что получили въ наслѣдство отъ родителей. А такъ какъ насъ желали лишить всего нашего хорошаго, то онъ рѣшилъ принести свою жизнь въ жертву для сохраненія наслѣдія нашихъ родителей... «Во всѣхъ странахъ молодые мужчины и молодыя женщины, горячо любившіе свое отечество и свой народъ, совершали такія дѣянія противъ своихъ угнетателей». «Его жизнь честна и смерть его произошла въ нашу пользу». Вмѣстѣ съ тѣмъ, выстрѣлы эти устрашаютъ тѣхъ финляндцевъ, которые проповѣдывали раболѣпную уступчивость...

Вожди партіи сопротивленія были солидарны съ убійцей и потому въ ихъ органѣ «Fria Ord» поступокъ Евг. Шаумана подняли до героическаго подвига. Тамъ писали, что онъ имѣетъ неоспоримое право на удивленіе своимъ самопожертвованіемъ, что «финскій народъ долженъ смиренно склонить колѣна передъ могилой молодого героя». «Ты выступилъ впередъ —ты благородный и великій! Ты отнялъ жизнь у того, кто отнималъ ее у тысячей... Ты былъ орудіемъ Провидѣнія... Ты шествуешь по свѣтлымъ путямъ вѣчности!» А потому,—писалъ другой финляндецъ,—«возмутительно слышать, что дѣяніе Евгенія Шаумана называютъ преступленіемъ». «Мы удостовѣряемъ, что считаемъ убіеніе Бобрикова проявленіемъ высочайшаго правосудія»—читаемъ въ прокламаціи Эстерботнійца.

Эти рѣчи въ защиту политическаго убійства можно сопоставить съ тѣми, которыя раздавались во Франціи въ періодъ великой революціи и въ Польшѣ въ дни ея повстаній. Логика панегиристовъ убійцы Шаумана не сулитъ новаго блеска финской лойяльности. Если почва для подобныхъ воззрѣній окажется воспріимчивой, то можетъ настать день, когда Финляндія дорогой цѣной поплатится за дикую проповѣдь «человѣческой крови». Теперь гнусная политическая заповѣдь и іезуитская изворотливость мысли направлены противъ русскаго государственнаго человѣка, но усвоенная низкая мораль легко можетъ войти въ кругъ домашняго обихода и тогда сѣявшій вѣтеръ пожнетъ бурю.

Финляндская печать послѣдняго времени, стараясь подвести итоги періоду, протекшему отъ сейма 1900 до сейма 1904 г., рисовала управленіе Бобрикова, какъ самое мрачное время для края, когда «морозъ» уничтожилъ конституціонные посѣвы, когда въ населеніи

сказался «голодъ совѣсти» и т. п. Объединительныя его мѣропріятія опредѣлялись при этомъ, какъ скорлупа безъ содержанія; во всѣхъ его дѣйствіяхъ усматривали проявленіе одного голаго насилія. «Издавались постановленія, которыя по формѣ суть финскіе законодательные акты, но которые не связаны органически съ правовымъ порядкомъ Финляндіи, такъ какъ они по содержанію и цѣли своей враждебны ему и показываютъ незнакомство съ условіями жизни въ Финляндіи и равнодушное отношеніе къ благу этой страны. Порядку внутренняго управленія Финляндіи наносились разрушительные удары, не взирая на опредѣленія основныхъ законовъ, которые однако уважались въ теченіи девяноста лѣтъ. Подобный разрушительный режимъ... ни въ какомъ случаѣ не является мирнымъ разрѣшеніемъ финляндскаго вопроса» [479]). Такова наиболѣе полная формулировка обвиненій политики Бобриковскаго времени. Во всѣхъ финляндскихъ заявленіяхъ, какъ частныхъ, такъ и оффиціальныхъ, звучитъ, подобно основному мотиву, указаніе на существенный вредъ, причиненный финляндскимъ кореннымъ правамъ и мѣстному самоуправленію края.

Въ заграничной печати наиболѣе рѣзкіе отзывы о дѣятельности генералъ-губернатора Н. И. Бобрикова высказаны въ газетахъ Швеціи. Тамъ дошли до явнаго одобренія политическаго убійства. Въ выстрѣлѣ Шаумана усмотрѣли «справедливое возмездіе», «выпадъ противъ тиранна», «попытку удалить съ пути палача народа». По адресу жертвы финляндскаго «народнаго героя»—бывшаго генералъ-губернатора—не щадятъ красокъ. «Надъ страною,—писали шведы,—какъ бы пронесся могучій вздохъ освобожденія. Не думая о завтрашнемъ днѣ, испытываютъ какъ бы безконечное облегченіе, что Бобриковъ на самомъ дѣлѣ болѣе не существуетъ и чувствуется также приливъ силъ отъ мысли, что все-таки въ Гельсингфорсѣ нашелся одинъ, имѣвшій мужество освободить свою страну отъ ненавидимаго притѣснителя, отомстить за всѣхъ тѣхъ, кого онъ довелъ до изгнанія, самоубійства или до нищенской сумы, за попраніе имъ драгоцѣннѣйшихъ правъ и идеаловъ финновъ». «Да, говоря вообще, можно сказать, что убійство это принято съ извѣстною удовлетворенностью повсюду и во всѣхъ общественныхъ слояхъ. Евгенію Шауману не нужно никакой защиты за его роль воздаятеля. Имя его уже окружено въ сознаніи народа ореоломъ героя» [480]). Давнишній врагъ Россіи «Aftonbladet», (17 іюня 1905 г.), конечно, ликовалъ. Газета считаетъ нормальнымъ, что начальникъ края «пожалъ плоды своей дѣятельности въ этой странѣ». Ея гельсингфорскій корреспондентъ признаетъ вполнѣ правильнымъ, «что то, что должно было произойти, имѣло мѣсто въ сенатѣ, гдѣ финляндскіе законы, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, оскорблены». Въ лагерѣ шведскихъ соціалъ-демократовъ убійство

нашло, конечно, полное одобреніе. «Покушеніе на Бобрикова есть, по ихъ мнѣнію, дѣйствіе національное, есть выраженіе протеста униженнаго патріотизма противъ русскаго чуждаго могущества. Классъ, къ которому принадлежалъ Шауманъ, еще недавно былъ въ Финляндіи руководящимъ въ управленіи, а нынѣ отстраненъ и разжалованъ русскимъ насильнымъ владычествомъ» [481]). Одна шведская газета выразила свою радость въ слѣдующихъ грубыхъ словахъ: «При звукѣ выстрѣла убійцы и здравицахъ майскихъ демонстрантовъ, безъ всякой ихъ связи между собой, кончается первый актъ пьесы, которая носила названіе «Финляндія подъ властью кнута» [482]). Корреспонденціи изъ Швеціи въ газеты Германіи подтверждаютъ, что «покушеніе на генерала Бобрикова встрѣчено въ Стокгольмѣ безъ удивленія» [483]).

Будущій историкъ шведской культуры отмѣтитъ, конечно, подобные отзывы. Едва ли даже, рѣзко сквозящее въ нихъ чувство озлобленія къ русскимъ, можетъ послужить оправданіемъ того цинизма коими они переполнены.

Одна часть заграничной печати изобразила покойнаго генералъ-губернатора какимъ-то невѣроятнымъ для нашего времени правителемъ, воскресающимъ образы свирѣпыхъ Альбы или Торквемады. Вотъ что въ состояніи были сочинить злобствовавшіе писатели. «Въ мартѣ 1904 г. генералъ Бобриковъ издалъ прокламацію, запрещавшую жителямъ тушить огни въ своихъ квартирахъ ранѣе 10 час. вечера... Эта прокламація вызвана тѣмъ, что финляндцы высказали равнодушіе и не иллюминовали своихъ домовъ, въ знакъ радости при объявленіи Россіею войны Японіи» [484]). «Бобриковъ превратилъ сенатъ въ русское полицейское учрежденіе... наводнилъ Финляндію русскими шпіонами» [485])... «Бобриковъ хотѣлъ упразднить финскія школы и замѣнить ихъ школами, въ коихъ учатъ только русскіе. Православныя церкви и русскіе епископы были насаждены имъ и попытки были дѣлаемы обращать финляндцевъ въ православіе» [486]). «Фактически и юридически дѣйствующая конституція была отстранена. Тайна корреспонденціи нарушена. Мѣстные языки, финскій, какъ и шведскій, были удалены. Высшія и низшія должности замѣщены русскими» [487]). Въ желѣзнодорожномъ управленіи, въ теченіе одного мѣсяца, должны были взять отставку 400 низшихъ чиновниковъ, потому что они не знали русскаго языка [488]). Писавшіе эти строки или знали Финляндію менѣе, чѣмъ землю бушменовъ и готтентотовъ, или же безстыдство ихъ переходило всякіе предѣлы. Послѣднее, конечно, вѣрнѣе...

Н. И. Бобрикову приписывали «роль палача» и звѣрскую строгость; въ немъ видѣли «главнаго представителя политики насильственной руссификаціи», «свирѣпаго диктатора» и «угнетателя финляндскаго закона»; писали, что его «казацкій режимъ» раздавилъ

насиліемъ народъ [489]). Передъ подобными картинами, если-бы онѣ были взяты изъ дѣйствительности, должны меркнуть ужасы прежняго вандализма и дикость вождей азіатскихъ ордъ. Но съ другой стороны, въ какомъ грустномъ раздумьи должны будутъ остановиться передъ этими грязными измышленіями тѣ лица, которымъ извѣстно дѣйствительное положеніе Финляндіи, когда они сопоставятъ его съ этими отзывами, чуждыми правды и совѣсти. Видя еще при жизни отношеніе къ себѣ заграничныхъ газетъ, Николай Ивановичъ писалъ однажды: «Иностранная пресса нерѣдко меня изображаетъ просто сумасшедшимъ. Клевещетъ до безобразія»... (2 апрѣля 1900 г.).

Вслѣдъ за шведскими газетами, наиболѣе недружелюбными чувствами къ генералу Бобрикову проникнуты были нѣмецкія и англійскія изданія. Судъ нѣмецкихъ изданій надъ Н. И. Бобриковымъ мотивированъ возвышенными соображеніями. Нѣмцы усматривали въ русской политикѣ Бобрикова попираніе представительницы германско-лютеранской культуры на сѣверъ и опасность роста панславизма. Поэтому ихъ редакціи выразили отъ себя и обывателей другихъ европейскихъ государствъ удивленіе, что «покушеніе было отсрочено на столь продолжительное время», ибо задачу Бобрикова видѣли въ желаніи «раздавить націю, не имѣющую равной себѣ по добродѣтели, интеллигентности и лойяльности» [490]). Онѣ одобрили убійство, говоря, что «мотивы дѣянія несчастнаго Шаумана всѣми понимаются въ Финляндіи, и о немъ, за его любовь къ странѣ Суоми, сохранится благодарная память» [491]). Иначе говоря, высококультурные нѣмцы также не видѣли ничего позорнаго въ гельсингфорскомъ преступленіи и пѣли гимнъ убійцѣ, называя его «доблестнымъ патріотомъ» [492]). Многія нѣмецкія газеты стремились сравнить Шаумана съ Вильгельмомъ Теллемъ, а Н. И. Бобрикова съ Геслеромъ и пророчили, что будущій финскій Шиллеръ воспоетъ Шаумана...

Политическія убійства были вездѣ. Жертвами ихъ пали Линкольнъ, Гарфильдъ, Макъ-Кинлей, Карно, король Гумбертъ, императрица Елизавета Австрійская и др. Эти примѣры должны бы подсказать величайшую осторожность въ попыткахъ оправдывать или извинять убійство, хотя бы совершенное подъ предлогомъ охраны свободы [493]).

Англійскія газеты, по словамъ французской редакціи [494]), съ самаго начала послѣдней войны, выказывая себя, насколько можно, пособниками Японіи, пользовались этимъ убійствомъ, чтобы напомнить, въ невоздержанныхъ выраженіяхъ, объ исторіи того, что они называютъ «руссификаціей Финляндіи», которой генералъ Бобриковъ, якобы, столь энергично предавался. Развѣ англичане въ теченіи трехъ столѣтій не дѣйствовали также въ Ирландіи? Развѣ они одѣли себѣ бархатныя перчатки, когда взялись за Трансвааль?.. Это вѣчное повтореніе ста-

рой исторіи о соломинкѣ въ глазу сосѣда!.. Англичане усмотрѣли, что генералъ Бобриковъ «разрушитель Финляндіи, нарочно посаженный для подавленія всего носящаго національный духъ—языка, вѣры, учрежденій, даже народнаго образованія, сдѣлавшаго Финляндію единственною цивилизованною частью Россійскаго Государства [495]). «Ни одинъ человѣкъ въ Финляндіи не былъ такъ ненавидимъ, какъ этотъ жестокій варваръ. Даже дѣти повсюду ненавидятъ его имя. Вся Финляндія будетъ рада, что его уже нѣтъ. Въ Петербургѣ также всѣ его ненавидѣли, когда онъ былъ назначенъ ломать духъ и учрежденія финляндскаго народа».

Надо изумляться, какъ могли иностранныя газеты культурныхъ странъ распространять инсинуаціи въ родѣ той, что русское правительство стремится къ ухудшенію положенія Финляндіи, путемъ ломки ея учрежденій. Возможно-ли себѣ представить въ концѣ XIX ст. правительство, желающее ухудшить положеніе своихъ подданныхъ... Финляндскія учрежденія, какъ и учрежденія иныхъ странъ, могутъ нуждаться въ измѣненіяхъ и улучшеніяхъ. Правительство, по мѣрѣ возможности исправляя недостатки, можетъ ошибаться, даже заблуждаться относительно средствъ, коими оно имѣетъ въ виду ихъ улучшеніе, но возможно-ли сомнѣваться, что имъ всегда руководило желаніе добра собственнымъ гражданамъ [496]).

Но и въ средѣ англійскихъ публицистовъ нашлись лица, которыя изрекли добросовѣстный приговоръ о своихъ собратьяхъ по перу.

Такъ, «Saturday Review»—органъ англійскихъ либераловъ—заявила, что англійская пресса сдѣлала все возможное, чтобы извинить преступленіе: «если жертва—русскій человѣкъ, то, повидимому, даже убійство должно быть терпимо» [497]).

Болѣе спокойные, справедливые и самостоятельные взгляды находились во многихъ французскихъ газетахъ. Онѣ возмущались преступленіемъ, разъясняли его источникъ и негодовали на то, что убійство совершено въ періодъ войны. По ихъ воззрѣніямъ [498]), «генералъ Бобриковъ не былъ представителемъ режима, но идеи единой и нераздѣльной Россіи въ этомъ княжествѣ, отвоеванномъ отъ шведовъ, совершенно такъ же, какъ Ниццскій префектъ въ Ниццѣ представляетъ собою французскую республику. Стрѣляя въ генералъ-губернатора, Шауманъ, слѣдовательно, цѣлилъ въ Россію... Револьверный выстрѣлъ Шаумана раздался, какъ крайній протестъ, какъ призывъ къ революціи... но онъ оказался безсильнымъ, такъ какъ шведская партія, значительно ослабленная, не имѣетъ корней въ народѣ; ея поверхностная, хотя и бурная, агитація, ничего не выиграетъ отъ преступленія, сдѣлавшаго ее для всѣхъ отвратительною... Россія не возложитъ отвѣтственность за преступленіе на финское населеніе, которое не только

ему чуждо, но даже и строго осуждаетъ. Бобриковъ съ тактомъ и самоотверженіемъ, писали французы, исполнялъ повелѣнія Царя [499]). «Это отвратительно-грубое покушеніе, нагло совершенное среди бѣла дня, разоблачаетъ душевное состояніе и образъ мыслей нѣкоторыхъ финляндцевъ; оно оставляетъ намъ мало иллюзій на дѣйствительные мотивы кампаніи, предпринятой ими подъ знаменемъ свободы и во имя ея принциповъ; дѣлается правдоподобнымъ теперь, что она была ничѣмъ инымъ, какъ только революціоннымъ походомъ противъ русскаго режима... Было-бы странно, если бы финляндцы оказались искренними, когда они при всякомъ удобномъ случаѣ говорили о своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ, преданности Царю и... представителя сего Царя убиваютъ... Ихъ пропаганда изъ принциповъ свободы не истекала. Она происхожденія анархическаго»... Новое имя, имя «Бобриковъ» въ эти дни вплетено въ среду мучениковъ долга и вѣрности и заняло свое мѣсто въ исторіи около вѣнчанныхъ жертвъ анархизма. Въ то же время имя Евгенія Шаумана предано вѣчному проклятію и прибито къ позорному столбу, вмѣстѣ съ достойными отвращенія преступниками...

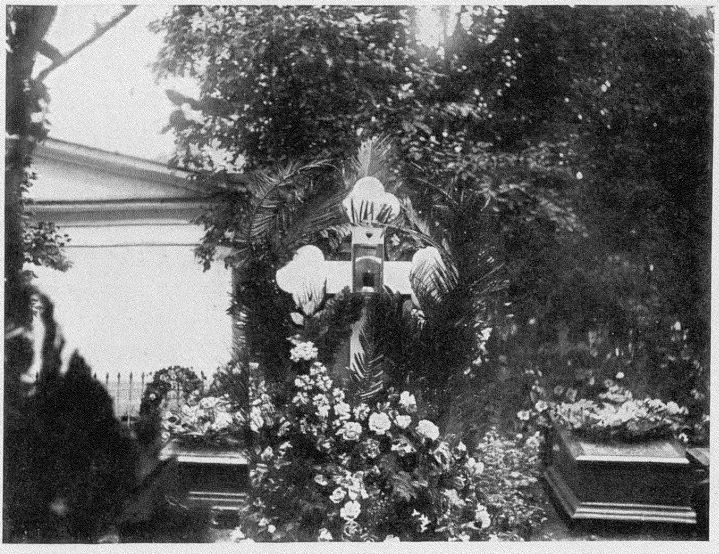
Причину преступленія очень большое число западныхъ изданій усматривали въ систематической агитаціи [500]). Въ Европѣ и Америкѣ рѣдко кто призналъ убійство—пятномъ на репутаціи финновъ. Осужденія, если и были, то «отвлеченнаго» характера [501]).

Бобриковъ всегда былъ готовъ считаться съ національными интересами и особенностями финскаго народа, но, «защищая свою честь, финляндцамъ нужно было показать, что справедливость на ихъ сторонѣ; но это, какъ заявила норвежская газета [502]), не достигается насиліемъ»! По мнѣнію одного французскаго изданія, подъ покровомъ высокихъ идей свободы велась въ сущности революціонная агитація противъ русской власти и убійства въ Финляндіи свидѣтельствуютъ, что «революціонной энергіи» накопилось много [503]).

Многія западныя газеты предрекали поэтому, что убійство Бобрикова «лишь первый актъ финляндской трагедіи» и начало финляндской революціи [504]).

Приведенные отрывки печати разныхъ странъ наглядно показываютъ между какими противоположными полюсами колебались сужденія о государственной дѣятельности Н. И. Бобрикова. Оправдывать его нѣтъ надобности. Свитокъ его трудовъ развернутъ передъ читателемъ нашей книги. Мотивы къ нимъ также указаны. Душа и помыслы Николая Ивановича раскрыты въ его дневникѣ, письмахъ и отчетахъ. Пусть судитъ совѣсть каждаго. Суда исторіи Н. И. Бобриковъ не боялся. И дѣйствительно, приговоръ безпристрастнаго будущаго ему не страшенъ.

Погребеніе Н. И. Бобрикова въ Троицко-Сергіевой пустыни.



Временный крестъ надъ могилою Н. И. Бобрикова.

9 іюня 1904 г. Николая Ивановича похоронили съ рѣдкимъ великолѣпіемъ въ Сергіевой пустыни (около Петербурга). Ему воздана были высшія военныя почести. Государь Императоръ и Великіе Князья присутствовали на отпѣваніи. Заупокойную литургію и преданіе землѣ совершилъ высокопреосвященнѣйшій митрополитъ С.-Петербургскій Антоній, въ сослуженіи съ блестящимъ сонмомъ духовенства.

«Какъ былъ хорошъ день тихій и прощальный!
Тянулся дымъ прозрачной пеленой,
Со стѣнъ на гробъ святыхъ взирали лики,
Лилась въ тиши спокойно рѣчь владыки,
А хоръ вѣщалъ о жизни неземной» [505])...

Передъ отпѣваніемъ владыка-митрополитъ произнесъ слѣдующее прекрасное надгробное слово:

«Со святыми упокой, Христе, душу усопшаго раба Твоего Николая!

«Настаетъ послѣдняя, тяжелая минута въ утратѣ незабвеннаго Николая Ивановича. Еще нѣсколько молитвословій и напутственныхъ благословеній и дорогой прахъ его навсегда сокроется отъ очей нашихъ въ нѣдрахъ земли. Но никогда не забудется имя его въ сердцахъ нашихъ, и неизгладимо напишется оно на страницахъ отечественной исторіи, какъ имя одного изъ славныхъ сыновъ великаго русскаго народа. Исполнится скоро шесть лѣтъ, какъ я благословлялъ его въ гельсингфорскомъ Успенскомъ соборѣ быть вѣрнымъ исполнителемъ мудрыхъ предначертаній Царя нашего въ возложенномъ на него отвѣтственномъ служеніи и привѣтствовалъ его, какъ человѣка мудраго, справедливаго и богобоязненнаго. И теперь, молитвенно благословляя его въ путь вѣчности, имѣю непреложное свидѣтельство совѣсти своей, что почившій, до послѣдняго вздоха своего, непостыдно исполнилъ святой долгъ свой предъ Царемъ, и предъ родиной, и предъ церковью православной. Это былъ вѣрный слуга Царя и родины своей, преданный сынъ церкви, человѣкъ воли непреклонной, благородный, открытый, съ геройскимъ самоотверженіемъ несшій въ рукахъ своихъ священное русское знамя, часто совершенно одинъ, среди открытыхъ и скрытыхъ нападеній со стороны чужихъ, а иногда, къ сожалѣнію, незаслуженныхъ порицаній со стороны даже и своихъ. Онъ зналъ, какое тяжелое бремя онъ несетъ, онъ предчувствовалъ и конецъ свой, говоря нерѣдко, что не умретъ своею смертію; но онъ зналъ, что несетъ не простое знамя, а знамя святое, знамя родины своей, и шелъ твердо, бодро, непреклонно, пока не палъ, сраженный пулею злодѣя, въ стѣнахъ учрежденія, на которомъ лежала священная обязанность охранять его. Какое нужно было мужество, какая вѣра, какая сила

воли, чтобы умѣть исполнить долгъ свой, не уклоняясь съ пути своего ни направо, ни налѣво при такихъ трудныхъ и тяжкихъ обстоятельствахъ, при какихъ судилъ ему Господь трудиться. Да, посѣтилъ насъ Господь великимъ несчастіемъ, отнявъ отъ насъ столь дорогого намъ человѣка. Его святая воля!.. . . . . Помолимся же усердно, да упокоитъ Господь его душу въ селеніяхъ Своихъ святыхъ!

«Со святыми упокой, Христе, душу усопшаго раба Твоего Николая»!

Врученіе знамени Н. И. Бобриковымъ.

ПРИМѢЧАНІЯ
и
УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Введеніе.—Финляндскій вопросъ. Михайловскій-Данилевскій. Описаніе Финляндской войны въ 1808 и 1809 годахъ. СПБ. 1841 г.

2. Проф. Берендтсъ, ссылаясь на дипломатическую переписку 1809—1812 гг. въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Петербургѣ.

3. К. Ф. Ординъ. Покореніе Финляндіи. Спб., т. I, стр. 168.

4. Наставленіе кн. Александру Вяземскому. Чтеніе въ Имп. Общ. Ист. и Древн., кн. I, 1858 г., Отдѣлъ «Смѣсь».

5. Любимовъ. М. Н. Катковъ. Спб. 1889, стр. 176.

6. Татищевъ, С. «Русскій Вѣстникъ».

7. Абовъ. (М. Бородкинъ), Г. М. Армфельтъ, Спб. 1901 г., стр. 9.

8. Вигель, Ф. Ф. Воспоминанія. Изд. 2-ое, т. III, стр. 66.

9. Русскій біографическій словарь. Статья Н. П. Павлова-Сильванскаго.

10. Ѳ. Мартенсъ. Сборн. трактатовъ, т. XIII, Спб., 1902 г.

11. Проектъ наказа финляндскому генералъ-губернатору Штейнгелю отъ 14 сент. 1810 г.

12. «Финляндія. Обзоръ періодической печати». I, 28.

13. Эдв. Бергъ. Наше управленіе и наши сеймы. На швед. яз., т. II, стр. 15.

14. Aug. Schauman. Från sex årtionden i Finland. H-fors 1893, IV, 357

15. Valvoja 1889, стр. 277.

16. «Вѣстн. Европы» 1872 г., янв.

17. Александръ Гермоніусъ. «С.-Петербургскія Вѣдомости». 1900 г.

18. Наглядным въ этомъ отношеніи показателемъ можетъ служить библіографическая книга «Финляндія въ русской печати», составленная М. Бородкинымъ, гдѣ указано болѣе 7 тыс. русскихъ названій книгъ и статей о финляндскомъ краѣ.

19. Samling af Kejserliga Bref, т. I, с. 64.

20. Представленіе Военнаго Министра въ Государственный Совѣтъ отъ 31 янв. 1900 г., № 6174.

21. Законъ 21 мая 1830 г. и 28 ноября 1833 г.

22. Всеподдан. отзывъ земскихъ чиновъ 1899 г., стр. 21, 23—24 и др.

23. Всеподданнѣйшій рапортъ кн. Ливена отъ 21 апр. 1828 г.

24. Juridiskt Album utgifvet af Robert Lagus, т. II, стр. 102, 118, 119 и др.

25. Ѳ. Дершау; 1839 г.

26. Воспоминанія Авг. Шаумана, т. I, стр. 48 на швед. языкѣ.

27. Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Спб.; т. II, стр. 235—236.

28. Nya Dagl. Allehanda 1860, № 273.

29. Nya Dagl. Allehanda 1861, № 105.

30. Проф. Э. Берендтсъ. Импер. Александровскій университетъ въ Финляндіи. Спб. 1902, стр. 216.

31. Дѣла сейма 1877—1878 гг. На швед. языкѣ.

32. С. К. Михайловъ (М. Бородкинъ). Юридическое полож. Финляндіи. Спб. 1901, стр. 128.

33. Тамъ-же; стр. 130—131.

34. Датскій журналъ: Dansk Tidskrift за ноябрь 1903 г.

35. Михайловъ. Юридич. полож. Финляндіи; стр. 18.

36. Тамъ-же; стр. 56 и др.

37. Сидоровъ. Русскіе въ Варшавѣ, 1889 г.

38. Проф. П. П. Пусторослевъ. Программа лекцій по общей части рус. уголовнаго права. Юрьевъ. 1904 г., стр. 190.

39. С. Михайловъ. Юридич. полож. Финляндіи.

40. Тамъ-же; стр. 11 и др.

41. Сидоровъ, А. А. Русскіе въ Варшавѣ, стр. 110.

42. Проф. Т. Рейнъ. Снельманъ.

43. Михайловъ. Юридич. полож. Финляндіи, стр. 34.

44. Проф. Берендтсъ.—Лекціи по административному праву Финляндіи, т. I, стр. 59. Архивъ статсъ-секретаріата. Всеподдан. доклады 1862, №№ 425—439.

45. С. Татищевъ. Имп. Александръ II; т. I, 533—534.

46. Проф. Берендтсъ. См. № 44.

47. Михайловъ. Юридич. полож. Финляндіи; стр. 34.

48. Михайловъ, стр. 129.

49. Проф. Берендтсъ. Финансовое право Вел. Кн. Финляндскаго. Спб. 1900 г.

50. Финляндія. Обзоръ періодич. печати. Спб. 1904, XI, стр. 142.

51. Работы комиссіи А. Вейсенберга. Проектъ Формы Правленія для Вел. Кн. Финляндскаго.

52. Всеподдан. записка Финляндскаго генералъ-губернатора 1902—1903 гг., стр. 15 слѣд.

53. Проф. Т. Рейнъ. I. В. Снельманъ.

54. «Финлянд. Газета» 1905 г., іюнь.

55. Еленевъ, Ѳ. Отчего побѣдители превращаются въ побѣжденныхъ?

56. Журналъ «Право» 1905, № 22 и Hufvudstadsbladet 1905, № 172.

57. Проф. Н. Д. Сергѣевскій. Къ вопросу о финляндской автономіи. Спб. 1902, стр. 11.

58. Фр. Деспанье. Финляндскій вопросъ съ юридической точки зрѣнія. Перев. съ франц. Берлинъ. 1901 г.

59. Фр. Деспанье.

60. Von Bar. der Burenkrieg, die Russificierung Finlands, die Haager Friedensconferenz und die Errichtung einer internationalen Academie zur Ausgleichung von Streitigkeiten der Staaten. Hannover, 1900.

61. «Русск. Вѣстн.» 1903 Дек., стр. 571, Ст. М. Бородкина, Западныя окраины и русская государственность.

62. Курсъ государственной науки. Проф. Б. Чичерина, ч. III.

63. С. Шараповъ. Самодержавіе (заграничное изданіе)

64. Любимовъ. М. Н. Катковъ.

65. Проф. Т. Рейнъ. I. В. Снельманъ.

66. М. Бородкинъ. Необходимость Самодержавія для Россіи. Харьковъ. 1904.

67. Влад. Гольмстрёмъ. См. «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1900, № 27 и «Финляндія» Обз. період. печати.

68. Обзоръ період. печати, т. I, стр. 36, 82.

69. Тоже.

70. Тоже.

71. Любимовъ, Д. Памяти В. К. Плеве. Спб. 1904, стр. 27.

72. «Рус. Вѣстн». 1903 г. Западныя окраины и русская государственность. Статьи М. Бородкина.

73. С. Ѳ. Шараповъ.

74. «Міръ Божій». В. Фирсовъ. 1898, дек.

75. Забываемыя причины финляндскихъ успѣховъ. «Новое Время», № 6840, 15 марта. Статья Георгія Абова (М. Бородкина).

76. «Новое Время» 1898, 12 іюня и 1902, 21 апр.

77. Вл. Гольмстремъ.

78. Отзывъ сейма 1898 г., стр. 152.

79. «Ueber die Wiederherstellung der verfassungsmässigen Ordnung in Finland».

80. Финляндія. Обзоръ періодич. печати. I, 83.

81. Проф. Германсонъ. См. Журналъ Комиссіи Н. С. Таганцева.

82. «Отечество» изд. гр. П. А. Голенищева-Кутузова, 1903, № 3.

84 «Финл. Газета» 1903, № 8.

85. Dansk Tidskrift, ноябрь 1903.

86. Финляндія. Обзоръ періодич. печати I, 2.

87. «Новое Время» 1905, 10 марта.

88. Рѣчь М. Бородкина, произнесенная при открытіи Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія 9 ноября 1903.

89. Финляндія. Обзоръ періодич. печати I, 77.

90. Проф. Т. Рейнъ. I. В. Снельманъ.

91. Финляндія. Обзоръ періодич. печати.

92. Проф. Германсонъ. Государственно-правовое положеніе Финляндіи.

93. Соображенія сейма 1877—78 г. № 1, стр. 47.

94. Сборникъ разсказовъ «Lastuja», Porvo, 1891. См. «Кн. Недѣли» 1891 г., № 10, стр. 164—165.

95. Лейно, См. газета «Päivälehti».

96. «Новое Время» 1896, 4 іюня. Изъ книги доцента Упсальскаго университета Вильяма Лундстрема «Съ юга и востока». На швед. языкѣ. Перев. Бородкинъ.

97. Зах. Топеліусъ, Путешествіе по Финляндіи.

98. Брошюры Квантена. Скандинавизмъ и финноманія, 1855 г. Стокгольмъ. На швед. языкѣ.

99. Брошюра на швед. языкѣ о чествованіи Снельмана.

100. La Finlande indépendante et neutre.

101. Георгій Абовъ. Гр. Густавъ Армфельтъ.

102. Muistelmia. matkalta Venäjän Karjalassa Kesala 1879 г. Kirjoitanut Ervasti Oullussa 1880 г.

103. «Финляндская Газета» 1904, №№ 178, 179, 182.

104. «Русскій Вѣстн.» 1895 г. сент., стр. 309; а также соч. С. К. Михайлова. Юридич. положеніе Финляндіи. Спб. 1901 г. стр. 46.

105. «Laatokka» 1896 г., 8 (20) іюня; а также П. Мессарошъ. Финляндія государство или русская окраина? стр. 196—197.

106. Laatokka 1893 и Nya Pressen 1893 г. № 323.

107. E. G. Palmén. L'œuvre demiséculaire de la société de littérature finnoise. Helsingfors 1882, стр. 52.

108. Финляндія. Обзоръ періодич. печати; I, стр. 36.

109. Тамъ же; стр. 37.

Петербургъ праздновалъ свое двухсотлѣтіе (1903 г. Представители европейскихъ столицъ прибыли на торжество русской столицы. Не явились приглашенные представители городовъ Финляндіи. «Изъ всѣхъ финляндскихъ городовъ получены одинаковыя, чуть-ли даже не торжественныя увѣдомленія, что они не будутъ имѣть случая» прибыть на юбилей. (Моск. Вѣд. 1903, № 137).

110. Сборникъ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго 1891, № 12, стр. 5.

111. Финляндская окраина Россіи. Сборн. Изданія С. Петровскаго.

112. Государственный строй Германской Имперіи по Лабанду.

113. Тамъ же.

I. Назначеніе Н. И. Бобрикова генералъ-губернаторомъ.

114. Генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи, Николай Ивановичъ Бобриковъ родился 15 января 1839 г. Происходилъ изъ дворянъ С.-Петербургской губ.

На службу вступилъ (въ 1858 г.) изъ фельдфебелей I Кадетскаго корпуса въ I Гренадерскій стрѣлковый баталіонъ, но вскорѣ (въ 1860 г.) перевелся въ Л.-Гв. Уланскій Его Величества полкъ. Въ 1862 г. поступилъ въ Николаевскую академію Генеральнаго штаба. По окончаніи сего курса, его причислили къ Казанскому военному округу, а въ 1867 г. былъ уже назначенъ начальникомъ штаба 22 пѣхотной дивизіи. Съ 1876 г. онъ состоялъ для особыхъ порученій при его Императорскомъ Высочествѣ Главнокомандующемъ войсками Гвардіи и Петербургскаго округа. Въ слѣдующемъ году мы видимъ его временно исп. должн. помощника начальника штаба Петербургскаго военнаго округа. Въ 1878 г. его произвели въ генералъ-маіоры и зачислили въ Свиту Его Императорскаго Величества. Въ 1880 г. онъ находился въ Верховной Распорядительной Комиссіи. Въ 1884 г. его назначили Начальникомъ штаба войскъ Гвардіи и Петербургскаго округа.

17 августа 1898 г. назначенъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками Финляндскаго военнаго округа.

Н. И. Бобриковъ имѣлъ всѣ россійскіе ордена до св. Владиміра I степени включительно и много иностранныхъ знаковъ отличія до большого офицерскаго креста французскаго ордена Почетнаго Легіона.

Женатъ былъ два раза: первымъ бракомъ на дѣвицѣ Ольгѣ Петровнѣ Леонтьевой и вторымъ на баронессѣ Елизаветѣ Ивановнѣ Сталь фонъ-Гольштейнъ. Отъ перваго брака имѣлъ четырехъ дѣтей, а отъ второго—одну дочь.

Состоялъ членомъ Государственнаго Совѣта и Военнаго Совѣта.

115. Изъ дневника Н. И. Бобрикова.

116. Письмо къ В. К. Плеве 17 іюня 1900 г.

117. Изъ дневника Н. И. Бобрикова.

118. «Московскія Вѣдомости» 1904 г., № 154, 6 іюня.

119. Высочайшій рескриптъ на имя Н. И. Бобрикова отъ 17 августа 1898 г.

120. К. Тудеръ сказалъ. «Императорскій Финляндскій сенатъ, привѣтствуя Ваше Высокопревосходительство съ благополучнымъ прибытіемъ въ Финляндію, счастливъ слышать отъ Васъ милостиво-благосклонныя слова Его Императорскаго Величества къ финскому народу.

Императорскій сенатъ, состоя въ близкомъ соотношеніи съ народонаселеніемъ края и хорошо знакомый съ его общественнымъ благосостояніемъ, счастливъ засвидѣтельствовать, что всѣ безъ исключенія сословія проникнуты глубочайшею и чистосердечною благодарностію въ Бозѣ почивающимъ четыремъ Императорамъ и нынѣ благополучно царствующему Госу-

дарю Императору за милости столь щедро и постоянно оказываемыя Великому Княжеству.

Финскій народъ, проникнутый чувствомъ безпредѣльной преданности и любви къ своему обожаемому и милостивому Монарху, хорошо понимаетъ, что достигнутымъ въ Великомъ Княжествѣ относительнымъ благосостояніемъ онъ обязанъ милостивымъ заботамъ своихъ Государей о благѣ финскаго народа, дарованіемъ сему народу подъ сѣнью своихъ законовъ мирно трудиться на пути развитія общаго благосостоянія и улучшенія своего экономическаго быта, борясь съ постоянными тяжелыми преградами, причиняемыми скудною почвою и суровымъ климатомъ.

Императорскій Финляндскій сенатъ вполнѣ убѣжденъ, что при высокихъ дарованіяхъ Вашего Высокопревосходительства Вы скоро изволите ознакомиться съ Княжествомъ, его общимъ состояніемъ и нуждами, и что Великое Княжество въ Вашей просвѣщенной личности имѣетъ справедливаго цѣнителя дѣйствительности и истины, благосклоннаго, неусыпнаго и заботливаго попечителя о благѣ населенія и края.

Императорскій Финляндскій сенатъ пользуется настоящимъ случаемъ и проситъ Ваше Высокопревосходительство не отказать повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества чувства вѣрноподданной незыблемой преданности сената и населенія и лучшія благопожеланія Его Величеству и Его Августѣйшей Семьѣ». (Изъ семейнаго архива Н. И. Бобрикова).

121. Изъ бумагъ Н. И. Бобрикова.

122. «Nya Pressen».

123. «Hufvudstadsbladet».

124. «Вѣстникъ Европы» 1898, ноябрь, 430 стр.

125. «Новое Время», «Московскія Вѣдомости», «Свѣтъ» и др.

126. «Новое Время» 2 октября 1898 г. № 8117.

127. Корреспонденція «Новаго Времени» изъ Гельсингфорса.

128. «Стокгольмская Газета».

129. С. Ѳ. Шараповъ.

130. Всеподданнѣйшая Записка Финляндскаго Генералъ-Губернатора отъ 15 октября 1902 г., стр. 12.

131. Тамъ же, стр. 13.

Мы часто будемъ возвращаться въ нашемъ трудѣ къ всеподданнѣйшимъ отчетамъ и запискамъ генералъ-губернатора Н. И. Бобрикова въ виду того, что онъ самъ придавалъ имъ очень большое значеніе и смотрѣлъ на нихъ, какъ на документы «особой важности». Въ нихъ онъ видѣлъ свое «историческое оправданіе» передъ Россіей и Ея Державнымъ Хозяиномъ (письмо его отъ 26 янв. 1904 г.). «Оба отчета, — писалъ Николай Ивановичъ, — должны быть моимъ завѣщаніемъ» (8 февр. 1904 г.).

132. Тамъ же, стр.14.

133. Письмо Н. И. Бобрикова къ В. К. Плеве—16 ноября 1899 г.

134. Письмо его къ В. К. Плеве—16 октября 1899 г.

135. Изъ бумагъ Н. И. Бобрикова.

II. Воинская повинность.

136. Сборникъ матеріаловъ по составленію и пересмотру устава о воинской повинности въ Финляндіи. Спб. 1899 г. (Съ статистическими данными).

137. Высочайшая Грамота отъ 19 іюля 1898 г.

138. «Nya Pressen» 1899 г., № 23.

139. Отзывъ чрезвычайнаго сейма 1899 г.

140. Тамъ же.

141. Пасторъ Берггротъ.

142. «National Zeitung». Финляндія. Обзоръ періодической печати, VIII, стр. 142.

143. Изъ сообщеній генерала А. И. Чепурнова.

144. Письмо Н. И. Бобрикова къ В. К. Плеве 6 ноября 1899 г.

145. Сборникъ матеріаловъ по составленію и пересмотру уст. о воин. повинности.

146. Отзывъ чрезвычайнаго сейма 1899 г., стр. 128—129.

147. Изъ дневника Н. И. Бобрикова.

148. Въ датской газетѣ «Politiken» отъ 5(18) декабря 1903 г., № 352.

149. Записка С. Ю. Витте, стр. 12, 20—21.

150. Тамъ же, стр. 4—5.

151. Тамъ же, стр. 4.

152. Изъ записокъ М. Бородкина.

153. Журналъ Государственнаго Совѣта, стр. 106—107.

154. «Aftonbladet» 1901 г. отъ 30 мая нов. ст.

155. Финляндія. Обзоръ період. печати; VII, 82.

156. «Гражданинъ» 1901 г., май.

157. М. Бородкинъ. Война 1854—1855 г. на Финскомъ побережьѣ. Спб. 1904 г.

158. Постановленія Вел. Кн. Финляндскаго 1901 г., № 26.

159. Письмо Н. И. Бобрикова къ В. К. Плеве 18 іюля 1900 г,

160. Изъ бумагъ Н. И. Бобрикова.

161. Изъ дневника Н. И. Бобрикова.

162. Письмо Н. И. Бобрикова къ Н. Н. Шипову 29 іюня 1901 г.

163. Изъ бумагъ Н. И. Бобрикова. Письмо къ нему отъ 4 іюля 1901 г.

164. Письмо Н. И. Бобрикова къ В. К. Плеве 19 іюля 1901 г.

165. Изъ бумагъ Н. И. Бобрикова.

166. Письмо Н. И. Бобрикова къ В. К. Плеве 30 ноября 1901 г.

167. «Helsingfors Posten».

168. І. В. Снельманъ. Соч. проф. Т. Рейна.

169. Докладъ ген.-лейт. Н. Н. Шипова, ноябрь 1901 г.

170. «Berliner Tageblatt». Финляндія. Обзоръ періодич. печати; VIII, 139—140.

171. Финляндія; I, стр. 19.

172. Письмо В. К. Плеве къ Н. И. Бобрикову 30 іюля 1901 г.

173. «Финляндская Газета» 1903 г., № 19.

174. Письмо Н. И. Бобрикова къ В. К. Плеве 8 ноября 1902 г.

Ш. Манифестъ 3 февраля 1899 г.

175. Изъ бумагъ Н. И. Бобрикова.

176. Финляндія. Обзоръ періодич. печати; IV, стр. 124.

Всеподданнѣйшее представленіе Императорскаго Финляндскаго Сената по поводу Высочайшаго манифеста отъ 3 — 15 февраля 1899 года:

Державнѣйшій Всемилостивѣйшій Государь Императоръ и Великій Князь!

Наряду съ Высочайшимъ манифестомъ отъ 3—15 сего февраля Ваше Императорское Величество утвердили особыя Основныя Положенія о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи, со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго.

Вмѣстѣ съ опубликованіемъ сегодня сенатомъ, согласно Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, доставленныхъ ему копій съ названнаго Высочайшаго манифеста и Основныхъ положеній, Сенатъ, коему ввѣрено общее управленіе страны, счелъ священнымъ долгомъ, внушеннымъ ему какъ присягой на службу, такъ и указаннымъ положеніемъ его, съ всеподданнѣйшимъ почтеніемъ выразить Вашему Императорскому Величеству тѣ соображенія, которыя вызвали у Сената Высочайшіе манифестъ и Основныя положенія.

Внутренній порядокъ въ Финляндіи и отношенія ея къ Имперіи установлены блаженныя памяти Императоромъ Александромъ I Высочайшимъ удостовѣреніемъ отъ 15 — 27 марта 1809 г. Этимъ, какъ самому Императору благоугодно было выразиться, торжественнымъ, изданнымъ въ присутствіи земскихъ чиновъ и милостью Всевышняго обнародованнымъ актомъ Императоръ укрѣплялъ и утверждалъ религію и основные законы страны, а также права и привилегіи, коими донынѣ, согласно конституціи, пользовался всякій финляндскій гражданинъ въ отдѣльности и всѣ жители вообще, отъ высшаго до низшаго. Само собою понятно, что Государь Императоръ въ этомъ видѣлъ тѣ конституціонныя права, кои принадлежали подданнымъ согласно ранѣе дѣйствовавшимъ государственнымъ законамъ, или точнѣе: ихъ вѣковое право самообложенія и участія въ законодательствѣ. Однако Государь призналъ необходимымъ въ различныхъ случаяхъ разъяснять свои по сему намѣренія. Такъ, Государь Императоръ открылъ сеймъ словами: «J'ai promis de maintenir votre constitution, vos lois fondamentales». Въ манифестѣ отъ 15 — 27 марта 1810 г. Государь выражается, что его намѣреніемъ было управлять страною, «какъ націей свободною и пользующеюся правами, обезпеченными ей ея конституціей», «comme une nation libre et jouissant des droits que sa constitution lui garantit» Далѣе въ Высочайшемъ объявленіи отъ 9—21 февраля 1816 г. Государь говоритъ: «Убѣдившись, что порядокъ управленія и законы,— кои, соотвѣтствуя нравамъ, обычаямъ и развитію народа, въ теченіи многихъ лѣтъ служили основаніемъ гражданской свободы и спокойствія, — не могутъ, безъ опасности для таковыхъ, быть уничтожены или нарушены, Мы съ самаго начала Нашего надъ сею страной Царствованія, не только торжественнѣйше укрѣ-

пили указанный порядокъ управленія и законы, съ принадлежащими по онымъ каждому финляндскому гражданину свободою и правами, но и, по предварительномъ разсмотрѣніи съ собранными земскими чинами страны, учредили особое правительственное мѣсто, которое подъ именемъ нашего Правительствующаго Совѣта, состоящее изъ финскихъ уроженцевъ, донынѣ именемъ Нашимъ вѣдало гражданскимъ управленіемъ страны и отправленіемъ правосудія въ качествѣ послѣдней инстанціи. независимо отъ какой-либо иной силы, кромѣ силы законовъ и той, коею Мы на основаніи послѣднихъ, какъ Правитель, Сами пользуемся. Такимъ образомъ Мы желали, какъ привести въ исполненіе тѣ идеи, кои руководили и впредь будутъ руководить Нами въ отношеніи Нашихъ финскихъ подданныхъ, такъ равно на вѣчныя времена утвердить удостовѣреніе, ими отъ Насъ полученное, о сохраненіи ихъ особаго порядка управленія подъ Скипетромъ Нашимъ и Наслѣдниковъ Нашихъ». На тѣхъ основаніяхъ, кои были положены первымъ актомъ Александра I о соединеніи, руководилось и развивалось управленіе Финляндіей, въ особенности послѣ того, какъ извѣстными мѣропріятіями Императора Александра II земскимъ чинамъ доставлена возможность болѣе частыхъ періодическихъ собраній

Такъ какъ Финляндія присоединена и подвластна Имперіи, которая имѣетъ надъ ней суверенныя права, то вполнѣ послѣдовательно, что рядъ вопросовъ, главнымъ образомъ относящихся къ порядку наслѣдованія, къ Царской фамиліи и къ иностраннымъ сношеніямъ, совершенно изъемлются изъ обсужденія финляндскихъ учрежденій.

Но вопросы, кои, согласно порядку управленія страны, каковой былъ установленъ и примѣненъ Императоромъ Александромъ I, предоставлены финляндскимъ учрежденіямъ, не могутъ быть изъяты изъ законнаго обсужденія сихъ учрежденій лишь потому, что они вмѣстѣ съ тѣмъ затрогиваютъ Русское Государство, или общегосударственныя интересы, или иначе стоятъ въ связи съ Имперскимъ законодательствомъ. Ибо вышеназванный порядокъ управленія, цѣлью котораго, согласно многократнымъ заявленіямъ Императора Александра I, было предоставить населенію Финляндіи національное и политическое бытіе, гласитъ, что Финляндія есть самостоятельный во внутреннемъ законодательствѣ и управленіи край, для коего законы даруются Монархомъ при содѣйствіи собственныхъ учрежденій страны. Въ случаѣ, если по закону требуется участіе въ законодательной мѣрѣ земскихъ чиновъ, рѣшеніе чиновъ должно быть утверждено Монархомъ безъ измѣненій, или вопросъ считается на сей разъ неразрѣшеннымъ. Въ прочихъ случаяхъ Монархъ принимаетъ единолично рѣшеніе, признаваемое имъ для края полезнымъ.

Въ п. 5 основныхъ положеній между тѣмъ предписывается, что по тѣмъ законодательнымъ предположеніямъ, кои въ порядкѣ внутренняго управленія Великаго Княжества Финляндскаго поступаютъ на уваженіе Финляндскаго Сейма, требуется заключеніе Сейма также и при изданіи такъ называемыхъ общеимперскихъ законовъ. Однако тѣ законопроекты, которые, согласно финляндскимъ основнымъ законамъ, должны передаваться сейму, являются не только предметомъ для заключенія, но должны обрабатываться земскими чинами въ видѣ рѣшенія, которое, согласно вышесказанному, Монархъ можетъ либо утвердить безъ измѣненій, либо отклонить. Разъ указанное содержаніе основныхъ положеній допускаетъ возможность изданія закона въ разрѣзъ съ заключеніемъ земскихъ чиновъ, слѣдовательно положенія эти заключаютъ въ себѣ уничтоженіе согласнаго съ основными законами права чиновъ. Это уничтоженіе тѣмъ болѣе наводитъ на размышленія, что объемъ законовъ, которые считаются затрагивающими имперскіе интересы, не ограниченъ чѣмъ-либо и можетъ быть распространенъ на какія угодно отрасли законодательства. Такъ какъ названныя Основныя положенія содержатъ такимъ образомъ отклоненіе отъ финляндскихъ основныхъ законовъ, то изъ этого слѣдуетъ, что эта законодательная мѣра не могла быть законно проведена безъ участія земскихъ чиновъ, ибо, по § 71 Сеймоваго устава, основной законъ можетъ быть введенъ, измѣненъ, объявленъ или отмѣненъ лишь по предложенію Государя и Великаго Князя и съ согласія всѣхъ сословій.

Въ виду сего Сенатъ признаетъ себя вы-

нужденнымъ своимъ долгомъ съ всеподданнѣйшимъ почтеніемъ повергнуть предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, что настоящая законодательная мѣра проведена не въ порядкѣ, установленномъ основными законами Финляндіи. Сенатъ также не колеблется всеподданнѣйше высказать, что финскій народъ, отъ высшаго до низшаго, неизбѣжно усмотритъ въ ней по той же причинѣ подавленіе установленнаго законами права, котораго народъ этотъ, не зная, за какое съ его стороны дѣяніе, лишается.

Всемилостивѣйшій Государь! Жители Финляндіи никогда не перестанутъ благословлять память благороднаго Монарха, который, когда Финляндія при соединеніи съ Имперіей пошла навстрѣчу новой участи, сумѣлъ привязать къ себѣ этотъ народъ неразрывными узами вѣрности и любви. Финскій народъ также глубоко сознаетъ долгъ признательности, которымъ онъ обязанъ всѣмъ слѣдующимъ своимъ высокимъ Монархамъ за защиту, оказанную Ими народу, и благодѣянія, Ими совершенныя. Онъ имѣетъ также столь высокое понятіе о священной Особѣ Монарха и о ненарушимости Царскаго слова, что видѣлъ въ нихъ надежную опору для сохраненія законномѣрнаго положенія въ странѣ.

Сенатъ поэтому не можетъ относительно Вашего Императорскаго Величества предположить такой мысли, чтобы въ Высочайшей Вашего Императорскаго Величества волѣ и намѣреніи было бы отступиться отъ торжественной клятвы народу Финляндіи, данной Вашимъ Императорскимъ Величествомъ съ высоты Престола, о сохраненіи порядка управленія страны твердо и непоколебимо въ полной силѣ. Сенатъ долженъ поэтому предположить, что здѣсь произошло ненамѣренное упущеніе изъ виду установленнаго финляндскими законами права, но упущеніе, которое, если не будетъ исправлено, посѣетъ среди финскаго народа глубокое неудовольствіе и печаль и ослабить его трудолюбивую дѣятельность для развитія просвѣщенія и благосостоянія въ этихъ сѣверныхъ, скупо одаренныхъ природою мѣстахъ.

Такъ какъ Сенатъ питаетъ твердую увѣренность, что Ваше Императорское Величество настоящимъ, какъ и прочими Вашими правительственными мѣропріятіями, имѣли цѣлью благо финскаго народа, и въ виду того, что надлежащее соблюденіе законнаго права земскихъ чиновъ несовмѣстимо съ предписаннымъ въ Основныхъ положеніяхъ порядкомъ обсужденія дѣлъ, Сенатъ осмѣливается всеподданнѣйше ходатайствовать, чтобы Вашему Императорскому Величеству благоугодно было объявить, что настоящая законодательная мѣра не имѣетъ цѣлью уничтожить установленное основными законами право финскаго народа.

Однако, такъ какъ, несомнѣнно, могутъ быть законодательные вопросы, касающіеся общеимперскихъ интересовъ, которые должны обсуждаться инымъ, нежели обыкновенно донынѣ, путемъ, и въ виду убѣжденія Сената, что финскій народъ не воздержится отъ уступокъ и жертвъ, требуемыхъ истинными интересами Имперіи, Сенатъ осмѣливается вмѣстѣ съ симъ всеподданнѣйше представить, чтобы Вашему Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть выработать чрезъ свѣдующихъ лицъ какъ съ русской, такъ и съ финской стороны проектъ закона о проведеніи въ законодательномъ порядкѣ вопросовъ, касающихся общеимперскихъ интересовъ, съ тѣмъ, чтобы законопроектъ этотъ, по тщательномъ подготовительномъ обсужденіи, былъ переданъ, согласно основнымъ законамъ, на разсмотрѣніе земскихъ чиновъ Финляндіи. Гельсингфорсъ, 18 февраля 1899 года.

177. Отдѣльная печатная записка финляндскаго генералъ-губернатора. Изъ бумагъ Н. И. Бобрикова.

178. Финляндія. Обзоръ періодич. печати, октябрь—декабрь 1900, стр. 152—155.

179. «Финляндская Газета» 1902, № 71.

Одна гетеборгская газета (Morgonposten) въ рядѣ статей доказывала, что значеніе манифеста 3 февраля преувеличено и съ какой-бы стороны не взглянуть на дѣло, надо признать справедливость русскихъ требованій, что общія дѣла должны быть сообща разсмотрѣны; финляндцы должны быть благодарны, что послѣдствія новаго государственнаго акта не явились болѣе тяжелыми. Подозрѣвали, что статьи принадлежали перу стараго финномана или стороннику сената. (Ur Finlands nyaste historia; т. II, стр. 29).

180. Всеподданнѣйшій докладъ отъ 13 сентября 1902 г. № 218.

181. Всеподданнѣйшій докладъ отъ 18 октября 1904 г.

182. Ѳ. П. Еленевъ. Отчего побѣдители обращаются въ побѣжденныхъ? Спб. 1898, стр. 22 и 24.

183. Тамъ же, стр. 24.

IV. Улучшеніе быта русскихъ.

184. Двадцатипятилѣтіе Александровской Гельсингфорской гимназіи; стр. 4—5.

185. Письмо Н. И. Бобрикова къ В. К. Плеве 21 марта 1900 г.

186. Тоже—отъ 22 апрѣля 1901 г.

187. Сборн. постановленій В. К. Финляндскаго 1862, № 1.

188. «Новое Время» 1899 г. 3 марта, № 8266.

189. Письмо Н. И. Бобрикова къ В. К. Плеве отъ 5 декабря 1899 г.

190. Изъ бумагъ Н. И. Бобрикова.

191. Русская библіотека-читальня въ Гельсингфорсѣ. Отчетъ за первый годъ; стр. 2. (Оттиски изъ «Финл. Газеты»).

192. Всеподданнѣйшій отчетъ финляндскаго генералъ-губернатора. Спб. 1902.

193. Письмо Н. И. Бобрикова къ В. К. Плеве отъ 28 марта 1900 г.

194. Письмо Н. И. Бобрикова къ N. N. отъ 18 апр. 1899 г. Изъ бумагъ Н. И. Бобрикова.

195. Ur Finlands nyaste historia. Stockholm 1900, часть II, стр. 113—114.

196. Я. К. Гротъ. Журналъ для чтенія воспитан. воен.-учебн. заведеній. 1841, томъ 131, стр. 159 и др.

197. «Työmies», 1900 г.

198. Письмо Н. И. Бобрикова къ В. К. Плеве отъ 8 марта 1900 г.

199. Тоже—отъ 15 марта 1900 г.

200. Сборн. постановленій Вел. Кн. Финляндскаго 1883, № 12.

201. Изъ бумагъ Н. И. Бобрикова.

202. Тоже.

Отвѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ послѣдовалъ 27 марта 1899 г. № 2305.

30 апрѣля (12 мая) 1899 г. за № 236, генералъ-губернаторъ писалъ вр. и. д. министра статсъ-секретаря.

31 мая 1899 г. послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на русскую оффиціальную газету.

V. Русскій языкъ.

203. Воспоминанія Авг. Шаумана, на швед. яз., ч. I, стр. 19.

204. Собр. сочиненій Я. К. Грота; т. II, 215.

205. Финляндская окраина Россіи. Изд. Петровскаго; т. I, 499.

206. Постановл. Вел. Кн. Финляндскаго 1900, № 22.

207. Изъ бумагъ В. К. Плеве. А также письмо его къ Н. И. Бобрикову отъ 15 іюня 1900 г.

208. Дѣло Статсъ-Секретаріата Вел. Кн. Финляндскаго 1903 г. № 59, т. IV; 1900, № 13, стр. 253.

209. «Göteborgs Handel och S. Tidning».

210. «Новое Время» 1899 г., 7 октября.

211. Дѣло Статсъ-Секретаріата Вел. Кн. Финляндскаго 1903 г. № 59.

212. Königsberger Hartungsche Zeitung, авг. 1900 г.

VI Учебныя заведенія.

213. «Boken om vart land» или «Maamme Kirja».—Разборъ ея былъ помѣщенъ въ «Финл. Газетѣ».

Духъ, господствующій въ книгѣ наставника финляндскаго юношества, наблюдается и въ учебникахъ армянъ на Кавказѣ, которые также увлекаются политической пропагандой. Въ училищахъ армянъ русскій языкъ упорно преслѣдовался, русская исторія и географія преподавались по учебнику, одобренному католикосомъ, въ которомъ значилось (см. газ. «Кавказъ» 1897 г. № 125): «Арменія—великое слово, великое воспоминаніе прошлыхъ временъ, великій элементъ будущаго! Кто знаетъ, въ пятьдесятъ лѣтъ чѣмъ станетъ эта страна, гдѣ день ото дня все разростается армянскій народъ,—племя усердное и полное будущности». «Армянскій народъ Божественнымъ Промысломъ избранъ посредникомъ въ распространеніи христіанства и цивилизаціи на Востокѣ». «Если производительность страны въ упадкѣ, то въ этомъ виновато правительство»... «Съ тѣхъ поръ, какъ Арменія лишилась своихъ природныхъ царей, многія мѣстности заглохли, обратились въ пустыни... страна, благодаря дурному управленію, часто подвергается голоду... правительство обременяетъ земледѣльца всевозможными податями... правители притѣсняютъ и грабятъ... У земледѣльца нѣтъ собственной земли... Русская Арменія составляетъ изъ вышеизложеннаго маленькое исключеніе». Когда запрещено было пре-

подавать исторію и географію Арменіи, то изъ церковныхъ училищъ исчезли исторія и географія Россіи, а армянская исторія и географія вошли въ исторію армянской церкви и въ армянскія христоматіи.

(«Свѣтъ», 6 авг. 1905 г., № 203).

214. Подробнѣе смотри въ брошюрѣ: О «Разсказахъ прапорщика Столя» («Fänrik Ståls Sägner») Гельсингфорсъ 1901 г. Оттиски изъ «Финл. Газеты» 1901 г. №№ 77, 81, 83, 85, 86 и 87. (Статья М. Бородкина).

215. Записка финляндскаго генералъ-губернатора отъ 15 февраля 1903 г. «О противоправительственномъ движеніи въ Финляндіи по 1 февр. 1903 г. и о мѣрахъ къ его прекращенію»; стр. 2.

VII. Преобразованія.

216. Письма Н. И. Бобрикова къ В. К. Плеве отъ 4 и 13 февраля 1900 г. и 3 марта 1901 г.

На сложный и слишкомъ медленный порядокъ дѣлъ жаловался также дѣятельный и энергичный гр. Бергъ, когда онъ былъ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ.

217. Письмо Н. И. Бобрикова къ В. К. Плеве, іюня 1900 г.

218. «Morning Post», 1900 г.

219. Письмо Н. И. Бобрикова къ В. К. Плеве отъ 18 іюня 1900 г.

220. Письмо В. К. Плеве къ Н. И. Бобрикову 27 февраля 1900 г. и письмо Н. И. Бобрикова къ В. К. Плеве отъ 15 іюня 1900 г.

221. Письма В. К. Плеве къ Н. И. Бобрикову отъ 5 іюня 1900 г. и отъ 22 іюля.

222. Письмо Н. И. Бобрикова къ В. К. Плеве 7 окт. 1900 г.

223. Письмо Н. И. Бобрикова къ В. К. Плеве отъ 18 апрѣля 1901 г.

224. «Nya Pressen» 1900, № 174.

225. Письмо Н. И. Бобрикова къ Н. Н. Шипову 29 августа 1901 г.; письмо Н. И. Бобрикова къ В. К. Плеве 28 марта 1902 г.

226. Письма Н. И. Бобрикова къ В. К. Плеве отъ 1 декабря 1903 г. и 25 января 1904 г.

227. Сборн. постановленій Вел. Кн. Финл. 1892, № 30, § 51.

228. Финляндія; V, 25 — 27 и 30; Uusi Suometar 1900.

229. Финляндія; V, 25—27; «Nya Pressen»; Финляндія; II. 51.

230. Финляндія V, 32 – 44.

231. «Hufvudstadsbladet»; «Настроеніе денежнаго рынка».

232. Финляндія; I, 69.

233. Матеріалы по вопросу объ устройствѣ денежной и банковой системы въ Финляндіи. Спб. 1905, стр. 34—36.

234. Тамъ же; стр. 38.

235. «Новое Время» 1900. Статьи С. Короленко.

236. Промысловое право В. К. Финляндскаго. Лекціи проф. І. К. Лангъ. Переводъ проф. Э. Н. Берендтса.

237. Матеріалы по вопросу о таможенномъ законодательствѣ въ Финляндіи. Спб. 1905, стр. 31—34.

238. «Новое Время» 1891, 4 февраля.

239. Г. Абовъ (М. Бородкинъ). «Новое Время» 10 января 1901 г. (прибавленіе).

240. Указъ 24 февраля 1825 г.

241. «Новое Время» 12 іюня 1902, № 9435.

242. Изъ переписки, задержанной у высланныхъ.

243. Изъ гельсингфорскихъ газетъ 1901 г.

244. «J hvilken riktning»? соч. проф. Даніельсона.

245. Письмо Н. И. Бобрикова къ В. К. Плеве отъ 12 мая 1900 г,

246. Письмо В. К. Плеве къ Н. И. Бобрикову 18 октября 1901 г.

247. Проф. Н. Д. Сергѣевскій. Лекціи.

248. «Финляндская Газета» 1902, № 144.

249. «Финл. Газета» 1905 г., №№ 86 и 87.

250. «Финл. Газета» 1905 г.

251. Финляндія; 1, 10, 54; Статистика Финляндіи.

252. Письмо Н. И. Бобрикова къ В. К. Плеве 29 октября 1900 г.

253. А. М. Коллонтай. Жизнь финляндскихъ рабочихъ. Спб. 1903.

254. А. Коллонтай. А также: Befolknings-Statistik 1890, стр. 38.

255. А. Коллонтай. А также: Отчеты губернаторовъ. Урсинъ: Рабочій вопросъ въ Финляндіи.

256. Письмо Н. И. Бобрикова къ В. К. Плеве 30 іюня 1900 г.

257. Письмо В. К. Плеве къ Н. И. Бобрикову 20 октября 1899 г.

258. Письмо Н. И. Бобрикова къ В. К. Плеве отъ 5 декабря 1899 г., отъ 3 марта 1900 г.

259. «Työmies» 1900 г.

260. Письмо Н. И. Бобрикова къ В. К. Плеве отъ 6 ноября 1899 г.

261. Письмо В. К. Плеве къ Н. И. Бобрикову 18 окт. 1900 г.

262. Письмо Н. И. Бобрикова къ В. К. Плеве 29 окт. 1900 г. и 5 ноября 1901 г.

263. Письмо Н. И. Бобрикова къ Н. Н. Шипову 7 іюля 1899 г.

264. Финляндія. вып. X, стр. 64.

265. Письма Н. И. Бобрикова къ В. К. Плеве отъ 16 ноября 1899 г., 5 дек. 1899 г. и 14 іюня 1900 г.

266. Памяти Н. И. Бобрикова. Рѣчь М. Бородкина.

VIII. Выборгская губернія.

267. R. Lagus. Juridiskt Album, II, 147.

268. Тоже. А также. Castren, R. Skildringar, стр. 316—320.

269. Проекты территоріальнаго уменьшенія В. К. Финляндскаго. Госуд. Типографія. Карта Выборг. губ.

270. Generalguvernör Bobrikoffs berättelse öfver Finlands förvaltning från sept. 1898 till sept. 1902, S. 191.

Изъ письма С.-Михельскаго губернатора (отъ 30 іюля 1903 г.) къ начальнику края видно, что у министра статсъ-секретаря В. К. Плеве возникала мысль о возможности упраздненія С. Михельской губерніи.

271. Полное собраніе законовъ, № 3819 и № 8748.

272. К. Ординъ. Покореніе Финляндіи, т. I, 101—113.

273. Сборн. Импер. Рус. Историч. Общ. 1889, т. 68, стр. 85—94.

274. И. Чистовичъ. Историч. записка о Совѣтѣ въ царствов. Импер. Екатерины II. Спб. 1870, стр. 46—47.

275. Проф. Даніельсонъ. Возсоединеніе Выборгской губ. съ остальной Финляндіей (на швед. языкѣ) 1894 г., стр. 60.

276. «Наблюдатель» 1896, XII, 229.

277. Даніельсонъ. Возсоединеніе Выборгской губ., стр. 86, 87, 88, 108 и др.

278. Полн. Собр. Зак. №№ 24.907 и 24.934.

279. Г. Абовъ (М. Бородкинъ). Густавъ Морицъ Армфельтъ и его русско-финскія отношенія. Спб. 1901 г.

280. «Періодич. сочиненія объ успѣхахъ народн просв. 1809 г. № XXIII, 302—303.

281. Сборникъ Отд. рус. языка Имп. Академіи Наукъ, 1872 г., т. IX.

282. «Заря» (журн.) 1871. XII.

283. R. Castrén. Skildringar; стр. 314.

284. Ф. Вигель. Воспоминанія. 2 Изд. ч. III, стр. 182—183.

285. Гильфердингъ. Полное собр. соч. т. II, стр. 397.

286. А. А. Чумиковъ. Русскій Архивъ 1893 г. I.

287. Л. Мехелинъ. Противорѣчатъ-ли права Финляндіи интересамъ Россіи? Гельсингфорсъ 1890 г., стр. 39—40.

288. Русскій языкъ въ Финляндіи. Историч. очеркъ. Спб. 1899 г., стр. 10—11.

289. Изъ рѣчи, произнесенной въ Фридрихсгамѣ.

290. З. Топеліусъ. Путешествіе по Финляндіи; 1875 г., стр. 66.

291. «Новое Время» 4 авг. 1901 г. К. Скальковскій.

292. Изъ матеріаловъ, собранныхъ Ан. Ант. Рейнботомъ.

Нѣкоторые члены сейма 1904—1905 гг. внесли петицію о ненормальномъ состояніи Выборгской губерніи. Жалоба сводилась къ тому, что «правительственная система, причинившая за послѣдніе годы столько несчастій Финляндіи, проявилась въ Выборгской губ. въ наиболѣе рѣзкой формѣ». Особеннаго вниманія заслуживаетъ слѣдующее заявленіе. Послѣдствія системы оказались тѣмъ пагубнѣе въ Выборгской губ., что «развитіе въ этой мѣстности еще не достигло необходимой для противодѣйствія вреднымъ вліяніямъ этой системы прочности». Иными словами, петиція указываетъ, что офиниваніе еще не закончено и мѣропріятія, направленныя къ насажденію въ Кареліи русскихъ началъ, особенно поэтому опасны, такъ какъ могутъ противодѣйствовать начинаніямъ мѣстныхъ дѣятелей.—Жалоба косвенно свидѣтельствуетъ, что русская политика стала выходить на правильный путь въ Выборгской губ., почему финляндцы признали необходимымъ усилить здѣсь свое противодѣйствіе.

Сердобольская семинарія обезпечена средствами милліонера Халлонблада.—Интересно отмѣтить, что капиталъ Халлонблада принадлежитъ его женѣ, дочери Кексгольмскаго русскаго купца Ситонина.

Такимъ образомъ оказывается, что главный антирусскій оплотъ въ Карелiи—Сердобольская семинарія — основанъ на русскія деньги... Въ Выборгской губ. это не единственный примѣръ.

IX. Министръ статсъ-секретарь В. К. Плеве.

293. Письмо Н. И. Бобрикова къ В. К. Плеве отъ 16 августа 1899 г.

294. Письмо Н. И. Бобрикова къ В. К. Плеве отъ 24 мая 1900 г. «Новое Время» 1899 г., 19 августа.

295. Aftonbladet отъ 30 августа нов. ст. 1902 г. № 198.

296. Изъ бумагъ ген.-лейт. Н. Н. Шипова.

297. Письмо В. К. Плеве къ Н. И. Бобрикову отъ 18 марта 1900 г. Письмо N.N. къ Н. И. Бобрикову 5 января 1903 г.

298. Финляндія; VI, стр. 54.

299. Письмо В. К. Плеве къ Н. И. Бобрикову 26 ноября 1899 г.

300. Всеподданнѣйшій докладъ отъ 6 апрѣля 1899 г. Тогда-же послѣдовало Высочайшее утвержденіе. По распоряженію предсѣдателя коммиссіи для составленія свѣдѣній по финляндскимъ законамъ и систематизаціи сихъ законовъ отпечатаны:

1. Указатель узаконеній, относящихся до В. К. Финляндскаго. Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи. 1808—1899. Изданіе 2, дополненное. 1808—1902. Спб. 1903.

2. Статьи Свода Законовъ Россійской Имперіи, относящіяся до В. К. Финляндскаго. Спб. 1900.

3. Хронологическій Указатель къ Сборнику Постановленій В. К. Финляндскаго 1860—1898. Спб. 1900.—Продолженіе сего Указателя за 1899 и 1900 годы. Спб. 1901.

4. Церковное уложеніе Евангелическо-Лютеранской церкви въ В. К. Финляндскомъ и дополнительныя къ нему узаконенія. Спб. 1900.

5. Сеймовый Уставъ съ позднѣйшими его измѣненіями, Уставъ Рыцарскаго Дома и Высочайшее Постановленіе для публики, присутствующей на Сеймѣ. Спб. 1900.—Изданіе 2. Спб. 1903.

6. Уголовное Уложеніе В. К. Финляндскаго и относящіяся къ нему узаконенія. Спб. 1900.

7. Сводъ узаконеній о печати В. К. Финляндскаго. Спб. 1900.

8. Высочайшее Постановленіе объ учрежденіи Императорскаго Финляндскаго Сената 13 сентября 1892 года и Высочайшее Постановленіе 23 іюля 1896 года. Спб. 1900.

9. Объ изданіяхъ узаконеній В. К. Финляндскаго. Спб. 1900.

10. Списки относящихся до В. К. Финляндскаго статей Сводовъ Военныхъ и Морскихъ Постановленій. Спб. 1900.

11. Постановленія, относящіяся къ введенію финскаго языка въ дѣлопроизводство присутственныхъ мѣстъ В. К. Финляндскаго. Спб. 1900.

12. Высочайшіе Манифесты 5 іюня 1808 года и 11 декабря 1811 года и Постановленіе 31 декабря 1811 года. Спб. 1900.

13. Постановленія 6 февраля 1816 года и 21 декабря 1823 года о судопроизводствѣ, соблюдаемомъ между военными чинами расположенныхъ въ Финляндіи Россійскихъ войскъ и жителями оной. Спб. 1900.

14. Обзоръ установленій Финляндіи въ таблицахъ. Спб. 1900.

15. Хронологическій Указатель къ Постановленіямъ В. К. Финляндскаго. 1808—1859. Часть I. Författningssamling och Samling af Placater. Спб. 1900.

16. Указатель узаконеній, относящихся до В. К. Финляндскаго (Швеція—Ингерманландія — Старая Финляндія). Первое Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи. 1649—1808. Спб. 1901.

17. Хронологическій Указатель къ Постановленіямъ В. К. Финляндскаго. 1809—1859. Часть II. Samling af Bref. Спб. 1901.

18. Хронологическій Указатель къ Сборнику Постановленій В. К. Финляндскаго 1860—1891. Узаконенія, имѣющіяся въ шведскомъ изданіи сего Сборника, но не внесенныя въ изданіе Сборника на русскомъ языкѣ. Спб. 1901.

19. Судоустройство и судопроизводство Финляндіи. Очеркъ дѣйствующихъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ мѣстныхъ законовъ. Спб. 1901.

20. Финляндія въ русской печати. Матеріалы для библіографіи, собранные М. Бородкинымъ. Спб. 1902.

21. Собраніе постановленій Финляндскихъ. Узаконенія, обнародованныя на русскомъ языкѣ. Съ дополненіями. Томъ I.

1808—1839. №№ 1 – 166. Спб. 1902.— Томъ II. 1840—1849. № 167—421. Спб. 1903.—Томъ III. 1850—1859. №№ 422—717. Спб. 1904.

22. Параллельный русскій, финскій и шведскій словарь по общему Уложенію и Постановленіямъ В. К. Финляндскаго. I. Словарь русско-финско-шведскій. Спб. 1904.

Дѣлопроизводитель комиссіи Н. Корево заканчиваетъ обширный предметный указатель, который охватываетъ не только постановленія Вел. Кн. Финляндскаго, но также Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи съ 1649 по 1904 г., Уложеніе 1734 г., Королевскія шведскія постановленія съ 1538 г. по 1807 г. и пр.

Къ страницѣ 227. — Н. И. Бобриковъ постоянно повторялъ о необходимости быть особенно осторожнымъ въ финляндскихъ дѣлахъ. Онъ былъ правъ. Вотъ маленькая иллюстрація къ его словамъ.

Въ 1860 г. министръ статсъ-секретарь гр. Армфельтъ подалъ жалобу на гр. Берга, обвиняя его въ томъ, что онъ не держалъ своего слова и содѣйствовалъ постройкѣ первой финляндской желѣзной дороги отъ Гельсингфорса до Тавастгуса, принималъ мѣры къ упроченію положенія въ странѣ финскаго языка. Мѣры обсуждались въ сенатѣ и были представлены на благовоззрѣніе Монарха, но вся вина свалена была на плечи гр. Берга.

301. Изъ бумагъ Н. И. Бобрикова. Записка генералъ-губернатора напечатана. Въ приложеніи къ ней находится записка В. К. Плеве.

X. Смута.

302. Minnestal öfver I. W. Snellman af T. Rein; 1882, стр. 21—22.

303. «Nya Pressen» 1882, № 1.

304. Всеподданнѣйшая записка финляндскаго генералъ-губернатора. Спб; 21 февр. 1904 г., стр. 13.

305. Переписка, задержанная у высланныхъ изъ края.

306. «Новое Время» 1901, 19 іюля; Финляндія; VII, 3.

307. «Gaulois» 1902.

308. «Финляндская Газета» 1902, № 9.

309. Финляндія; вып. IV, 119.

310. Финляндія; вып. IV, 115.

311. Финляндія; вып. X, 96.

312. «Aftonposten» и «Новое Время».

313. «Russian Perfidy in Finland». 1899 г.

314. Дневникъ Н. И. Бобрикова (7 февр. 1899 г.).

315. Изъ бумагъ Н. И. Бобрикова.

316. Изъ бумагъ, задержанныхъ у высланныхъ.

317. Ur Finlands nyaste historia; 1900 г. т. I, стр. 118.

318. Тамъ же; стр. 126.

319. Матеріалы по финляндскому вопросу. Берлинъ 1901, стр. 34—38.

320. Ur Finlands nyaste historia; т. I, 120.

321. «Финляндская Газета» 1903 г. № 12.

«Сборъ подписей шелъ не только съ вѣдома, но даже при весьма усердномъ содѣйствіи властей, такъ что въ Выборгскомъ губернскомъ правленіи подписи къ адресу собирались губернскимъ казначеемъ».

Были многочисленные случаи отказа подписать адресъ. Въ одной деревнѣ Выборгской губерніи начался сборъ подписей подъ прошеніемъ на имя генералъ-губернатора, съ ходатайствомъ объ избавленіи населенія отъ непрошенныхъ агитаторовъ, но прошеніе было перехвачено мѣстнымъ полицейскимъ и передано губернатору (изъ финляндцевъ), который не далъ прошенію дальнѣйшаго движенія, о чемъ имѣется его собственноручная росписка. Такимъ образомъ получалась возможность рапортовать, что населеніе единодушно высказалось массовымъ адресомъ.

322. Отчетъ Финл. генералъ-губернатора за 1898—1902 г., стр. 217.

323. Ur Finlands nyaste historia.

324. Отчетъ Финл. генералъ-губернатора за 1898—1902 г.; стр. 215, 218—219.

325. Финляндія; вып. X, 26.

326. «Новое Время» 1899 г., 29 марта. Письмо Н. И. Бобрикова къ В. К. Плеве 1 ноября 1899 г.—Финляндія; вып. II, стр. 24 и 29.

327. «Hufvudstadsbladet» 1899, № 194.

Къ страницѣ 264: Первый массовый адресъ былъ слѣдующаго содержанія: «Манифестъ $^{3}/_{15}$ февраля Вашего Императорскаго Величества возбудилъ смущеніе и скорбь по всей Финляндіи. Древнее право финскаго народа на участіе черезъ своихъ сеймовыхъ представителей въ законодательствѣ было подтверждено блаженной памяти Императоромъ Александромъ I и расширено и урегулировано при почившихъ въ Бозѣ Императорахъ Александрѣ II

и Александрѣ III. Однако же теперь, согласно основнымъ положеніямъ, изданнымъ вмѣстѣ съ манифестомъ, земскіе чины въ тѣхъ вопросахъ, которые будутъ признаны касающимися интересовъ также всей Имперіи, не будутъ допущены къ участію въ законодательствѣ съ рѣшающимъ правомъ голоса, обезпеченнымъ за ними основными законами Финляндіи. Такимъ образомъ этотъ манифестъ колеблетъ фундаментъ нашего общественнаго строя.

«Мы, нижеподписавшіеся финляндскіе граждане всѣхъ классовъ, всеподданнѣйше просимъ, да будетъ Вашему Императорскому Величеству благоугодно выслушать повергаемое къ трону выраженіе глубокаго опасенія нашего за судьбу, которая постигнетъ нашу родину, если значеніе ея основныхъ законовъ будетъ подорвано.

Всемилостивѣйшій Императоръ! Подъ скипетромъ великодушныхъ Монарховъ и подъ защитой своихъ законовъ Финляндія постоянно преуспѣвала въ благосостояніи и духовномъ развитіи. Народъ финскій добросовѣстно и съ вѣрностью старался выполнять свои обязанности по отношенію къ своимъ Монархамъ и къ Россійской державѣ. Намъ извѣстно, что у нашей родины за послѣднее время въ Россіи были враги, которые старались клеветою возбуждать недовѣріе къ преданности и честности финскаго народа. Но намъ также извѣстно, что эта клевета лишь порожденіе неправды. Нѣтъ страны, гдѣ уваженіе къ законной власти и къ закону имѣло бы болѣе глубокіе корни, чѣмъ въ Финляндіи. Въ теченіи девяностолѣтняго соединенія ея съ могущественною Россіею порядокъ въ финляндскомъ обществѣ никогда не колебался. Разрушительныя ученія не находили у насъ почвы. Чувство спокойствія и довольство своей судьбой все сильнѣе укрѣпляли узы, связывающія Финляндію съ Россійской державою въ одно неразрывное цѣлое и не мѣшающія при томъ ея народу сохранять и развивать свою національную обособленность, которая дана ему Богомъ и не можетъ быть измѣняема насильственнымъ образомъ.

«Мы не можемъ повѣрить, чтобы въ благія намѣренія Вашего Императорскаго Величества входило создать этимъ манифестомъ угрозу законному порядку и внутреннему спокойствію Финляндіи. Мы скорѣе готовы вѣрить, что Вашему Величеству благоугодно будетъ принять къ сердцу впечатлѣніе, произведенное манифестомъ, и повелѣть привести его положенія въ согласіе съ основными законами Финляндіи. Въ нашихъ сердцахъ не можетъ быть мѣста сомнѣнію въ ненарушимости Императорскаго слова. Намъ всѣмъ извѣстны слова, провозглашенныя Всемилостивымъ нашимъ Монархомъ передъ лицомъ всего человѣчества, что сила должна уступать праву. И право маленькаго народа такъ же священно, какъ право и величайшей націи; его патріотизмъ есть добродѣтель передъ лицомъ Всемогущаго Бога, отъ которой онъ да не отречется. Съ глубочайшею почтительностью и вѣрностью остаемся, Державнѣйшій, Всемилостивѣйшій Императоръ и Великій Князь»!

«Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнѣйшіе» и т. д.

328. Финляндія, вып. 1900 г. май—сент.; стр. 172—174 «Königsberger Hartungsche Zeitung» авг. 1900 г.

329. «Свѣтъ» 1899 г., № 311, 23 ноября; Финляндія; вып. II, 16 и 20; «Frankfurter Zeitung».

330. «Uusi Suometar» 1905, № 97; «Финл. Газета» 1905, май.

331. Финляндія, вып. VII, стр. 43; «Финл. Газета» 1903, № 43.

332. Mikkelin Sanomat 1899, № 38.

333. Финляндія, вып. VII, № 39.

334. «Uusi Suometar»; Финляндія, вып. X, 45.

335. Финляндія, вып. VIII, 16; вып. X, 48.

336. Keskystellu Kirkkomaëlle (28 стр.); Heinakunta 1901; Asevel-nollisuus Kyrymys.

337. «Финляндская Газета» 1903, № 82.

338. «Aland» (газета), 1901 г.

339. Изъ бумагъ В. К. Плеве. Hans von Bredof; Berlin 28 декабря нов. ст. 1903 г.

340. «Финляндская Газета» 1902, № 56. Статья «Финскаго Поселянина».

341. Финляндія, вып. VIII, стр. 22.

342. Изъ бумагъ Н. И. Бобрикова. Письма NN. отъ 2 іюля 1903 г.

343. По рапорту Нюландскаго губернатора.

344. Записка Финляндскаго генералъ-губернатора отъ 21 февраля 1904 г., стр. 5.

345. Финляндія, вып. VIII, стр. 139 и 167.

346. «Финляндская Газета». Въ ней же описанъ процессъ В. Шаумана.

Къ страницѣ 289: «Что финляндцы сочувствуютъ Китаю и злорадствуютъ нашимъ въ немъ или на пути къ нему неблагопріятнымъ иногда случайностямъ—это не новость», писалъ Н. И. Бобриковъ 31 іюля 1900 г., но на сей разъ, Богъ дастъ, финнамъ не будутъ на пользу китайскія осложненія», прибавилъ онъ (17 іюля).

347. «Uusi Aura» 1904 г., № 255; «Hamburger Fremdeblatt».

Угроза прорывалась довольно часто. Pohjalainen (№ 31—1901), описавъ гельсингфорскія манифестаціи, старалась придать имъ характеръ какого-то карнавала, но на самомъ дѣлѣ онѣ скорѣе походили на глухіе раскаты отдаленной бури. «Тайный Патріотическій Союзъ» дѣлалъ опыты пробной мобилизаціи, переходя отъ пассивнаго сопротивленія къ активному и не даромъ названная финская газета высказала: «очень легко можетъ произойти и... взрывъ».

348. «Hufvudstadsbladet» 1905, № 61.

349. «Финляндская Газета» 1905, № 21.

Въ августѣ 1905 г. телеграфъ неожиданно оповѣстилъ міръ о ввозѣ оружія въ Финляндію въ весьма большомъ количествѣ. Пароходъ «John Grafton» наткнулся на мель около острова Ванха Мейлю — и принужденъ былъ взорваться, замазавъ предварительно надпись на кормѣ. Первое разслѣдованіе обнаружило много таинственнаго. Купецъ лондонскаго Сити—Диккенсонъ отказался дать какія-бы то ни было свѣдѣнія по вопросу о пароходѣ, но врядъ-ли можно сомнѣваться, что «John Grafton» перешелъ въ руки «агентовъ финляндскаго революціоннаго комитета», свившаго себѣ гнѣздо въ Лондонѣ. Команда парохода разговаривала между собою по-англійски. Финляндскія газеты приняли мѣры къ тому, чтобы доказать полную неприкосновенность къ дѣлу своихъ соотечественниковъ. Между тѣмъ собранныя свѣдѣнія указывали противное, на то, что въ Финляндіи «не все въ порядкѣ», какъ выразилась «Uusi Suometar» (№ 222 — 1905 г.).—Газеты «Daily Mail» (14 сент.) и «Matin» писали, что грузъ ружей и боевыхъ припасовъ предназначался «для недовольныхъ финляндцевъ». Датская газета «Politiken» утверждала даже, что капитаномъ парохода былъ сынъ бывшаго сенатора В. Шаумана. Свѣдѣніе это и опровергалось, и вновь подтверждалось. Затѣмъ арестовано было нѣсколько человѣкъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, но всѣ они бѣжали и тѣмъ подтвердили предположенія объ ихъ виновности. Надо полагать, что «Джонъ Графтонъ» не былъ единственнымъ судномъ, доставившимъ боевое оружіе. Печать называла пароходъ «Sirius», какъ долженствовавшій «везти оружіе для Финляндіи», и на другіе пароходы, которые успѣли разгрузиться и уйти.—Когда Государю Императору доложили первыя свѣдѣнія по новому дѣлу партіи активнаго сопротивленія въ Финляндіи, Его Величество соизволилъ собственноручно начертать: «*сѣверное дѣло*».

«Оружіе, боевые припасы и «взрывчатый студень», привезенные на пароходѣ «John Grafton», напоминаютъ объ оглашенныхъ въ засѣданіяхъ абоскаго гофгерихта по дѣлу бывшаго сенатора Шаумана документальныхъ доказательствахъ заботъ о снабженіи боевымъ оружіемъ тѣхъ тайныхъ стрѣлковыхъ обществъ, организаціи которыхъ были посвящены собственноручная записка сенатора Шаумана и документы, найденные у выборгскаго агитатора Люлю». («Финляндская Газета» 1905, № 138, 13 сентября).

350. «Финляндская Газета» 1905, № 10.

351. «Новое Время» 1902 г. 30 іюля и 27 сентября №№ 9483 и 9542.

352. Письма къ Н. И. Бобрикову 24 іюля и 15 сентября 1903 г.

353. «Историческій Вѣстникъ» 1898 г., іюнь.

354. Н. Барсуковъ (о Погодинѣ), т. XIX, 221. Воззваніе «Голосъ изъ Финляндіи», подписанный Finnar. «Финл. Газета» 1902, № 192.

XI. Финляндскіе ходатаи.

355. Финляндія. Обзоръ періодич. печати I, 30.

356. «Новое Время» 20 августа 1899 г.

357. Письмо NN къ Н. И. Бобрикову отъ 19 іюля 1903 г.

358. Памяти Финляндскаго генералъ-губернатора Н. И. Бобрикова. Рѣчь. Всеподданнѣйшая записка Н. И. Бобрикова отъ 21 февраля 1904 г.

359. Ur Finlands nyaste historia, т. II. Матеріалы (изд. въ Берлинѣ), стр. 84.

360. Ur Finlands nyaste historia, т. II, стр. 67. Hufvudstadsbladet 1899, № 176.

361. Матеріалы, стр. 98.

362. Финляндскій вопросъ. Фр. Деспанье Берлинъ 1901 г., стр. 5.

363. Ur Finlands nyaste historia, II, 40 и 42.

364. Матеріалы (изд. въ Берлинѣ).

365. «Le Journal», статья М. А.—«La Liberté» (Статья: «Une singulière petition»). Ur Finlands nyaste historia, II, 45. «Le Matin», «Le Temps» (повторили статью «Нов. Времени» «Шутники»). «Le Jour», «Paris», «Le Soir» и другія газеты рѣзко осудили ученыхъ.

366. «Berliner Tageblatt».

367. «Berliner Tageblatt» 1902, № 508 (Карлъ Блиндъ). «Финляндская Газета» 1902, № 148. Записка по «финляндскому вопросу» Н. Н. Шипова. «Московскія Вѣдомости» 1899, № 199 отъ 22 іюля.

368. «Deutsche Zeitung». Финляндія. Обзоръ періодич. печати; III, стр. 130—131.

369. Ur Finlands nyaste historia; II, стр. 43 и 47.

370. Воспоминанія кн. В. Мещерскаго.

371. «Русскій Вѣстникъ» 1903, VI, стр. 115.

372. «Русскій Вѣстникъ» 1903, XI. Н. Барсуковъ (о Погодинѣ), т. XIX, стр. 238.

373. «Историческій Вѣстникъ» 1898 г., іюнь. Ив. Захарьинъ-Якунинъ.

374. Финляндцы распространяли соч. Германсона «Государственно-правовое положеніе Финляндіи», 1892 г. Соч. Л. Мехелина (?) «Государственное устройство Вел. Кн. Финляндскаго».—Заключеніе чрезвычайнаго сейма 1899 г. См. Финляндія. Обзоръ періодич. печати; II, стр. 13. Шведская газета «Aftonbladet».

375. Statskuppen i Finland 1899. Изд. въ Стокгольмѣ; стр. 212.

376. Въ апр. 1903 г. Н. И. Бобриковъ получилъ изъ Петербурга отъ человѣка невліятельнаго но видимо интересовавшагося финляндскими дѣлами, письмо слѣд. содержанія. «На праздникахъ, благодаря визитамъ, видѣлъ нѣкоторыхъ, коихъ въ обыкновенное время рѣдко встрѣчаешь. (Названы три имени). Всѣ очарованы вами и вашей неуклонной политикой. Похвалы лились рѣкой, что сердечно меня порадовало. Глаза открываются и даже N.N. мѣняетъ тонъ и воззрѣніе»... Г. Абовъ. Г. М. Армфельтъ. Спб., 1901 г., стр. 94.

377. Соч. Т. Рейна о Снельманѣ (на шведскомъ языкѣ).

378. Финляндія. Обзоръ періодич. печати; X, стр. 135.

XII. Печать.

379. «Hufvudstadsbladet» отъ 17 мая 1898, № 131.

380. «Новое Время» 1899, 2 іюня, № 8378. Финляндія. Обзоръ періодич. печати; IV, 9—10. Годеньельма: Oppikirja Suamelaisen Kirjallisuuden Historiassa. Hels. 1904,

381. «Финл. Газета» 1905, іюнь.

382. Романъ Арвида Эрнефельта «Человѣческая судьба». «Вѣстн. Европы» 1902, іюль.

383. Uusi Suometar 1905, № 26.

384. Uusi Suometar № 123 отъ 28 мая 1905, статья «Tupeliuksen muisto».

385. П. Морозовъ. См. «Вѣстн. Европы» 1902 г., іюль.

386. Браузеветтеръ «Finland im Bilde seiner Dichtung», 1900 г. См. также «Русская Мысль» 1900 г.

387. К. Тавастшерна. Драма «Affärer» и романъ «Господство женщинъ». «Вѣстн. Европы» 1902 г., іюль. П. Морозовъ.

388. Я. Аренбергъ. Романъ «Семья изъ Хаапакоски».

389. Финляндія. Обзоръ періодической печати. 1890, IV, стр. 22—30.

390. Тамъ же; IV, 22—30.

391. Тамъ же; IV, 22—30.

392. Постановленіе Вел. Кн. Финляндскаго 1872, № 12.

393. «Финляндская Газета» 1900, № 73, 74 и 75.

394. Финляндія. Обзоръ періодич. печати, I, стр. 70.

395. «Мосвовскія Вѣдомости». Финляндія. Обзоръ періодической печати; II, 5 и «Ежемѣсячныя Сочиненія», литературный журналъ. 1900, № 10.

396. Ur Finlands nyaste historia; II, № 5.

397. Тамъ же; т. II, стр. 7.

Къ страницѣ 345: Непопулярность Н. И. Бобрикова росла также вслѣдствіе того, что онъ болѣе склонялся къ финофильскому направленію. Шведская партія не могла простить ему этой симпатіи.

398. Финляндія. Обзоръ періодич. печати, 1900 г., май—сент.; стр. 170. «Финляндская Газета» 1901 г., № 123.

399. Финляндія. Обзоръ періодич. печати; 1900 г., май—сент.; стр. 171.

400. Финляндія. Обзоръ періодич. печати; V, стр. 167.

401. Тамъ-же; V, стр. 156.

402. «Review of the Week». Финляндія. Обзоръ періодич. печати, III, 126.

403. «Morning Post» (за 1900 г.)

404. «Daily News» 18 іюня 1904 г.; «Nya Dagligt Allehanda» отъ 18 іюня 1904 г.— Журналъ «La Plume». «Revue des études franco-russes». «La Suisse». «Wiener Tageblatt». «Times». См. Финляндія. Обзоръ періодич. печати, II, 98.

405. «Hessische Zeitung». «Materialen für finnischen Fräge». Финляндія; V, 127.

406. Финляндія; V, стр. 129.

407. «Axel Lille». «Nordisk Revy». «Rysslands finska politik»; 1903. № 3, стр. 88.

408. Ur Finlands nyaste historia; II, 49.

409. Тамъ-же; т. II, стр. 66.

410. Финляндія. Обзоръ періодич. печати; I, стр. 2.

411. Финляндія; IX, стр. 144; VII, стр. 165. «Новое Время» 1902 г. 11 сент.

«Dagens Nyheter» (Новости дня) 30 іюня. 1904 г.

Русскій рубль, какъ извѣстно, не такъ ужъ мало имѣетъ связей съ европейскою печатью за границами Россіи, чтобы не имѣть права разсчитывать, при случаѣ, на ея добрыя услуги царству (изъ Figaro).

412. Ur Finlands nyaste historia; II, 33 — Финляндія, VII, 168—172 стр.

Нѣмецкій публицистъ и путешественникъ П. Рорбахъ (Paul Rohrbach), прибывъ въ Гельсингфорсъ послѣ апрѣльскихъ безпорядковъ, былъ пораженъ, не найдя въ Финляндіи и признаковъ того угнетенія мѣстнаго населенія, о которомъ постоянно «сообщалось изъ Гельсингфорса». «Даже рѣчи нѣтъ о томъ, что населеніе чувствуетъ себя придавленнымъ подъ тяжестью грубаго, мощнаго русскаго кулака». (Финляндія IX. 138—139).

413. «Московскія Вѣдомости» 1899 г. № 182 (къ стр. 358).

414. An. Leroy Beaulieu. L'Européen февр. 1903 г. Г. Абовъ. Г. М. Армфельтъ. Спб. 1901 г., стр. 102– 104.—«Россія наканунѣ XX ст.», имѣетъ сходство съ нѣкоторыми положеніями брошюры «Реляція объ обрусительныхъ мѣрахъ лѣта 1900 года».

По финляндскому вопросу были изданы слѣдующія книги и брошюры:

„Къ освѣщенію финляндскаго вопроса. Нѣсколько статей изъ финляндскихъ газетъ. Берлинъ. 1900 г.

Положеніе Финляндіи въ Россійской Державѣ. К. В. Нюгольмъ. Переводъ съ датскаго. Берлинъ. 1901 г.

Матеріалы по финляндскому вопросу. Берлинъ. 1901 г.

Францъ Деспанье. Финляндскій вопросъ съ юридической точки зрѣнія. Берлинъ. 1901 г.

Мысли о современномъ положеніи Финляндіи. Лондонъ. 1900 г.

Государственно-правовое отношеніе между Финляндіею и Россіей. Б. Геца. Стокгольмъ. 1902 г.

Опроверженіе книги М. М. Бородкина. Составилъ Civis Fennicus. Стокгольмъ 1903 г.

Къ вопросу о финляндской автономіи и основныхъ законахъ. Критика брошюры Н. Сергѣевскаго. Составилъ Л. Мехелинъ. Берлинъ. 1903 г.

Der ausserordentliche Finnländische Landtag 1899. Die Antwortschreiben der Stände auf die Kais. Vorlagen über die Umgestaltung des finnländischen Heerwesens. Uebersetzung des Originaltextes nebst einer Vorbemerkung. Herausgegeben von Dr. phil. Fritz Arnheim, korr. Mitglied der Königl. schwed. Akademie der schönen Wissenschaften. Leipzig, 1900.

Boris Minzes, Dr., Staatsstreich in Finland und nationalrussische Eroberungspolitik. Ergebnisse einer Studienreise in Finland, auch ein Beitrag zur Friedenskonferenz. Berlin 1899.

Russland und Finland. Von Sarmatus. Berlin 1903 г.

Das Recht Finnlands und seine Wehrpflichtsfrage. Eine kurze aktenmässige Betrachtung von einem finnländischen Juristen. Leipzig, 1900.

I. Oppenheim (Leiden), J de Louter (Utrecht), M. A. Reiger (Groningen), L. de Harton (Amsterdam), Professoren des öffentlichen Rechts. Die finnische Frage. Ein Gutachten.—Archiv für Öffentliches Recht, herausgegeben Paul Laband, Otto Meyer, Felix Stoerk, 1900.

Ein Beitrag zur Beurteilung der staatsrechtlichen Stellung des Grossfürstentums Finnland. Die wichtisten Ergebnisse der Schrift von Professor Dr. R. Hermansson:

«Finlands statsrättsliga ställning». Leipzig, 1900.

Boris Minzés, Dr., Die rechtlichen und wirtschaftlichen Beziehungen des Grossfürstentums Finnland und der Balkanstaaten zu Russland. Ein Vortrag gehalten 10 Mai 1899. Sonderabdruck aus dem Jahrbuch der Internationalen Vereinigung für vergleichende Rechtswissenschaft und Volkswirtschaftslehre zu Berlin. Berlin 1900.

Conrad Bornhak. Russland und Finnland. Ein Beitrag zu der Lehre von den Staatenverbindungen. Leipzig, 1900.

B. Getz. Das staatsrechtliche Verhältniss zwischen Finnland und Russland. Leipzig, 1900.

L. von Bar. Der Burenkrieg, die Russificirung Finnlands, die Haager Friedensconferenz und die Einrichtung einer internationalen Academie zur Ausgleichung von Streitigkeiten der Staaten. Hannover, 1900.

La Constitution du Grand-duché de Finlande. Recueil des lois fondamentales et autres actes officiels qui déterminent ou éclaircissent la situation politique du Grand-duché, avec un aperçu du développement historique du droit public de la Finlande et un commentaire aux lois fondamentales de 1772 et de 1789. Paris, 1900.

La situation politique de la Finlande. Extrait de la «Revue de droit international et de législation comparée». Bruxelles, 1900.

Joseph Delpech. La question finlandaise. Les droits du Grand-duché de Finlande et le manifeste du Tsar du 3/15 février 1899. Paris, 1899.

Diète de Finlande en 1899. Réponses des Etats aux propositions Impériales concernant le service militaire personnel. Traduit du texte officiel suédois. Paris, 1900.

Pro Finlandia. Les adresses internationales à S. M. l'Empereur-Grand-Duc Nicolas II. Edition facsimilé. 1899. Stockholm.

W. van der Vlugt. Le conflit finlandais, envisagé au point de vue juridique. Paris, 1900.

W. van der Vlugt. Pour la Finlande. Paris, 1900.

Jvar Berendsen och C. M. Norman-Hansen. Det finske Statskup og den internationale Adresse. 1899.

Knud Berlin. Finlands statsretlige Stilling til Rusland. 1900.

B. Gets. Det statsretlige Forhold mellen Finland og Rusland. 1900.

C. V. Nyholm. Finlands Stilling i det russiske Kejserrige, Köbenhvan. 1900.

Antoine Pillet et Joseph Delpech. La question finlandaise. Le manifeste du Tsar examiné au point de vue du droit international. Paris, 1900.

Le coup d'Etat en Finlande. Leipzig 1899.

J. de Coussanges. La question finlandaise. 1899.

Anatole Leroy-Beaulieu. La Russie, la Finlande et la conférence de la Haye. 1899.

René Puaux. Pour la Finlande. Paris, 1899.

Julien Leclercq. La Finlande et le Tsar. Paris, 1900.

Bernardini. Le droit des faibles: la Finlande. 1899.

Léon Denis. Finlande et Russie. 1899.

Vandervelde. L'état actuel de la Finlande. 1899.

J. Westlake. The Case of Finland. London. 1900.

Russia et Finlandia. 1899.

Finland and the Czar. 1899.

Nisbet Bain. Finland and the Tsar. 1899.

Finnicus. Russian Officialism ant the Finnish Press. 1900.

The Reply of the Finnish Estates, adopted at the extraordinary diet of 1899, to the Proposals of his Jmperial Majesty Nicholas II, Grand Duke of Finland, for a new military service law in Finland. London, 1900.

Finland. An english journal devoted to the cause of the finnish people. Harold Perrott. London. 1899—1900.

The Downfall of Finland. An Object-lesson, in Russian Aggression. 1899.

Joseph K. Fisher, Finland and the Tsars 1809—1899. London, 1899.

Augustine Birrel, Professor, Finland and Russia. 1900.

415. «Московскія Вѣдомости» 1896, № 316.

416. «Вѣстникъ Европы» 1890, стр. 894.

417. Sven Hedin. Sverige och den Stora Östern. Stockholm, 1905.

418. Stockholms Dagbladet 11 (24) марта 1904.—«Vårt Land» (швед. газета). Гетеборгская «Aftonposten».

419. Stockholms Dagbladet и «Stockholms Bladet».

420. Norrköpings Tidning.

421. «Торговая и Морская Газета Гётеборга», «Курьеръ Эскильстуна», «Новости Дня».

422. Финляндія; VII, стр. 166, («Dagens Nyheter»).

423. «Svenska Dagbladet» (статья «Финляндскіе Звуки»).

424. «Dagens Nyheter» 28 февр. 1903 г. № 11816.—«Stockholms Tidning» 2 марта 1904 г. № 4023. — «Folkbladet» 7 марта 1903 г. № 10.

XIII. Особыя полномочія.

425. «Финляндская Газета» 1903 г. № 82. Изъ «Figaro».

426. Social-Demokraten 18 іюня 1904 г.

427. «Figaro» 1903, № 154. «Финляндская Газета» 1903 г. № 82.

428. Финляндія. Обзоръ періодич. печати; XI, стр. 2.

429. «Финляндская Газета» 1903 г. №№ 85 и 79, а также Финляндія; XI, 2,

430. Финляндія, XI, 5 и 6; Social-Demokraten 1904, № 170, 26 іюля.

431. Финляндія, XI, 9.

432. Politiken 1903, № 132; Финляндія, XI, 7.

XIV. Признаки замиренія.

433. «Новое Время» 1903 г. 13 февр., «Uusi Suometar» 7 (20) февр. 1901 г. № 43.

434. Финляндія, VII, 134 стр.

435. Финляндія, IX, стр. 82; «Uusi Suometar» 1902.

436. Финляндія, X, стр. 92. («Uusi Kansa», «Kaiku»).

437. «Satakunta» и «Kaiku». «Aumalehti». «Uusi Aura». Финляндія, X, стр. 18.

438. Редакторъ «Kotka Sanomat» былъ отстраненъ викингами. «Uusi Aura» ими былъ объявленъ смертный приговоръ. О бойкотѣ изъ «Figaro».

439. Финляндія, IX, стр. 19. («Kotka Sanomat») Финляндія, VIII («Uusi Suometar» и «Päivälehti»).

440. Финляндія, VIII, стр. 18.

441. Финляндія, X, стр. 6—7.

442. Финляндія, XI, стр. 76.

443. «Nya Pressen», «Hufvudstadsbladet» и др.

444. Отчетъ былъ напечатанъ въ «Карьялатарѣ» (№ 45).

445. Финляндія XI, стр. 38—39.

446. Финляндія VIII, стр. 26 («Suomen Kansa», «Wiipuri»).

Финляндія, XI, стр. 16.

447. Финляндія, XI, стр. 35. («Uusi Suometar», «Uusi Aura»).

448. Финляндія, XI, стр. 37—38. «Wiipuri».

449. Петръ Канниненъ. «Финляндская Газета» 1903, № 65.

450. Письмо къ Н. И. Бобрикову— 8 сент. 1903 г.

Финляндія XII, стр. 5.

451. «Nordisk Revy» 1903, стр. 217, 218, 219 и др. Статья Kommunalman. Undfallenhetspolitikens frukter i Finland.

452. Финляндія, XI, стр. 45, 57 — 58 («Stockholms Dagblad»).

453. Финляндія, XII, 7 стр.

454. Финляндія, XI, стр. 45.

455. Финляндія, XI, стр. 65—66.

456. Финляндія. XI, 79. (Uusi Aura»).

457. «Финляндская Газета» 1905, № 11. (Изъ «Hufvudstadsbladet»).

458. Финляндія, XII, стр. 1—2.

459. Финляндія, XI, стр. 55.

460. Финляндія, XI, стр. 56.

461. Финляндія, XII, стр. 3.

462. «Московскія Вѣдомости».

463. Письмо къ Н. И. Бобрикову— 24 іюля 1903 г.

«Новое Время», 1904 г. 7 іюля.

XV. Убійство Н. И. Бобрикова.

464. «Nya Pressen» 1898, № 322; «Hufvudstadsbladet» 1898, № 322. Газета «Vårt Land» 1899, № 192 и 193, статья Мугсмана.

Къ страницѣ 427: Надо прибавить два слова о справедливости и безпристрастіи Н. И. Бобрикова. «Вы себѣ представить не можете моего отвращенія, когда приходилось мнѣ выслушивать, при закрытіи сейма, дерзкаго оратора, разодѣтаго въ гофмейстерскій мундиръ», писалъ онъ къ В. К. Плеве –16 ноября 1899 г. «Терпѣть не могу замаскировывать правду фразами— говорю поэтому, что чувствую и въ чемъ глубоко убѣжденъ». (11 мая 1902 г. къ В. К. Плеве).

465. «Финляндская Газета» 1904, № 91. Финляндія; XII, стр. 175 («Stockholms Dagbladet»).

466. «Финляндская Газета» 1905 г. № 67.

467. «Svenska Dagbladet» 29 іюня 1904 г.

468. «Göteborgstidning» 25 іюня 1904 г.

469. «Финляндская Газета» 1904, № 76.

470. «Eclair».

471. «Финляндская Газета» 1905 г. №№ 62—67.

472. Финляндія XII, стр. 50—51. («Suomen Kansa»).

473. Финляндія, XII, стр. 48 — 50. («Москов. Вѣдомости»).

474. «Финляндская Газета» 1904, № 92.

Къ страницѣ 445: Онъ отдалъ дочь за финляндца и тѣмъ фактически достаточно доказалъ, что не питаетъ нерасположенія къ нимъ.

Оцѣнивая дѣятельность одного финляндца, Н. И. Бобриковъ писалъ: «Онъ вреденъ, какъ прокуроръ, но мнѣ симпатиченъ какъ человѣкъ честныхъ убѣжденій, хотя и неблагопріятныхъ въ общегосударственныхъ интересахъ» (Н. И. Бобриковъ 27 авг. Н. И. Шипову). Это показываетъ, что Н. И. Бобриковъ умѣлъ цѣнить людей, независимо отъ ихъ національности.

475. «Финляндская Газета» 1904, № 99. («Финскій Поселянинъ»).

476. «Финляндская Газета» 1902 г., № 167.

477. «Berliner Tageblatt».

478. «National Zeitung» отъ 18 іюня 1904 г.

479. Л. Мехелинъ. Къ вопросу о финляндской автономіи. Берлинъ. Стр. 169—170.

480. «Stockholms Tidning» 25 іюня 1904 г. «Social-Demokraten» 20 іюня 1904 г.

481. «Social-Demokraten» 20 іюня 1904 г.

482. «Folkbladet» 26 іюня 1904 г.

483. «National Zeitung» 18 іюня 1904 г.

484. «L'Evénement» 4 (17) іюня 1904 г. издается въ Канадѣ, гор. Квебекъ.

485. «Neue Freie Presse» 17 іюня 1904.

486. «Daily News» 18 іюня 1904 г. и «Neue Freie Presse» 17 іюня 1904 г.

487. «Aftonbladet» 25 іюня 1904 г.

488. «Svenska Dagbladet» 3 іюля 1904 г.

489. «Allgemeine Zeitung», «Berliner Neueste Nachrichten», «Berliner Tageblatt», «Deutsche Zeitung». См. Финляндія; XII, стр. 72.

490. Финляндія XII, стр. 70—72 («Berliner Tageblatt»).

491. «National Zeitung».

492. «Tribune» (изд. въ Нью-Іоркѣ); 4 авг. 1904 г.

493. «La Croix», 11 (24) іюня 1904 г.

494. «Daily News» 18 іюля 1904 г.

495. «Новости».

496. Финляндія; XII, стр. 83.

497. «Gaulois», «Le Siècle», «L'Eclair», «Le Soleil», «La Croix», «La Liberté» и др.

498. «Gaulois» 17 іюня 1904.

499. «Eclair», «Figaro», «Evénement», «Gaulois», «France Militaire», «Peuple Français», «Liberté», «Echo de Paris», «Autorité», «Frish Daily-Independent». Финляндія, XII, 83 и 61.

500. «Newjork Tribune».

501. «Mårgenbladet».

502. «Gaulois»,

503. «Deutshe Zeitung», «Münchener Neueste Nachrichten».

504. Лейтенантъ К. Случевскій. «Русскій Вѣстникъ» 1904, іюль.

Указатель личныхъ именъ.

Адлербергъ, Н. В., гр., Финляндскій генералъ-губернаторъ, стр. 70, 82, 159, 210, 211, 269, 443.

Адлеркрейцъ, шведскій полководецъ, стр. 139, 140.

Александръ I, Императоръ, стр. 5, 6, 7, 10, 12, 13, 19, 20, 21, 22, 23, 33, 49, 62, 85, 91, 115, 123, 124, 125, 142, 151, 157, 167, 198, 201, 202, 269, 317, 339, 425.

Александръ II, Государь Императоръ, стр. 11, 14, 20, 22, 24, 25, 26, 41, 50, 91, 95, 115, 158, 261, 267, 301, 354, 360, 428, 429.

Александръ III, Государь Императоръ, стр. 27, 78, 91, 123, 137, 168, 210, 244.

Александръ Михаиловичъ, Вел. Князь, стр. 171.

Александра Іосифовна, Вел. Княгиня, стр. 440.

Александръ, Принцъ Ольденбургскій, стр. 441.

Альба, испанскій государственный дѣя-

тель (р. 1508 г.), извѣстенъ своею жестокостью, стр. 449.

Альквистъ, Августъ, (псевдонимъ Оксаненъ), профессоръ Гельсингфорскаго университета и поэтъ, стр. 16, 141.

Альфтанъ, ген.-лейт., финляндскій сенаторъ, стр. 18.

Аминовъ, ген.-маіоръ, дѣятель времени Импер. Александра I, стр. 201, 203, 205.

Антель, Кастель, отставной полковникъ; дѣятель шведоманской партіи, стр. 16, 17, 391.

Антоній, архіепископъ Финляндскій и Выборгскій, а затѣмъ митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій, стр. 70, 213, 436, 453.

Апраксинъ, гр., владѣлъ донаціоннымъ имѣніемъ въ Выборгской губ., стр. 206.

Арвидсонъ, А. І., доцентъ Абоскаго университета, стр. 22, 30, 146.

Армфельтъ, А., графъ, министръ статсъ-секретарь, стр. 14, 24, 155, 159, 211, 323, 324, 339.

Армфельтъ, Густавъ М. Выходецъ изъ Швеціи, впослѣдствіи графъ и предсѣдатель комиссіи по финляндскимъ дѣламъ, стр. 5, 6, 7, 22, 23, 56, 149, 167, 196, 202, 203, 205, 216, 317.

Армфельтъ, К., товарищъ министра статсъ-секретаря, стр. 324, 325.

Арсеньевъ, владѣлъ донаціоннымъ имѣніемъ въ Выборгской губ., стр. 206.

Ассоновъ, В., бывшій учитель русской гимназіи въ Финляндіи, стр. 113.

Ахо, Іоганни (Бруфельтъ), беллетристъ и публицистъ, стр. 54, 55, 59, 188, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335.

Бакунинъ, извѣстный революціонеръ, стр. 346.

Бальфуръ, премьеръ-министръ Англіи, стр. 306.

Барановскій, С., проф. Гельсингфорскаго университета, стр. 121.

Барклай-де-Толли, Финляндск. генералъ-губернаторъ, стр. 68, 154.

Баръ-фонъ, писатель, стр. 33, 34.

Барятинскій, кн., владѣлъ донаціоннымъ имѣніемъ въ Выборгской губ., стр. 206.

Becker M-r le colonel, финляндецъ, стр. 56, 346.

Бергбомъ, сенаторъ, стр. 87.

Бергротъ, пасторъ, дѣятель финноманской партіи, стр. 404.

Бергъ, Ѳ. Ѳ., гр., Финляндскій генералъ-губернаторъ, стр. 159, 338.

Бергъ, Эдвардъ, историкъ и публицистъ, стр. 216, 348.

Бибиковъ, генералъ-поручикъ временъ Екатерины II, стр. 204.

Бисмаркъ, канцлеръ Германской имперіи, стр. 315.

Бломбергъ, пасторъ, стр. 180.

Блудовъ, Д. Н., гр., государственный дѣятель, стр. 14, 317.

Бобрикова, Елиз. Ив., вдова генералъ-адъютанта, финляндскаго генералъ-губернатора, стр. 440, 441.

Бобриковъ, Н. И., генералъ-адъютантъ, Финляндскій генералъ-губернаторъ и командующій войсками Финляндскаго военнаго округа, стр. 18, 44, 65, 66, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 81, 82, 83, 84, 85, 87, 89, 91, 92, 93, 97, 98, 99, 102, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 111, 112, 113, 114, 118, 119, 120, 122, 123, 124, 125, 128, 130, 131, 132, 134, 135, 142, 143, 144, 145, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 156, 160, 161, 163, 169, 171, 172, 176, 177, 178, 180, 181, 182, 185, 186, 187, 188, 190, 191, 193, 194, 195, 196, 199, 200, 214, 215, 217, 220, 221, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 233, 235, 245, 247, 248, 250, 251, 258, 259, 260, 262, 263, 264, 272, 273, 274, 281, 284, 285, 286, 288, 289, 290, 292, 293, 297, 298, 300, 303, 319, 320, 321, 322, 323, 327, 328, 330, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 353, 354, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 381, 382, 383, 384, 385, 387, 390, 394, 395, 405, 408, 409, 410, 412, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453.

Боннье, Альбертъ, основатель большой издательской фирмы въ Стокгольмѣ, стр. 370.

Борнъ-фонъ, бар., помѣщикъ; дѣятель шведоманской партіи, стр. 174, 244, 287, 362.

Ботъ, генералъ буровъ, стр. 315.

Бреггеръ, профессоръ въ Христіаніи (Норвегіи), стр. 313.

Броунъ, Гербертъ Жанвиль, американскій писатель, стр. 102, 244.

Брусъ, итальянскій проф., стр. 315.

Буксгевденъ, полководецъ, стр. 4.

Бунге, Х. Н., д. т. с., предсѣдатель комитета министровъ, стр. 66, 98, 100, 223.

Бьернбергъ, Вазаскій губернаторъ, стр. 285.

Бьернштерне-Бьернсонъ, норвежскій писатель и политическій дѣятель, стр. 387.

Бюргаузъ-фонъ, Карлъ, нѣмецкій критикъ, стр. 22.

Валевскій, гр., министръ Франціи, стр. 300.

Валпасъ, публицистъ, стр. 185.

Валуевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, стр. 317.

Ванновскій, П. С., военный министръ, стр. 78, 91.

Варрнъ, Аксель, изслѣдователь вопроса о торпаряхъ, стр. 181, 246.

Васеніусъ, В., писатель, стр. 30.

Васильевъ, (Лайненъ), ученикъ Сердобольской семинаріи, стр. 212.

Вассеръ, Израэль, докторъ медицины; профессоръ Абоскаго университета; шведъ, стр. 22, 24, 56.

Ватаци, А. А., ген.-маіоръ, С. Михельскій губернаторъ, стр. 425.

Вейсенбергъ-фонъ, А., прокуроръ сената; предсѣдатель кодификаціонной комиссіи, стр. 27, 156.

Велепольскій, марк., польскій дѣятель, стр. 301, 317.

Вендтъ, полк., стр. 14.

Вестермаркъ, Эдв., стр. 348.

Вигель, Ф. Ф., авторъ извѣстныхъ «Воспоминаній», стр. 4, 6, 204, 209.

Викторія, королева, стр. 129.

Виллебрандъ, бар., шведоманъ, стр. 348.

Вильгельмъ, императоръ, стр. 315.

Витте, С. Ю., бывшій министръ финансовъ; предсѣдатель комитета министровъ, стр. 85, 86, 87, 163, 166, 168.

Владиміръ Александровичъ, Вел. Князь, стр. 440.

Волконскій, Сер. Гр., декабристъ, стр. 4.

Вольфъ, Евгеній, бывшій англійскій вице-консулъ; дѣятель шведоманской партіи, стр. 259, 264, 268, 362.

Воронцовъ, гр., намѣстникъ Новой Россіи, стр. 6.

Воронцовъ, гр., владѣлъ донаціоннымъ имѣніемъ въ Выборгской губ., стр. 206.

Вреде, Р. А., проф. Гельсингфорскаго университета, стр. 174, 176, 244, 245, 287, 363, 391.

Вяземскій, ген.-лейт., кн., Членъ Государственнаго Совѣта, стр. 91.

Гадолинъ, стр. 17.

Гамбетта, извѣстный дѣятель Франціи, стр. 177.

Гартманъ,-фонъ, Ф., сенат., стр. 14, 15, 23, 159.

Гартманъ, сенаторъ и ландмаршалъ, стр. 16, 60, 174, 242, 245.

Гарфильдъ, президентъ С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, стр. 450.

Гединъ, Свенъ, извѣстный изслѣдователь Средней Азіи и писатель, стр. 364.

Гейденстамъ, писатель Швеціи, стр. 313.

Гейденъ, Ѳ. Л., гр., Финляндск. генералъ-губернаторъ и командующій войсками Финл. военнаго округа, стр. 27, 244, 255, 272.,

Гейеръ, Эрикъ, историкъ Швеціи, стр. 22.

Гейкуръ, Михаилъ, стр. 404.

Georges (псевдонимъ), писатель, стр. 103, 369.

Германсонъ, Р., проф. Гельсингфорскаго университета, стр. 47, 51, 53, 275, 326, 361.

Герценъ, сынъ извѣстнаго русскаго эмигранта и даровитаго публицыста А. И. Герцена. стр. 346.

Геслеръ, гр., ландфохтъ швейцарскихъ кантоновъ Швица и Ури, стр. 450.

Гетцъ, генералъ-прокуроръ Норвежскаго королевства, стр. 361.

Гильфердингъ, писатель-славянофилъ, стр. 6.

Годенгельмъ, писатель, стр. 17, 330.

Головинъ, В., чиновникъ финляндскаго статсъ-секретаріата, стр. 326.

Голохвастовъ, уѣздный предводитель дворянства, стр. 25.

Гончаровъ, С. О., помощникъ Финляндскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками Финл. воен. округа; членъ Военнаго Совѣта, стр. 120, 424.

Горчаковъ, М. Д., кн., намѣстникъ Царства Польскаго, стр. 301.

Горчаковъ, А. М., кн., канцлеръ, стр. 301, 317.

Горькій, Максимъ, писатель, стр. 339.

Грановскій, извѣстный профессоръ Московскаго университета, стр. 35.

Гренгагенъ, отставной офицеръ, стр. 326.

Гришенбергъ, сенаторъ, (псевдонимъ Nemo), стр. 175, 363, 398.

Гротъ, Я. К., академикъ, стр. 14, 121.

Гумбертъ, король Италіи, стр. 450.

Гуммерусъ, магистръ, стр. 298.

Гурко, І. В., варшавскій генералъ-губернаторъ, стр. 426, 427, 431.

Густавъ II, Адольфъ, стр. 53, 136, 204.

Густавъ III, стр. 75, 136, 201.

Густавъ IV, Адольфъ, стр. 203.

Дальбургъ, Густавъ, пасторъ, стр. 395.

Даніельсонъ, І. Р., проф. Гельсингфор-

скаго университета, стр. 175, 361, 362, 393, 396, 397, 398, 399.

Дёбельнъ, шведскій полководецъ, стр. 139, 140.

Деветъ, бурскій генералъ, стр. 315,

Дейтрихъ, В. Ѳ., помощникъ Финляндскаго генералъ-губернатора, стр. 180, 424, 440.

Деларей, бурскій генералъ, стр. 315.

Деспанье, Францъ, проф. во Франціи, стр. 33, 361.

Долгорукій, кн., владѣлъ донаціоннымъ имѣніемъ въ Выборгской губ., стр. 206.

Драке, Эрикъ, писатель Швеціи, стр. 364.

Евгенія, императрица, стр. 301.

Евгенія Максимиліановна, Принцесса, стр. 441.

Екатерина I, стр. 197.

Екатерина II, стр. 4, 5, 48, 125, 197, 200, 201.

Елена Павловна, Вел. Кн., стр. 317.

Еленевъ, Ѳ. П., тайный совѣтникъ, писатель, стр. 31, 104.

Елисавета Ѳеодоровна, Вел. Кн., стр. 440.

Елисавета, императрица Австрійская, стр. 450.

Елисѣевъ, А. В., извѣстный путешественникъ, докторъ медицины, стр. 370.

Жуковскій, В. А., поэтъ, стр. 35.

Заіончковскій, польскій генералъ, стр. 6.

Закревскій, Арс. А., Финляндскій генералъ-губернаторъ, стр. 8, 123, 318, 443.

Замойскій, Андрей, гр., видный политическій дѣятель Польши, стр. 301.

Зейнъ, Ф. А., полк., директоръ канцеляріи финляндскаго генералъ-губернатора, стр. 425.

Игельстремъ, отставной офицеръ, стр. 326.

Игнатьевъ, Н. П., гр., генералъ-адъютантъ; членъ Государственнаго Совѣта, стр. 91.

Игнатьевъ, А. П., гр., генералъ-адъютантъ; членъ Государственнаго Совѣта, стр. 161.

Іерне, Гаральдъ, профессоръ исторіи въ Швеціи, стр. 362.

Іессенъ-фонъ, датскій журналистъ, стр. 31.

Іогансонъ, архіепископъ, стр. 395.

Іонсонъ, Э., (Сойсалонъ-Сойнининенъ), прокуроръ сената; стр. 178, 179, 222, 294, 405, 440.

Кайгородовъ, М. К., ген.-маіоръ, Нюландскій губернаторъ, стр. 273, 274, 283, 425.

Каламніусъ, Ильмаръ, стр. 188.

Калоніусъ, проф. Абоскаго университета, стр. 53.

Карамзина, Авр., статсъ-дама, стр. 319, 372.

Карамзинъ, Н. М., исторіографъ, стр. 6.

Карлейль, Томасъ, англійскій историкъ, стр. 395,

Карлъ XII, король Швеціи, стр. 53, 136.

Карно, президентъ Франціи, стр. 450.

Кастрéнъ, І., адвокатъ, стр. 175, 362, 385.

Кастренъ, Робертъ, историкъ, стр. 199, 216.

Катковъ, М. Н., извѣстный публицистъ, стр. 3, 435.

Квантенъ-фонъ, Эмиль, (псевдонимъ Peder-Särkilax), писатель; шведскій подданный, уроженецъ Финляндіи, стр. 34, 56, 307, 346.

Клингспоръ, Маурицъ, гр., шведскій полководецъ, стр. 137.

Книповичъ, Ф. М., н. с., Вазаскій губернаторъ, стр. 425.

Княжевичъ, министръ финансовъ, стр.10.

Козьмянъ, Станиславъ, польскій историкъ, стр. 300, 318.

Коковцовъ, В. Н., ст.-секр., министръ финансовъ, стр. 170.

Колланъ, Фабіанъ, стр. 11.

Колланъ, Альбинъ, стр. 298.

Константинъ Николаевичъ, Вел. Князь, стр. 317.

Коптевъ, писатель, стр. 370.

Коскиненъ-Ирье, З., сенаторъ, историкъ, глава старофинномановъ, стр. 137, 175, 247, 249, 250, 251, 385, 393, 396, 397.

Коскиненъ-Ирье, И. К., начальникъ главнаго управленія учебныхъ заведеній, стр. 326.

Котенъ, губернаторъ и сенаторъ, стр. 14, 121, 122.

Крамаренко, жандармскій подполковникъ, стр. 180, 440.

Кремеръ-фонъ, ген.-маіоръ, Абоскій губернаторъ, стр. 283, 285.

Кремеръ, К. О., ген.-ад., членъ Государственнаго Совѣта, стр. 325.

Кронгельмъ, А., гр., начальникъ Финляндскаго главнаго управленія по дѣламъ печати, стр. 16.

Кронстедтъ, тайный сов., сенаторъ, стр. 155.

Крыловъ, извѣстный баснописецъ, стр. 34.

Кудрякова, М. А., первая начальница Русскаго Дѣтскаго Сада въ Гельсингфорсѣ, стр. 73.

Кульневъ, Як. П., русскій генералъ, герой 1808—1809 и 1812 гг., стр. 139, 140.

Куропаткинъ, А. Н., военный министръ, стр. 77, 85, 91, 258.

Лагарпъ, швейцарецъ; воспитатель Императора Александра I, стр. 5, 21, 24.

Лагербладъ, Э., составитель учебника географіи, стр. 137.

Лагерборгъ, публицистъ, стр. 18.

Лагусъ, Робертъ, писатель, юристъ, стр. 198, 199.

Лагусъ, Габріэль, писатель по юридическимъ и историческимъ вопросамъ; былъ ректоромъ университета, стр. 203.

Ламбертъ, графъ, Намѣстникъ Царства Польскаго, стр. 301.

Лангеншельдъ, сенаторъ, стр. 292.

Лангъ, Абоскій губернаторъ, стр. 408.

Лейно, Э., писатель, стр. 54, 55, 59, 242.

Леманъ, стр. 167.

Leroy-Beaulieu, профессоръ исторіи и публицистъ, стр. 48.

Ливенъ, К., князь, министръ народнаго просвѣщенія, стр. 13.

Лилле, Аксель, редакторъ шведоманской газеты «Nya Pressen» и журнала «Nordisk Revy», стр. 31, 175, 351, 363, 385.

Линделевъ, стр. 17.

Линдеръ, К. К., вице-президентъ сената, а затѣмъ министръ статсъ-секретарь, стр. 131, 422.

Линкольнъ, президентъ С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, стр. 450.

Лорисъ-Меликовъ, гр., стр. 210.

Лукинъ (Канерво), ученикъ Сердобольской семинаріи, стр. 212,

Люлю, Юліусъ, докторъ правъ, редакторъ, стр. 214, 268, 292, 293.

Максимовъ, кап., помощникъ полиціймейстера, стр. 283.

Макъ-Кинлей, президентъ С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, стр. 450.

Манассеинъ, сенаторъ, министръ юстиціи, стр. 68.

Мандерштернъ, генералъ, стр. 14.

Маннергеймъ, К., стр. 22, 274, 299, 300, 362.

Манштейнъ, стр. 136.

Марія Ѳеодоровна, Государыня Императрица, стр. 441.

Марковъ, Ев., писатель, стр. 370.

Меншиковъ, А. С., Финляндскій генералъ-губернаторъ, стр. 58, 59, 242,

Мерманъ, А., публицистъ и дѣятель старофинской партіи, стр. 122, 396, 399, 400.

Мессарошъ, П. И., публицистъ, стр. 261.

Меттернихъ, австрійск. дипломатъ, стр. 6.

Мехелинъ, Л., стр. 16, 18, 156, 234, 262, 267, 268, 169, 270, 308, 322, 326, 348, 350, 361, 373, 378, 415.

Милица Николаевна, Вел. Кн., стр. 440.

Милютинъ, Д. А., гр., военный министръ, стр. 78, 79, 82, 83, 210.

Милютинъ, Н. А., государственный дѣятель, стр. 317.

Михаилъ Николаевичъ, Вел. Кн., стр. 91, 98, 100.

Михайловъ, С. К. (Бородкинъ), стр. 19.

Мицкевичъ, польскій поэтъ стр. 50, 302.

Монтгомери, профессоръ; прокуроръ сената, стр. 17, 174, 244.

Мункъ, губернаторъ, стр. 285,

Муравьевъ, М. Н., гр., (Виленскій), стр. 261, 318, 443.

Мусинъ-Пушкинъ, гр., владѣлъ донаціоннымъ имѣніемъ въ Выборгской губ., стр. 206.

Мюрéнъ, проф. Абоскаго университета, стр. 16.

Мясоѣдовъ, Н. А., д. с. с., Выборгскій губернаторъ, стр. 179, 214, 286, 425, 440.

Нансенъ, извѣстный путешественникъ, стр. 313.

Наполеонъ I, стр. 4, 5, 7, 62, 129, 205, 301.

Наполеонъ III, стр. 300.

Наполеонъ, Принцъ, (Плонъ-Плонъ), стр. 301.

Нарышкинъ, стр. 206.

Неклюдовъ, т. с., извѣстный юристъ, стр. 223.

Неовіусъ, докторъ, стр. 247.

Неовіусъ, Арвидъ (А. Вернеръ), редакторъ «Fria Ord», стр. 289, 295, 362.

Нервандеръ, проф. Гельсингфорскаго университета, стр. 23.

Нессельроде, канцлеръ, стр. 6, 317.

Николай I, Государь Императоръ, стр. 13, 22, 23, 34, 37, 50, 58, 137, 198, 269, 317, 359.

Николай, архіепископъ Финляндскій и Выборгскій, стр. 214.

Николай Николаевичъ, Вел. Кн. стр. 440.

Норденстамъ, сенаторъ, стр. 24, 25.

Норденшельдъ, Адольфъ, извѣстный путешественникъ, стр. 18, 308, 309, 312, 313, 424.

Nordman, P., составитель учебника исторіи, стр. 137.

Норманъ Хансенъ, датскій профессоръ, стр. 313, 314.

Норманъ, Генри, англійскій писатель, членъ парламента, 352, 353.

Нэпиръ, лордъ, стр. 317.

Нюхольмъ, датскій юристъ, стр. 361.

Огинскій, гр., стр. 6.

Олофъ, шведскій военачальникъ, стр. 95.

Ординъ, К. Ф., гофмейстеръ; авторъ соч. «Покореніе Финляндіи», стр. 359, 361.

Otherley Iones, стр. 306.

Павелъ I, Императоръ, стр. 201.

Паллинъ, составитель учебника исторіи, стр. 138.

Пальмéнъ, профессоръ Гельсингфорскаго университета, стр. 11, 412.

Пальменъ, профессоръ и прокуроръ сената, стр. 22.

Пальмротъ, товарищъ министра статсъ-секретаря, стр. 83.

Папковъ, А. А., д. с. с., Тавастгускій губернаторъ, стр. 425, 440.

Pekka Malm, стр. 349.

Перротъ, Харри (Гаральдъ), редакторъ финляндскаго изданія въ Лондонѣ, стр. 306, 349.

Пестель, П. И., декабристъ, стр. 6, 7.

Петровъ, ген., членъ Государственнаго Совѣта, стр. 168.

Петръ Великій, стр. 4, 5, 6, 50, 92, 138, 141, 197, 199, 200, 205, 210.

Петръ Николаевичъ, Вел. Кн., стр. 440.

Плеве, В. К., министръ статсъ-секретарь, стр. 38, 85, 89, 91, 92, 94, 97, 103, 111, 114, 124, 126, 130, 144, 145, 148, 149, 151, 152, 176, 178, 181, 186, 189, 190, 191, 199, 200, 215, 216, 217, 218, 219, 221, 222, 223, 224, 225, 227, 228, 229, 230, 231, 233, 235, 236, 245, 257, 260, 262, 274, 275, 279, 281, 285, 286, 292, 296, 297, 300, 319, 320, 321, 324, 340, 343, 344, 372, 373, 374, 375, 377, 378, 381, 382, 384, 386, 394, 405, 415, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 428, 430, 434, 441.

Плетневъ, П. А., академикъ, стр. 14, 120.

Побѣдоносцевъ, К. П., оберъ-прокуроръ синода, стр. 80.

Поццо-ди-Борго, дипломатъ, стр. 6.

Прокопе, ген.-лейт., товарищъ министра статсъ-секретаря, стр. 259.

Пушкинъ, А. С., поэтъ, стр. 50, 108, 141.

Ребиндеръ, Робертъ, министръ статсъ-секретарь, стр. 7, 13, 20, 22, 196, 198, 199, 204, 206, 216, 323.

Рейникка, стр. 179.

Рейнъ, ректоръ, стр. 16.

Рейнъ, Т., проф. и вице-канцлеръ Гельсингфорскаго университета, стр. 30.

Рейтеръ, І. Н., стр. 348.

Ремъ, профессоръ въ Эрлангенѣ, стр. 102, 352, 362.

Ренваль, проф., стр. 348.

Репинъ, кн., стр. 206.

Робергъ, епископъ, стр. 70.

Рокасовскій, финляндскій генералъ-губернаторъ, стр. 10, 155.

Рорбахъ, П., стр. 352.

Росенборгъ, І. В., проф. Гельсингфорскаго университета, стр. 23.

Ротчиркъ, сенаторъ, стр. 156.

Рубинштейнъ, піанистъ, стр. 93.

Рунебергъ, І. Л., поэтъ, стр. 134, 138, 139, 140, 141, 271, 272, 302, 316, 334, 408.

Рябовъ, Петръ, Рокиляйненъ, ученикъ Сердобольской семинаріи, стр. 212.

Салтыковъ, гр., стр. 206.

Самаринъ, Юр. Өед., славянофилъ, стр. 4, 60.

Сандельсъ, шведскій полководецъ, стр. 139, 140.

Сандръ (Тавастшерна), подполк., стр. 326.

Сванбекъ, О. Л., стр. 446.

Седергольмъ, Т., стр. 391.

Седергельмъ, прокуроръ сената, стр. 249, 422.

Söderhjelm, профессоръ Гельсингфорскаго университета, стр. 311.

Seisey, А., французскій публицистъ, стр. 347.

Св. Сергій и Германъ, стр. 214.

Сергѣевскій, Н. Д., профессоръ, сенаторъ, стр. 101, 224.

Сергѣй Александровичъ, Вел. Кн., стр. 440.

Сетелэ, проф. Гельсингфорскаго университета, стр. 109, 188.

Сигмеусъ, педагогъ, стр. 11.

Сильверсванъ, стр. 17.

Сипягинъ, Д. Н., министръ внутреннихъ дѣлъ, стр. 91.

Скринъ, Ф., англійскій писатель, стр. 354, 355.

Снельманъ, І. В., профессоръ, публицистъ, сенаторъ, стр. 16, 24, 30, 37, 51, 56, 93, 159, 163, 242, 246.

Сперанскій, М. М., стр. 12, 31, 148, 205. 215, 216.

Спонгбергъ, Вальфридъ, публицистъ Швеціи, стр. 321.

Спренгтпортенъ, Г. М., финляндскій генералъ-губернаторъ, стр. 7, 120, 154, 201, 202.

Старжинскій, полякъ, стр. 317.

Стренгъ, т. сов., президентъ Абоскаго гофгерихта, стр. 285, 393.

Стэдъ, Т., англійскій публицистъ, стр. 102, 103, 219, 352, 353, 354.

Сухозанетъ, военный министръ, стр. 301.

Тавастшерна, К., писатель, стр. 335.

Tegnér, Е., историкъ Швеціи, стр. 202.

Тенгстремъ, епископъ, стр. 148.

Толстой, Л. Л., писатель, стр. 370.

Топеліусъ, З., профессоръ, публицистъ, поэтъ, стр. 118, 135, 136, 137, 209, 334, 440.

Торквемадо, инквизиторъ, стр. 443, 449.

Траріе (L. Trarieux.), сенаторъ Франціи, стр. 310, 311, 314, 424.

Троиль, ладмаршалъ, стр. 84.

Трубецкой, кн., стр. 206.

Тудеръ, К. вице-президентъ сената, стр. 218, 251, 340, 422.

Турбинъ, Н. М., генер., помощникъ командующаго войсками финл. воен. округа, стр. 425.

Укко (псевдонимъ), стр. 326.

Ав. Урсинъ, Н. Р., стр. 348.

Утинъ (Сорза), ученикъ Сердобольской семинаріи, стр. 212.

Фалькенеггъ, Баронъ фонъ, нѣмецкій публицистъ, стр. 352, 355.

Фирсовъ (Форселлесъ), стр. 326.

Флюгтъ, Ванъ-деръ, профессоръ, стр. 314.

Форсманъ, ректоръ Гельсингфорскаго университета, стр. 147.

Фразеръ, отставной капитанъ гвардіи, стр. 326.

Фредериксенъ, Н. К. датскій писатель, стр. 18.

Фришъ, Э. В., предсѣдатель департамента Государственнаго Совѣта, стр. 125, 163, 164.

Фурнье, стр. 317.

Фуругельмъ, губернаторъ, стр. 285.

Хагелстамъ, книгопродавецъ, стр. 175.

Халлонбладъ, стр. 212.

Херцбергъ, Рафаэль, поэтъ, стр. 141.

Hjelt, ректоръ Гельсингфорскаго университета, стр. 147.

Хисингеръ, Э. бар., стр. 60.

Хохенталь, Карлъ, убійца прокурора сената Іонсона, стр. 178, 294.

Хультъ, составитель учебника географіи, стр. 137.

Цилліакусъ, Конни, стр. 175, 288, 294, 312, 313, 363, 385, 386.

Чарторійскій, Адамъ, стр. 5, 317.

Чернышевъ, И. Г. гр., стр. 200, 206.

Чичеринъ, Б., профессоръ Московскаго университета, стр. 35.

Шараповъ, С. Ѳ., публицистъ, стр. 128.

Шауманъ, Б., членъ сейма, стр. 18.

Шауманъ, Ф. Л., профессоръ Гельсингфорскаго университета, стр. 23.

Шауманъ, полковн., стр. 94.

Шауманъ, В., бывшій сенаторъ и генералъ генеральнаго штаба, стр. 290, 292, 293.

Шауманъ, Павелъ, стр. 293.

Шауманъ, Евгеній, убійца ганер. Бобрикова, стр. 293, 298, 437, 438, 439, 443, 444, 447, 448, 449, 450, 451, 452.

Шернваль-Валленъ, министръ статсъ-секретарь, стр. 23, 82, 83, 210, 323, 324.

Шиллеръ, поэтъ Германіи, стр. 450.

Шипова, Софья Петровна, урожденная Ланская, супруга генер. Н. Н. Шипова, стр. 424.

Шиповъ, Н. Н., ген.-лейт., помощникъ генералъ-губернатора и командующаго войсками, стр. 93, 185, 273, 341, 424, 425, 428.

Штейнгель, финляндскій генералъ-губернаторъ, стр. 70, 198, 443.

Штейнъ, стр. 5, 6.

Шуваловъ, генер., гр., стр. 62.

Шуваловъ, Выборгскій губернаторъ, стр. 203, 206.

Шюбергсонъ, М. Г., профессоръ исторіи Гельсингфорскаго университета, стр. 137, 138.

Шюбергсонъ, З., директоръ банка, стр. 391.

Щекинъ, стр. 136.

Эбердеръ, лордъ, стр. 243.

Эклундъ, стр. 16.

Энебергъ, сенаторъ, стр. 222.

Эрвастъ, стр. 56, 57, 58.

Эрко, Эро, публицистъ и поэтъ, стр. 175. 294, 329, 334,

Эрнротъ, Густавъ, генер.-маіоръ, стр. 12.

Эрштремъ, Э. А., товарищъ министра статсъ-секретаря, стр. 222.

Эстландеръ, профессоръ Гельсингфорскаго университета, стр. 56, 311.

Яснопольскій, проф., стр. 43.

Ятиненъ, стр. 18.

Замѣченныя опечатки.

На	13	стран.	11	стр.	сверху	—блогороднаго	надо—благороднаго.
»	16	»	1	»	»	—его	» —*ихъ*
»	24	»	33	»	»	—1862	» —въ 1862
»	28	»	17	»	»	—законодательства	» —и законодательства.
»	29	»	30	»	»	—подобномь	» —подобномъ
»	31	»	32	»	»	—признается	» —*какъ-бы* признается
»	40	»	15	»	»	—перечесть	» —пересчитать
»	43	»	37	»	»	—ясно	» —Ясно *что*
»	52	»	3	»	снизу	—воевать съ Россіей	» —воевать *вмѣстѣ* съ Россіей.
»	61	»	5	»	»	—особаго флота	» —особаго *военнаго* флота.
»	126	стран.	не надо маленькой цифры *145*.				
»	128	»	22	стр.	сверху	—петиціи	надо—петицій
»	141	»	241	»			» —214 (цифра примѣчанія)
»	190	»					надо—Плеве писалъ къ Бобрикову.
»	206	»	28	»	сверху	—обрусѣніе	надо—*разрусѣніе*
»	212	»	19	»	»	—дѣсятокъ	» десятокъ
»	215	» примѣч. 299 надо 293.					
»	286	»	» 341	»	344.		